АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

Георгий Алексеевич
Д З И Д З А Р И Я

• Т Р У Д Ы •

III Т О М

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АБХАЗИИ В XIX ВЕКЕ

(ДО КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1870 г.)

А б И Г И
С у х у м – 2 0 1 6

УДК 94(5)
ББК 63.3 (5Абх)5я54
Д43

Утверждено Ученым советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

Редакционная коллегия:
Авидзба В. Ш., Авидзба А. Ф., Бгажба О. Х., Куправа А. Э., Лакоба С. З., Салакая С. Ш., Хашба А. М., Чкок-Эшба Э. М.

Научный редактор:
Салакая С.Ш. – кандидат исторических наук.

Георгий Алексеевич Дзидзария.
Труды. III том. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 г.)/ Г. А. Дзидзария;
АНА АбИГИ им. Д.И. Гулиа. – Сухум: Дом печати, 2016 г. – 600 с.
Г/р 978-5-111-02-02016.

В третий том «Трудов» Г. А. Дзидзария включена монография «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в (до крестьянской реформы 1870 г.)» (1958). Это - одна из вершин абхазской исторической науки самая капитальная работа по исследуемой проблеме.

Книга рассчитана на специалистов-историков, студентов и всех, интересующихся историей Абхазии.

© АбИГИ им. Д.И. Гулиа, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

В третий том «Трудов» Г. А. Дзидзария включена монография «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в (до крестьянской реформы 1870 г.)»[1], представляющая собой книжный вариант защищенной в том же году в Тбилиси докторской диссертации. Историю народного хозяйства и социальных отношений в Абхазии в первой половине XIX века Г. А. Дзидзария изучил с подлинным увлечением и большой тщательностью. Критический подход к использованным источникам, академическая добросовестность и высокая ответственность дали ему возможность основательно осветить социально-экономическую историю дореформенной Абхазии и прийти к целому ряду научных выводов, получивших признание. В монографии на основе большого архивного и мемуарного материала, а также данных этнографии, фольклора и языка, автор исследует следующие вопросы: 1) территория и население Абхазии в первой половине XIX в.; 2) народное хозяйство Абхазии; 3) сдвиги в экономике Абхазии в предреформенный период; 4) классовая структура феодальной Абхазии; 5) упразднение владетельской власти и введение русского управления; 6) борьба трудящихся Абхазии против феодального и колониального гнёта[2].

«Народное хозяйство…» является одной из вершин абхазской исторической науки. Она содержит много ценнейшего материала и таким образом содействует значительному расширению наших представлений об истории Абхазии XIX века. Конечно, в ней имеются и

[1] Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.). – Сухуми, 1958.

[2] Куправа А. Э. Георгий Алексеевич Дзидзария (К 90-летию со дня рождения). – Сухум, 2006. – С. 59.

определённые недостатки, главным образом связанные с общими недостатками, характерными для советской марксистской историографии. В первую очередь, это касается чрезмерного преувеличения классового фактора. Также имелись и так называемые «местные» особенности – обязательное увязывание с грузинской историей и т.д. Однако в целом работа является крупнейшим исследованием социально-экономической истории Абхазии XIX в. и, наверно, ещё долго останется таковой.

Уже в первой небольшой главе – «Территория и население абхазского княжества» – даны характеристики абхазских этнических подразделений, а также сделана попытка определения численности населения Абхазии в XIX в. Используя данные авторов XIX в. и позднейших исследователей, Дзидзария приходит к выводу, что численность населения Абхазии была примерно 100–150 тыс. человек. Причём, что интересно, наименьшее число жителей Абхазии в 30–40 тыс. дают грузинские исследователи, хотя даже принятая Дзидзария цифра, вероятно, значительно занижена.[1]

В разделе, посвящённом сельскому хозяйству, рассмотрено полеводство, виноградарство и виноделие, плодоводство, животноводство, пчеловодство, охота и рыболовство. Исследователь тщательно характеризует состояние земледелия, виды сельскохозяйственных культур, земледельческую технику, определяет место и значение тех или иных отраслей сельского хозяйства в экономической жизни Абхазии. в разделе «домашняя промышленность и ремесло» отмечает Г. А. Дзидзария что продукция домашнего производства и промышленности была предназначена для удовлетворения личных потребностей производителя или предназначалась феодалу в качестве отбывания повинности и практически никогда не предназначалась для продажи. То есть вся эта отрасль носила натурально-потребительский характер. Автор также указывал, что ремесло ещё не отделилось от земледелия.

Сделанный Г. А. Дзидзария анализ классовой структуры дореформенной Абхазии имел большое значение для абхазской исторической науки, следовавшей ему на протяжении почти всего советского периода. Он отмечал, что Абхазия в предреформенный период

[1] Салакая С. Ш. Вопросы истории Абхазии XIX – начала XX века в абхазской советской историографии. Сухум, 2009. – С. 48.

оставалась краем господства феодальных отношений и натурального хозяйства с весьма слабым развитием торговли и городской жизни. Здесь всё ещё ощущались родовые пережитки и патриархально-общинные традиции. С одной стороны, существовала владетельская власть и иерархия сословий, с другой – противоречащая феодализму абхазская община в её своеобразной форме. В Абхазии не было общинной собственности на пахотные земли: каждый крестьянин имел свои участки усадебной и пахотной земли, закреплённые за ним. При этом крестьяне были объединены в сельские общины; в общинном пользовании находились леса и пастбища; в общину включались и феодалы, что носило черты дофеодального быта.

Учёный начинает анализ с господствующего класса, выделяя при этом в отдельные параграфы владетельского князя, князей (аҭауад), дворян (аамыс0а). Исследователь, в частности, отмечал, что владетель Абхазии (аҳ) имел высшую военную и административную власть, представлял княжество во внешних делах, считался главой страны, и всё население считало себя его подданным. Однако далее указывалось на то, что власть владетеля часто носила номинальный характер по причине раздробленности княжества и феодальных междоусобиц. Власть правителя прежде всего опиралась на военную силу, в его руках находился также определённый государственный аппарат, – владетельный князь также являлся верховным судьёй, а остальные судьи избирались народными сходами при его участии. В пользу владетеля изымалась часть налогов, например, за право пастьбы скота на лугах горных пастбищ и т.д., пошлина за вывоз и ввоз товаров, определённая пеня за различные преступления и т.д. Конечно, всё влияние владетельного князя определялось силой, на которую он опирался. В частности, автор справедливо указывает на то, что власть последнего абхазского владетеля М. Г. Шервашидзе-Чачба заметно усилилась благодаря поддержке со стороны России, однако при этом, как только он перестал быть необходимым России, его лишили власти, а Абхазское княжество было упразднено.

Исследователь отмечал, что княжеское сословие являлось высшим среди феодалов (тауад, не имеющий аамыста, не есть тауад). Среди князей он выделяет удельных князей, хотя отмечает, что их статус не был определён. Далее останавливается на дворянах (аамыста), отмечая при этом неоднородность различных категорий дворян – выс-

шее место среди них занимали так называемые «чистые» или «настоящие» исконные дворяне. Многочисленную группу составляли мелкие аамыста, которые распадались на ряд категорий. При этом отмечается, что некоторые из дворян, например, такие как Кац и Хасан Маан, занимали первенствующее положение в княжестве.

Промежуточному сословию между дворянством и крестьянами – ашнакума Дзидзария даёт определение «стремящиеся к дворянству», которое прижилось в исторической науке. Он показал, что, несмотря на однокоренное происхождение термина с грузинским *шинакма*, они диаметрально противоположны: абхазские *ашнакума* выделились из крестьянства и превратились в отдельное сословие, в то время как в Грузии *шинакма* составляли самую низшую категорию крестьян.

С тщательностью и полнотой, опираясь на большой фактический материал, Г. А. Дзидзария исследует категории крестьян: анхаю, ахоую, ахашвала, амацуразку и азаты. Он выясняет условия возникновения и формирования каждой из указанных категорий, различия между ними в правовом и экономическом отношении, удельный вес каждой из них в общей массе крестьянства, отношение их к владетелю, подати и повинности, лежавшие на них[1].

Около 2/3 всей крестьянской массы Абхазии составляли анхаю. Автор приводит выдержки из многочисленных источников, которые утверждали, что *анхаю* являлись свободными крестьянами, собственниками земли и т.д., и что их зависимость от феодалов носит внеэкономический характер. Сам Г. А. Дзидзария придерживался мнения, что крестьяне – *анхаю* были зависимым элементом, и что шёл процесс их дальнейшего закабаления.

Наиболее спорным моментом в исследовании крестьянства являются вопросы земельной собственности. Г. А. Дзидзария придерживается точки зрения, что в Абхазии существовала феодальная собственность на землю, следовательно, и крепостные отношения, хотя и отмечает, что из-за низкого уровня социально-экономического развития они не достигли ещё высокого уровня. Это утверждение ныне весьма активно отрицается, в особенности в отношении анхаю. Собственно крепостными крестьянами, по мнению Дзидзария, являлись ахоую, известные также под наименованием «агыруа». Он считал их таковыми, так как они, по убеждению учёного, должны были

[1] Куправа А. Э. Георгий Алексеевич Дзидзария. – С. 61.

не только отбывать натуральные повинности, но и не являлись собственниками земли, которая давалась им лишь в условное владение. Число повинностей, отбываемых ахоую, было достаточно велико: это и барщина (апкара), приношение владельцу продуктов и предметов домашнего промысла, своеобразный вид калыма, отдача в услужение в дом помещика детей, приготовление пищи и т.д. Все эти данные, приведённые Г. А. Дзидзария, позволили ему сделать вывод, что, несмотря на утверждения дореволюционных авторов, *ахоую* действительно являлись крепостными. Особую, небольшую группу феодально-зависимого населения Абхазии составляли *амацуразку*, которые, говоря языком официальных документов, составляли среднее крестьянское сословие между *анхаю* и *ахоую*. На них в основном лежала обязанность прислуживать феодалам. *Амацуразку* стояли по объёму своих гражданских прав выше, чем ахоую и, как считал Дзидзария, являлись, по-видимому, наиболее закрепощённой частью анхаю, но ещё не перешедших в разряд крепостных *ахоую*. На последней ступени социальной лестницы Абхазии стояла категория домашних рабов – *ахашвала* или *атвы*.

Исследовал Дзидзария и некоторые другие аспекты социальной жизни, например, *асасство* – в данном случае не только гостеприимство, но и переход из одной общины в другую и все нормы, связанные с этим переходом.

Весьма интересны две последние главы монографии – «Упразднение владетельской власти и введение русского управления» и «Борьба трудящихся Абхазии против феодального и колониального гнёта». В первой из них Дзидзария характеризует политику России и владетельного князя Михаила на завершающем этапе Кавказской войны. Упразднение абхазского княжества он увязывает с завершением этой войны, после которой отпала необходимость в существовании «автохтонного абхазского царства». В целом автор справедливо указывает на то, что упразднение абхазского княжества являлось продолжением политики царской России по дальнейшей колонизации Абхазии и Кавказа в целом. Однако его оценка относительно исторической прогрессивности ликвидации абхазского княжества как пережиточного феодального образования вряд ли является оправданной. Упразднение абхазской государственности негативно сказалось на дальнейшей исторической судьбе абхазского народа.

В главе, посвящённой антиколониальной борьбе трудящихся, основное место занимает Лыхненское восстание. Это и другие выступления Г. А. Дзидзария рассматривает с классовых позиций, видит в них отголоски социальной и классовой борьбы, а также указывает на то, что основной движущей силой народных выступлений являлось крестьянство, которое одновременно вело борьбу как с царскими колонизаторами, так и с местными феодалами. Участие же представителей господствующих слоёв в этих движениях он рассматривает как случайное явление или как попытку феодальной верхушки вернуться к прежним порядкам. Написанные в духе традиционной советской историографии, эти моменты, в которых чрезмерно выпячивается классовый подход, являются сейчас наиболее спорными и не только в данной монографии, но, наверно, почти во всех работах Г. А. Дзидзария и вообще абхазской историографии советского периода, что в целом понятно и объяснимо.[1]

Две последние главы несколько выпадают из общего контекста монографии «Народное хозяйство и социальные отношения…» и поэтому во второе издание, включённое в первый том трудов Г. А. Дзидзария, они не вошли («Труды» вышли посмертно, но были подготовлены самим автором)[2]. В настоящем издании решением Ученого Совета АбИГИ и редколлегии «Трудов» монография печатается без сокращений по изданию 1958 года.

С.Ш. Салакая

[1] Салакая С. Ш. указ. соч. – С. 54-55.

[2] Дзидзария Г. А. Труды. Т. I. – Сухуми, 1988.

ВВЕДЕНИЕ

Исторический материализм рассматривает историю общества как строго закономерный процесс, главной же силой, творящей историю, считает народ, трудящиеся массы, создающие все материальные блага и культурные ценности.

В. И. Ленин указывал, что «первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся»[1].

Исторические решения XX съезда КПСС обязывают историков усилить внимание к проблемам истории трудящихся масс, к проблемам экономической истории, развернуть глубокое и всестороннее исследование истории социально- экономических отношений.

В истории Абхазии изучаемого периода, как и всей Грузии, основным населением и решающей производительной, созидательной, творческой силой являлось крестьянство. Следовательно, подлинное научное изучение истории края невозможно без должной разработки всех тех вопросов, которые связаны с деятельностью этих непосредственных производителей.

Между тем указанная проблема в целом остается еще почти неисследованной, а наиболее отсталым участком даже в смысле чисто фактического изучения является экономическая история. Тем не менее, мы располагаем некоторым количеством работ, среди которых имеются и отдельные ценные труды. Обзор литературы предмета и ее критический разбор будут даны в последующем изложении, по мере изучения того или иного конкретного вопроса. Важнейшими надо считать работы[2]: из дореволюционных авторов – Ф. Ф. Торнау, Н. Ф. Дубровина, С. Л. Авалиани и С. С. Эсадзе; из советских историков –

[1] Ленин В. И. Соч., т. 29. – С. 334.

[2] Название этих работ см. в перечне источников и литературы.

Г. В. Хачапуридзе, Ш. К. Чхетия, А. В. Фадеева, А. А. Олонецкого и др. Отдельные вопросы темы освещены и нами в ранее опубликованных трудах, а в книге «Восстание 1866 года в Абхазии» охвачен и более или менее широкий круг этих вопросов.

По вопросу о степени развития социально-экономической жизни Абхазии в дореволюционной литературе, в том числе и документальной, в основном существует два направления. Часть авторов, например, чиновники царской администрации, по определенным политическим соображениям, рисовала общественный строй абхазцев, как и некоторых других народов Кавказа (адыгейцев, кабардинцев и пр.), гораздо более примитивным, чем он был в действительности. Стремясь к архаизации общественного строя абхазцев, она отрицала по существу феодальное землевладение в Абхазии и считала господствующими здесь родовые отношения. Иные же авторы, напротив, преувеличивали уровень развития общественного строя, механически перенося социально-экономическую обстановку некоторых других стран на абхазскую почву. Методологический порок старой историографии в целом заключался в том, что ее представители не занимались изучением экономической жизни Абхазии, не вскрывали процесса развития производительных сил и производственных отношений. Социально-экономический строй рисовался вне классовой борьбы крестьянства. В советской исторической литературе в этом деле также существует известный разнобой.

Настоящая монография ставит своей целью хотя бы частично восполнить тот пробел, который все еще ощущается в нашей историографии в деле фундаментального научного исследования выдвинутой темы.

Работа написана на основании произведений классиков марксизма-ленинизма, решений КПСС, в которых содержатся основополагающие указания для правильного разрешения интересовавшей нас проблематики. Автор неуклонно руководствовался разъяснениями ЦК КПСС и решениями исторического XX съезда партии о марксистско-ленинском понимании роли народных масс и отдельных личностей в историческом процессе.

Что касается фактического материала, то надо сказать, что отсутствие в прошлом абхазской письменности затрудняет и ограничивает возможности исследования темы. Тем не менее, мы располагаем разнообразными материалами, основными из которых являются документы, содержащиеся в разных архивохранилищах страны, легшие в основу настоящей работы, причем большей частью еще неопубликованные и в значительной степени впервые вводящиеся в научный оборот.

Наибольшее количество этих материалов хранится в Центральном Государственном историческом архиве Грузинской ССР, Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде, Центральном Государственном военно-историческом архиве (Москва) и Центральном Государственном архиве Абхазской АССР. Кроме того, использованы материалы Центрального Государственного исторического архива (Москва), Ленинградского филиала Центрального Государственного военно-исторического архива, Центрального Государственного архива древних актов (Москва), Ценального Государственного военно-морского архива (Ленинград) , Государственного архива Краснодарского края, а также архивов: Министерства иностранных дел России (Москва), Академии наук СССР в Ленинграде, Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа, Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР, Абхазского Государственного музея рукописных отделений государственных библиотек им. В. И. Ленина (Москва) и им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) и др.

Названия использованных фондов и номера дел будут приведены в разделе «Источники и литература», а анализ некоторых, наиболее важных, документов – непосредственно в тексте работы.

В основу исследования легли также первоисточники, опубликованные в сборниках документов, главным образом, в двенадцати томах «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией», а также во втором томе сборника «Сельское хозяйство и аграрные отношения», составленном проф. П. В Гугушвили (изд. АН Грузинской ССР, Тбилиси, 1950) и в первом томе «Документов по истории Грузии (1862 –1917)», изданном Архивным управлением МВД Грузинской ССР (Тбилиси, 1954).

Автору приходилось строго учитывать тенденциозность и критически оценивать архивно-документальные материалы официального характера, представляющие собой докладные записки, обозрения, военно-статистические описания, рапорты и донесения представителей царской администрации, агентов правительства и пр.

Особое место занимают материалы Сухумской сословно-поземельной комиссии[1], разбросанные в различных архивах страны и частично опубликованные как в дореволюционное, так и в советское время. Объем этих материалов очень обширен, а по своему характеру они весьма разнообразны. Основная их ценность заключается в том, что в них содержится большое количество фактических данных, в частности, сообщения современников, в том числе крестьян. Выводы же комиссии в большинстве случаев тенденциозны.

Комиссия, выполняя задания правительства, ставила целью, опираясь на родовые пережитки и патриархально-общинные традиции, а также пользуясь отсутствием соответствующих письменных источников, доказать, что в Абхазии перед реформой не было никакого крепостного права, что взаимоотношения между феодалами и крестьянами возникли на основе добровольных соглашений между «покровителями» (ахылапшю) и «покровительствуемыми» (хипшы), в силу которых первые защищали вторых от врагов, а последние приносили «покровителям» (патронам) «подарки» и выполняли различные их поручения. Комиссия должна была найти «основания» для подтверждения предвзятого взгляда, отрицавшего наличие феодально-крепостнических отношений и поместного владения землей и доказывавшего, что вся земля составляла собственность государства, хотя та же комиссия, противореча себе, крестьянскую реформу и характеризовала как «отмену крепостного права».

К документам Сухумской сословно-поземельной комиссии примыкают материалы предшествовавших ей двух комиссий: генерала Евгения Понсэ (1865–1866 гг.) и майора Сулхана Баратова (Бараташвили) (1866 г.), известного грузинского историка. В задачу комиссии Понсэ входило выяснение размеров имущества бывшего абхазского владетеля для установления его семье соответствующего вознаграждения, а также сбора сведений об общем социально-экономическом

[1] Сухумская сословно-поземельная комиссия была утверждена 16 мая 1867 года и приступила к своей работе 3 июля того же года. В 1869 году комиссия представила свод данных о сословно-поземельных правах населения Абхазии, а также свои соображения на прекращение личной зависимости крестьян от помещиков и т. д. Труды комиссии послужили материалом для проведения крестьянской реформы в Абхазии. В 1876 году, после окончания работы по «освобождению зависимых сословий» (1875 г.), сословно-поземельная комиссия была преобразована в поземельную комиссию.

положении Абхазии. Комиссия Баратова должна была собрать данные «о порядках землевладения», об отношениях между лицами разных сословий в каждом отдельном селении и затем систематически обработать собранные ею материалы, на основании чего можно было бы приступить к «разрешению той запутанности, которая поныне заметна в этого рода делах и которой никакие другие меры не в состоянии устранить». Работа комиссии Баратова являлась частью работы по сбору необходимых материалов для Кавказского горского управления, учрежденного наместником Кавказа под председательством помощника его генерал-адъютанта Карцова с целью «обсуждения способов и средств к освобождению зависимых сословий в туземных племенах, состоящих в ведении этого управления»[1].

Однако работа комиссии Баратова скоро была прервана начавшимся в июле 1866 года восстанием, одной из решающих непосредственных причин которого была деятельность этой комиссии. Во время восстания был убит член комиссии статский советник А. П. Черепов; майор Сулхан Баратов также умер 31 августа того же года в Сухуме, в лазарете Кавказского линейного №34 батальона[2].

Тем не менее, в результате работы указанной комиссии до нас дошли «Сведения об отношениях в Абживском округе подвластных крестьян к своим помещикам» Баратова[3] и «Сведения о взаимных отношениях цебельдинского населения» Карганова[4], являющиеся весьма ценными материалами с точки зрения обилия фактических данных. С этой стороны заслуживают большого внимания и материалы комиссии Евгения Понсэ, в частности, «Краткие заметки о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыпского округа Абхазии» Акима Петровича Черепова[5].

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 76–83.

[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, д.181, л. 117.

[3] Там же, лл. 132–140.

[4] Там же, лл. 168-173.

[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1038, лл. 1–46; см. также публикацию И. Г. Антелава, Г. А. Дзидзария и А. А. Олонецкого «Из истории крестьянской реформы в Абхазии». «Исторический архив», т. V. М., 1950.

Между прочим, А. П. Черепов еще до выезда в Абхазию, в составе комиссии Баратова, свои записки представил в редакцию журнала «Кавказского отдела Русского географического общества» для опубликования. Но перед самым выездом из Тифлиса он забрал свои тетради, «чтобы исправить и дополнить их на месте». Со смертью Черепова эти тетради пропали, сохранился лишь экземпляр

Нами, кроме того, использованы работы авторов дореволюционного и советского периодов, которые в той или иной степени касаются вообще истории Абхазии исследуемого отрезка времени. Привлекалась и мемуарная литература, а также статьи и заметки публицистического характера, опубликованные как в этот период, так и относящиеся к концу XIX века.

Следует заметить, что особенно остро ощущается недостаток в статистическом материале, так как в то время здесь еще не было никакой официальной статистики.

Особую группу составляют устные источники: обычное право, свидетельства современников и данные фольклора. К сожалению, уже потеряно время, чтобы в полной мере собрать материалы этого рода по причине естественной убыли их хранителей. Тем не менее, работа в этом направлении, частично проводившаяся в прошлом и которая более или менее планомерно на протяжении многих лет ведется Абхазским институтом языка, литературы и истории АН Грузинской ССР, дала свои определенные результаты. Фактические

записки, представленной автором начальнику Кавказского городского управления полк. Д. С. Старосельскому. В связи с этим правитель дел указанного журнала обратился к Старосельскому с просьбой дать возможность снять копию с записки Черепова для опубликования ее в седьмой книге журнала, так как, писал он, «этнография Абхазии, так мало известная, имеет большой интерес»... (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, л. 181, лл. 128–128 об.).

В ответ на это Старосельский писал: «За достоверность сведений, изложенных в препровождаемой записке, как не подтвержденных официальным расследованием, не только нельзя ручаться и вообще следует быть осторожным в обнародовании их в особенности же, где касается перечисления почетных фамилий, потому предварительно издания этой записки в свет, мне кажется, что было бы не лишним испросить на то разрешение помощника главнокомандующего армиею и в случае напечатания сведений, сообщенных покойным Череповым, предпослать небольшое примечание, свидетельствующее о совершенно частном характере этих сведений с оговоркою, что для действительного уяснения сословных отношений и личных и поземельных прав членов высших сословий учреждается особая комиссия» (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 129–129 об.). Статья Черепова не увидела света. И это не случайно. Приведенные в ней некоторые факты и явления из жизни Абхазии не совсем увязывались с предопределенным правительством планом проведения здесь крестьянской реформы. Это, вместе с тем, характерно для выяснения цели «особой комиссии», т. е. будущей Сухумской сословно-поземельной комиссии, которой было поручено «официальное расследование» вопроса о социальных отношениях в Абхазии.

данные некоторых свидетельств и преданий почти вполне согласуются с сообщениями письменных источников, а также отличаются колоритным характером передачи отдельных деталей, которые не могли содержаться в официальных документах. Однако для уяснения исторической последовательности событий и для глубокого анализа отдельных, закономерно сменявших друг друга, этапов социально-экономического развития Абхазии в рассматриваемый период данный вид источника не может, конечно, дать достаточно полного материала.

Следует несколько остановиться на абхазском обычном праве. Регулировавшее всю общественную и семейную жизнь абхазцев с древнейших времен, обычное право («адаты»), несомненно, является ценным источником в деле исследования социальных отношений в Абхазии изучаемого периода. Надо отметить, что Сухумская сословно-поземельная комиссия проделала большую работу по сбору этого рода материалов[1]. Однако правильное раскрытие подлинного значения материалов по обычному праву того или иного народа возможно только на основе марксистско-ленинской теории. Как известно, всякое обычное право образовывалось очень медленно и также медленно эволюционизировало в зависимости от материальных условий жизни людей. Обычаи весьма живучи и консервативны; особенной устойчивостью и консервативностью отличаются отдельные их нормы. В обычном праве можно найти нарождающиеся нормы, не получившие еще общего признания, и, рядом – нормы, давно переставшие отвечать требованиям жизни, нормы отжившие[2]. Говоря же конкретно, заслуживает внимания следующее место из введения Б. А. Гарданова к «Материалам по обычному праву кабардинцев»: «В кабардинском обычном праве в первой половине XIX в. явственно проступают черты еще не изжитого патриархально-родового быта и даже отзвуки еще более архаических обычаев и порядков эпохи матриархата. Но институт родового строя в обычном праве кабардинцев первой половины XIX в. выступает уже в

[1] Член комиссии Л. Н. Введенский отмечал, что указанные материалы являются результатом опроса около 5 тыс. жителей Абхазии. (ССКГ, В. VI. 1872. – С. 12).

[2] Веселовский С.В. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, ч. I. М Л., 1947. – С. 11.

значительно трансформированном виде»[1]. Это целиком относится и к абхазскому обычному праву.

Кроме того, как для изучения отдельных вопросов, так и всего комплекса вопросов исследуемой темы, также необходимо использование сравнительного материала, ибо известно, что в результате многовековых и многосторонних связей абхазского народа с другими народами Кавказа, в первую очередь с грузинами и адыгами, наблюдается взаимодействие в области материальной и духовной культуры.

При изучении истории абхазского крестьянства рассматриваемого периода неизбежны столкновения с трудностями ввиду большого разнообразия и сложности, порой запутанности вопроса о крестьянских категориях, степени и формах их зависимости от владельцев, определявшейся в сущности лишь одними нормами обычного права, а не письменными кодексами. Наиболее сложным является вопрос о землевладении и землепользовании. Решение вопроса о том, была ли до реформы 1870 года в Абхазии феодальная собственность на землю как основа феодализма или земля была в общинно-родовом пользовании является ключом к правильному пониманию общественного строя феодальной Абхазии XIX века. Следует также подчеркнуть, что наличие элементов рабства и патриархально-общинного уклада составляло главные особенности феодальной Абхазии по сравнению с ведущими районами Грузии. Причем в то время, как в приморской (предгорной) Абхазии уже давно господствовали феодальные отношения, у горных абхазских племен эти отношения были представлены еще лишь в слабой форме: их общественный строй характеризовался полупатриархальными, полуфеодальными отношениями.

Три важнейших раздела народного хозяйства: земледелие, ремесло и торговля очень слабо и вместе с тем неравномерно представлены в нашей историографии. При сохранении ведущего положения феодально-крепостнических порядков и натурального хозяйства, в Абхазии постепенно развивались товарно-денежные отношения и рыночные связи, которые во многом и определяли общую эволюцию края. Этим вопросам в работе отводится значительное место. При этом сознательно не дается характеристика состояния Абхазии

[1] Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. Собрал и подготовил к печати Б. А. Гарданов. Нальчик, 1956. – С. 8.

вообще в социально-экономическом отношении в предшествующие эпохи, поскольку более или менее подробное изучение данного вопроса в первой главе, применительно и к началу XIX века, а порой и к более раннему периоду, снимает необходимость в этом.

Без изучения характера экономического развития предреформенной Абхазии невозможно правильно понять и осмыслить состояние духовной и материальной культуры, природу социально-освободительного движения и других явлений, имевших место здесь в изучаемый период.

Между тем, подходя с меркой классических форм развитого феодализма и рассматривая абхазское общество не в динамике, а в статике, многие авторы, особенно дореволюционные, как уже отмечалось, делали неправильные выводы, очень сложные и важные внутренние процессы развития этого общества не были ими поняты и вскрыты. Явления социально-экономической жизни Абхазии они брали в лучшем случае поверхностно, с точки зрения буржуазных правовых норм.

Поворотный момент в историческом развитии абхазского народа, как грузинского и многих других народов, определивший все его дальнейшее развитие, был связан с присоединением к России.

В конце XVIII и начале XIX века кавказские народы неминуемо стояли перед альтернативой: либо быть поглощенными султанской Турцией и шахским Ираном с их косными формами хозяйственной и политической жизни, либо присоединиться к России. Вторая перспектива, несмотря на гнет царизма, предвещала общее движение вместе с русским и другими народами России по пути экономического и культурного прогресса. Поэтому народы Кавказа, естественно, тяготели к России.

В 1801 году Восточная Грузия была присоединена к России, что явилось закономерным итогом предшествовавшего экономического и культурного развития обеих стран, результатом их прошлых экономических и культурных связей. Это было прогрессивным явлением в жизни грузинского народа и вместе с тем важным событием в истории всего Кавказского края.

В начале же XIX века отдельные княжества Западной Грузии разновременно вошли в состав Российской империи. Абхазия была присоединена к России в 1810 году. Этому вопросу, процессу присоеди-

нения, его сложности и исторической необходимости нами посвящается специальная монография.

Некоторые владетели Абхазии, находившиеся под тягостным для страны протекторатом султанской Турции, еще задолго до присоединения Абхазского владетельства к России поддерживали политику грузинских царей Ираклия II и Соломона I, направленную к союзу с Россией. В 1770 году самурзаканский князь Леван Шервашидзе (Чачба) пытался вести переговоры о принятии Абхазского княжества под покровительство России с начальником русского отряда в Грузии. По свидетельству английского шкипера Томаса Рейна, бывшего по коммерческим делам в Абхазии в 1775 году, абхазские старшины «желают иметь» коммерцию с Россией, «также и быть под российскою протекциею»[1]. В 1791 году грузинский поэт и дипломат Виссарион Габашвили от имени имеретинского царя подал князю Потемкину документ, в котором возбуждалось ходатайство об обеспечении Абхазии независимости от султанской Турции.

Учитывая изменения обстановки, укрепление позиций России в Закавказье и стремление народов края к России как к единственной силе, способной избавить их от порабощения со стороны шахского Ирана и султанской Турции, учитывая тяжелое внутреннее и международное положение последней, абхазский владетель Келешбей Шервашидзе (Чачба) непосредственно сам установил связь с русским командованием, а затем пошел на открытый разрыв с Турцией и вступил в переговоры о присоединении Абхазии к России, хотя и оговаривая при этом определенные условия и в ряде случаев проявляя колебания. В июне 1806 года к берегам Сухума подошла турецкая флотилия, но, встретив дружное сопротивление населения, вынуждена была вернуться обратно.

Однако султанское правительство не хотело примириться с потерей Абхазского побережья. Вместе с тем усилилась феодальная оппозиция, к которой примкнул и старший сын владетеля Асланбей. Эта группа абхазских феодалов рассчитывала на поддержку султанской Турции. 2 мая 1808 года в Сухуме был убит заговорщиками Келешбей. Асланбей со своими сторонниками засел в Сухумской крепости, объявив себя владетелем Абхазии и вассалом турецкого султана, от которого он систематически получал военную и материальную помощь.

[1] ЦГАВМФ, ф. 172, д.24, лл. 196-197.

Георгий (Сафарбей), второй сын Келешбея, назначенный наследником еще при жизни отца и тогда же принявший христианство, желая вступить в русское подданство, обратился за помощью к русскому правительству. 17 февраля 1810 года император Александр I издал манифест об официальном присоединении Абхазии к России.

Но в Сухумской крепости находился значительный турецкий гарнизон. Он был изгнан в июне 1810 года. В этом деле решающую роль сыграли русские военно-морские силы. Султанская Турция неоднократно пыталась снова захватить Абхазию, но ей это не удалось.

Для прочного занятия Кавказского побережья Черного моря русское правительство в 30–40-х годах строит укрепления, составлявшие так называемую Черноморскую береговую линию. Эта линия, несмотря на ее политические цели, имела важное оборонное значение, а также содействовала борьбе русского правительства против англо-турецкой контрабандной торговли и пленнопродавства (работорговли) на побережье.

В деле постепенного включения в общую экономическую и политическую жизнь России, развивавшуюся по капиталистическому пути, несмотря на колониальную политику царизма, важное значение имели также упразднение владетельной власти и введение непосредственного русского управления в Абхазии, связанные с окончанием Кавказской войны и с общими реформами на Кавказе, в частности, с теми изменениями и преобразованиями в области административного управления краем, которые проводились здесь в 60-х годах. Данному вопросу в работе посвящается особая глава.

Прогрессивное влияние России проявлялось и в области культуры[1]. В Абхазии, как вообще на Кавказе, бывали передовые русские люди, чему, между прочим, немало способствовало то обстоятельство, что Кавказ в XIX веке служил местом ссылки «беспокойных» вольнодумцев.

После присоединения кавказских областей к России, об Абхазии, как и о других частях края, начали писать политические и дипломатические деятели, чиновники и офицеры, ученые и духовные лица, литераторы и просто путешественники. Многие русские ученые, ли-

[1] Этому вопросу нами посвящена статья «Культурные сдвиги в Абхазии в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.)». «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXVIII. Сухуми, 1937.

тераторы, представители искусства серьезно изучали, особенно с 60-х годов, историю, археологию, этнографию, природные богатства, хозяйственный строй и культуру края. Часть этого разнохарактерного материла издавалась отдельными книгами и брошюрами, часть же печаталась в журналах и газетах.

Среди русских авторов того периода особое место занимает П. К. Услар – известный кавказовед-лингвист. В 1862 году Услар издал грамматику абхазского языка, а также на основе русской графики составил абхазский алфавит и готовил абхазский букварь. Эти работы Услара, несмотря на ряд недостатков, вследствие той политической цели, которую ставил автор, имели важное значение.

В 1862 году комиссией под председательством И. А. Бартоломея, на основе буквенных начертаний П. К. Услара, был составлен абхазский букварь, вышедший в Тифлисе в 1865 году. Причем в составлении букваря содействовали некоторые грамотные абхазцы – С. Эшба, И. Гегиа, Г. Курцикидзе, К. Шервашидзе и др.

Вместе с тем Кавказ становится и темой русской литературы. Так, например, в 1837 году была напечатана повесть П. П. Каменского «Келеш-бей». Абхазия находит свое отражение также в русском изобразительном искусстве. Под впечатлением абхазской природы И. К. Айвазовский создал ряд великолепных картин, одна из которых – «Буря у берегов Абхазии» – была показана в Париже в 1843 году.

Значительна была роль представителей грузинской интеллигенции. Д. Пурцеладзе участвовал в составлении абхазского букваря 1862 года. С именем Д. Мачавариани связано открытие первой школы в Абхазии (1851 г.). Некоторые грузинские педагоги еще в те годы принимали активное участие в обучении абхазских детей. Известный историк Д. Бакрадзе в своих трудах, практической деятельности и как инспектор Общества восстановления православного христианства на Кавказе также старался содействовать развитию культуры и просвещения абхазского народа.

Широкое развитие культуры абхазцев могло произойти только в результате создания разветвленной сети школ. Царское правительство не могло об этом заботиться. Однако те меры, которые были приняты в школьном вопросе в Абхазии, объективно способствовали делу развития культуры абхазского народа. Еще в 1810 году в с. Лыхны была сделана попытка открыть школу на 12 мальчиков, в

1846 году – в Пицунде. Но первая школа в Абхазии была открыта в 1851 году (с. Окум). В 1852 году в с. Лыхны было учреждено духовное училище, закрытое во время Крымской войны. Есть указание, что в начале же 50-х годов школы были открыты в Сухуме и Лыхнах, но судьба их неизвестна. В 1856 году в Сухуме была открыта министерская школа, а в 1863 году – начальная горская школа. В 1865 году число учащихся в Абхазии доходило до 362. В 1866 году в Сухуме на благотворительные средства были открыты женское училище и мужская ремесленная школа. Несколько школ было открыто и в других местах Абхазии.

В деле подготовки учительских кадров для школ Абхазии большую роль играла Александровская учительская школа в Тифлисе, открытая в 1866 году. В начале 70-х годов появляются и первые абхазские педагоги.

Вместе с тем практиковалась посылка сыновей местных дворян в военные учебные заведения и даже в университеты, из среды которых вышел, например, известный абхазский этнограф, подполковник С. Т. Званба (1809–1855 гг.). С конца 60-х годов абхазские дети посылались также в сельскохозяйственные учебные заведения.

Социально-экономическое и культурное развитие Абхазии в работе рассматривается на фоне прогрессивной роли русского народа по отношению к абхазскому народу. При этом, однако, отмечается реакционная политика царизма. Царские чиновники, проводники этой политики, широко применяя военно-феодальные методы управления, насаждали здесь, как и в других национальных районах, колониальный режим.

Важную роль в деле разложения феодально-крепостнической формации и становления новых отношений играли надстроечные явления, наиболее существенной из которых была классовая борьба. Вся история Абхазии изучаемого периода пронизана движением крестьянских масс, достигшим перед реформой высокого развития. Обострение антифеодальной борьбы крестьянства Абхазии наблюдалось с 40–50-х годов XIX века, как непосредственный результат глубоких сдвигов, которые происходили в социально-экономической жизни страны. Вместе с тем эта борьба органически переплеталась с антиколониальным движением народных масс. Неразрывная связь борьбы крестьян против местных княжеско-дворянских реакцион-

ных элементов с борьбой против самодержавия была здесь характерным явлением классовой борьбы.

Историческое значение этой борьбы заключается в том, что она, будучи одним из звеньев в цепи аналогичного движения в Грузии в целом, смыкалась с широким крестьянским движением, происходившим по всей империи и расшатывавшим основы социально-политического строя царской России.

• ГЛАВА ПЕРВАЯ •

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ АБХАЗСКОГО КНЯЖЕСТВА

1. Естественно-географические условия

Расположенная на юго-восточном берегу Черного моря, Абхазия является горной и лесистой страной, образованной Главным Кавказским хребтом и его отрогами. Границы Абхазского княжества проходили в основном по р. Ингуру, Главному Кавказскому хребту и Гагринским теснинам. Площадь Абхазии в административных границах 1865 года, по подсчетам И. Стебеницкого, равнялась 6941,7 кв. вер., с плотностью населения – на 1 кв. вер. 11,4 чел.[1]

Защищенная стеной Главного Кавказского (водораздельного) хребта и его боковых отрогов (Гагринского, Бзыбского или Чедымского и Кодорского или Панавского) от холодных северо-восточных и сухих прикаспийских ветров и находясь под умеряющим влиянием Черного моря, Абхазия имеет климат мягкий и влажный, с очень теплой зимой. Ее рельеф характеризуется сложным устройством, что также влияет на климат, растительность, реки и почвообразование. Такой характер рельефа влиял и на хозяйственную и культурную деятельность человека.

Особенно благоприятными были побережье и лесная зона нижнего горного пояса с ее мягким климатом (среднегодовая температура +13–15°), богатой флорой и фауной. Здесь, особенно в предгорной полосе от 100 до 400 метров над уровнем моря, в долинах

[1] Стебницкий И. Статистическая таблица Кавказского края. «Кавказский календарь на 1867 год». Тифлис, 1866. – С. 313.

и ущельях рек Бзыби, Гумисты, Келасури, Кодора, Галидзги и других были расположены самые цветущие районы Абхазии, где население издревле занималось земледелием, скотоводством и другими отраслями сельского хозяйства.

Благодаря теплому и влажному климату, вся Абхазия, за исключением альпийских высот и культурных пространств, покрыта пышной лесной растительностью, отличающейся необычайным разнообразием пород, из которых количество наиболее ценных видов насчитывается до 35. Уникальными являются самшит (кавказская пальма) и тис (красное дерево). Много дубильных растений (около 95 видов). Леса обладают большими запасами дикорастущих плодовых и ягодных растений, дающих богатые витаминами плоды.

Крупное хозяйственное значение имеют обширные горные пастбища в зоне альпийских лугов, отличающиеся исключительным разнообразием и богатством травяного покрова. Во флоре Абхазии вообще насчитывается более 250 видов растений кормового значения, служащих с давних пор прочной базой для развития животноводства. Богата и лекарственная флора Абхазии, которая содержит до 550 видов растений.

Весьма разнообразен также животный мир Абхазии. Ее леса изобилуют множеством зверей, птиц и пчел, а воды – рыб.

Богатство фауны благоприятствовало охоте, бортничеству и рыболовству.

Наличие полезных ископаемых в Абхазии давало возможность населению заниматься и горным промыслом. Здесь добывалась железная руда. В бассейне р. Гумисты издавна разрабатывались серебросвинцовые руды с целью литья пуль. Месторождения этих руд известны также на горе Дзышра, на горе Химца, у с. Окум, в местности Ахизтоу-Акуара (южнее Чедымского хребта) и т. д. Почти повсеместно имеется материал для развития гончарного и керамического производства, а также обработки камня, дерева, кожи.

Такова краткая характеристика естественно-географических условий Абхазии рассматриваемого периода, которые почти полностью удовлетворяли потребности натурального хозяйства, за исключением таких предметов, как соль и отчасти металл, которые с давних пор составляли главную статью абхазского импорта.

2. Административное деление

До присоединения Абхазского княжества к России оно делилось на Бзыбь (Бзып) (современ. Гудаутский район), Абжиуа (современ. Очамчирский район), Гума (прибрежная часть современ. Сухумского и Гульрипшского районов), Самырзакан или Самурзакано (современ. Гальский район), Цабал (Цебельда) – Дал[1], расположенные в верховьях р. Кодора и ближайших к ней ущельях. Особое положение занимала территория современного Гагрского и частично Адлерского районов, населенная садзами (джигетами), а также общество Псху, расположенное в верховьях р. Бзыби. А. В. Пахомов писал, что в период правления Келешбея Шервашидзе «последовало более определенное разграничение Абхазии на округи»: границей между Бзыбским и Гумским[2] «округами» считалась р. Шыцкуара, между Гумским и Абжуйским – р. Кодор, между Самурзаканским и Абжуйским – р. Галидзга (Аалзга)[3].

Каждая из этих административных единиц делилась на отдельные села – акыта, с каковым понятием здесь почти всегда совпадала община, состоявшая, как правило, из нескольких поселков – ацута (ацуҭа) или ахабла (аҳабла).

Резиденцией абхазского владетельного князя с конца XVIII века и до 1808 года являлся Сухум или Акуа (Аҟәа), куда ее из с. Лыхны перенес владетельный князь Келешбей Шервашидзе.

После присоединения Абхазии к России и до 1864 года страна, находившаяся под управлением князей Шервашидзе (Чачба), в основном, делилась на Бзыбский, Абхазский (Сухумский) и Абжуйский округа, Самурзаканское и Цебельдинское приставства. Из них Цебельдинское приставство было образовано в 1837 году, а Самурзаканское – в 1840 году. Последнее в июне 1848 года, по учреждении Кутаисской губернии, было выделено из ведения начальника Черноморской береговой линии и подчинено кутаисско-

[1] Почти все эти абхазские самоназвания бытуют в народе и в настоящее время.

[2] Гумский район официально именовался Сухумским или Абхазским округом, а также, по утверждению Д. В. Пахомова, назывался Гасанбей идгил, т. е. земля или страна Гасанбея (Шервашидзе).

[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, лл. 188–189, 448, 470.

му военному губернатору, а с 1857 года, с введением в Мегрелии русского управления, оно было подчинено управляющему Мегрелией (до 1864 года). В 1840 году было образовано еще Джигетское (Садзское) приставство[1], причисленное к Абхазии в 1841 году; оно в 1847 году, вместе с Цебельдииским приставством, было введено в распоряжение приставских управлений на Кавказе, а впоследствии его территория вошла в состав Черноморского округа[2]. В 1840 году и Псху получило отдельного пристава, в лице прапорщика Хутуния Шервашидзе.

Во главе округов стояли члены владетельной семьи, некоторые из которых в то же время считались «удельными» владельцами. Приставы назначались царской администрацией. Во главе же акыта (села – общины) стоял ахылапшю «патрон», «покровитель» (по толкованию Сухумской сословно-поземельной комиссии), который данное село в целом рассматривал как свое наследственное владение. В тех случаях, когда речь шла об общепризнанных «частных» или «родовых» имениях, например, «удельных» князей и других крупных феодалов, их возглавляли просто управляющие, которые с течением времени приобретали права обыкновенных ахылапшю.

В период с 1808 по 1864 год резиденция владетельного князя Абхазии находилась в с. Лыхны, являвшемся старинным политическим центром Абхазии.

За Абхазским княжеством сохранялись автономные права до 1864 года, когда была оформлена его юридическая ликвидация. В связи с этим последовало новое административное деление Абхазии. Прежде всего, страна была переименована в Сухумский военный отдел, который делился на Бзыбский, Сухумский (Абхазский) и Абжуйский округа, Цебельдинское и Самурзаканское приставские управления. Начальник Сухумского военного отдела подчинялся непосредственно кутаисскому генерал-губернатору, должность которого была учреждена еще в конце 1856 года. Административным

[1] Территория современ. Гагрского и части Сочинского районов.

Первым приставом здесь был брат владетеля Абхазии Александр Шервашидзе, которого скоро сменил на продолжительное время известный абхазский этнограф и офицер русской армии С. Т. Званба.

[2] «Положение о заселении Черноморского округа и управлении оным» было утверждено правительством в марте 1866 года.

центром края снова стал г. Сухум, который задолго до этого являлся местопребыванием русской военной администрации в Абхазии, а с. Лыхны было объявлено окружным центром Бзыбской Абхазии.

После восстания 1866 года административное деление Абхазии было реорганизовано. По нему Сухумский отдел был разделен на управление городом Сухумом и округа: Пицундский, Цебельдинский, Драндский и Окумский. В 1868 году была произведена новая административная реформа. Теперь Сухумский отдел делился всего лишь на два округа: Пицундский и Очемчирский, каждый из которых, в свою очередь, состоял из двух участков: Пицундский округ – из Гудаутского (от Гагр до р. Псырцха) и Гумистинского (от р. Псырцха до р. Кодор); Очемчирский – из Кодорского (от р. Кодор до р. Галидзги) и Самурзаканского (от р. Галидзги до р. Ингур).

Политические границы и административное деление Абхазского княжества не совпадали с этническими границами расселения абхазских племен, которые были значительно шире. За пределами этой территории, на северо-западе, пространство до Хамышь (Хоста) населяло абхазское племя садзы (точнее – асадзуаа или асадзкуа), кото- рое известно также под именем джигетов[1]. Садзы-джигеты, писал Ф. Ф. Торнау, «одноплеменное с абхазцами, говорящее с ними одним и тем же языком без всякого приметного изменения»[2]. Г. И. Филипсом, в 40-х годах служивший на Черноморской береговой линии, в своей рукописи «Черкесы, казаки и адэге» подчеркивал, что садзы говорят «чистым абхазским языком»[3]. Генерал И. Р. Анреп также отмечал, что садзы «говорят абхазским языком, а в обычаях

[1] Услар П.К. Абхазский язык (Приложение шестое – «О языке убыхов»). Тифлис, 1887. – С. 75.

То же самое писал Вс. Миллер: «Южнее убыхов от р. Хоста на юге жили абхазцы» (Вс. Миллер. К исторической этнографии восточного берега Черного моря. Арх. Института востоковедения, ф. 38, д. 7/319, л. 2).

[2] Торнау. Описание части восточного берега Черного моря от р. Бзыби до р. Саше. (Докладная записка от 25 ноября 1834 г.). ЦГВИА, ф. ВУА, 1835 г., д. 18510, лл. 1–8.

[3] Рукописное отделение Государственной Библиотеки им. В. И. Ленина, ф. Д. И. Милютина, д. 7955/4, лл. 185–209.

Данная статья была написана, по-видимому, в 1854 году, как видно из письма автора к барону Сталю от 2 марта 1854 года, кому она была и адресована. (Там же, лл. 185–186).

более сходны с абхазцами, чем со своими соседями, убыхами... Самое общественное устройство у обоих народов одинаково»; кроме того, «с древних времен владетели Абхазии имели на них влияние и пользовались хотя непризнанною властью, но большим уважением этого народа». Однако со времени присоединения Абхазии к России «союз между сею землею и джигетами уничтожился, а в последние годы обратился во вражду»[1]. Только в 1840 году здесь было образовано приставство[2]; причем его приняло лишь прибрежное население, которое поступило «в ведение абхазского владетеля»[3]. Именно поэтому начальник Черноморской береговой линии Н.Н. Раевский в «Описании берега Черного моря» отмечал, что «прежде все пространство от р. Хамышь (в 6 морских милях от Сочи) до границы Мингрелии принадлежало князьям Шервашидзе»[4].

Тем не менее, такое присоединение к Абхазскому княжеству было формальным, произведенным по политическим соображениям, за исключением территории между р. Бзыбь и Гагринским укреплением, с момента образования последнего, т. е. с 1830 года[5]. Садзский пристав подчинялся фактически начальнику Черноморской береговой линии. Это относилось и к Псху, где пристав, по-видимому, скоро покинул непокорный район. Псху был одним из тех районов, которым абхазские владетельные князья владели лишь номинально. В 1864 году садзы почти целиком были выселены из родной земли.

Садзы-джигеты, принадлежавшие к абхазской этнической группе, делились на береговых и горных, из коих последние были известны под названием мдюаа (мдɷаа) – «медовеевцы» русских источников. Территория, занятая прибрежными садзами, в свою очередь делилась на ряд обществ, преимущественно связанных с наиболее знатными фамилиями: Цанба – примерно, между реками Бзыбь и Хашупса (или Цандрипшь); Гечба (Геч) – между реками Хашупса и Мзымта (Мзымҭа); Ардба (Арт или Аред, отсюда искаженное название «Адлер») – между реками Мзымта и Хамышь (Хоста), до границ убыхов. Эта долина в целом называлась Ляшв (Лиашә), а мыс – Гечаа-рыбна. Кроме того, к прибрежным садзам примыкали также цвиджаа и багаа (баҕаа), расселенные между реками Мзымта и Хоста[1].

[1] Рапорт И. Р. Анрепа Е. А. Головину от 25 мая 1841 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1841 г., д. 6435, лл. 8–16.

[2] «Кавказский календарь на 1858 год». Тифлис, 1857. – С. 274.

[3] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа, к.II. Спб. 1847. – С. 201, 222.

[4] Генко А.Н. О языке убыхов. «Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук». Л., 1928. – С. 234.

[5] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. ССКГ, в. VI, отд. III. – С. 1.

Ф. Торнау об этих северо-западных абхазских племенах, которые он посетил в середине 30-х годов и знал хорошо, писал, что они делились на разные общества, княжества и «республики», и все они враждовали между собой[2].

Это относилось и к мдюаа, занимавшим верховья рек Мзымта и Псоу и среднее течение р. Бзыби. Наиболее крупным из них были ахчипсаа (аҳҷыԥсаа), жившие в верховьях указанных двух первых рек. В близком соседстве с ними находились аибгаа (аибҕаа), обитавшие в долинах правых притоков среднего течения реки Бзыби, а также псхуаа (ԥсҳәаа). Здесь господствовала княжеская фамилия Маршания (Маршьан), разделявшаяся на две ветви: Багоркан-ипа и Мас-ипа[3], из коих первые жили в Псху.

Наличие следов абхазской топонимики в долине р. Мзымта и далее на северо-запад также совершенно ясно свидетельствует о факте обитания в этом районе абхазских племен. Интересно заметить, что в античную эпоху и в последующий период р. Мзымта называлась Абаск (Абасх) – река абхазцев. У устья этой реки был расположен порт, отмеченный на венецианских картах XIII века, как Abkazia.

Особую группу составляли абазины, расселенные в бассейнах рек Кубани (с ее притоками – Большим и Малым Зеленчуками) и Кумы. Известный советский кавказовед А. Н. Генко пишет: на осно-

[1] Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе. I–Абхазское племя (азега). «Кавказский календарь на 1858 год». Тифлис, 1857. – С. 274–275.

[2] (Торнау Ф.Ф.). Воспоминания кавказского офицера, ч. II. М., 1864. – С. 46.

[3] Между прочим, слово «ипа» (и8а) значит (его) «сын». Дело в том, что абхазские фамилии подразделялись, если можно так выразиться, на «подроды» и члены этих последних, шли нисходящей линией от какого-нибудь замечательного предка. В литературе прошлого столетия на указанное явление обратил внимание А. Н. Введенский, который в качестве примера приводил отхарских Чачба (Шервашидзе), носивших имя своего прадеда Тоулаха (Тоулах-и8а) (ССКГ, в. VI, отд. I. – С. 22, прим. 27).

вании черкесского термина «Абаза» возник и с XVIII века упрочился русский термин «абазины» (абазинцы)[1] «в специальном значении абазоязычных племен Северного Кавказа. Соответствующее русскому «абазин» национальное самоназвание тапанта (Tlan1anta ... и прилагалось... к той части абхазцев, которая, примерно, в XII–XIII вв. н. э.[2] спустилась в северокавказские предгорья и отделилась, таким образом, от основной массы абхазов... Первое положительное указание на наличие абхазо-абазинских поселений на Северном Кавказе относится к самому концу XIV в.»[3]. Ашхарцы же, ныне занимающие долину Зеленчука, спустились со склонов Кавказского хребта в XIX веке, а именно из Ахчипсоу и Псху, почему ашхарский диалект и проявляет большую близость к южно-абхазским диалектам[4]. Название «ашхаруа» означает «горец». Они себя называют также «апсуа», т. е. «абхазец» и «абаза»[5].

Ксаверио Главами в своем «Описании Черкессии» (1724 г.) отмечал, что абазины переселились из Абхазии – «по языку и происхождению они абхазцы»[1]. Академик Гюль- денштедт, Паллас, Клапрот и Рейнеггс, авторы XVIII и начала XIX веков, абхазцев и абазин также рассматривали как единую народность. Вот что писал, например, Яков Рейнеггс: абазины считают себя давно отделившимся коленом абхазцев, а страну последних называют Большой Абхазией, свою же – Малой Абхазией. Они говорят «одним языком, лишь различным по диалектам, и имеют одинаковые обычаи»[2]. В таком же духе писал и Л. Я. Люлье (1857 г.): «Абхазским языком... говорят все абхазские племена, как на южном, так и на северном склоне Кавказского хребта с некоторыми оттенками, более заметными между жителями обоих склонов»[3]. «Филологические наши сведения,–- подчеркивал грузинский ученый Д. З. Бакрадзе, – несомненны лишь в том отношении, что одним языком с абхазцами говорят джигеты, цебельдинцы, медозгои (или медовеевцы, подразделявшиеся на Псху, Ахчипсу и Аибгу) и абазинцы, что они имеют один и тот же образ жизни, следовательно, и общий корень»[4]. Н. Ф. Дубровин «абхазское племя» слагал из трех составных частей: апсуа (собственно абхазцы), садзов (джигеты) и абазин[5]. Приведем еще мнение А. Н. Генко, который писал, что все абхазско-абазинские наречия в «отдаленном прошлом составляли единый в языковом отношении коллектив, взаимопонимание в пределах которого было гораздо легче, чем в настоящее время»[6].

Что же касается убыхов, живших на территории от р. Хоста (Хамышь) до Шахэ, то они этнически и лингвистически составляли промежуточное звено между абхазцами и адыге (черкесами) и занимали особое место в западной группе народов Кавказа. П. К. Услар писал: «Убыхская грамматика представляет много родственного с грамматиками языков абхазского и адыгского; взаимное родство двух последних, о котором догадывались Гюльденштедт и Георг Ро-

[1] В конце XVIII и начале XIX в. в русских источниках нередко и абхазцы именуются «абазинами» или «абазинцами». Впоследствии все чаще употребляется термин «абхазцы» или «абхазы» (от грузинского «апхази»). Сами себя абхазцы называют апсуа (а8суа9, а Абхазию – Апсны (А8сны9. Абазин же именуют ашвуаа (ашъуаа9, северокавказскую равнину – Ашвы (Ашъы9 или Ашвады.

[2] Лавров Л.И. предполагает, что предки современных абазин совершили переселение на Северный Кавказ в течение XIV–XVI вв. с Черноморского побережья–между Туапсе и р. Бзыбь (Л. И. Лавров. Абазины. «Кавказский этнографический сборник», I. М., 1955. – С. 9). К. В. Ломтатидзе и Г. П. Сердюченко поселение абазин на нынешнее их местожительство считают гораздо раньше XVII века. (Ломтатидзе Кетеван. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944. – С. 219; Г. П. Сердюченко. Абазины. Первые сведения об их языке. «Ученые записки Ростовского пединститута», в. 2. 1940. – С. 19–20), а С. Броневский и Л. Люлье – в конце XVII века (Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I. М., 1823. – С. 331; Люлье Л. Я. Черкессия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927. – С. 9).

[3] Генко А.Н. Абазинский язык. Изд. АН СССР. М., 1955. – С. 7-8.

[4] Ломтатидзе Кетеван. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. Изд. АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1954. – С. 339, 350.

[5] Ломтатидзе Кетеван. Тапантский диалект абхазского языка. Изд. АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1944. – С. 218.

В настоящее время абазины – северокавказская народность, живут в 15 селах Черкесской автономной области и разбросаны в Адыгейской автономной области; после Октябрьской революции впервые создали письменность на родном языке.

[1] СМОМПК, в. 17, 1893. – С. 154.

[2] Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Bescheibuag des Caukasus, ч. II. Хильдесхейм – СПБ, 1797. – С. 6.

[3] Люлье Л. Я. Черкессия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927.– С. 15.

[4] Бакрадзе Дм. Очерк Мингрелин, Самурзакани и Абхазии. «Кавказ», 1860, № 48.

[5] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. II–Закавказье. Спб., 1871. – С. 1–V.

[6] Генко Н. А. Указ. соч., – С. 9.

зен, подтверждается при сравнении их с языком убыхским, промежуточным между обоими»[1].

В языковом отношении абхазцы входят в абхазско-адыгскую (черкесскую) группу иберийско-кавказских или, как принято обычно их называть, кавказских языков[2]. Причем абхазский язык является одним из древнейших представителей указанной семьи языков, носители которого уже, по крайней мере, с I–II столетий нашей эры выступают как самостоятельная этническая единица[3].

3. Население

Судить о численности населения Абхазии в первой половине XIX века, на основании имеющихся скудных, весьма приблизительных и противоречивых данных, очень трудно. Турецкий сановник Таяр-паша, бежавший в Сухум в 1806 году, сообщал русским властям, что численность мужского населения Абхазии равняется, примерно, около 30 тыс. человек[4]. Еще менее точны сведения А. П. Ермолова, который количество населения Абхазии, без Самурзаканской части, считал около 50 тыс. человек, а с побережными садзами, медовеевцами (мдюаа) и абазинами–около 63 тыс. человек[5]. По сведениям капитана Энсгольма, население Абхазии определялось значительно менее 100 тыс. человек[6]. Р. до Скасси (1818 г.) численность населения Абхазии, в пределах от р. Бзыби до р. Ингур, доводил до 100 тыс. человек, хотя эта цифра, по его признанию, очевидно, преувеличена[7]. Абрюцкий население Абхазии до Гагр полагал 63.108 душ или 10.518 дворов[8]; барон Аш, сведения которого также относятся к 1830 году, – 7.718 дворов, причем без Цебельды, количество дворов в которой для него было неизвестным, если не иметь в виду данные о численности сел – до 30; садзов же он полагал до 1.050 семейств[1]. Дюбуа дает сведения по Цебельде – 15 тыс. человек, а всего населения от Галидзги до Гагр –52.300 человек[2].

Ф. Ф. Торнау цифру жителей всей Абхазии доводил до 90 тыс. человек; цебельдинцев, садзов (вместе с убыхским племенем саша) – более 21 тыс. душ мужского пола, а абазинцев он полагал 4.950 душ мужского пола. Всего же на Кавказе абхазско-абазинского населения Торнау считал 128.800 душ[3]. Согласно одному документу, относящемуся к 1855 году, в Абхазии насчитывалось, примерно, до 100 тыс. душ[4]. А. Н. Лаврентьев (1858 г.) предполагал, что число жителей Абхазии распространяется до 86 тыс. душ, при этом замечая: «Впрочем за верность этой цифры ручаться нельзя»[5].

---

[1] Услар П.К. Указ. соч. – С. 82.

[2] Чикобава А.С. Введение в языкознание, ч. I. М., 1952. – С. 219–221.

[3] Бгажба Х.С. Некоторые вопросы этнонимики и топонимики Абхазии. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXVII. Сухуми, 1956. – С. 282–283.

[4] АКАК, т. III. – С. 191.

[5] Записки Алексея Петровича Ермолова, ч. II. 1816–1827 гг. М., 1868. – С. 427–429.

[6] Энсгольм. Краткое обозрение Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии, 1817 г., рукопись. ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 74, лл. 1–45

[7] АКАК, т. VI, ч. 1. – С. 646–658.

[8] (Абрюцкий). Статистический взгляд на Абхазию. Краткие исторические сведения об Абхазии. «Тифлисские ведомости», 1831, №№24-29.

[1] Бар. Аш. Военно-статистическое обозрение страны, заключенной между Мингрелиею, крепостью Анапою, Черным морем и северо-западною частью Кавказского станового хребта, 1830 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 103212 лл. 1–34.

Барон Аш, сведениями которого мы будем пользоваться и в дальнейшем изложении, являлся поручиком генерального штаба. Перед так наз. «Абхазской экспедицией» в 1830 году он был направлен в Абхазию командиром Отдельного кавказского корпуса И. Ф. Паскевичем «для осмотра береговой дороги от Редут-Кале в Сухум». Указанное «Военно-статистическое обозрение...» является результатом этой поездки бар. Аша в Абхазию.

[2] Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Сухуми, 1937. – С. 128.

[3] (Торнау Ф.Ф.). Воспоминания кавказского офицера (ч. I. М., 1864. – С. 113–114); его же. Краткий обзор горских племен, живущих за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря, от устья Кубами до устья Ингура (ЦГВИА, ф. ВУА, 1839 г., д. 18511, лл. 1 – 18).

Указанную цифру принял и Н. Ф. Дубровин, также считая ее наиболее выражающей число «всего абхазского племени» в половине 30-х годов XIX в. (И. Дубровин. Указ. соч., стр. 3). Между прочим, в примечании переводчика книги Элизе Реклю «Земля и люди. Всеобщая география « (т. VI, Спб. 1883. – С. 79) неправильно указывается, что упомянутое количество населения было расположено на территории Абхазии между рекой Ингур и Гаграми.

[4] Название документа: «Кавказский край (общий обзор края)», 1855 г. Рукописное отделение Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. Д. А. Милютина, 10499/1, л. 19, прим.

[5] Статистическое описание Кутаисской губернии. «Статистическое описание губерний и областей Российской империи»..., т. XVI, ч. 5. Спб, 1858. – С. 75, 259–260.

Профессор Одесского Ришельевского лицея естествоиспытатель А. Д. Нордман, исследовавший Абхазию в 1836 году, количество дворов в Абхазии, без самурзаканской территории, считал 7.85242,[1] а Орест Евецкий – 52.300 душ[2]. Причем, по данным Нордмана, в «Джигетской области» было 1.165 дворов[3].

Сведения Зубарева еще менее точные, когда он допускал, что в Абжуйском, Абхазском (Сухумском), Бзыбском и Цебельдинском «обществах» было всего 94 села и 43.600 душ населения[4], а Ф. Завадский на этой территории, без Цебельды, насчитывал 66 сел, в которых – 6.215 дворов или 43.505 душ[5]. Между прочим, наиболее точные сведения по Цебельде мы находим у капитана Карганова, обследовавшего этот район летом 1866 года, который насчитал 10.345 человек[6]. Данные же по Самурзаканской Абхазии имеются у Н. Н. Муравьева, который в марте 1841 года сообщал генералу Коцебу, что здесь– 1864 двора или 9396 чел.[7] Е. Ковалевский население Абхазии определял в 94 тыс. душ[8].

Согласно данным А. Берже, численность населения Абхазии в пределах от р. Бзыби до р. Ингур в 50-х годах доходила до 113.246 чел., вместе с садзами – 130.169 чел.; абазины составляли 14.383 чел.; всего – 144.552 человека[9]. Убыхов в первой половине XIX века, по данным Новицкого, насчитывалось около 40 тыс. человек[10].

П. Гугушвили в своей книге «Экономическое развитие Грузии и Закавказья» приводит таблицу о национальном составе населения Закавказья, в которой содержатся следующие данные об абхазцах:

[1] Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю. «Журнал Министерства народного просвещения», ноябрь 1838 г., Л» 11. – С. 414–415.

[2] Орест Евецкий. Статистическое описание Закавказского края, ч. I–II. Спб, 1835. – С. 172

[3] Нордман. Указ.соч. – С. 415-416.

[4] Зубарев. Абхазия. «Русский вестник», т. V. 1842. – С. 92.

[5] Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. «Кавказ», 1867, № 59.

[6] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1012, л. 20.

[7] Там же, ф. 548, оп. 2, д. 882, лл. 9–10.

[8] Евг. Ковалевский. Очерки этнографии Кавказа. «Вестник Европы», т. III. Спб, 1867. – С. 104.

[9] Ад. Берже. Краткий обзор горских племен на Кавказе. «Кавказский календарь на 1858 год». Тифлис, 1857. – С. 269.

[10] Писарев В.И. Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в. «Вопросы истории», 1940, №9. – С. 155.

в 1800 году – 30 тыс., в 1832 году – 35 тыс. и в 1865 году – 43 тыс. человек[1]. Хотя В. Д. Абаев материалы указанной таблицы признает наиболее обоснованными вообще[2], но, по крайней мере, в части Абхазии они также не отражают действительного положения вещей.

Исходя из всего приведенного материала, можно заключить, что население Абхазии в первой половине XIX века равнялось, повидимому, около 100 тыс. человек.

Однако в 60-х годах происходит значительное сокращение населения Абхазии: к январю 1866 года оно, в пределах бывшего Сухумского отдела, стало 79.190 чел.[3], а в конце того же года – 64.933 чел.[4] и к маю 1867 года – 66.800 чел.[5] Такое сокращение численности населения Абхазии объясняется выселением части абхазского населения в Турцию, главным образом, после окончания Крымской войны, особенно в результате восстания 1866 года, вообще же наибольшее число выселения абхазского населения имело место после русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Причем увеличение населения Абхазии к маю 1867 года на 1867 человек по сравнению с численностью ее жителей в конце 1866 года произошло, в основном, за счет возвращения абхазских эмигрантов на родину, а также вследствие колонизации края.

[1] Гугушвили Паата. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX-XX веках, т. I. Тбилиси, 1919. – С. 702.

[2] Абаев В. Д. Экономическое развитие Юго-Осетии в феодально-крепостническую эпоху (1800–1864 гг.). «Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР», в. VII. Сталинири, 1955. – С. 93

[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1 (кн. 1), 1865 г., д. 107.

[4] ССКГ, в. I, отд.гор. лет. – С. 13.

[5] Там же, в. VI, отд. III. – С. 3.

● ГЛАВА ВТОРАЯ ●

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА АБХАЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

I. Сельское хозяйство

1. Полеводство

Основным занятием населения Абхазии в изучаемый период, как и в предыдущие столетия, было земледелие. Большое значение имело также скотоводство. Пчеловодство, охота, ремесло, торговля и некоторые другие отрасли, хотя и играли существенную роль, но занимали подчиненное положение.

«Занятия жителей (Абхазии. – Г. Д.), – писал ген. И. Ф. Паскевич в 1830 году, – состоят в хлебопашестве, скотоводстве и пчеловодстве, от коих получают средства для жизни и одежды своей. Сии первонужнейшие способы умножают, промышляя торговлею...»[1]. «Главными отраслями сельского хозяйства (Абхазии. – Г. Д.), – отмечал и А. В. Пахомов в 1868 году, – можно пока считать хлебопашество, виноделие, скотоводство и пчеловодство»[2].

Земледелие имело ведущее значение на побережье и в плодородных речных долинах, т. е. на основной части населенной территории Абхазии. В горных же районах страны, хозяйственная жизнь которых отличалась своей спецификой, преобладало скотоводство. Например, в Цебельде (Цабал), как писал полк. Колюбакин

[1] Предписание И.Ф. Паскевича управляющему Имеретией К.Ф. Гессе от 28 марта 1830 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1829 г., д. 6324, лл. 59-70.

[2] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. ЭКОРГО, №№ 1-2, 1968. – С. 36.

в 1851 году, «грубо обрабатывают землю только по мере крайней необходимости»[1].

«Абхазия, – указывал еще Вахушти Багратиони, – украшена всяким плодородием и климатом: ибо родятся всякие зерна. Фруктов, винограда, скота, зверей, птиц и рыб много»[2]. Яков Рейнеггс, говоря о том значении, какое земледелие имело в экономике Абхазии, писал: «Земледелие с избытком удовлетворяет потребность абхазцев; весь их край очень плодороден, в особенности горные долины и открытые равнины, орошаемые реками...»[3]. Лейтенант Скирневский, посетивший Сухум в 1807 году, сообщал, что в окрестностях Сухума имелись долины с ливадами, на которых «производится хлебопашество, состоящее из сорочинского пшена, ячменя и кукурузы...»[4]. С. Броневский также хлебопашество рассматривал как одно из главных занятий абхазского народа[5]. Об этом писал и Ф. Торнау, хотя при этом он подчеркивал, что хлебопашество в Абхазии находится «в самом первобытном состоянии»[6].

Среди зерновых и вообще сельскохозяйственных культур ведущее место занимала кукуруза, затем – просо (гоми)[7] и фасоль. Распространялись также пшеница и ячмень. Капитан Энсгольм в 1817 году констатировал, что «засеваемый и удобопроизрастаемый в Абхазии хлеб есть кукуруза, часть гоми, меньшая часть пшеницы и ячменя»; из коих кукуруза вывозится за границу[8].

Р. де Скасси, сведения которого относятся к 1818 году, «главными продуктами» Абхазии называл просо и кукурузу[9]; Абрюцкий кукурузу считал одним из основных «родов хлеба»[10], а барон Аш –

[1] АКАК, ф. 260, д. 1212, л.1.

[2] Вахушти. Описание грузинского царства (География Грузии). Тбилиси, 1941. – С. 171.

[3] Reineggs J. Указ.соч. – С. 13.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18490, дд. 1-4.

[5] Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе; ч. 1. М., 1823. – С. 326, 345

[6] (Торнау Ф.Ф.). Воспоминания кавказского офицера, ч. I. М., 1864. – С. 62.

[7] Так называемое кавказское пшено (Panicumitalicum).

[8] Энсгольм. Краткое обозрение Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии, рукопись, 1817 г. ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 74, лл. 1–45.

[9] АКАК, т. VI, ч. 1, стр. 646–658.

[10] (Абрюцкий). Статистический взгляд на Абхазию. «Тифлисские ведомости», 1831, №№ 24–29.

«главным засеваемым хлебом»[1]. Ф. Ф. Торнау, подчеркивая, что садзы сеяли кукурузу и просо, добавлял, что они в небольшом количестве разводили пшеницу и овес, по берегам же моря «разводят с успехом табак»[2]. Вот как он описывал поселение абхазского горского племени ахчипсоу в котловине верховья р. Мзымта: «По обе стороны реки раскиданы купы домов и хижин, окруженных темною зеленью садов, виноградниками, посевами кукурузы, проса, пшеницы и свежими бархатными лугами»[3]. Говоря о селении Чуа, на р. Мца, Торнау отмечал, что вправо и влево от дороги тянулись, с небольшими промежутками, отдельные группы домов, окруженных посевами проса, кукурузы, пшеницы и табака; были и фруктовые деревья, обвитые виноградными лозами[4]. Генерал Ольшевский писал о том, что население Сухумского округа сеет просо и кукурузу, причем оно может продать более 100 четвертей проса и столько же кукурузы[5].

Горный инженер Гурьев, посетив в 1843 году с. Лыхны, близ Бамборы видел расчищенные от леса «частные поля» для посева кукурузы, проса и фасоли, «составляющих почти, единственную пищу» абхазцев[6]. Начальник Черноморской береговой линии А. И. Будберг в 1844 году подчеркивал, что в Абхазии «посевы состоят почти исключительно из гоми (род проса) и кукурузы, которые сеются и поспевают очень поздно...»[7]. А. Н. Лаврентьев из числа хлебных растений в Абхазии, хорошо родившихся, отмечал кукурузу, просо, отчасти пшеницу и различные огородные культуры[8]. А. В. Пахомов утверждал, что из зерновых хлебов сеется преимущественно кукуруза[9]. Известный исследователь Кавказа Г. И. Радде,

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 103212, лл. 1–34.

[2] Торнау. Описание части восточного берега Черного моря от Бзыби до р. Саше (докладная записка от 25 ноября 1834 г.) ЦГВИА, ф. ВУА, 1835, д. 18510, лл. 1–8.

[3] (Торнау Ф.Ф.). Воспоминания кавказского офицера, ч. II. – С. 39-40

[4] Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. II. – С. 47.

[5] Рапорт М. Ольшевского Н. Раевскому от 3 сентября 1839 г. ЦГИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, л. 4 об.

[6] (Гурьев). О нахождении лигнита в Абхазии. «Горный журнал на 1843 год», ч. 111, кн. V. Спб, 1843. – С. 296.

[7] Рап. А. И. Будберга А. И. Нейдгарту от 4 июля 1844 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1844 г., д. 6541, лл. 107–113.

[8] Лаврентьев. Статистическое описание Кутаисской губернии. «Статистич. описания губерний и областей Российской империи»..., т. XVI. ч 5. Спб., 1858. – С. 149.

[9] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 37.

посетивший Абхазию в июле – августе 1865 года, говорил о кукурузе как о наиболее распространенном хлебном растении в крае. Он во всех населенных пунктах видел «светло-зеленые поля кукурузы»; эти «кукурузные плантации» были разбросаны в лесах, местами «кукурузные поля крестьян» разделялись обрывами. Говоря о питании абхазского крестьянина, автор подчеркивал, что «он довольствуется кислым молоком, кукурузою и кукурузным хлебом»[1]. Член комиссии по исследованию земель между реками Туапсе и Бзыбь (1866 г.) И. С. Хатисов писал, что садзы сеяли «больше кукурузу, два сорта проса и бобы»[2]. А. Н. Введенский также констатировал: «Посев гоми, сравнительно с кукурузой, составляющей главную пищу населения и вместе с тем выгодный предмет торговли, незначителен»[3].

Таким образом, кукуруза оттеснила на задний план просо (гоми), в прошлом основной хлеб населения всего Западного Кавказа. Кукуруза оказалась более урожайной и ценной культурой – продуктовой и кормовой, требовавшей сравнительно меньше затраты труда и менее прихотливой, чем просо. Вместе с тем кукуруза все более и более превращалась в товарный продукт. В Абхазии известно несколько сортов кукурузы, из которых наилучшими считаются алатачача (алаҭаҷаҷа) и алгажв (алгажә). Из кукурузной муки приготовляли мамалыгу (абысҭа), заменявшую хлеб.

Тем не менее, просо в предреформенный период все еще оставалось одной из главных полевых культур края. Тот же Введенский подчеркивал, что были еще селения, как например, Дурипш, где исключительно засевали эту культуру. Возражая А. В. Пахомову, утверждавшему, что в Абхазии просо будто встречалось как исключение, Введенский писал: «Положительно могу уверить, что еще в 1867 году селение Дурипш исключительно засевало гоми; большие посевы его были кроме того в селениях Арква, Рюта, Эберныха, Ачандара, Тасраква и Калдахвара, в ограниченном же размере засевалось гоми повсеместно»[4].

[1] (Радде Г. И.). Предварительный отчет о путешествии д-ра Г. Радде по Кавказу летом 1865 года. ЗКОРГО, кн. VIII, 1873. – С. 18, 22, 33.

[2] ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 12.

[3] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. ССКГ, в. VI, отд. III. – С. 7.

[4] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 7, прим.

Даже в отчете начальника Сухумского округа за 1874 год мы находим справку о том, что население Абхазии, «по унаследованному от предков своих обычаю», засевает два рода хлебов: кукурузу и просо, «вполне прочно обеспечивающие их экономический быт». Но при этом подчеркивалось, что с каждым годом посевы кукурузы увеличиваются: главный продукт в хозяйстве абхазцев есть кукуруза[1].

В Абхазии было известно просо двух сортов: ахудз (ахәыз) или абыста (абысҭа) и ашы или ашырдз (ашырз). Из проса готовили густую кашу – абысту (мамалыга). Характерно, что указанное название перешло на мамалыгу из кукурузной муки. Ашы мололи на мельнице (само слово мука – «ашыла», видимо, происходит отсюда) и из его муки пекли хлеб[2].

В конце XIX века значение кукурузы в экономике Абхазии стало таким, что М. Т. Джанашвили писал: «Ныне абхазцы сеют кукурузу и, изредка, пшеницу»[3], а Н. В. Фон- Дервиз писал еще определеннее: «Из хлебов сеют исключительно кукурузу»[4]. В 1906 году Фон-Дервиз повторял то же самое, при этом замечая, что, кроме того, сеют нередко «местное просо»[5]. Кукуруза и просо, а также пшеница давали «очень большой урожай»[6]. По данным 60-х годов, они давали: кукуруза – от сам 40 до сам 80, просо – от сам 80 до сам 120, пшеница – от сам 18 до сам 30[7].

Одним из основных продуктов питания населения Абхазии также являлась фасоль (лобио) разных сортов, с вьющимися и невьющимися стеблями. Маис (кукуруза), просо и род бобов (фасоль), писал Дюбуа, составляют главную основу пищи абхазского населения[1].

Кроме указанных растений, абхазцы занимались еще разведением ряда технических культур: льна, конопли, хлопчатника, табака. А. Н. Введенский упоминал еще клещевин- пик, «возделываемый абхазцами», который «дает здесь весьма хороший урожай». Он употреблялся в пищу как приправа для каши из кукурузы или гоми[2]. Между полевыми растениями встречался бор, разводимый для метелок. Все эти культуры разводились в ограниченном размере, потребном для домашнего хозяйства.

Из бахчевых и огородных растений разводили, обычно на приусадебных участках, лук, чеснок, редьку, местную капусту (кольраби), огурцы, арбузы, тыквы, дыни, красный перец, киндзу, помидоры и пр. Все это засевалось также в размере, необходимом для семейства. Киндза, чеснок и перец – любимые приправы абхазцев почти во всех кушаньях.

Удельный вес отдельных культур в Абхазии определялся рельефом местности и природными свойствами почвы данного района.

Величина посевных площадей, как мы увидим в дальнейшем изложении, была невелика. Непроходимые дремучие леса и кустарники покрывали значительные массивы плодородной почвы. Крестьяне по мере своих сил вели борьбу за освоение новых посевных площадей, расчищая леса и кустарники с помощью огня и аихапсуху (цалда, топор). Абхазцы знали особый способ уничтожения лесов, широко распространенный и у адыгов (черкесов), а также в некоторых местах Западной Грузии. Вот как И. С. Хатисов описывает этот способ: абхазцы делали на высоте 1/2 аршина от земли, вокруг ствола, глубокий кольцеобразный надрез, доходящий до древесины, вследствие чего в первое же лето деревья начинают сохнуть. Через несколько лет, смотря по породе, дерево совершенно сгнивало и падало само собой, оставляя в земле одни только пни, выкорчевывание которых не составляет большого труда[3].

---

[1] ЦГИАГ, ф. 545, д. 996, лл. 3–40.

[2] Инал-ипа Ш. Д. К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXV. Сухуми, 1954. – С. 229.

[3] Джанашвили М. Абхазия и абхазцы. ЗКОРГО, кн XVI, 1894. – С. 15.

[4] Фон-Дервиз Н. Сухумский округ в сельскохозяйственном и лесном отношениях. «Кавказское сельское хозяйство». 17 ноября 1894 г., № 48, Тифлис.

Д. Неболь также констатировал, что из зерновых хлебов возделывается, главным образом, кукуруза (Там же, 9 марта 1895 г., № 63).

[5] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего). ЗКОРГО, кн. XXV, 1906. – С. 31.

[6] Варгас-де-Бедемар А. Записка об осмотре западного Черноморского берега Закавказского края. ЗКОСХ, №№ 3 и 4, 1867. – С. 7.

[7] Там же; А. Пахомов. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. ЗКОСХ, №№ 1 и 2, 1868. – С. 43.

[1] Дюбуа. Указ. соч. – С. 123.

[2] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 8–9.

[3] ЗКОСХ, №№5 и 6, 1867. – С. 25.

Земледельческая техника была весьма примитивна. Инвентарь был скуден. Абхазские крестьяне землю возделывали сохой, только разрыхлявшей, но не переворачивавшей почву. Вырубив дерево с изогнутым пеньком, они заостривали пенек клином, к длинному концу которого приделывали приспособление из веревок для тяги. Таким орудием с помощью буйволов или быков, обычно парой, бороздили землю. Очень часто возделывание земли под посевы производилось и просто заступом[1]. Позже стала применяться все чаще однопарная соха с железным лемехом, а также резалом, особенно в Бзыбской Абхазии.

Ив. Аверкиев так описывал способ обработки земли, носивший подсечно-пашенный характер, который применялся в урочище Багрыпшь и вблизи него (в нынеш. Гагрском районе). «Занимают под пашню пространство земли, покрытое папоротником, и выжигают его; довольно тонкий слой наносной земли, удобренный золою папоротника, делается очень рыхлым; затем берут несколько сучьев с ветками, до одного дюйма толщиною, заостривают толстые концы сучьев и связывают их один с другим в ряд; заостренным концом бороздят землю и сеют хлеб, потом, оборотив сучья так, чтобы они ветками касались земли, заволакивают маленькие борозды вспаханной земли»[2].

Комиссия по исследованию земель между реками Туапсе и Бзыбь в мае 1866 года посетила два абхазских села, уцелевших от махаджирства в 1864 году и расположенных в бассейнах рек Бзыби и Хашупса. Здесь члены комиссии видели плуг, который И. С. Хатисов описал следующим образом[3]: «Он совершенно схож с имеретинскою сохою (кави) как по форме, так и по размерам отдельных частей, с тем исключением, что абазины прибавили к нему железный нож, пропущенный через гридель (дышло), чего никогда не употребляют в Кутаисской губернии. Запряженная двумя крайне мелкими волами, соха эта разрыхляла не глубже 1 1/2 вершка легкую черноземную почву». В другом месте: «Это рало у них заменяло и плуг и борону; им они пахали, им покрывали посеянные зерна».

[1] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866, № 76.

[2] Аверкиев Ив. Указ.соч.

[3] ЗКОСХ. №№ 5 и 6, 1867. – С. 4, 12.

А. Н. Введенский также свидетельствовал, что для распашки земли абхазские крестьяне обыкновенно употребляли особый плуг, похожий на соху и состоящий из большого деревянного крюка, одна сторона которого заострена наподобие треугольного резца. Посеянное зерно засыпали землей, употребляя для этого в качестве бороны вязанку колючего кустарника или хвороста, на которую клали небольшую тяжесть[1].

Особенно ценные сведения об абхазских пахотных орудиях мы находим у А. В. Пахомова. «Употребляемый здесь (в Абхазии. – Г. Д.) плуг[2], – писал он, – похож на мингрельский. Это плоско обтесанная кривулина, коротким своим концом вставляется в треугольную подошву, на которую в местах с тяжелым грунтом надевается железный конусообразный наконечник. Для большего удобства управления орудием в задней стороне о приделывается стойка с рукояткой, нижним концом укрепленная в подошве, а другим, верхним, привязанная лыком или виноградной лозой или укрепленная деревянной перекладиной к углу или дуге, образуемых концами кривулины. На длинном конце кривулины, играющей роль дышла, делаются снизу зарубки, которыми дышло прикрепляется с помощью веревки к ярму»[3].

Вместе с описанием у Пахомова даны два схематических рисунка пахотных орудий с соответствующими экспликациями. Анализировав схематические рисунки А. В. Пахомова, проф. Г. С. Читая заключает, что автор в своем описании имеет в виду две разновидности пахотных орудий. Эти две разновидности пахотных орудий у Пахомова даны в одном общем описании[4].

В объяснительном тексте к схематическим чертежам говорится: «Плуг № 1-й, совершенно тождественный с тем, который встречается постоянно в Мингрелии, употребляется постоянно в низменной части Драндского округа и притом всегда с железным лемехом». «Плуг № 2-й, напоминающий плуг калабрийский, быть может

[1] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 6.

[2] Это название для описываемых абхазских пахотных орудий неточное.

[3] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 37–38.

[4] Читая Г. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий. «Сообщения АН Грузинской ССР», т. II, №3. Тбилиси, 1941. – С. 293.

занесенный сюда еще генуэзцами, чаще встречается в Пицундском округе, и так как грунт там более легкий и рыхлый, то употребление лемеха железного тамошние крестьяне считают излишним. При пахании плуг устанавливается так, чтобы подошва была совершенно параллельна плоскости поля и не дают ему глубоко зарываться, чтобы не мучить понапрасну животных. Обычно борозды не превышают глубины 3-х вершков на легких почвах, что для кукурузы было бы вполне достаточно»[1].

Интересные сведения о старинных, но все еще в основном и в начале XX века применявшихся в абхазской деревне, пахотных орудиях мы находим у Н. В. Фон-Дервиза и А. А. Миллера. Что же касается усовершенствованных, металлических плугов, то и в первые годы текущего столетия они являлись редкостью. Фон-Дервиз отмечал, что только несколько лет тому назад заведены плуги в имениях Шервашидзе и Инал-ипа[2]. Но количество таких орудий вообще в Абхазии росло, что было связано, в первую очередь, с русскими переселенцами-крестьянами. Как отмечал Л. Гукасянц, последние ввели усовершенствованные земледельческие орудия, правильную обработку почвы, новые культурные растения и различные молочные продукты[3].

Н. В. Фон-Дервиз так описывал абхазский плуг. Для его изготовления приискивают дерево, чаще дубовое или каштановое, изогнутое в нижней части, или с подходящим для необходимого изгиба корнем, или просто с толстым суком. К короткому концу такого крюка иногда прикрепляется железный лемех местного изделия (очень легкий); за неимением железа часто делают лемех из дерева. Таким плутом производится обработка уже расчищенных пахотных земель на глубину не более 1 ½ – 2 вершков; при этом слой вздираемой таким образом земли не переворачивается, а лишь разрыхляется по линии оси лемеха. Вспахав землю, приступают к посеву на ней кукурузы и затем пашут второй раз уже поперек, что служит вместе с тем и для закрытия семян.

[1] Миллер А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. «Материалы по этнографии России», т. I. Спб, 1910. – С. 74.

[2] Читая Г. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий. «Сообщения АН Грузинской ССР», т. II, №№ 3–4. Тбилиси, 1941.

[3] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего). – С. 40.

На целинах пахали тем же плугом, но непременно с железным лемехом; при этом глубина пашни не превышала одного вершка. На лесных же расчистках земля подготавливалась к посеву взрыхлением мотыгами (тохами). Только когда совершенно сгнивали корни, что происходит через 3–4 года, пахали уже описанным плугом[1].

А. А. Миллер, совершивший экспедицию по Абхазии в 1907 году с целью сбора этнографического материала, зарисовал и описал абхазскую соху: это – бревно, слегка лишь отесанное, с суком, на который надевается железный сошник; сверху приделывается ручка; дышло имеет несколько отверстий, чтобы регулировать глубину вспашки, укрепляя ярмо в одном или другом месте. Описание бороны также почти не отличается от уже приведенного; после посева поле боронят; бороной служил ряд жердей, заплетенных хворостом; впрягали, с помощью лыковой веревки, одного буйвола, и на борону становился, для тяжести, человек или клали несколько камней[2].

Г. С. Читая, на основании вышеприведенных данных Д. В. Пахомова и А. А. Миллера, устанавливает три вида пахотных орудий в Абхазии в XIX–XX веках. Эти разновидности пахотных орудий, пишет он, по существу принадлежат к одному основному типу, во многих своих вариантах имеющему широкое распространение по всему Кавказу и характеризующемуся изогнутым дышлом, всаженным в подошву. Первые две разновидности орудий являются общими для мегрелов и абхазцев, а третья разновидность пока что известна только у абхазцев. Вместе с тем проф. Читая все их выводит из переднеазиатских прототипов. Таким образом, опровергается предположение А. В. Пахомова о занесении указанного пахотного орудия в Абхазию генуэзцами из Калабрии[3].

В качестве рабочего скота у абхазцев служили, как уже отмечалось, быки и буйволы. Абхазский бык был довольно силен и вынослив: с короткими ногами, но с большим и сильным корпусом, характерным для горного скота; грудная клетка и холка очень раз-

[1] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 39.

[2] Миллер А. Указ. соч., – С. 79.

[3] Читая Г. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий. «Сообщения АН Грузинской ССР», т. II, №№ 3–4. Тбилиси, 1941.

виты[1]. Местами же, особенно при посеве проса и хлопка, все еще обходились мотыгой, известной под названием ацакиа (ацакьа).

Последующие работы производились с помощью тохи (мотыги), небольшого размера и треугольной формы[2]; А. А. Миллер находил, что абхазские тохи имели большое сходство с черкесскими[3], а И. С. Хатисов писал, что у садзов употреблялись мотыги, совершенно похожие на имеретинские тохи[4]. Применялись также коса, серп – в виде изогнутого копья с длинной деревянной ручкой. Из других уборочных орудий следует назвать грабли и вилы, делавшиеся из дерева. Были оригинальные деревянные крупорушки и для той же цели ступки, пестик которых приводился в движение ногами при помощи деревянного рычага, а местами пользовались силой воды горных речек. Мололи, главным образом, на ручной мельнице.

Начальник второго отделения Черноморской береговой линии генерал Ольшевский в 1839 году писал, что абхазцы беспрерывно меняют свои поля, чтобы не удобрять землю[5]. Но, как правило, на одном и том же месте сеяли подряд 6–7, а иногда, на глубоких наносных землях, 10 и даже 20 лет без отдыха. Более того, Фон-Дервизу была известна местность по реке Кодор, где запашка производилась беспрерывно в течение 100 лет[6].

При описанной обработке земли урожай с одной десятины не превышал 150 пудов (редко 200–220 пудов в приречных долинах)[7]. В начале 90-х годов урожай кукурузы с десятины, очевидно максимальный, доходил до 200–250 пудов[8].

Следует также отметить, что абхазцы имели почти по всем культурам свои семена, отличавшиеся хорошей всхожестью, устойчивостью против засухи, сельскохозяйственных вредителей, скороспелостью и высокой урожайностью.

[1] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего). – С. 40.
[2] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении – С. 39.
[3] Миллер А. Указ. соч. – С. 79.
[4] ЗКОСХ, №№ 5 и в, 1867. – С. 12.
[5] ЦГИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, л. 4 об.
[6] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего). – С. 32.
[7] Там же. – С. 33.
[8] «Кавказское сельское хозяйство», 15 сентября 1894 г., № 39.

2. Виноградарство и виноделие

Виноградарство и виноделие в рассматриваемое время представляли собой одну из важнейших отраслей сельского хозяйства Абхазии – «одно из главных богатств абхазских поселян», – как писал Н. Ф. Дубровин[1]. Было много местных сортов винограда. Разными авторами было зафиксировано до 60 названий винограда[2], наилучшими из которых считались акачич (акаҷыҷ), ауасырхуа, амлаху, ажьхуа и др. С 50-х годов большое распространение получила «изабелла» («одесса»), известная у абхазцев под названием ахардан (аҳарлан) или «аурысыжь», т. е. «русский виноград».

Французский посол в Тифлисе Ж. Гамба, посетивший Абхазию в начале 20-х годов XIX века, свидетельствовал, что здесь виноградные лозы росли повсюду[3]. Абрюцкий также писал, что виноградная лоза росла изобильно везде; народ добывает из винограда вино в большом количестве[4]. «Абхазия чрезвычайно богата виноградом...», – писал и Ф. Торнау[5]. В отчете членов комиссии по исследованию земель между реками Туапсе и Бзыбь было отмечено, что население среднего течения р. Хашупса занималось виноделием, пчеловодством и шелководством. Здесь они повсюду встречали вьющиеся по ольховым и хурмовым деревьям виноградные лозы, особенно у подошвы лесистых гор Ачмарда и Берчиел. Здесь, по словам абхазских проводников, приготавливалось «славное крепкое вино»[6].

Автор обстоятельной статьи «О виноградниках и виноделии в Абхазии», член Кавказского отделения Русского географического общества С. И. Пушкарев подчеркивал, что «в настоящее время (в 1852 году. – Г. Д.) виноградные лозы роскошно произ-

[1] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе т. I, кн. II. Спб, 1871. – С. 6.
[2] Джанашиа Б. П. Абхазская лексика виноградарства и виноделия. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1955. – С. 4.
[3] (Gamba). Voyage dans la Russie ineridionale et particulierement dans les provinces situees au-dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824... т. I. Париж, 1826. – С. 85.
[4] Абрюцкий. Указ. соч.
[5] (Торнау Ф. Ф.). Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 61.
[6] ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 11–12.

растают на всем берегу Абхазии...». При этом он отмечал наиболее виноградарные места Абхазии: в с. Лыхны имелось до 20 тыс. виноградных «кустов»; в Чаабалурхва, Акуаскямца, Апцхва, Куланурхва, Аацы, Анухва и Псырцха – от 10 до 15 тыс. «кустов» в каждом селении; в Дранда и Кодор – от 7 до 10 тыс. лоз в каждом из них. Отдельные лозы приносили ежегодно не менее 30 пудов винограда[1]. Ф. Завадский также свидетельствовал, что виноград растет в Абхазии «в большом изобилии»[2]. По сведениям Д. З. Бакрадзе, одно дерево могло дать до 30 пудов винограда[3]. Надо сказать, что состояние виноградарства, например, в Бзыбской Абхазии до 1854 года было гораздо лучше, так как в указанном году разразилась болезнь винограда[4]. Неурожайным годом был и 1865 год[5].

О качестве абхазского вина Р. де Скасси, Ф. Торнау, Абрюцкий, С. Пушкарев, Ф. Завадский и другие авторы отзывались положительно. Одни называли его очень крепким[6],

другие – очень порядочным[7], третьи находили его просто хорошим[8], а Р. де Скасси писал, что в некоторых местах Абхазии виноград превосходит лучший крымский виноград[9]. Из абхазского вина армянские промышленники гнали водку, крепкую и довольно приятную[10]. Известно также, что у соседних убыхов, в Псезуапе (Лазаревка), гнали в значительном количестве водку из кукурузы и проса; причем для солода употребляли просо, в зеленом или в сушеном виде[11].

Техника выделки вина была примитивна. Самое раннее и более или менее подробное описание способа приготовления вина абхазцами мы находим у Ф. Ф. Торнау. Согласно этому описанию, делалась яма в земле, которую обкладывали глиной и затем обжигали, разложив в ней огонь. Вытоптав виноград ногами в яме, из нее вычерпывали вино, когда сок перебродил, и хранили его в глиняных кувшинах, зарытых в земле[1].

А. Н. Введенский писал о других приемах выделки вина у абхазцев. Провяленный виноград сваливали в корыто (аеҳәа), выдолбленное из большого бруса. Два или три человека разминали виноград ногами и выдавленный сок спускали через отверстие, сделанное в дне корыта, в большие врытые в землю глиняные кувшины, емкостью до 20 ведер. Когда кувшин наполнялся, его слегка прикрывали до окончания брожения сока и потом замазывали наглухо. Выжимки, оставшиеся в корыте, продолжали растирать ногами, подбавляя воды, и из этого разбавленного сока приготовляли вино для повседневного употребления[2]. С этим почти совпадает описание анонимного автора статьи «Note sur Abazes»[3]. По сообщению стариков, виноград собирали предварительно в большой яме, под названием ажьахвара (ажьаҳәара), и обкладывали папоротником, и уже оттуда брали его частями, по мере надобности, для переработки[4].

Вино хранили в больших глиняных кувшинах, зарывавшихся в землю под особыми навесами или где-нибудь во дворе, а также в выдолбленных деревянных кадушках и, впоследствии, в обыкновенных бочках. В кувшинах вино сохранялось очень хорошо, в особенности если они были зарыты глубоко в землю и покрыты на 3–4 фута хорошей глиной, герметически закрывавшей отверстие. Вино при этом способе портилось очень редко[5].

---

[1] «Кавказ», 1852, № 27.

[2] Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. «Кавказ», 1867, № 60.

[3] Бакрадзе Дм. Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии. «Кавказ», 1860, № 48.

[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп. I, (кн. 1) 1864 г., д. 6, лл. 180–198.

[5] Там же, д. 76, лл. 142–143.

[6] Абрюцкий. Указ. соч.

[7] (Торнау Ф.Ф.). Воспоминания кавказского офицера, ч. 1. – С. 37.

[8] Ф. Завадский. Абхазия и Цебельда. «Кавказ», 1867, № 60.

[9] АКАК, т. VI, ч. I. – С. 646–658.

[10] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 103212, лл. 1–34.

[11] ЗКОСХ, №№ 5–6, 1867. Отчет комиссии..., – С. 65.

[1] Торнау Ф.Ф. Указ. соч. – С. 37.

[2] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 23.

[3] ЗООИД, т. XXII. – С. 16.

[4] Материалы, собранные во время слета старейших сказителей Абхазии, состоявшегося 26–30 сентября 1954 г. в г. Сухуми. Архив Абхазского института, ф. 1, д. 92, л, 5; д. 177/105, л. 3.

[5] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа, кн. II. Спб., 1847. – С. 135.

С. Н. Тимофеев. Очерк виноградарства и виноделия в Сухумском округе. «Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе», в. IV. Тифлис, 1896. – С. 28.

3. Плодоводство

Плодоводство у абхазцев было развито также с незапамятных времен. Эта отрасль занимала видное место в сельском хозяйстве Абхазии. Сады, а также небольшие группы привитых плодовых деревьев встречались в каждом населенном пункте на приусадебных участках, на полях и лугах.

Об определенном развитии садоводства в Абхазии писал Эвлия Челеби. Говоря о племени Чач, он отмечал, что «горы их изобилуют плодами, особенно волошскими и лесными орехами и абрикосами». Он же говорил о р. Псоу: «Оба берега покрыты садами»[1]. Вахушти указывал, что в Абхазии «фруктов, винограда... много»[2]. С. Броневский перечисляет яблоки, груши, грецкие орехи, сливы, персики, абрикосы, виноград, тутовые ягоды и др., которые произрастали в Абхазии[3]. Ф. Ф. Торнау также писал, что Абхазия «чрезвычайно богата виноградом и разными фруктами, в особенности грушами, сливами и персиками, растущими без всякого ухода»[4]. Например, о жителях селений долины р. Мзымта Торнау говорил, что они пользуются изобилием фруктов: персиков, абрикосов, груш и яблок, превосходящих величиной и сочностью все подобные плоды, какие можно встретить в других местах по берегу Черного моря; горы покрыты каштановыми деревьями, плодами которых питается бедное население[5]. «Судя по множеству фруктовых и виноградных садов и хлебородных полян, надо полагать, что здесь (в долине р. Мзымта. – Г. Д.) когда-то кипела деятельная земледельческая жизнь», – заключал И. С. Хатисов[6]. О фруктовых деревьях, произраставших в этом районе, писал также А. В. Верещагин: в ущелье р. Цвиж было много груш, яблонь, слив, персиков; на всей поляне Кбаада (Красная поляна) стояли ореховые и другие фруктовые деревья[7]. Эдмунд Спенсер в районе Пицунды видел вишневые деревья, которые превосходили по величине то, что он «когда-либо видел раньше», и виноград «огромной величины переплетался от дерева до дерева»[1].

Флора Абхазии, свидетельствовал С. Смоленский, посетивший летом 1859 года ряд сел Бзыбской Абхазии, как и флора Имеретии и Мегрелии, «изобилует множеством фруктовых деревьев»[2]. Говоря о занятиях жителей с. Лыхны, он подчеркивал, что они занимались садоводством, почему вид села издали «представляется сплошной массой леса, в котором решительно не видно никаких построек». Сады преимущественно виноградные, но много было в них и фруктовых деревьев». Кроме того, почти все дороги и площади покрыты тенью орехов, каштанов, с виноградными лозами, вьющимися на них до 15–20 аршин вышины и больше[3]. По поводу же селения, расположенного на правой стороне р. Мчишьта, очевидно Бармыш, автор говорил, что оно было разбросано на возвышенности, между садами винограда, каштанов, черешен, грецких орехов и пр.[4] «В вековых лесах Абхазии, – писал и Н. Ф. Дубровин, – зреют вкусные яблоки и груши; густой виноградник, отяжеленный полновесными гроздьями, сам собою просится в саклю; волошские орехи, каштаны, винные ягоды, гранаты и другие плодоносные деревья» в большом изобилии[5].

Г. И. Радде восхищался «роскошнейшими дикими плодовыми деревьями», которые росли на правом берегу р. Кодора, недалеко от Чхалтского моста, а вся нижняя Абхазия (более сырые места) «изобилует хурмой и орехом»; причем было «много групп величественных грецких орехов» и в глубине страны[6]. Так, в Цебельде в 1868 году грецких ореховых деревьев было 5.132 корня; из других плодовых деревьев: яблонь, айвы, персиков – 700 корней, а также 2.324 корня виноградной лозы[7]. По подсчетам А. В. Васильева, в 1938 году в урочище Псху имелось 3.310 деревьев грецкого ореха с

[1] Челеби Э. Путешествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря. ЗООИД, т. 9, 1875. – С. 173, 175.

[2] Вахушти. Жизнь Грузии. Тбилиси, 1913. – С. 243.

[3] Броневский С. Указ. соч. – С. 327.

[4] Торнау Ф. Указ. соч., ч. I. – С. 61–62.

[5] Там же, ч. II. – С. 40; ЦГВИА, ф. ВУА, 1835 г., д. 18510, лл. 1-8.

[6] ЗКОСХ, № 5 и 6, 1867. – С. 22.

[7] Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874. – С. 69, 70.

[1] Spenser E. Travels in Cercassia, Krim, Tartary. Лондон, 1840, письмо XXVIII.

[2] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», № 10, 1872. – С. 336.

[3] Там же. – С. 354.

[4] Там же, № 9. – С. 150.

[5] Дубровин Н. Указ. соч. – С. 8.

[6] Радде Г. И. Указ. соч. – С. 17, 28.

[7] Дьячков-Тарасов Н. Несколько слов о заселении Цебельды. «Кавказ», 1868, № 129.

валовой урожайностью 22,26 тонны, по Абхазской Сванетии – 2.360 корней с урожайностью 58 тонн, по уроч. Аибга – 994 корня с урожайностью 45 тонн[1]. Это были в значительной степени остатки старых насаждений местного населения, выселившегося из Абхазии в 60–70-х годах прошлого века.

Известно несколько абхазских сортов грецкого или волошского ореха (аракәада, арамҷыг, амаргуз–лучший вид, с крупными орехами, тонкой скорлупой и полным ядром). Мелкий орех – лещина вместе с сортовыми (культурными) посадками фундука в Абхазии в 30-х годах текущего столетия составлял 461.242 куста. Основные культурные сорта, разводимые здесь – абхазский мелкий, скороспелка круглая, абхазский средний, керасунд и др. В указанное время в Абхазии было 23.300 га лесов с преобладанием каштана, дающего ценные плоды; урожайность их определялась в 5.000 тонн, а при соответствующем уходе за насаждениями могла достигнуть 25.000 тонн ежегодно[2]. Специалисты отмечали также разносортность абхазских груш (аҟәпсҳа, аҳаш, алуҳа, аҳапеҩо, аҳасса), яблок (апҳынҵәа, азынҵәа, ашьаҟарцәа, аҵәасса) и др.

В Абхазии, кроме того, успешно росли такие дикорастущие плодовые деревья, как инжир, хурма кавказская, кизил, гранат, барбарис, алыча, мушмула кавказская и др., а также ягодные кустарники: ежевика, черника кавказская, смородина и пр., которые приносят высококалорийные, богатые витаминами питательные диетические продукты. Из них, наряду с орехами, большую роль в домашнем хозяйстве абхазцев играли алыча, барбарис, гранат и кизил, сок которых служил приправой к пище. Ими запасались на зиму в переработанном и сушеном виде[3]. Эти консервы сохраняли «приятную свежую кислоту и аромат»[4].

Абхазские сорта плодовых пород отличаются приспособленностью к местным почвенно-климатическим условиям, большой долговечностью, стойкостью против сельскохозяйственных вредителей и болезней, а также высокой урожайностью.

[1] Васильев А. В. Дикорастущие плодовые и пищевые древесные породы Абхазии. Изд. ИАК АН СССР, Сухуми, 1938. – С. 54.

[2] Там же. – С. 70.

[3] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 18.

[4] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 58.

Абхазцы широко применяли практику прививки плодов, а также разведения их черенками.

Развитию плодоводства, как и другим отраслям сельского хозяйства, способствовали благоприятные естественно-исторические условия. Надо сказать, что в деле выращивания плодово-ягодных культур огромное значение имело пчеловодство, которое здесь достаточно хорошо было развито.

Земледелие породило у абхазцев несколько божеств, ведавших различными отраслями земледельческого хозяйства, а также соответствующие обряды. Из всех божеств, созданных религиозной фантазией абхазского народа на почве земледельческого быта, наибольшей известностью пользовалась Джаджа – богиня полеводства, огородничества и виноградарства, богиня плодородия вообще. С. Т. Званба, определяя Джаджу как покровительницу засеянных полей и всей растительности, писал: «Божеству этому делают жертвоприношение следующим образом: когда снимут с полей хлеба и плоды с деревьев, то из каждого рода хлеба и плодов приготовляют пищу; все приготовленное ставят на стол и старший в семействе, сняв шапку, благодарит Джаджу за хороший урожай, если он действительно был хорош; если же был скуден, то просит, чтобы Джаджа вознаградила недостаток в будущем году»[1]. Обращаясь же к Анапа-нага, другому богу урожая, произносили: «Дай нам такую кукурузу, чтобы при сборе пришлось нам гнуть ее крючками и подрубать цалдою»[2].

Языковые данные также представляют богатый и интересный материал. В абхазском языке имеется значительное количество терминов, связанных с растениеводством и агротехникой.

4. Животноводство

По своей значимости ведущей после земледелия отраслью хозяйства, являвшейся «главным подспорьем в хозяйстве местного населения»[3], было животноводство, дававшее населению пищу и

[1] Званба С. Этнографические этюды. Сухуми, 1955. – С. 74–75.

[2] Джанашия Н. Религиозные верования абхазов. «Христианский Восток», т. IV, в. 1. Пгр, 1915. – С. 84.

[3] ЦГИАГ, Ф. 545, он. 1, (кн. 1), д. 986, л. 116.

сырье для одежды и обуви. Причем в горных районах Абхазии, как отмечалось, оно имело преимущественное значение[1]. Эта роль животноводства в хозяйственной жизни края была хорошо отмечена историком М. Джанашвили. Он писал: «Главное богатство абхазца составляет домашний скот; по мнению абхазца, это существенный рычаг жизни человека, кормитель, хранитель и взраститель его. В представлении абхазца, жизнь без домашнего скота немыслима; можно еще кое как обходиться без хлеба, но без скота нельзя». При этом автор делал такое примечание: «Так было до последней войны (1877–1878 гг. – Г. Д.), а после нее главное внимание абхазцев было обращено на посев кукурузы, вывоз которой увеличивается изо дня в день»[2].

В сочинении Арканджело Ламберти (1654 г.) читаем, что у абхазцев «множество крупного и мелкого скота»; ежедневная их пища – сыр, молоко и дичь[3]. Вахушти также говорил, что в Абхазии много скота и восхищался породой абхазской козы, которую он описывал следующим образом: она очень красива, пестра, с мягкой шерстью, высокими ногами, большим телом, рога ее длиной, примерно, в полтора аршина, а борода длинная до колен[4]. Я. Рейнеггс писал о том, что у абхазцев хорошее скотоводство[5]. С. Броневский, говоря о занятиях абхазского населения, указывал, что оно имело лошадей, крупный рогатый скот, коз и овец; рогатый скот, например, около Сухума, малого роста, но мясо вкусное и жирное[6]. Энсгольм, отметив, что животноводство абхазского народа состоит большей частью из рогатого скота, писал: «Сего рода скот есть отличнейший по всей юго-западной части Кавказа»[7].

Барон Аш также указывал, что животноводство абхазцев состоит большей частью из рогатого скота, небольшого роста, имеет

[1] Цебельдинский пристав кап. Лисовский в 1838 году сообщал, что в Цебельде земледелие почти в руках женщин, которые сеют в небольшом количестве кукурузу и фасоль «на земле, вскопанной лопаткам ими же самими», а также убирают хлеб; мужчины же занимаются скотоводством и охотой (Государственный музей Грузин им. акад. С. Н. Джанашиа, рукописное отделение, ф. 3, д. 384, л. 3).

[2] Джанашвили М. Указ. соч. – С. 15, 16.

[3] (Арканджело Ламберти). Описание Колхиды СМОМПК, в. 43, 1913. – С. 189.

[4] Груз. текст – С. 171.

[5] Reineggs J. Указ. соч. – С. 12.

[6] Броневский С. Указ. соч. – С. 325, 345.

[7] Энсгольм. Указ. рук.

кости высунувшиеся, глаза быстрые и сердитые, но мясо вкусное и жирное. Овцы – «отличной доброты и козы из лучших по юго-западной части Кавказа. Лошадей абхазцы имеют в небольшом количестве; они употребляют их только в поездках; для возки же вьюков имеют ослов; для хлебопашества – волов и немного буйволов»[1].

Дюбуа говорил о довольно хорошей породе абхазских быков и коров, хотя они и малорослы. Насчет коз и овец он писал, что их здесь много, а о качестве последних: «баранье мясо хорошего качества, но шерсть простая»[2]. Орест Евецкий, несомненно преувеличивавший качество абхазской овцы, восклицал: «Лучшая порода овец считается в Абхазии»[3]. М. Селезнев писал о сальных курдюках этих овец[4]. Вместе с тем Дюбуа отмечал, что только князья «владеют целыми стадами скота», а для трудового населения – «одна или тем более две коровы большое богатство»[5].

Ф. Ф. Торнау считал, что абхазцы скотом вообще беднее других горцев, вследствие скудости пастбищ. Абхазские лошади небольшого роста и не отличаются силой; ослы «в большом употреблении»[6]. В большом употреблении были в Абхазии и буйволы–«довольно хорошей породы и ценятся высоко»[7].

А. Н. Лаврентьев говорил, что наряду с земледелием животноводство составляло наиболее заметную отрасль абхазского хозяйства[8]. По подсчетам Ив. Аверкиева, в середине 60-х годов на 2 или 3 дыма приходилась 1 лошадь, и на каждый дым – 1 буйвол и от 2-х до 3-х коров. Помещики, имевшие большое количество мелкого скота, на несколько лет нанимали пастухов, заключив с ними определенные условия[9]. О количестве скота, которым обладали отдельные феодалы, говорят следующие данные: в июне 1835 года на паст-

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 103212, лл. 1–34.

[2] Дюбуа. Указ. соч. – С. 123.

[3] Орест Евецкий. Статистическое описание Закавказского края. Снб. 1835. – С.55.

[4] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 207.

[5] Дюбуа. Указ. соч. – С. 123.

[6] Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. 1. – С. 57, 62.

[7] Дубровин Н. Указ. соч. – С. 7.

[8] Лаврентьев. Указ. соч. – С. 251.

[9] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866, № 76.

бище близ с. Акапа цебельдинским князем Кацом Маршания было угнано более тысячи голов рогатого скота, принадлежавшего Бесланбею Маршания[1]. По другим данным, относящимся к лету 1866 года, гагринские князья Якуб, Еслам и Эдырбей Цанба и Састынгаз Анчабадзе имели 3.575 голов скота, из которых 1.871 голова принадлежала Якубу Цанба[2].

А. В. Пахомов отрицал наличие настоящих конских заводов в Абхазии, за исключением владетельских, но отдельные помещики имели целые табуны. Так, у Д. Г. Шервашидзе до Крымской войны одних кобыл было 150 голов[3]. Летом 1866 года на горных пастбищах паслось 60 лошадей, принадлежавших цебельдинскому князю Ширинбею Маршания[4].

Н.В. Фон-Дервиз, рассказывая о том, что некоторые из князей, как, например, Хабугу Ачба (с. Члоу), Шервашидзе, Маршания и Маргания имели «значительные табуны». Производителями чаще брали кабардинских жеребцов, но встречались и полукровки английские и карабахи, многие же предпочитали брать производителей с завода Церетели в Мегрелии[5]. Таким образом, в коневодстве применялся табунный метод выращивания и воспитания лошадей. Лошади в течение круглого года содержались под открытым небом и на подножном корму.

По официальным данным о количестве скота за 1868 год[6], в Абхазии (без Цебельды и Самурзакано)[7] было всего 155.235 голов, из коих: лошадей – 5.985, буйволов – 7.529, быков и коров – 49.545, баранов и коз –80.135, свиней –12.041.

---

[1] Отношение Г. В. Розена А. И. Чернышеву от 25 июля 1835 г ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6297, лл. 16–17.

[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн 2), 1866 г., д. 2784, л. 84.

[3] Пахомов А. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, лл. 442–473.

[4] ГАКК, ф. 260, оп. 2, д. 749, л. 192.

[5] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Записки бывшего лесничего). – С. 41.

[6] «Кавказский календарь на 1870 г.». Тифлис, 1869. – С. 415.

[7] Указанные горные районы Абхазии являлись наиболее скотоводческими. Сюда не входит и значительная часть территории современного Гагрского района. Кроме того, надо иметь в виду общее сокращение поголовья скота в Абхазии в связи с переселением части ее населения в Турцию (махаджирство) после восстания 1866 года.

Из приведенных данных видно, что мелкий скот составлял наибольшее количество. Наибольшее распространение и хозяйственное значение имело козоводство, которое вплоть до конца XIX века продолжало преобладать над другими видами животноводства. Неприхотливость коз в уходе и тот факт, что они быстро размножались (около трети общего числа маток местных пород котилось двойней) сделали их желательными в хозяйстве. «Коза – корова бедняка», – гласила поговорка[1].

О свиноводстве следует сказать, что материалы по нему относятся главным образом к южной части Абхазии. М. Селезнев, длительное время бывший в этом районе, свидетельствовал, что здесь имелись большие стада свиней[2]. Что же касается остальных районов Абхазии, то эта отрасль животноводства к указанному времени здесь заметно упала. Это было результатом усилившегося в первой половине XIX века влияния пропаганды ислама. Еще в начале XIX века указанная отрасль животноводства была настолько значительна, что, как рассказывал в 1914 году 90-летний лыхненский крестьянин Антон Гуатас-ипа, «если какой молодой человек сватает девушку, то родители ее справлялись о том, как велик у жениха «ажагтра» (особое помещение для свалки виноградных выжимок для откармливания свиней)»[3]. А по данным М. Пейсонеля, в его время свиньи в Абхазии были крайне дешевы и пленников заставляли стеречь свиней, «которых очень много в этой стране»[4].

В вышеприведенных данных о количестве скота в Абхазии, хотя и не упоминаются ослы, но этих животных, по свидетельству А. В. Пахомова, «можно найти в каждом хозяйстве». Ослы – «одни из самых полезных животных в Абхазии». При «совершенном отсутствии дорог, это единственное средство перевозки сельских произведений, и абхазцы охотно держат их...». Абхазская порода ослов была мелка[5].

---

[1] Бжания Ц.Н.. Скотоводческое хозяйство в Абжуйской Абхазии. «Этнографический очерк». «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Груз. ССР», XXVIII. Сухуми. 1957. – С. 120–121.

[2] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 207.

[3] Образцов П. Из отголосков прошлого (Воспоминания абхазского крестьянина). «Сотрудник закавказской миссии», 1 января 1914 г., №1, Сухум. – С. 13–16.

[4] Пейсонель М.. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах. Краснодар, 1927. – С. 30–31.

[5] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 82.

В конце 60-х годов XIX века цены на животных в Абхазии были следующие[1]:

Лошадь местной породы	40-80 руб.
Лошадь кабардинская	80-150 руб.
Корова или бык	10 руб.
Овца или баран	3 руб.
Осел	5-8 руб.
Буйвол	30 руб.

О значении животноводства в целом говорит и тот факт, что скот выступал еще в XIX веке как одно из основных мерил ценности. В списке «абхазских единиц ценностей», приводимом А. П. Череповым, животные занимают первое и определяющее место[2]. В XVII–XVIII же веках скот в абхазской деревне зачастую выполнял роль всеобщего эквивалента при обмене товаров, а в глубокой древности это значение скота в процессе обмена было еще выше.

Покровитель домашнего скота Айтар являлся одним из самых значительных абхазских языческих божеств. Он считался главой целой плеяды божеств, составлявших его «долю»[3]. Характерно и то, что один из месяцев – февраль в абхазском календаре называется месяцем Жвабран[4]; июнь именуют временем перегона скота на горные пастбища, а сентябрь – пригона скота с гор. Разнообразна и обширна терминология в области животноводства.

Несмотря на такое значение и роль животноводства в экономической жизни Абхазии, оно, тем не менее, носило экстенсивный характер. Близость горных пастбищ, куда скот гоняли летом, и в то же время теплая, почти бесснежная зима не вызывали острой необходимости в создании искусственной кормовой базы[5]. Скот почти

[1] Там же.

При этом Пахомов замечал, что в Сухуме эти цены выше, чем в деревнях (стр. 83).

[2] Черепов А.В. Указ. рук.

[3] Званба С.Т. Указ. соч. – С. 73; Джанашия Н. Религиозные верования абхазов. – С. 77-78, 80-81, 85.

[4] Гулия Д. История Абхазии, т. 1. Тифлис, 1925. – С. 310.

Жвабран (Жәабран) – бог коров.

[5] Небезынтересно отметить широко применявшийся на практике так называемый веточный корм: молодые ветки различных древесных пород с набухшими почками. Ив. Аверкиев заметил, что в лесах Абхазии часто встречалось множество сваленных деревьев. Он установил, что пастухи в зимнее время кормили скот молодыми ветками и почками ясеня, дуба, граба и др. деревьев, для чего срубали дерево, если оно было не толсто, или же влезали на дерево и обрубали его. (Ив. Аверкиев. Указ. соч. «Кавказ», 1866, № 74).

круглый год находился на подножном корму. Продуктивность его была крайне низка, и он обслуживал главным образом домашние потребности населения.

Одним из основных препятствий для нормального развития скотоводческого хозяйства в Абхазии являлось неравномерное распределение пастбищ. Все пастбища, имевшие хозяйственное значение, были захвачены помещиками, а в распоряжении основной массы крестьян были незначительные общинные или же наемные пастбища. Скотокрадство и система повинностей, осуществлявшаяся помещиками в отношении крестьян, делали экономическое положение мелких скотоводов весьма неустойчивым[1].

Абхазцы занимались и птицеводством. Разводили кур, индеек, гусей, уток. Продукция этой отрасли шла почти исключительно на удовлетворение домашних потребностей.

5. Пчеловодство

Немаловажное значение в экономике Абхазии имело пчеловодство, что также нашло свое отражение в религиозных верованиях и терминологии. В древности речь шла о бортничестве – лесном пчеловодстве, т. е. сборе меда диких пчел. Это сохранилось вплоть до XIX века.

Природные условия Абхазии представляют собой прекрасную базу для развития пчеловодства. В. Чернявский писал в 1878 году: «Едва ли в пределах всей Российской империи найдется другой край, где бы естественные условия представляли более задатков для процветания пчеловодства, чем юго-западное Закавказье, т. е. Абхазия, Джигетия (южная часть Черноморского округа), бывшая земля убыхов и Гурия»[2]. Эти условия и сформировали замечатель-

[1] Бжания Ц.Н. Скотоводческое хозяйство в Абжуйской Абхазии. – С. 111.

[2] Чернявский В. Записка о положении пчеловодства в Абхазии. «Труды Вольного экономического общества», т. 11, в. III. Спб, 1878. – С. 19.

ную породу пчел, известную в мире под названием «абхазской пчелы». Она отличается высокой продуктивностью, благодаря особому строению и длине хоботка (язычка). Абхазская пчела умеет и много других положительных качеств. Абхазские пчелы в начале XX века были подвергнуты испытанию и получили одобрение в России и Америке, как лучшие в мире «красноклеверные» рекордистки в деле опыления и доходности. В мировой пчеловодческой литературе давно признаны выдающиеся качества абхазской пчелы – «абхазянки»[1].

Мед и воск в Абхазии с давних пор являлись не только распространенными продуктами потребления, но и товарами, имевшими экспортное значение. Жак Шарден писал, что абхазский мед вывозили в Татарию, где из него и зерна приготовляли очень крепкий напиток[2]. По словам М. Пейсонеля, из Абхазии вывозилось «громадное количество воску», приобретавшегося по крайне низкой цене, благодаря чему купцы, производившие эту торговлю, обогащались[3]. И во времена Рейнеггса у абхазцев было хорошее пчеловодство[4], которым они, по словам Энсгольма, занимались «с удовольствием и с успехом»[5]. «Абхазцы охотно занимаются пчеловодством и мед их отличен от нашего», – писал также Абрюцкий[6].

С. Броневский о качестве абхазского меда говорил следующее: «Абхазский мед заслуживает примечание. Он есть произведение диких пчел, живущих в расселинах каменных утесов. Цвет его внутри и снаружи палевый, воск и мед составляют почти одно кристаллизированное существо вкусом приятное, ароматное, которое для употребления в пищу ломают как леденец, не отделяя от воску, находящегося в весьма малом количестве. Липкость, свойственную обыкновенно меду, оный имеет гораздо в меньшей степени, так что его можно носить в кармане, и, по уверениям, сохраняется несколько лет в том же виде». За указанные качества русские назвали его каменным медом. Имелся также «пьяный» или «бешеный» мед, широко известный на Кавказе и применявшийся в напитках. В другом месте С. Броневский подчеркивал, что одними из «изобильнейших произведений, составляющих народную промышленность» Абхазии, являются мед и воск[1].

Ф. Торнау в долине р. Мзымта, в Ахчипсоу, видел мед, качеством которого восхищался: отличный мед, добывается от горных пчел, гнездящихся в расселинах скал; очень душист, бел, тверд почти как песочный сахар и весьма дорого ценится[2]. В деревнях Абхазии, виденных Ив. Аверкиевым в 60-х годах XIX века, средним числом на двор приходилось от 3 до 5 колод[3]. А. В. Пахомов также свидетельствовал, что почти каждый абхазский крестьянин имел по нескольку ульев[4]. В горном обществе Кучба, где в середине XIX века было около 50 дворов, имелось до 20 тыс. ульев. В Гаграх из одного улья через год «бывало получалось» пять, а каждая колода давала 10 фунтов меда и до 30 фунтов воска[5].

В 1848–1852 годах из Сухумского порта было вывезено 312 пудов воска и 2.648 пудов меда[6]. В начале 60-х годов из Сухума вывозилось в год в среднем воска 400 пудов и меда 400 пудов[7]. Комиссия, исследовавшая северо-восточный берег Черного моря в 1866 году, отмечала, что пчеловодство являлось одной из главнейших статей доходов садзов[8]. В 1872 году из одного только Пицундского округа было вывезено меда 2.748 пудов и воска 339 пудов. Число колод, например, по 9 селам, по уменьшенным данным, равнялось 7.666[9]. М. Т. Джанашвили писал, что в предгорьях абхазцы имели по 200 и более ульев[10], а Н. Ф. Фон-Дервиз отмечал, что пчеловодством занималось почти все население; были хозяйства, имевшие 600–800 колод[11].

[1] Агума Я. Состояние и перспективы развития пчеловодства в Абхазии. Сухуми, 1938. – С. 24–33.

[2] Путешествие Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг. Тифлис, 1902. – С. 20.

[3] Пейсонель М. Указ. соч. – С. 30.

[4] Reineggs J. Указ. соч. – С. 12.

[5] Кап. Энсгольм. Указ. рук.

[6] Абрюцкий. Указ. соч.

[1] Броневский С. Указ. соч. – С. 328–329.

[2] Торнау Ф.Ф. Указ. соч., ч. 1. – С. 40.

[3] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866, № 76.

[4] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 73.

[5] Аверкиев Ив. Указ. соч.

[6] ЗКОРГО, кн. 11, 1853. – С. 288–289.

[7] ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, лл. 1–8.

[8] ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 13.

[9] Чернявский В. Записка о положении пчеловодства в Абхазии. – С. 15.

[10] Джанашвили М. Указ. соч. – С. 15.

[11] Фон-Дервиз Н. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего). – С. 50.

Пасеки отличались примитивностью. Ульи были самой простой конструкции. Они делались из выдолбленных обрубков дерева до 25 см в диаметре и располагались обыкновенно горизонтально[1]. Об «абхазских долбленых ульях» писали также В. Чернявский, Н. В. Фон-Дервиз и А. А. Миллер. Из них более подробные сведения дает Фон-Дервиз[2]: берется круглая колода, вершков 8–10 в диаметре, раскалывается пополам и обе половины выдалбливаются в виде корыт – сложенные корыта и образуют улей; из такого улья вынимают до 3–4 фунтов воска и 20–25 фунтов меда; ульи ставят на полянах в липовых и каштановых лесах; благодаря обилию лип и цветов получается очень хороший мед[3].

Член указанной выше комиссии И. С. Хатисов дает описание другого вида ульев, употреблявшихся у абазин: улей сплетался из ветвей орешника и имел форму конуса, вышиною в один аршин; снаружи его обыкновенно смазывали глиной. Улей ставился на дощечку, в середине которой был выдолблен летик[4].

А. Варгас-де-Бедемар, отмечая, что ульи не нужно укрывать зимой, за исключением трех месяцев, и пчелы находят круглый год пищу на открытом воздухе, писал: «посему не удивительно, что они размножаются здесь очень быстро. Примером тому может служить то, что из 10 ульев, купленных в Гаграх у горцев при их выселении, сделалось по окончании года 60 ульев»[5].

Болезнь пчел была известна под названием «ашьха-зосхан» (пчелиная оспа)[6].

6. Охота и рыболовство

Изобиловавшие зверем и дичью абхазские леса создавали благоприятные условия для развития и повсеместного распространения охоты. Шарден отмечал, что абхазцы сбывали различные меха[7].

[1] Аверкиев Ив. Указ. соч.
[2] Миллер А. Указ. соч. – С. 78.
[3] Фон-Дервиз Н.В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего). – С. 50–51.
[4] ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 13.
[5] Там же, лл. 3 и 4. – С. 16.
[6] Чернявский В. Указ. соч. – С. 17.
[7] Шарден. Указ. соч. – С. 20.

М. Пейсонель также говорил о наличии у абхазцев для продажи «различных мехов»: рыси, куницы и белки[1]. Вахушти указывал на существование в Абхазии в большом количестве зверей и птиц[2]. «Дичи так много в горах и в абхазских лесах, – писал Торнау, – что хлебопашцы не знают как уберечь от нее свои поля». «Вссьма убыточные опустошения» в полях, засеянных кукурузой и просом, производили кабаны, почему абхазцы и истребляли их без пощады и меняли в Сухуме их головы и окорока на порох[3].

В лесах и горах Абхазии обитали туры, кавказские благородные олени, косули, серны, кабаны, медведи, волки, барсы, лисицы, куницы, зайцы, белки, барсуки и даже зубры (адумпей)[4]. Из диких птиц, употреблявшихся в пищу, водились и сезонно прилетали утки, гуси, голуби, горные индейки, перепела, вальдшнепы, фазаны, сойки, дрозды и пр.

Жан-де-Лука (1634 г.), утверждая, что охота одно из главных занятий абхазцев, писал: «У них несметное количество ястребов и соколов, которых они могут выдрессировать за восемь дней»[5]. Н. Витсен также рассказывал о том, что в Абхазии выращивались «очень красивые и понятливые соколы»[6]. С. Броневский одним из основных видов занятий абхазцев, составлявших «народную промышленность», считал добычу лисьих, куньих и беличьих шкур[7]. Генерал М. М. Ольшевский в 1839 году сообщал, что зимой, если в горах хорошие снега, Абхазия продает от 2 до 3 тысяч куньих шкур[8].

[1] Пейсонель М. Указ., соч. – С. 30.
[2] Вахушти. География Грузии. Тбилиси, 1941. – С. 171.
[3] Торнау Ф.Ф. Указ.соч. ч. I. – С. 62.
[4] Ф.Ф. Торнау говорил о «целом стаде адомбей» – гигантских зверях, из которых охотниками, сопровождавшими его, был убит один–бык огромной величины. (Ф. Ф. Торнау. Указ. соч., стр. 88, 93, 97). Проф. А. Д. Нордман также отмечал наличие зубра здесь, в местности Заадан (ЖМНП, № 11, 1938. – С. 419). Между прочим, адумпей являлся, по древним преданиям, одним из важнейших объектов охоты абхазских нартов.
[5] Цит. по введению Луи Вивьена к книге Джемса Белла «Journal d'une residence en Circassielesannes 1837, 1838 et 1839...», т. 1. Париж, 1841.
[6] Witsen. Nord en oost Tartarye. Амстердам, 1705. – С. 552 и 567. Цит. по статье Jl. И. Лаврова «Земледелие на Северо-Западном Кавказе». Материалы по истории земледелия СССР, сб. 1. Изд. АН СССР, М., 1952. – С. 220.
[7] Броневский С. Указ. соч.. – С. 351.
[8] ЦГИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, л. 4 об.

А. Н. Лаврентьев отмечал, что «абхазские леса и дебри наполнены множеством различных диких зверей, составляющих предмет охоты»[1]; однако «звериными промыслами занимаются в небольших размерах»[2]. Ив. Аверкиев писал: «Дичи в Абхазии очень много, так что трудно уберегать от птиц и небольшие поля»; бывает большой перелет перепелов, которые держатся на полях прибрежных мест[3]; от большого количества диких голубей, водившихся по склонам гор, пересекающих р. Бзыбь и идущих к Гаграм, сами горы получили название Ахюхюшвара (Аҳәыҳәшәара) – место охоты на голубей[4]. Далее Аверкиев сообщал и такую деталь: из диких зверей попадались барсы, часто беспокоящие своим воем жителей укреплении Пицунда и Гагры; куниц было очень много, но они порядочно истреблены; прежде шкура куницы стоила от I руб. до 2 руб., теперь же цена поднялась до 3–4 руб.[5]

Л. Л. Миллер в 1907 году мог заметить, что в Абхазии были семьи, в которых охота передавалась по наследству от отца к сыну вместе с ружьем, всеми принадлежностями и секретом хорошо устраивать западни. Западни и всевозможные ловушки были у охотников в большом употреблении[6]. Миллеру рассказывали, что прежде били дичь, при перелете, из пращей – камнями[7].

Для феодалов охота являлась, по существу, развлечением. Охотничьи места были распределены между отдельными помещиками. Так, последний владетель Абхазии Михаил Шервашидзе, страстный любитель охоты, постоянно ища пригодные для этой цели леса, облюбовал Гиндзе-Эцерский лес, где водилось много всякого зверья. Здесь он выстроил специальный дом и приезжал каждый год, обычно в сентябре, и охотился. Местом для охоты он избрал поле, находив-

[1] Лаврентьев. Указ. соч. – С. 149.

[2] Там же. – С. 253.

[3] Ив. Аверкиев ошибочно считал, что перелет перепелов в Абхазии начинается в начале августа и продолжается в течение всего месяца. На самом деле он начинается в конце августа и держится, примерно, до конца октября.

[4] Около Очамчира имеется местность под названием «Аҳ иҳәыҳәкырҵа», т. е. место владетельской охоты на голубей; в с. Моква также имеется место (возвышенность), известное под названием «Аҳәыҳәкыра».

[5] Аверкиев Ив. Указ. соч. «Кавказ», 1866, № 76.

[6] Ястребов и диких голубей ловили особыми сетками; небольшими сетками ловили частично и перепелов.

[7] Миллер А. Указ. соч. – С. 77.

шееся посредине леса, где на четырех высоких столбах стоял домик, сидя в котором он караулил дичь. Людей своих владетель расставлял по всему лесу, чтобы они при помощи охотничьих собак пригоняли дичь к месту его нахождения. Право охоты принадлежало одному только князю Шервашидзе, и горе тому, кто без его разрешения убил бы хоть одного зверя. Кроме наказания розгами, нарушивший право владетеля платил штраф: если во владетельском лесу была убита косуля, то с того, кто ее убил, брали 5 жирных коз, за кабана–2 свиней[1].

В этом отношении очень интересно сообщение С. Смоленского (1859 г.). Пространство между Бамборским укреплением, морем и р. Хыпста было покрыто густым лесом, принадлежавшим владетелю. В лесу водилось множество кабанов, но охотиться там никто не имел права. Охота производилась только во время приездов владетеля, который и убивал кабанов или позволял своим приближенным и приглашенным гостям стрелять по тем из них, на которых он указывал. Крестьяне «даже с ружьем боялись проходить и проезжать по этому урочищу... Жители могли бить старых и ловить молодых свиней только на правой стороне Хюпсты... За убитого же кабана в заповедном лесу они подвергались, по их рассказам, большим штрафам и даже, в некоторых случаях, виновные в нарушении этого запрещения были продаваемы туркам...»[2].

Народ знал и почитал многих своих прославленных охотников, посвящая их высокому искусству песни, сказания и т. д. Ф. Ф. Торнау запечатлел одного из таких охотников, о котором говорили: «Он порох даром не теряет!». «Я сказал слишком мало о Хатхуа, – пишет Торнау, – нашем главном путеводителе. Ему было более семидесяти лет, из коих большую часть провел он не под кровлею, а в путешествиях и на охоте в горах. Высокий, худощавый, закаленный в трудах и опасностях, всегда рассудительный и хладнокровный, стрелок без промаха, – этот железный человек не имел в целой Абхазии равного себе охотника, который бы так хорошо знал в горах все тропинки и все скрытные места, представлявшие удобную защиту от врага и от непогоды... Усталость не существовала для него;

[1] Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII веков Сухуми, 1949. – С. 101–102.

[2] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», № 9, 1872. – С. 153-154.

он вставал раньше и ложился позже всех... Его опытность и верный взгляд на все, касавшееся горной жизни, знание зверей, за которыми он привык охотиться с детства, имели такое значение, что никто не смел спорить с ним...»[1].

Охота была связана с различными обрядами и жертвоприношениями. У абхазцев существовал, например, специальный «охотничий язык»[2]. Божеством зверей и охоты считался Ажвейпшаа (Ажәеиԥшьаа), который в абхазской религии занимал одно из первых мест[3]. Весьма богаты и данные языка.

Вахушти отмечал, что в Абхазии рыб много[4]. Пресноводных рыб здесь известно 33 вида. Наиболее типичной рыбой бурных рек и горных озер является форель. Сюда же для икрометания в осенние и зимние месяцы поднимается черноморский лосось. В тихих реках южной части Абхазии обитают щука, окунь, сом, пескарь, усач, лобан, бычек и др. В Черном море насчитывается около 180 видов рыб: хамса, ставрида, барабулька, кефаль, сельдь, камбала и т. д. Из млекопитающих в Черном море водится два вида дельфинов[5].

Абрюцкий, констатируя, что абхазские реки и озера изобилуют рыбой, писал: «И в сем отношении жители совершенно удовлетворяют свои нужды, хотя рыболовство не составляет особой ветви промышленности»[6]. Ф. Торнау так-же сообщил, что прибрежные абхазцы занимались рыбной ловлей, преимущественно в устьях горных рек, изобилующих лососями, которые составляют весьма лакомую пищу и жарятся обыкновенно на вертеле[7]. М. Селезнев писал, что, например, в устье р. Маркула водились осетры и семга, которых абхазцы, видя их через прозрачную воду, убивали пулей[8]. Кроме того, навстречу потоку речки ставили специальную корзину (адарч), куда рыба легко попадала, но выйти уже не могла.

[1] Торнау Ф.Ф. Указ. соч., ч. I. – С. 85–87.

[2] См. Д. И. Гулия «Божество охоты и охотничий язык у абхазов». Сухум, 1926.

[3] Званба С. Указ. соч. – С. 72; Н. Джанашия. Религиозные верования абхазов. – С. 107.

[4] Вахушти. География Грузии. Тбилиси, 1941. – С. 171.

[5] Колаковский А.А. Географический очерк. «Сухуми» (Краткий историко-краеведческий очерк). Сухуми, 1955. – С. 22.

[6] Абрюцкий. Указ. соч.

[7] Торнау Ф.Ф. Указ. соч., ч. 1. – С. 61.

[8] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 163.

Ив. Аверкиев говорил о лове рыбы в Абхазии турецкими рыбаками, приезжавшими на время лова сельдей и дельфинов. В Сухуме бывали случаи, когда рыболовы на небольшой лодке одной наметкой в одно утро налавливали до 7 пудов сельдей. Наметки состояли из круглой сети. Для ловли камбалы солдаты прибрежных мест расставляли прямоугольные сети[1].

Во время пребывания А. А. Миллера в Абхазии, т. е. в 1907 году, в южной части страны, а также в Мегрелии еще применялся такой способ ловли рыбы: в маленьких горных речках стреляли форель из луков стрелами с железными наконечниками в форме лопаточки[2].

Особенный интерес представляла ловля дельфинов, которых добывали для вытапливания из них жира, закупавшегося турками и греками. Абхазские берега, по словам Ф. Ф. Торнау, посещались летом несчетным количеством дельфинов. В хорошую погоду они имеют привычку держаться на поверхности моря. Ловцы выезжали на маленьких лодках, выдолбленных из дерева, и обхватывали довольно большое водяное пространство длинной сетью, имевшей футов шесть ширины, с поплавками наверху и с тяжестью внизу. Две или три лодки въезжали внутрь обхваченного сетью пространства, и ловцы начинали бить баграми находящихся в нем дельфинов. «Этот способ ловли рыбы не безопасен, – писал Торнау, – потому что каюки (лодки. – Г. Д.) иногда тонут под тяжестью убитой рыбы, и опрокидываются, когда дельфины ударяют в них, кружась в воде, но абхазцы не боятся этого, плавая не хуже дикарей островов Южного океана»[3]. Ив. Аверкиев сообщал, что более 30 небольших турецких кочерм ежегодно приходили в укрепление Пицунда для ловли дельфинов. Дельфинов били из ружей дробью, а также их обхватывали сетями и били баграми. Результат летнего убоя дельфинов в Пицунде составлял в год не менее 300 пуд. жира[4].

О ловле дельфинов в Абхазии говорит и документ, относящийся к 1871 году, – «Условие», заключенное жителем с. Лыхны Решидом Парнаут-ипа с управлением Пицундского округа на отдачу ему в арендное пользование на один год Пицундской бухты для ловли в

[1] Аверкиев Ив. Указ. соч. «Кавказ», 1866, № 77.

[2] Миллер А. Указ. соч. – С. 77.

[3] Торнау Ф.Ф. Указ. соч., – С. 61.

[4] Аверкиев Ив. Указ. соч.. «Кавказ», 1866, № 77.

ней дельфинов, с платой в пользу казны 150 рублей. «Я, Решид Парнаут-ипа, – говорится в этом документе, – с разрешения начальства беру на себя откуп Пицундской бухты для ловли дельфинов и вытапливания из них жиру в течение годичного срока...»[1].

II. Домашняя промышленность и ремесло

Домашняя промышленность и ремесло являлись основной формой промышленности Абхазии в рассматриваемый период. Предварительно необходимо заметить, что не представляется возможным дать сколько-нибудь полную характеристику состояния этой промышленности, оценку ее экономического значения, осветив соответствующими цифровыми данными, так как нет не только общего статистико-экономического исследования ее или частного, по отдельным отраслям, но даже нет вообще почти никаких статистических данных. Поэтому мы вынуждены опираться лишь на отрывочные сообщения, в большинстве случаев самого общего характера, современных авторов и на полевой материал по этнографическим материальным памятникам, собранный в разное время как нами, так и другими исследователями.

Абхазское население издавна перерабатывало разнообразное сырье, выработав определенные технические и художественные приемы и навыки в этой области. Кустарная промышленность у абхазцев исторически связана с земледелием, скотоводством, лесным промыслом, потреблением металла и т. д., с чем они были знакомы с древнейших времен. Об этом свидетельствуют также фольклор и мифология абхазского народа.

Домашние промыслы Абхазии в интересующее нас время составляли необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство; они были неразрывно связаны с земледелием и одно целое[2]. Деревенское ремесло и домашняя промышленность носили в основном домашне -потребительский характер. Они были рассчитаны, главным образом, на удовлетворение личных потребностей как самого непосредственного производителя, так и феодала, который либо содержал крепостных крестьян-мастеровых, либо получал от зависимых крестьян разные предметы домашнего производства в качестве повинностей. Однако это ремесло, связанное с сельским хозяйством, не удовлетворяло уже всего спроса.

В материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии мы находим указание на тот факт, что в Абхазии были крестьяне, специализировавшиеся по отдельным ремеслам и обязанные производить для помещика все работы по своей специальности из материала последнего. Так, в конце XVIII или в начале XIX века владетель Абхазии в с. Звандрипш поселил крестьян Чкок, которые считались его ремесленниками[1]. А. В. Пахомов писал в 60-х годах, что в с. Яштхуа крестьянин Мац Гулия занимался кузнечным делом, а 4 дыма Каландия (Коблух, Даут, Тадара и Тамаджар) и Гудым Ахиба являлись серебряных дел мастерами: на них лежала обязанность производить даром всякую работу по их специальности для Г. Д. Шервашидзе, поставлявшего им весь необходимый материал[2].

Характерно, что фамилия Ахиба происходит от слова «ахий» – золотых дел мастер. Это указывает на потомственную специализацию фамилии по данному виду ремесла. В Абхазии имеются и другие крестьянские фамилии, которые свидетельствуют о их потомственной специализации по тому или иному виду производства, как, например, Жиба, происходящая от «ажьий» – кузнец, Ардзынба – от «арадзны» (араҙны), т. е. серебро.

В одном документе XVI–XVII веков – «Большой книге крестьян абхазского католикоса» указывается, что крестьяне с. Нажанеули, между другими видами повинностей, платили абхазскому католикосу и предметы домашнего промысла. Из 58 дворов крестьян названного села, подвластных абхазскому католикосу, 31 двор платил полотно от 20 до 80 локтей[3]. Крестьяне с. Набакеви, по данным 1865 года, князю Левану Шервашидзе и церкви были обязаны приносить, помимо других продуктов своего труда, также по 8 аршин белого холста[4].

[1] ЦГИАГ, ф. 545, д. 956, лл. 6–7; см. также лл. 2–3.
[2] Ленин В. И. Соч., т 3. – С. 285.

[1] ЦГАА, ф. 57, 1870 г., д. 5, л. 180.
[2] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, лл. 496–497.
[3] Антелава И.Г. Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII веков. – С. 104.
[4] ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 42–49.

Все виды домашнего обихода, за малым исключением, могли быть изготовлены, благодаря их примитивности и повсеместному наличию сырья, почти в каждой крестьянской семье, не вызывая особой специализации, а следовательно, и отделения промыслов от земледелия. Среди сельских ремесленников редко можно было найти человека, занимавшегося исключительно ремеслом. Он обрабатывал свое поле, работал в саду и на огороде, держал скотину, пасеку и т. д., словом, все, что необходимо было деревенскому жителю.

1. Обработка металла

Если где и намечалась тенденция к выделению ремесла, так это, прежде всего, в горном деле и в металлообрабатывающем производстве, а в редких случаях и в некоторых других отраслях домашней промышленности (гончарное дело, обработка камня и пр.). Эта тенденция, как и повсюду, тем сильнее проявлялась, чем больше разлагалось натуральное хозяйство в процессе развития общественного разделения труда.

Процесс добычи металла на месте был тяжел и поэтому доступен далеко не каждой семье. Кроме того, источники сырья этого рода (залежи руды) были локализованы в определенном пункте, вследствие чего не все жители могли ими воспользоваться. Наконец, металл надо было завозить извне или приобретать у поставщиков, что, конечно, было очень нелегко. Вместе с тем данный вид производства был сам по себе наиболее сложным и трудоемким.

Археологические данные хорошо свидетельствуют о наличии и обработке руды на месте с очень давних пор. Что же касается позднейшего периода, то сообщения наших глубоких стариков выступают как живой свидетельский материал, согласно которому, например, плавка металла производилась таким образом: на склоне горы, где обнаруживался выход руды, рыли глубокую яму, в которой в течение нескольких дней жгли дрова; когда земля вокруг ямы накаливалась, в яму бросали руду и засыпали древесным углем (дубовым), который жгли до тех пор, пока из ямы не начинал течь расплавленный металл; расплавленную массу разливали по формам, приготовленным из глины или же выдолбленным в камнях.

В дальнейшем металл подвергали ковке в кузнице, оборудование которой заключалось в следующем: горн, мех, наковальня, клещи, молоты, зубила, бородки, точильное колесо и пр.

Рейнеггс, характеризуя хозяйственный быт абхазцев конца XVIII века, писал, что они занимались обработкой железа, из которого делали отличную сталь и выковывали ружья сабли и ножи[1]. Энсгольм также говорил о кустарных металлообрабатывающих ремеслах Абхазии, называя их «фабриками»: выделывают железо, из которого приготовляют особенной доброты сталь, выливают ружейные стволы, делают кинжалы и ножи, весьма порядочные. Железо довольно мягкое, что «и побуждает их (абхазцев. – Г. Д.) ко многим при выделке излишним, но для них необходимым трудам»[2]. Особенно интересно сообщение Абрюцкого, который писал: «Ружья, кинжалы и сабли делаются во многих местах из железа... Абхазцы отлично выделывают и приготовляют из оного особенной доброты сталь. Есть мастеровые, которые искусно чернят серебро и золото для украшения оружий»[3]. То же самое отмечал и другой автор первой половины XIX века, также особо подчеркивая факт наличия мастеровых, искусно чернивших золото и серебро с целью украшения оружия[4].

А. Н. Лаврентьев «из числа собственно сельских промыслов» считал нужным упомянуть, помимо приготовления грубого сукна, бязи и бурок, о выделке холодного оружия и железных вещей[5]. С. Т. Званба, рассказывая о жертвоприношении, делавшемся богу кузни, писал, что его ежегодно совершали кузнецы и слесари[6]. Очень важно и сообщение М. Т. Джанашвили: кузнечное ремесло, требующее уже некоторых специальных технических знаний, предоставлено особым мастерам этого дела; в каждом селении имеется по два, по три кузнеца, которые из доставленного куска железа выделывают все необходимое[7].

---

[1] Reineggs J. Указ. соч. – С. 13.

[2] Энсгольм. Указ. рук.

[3] Абрюцкий. Указ. соч.
Это сообщение буквально повторяется в указанной выше рукописи бар. Аша. Об этом писал и Д. Зубарев в 1842 г. (см. указ. его соч. – С. 94).

[4] ЦГВИА, ф. 482, д. 127, л. 158 об.

[5] Лаврентьев. Указ. соч. – С. 254.

[6] Званба С. Этнографические этюды. Сухуми, 1955. – С. 70.

[7] Джанашвили М. Указ. соч. – С. 15.

Н. В. Фон-Дервиз из кустарной промышленности наиболее развитым считал именно кузнечное дело. Местные кузнецы выделывали по преимуществу плужные лемехи, топоры, мотыги, кинжалы, разного рода ножи. Предметом «кустарной кузнечной промышленности» также являлись отделки для седел, уздечек и кушаков, стремян с насечками, палок с разными отделками, подков местного образца и особых к ним гвоздей. Отдельные мастера делали ружья и берданки[1].

А.А. Миллер также отмечал наличие в Абхазии с давних пор не только кузнецов, но и слесарей: «Кузнецы делают всю железную утварь абхазца, а слесари – и оружие: шашки, кинжалы, пистолеты, ружья». Описав кратко принадлежности кузнеца и заметив, что слесари кроме того имели особый стол и тиски, Миллер перечислял следующие слесарные инструменты: наковальня, железные ножны, в которых закалялся клинок шашки, лопаточка для помешивания огня в горне, нож для обработки рога, рубанок для стругания железа, ножницы для жести, лучек для сверления железа[2].

Из сказанного видно, какое важное место занимало оружейное дело. Имена отдельных оружейников хорошо сохранились в народной памяти. Одним из таких был житель с. Члоу Хасан Джапуа, убитый во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов. По словам 106-летнего (в 1955 г.) Мачкука Адлейба (с. Члоу), сделанное Хасаном ружье «выбивало птичий глаз»[3]. В с. Кутол славился Гери Куталандия; его сын Урыс, по сообщению 80-летнего (в 1955 г.) Кадыра Куталандия, внука Гери, также был кузнецом[4]. В с. Ткварчели до недавнего времени жил известный в свое время оружейник Швлиман Аршба. Он в своем изобретательстве дошел до создания пятизарядного ружья. 120-лет- ний Швлиман с гордостью говорил о своем учителе Цвижба из с. Члоу, прекрасном мастере ружейного дела[5].

Абхазцы из свинцовой руды получали чистый свинец для литья пуль и пр. По сведениям В. И. Чернявского[6], свинец добывался в 13

[1] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего). – С. 52, 54.

[2] Миллер А. Указ. соч. – С. 78–79.

[3] Материалы научной экспедиции Абхазского института 1955 г. Арх. Абхазского института, ф. 1, д. 175/103, л. 10.

[4] Там же, л.25.

[5] Там же, лл. 2-3.

[6] Чернявский В. И. Ответ на замечания А. Н. Введенского по поводу моей записки «О памятниках Западного Закавказья» и дополнения «Труды V-го археологического съезда в Тифлисе. 1881». М., 1887. – С. 253, 255.

местах, особенно же в северной части Абхазии и в месторождении Ахыцхра[1]. Р. де Скасси также говорил о серебросвинцовом месторождении в ущелье р. Гумисты, известном здесь с глубокой древности, которым пользовались «для изготовления пуль»[2].

Н. С. Джанашия отмечал, что «в доброе, старое время, когда заводские железные изделия не так легко появлялись на абхазском рынке», в организации общества кузнецы занимали «весьма почетное место», как ремесленники. Кузнец готовил своему околотку все те орудия и инструменты, которые ему были доступны[3]. Интересно также сообщение Н. С. Джанашия о существовании «корпорации жрецов-кузнецов»[4].

Важная роль металлургии вообще и кузнечного дела в частности у абхазцев, как и у многих других кавказских народов, отразилась в народных воззрениях и верованиях. Некоторые авторы указывали, что в жизни абхазского народа кузня имела значение величайшей святыни. Известный русский этнограф Г. Ф. Чурсин подчеркивал, что ни у одного из народов Кавказа не наблюдалось такого почитания кузни, кузнечного дела и кузнецов, как у абхазцев[5]. Поэтому бог и повелитель кузнечного дела и кузни Шашвы (Шьашәы)[6] занимал выдающееся положение в языческом пантеоне абхазцев. Внимание исследователей давно привлекает абхазский культ кузни, как сохранившийся «наиболее полный культ богу кузнецу» и имеющий много «общестадиальных черт»[7].

Характерно, что в абхазском фольклоре из всех ремесел наиболее важное значение имеет кузнечное мастерство. Так, у нартов был вещий «нартский кузнец» (Айнар-ижий), главная специальность которого – изготовление для нартов стрел для лука. Но его возмож-

[1] Слово «ахыцхра» буквально значит «пуледобыча».

[2] АКАК, т. VI, ч. I. – С. 646–658.

[3] Джанашия Н. Абхазский культ и быт. «Христианский Восток», т. V. Пгр, 1917. – С. 173.

[4] Джанашия Н. Абхазский культ и быт. – С. 173.

[5] Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957. – С. 67.

[6] В Самурзаканской Абхазии кузнецы признавали своим покровителем Соломона, считавшегося мастером 365 ремесел (число ремесел равно числу дней года).

[7] Иессен А. А. и Деген-Ковалевскин Б. Е. Из истории древней металлургии Кавказа. М.-Л., 1935. – С. 396.

ности были гораздо шире[1]. «Бог-кузнец и его роль в эпических сказаниях о нартах весьма близки у осетин, абхазов и адыгейцев, хотя имена у них различные... Все три кузнеца занимаются закалкой героев, а также починкой разбитых в бою черепов путем наложения медных пластинок»[2]. И легендарный Абрскил – абхазский Прометей связан своей судьбой с кузней.

Сами кузнецы, как люди, владевшие тайной приготовления железных орудий труда и оружия, играли довольно важную роль в хозяйственной и социальной жизни страны. «Кузнецы, – писал М. Джанашвили, – пользуются большим почетом в обществе, и самое их ремесло в глазах абхазцев имеет священное значение»[3].

Так было и у других народов в связи с ростом общественного разделения труда. Б. А. Рыбаков в «Ремесле древней Руси» отмечает, что вследствие указанного явления именно кузнецы стали первыми ремесленниками-специалистами, что именно их, творцов металла, народ окружил множеством различных легенд и поверий. Причем, говорит он в примечании, «культ кузнецов встречен у всех народов»[4].

Отдельные кузнецы жили нередко зажиточно. Н. С. Джанашия хотя и писал, что кузнец обязан был своему околотку даром готовить орудия и инструменты, железо, сталь и уголь доставляло кузнецу само население и при изготовлении этих предметов ему помогало, но при этом подчеркивал: «зато каждый двор должен был в пользу кузнеца в год несколько дней отработать: помогали ему во время вспашки, мотыжения и сбора кукурузы и винограда по одному дню». И «это обязательство оставалось в силе для двора независимо от того, изготовил ли ему в данном году кузнец что-либо или нет»[5].

Отдельные кузнецы иногда держали по нескольку работников, чаще – учеников (амаҵаԥацәа), которые выполняли почти весь тяжелый труд кузнеца. При этом ученики должны были платить за обучение скотом или деньгами. По словам кузнеца Османа Камкия,

[1] Инал-ипа Ш. Д. Об абхазских нартских сказаниях. «Труды Абхазского научно-исследовательского института», XXIII. Сухуми, 1949. – С. 110-111.

[2] Абаев В. И.Осетинский язык и фольклор, т. I. М-Л, 1949. – С. 319.

[3] Джанашвили М. Указ. соч. – С. 15.

[4] Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. Изд. АН СССР, 1948. – С. 123.

[5] Джанашия Н. Абхазский культ и быт. – С. 173.

записанным Н. С. Джанашия, ученик должен был платить своему учителю за обучение различно: кто обучался изготовлению оружия, тот платил 8 коров и 8 руб. наличными; кто обучался только изготовлению курков и прикладов, тот платил 5 коров и 5 руб. и т. д. При этом первую половину этой платы за обучение он давал при поступлении, а вторую – при окончании учения, продолжавшегося 3 года. Учитель же, со своей стороны, награждал ученика самыми необходимыми инструментами: наковальней, молотом, щипцами и пр.[1] Положение кузнецов как жрецов, знахарей и чародеев еще больше расширяло их возможности для материального обогащения.

Лыхненский крестьянин кузнец Капыт Дзариа, деятельность которого относится к первой половине XIX века, одних учеников держал до 12 человек, а также имел несколько пастухов, более 60 голов коров, табун лошадей, много быков и буйволов, около 80 ульев, дом из трех комнат, не считая других построек, и т. д.[2]

С развитием города Сухума и других населенных пунктов городского типа в этих местах увеличивается и число ремесленников-профессионалов, правда, нередко за счет переселявшихся сюда извне специалистов. К моменту упразднения владетельства в Абхазии ремеслом, например, в Сухуме занималось 13 человек, а годовой доход «ремесленных заведений» равнялся около 5 тыс. рублей[3]. К концу 1868 года в том же городе Сухуме мастеровых было 42 человека[4].

2. Гончарное дело

Издавна было известно в Абхазии и гончарное дело. Керамика является самым распространенным массовым видом археологических находок. Этому способствовали почти повсеместное распространение глины, простота изготовления изделий и затрудненность перевозки глиняной посуды. О наличии в Абхазии гончарной глины, пригодной для изготовления посуды, свидетельствовали,

[1] Там же. – С. 172–173.

[2] Арх. Абхазского института, ф. 1, д.92, л.8.

[3] Статистич. описание г. Сухума. ЦГИЛГ, ф. 416, д. 1083, лл. 1–8.

[4] «Кавказский календарь на 1870 год». – С. 416.

например, бар. Аш и М. Селезнев, которые указывали, что из нижних абхазских гор доставляли глину, известь и камень[1], а Ф. Завадский писал о глине для выделки кирпича, имевшейся в с. Аацы[2].

Гончарный станок, видимо, очень рано стал применяться в быту абхазцев. По описанию Ф. Х. Эшба, печь для гончарного производства, известная под названием атныра (аҭныра), складывалась из камня или кирпича, земли и песка: в диаметре имела около 3 аршин, а также небольшой навес. Устраивали деревянный станок, на котором производилась работа; он стоял и свободно вертелся на оси, имея форму круга[3].

Дюбуа сообщал, что абхазцы сохраняли свое вино в больших кувшинах, зарывая их в землю[4]. Комиссия по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря (1866 г.) также констатировала, что для сохранения вина абхазцы употребляют известные по всему Закавказью глиняные кувшины[5].

Ф. Х. Эшба писал, что и в его время в Абхазии имелись гончары, которые умели делать горшки разного рода, кувшины для вина и воды, тарелки и миски[6]. С. Н. Тимофеев также свидетельствовал, что кувшины делались в селах Лыхны и Лдзаа, а также в местности Келасури[7]. Гончарным производством в интересующее нас время занимались и во многих других местах страны (Аацы, Ачандара, Адзюбжа, Атара, Члоу и т. д.).

О том, насколько гончарные изделия находились в массовом употреблении в дореформенной Абхазии свидетельствует следующий факт. Во время восстания 1866 года крестьяне разгромили имение князя Г. Д. Шервашидзе в Келасури, в результате чего, между другими предметами, было забрано и разбито 1.568 штук больших винных кувшинов и разной другой гончарной посуды[8].

[1] Бар. Аш. Военно-статистическое обозрение...; М. Селезнев. Указ. соч., кн. II. – С. 182.

[2] Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. «Кавказ», 1867, № 60.

[3] Эшибая Ф. Местечко Очемчиры, селения Илори и Беслахубы. СМОМПК, в. II, 1891,. – С. 263.

[4] Дюбуа. Указ соч. – С. 135.

[5] ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 13.

[6] Эшибая Ф. Указ. соч. – С. 263.

[7] Тимофеев С. Н. Указ. соч. – С. 27.

[8] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 24, лл. 1–3.

Н. В. Фон-Дервиз отмечал, что «довольно распространено гончарное производство», хотя продукты его однообразны. Данное производство проявлялось, главным образом, в изготовлении кувшинов для хранения вина (в виде яйца, с очень узким, почти острым дном), которые зарывались в землю, а потом в них уже вливали вино, а также кувшинов для воды, простых чаш и довольно толстых, диаметром около аршина, глиняных труб для колодцев: по вырытии колодца в него вместо обкладки стен срубом или обмазки непроницаемой глиной вставляли несколько таких труб. Для гончарного производства имелись почти повсеместно прекрасные, нередко совершенно белые глины[1].

А.А. Миллер писал о том, что в Абхазии вино сохраняется в больших глиняных кувшинах, зарывавшихся в землю[2]. Е. И. Шиллинг, обследовавший Бзыбскую Абхазию в 1925 году с целью сбора этнографического материала, вблизи крестьянских дворов, у плетней, в виноградниках мог еще заметить едва торчавшие из земли и прикрытые камнями горлышки больших врытых в землю глиняных кувшинов[3].

Абхазские винные кувшины действительно были большими, объем наиболее крупных из них равнялся нескольким десяткам ведер. Ко времени ликвидации Абхазского владетельства в лыхненской резиденции владетеля, в погребе было зарыто до двухсот 25-ведерных кувшинов[4]. В семье лыхненского крестьянина Антона Пилия до недавнего времени находился в употреблении 50-ведерный кувшин. Археологические раскопки также дают древние кувшины для вина и зерна, величина которых достигает больших размеров. Характерно, что и в абхазских народных сказаниях встречаются кувшины колоссальной величины. Общий нартский винный кувшин (аҩаҙамакьаҭ) вмещал 600 ведер, а мать Сасрыквы, по данному ею обету, в честь одержанной ее сыном победы устроила пир и открыла 1000-ведерный винный кувшин[5].

[1] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывш. лесничего). – С. 55.

[2] Миллер А. Указ. соч. – С. 75.

[3] Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии (Из поездки осенью 1925 г.). Журн. «Этнография» № 1, 1926. – С. 81.

[4] Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свят. князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. Венден, 1913. – С. 42.

[5] Инал-ипа Ш. Д. Об абхазских нартских сказаниях. – С. 92, 107.

Весьма незначительным было производство керамических строительных материалов – кирпича и черепицы, если даже считать продукцию тех кирпичных «заводов», которые возникли в рассматриваемое время. Но это производство здесь также было известно исстари.

3. Обработка камня

Особое место занимала обработка камня. Основным в этом деле было производство жерновов (алу). Требовался особой породы камень, имевшийся лишь в известных местах, обычно вдали от населенных пунктов – в ущельях и горах. Обработка и доставка данного материала требовали большого труда и определенных навыков. Жерносеку также необходимо было иметь как каменосечные, так и кузнечные инструменты. Б. А. Рыбаков считает, что по своей технике и сложности производственного процесса жерносеки были близки к городскому ремеслу[1].

Без жерновов в Абхазии не обходилось ни одно семейство. Речь идет, прежде всего, о ручных мельницах, так как водяные мельницы здесь получают распространение во второй половине XIX века, да и тогда не мог быть вытеснен ручной размол зерна[2]. Например, в Бзыбской Абхазии в половине указанного столетия известна лишь владетельская мельница, стоявшая на р. Адзлагара[3], т. е. Мельничной[4], недалеко от Лыхненского дворца, а «во всех других местах, – писал Абрюцкий, – мелют хлеб жерновами»[5]. А. В. Верещагин, сведения которого относятся к началу 70-х годов, отмечал, что в районе Кудипста нет водяных и ветряных мельниц, а размол производится на ручных жерновах, величиной в диаметре до 8 вершков[6].

[1] Рыбаков Б. А. Указ. соч. – С. 423.

[2] Водяные мельницы в Абхазии, по свидетельству А. А. Миллера, даже в 1907 г. редко еще встречались.

[3] Бар. Аш. Военно-статистическое обозрение...

[4] Название речки Адзлагара происходит от мельницы; под таким названием (Дзлагара) она известна уже А. Д. Нордману в 1836 году (см. указ. его соч. – С. 40).

[5] Абрюцкий. Указ. соч.

[6] Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874. – С. 82.

Кроме того, встречались долбленые ступы, правда, чаще деревянные, в виде огромной чаши с кривым пестом, предназначенные для обдирания проса. Вторым разделом в обработке камня было изготовление более мелких предметов: пряслиц для веретена, сковород для выпечки разного хлеба, терок для растирания соли, орехов, перца и пр. пряностей, точильных камней.

Камень применялся и в качестве строительного материала. Мы уже не говорим о замечательных древних каменных сооружениях (храмы, замки, крепости, крепостные стены, мосты и пр.), которыми так богата Абхазия. В этом отношении в интересующее нас время обращает на себя внимание прежде всего дворец абхазского владетеля в с. Лыхны, над украшением которого трудились различные мастера. По преданию, во время строительства дворца местные крестьяне подвозили камень на своих арбах и воздзигали его массивные стены, а красивые двери были сооружены лыхненскими крестьянами Гагулия (Дзыгу-ипа). Дворец был разрушен в 1866 году; его руины представляют собой интересный памятник местной гражданской архитектуры.

4. Обработка дерева

В быту абхазцев весьма важное значение имела обработка дерева. Топор являлся универсальным инструментом (лесорубным и плотничьим), известным под названием «аиха», что, характерно, означает и железо. Широкое применение в обработке дерева находили ложкарные инструменты различных величин, с помощью которых можно было вырезать и выскребать внутренность деревянных сосудов. Большое значение имели тесло и разновидности декселя, необходимые для долбления лодок, ульев, корыт и разной посуды. Другими нужными инструментами были долото и скобель. Вечным спутником абхазского крестьянина являлась цалда – специальный лесной топор. Пила и бурав распространение получили позднее.

Перечисленные и другие деревообделочные инструменты, применявшиеся в абхазском деревенском обиходе, свидетельствуют о довольно развитой здесь технике обработки дерева. Сообщаемый Ф. Х. Эшба факт о том, что в селениях Илори и Беслахуба

найдется человек пять, которые с помощью топора, долота и пилы делают кое-как простые столы, кровати и табуреты для домашнего обихода[1], был повсеместным и в интересующее нас время. Такие предметы, как сохи, деревянные молотки, надочажные цепи и пр. изготовлялись в каждом доме.

Среди деревообделочников выделялись специалисты, исполнявшие более сложные работы: арбы (особенно колеса)[2], части водяных мельниц (здесь также колеса), челноки и берда для ткацкого станка и пр. Кроме того, изготовляли оригинальные люльки[3], музыкальные инструменты, сундуки. Из дерева же резалась различная посуда.

Комиссия по исследованию земель между реками Туапсе и Бзыбь отмечала, что абхазцам было известно бондарное искусство, и многие из них для брожения выжимали виноград в деревянные чаны[4]. По-видимому, издавна употреблялись такие предметы, как ауаца и аиахва. Ауаца (ауада) заменяла современную бочку и представляла из себя опоясанную орешными обручами кадушку из цельного куска дерева, вместимостью от 5 до 50 ведер[5]. Аиахва, в котором происходил процесс приготовления вина, походил на огромное корыто также из срубленного ствола дерева. С. Пушкарев свидетельствовал о том, что виноград клали в выдолбленное из цельного кряжа дуба или какого-либо другого дерева корыто вместимостью от 20 до 50 пудов[6]. С. Н. Тимофеев писал о 100-ведерной

[1] Эшибая Ф. Указ. соч. – С. 265.

[2] Абхазская двухколесная арба, давно вышедшая из употребления, отличалась от современной арбы. Особенно характерными в этой арбе были колеса – низкие, из цельного дерева, без спиц (алугежь), почему такая арба и называлась «амгьалуардын». Колеса вращались вместе с осью. Основанием арбы служил цельный кусок дерева, слегка отесанный, в который вставляли вертикальные стойки и делали помост. На кузове ставилась, главным образом во время сбора урожая, большая плетеная корзина – абъ8а. (Карлгоф. Военно-статистическое обозрение восточного берега Черного моря, 1853 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18514, л. 12; А. Миллер. Указ. соч. – С. 75).

Такие же арбы употреблялись у убыхов, абазин и др.

[3] Описание абхазской люльки см. в статье А. Н. Введенского «Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела». – С. 11.

[4] ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 13.

[5] Арх. Абхазского института, ф. 1, д. 93, л. 5.

[6] Пушкарев С. Указ. соч. «Кавказ», 1852. № 28.

давильне[1], Е. М. Шиллинг видел 60-ведерную колоду[2]. Бочки начали распространяться в Абхазии во второй половине 70-х годов[3]. Из более крупных поделок следует упомянуть еще крупорушку: долбленая ступа, высотой в 100 см, с кривым пестом длиной в 70 см.[4]

Очень важным разделом обработки дерева было строительство судов, преимущественно мелких (лодок). Как известно, абхазцы, занимая часть северо-восточного берега Черного моря, издавна славились как мореплаватели, о чем свидетельствуют письменные источники, а также абхазские морские термины и предания, которые полны воспоминаниями об общении абхазцев с морем. Абхазцы свои морские термины передавали и соседям (аԥра – парус)[5]. Вахушти, подчеркивая, что абхазцы в море стойки и сильны, сооощает, что они плавали на судах, в которых вмещалось до 100–300 человек[6].

С. Броневский[7], Энсгольм[8], Гамба[9], А. П. Ермолов[10], Дюбуа[11], М. Селезнев[12] и другие говорили о наличии у абхазцев «вооруженных лодок». Владетель Абхазии Келешбей Шервашидзе, как писал И. Ф. Паскевич, имел небольшую флотилию, состоявшую из «некоторого числа хорошо вооруженных галер»[13]. По сведениям Р. де Скасси (1818 г.), абхазские челноки делались из одного ствола дерева[14]. Вельяминов писал (1820 г.), что эти лодки были плоскодонными[15], причем, добавлял Цезарь Фамэн, длинными, походившими на камары

[1] Тимофеев С. Н. Указ. соч. – С. 26.

[2] Шиллинг Е. М. Указ. соч. – С. 81.

[3] Тимофеев С. Н. Указ. соч. – С. 27.

[4] Шиллинг Е. М. Указ. соч. – С. 69.

О «долбленом пне» для молотьбы проса писал также А. Миллер, который дает и рисунок этого предмета (А. Миллер. Указ. соч. – С. 72, 74).

[5] Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. Изд. АН СССР М-. 1938. – С. 143.

[6] Вахушти. География Грузии. Тбилиси, 1941. – С. 172.

[7] Броневский С. Указ. соч. – С. 324.

[8] Энсгольм. Указ. рук.

[9] Gamba. Указ. соч. – С. 78–79.

[10] ЦГАА, ф. Ермоловых, д. 256, лл. 9–12 об.

[11] Дюбуа. Указ. соч. – С. 143.

[12] Селезнев М. Указ.соч., кн. II. – С. 187.

[13] ЦГВИА, ф. ВУА, 1829 г., д. 6434, лл. 57–70.

[14] АКАК, т. VI, ч. 1. – С. 642-652.

[15] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, л. 47.

древних готов[1]. Об абхазских каюках, лодках, выдолбленных из одного куска дерева писал и Н. Дубровин[2].

С. Броневский сообщает, что в лимане р. Согумы, при жизни Келешбея, была корабельная верфь, лежавшая на 3 часа езды от Сухумской крепости[3]. Об этом писал и Р. де Скасси[4]. Здесь в 1802 году находился 74-пушечный корабль, посланный названным владетелем в Стамбул султану[5]. В 1816 году в Пицундской бухте, с разрешения абхазского владетеля, был выстроен бриг длиною в 120 футов, у которого киль был из цельного дерева, что говорит о редкой величине леса[6]. Вообще Абхазия славилась «корабельным лесом», являвшимся предметом широкого внешнего вывоза[7].

Французский консул в Тифлисе Г амба, побывавший в Абхазии в 1822 году, говоря о развитом искусстве постройки кораблей на побережье Черкессии и Абхазии, о галерах и ладьях, употреблявшихся здесь, дает следующие сведения: ладьи, сохранившиеся по традиции у черкесов и абхазцев со времен самых древних, объемистые, в каждой из них свободно размещаются 24 гребца[8]. Чертежи абхазского гребного судна дает Гамба в своем атласе[9].

Летом 1859 года С. Смоленский у устья р. Мчишьта видел как производились постройки кочерм и фелюг из лесов урочища[10]. Д. З. Бакрадзе писал, что в долинах рек Абхазии «действуют туземные

[1] Famin C. Region Cancasienne 1-re livraison Circassie et Georgie. «Univers pittoresque Europe», т. 40. Париж, 1842.

[2] Дубровин Н. Указ. соч. – С. 8–9.

[3] Броневский С. Указ. соч. – С. 295.

[4] АКАК, т. VI, ч. I,. – С. 646-658.

[5] Броневский С. Указ. соч. – С. 295; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 389, л. 71.

[6] Орест Евецкий. Указ. соч. – С. 56.

[7] Между прочим, еще Страбон отмечал, что Колхида богата «всем нужным для кораблестроения» – лесом и пр., а также указывал, что племена, обитавшие на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа, имели узкие и легкие ладьи (камары), вмещавшие 25–30 чел. (В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. 1, в. 1. Спб, 1893. – С. 134–137). Вергилий Марон (ум. 19 г. до н. э.) тоже подчеркивал, что леса на вершинах Кавказа «приносят разные плоды и дают полезный строевой материал: сосну для кораблей, кедр и кипарис для домов...» (Там же, т. II, ч. 1. – С. 14).

[8] Gamba. Указ. соч. – С. 89–90.

[9] Его же. Atlas. Paris, 1826. (Прилож. ко II тому «Voyage»)

[10] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», №10, 1872. – С. 329.

каюки, которые, имея древнейшую конструкцию и будучи сделаны из выдолбленного дерева, искусно и смело управляются туземными гребцами...». В другом месте этот автор отмечал: «Для переезда через большие реки вы можете смело довериться маленькому каюку, большей частью сделанному из одного выдолбленного дерева и имеющему сажени 3 в длину»[1].

С середины XIX века все большее распространение получает изготовление драни – важнейшего кровельного материала в крае. По свидетельству Н. А. Шаврова (1860 г.), в окрестностях Сухума имелись дранщики, которые изготовляли дрань из дубового дерева[2] специальным инструментом – асатыр.

Следует отметить и строительство мостов. Ф. Ф. Торнау, говоря о населении верховья р. Мзымта, писал, что он переехал через указанную реку по висячему мосту, «устроенному с большим искусством из жердей, досок и виноградной лозы, связанных веревками». Подобных мостов Торнау здесь насчитал около пяти для пешеходов и два для лошадей[3]. Д. З. Бакрадзе также свидетельствовал, что в Абхазии в горных местах устраивали для пешеходною сообщения хрупкие висячие мосты из прутьев или из виноградных лоз[4]. На это указывал и Чернявский, который писал, что через узкие пропасти абхазцы перекидывали бревна и устраивали мосты наподобие знаменитого швейцарского Чертова моста; через такой мост отступал в мае 1877 года генерал Кравченко[5]. Автор имел в виду Багадский мост в верховье р. Кодор. Вот что писал впоследствии по поводу этого моста К. Д. Мачавариани: «Когда-то между обоими берегами сообщение происходило при посредстве висячего моста, составленного из толстых виноградных лоз. Эти лозы потом были заменены другими сооружениями строительного искусства...»[6].

[1] Бакрадзе Дм. Очерки Мингрелии, Самурзакани и Абхазии. «Кавказ», I860, № 48.

[2] Шавров Н.А. Проект гавани Сухум-Кале и несколько мыслей о необходимости и возможности ее постройки. «Морской сборник», т. VIII, №4, 1862. – С. 258.

[3] (Торнау Ф.Ф.). Воспоминания кавказского офицера, ч. II. – С. 43. Докладная записка штабс-кап. бар. Ф. Ф. Торнау о населении и путях сообщения восточного берега Черного моря от р. Бзыби до р. Саше 25 ноября 1834 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1835 г., д. 18510, лл 1-8.

[4] Бакрадзе Дм. Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии. «Кавказ», I860, № 48.

[5] Чернявский В. Краткий очерк Абхазии. ИРГО, т. XIII. – С. 4.

[6] Мачавариани К. Д. Путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913. – С. 156.

У абхазцев было развито также производство плетеных изделий, широко распространенное вообще на Кавказе[1]. Это были кошелки из лыка черешни; корзины из прутьев мелкого орешника или лещины, в основе почти квадратные, сверху округлые (акалаҭ) и конусообразные (амҵәышә) употреблявшиеся для винограда и разных продуктов; корзины для шерсти, хлопка, рукоделий и пр. Более массовой являлась большая плетеная из прутьев корзина (аблагар). Кукурузу молотили в таких же плетеных, но продолговатых корзинах[2]. Из оболочек кукурузных початков сплетали изящные сумочки.

* * *

Изготовлялись различные рога (турьи и воловьи) для вина[3], а также ложки. Всевозможные рукоятки и наконечники к кинжалам, саблям, ножам, шилам и т.д. делались не только из дерева, в частности из самшита и тиса, но и из рогов и костей животных. Весьма оригинальны были вешалки из оленьих рогов. «Мужчины, – свидетельствовал М. Джанашвили,– делают прекрасные ложки из дереза и рогов животных»[4]. Они имели чрезмерно длинные плоские ручки, которые часто орнаментировались: «абхазский шик состоит именно в том, чтобы употреблять ее (ложку – Г. Д.), держа за самый конец»[5].

Вообще народное декоративно-прикладное искусство в Абхазии достаточно хорошо было развито[6]. Резьба по дереву, металлу, рогу и кости здесь была известна с древнейших времен, о чем особенно ярко свидетельствуют археологические и этнографические материалы. Художественная резьба по дереву в Абхазии в XIX веке

[1] См. А. С. Пиралов. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. Спб, 1913.

[2] Шиллинг Е. М. Указ. соч. – С. 70; А. Миллер. Указ. соч. – С. 74 78–79.

[3] Бакрадзе Дм. Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии. «Кавказ», 1860, № 48.

[4] Джанашвили М. Указ. соч. – С. 15. См. также отчет начальника Сухумского отдела за 1874 г., в котором указывается об изготовлении местных роговых ложек (ЦГИАГ, ф. 545, д. 966, лл. 3-40).

[5] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 10.

[6] Сведения об этом искусстве нами почерпнуты, главным образом, из статьи И. А. Аджинджал «Материалы к изучению резьбы по дереву, рогу, кости, камню и металлу в дореволюционной Абхазии». «Труды Абхазского Государственного музея», в. II. Сухуми, 1957.

применялась в первую очередь при архитектурном оформлении фасадов, колонн, балконов, дверей и окон домов. Художественной резьбой и росписью покрывали детали внутреннего убранства и обстановки домов: сундуки, кровати, скамейки, люльки, музыкальные инструменты и всевозможную посуду – миски, кружки, ложки и т. д. Широко применялись, особенно впоследствии, выпиленные украшения, образцы которых зафиксированы научной экспедицией Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР в 1955 году[1].

По свидетельству 120-летней старухи Карыхмана Эшба-Шармат, в Цебельде жил некий Пелуан Абухба, ставни и наличники окон домов которого были украшены резьбой. Н.В. Фон-Дервиз писал о «резьбе абхазских мастеров»[2]. Это отмечал и Е. И. Шиллинг[3], который, между прочим, в 1926 году в с. Хуап (Гудаутский район) обнаружил замечательный образец – «богато украшенную резьбой» адапу или ахсаалатра[4], «дающую представление о старой резьбе» и сделанную около 1841 года[5]. Один экземпляр старинной адапы в хорошо сохранившемся состоянии имеется в Абхазском Государственном музее.

Между прочим, дерево, служившее материалом для художественного оформления и украшения резьбой бытовых предметов, утвари и мебели, чтобы не подвергалось порче вредителями, рубили, как правило, два раза в год – в марте и ноябре, т. е. перед началом и после прекращения вегетативного периода.

Роговые и костяные изделия также украшались резным узором, серебром и золотом. Это были отдельные части кремневых ружей и пистолетов, газыри, пороховницы, остовы седел, пояса, рукоятки кинжалов и шашек и т. д. 110-летний старик Луман Авидзба из с. Аацы, Гудаутского района, по специальности кузнец, в свое время занимался украшением слоновой костью и рогами концов прикладов кремневых ружей и рукояток пистолетов.

[1] Арх. Абхазского института, ф. I, д. 175/103.

[2] Фон-Дервиз Н. В.Указ. соч. – С. 54.

[3] Шиллинг Е. И. В Гудаутской Абхазии (Из поездок осенью - 1925 г.). «Этнография», № 1, 1926. – С. 76.

[4] Адапа (адапҧа) или ахсаалатра (ахсаалатҧра) – род деревянного портфеля для хранения выкроек и различных принадлежностей женских рукоделий.

[5] Шиллинг Е. И. Указ. соч. – С. 76.

Обработка и украшение камня и каменных изделий в Абхазии, как уже отмечалось, ведет свое начало с древнейших времен. Орнаментами украшались фасады и алтарные преграды храмов, каменные плиты (известняки), из которых слагались лицевые части каминов в домах феодалов, каменные ограды, надмогильные памятники и т. д.

Мастера-резчики золотых и серебряных дел занимались выделкой и резным украшением наборов для поясов, седел, портупей, застежек и пуговиц, а также отделывали серебром и золотом рукоятки и ножны кинжалов, шашек, ложа и дула кремневых ружей и пистолетов, пороховницы, газыри, рога для вина и т. д. Такими мастерами, известными в Абхазии лет 150–200 тому назад, являлись Нишан Капба (с. Акапа), Гындуг Ануа (с. Тамыш), Кублух Тарба (с. Моква), Кобан Цвижба (с. Члоу). В Абхазском Государственном музее экспонированы богато украшенные седла и шашки, некогда принадлежавшие дальским и цебельдинским князьям Маршания, причем седло (Баталбея Маршания) оценено в 10 тыс. рублей.

5. Ткачество

Важнейшим разделом деревенского домашнего производства было ткачество, являвшееся также чрезвычайно древним производством в Абхазии. Большое значение имели и войлочные изделия. Сырьем для ткацкого дела служили шерсть, лен, конопля и хлопок, а для войлочного – шерсть.

Ж. Шарден в числе вывозившихся из Абхазии товаров отмечал хорошую льняную пряжу для простого полотна[1]. Среди «главнейших произведений» Абхазии акад. И. А. Гюльденштедт называл суконные кафтаны и войлочные епанчи или бурки, которые, вместе с тем, являлись предметами вывоза[2]. Яков Рейнеггс писал, что абхазские женщины славятся как прекрасные пряхи, и Абхазия доставляет ежегодно большое количество хлопчатобумажной ткани в Смирну и Салоники[3]. С. Броневский «изделия жителей» – бурки,

[1] Шарден Ж. Указ. соч. – С. 20.

[2] (Гюльденштедт И. А.). Географическое и историческое описание Грузии и Кавказа. Спб., 1809. – С. 143.

[3] Reineggs J. Указ. соч. – С. 13.

толстые сукна и хлопчатую бумагу относил к числу «изобильнейших произведений, составляющих народную промышленность»[1]. Энсгольм также отмечал, что в Абхазии почти во всяком доме занимаются приготовлением для домашнего употребления сукон, наподобие лекчинских, и полотна из хлопчатой бумаги[2]. Барон Аш дает еще более подробные сведения по этому вопросу. «Во всяком доме, – писал он, – приготовляют для домашнего употребления толстое сукно, серого и желтого цвета из шерсти овец добываемое также бурки, и полотно из хлопчатой бумаги...»[3]. Ф. Ф. Торнау хотя и говорил, что у садзов домашняя промышленность была развита сравнительно слабо, но отмечал, что они приготовляли сукна для одежды, полотно из конопли и пр.[4]

С.И. Пушкарев также указывал, что в селах близ Очемчир шили шапки, башлыки, черкески из грубого сукна, славившегося добротностью и отделкой; изготовлялись бурки[5] и шелковые рубахи[6], и некоторые из них продавались на очемчирском базаре[7]; кроме того, сообщает о приготовлении пенькового и льняного полотен[8], а из шелка, например, в с. Илори – материи дараи, употреблявшейся преимущественно на рубахи; кусок этой материи, мерой в 7 арш. длины и 3/4 арш. ширины, в первой половине 50-х годов продавался от 70 коп. до 1 руб. 30 коп. сер.[9] «Скамейки, писал М. Селезнев, – идущие с двух сторон комнаты, покрыты ковром, кожей или цыновкой домашнего рукоделия, заменяют им постель и всякую мебель...»[10]. Комиссия по исследованию земель между реками Туапсе и Бзыбь (1866 г.) отмечала, что шерсть мелкого скота «горцы употребляли на приготовление шерстяных материй, войлоков, башлыков и бурок столь потребных и полезных

[1] Броневский С. Указ. соч. – С. 328–329.

[2] Энсгольм. Указ. рук.

[3] Бар. Аш. Военно-статистическое обозрение…

[4] Торнау Ф.Ф. Описание части восточного берега Черного моря от р. Бзыби до р. Саше (25 ноября 1834 г.). ЦГВИА, ф. ВУА, 1835 д. 18510, лл. 1–8.

[5] Приготовлением бурок в Абжуйской Абхазии особенно славились селения Джгерда и Гуп (ЦГИАГ, ф. 545, д. 966, лл. 3–40).

[6] Пушкарев С. Абхазия и абхазцы. «Кавказ», 1854, №61.

[7] Его же. Еще раз об Абхазии. Там же, № 99.

[8] Зубарев Д. Абхазия. «Русский вестник», т. V. Спб, 1842. – С. 94.

[9] Лаврентьев. Указ. соч. – С. 254; Пушкарев С. Абхазия и абхазцы.

[10] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 206.

предметов в их суровой боевой жизни, с которою они знакомятся с молодых лет»[1].

Из хлопчатника приготовляли бязь и пр., а из волокон льна толстые нитки, которые окрашивали растительными красками[2]; пользовались также минеральной краской, известной здесь под названием акырдуаг[3].

Издавна были известны станки для тканья (асарты)[4], а также всевозможные приспособления для изготовления войлочного материала, ковровых тканей и прочих шерстяных, бумажных и шелковых тканей и вязаных изделий.

Ф. Х. Эшба так описывает процесс приготовления сукна: основу наматывают на колышках, установленных перпендикулярно, при помощи разного рода приспособлений; готовое сукно держат некоторое время в кипятке, затем топчут его, а через полчаса опять опускают в кипяток и опять топчут. Так продолжается до тех пор, пока материя не примет желаемой плотности. Местное сукно, подчеркивает Эшба, служит большей частью для домашнего употребления; из него приготовляют сами хозяйки черкески, башлыки, шаровары для мужчин. При помощи тех же приспособлений производилось тканье бязи и сукна.

Способ приготовления бурок и потников был таков: из просяных стеблей делали специальное приспособление – ачей (ширина до 2-х и длина до 4 аршин), на которое клали расчесанную шерсть в форме бурки, в нужную величину, и обливали кипятком; затем свертывали приспособление с шерстью и катали его 2-3 человека, через несколько минут опять обливали шерсть кипятком и снова катали. Так повторяли несколько раз. Наконец, раскрывали приспособление, обсыпали бурку золой, обливали холодной водой и опять продолжали катанье до тех пор, пока бурка не принимала желаемой крепости и толщины. В конце концов бурку «варили» и мыли холодной водой.

[1] ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 134.

[2] Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии. «Живая старина», в. III. Спб, 1893. – С. 310.

[3] Материалы научной экспедиции Абхазского института 1955 г., л. 29.

[4] Утверждение Ф. Х. Эшба о том, что станков для ткания в крае нет не соответствует действительности, если он имел в виду всю Абхазию, а не только указанные населенные пункты.

Холст ткали как и бязь. Готовый холст сначала держали в свежем коровьем навозе сутки, затем расстилали по траве на солнце, мыли не раз, при этом выколачивали его. В конце концов холст из серого делался белым[1].

Описание ткацкого станка и основные процессы его работ даются также в статьях Е. М. Шиллинга «В Гудаутской Абхазии» и И. А. Аджинджал и И. Е. Адзынба «Материалы по изучению одежды абхазов».

В работе Шиллинга мы находим интересные сообщения и об абхазском орнаменте. Надо сказать, что в своем орнаментальном искусстве абхазцы достигли значительных успехов. Абхазский орнамент создавался столетиями, но, сохраняя старинные слои, постоянно обновлялся за счет творческих сил создавшего его народа, а также в результате историко-культурных связей абхазцев с другими народами. В частности, полотенца украшались тонким орнаментом: стилизованные барашки, виноградные листья, орнаменты из крестов и пр. Орнамент более самобытный и старый носит геометрический характер и по своей технике часто отличается тем, что дает на ткани небольшие сквозные отверстия. Домотканые шерстяные ковры типа паласов были затканы и вышиты рисунком. На этих коврах, как и на легких тканях, заткан рисунок, обычно геометрический и часто дающий сквозные отверстия. Е. М. Шиллингу удалось видеть тонко сработанный и богато вышитый ковер. Любимыми предметами изображения являлись человек, олень, лошадь. Ковры окрашивались в 3–5 тонов (белый, черный, темно-коричневый, красноватый, желтый). Краски получали из коры дуба, ольхи, ореха из особой грязи из болотистой почвы (так наз. «черная земля»)[2].

Из пеньки (конопли) изготовлялись веревки и шпагат. Абхазская веревка славилась издавна и применялась в районах прибрежья Черного моря в рыболовстве, для сеток и неводов[3]. Интересно заметить, что термин «абхазская веревка» имеется в описании расходов одного строительства в грузинской грамоте XVII века – «абхазури бацари»[4].

[1] Эшибая Ф. Указ. соч. – С. 260–263.

[2] Шиллинг Е. М. Указ. соч. – С. 80.

[3] Мшвениерадзе Д. М. Строительное дело в Древней Грузии. Тбилиси, 1952. – С. 198–199.

[4] Бердзенишвили Н., Дондуа В. и др. История Грузии, кн. I. Тбилиси, 1938. – С. 268.

Ткачество являлось занятием, главным образом, крестьянок, высокое мастерство которых отмечалось многими авторами. В старом быту, как уже говорилось, существовал особый предмет – адапа, род деревянного портфеля, специально предназначенный для хранения выкроек, обрезков сафьяна и различных принадлежностей женских рукоделий. Богато украшенные резьбой адапа дарили невестам[1]. И в конце XIX века, и даже в начале XX века, в условиях широкого употребления в крае фабрично-заводской продукции, высокое мнение о мастерстве абхазских мастериц оставалось неизменным; их произведения все еще находили применение.

Петр Чарая писал: «Не только отдельные деревни, но и каждая семья сама производила себе необходимые предметы из тех материалов, которыми она располагала: одни из них делались мужчинами, другие – женщинами. Женщина была и остается мастерицей в соответствующем ремесле»[2]. Ф. Х. Эшба подчеркивал, что шерстяным производством, которое имело место в каждой семье, занимались исключительно женщины; тканьем бязи занимались также женщины[3].

Говоря об абхазских крестьянах, Г. А. Рыбинский писал: «Одним словом все, что требуется для них, чтобы появиться в приличном виде среди своего общества, есть изделия их жен и дочерей; в лавках покупается лишь то, что недоступно сделать самим»[4]. М. Т. Джанашвили также подчеркивал: «Абхазки, кстати сказать, большие мастерицы на всякие домашние работы, из овечьей и козьей кожи выделывают сафьян (цуш), который так нравится иностранцам; этот цуш в Абхазии летом служит постелью»[5]. В шитье и в особенности в вязании абхазские женщины «большие искусницы», – отмечал и автор книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский... монастырь» (стр. 33). «Невольно относишься с особенным благоговением к абхазским женщинам, – писал К. Д. Мачавариани, – которые всецело обшивают не только себя, но и своих мужей. Рукоделие у них поставлено на образцовой ноге. Этими труженицами изготовляются разного рода

[1] Шиллинг Е. М. Указ. соч. – С. 76.

[2] Чарая П. Абхазия и абхазцы. 1988, №169.

[3] Эшибая Ф. Указ. соч. – С. 260–262.

[4] Рыбинский Г. А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. Тифлис, 1894. – С. 15.

[5] Джанашвили М. Указ. соч. – С. 15.

шелковые материи для платья, для головных платков. Сами они ткут сукно для черкески, для башлыка. Из их же рук выходят разноцветные бурки и они же изготовляют белые сафьяны для тюфяков и подушек»[1]. Е. М. Шиллинг, отмечая, что обилие и разнообразие рукоделия все еще бросается в глаза в абхазском доме, писал: «абхазские женщины большие мастерицы»[2]; в доме абхазца можно видеть полотенца, завесы, подзоры, покрывала, ковры, – все это «дело рук самой хозяйки или ее дочерей»[3].

Всему этому абхазские женщины обучались еще с детства, причем девушки, которые отлично умели шить, кроить, ткать, вышивать и т. д., пользовались особым почетом и успехом. Про таких мастериц слагались разные поговорки, как, например: «У птички на лету (она) снимает мерку»[4].

С ткачеством было связано много различных обрядов и поверий. Бог ткацкого ремесла был известен под именем Ерыш (или Ерыш-ҟан). Существовали различные приветствия в разное время работы ткача. Н. С. Джанашия указывал также на существование в Абжуйской Абхазии моления: «духу хлопка», совершавшегося на хлопковой ниве (плантации); «духу шелковичных червей» и «духу льна». Молящиеся, обычно старые женщины, просили о хорошем урожае хлопка, коконов и льна[5].

6. Обработка кожи

Значительную роль играли в Абхазии кустарные кожевенные изделия. Широко была известна самодельная кожа из козьей или овечьей шкуры (ацвыш), т. е. местный сафьян, окрашивавшийся в разные цвета растительными и вышеуказанной минеральной красками. Из этого материала изготовляли чувяки, ноговицы, матрацы, седельные подушки и т. д. Большие шкуры обрабатывались в коже-

[1] Мачавариани К. Д. Метафизические размышления. Батум, 1909. – С. 18; см. также «Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу». – С. 232.

[2] Шиллинг Е. М. Указ. соч. – С. 76.

[3] Там же. – С. 72.

[4] Аджинджал И. А. и Адзынба И. Е. Материалы по изучению одежды абхазов. «Труды Абхазского Государственного музея». Сухуми, в I. 1947.

[5] Джанашия Н. Абхазский культ и быт. – С. 159–160.

мялках. Сыромятная кожа из шкур крупного рогатого скота шла на изготовление обуви, главным образом, для крестьянского населения. Кроме того, разными способами готовили ремни, шедшие на конскую сбрую, пояса, перевязи для оружия, портупеи, охотничьи принадлежности и пр. Делали кожаные тесьмы и вышивали узоры на сафьянных чувяках, ноговицах[1] и т. д.[2]

Важное хозяйственное значение имели бурдюки для жидких продуктов, изготовлявшиеся из козьих и овечьих шкур[3]. Делались также походные вещевые и для муки мешки из козьего же меха и кожи шакала[4].

7. Шорный промысел

Шорный промысел состоял преимущественно в изготовлении местных седел, сбруи, поясов. А. П. Черепов свидетельствовал, что многие лица неплохо выделывали седельные ремни и приготовляли плети, некоторые делали хорошие арчаки. В этом отношении в Бзыбской Абхазии выделялись Эльмурза, Джемлет и Шахан Маан (Маргания), Раджаб и Якуб Лакрба, Леван Цышв (Цишба)[5].

Ф. Х. Эшба, говоря о шорном промысле, отмечал, что он, например, в Очемчирах состоял в изготовлении местных, абхазских седел; арчаки заготавливались особыми ремесленниками, которые обклеивали их тонким сафьяном и в таком виде передавали в руки специалистов. Это производство, писал далее Эшба, существует давно и чем дальше, тем больше распространяется и совершенствуется[6].

[1] Князья и дворяне носили изящные сапоги (амагу) без ранта и каблуков, весьма удобные для верховой езды. Крестьянская же обувь состояла из грубошерстных ноговиц (аимсы), кожаных носков (амест) с чувяками.

[2] Чарая П. Указ. соч.; Аджинджал И. А. и Адзынба И. Е. Материалы по изучению одежды абхазов; Бжания Ц. Н. Скотоводческое хозяйство в Абжуа (по этнографическим материалам). Автореферат кандидатской диссертации. Сухуми, 1954. – С. 16.

[3] Докладная записка Р. де Скасси... АКАК, т. т VI, ч. 1. – С. 642–652. Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», № 9, 1874. – С. 165; Тимофеев С. Н. Указ. соч. – С. 27.

[4] Миллер А. Указ. соч. – С. 78.

[5] Черепов А. П. Указ. рук.

[6] Эшибая Ф. Указ. соч. – С. 264.

8. Изготовление соли, мыла и пороха

Население побережья Абхазии с древнейших времен выпаривало соль из морской воды. Обнаружен ряд промысловых поселений, остатки которых дают ясное представление о способах выпаривания. Один из них заключался в следующем: среди берегового вала или позади его выбиралась плоская впадина, которая соединялась при помощи канавы с морем. Вода, нагонявшаяся сюда прибоем, выпаривалась постепенно естественным путем в жаркие солнечные дни. После этого рассол допаривался в специальных четырехугольных глиняных сосудах[1].

Этот способ выпаривания, почти в его древней форме, применялся частично и в XIX веке, преимущественно во время блокад побережья Абхазии. По рассказам стариков, например, жители с. Адзюбжа запускали морскую воду в небольшие бассейны, вырытые позади берегового вала, и после естественного испарения воды допаривали рассол на огне там же на месте. Окончательно досушивали соль дома на широких досках. Память о соляном промысле сохранилась и в абхазском фольклоре. У абхазцев до сих пор существует загадка: «Рожденное водой, воспитанное солнцем, увидя свою мать – умирает» (соль)[2].

Из сала диких животных абхазцы делали мыло[3], а из смеси сухого козьего кала (селитра), серы, особого растения (ахаршьыл) и угля (из мелкого орешника) – порох[4]. Порох толкли на специально углубленном камне; такие камни до сих пор встречаются в различных местах Абхазии. С. Броневский констатировал: абхазцы «селитру сами делают и умеют приготовлять из нее порох»[5]. Ф. Торнау писал, что у садзов «порох делают в некоторых селениях, между прочим и в Ахчипсу», а за свинцом ходят к Гумисте[6]. Ротиньянц, говоря о жителях территории между реками Бзыбь и Туапсе, также отмечал, что

[1] Соловьев Л.Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчире. «Труды Абхазского Государственного музея», в. I. Сухуми, 1947. – С. 43.

[2] Соловьев Л.Н. Указ. соч. – С. 44–45.

[3] ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 135.

[4] Фадеев А. История Абхазии, ч. 1. Сухум, 1934. – С. 136.

[5] Броневский С. Указ. соч. – С. 329.

[6] Торнау. Описание части восточного берега Черного моря от р. Бзыби до р. Саше.

они «умели приготовлять грубый порох и отливать пули для своих гладкоствольных ружей»[1].

* * *

Продукты домашней кустарной промышленности были рассчитаны на удовлетворение внутренних потребностей. Но отдельные их виды, как мы увидим в дальнейшем, вывозились и за пределы Абхазии.

Однако рассматриваемая промышленность здесь не успела еще оторваться от «патриархального земледелия», как на нее обрушилась конкуренция со стороны русских фабричных изделий. Такое явление наблюдалось на всем Кавказе.

В.И. Ленин писал, что на Кавказе «шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов»[2].

Мы находим у А. В. Пахомова и Ф. Х. Эшба сообщения, подкрепляющие местным материалом знаменитое ленинское положение. Пахомов, отмечая факт разведения в Абхазии конопли для получения пеньки на веревки и пр., констатировал в 1868 году: «Но с тех пор, как начали в Абхазию привозить много русских веревок, промышленность эта совершенно упала»[3]. «Тканье бязи,– писал Эшба, – в настоящее время падает заметно, что объясняется тем, что привозной товар, как-то: ситец, бязь, миткаль и др., превосходит местную бязь по качеству и к тому же приобретают дешевле ее»[4]. В другом месте: «Гончарное производство падает, и число рук, занимающихся им, с каждым годом значительно уменьшается. Падение промысла объясняется привозом в край разного рода более удобной посуды из стекла, фарфора и др.»[5].

Н.В. Фон-Дервиз констатировал, что ввиду все большего и большего распространения в крае кузнечных и слесарных изделий, привозимых из знаменитых Павлова и Ворсмы, местная кустарная промышленность заметно падает, так как дешевле оказывается купить привозное, нежели брать местное, да и внешний вид первого значительно лучше[1].

В этом отношении небезынтересно сообщение и А.А. Миллера, который также утверждал, что одной из причин процесса быстрого исчезновения разных видов кустарного производства являлось влияние моды: «То, что раньше шилось из домашнего производства материй, теперь покупается в магазинах...»[2].

В «Записке об экономическом значении и грузообороте проектируемой Черноморской железной дороги» (1912 г.) читаем: «Кустарная промышленность также слабо развита в описываемом районе, проявляясь несколько интенсивнее в Сухумском округе и в Кутаисской губернии, где она служит некоторым подспорьем в домашнем обиходе сельского населения. В прежнее время туземцы здесь занимались кузнечным промыслом, выделывая плужные лемеха, топоры..., мотыги, всякого рода ножи, кинжалы и т. п. В последнее время в крае получили распространение привозные изделия из сел Павлова и Ворсмы, которые по цене оказались дешевле местных, а качество даже лучше. Предметом этой промышленности остались до настоящего времени только отделки для седел, уздечек, кушаков, стремян с насечками, туземных подков и т. п.»[3].

[1] ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 133.
[2] Ленин В. И. Соч., т. 3. – С. 521.
[3] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 49.
[4] Эшибая Ф. Указ. соч. – С. 262.
[5] Там же. – С. 263.

[1] Фон-Дервиз Н. В.Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего). – С. 53.
[2] Миллер. Указ. соч. – С. 80.
[3] ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 10, д. 260, л. 296.

● ГЛАВА ТРЕТЬЯ ●

СДВИГИ В ЭКОНОМИКЕ АБХАЗИИ В ПРЕДРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

1.Первые промышленные предприятия

30–50 годы XIX века в истории России были отмечены подъемом в развитии производительных сил города и деревни. В области промышленности этот подъем захватил целые отрасли производства и был начальной стадией промышленного переворота. В области сельского хозяйства его количественные масштабы были невелики. Однако и в сфере промышленности и в области сельского хозяйства ясно обозначилась ведущая линия процесса развития производительных сил – систематическое применение машин и новых рациональных методов производства. Это обстоятельство не было совместимо с феодально-крепостническим строем и должно было привести к глубокому перевороту в общественных отношениях[1]. На рубеже 50–60-х годов в России складывалась революционная ситуация, хотя и не приведшая к революции, но вырвавшая у царизма реформу[2].

Народное хозяйство Грузии и всего Кавказа постепенно втягивалось в общероссийскую хозяйственную систему. Вопреки колониальной политике царизма, это способствовало развитию промышленности, транспорта, городов, торговли, сельского хозяйства,

[1] Дружинин Н. М. Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы 1861 года. «Вопросы истории», 8, 1954. – С. 63.

[2] Ленин В. И. Соч., т. 5. – С. 26–27.

культуры[1]. Прогрессивное влияние России на жизнь кавказских народов давало себя знать в самых разнообразных формах.

Экономическая жизнь Грузии, получившая благоприятный импульс для своего развития, к середине XIX века существенно отличалась от ее состояния в начале столетия. Были созданы условия, необходимые для оживления производительных сил. Наблюдается быстрое увеличение числа торговых заведений и промышленных предприятий; развитие городов и городской жизни; появление в городах мелких фабрик и заводов, а также мастерских и мануфактур; возникновение банковско-кредитных учреждений и торгово-коммерческих организаций, которые вели широкие торгово-денежные операции внутри страны и вне ее пределов; рост числа мелких и крупных базаров и ярмарок, которые также вели значительную торговлю; улучшение путей сообщения и средств передвижения и т. д. В деревне также происходили заметные сдвиги и изменения, выражавшиеся в усилении товарности в различных отраслях сельскохозяйственного производства, наличии признаков дифференциации крестьянства и помещиков, обострении классовой борьбы[2].

Все эти явления, имевшие место в ведущих районах страны, вызывали процесс разложения феодальных отношений, способствовали отмене крепостного права и утверждению капиталистической формации.

Характеризуя процесс развития капитализма в России, В.И. Ленин писал: «Русский капитализм втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности – остаток старинной патриархальной замкнутости, – создавал себе рынок для своих фабрик»[3].

В.И. Ленин имел в виду пореформенный период. Но слова В. И. Ленина не исключали, конечно, наличия указанного процесса еще в предреформенный период.

[1] Чхетия Ш. Буржуазные реформы в Грузии. «Документы по истории Грузин (1862–1917)», т. 1, ч. 1. Тбилиси, 1954. – С. XI–XIII; Антелава И. Г. Государственные крестьяне Грузии в первой половине XIX века. Сухуми, 1955, гл. III.

[2] Махарадзе Ф. Грузия в XIX столетии. Заккнига, 1933. – С. 68; Чхетия Ш. Буржуазные реформы в Грузии. – С. XI: И. Г. Антелава. К вопросу о характере экономического развития Грузии в предреформенный период. «Труды Абхазского института», XXVI. Сухуми, 1956. – С. 49-70.

[3] Ленин В.И. Соч., т. 3. – С. 521.

Само собой разумеется, что хозяйственное развитие происходило неравномерно во всех частях края, но указанное положение в той или иной степени применимо и к Абхазии, хотя здесь, помимо феодально-крепостнических отношений, как и в некоторых других местах, имелись дополнительные преграды для экономического развития, прежде всего, в виде многочисленных дофеодальных пережитков. При этом необходимо подчеркнуть, что одной из причин отсталости и замедленного развития производительных сил Абхазии была также военно-феодальная экспансия султанской Турции.

Наиболее ощутительный перелом в области развития хозяйственной жизни Абхазии был связан с упразднением власти феодального владетеля и проведением крестьянской реформы, с усилением благотворного экономического влияния России. Но еще в первой половине указанного столетия, в период политического присоединения Кавказа к России, в связи с возрастающим влиянием России, с 30-х годов и особенно в 40 -50-х годах в хозяйственной жизни Абхазии происходили некоторые изменения.

Уже в 30-х годах XIX века делались попытки создать мелкие промышленные предприятия в Абхазии. И. Ф. Паскевич, узнав, что абхазцы добывают свинец близ с. Гума, на р. Гумисте, и полагая, что от этой руды можно получить «важные выгоды», решил командировать туда специалистов «для подробного оной на самом месте рассмотрения»[1]. И действительно, в августе 1831 года, по договоренности с владельцем указанной территории князем Гасанбеем Шервашидзе, в Абхазию приехали горные инженеры Воскобойников и Гурьев для «обозрения свинцового прииска»[2]. Между прочим, оба эти инженера и другие русские специалисты в 20– 30-х годах занимались исследованием золотоносности рек Азербайджана[3]. Майор Гурьев на р. Гумиста добыл несколько образцов свинцовой руды, которая оказалась, по-видимому, недостаточно богатой, чтобы стоило ее разрабатывать[4]. Однако, говоря об этом прииске, расположенном в горах около истока р. Гумисты, Абрюцкий замечал, что он известен с древних времен и разрабатывается до сих пор. Далее Абрюцкий писал, что такого же свойства и подобным же образом добывается свинец, содержащийся в горе против деревни Анакуа[1], о чем писал и М. Селезнев[2].

В начале 30-х годов на р. Мчишьта (Черная), по другим сведениям – на р. Хыпста (Белая) солдатами Бамборского укрепления был построен лесопильный завод. Он снабжал досками и дранью воинские части, расположенные на территории Абхазии[3]. Вместе с тем завод служил «одним из главных способов сближения абхазцев со своими русскими соседями»; абхазцы мало-помалу «стали приезжать на Мцышу (Мчишьта. – Г. Д.) выменивать и выпрашивать доски у Пацовского (начальника Бамборского укрепления и русских войск в Абхазии. – Г. Д.), которые он им давал под разными условиями»[4]. Эту лесопильню в 1833 году видел Дюбуа, который к сказанному добавлял, что были сооружены особые повозки с большими колесами для того, чтобы «удобнее было перевозить самый громадный лес»[5]. «На Мычише сделана хорошая с механизмом водная пильня», – писал и М. Селезнев. Тот же автор, кроме того, отмечал, что здесь заготавливались кирпич, известь[6].

В феврале – марте 1843 года горный инженер Гурьев был командирован в с. Лыхны, в резиденцию абхазского владетеля, чтобы исследовать месторождение каменного угля-лигнита, признаки которого были обнаружены в окрестностях Бамбор, а начальник Черноморской береговой линии ген. Анреп добился согласия владетеля об уступке «приисков» в пользу казны с тем, однако, чтобы от каждого извлекаемого из «абхазских карьер» пуда каменного угля ему, как владельцу земли, платилось бы по 2 копейки ассигнациями[7]. В «Записке» графа А. Варгас-де-Бедемара, опубликованной

[1] Предписание И. Ф. Паскевича К. Ф. Гессе от 23 марта 1830 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1829, д. 6234, лл. 59–70.

[2] Отчет об этом обследовании был помещен в «Горном журнале» в 1833 году (Спб, ч. 3, кн. 9. – С. 315–337).

[3] Сумбат-заде А. С. и др. Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры Баку, 1955. – С. 83.

[4] Дюбуа. Указ. соч. – С. 141.

[1] (Абрюцкий). Статистический взгляд на Абхазию.

[2] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 182.

[3] Торнау. Взгляды на настоящее положение Абхазии и русских войск ее занимающих. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 45240, л. 52.

[4] (Торнау Ф. Ф.). Воспоминания кавказского офицера, ч. 1. – С. 36.

[5] Селезнев М.. Указ. соч., кн. II. – С. 189.

[6] Там же.

[7] Рапорт ген. Нейдгарта гр. Чернышеву от 26 августа 1843 г. ЦГВИА, ф. 38. оп. 30/286, св. 845, д. 25, л. 2 об.

в 1867 году, мы находим сообщение о том, что «на Бзыби найдены пласты каменного угля»[1].

В первой половине 40-х годов были предприняты некоторые шаги и по линии организации производства кирпича. Генерал Будберг в рапорте на имя наместника Кавказа М. С. Воронцова от 24 ноября 1845 года указывал, что опыты для устройства кирпичных заводов делались в Сухуме, Мрамба и Пицунде. В последней уже существовал небольшой такой завод для надобностей местных войск. Правда, эти опыты оказались неудовлетворительными, вследствие чего Будберг нанял «вольного мастера», «способного к устройству кирпичного завода, для произведения опытов и указания войскам выделки кирпича». Последующие опыты этого мастера, как констатировал тот же Будберг, «подали более надежды на возможность устроить удовлетворительные кирпичные заводы в Пицунде и Сухуме». Вместе с тем Будберг «употребил все усилия, чтобы склонить к устройству кирпичных заводов местных владельцев». Некоторые из них, в том числе князья М. и Д. Шервашидзе, дали Будбергу «слово сделать опыты...»[2].

В 1849 году из керченского механического завода в Сухум были привезены металлические части для «лесопильной мельницы»[3]. В 1853 году житель Кутаиса Петр Зубалов обратился к Воронцову с просьбой об отводе ему места в Сухуме под кирпичный завод и о дозволении добывать под городом камень для извести. Наместник Кавказа, считая, что предложение может принести Сухуму большую пользу, предложил главному начальнику гражданского управления на северо-восточном берегу Черного моря оказать Зубалову содействие и удовлетворить его просьбу[4]. Н. А. Шавров, сведения которого относятся к 1860 году, отмечал, что в 5 верстах от Сухума, по дороге в Гумское ущелье, имелись каменоломни, где добывался известняк[1]. Это предприятие, расположенное в Яштхуа[2], принадлежало князю Г. Д. Шервашидзе и давало ему в 60-х годах до 2 тыс. рублей дохода в год[3]. В 1870 году А. В. Пахомов также свидетельствовал о том, что в с. Яштхуа, на горе Царцмал, добывался известковый камень, употреблявшийся на постройки в г. Сухуме[4]. К моменту упразднения владетельства в Абхазии из «фабрично-заводской промышленности» в г. Сухуме и в его окрестностях было 6 кирпичных заводов[5].

Происходило распространение и некоторое улучшение водяных мельниц. А. Н. Введенский свидетельствовал, что таких мельниц помещается иногда десятка полтора на каком-нибудь ручейке, саженях в 20–30 одна от другой, как, например, в с. Хуап, тогда как в самом начале 30-х годов, по свидетельству Абрюцкого, во всей Абхазии имелась только одна мельница в с. Лыхны[6]. Конструкция абхазской водяной мельницы была весьма несложна. На один конец вертикального веретена было насажено водяное колесо, не больше полутора аршин в диаметре, а на другой – шестерня, зубцы которой входили в выемки верхнего жернова, вертящегося на оси, вделанной в нижний жернов, снабженный дорожкой, через которую выбрасывалась мука. Водяная струя какого-нибудь ручейка направлялась в бок водяного колеса и приводила весь механизм в движение[7].

Наблюдалось возрастающее приготовление леса исключительно на продажу, что В. И. Ленин называл лесопромышленностью[8]. «Лес закупался у землевладельцев предпринимателями – «лесопромышленниками», которые нанимают рабочих для рубки, пилки леса, сплава его и пр.»[9]. Все это в известной мере имело место в Аб-

Инж. Гурьев представил ген. Анрепу специальную записку «Замечание о месторождении лигнита близ укрепления Бамборы». Вместе с тем отчет «О нахождении лигнита в Абхазии» был помещен в «Горном журнале на 1843 год» (ч. 3, кн. 5. – С. 289–296).

[1] Варгас-де-Бедемар. Записка об осмотре западного черноморского берега Закавказского края. ЗКОСХ, №№ 3 и 4, 1867. – С. 9.

[2] Арх. Абхазского института, ф. I, д. 7, л. 103.

[3] ГАКК, ф. 260, л. 180, лл. 193-195.

[4] ЦГИАГ, ф. 4, оп 5, 1854 г., д. 677, л. 1.

[1] Шавров Н. А. Проект гавани в Сухум-Кале и несколько мыслей о необходимости и возможности ее постройки. «Морской сборник», т. VIII, № 4, апрель. Спб, 1862. – С. 246.

[2] ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 262-266.

[3] Там же, ф. 231, 1867 г., оп. 2, д. 253, л. 98.

[4] ЦГИА, ф. 1110, оп. I, 1870 г., д. 14, лл. 1–9.

[5] Статистич. описание г. Сухума. ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, лл. 1–8.

[6] Абрюцкий. Указ. соч.

[7] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 8.

[8] Ленин В. И. Соч., т. 3. – С. 460.

[9] Там же. – С. 461.

хазии, богатой лесами, в том числе ценными породами (самшит, тис, кизил, орех, дуб, каштан и т. д.).

Капитан Энсгольм писал, что «вообще вся Абхазия покрыта густым лесом, исключая некоторых полян»[1]. Дюбуа также, отмечая, что «нет страны более богатой лесом всевозможных пород, чем Абхазия»[2], особо подчеркивал высокие качества абхазского самшита, который в его время являлся «по-прежнему одним из главных предметов торговли в Абхазии; нигде нельзя найти самшита прекраснее, в таком изобилии и по такой дешевой цене»[3]. Р. де Скасси, хорошо понимавший толк в лесе, писал, что Абхазия, Имеретия и Мегрелия – «не что иное, как огромный лес», при этом он говорил о замечательном абхазском строевом лесе, в частности» о «самом прекрасном дубовом лесе»[4].

Эдмунд Спенсер дает описание абхазского леса, виденного им в районе Пицунды, при этом выделяя особо самшит и дуб, достигавший колоссальных размеров. Он писал о том, что корабельный лес, имевшийся здесь, представляет большой интерес для России[5]. Г. И. Радде говорил о «непроходимых стенах из деревьев и кустарников.., роскошнейшем высокоствольном лесе», о «колоссальных каштанах и дубах», о множестве групп «величественных грецких орехов»[6]. Ротиньянц особо отмечал большие запасы тиса (негной) и самшита, имевшихся в долинах рек Хашупса, Лапста, Жоеквара и Бзыби, которые быстро истреблялись турецкими лесопромышленниками: они, с помощью местных жителей, заготавливали «огромное количество пальмы и тиса, и вывозили их на баркасах для продажи в Батум или Трапезунт»[7]. О вывозе в Турцию значительного количества самшита писал и Ф. Завадский, отмечая при этом, что вообще леса в Абхазии в большом изобилии и хорошего качества, в особенности нагорный дуб, а также ясень, орех, тис, бук[8].

[1] Энсгольм. Указ. рук.
[2] Дюбуа. Указ. соч. – С. 138.
[3] Там же. – С. 128.
[4] АКАК, т. VI, ч. I. – С. 646-638.
[5] Spenser E. Указ. соч., письмо XXX.
[6] Радде Г.И. Указ. соч. – С. 16, 22.
[7] ЗКОСХ, №№ 5 и 6. 1867. – С. 107.
[8] Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. «Кавказ», 1867, №60.

Рост спроса на абхазский лес был связан, главным образом, с общим хозяйственным развитием юга России. Это обстоятельство определяло не только вывоз леса из Абхазии, но и рост потребления его на месте.

Надо сказать, что интерес русского правительства к абхазскому лесу имел довольно длительную историю. Еще задолго до присоединения Абхазии к России, 27 ноября 1779 года, лейтенант Иосиф Пери из Таганрога обратился к президенту Военной коллегии графу И. Г. Чернышеву с письмом, в котором он убеждал последнего в выгодности установления непосредственных торговых связей с Абхазским княжеством, обращая внимание Чернышева на богатство края лесом – «дерева разного сорта и кои тут растут довольно мачтовые деревья». Вместе с тем Пери подчеркивал, что лес из Абхазии поступает в Россию «весьма дорого, потому что переходит через разные руки», но если другие народы «коммерциею пользуются, то и не вижу никакой причины в нашем препятствии, кроме некоторой трудности в начатии. Но и те ежели прилежно поступить, то преодолеть можно. И я довольно уверен, – писал он, – что тех дерев[ьев], которые тут покупаются, стоить не будут в казне более, нежели четвертой доли против покупаемых в других краях»[1]. Пери выражал готовность в 1780 году отправиться в Абхазию «и там употребить о вымене пальмовых (самшита. – Г. Д.) и о разведении, нет ли у другого какого рода дерев[ьев] старания»[2].

Поэтому не случайно, что в 1806 году абхазский владетель Келешбей Шервашидзе, излагая условия принятия им русского подданства, ко всему прочему, обещал хороший лес для кораблестроения[3]. Лейтенант Скирневский, посетивший Келешбея в начале 1807 года, обратил внимание, что окрестности Сухума покрыты лесом, годным для кораблестроения[4]. Один из «просительных пунктов» Георгия (Сафарбея) Шервашидзе, при котором произошло официальное присоединение Абхазии к России, также содержал обещание дать «лес для кораблей»[5]. Капитан Энсгольм в 1817 году сообщал,

[1] ЦГАВМФ, ф. 172, д. 24, лл. 196–197.
[2] Письмо Ф. Клокачева графу И. Г. Чернышеву от 27 ноября 177У г. ЦГАВМФ, ф. 172, д. 24, лл. 187–187 об.
[3] АКАК, т. III. – С. 191 – 192.
[4] ЦГВИА, ф. ВУА, 1807 г., д. 18490, лл. 1–4.
[5] АКАК, т. III. – С. 209.

что вся Абхазия за малым исключением покрыта густым строевым лесом, а местами растет «редкой доброты» сосновый и дубовый лес, удобный к кораблестроению, особенно в Пицунде; этот лес и имевшаяся здесь «выгодная бухта» «могли сделаться довольно важными, т. е. в случае буде предпринято бы было строение тут судов, либо запасаться нужным для оных лесом»[1].

Главнокомандующий в Грузии А. П. Ермолов в 1817 году писал, что им было сделано представление императору, в котором сообщал, что при наличии в Абхазии двух батальонов пехоты из края «можно будет для Черноморского флота доставлять неистощимые корабельные леса наилучшего качества. В пример поставлены строящиеся при тамошних берегах большие купеческие суда... Предложено в бухте, именуемой Пицунда, лучшей по всему восточному берегу Черного моря, сделать заведение, в котором бы хранились заготовляемые леса для отправления по назначению»[2].

Генуэзский коммерсант и чиновник Министерства иностранных дел России Р. де Скасси, также сообщая о лесных богатствах Абхазии, где «леса произрастают бесперерыва...», в 1818 году пытался организовать торговлю этим предметом в значительных размерах[3].

В связи с развитием товарно-денежных отношений, когда начался вывоз, в частности, леса, владетельный князь Михаил Шервашидзе поспешил монополизировать в своих руках право взимания платы за рубку леса в Абхазии для вывоза[4]. Получаемый владетелем доход с леса составлял, приблизительно, 10 тыс. рублей в год; около 4 тыс. рублей получал Д. Г. Шервашидзе[5].

А. В. Пахомов подчеркивал, что близость и потребность г. Сухума, а также удобства Сухумского порта для вывоза леса в Россию и за границу обусловливали особенно значительное развитие такой торговли в имении князя Д. Г. Шервашидзе, благодаря чему здесь, более чем в других районах Абхазии, встречаются факты продажи леса «частным промышленникам»[6].

[1] Кап. Энсгольм. Указ. рук.

[2] Записки Алексея Петровича Ермолова, ч. II. 1816–1827 гг. М., 1868. – С. 70.

[3] АКА, т. VI, ч. I. – С. 646-658.

[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1867 г., д. 246, лл. 65–90.

[5] Там же, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 188, лл. 3–37; ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1867 г., д. 246, лл. 65–90.

[6] Пахомов А. Замечания на записку полк. Краевича о поземельной собственности в Абхазии, 19 марта 1870 г. ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1870 г., д.36, лл. 40-41.

Около 1846 года младший брат владетеля Александр Шервашидзе получил исключительное право продажи самшита из владетельского леса в ущелье р. Аапста. Средний годовой вывоз самшита из указанного ущелья до 1864 года равнялся около 10.500 пудов, и князь Шервашидзе от этой продажи имел дохода от 900 до 1.350 руб. в год[1].

Одним из покупщиков владетельских лесов был сборщик пошлин владетеля дворянин Соломон Лакрба[2]. После Крымской войны владетель отдал последнему на откуп рубку самшита в нескольких местах. Однако С. Лакрба не смог удовлетворительно завершить начатую им операцию и впал в долги. Вследствие этого владетель в 1862 году наложил секвестр на весь заготовленный Лакрба самшит, сложенный в Сухуме. Представленный в ответ на это Соломоном Лакрба иск равнялся 24.649 руб., из коих более 13 тыс. рублей следовало его кредиторам[3].

В 1848 году Мошин рубил лес в Аджуа для Черноморского флота. В 185.1 –1852 годах он же производил рубку в кодорском и киндгском лесах. Лес был вывезен в г. Николаев. По заявлению крестьян, русский промышленник, рубивший лес в Аджуа, вывез дрова в количестве около 800 саж. в Керчь. По левую сторону р. Пшап сухумский купец Смирнов после Крымской войны рубил дрова в количестве 100 саж[4]. В конце 50-х годов секретарь владетеля Абхазии Гиго Ходжашвили и сухумский купец Иордан Метакса организовали «товарищество» для эксплуатации самшита в с. Гума[5].

Как уже подчеркивалось, по мере развития общей экономической жизни края происходил рост потребления леса и на месте, что было связано, прежде всего, с увеличением потребностей г. Сухума. Еще М. Селезнев свидетельствовал, например, что в с. Дранда стояла «лесная команда», которая заготавливала лес «на здания нового города Сухума»[6]. А. В. Пахомов также писал о том, как в с. Ешера в 50-х же годах заготавливался лес, который по морю сплавляли в

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1). 1864 г., д. 76, лл. 180–198.

[2] С. Лакрба взыскивал владетельские пошлины от Псырцха до укр. Гагр.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 72 об.

[4] Там же, ф. 416, 1869, д. 1017, лл. 73-74.

[5] Пахомов А. В. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, лл. 458.

[6] Селезнев М. Указ. соч., кн. I . – С. 172;ГАКК, ф. 260, д. 480. л. 417 об.

Сухум[1]. Лес заготавливался в с. Дранда для постройки лазаретов и других строений на горе Трапеции; лес везли на плотах[2].

Спрос на лес был связан также с проведением шоссейных дорог и с другими работами. Так, в одном 1850 году, во время постройки дороги на линии Илори–Зугдиди, дворянин Мурза Лолуа срубил 3.000 дубовых брусьев, необходимых для строительства мостов, и к 18 июля доставил 1.800 брусьев[3]. По сообщению же А. В. Пахомова, ссылающегося на дела инженерного ведомства, когда строилась дорога между Сухумом и Редут-Кале (Кулеви) подряд постройки мостов от Сухума до Кодора взял на себя кн. Д. Г. Шервашидзе, а от Кодора и далее – сам владетель Абхазии[4].

Положение особенно изменилось после упразднения Абхазского владетельства. Князья и дворяне «начали заключать условия с лесопромышленниками на порубку ими пальмы и строительного леса, приспособив себе права бесконтрольного производства порубок, разрешение которых принадлежало владетелю, перешедшее, с упразднением владельческои власти, к русскому правительству»[5].

Плата, получаемая помещиками «при новых порубках», не имела значения «ни пошлины, ни покровительственной дани, она приняла по сему характер продажной цены». Между помещиками начались споры, «ибо выгода, несмотря на ничтожную цену леса, была значительна и потому всякий желал принять в ней участие»[6].

После удаления владетеля из Абхазии были заключены договоры на лесные порубки кн. Инал-ипа – с сухумскими купцами В. Буз-оглы и И. Метакса на рубку дуба для клепок в лесу, прилегавшему к правому берегу нижнего течения р. Бзыби (Аспа). Указанные лесопромышленники и в 70-х годах продолжали вести в широких размерах выборочную эксплуатацию дуба в долине р. Бзыби и в прибрежной местности между реками Мзымта и Псоу. А. В. Верещагин в начале 70-х годов во многих местах видел сложенную в ярусы дубовую клепку, которая заготавливалась для вывоза за границу,

[1] Пахомов А. В. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, лл. 445 –518.
[2] Его же. Исторические записки по истории Абхазии и рода кн. Шервашидзе.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 71об.
[4] Пахомов А.В. Исторические записки...
[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 75.
[6] Там же.

преимущественно в Марсель[1]. В 60-х годах кн. Анчабадзе заключил договор с теми же И. Метакса и В. Буз- оглы, а также купцом Х. Качал-ипа на рубку самшита в Гумистинском ущелье; дворяне Хварцкия – с купцом Д. Авгерином на рубку строевого леса в киндгской даче; адзюбжинские дворяне Маргания (Маан) – с Ибрагим-оглы на сруб кодорского леса; Григ. Шервашидзе – с купцами Метакса и Авездопуло на рубку клепки в лесу Чачал, вблизи скурчского леса. В Самурзаканской Абхазии лесные порубки для продажи составляли «еще более новое явление»; в 1865 году в с. Репи дворяне Званбая заключили договор с промышленником Д. Авгерином на сруб дуба; в 1867 году в селах Баргеби и Мухури кн. Квач Анчабадзе – с Карапетом Чухандмиянцом на рубку дуба в баргебском лесу; князья Бату и Чагу Анчабадзе– с Гассаном Парта на такую же рубку в местности Маби, и т. д.[2] Князья Учана, Дата и Джамлет Дзапш-ипа, «по примеру Григория Шервашидзе, гумских Анчабадзе, князей Инал-ипа и многих других абхазских жителей», продавали лес (после 1866 года) из с. Ешера и продали 100 сажен дров сухумским купцам[3].

В мае 1866 года на левом берегу р. Бзыби стоял деревянный сарай, в котором жили лазы из Батума, занимавшиеся вывозом абхазских самшитовых деревьев. Лазы рассказывали членам комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря (между реками Туапсе и Бзыбь), что они в продолжение многих лет занимались данным ремеслом, и что самшит остается только на таких местах, откуда доставка его к реке сопряжена с затруднениями и на расстоянии дневного пути от морского берега. У них были довольно большие лодки, которые они таскали канатом вверх по реке и, нагрузив там самшитом, наколотым на куски в 1 арш. длиной, пускали по быстротечной р. Бзыби к морскому берегу для погрузки на корабли, которые перед отъездом должны были заезжать в Сухум для «очистки вывозной пошлины» по 45 коп. за кантар (3,5 пуда)[4]. Сухумская сословно-поземельная комиссия собрала и приобщила к своим материалам 11 «контрактов» на вырубку леса, за-

[1] Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1871.– С. 72–76.
[2] ЦГИАГ, ф. 416, 1869, д. 1017, лл. 75–76.
[3] Пахомов А. В. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, л. 475.
[4] ЗКОСХ, №№ 5 и 5, 1867. – С. 6.

ключенных между некоторыми самурзаканскими феодалами и разными лесоторговцами в 1864–1865 годах[1].

Между прочим, многие эти леса являлись общинными, насильственно захваченными отдельными феодалами. Вообще усиливаются «в последнее время претензии частных лиц на леса, в особенности на прибрежные, представляющие возможность сбыта»[2].

О размерах лесных порубок и доходов от них трудно судить из-за отсутствия соответствующих данных. Но известно, например, что гумские князья Анчабадзе за 28 тыс. пудов самшита от двух купцов получили 900 руб.[3]; окумские князья Эмухвари в 1850 году продали лесопромышленникам самшит, росший в верхней части с. Окум, в Апста, в количестве около 22.500 пудов за 300 руб. сер.[4]; в 1865 году набакевские и баргебские князья Анчабадзе продали 4 тыс. дубовых деревьев купцу Карапету Чухандмиянцу; гудавский дворянин Сасрыква Маргания 1 января 1866 года заключил «контракт» с двумя очемчирскими торговцами, по которому он обязался доставить на берег моря дрова на 680 руб.[5]

Хищническое истребление лесных массивов и вывоз леса приняли такие исключительные размеры, что стали грозить гибелью ценным породам деревьев. В 1867 году последовало правительственное распоряжение о запрещении рубки леса для внешнего вывоза[6].

Лесные работы являлись весьма тяжелыми и наиболее плохо оплачиваемыми. А. В. Пахомов рассказывал о следующем факте, имевшем место в 50-х годах: лесопромышленники Симон и Бежо Гвазава рубили лес в с. Ешера. Заготовленный лес связывали в плоты бечевой и сплавляли морем в Сухум. Однажды, когда лес был срублен, указанные лица подрядили 3 человека. Сами они сели на плот, а их рабочие с буйволами тащили бечеву берегом[7].

[1] Ведомость заключенным контрактам о рубке лесов. ЦГАА, ф. 57, он. 2, 1870 г., д. 5, лл. 195–197.

[2] Письмо Е. Понсэ А. Карцеву от 18 ноября 1865 г. ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 117–119.

[3] Там же, ф. 416, оп. 3, 1868 г., д. 1017, л. 75.

[4] ЦГАА, ф. 57, д. 5, лл. 45–46.

[5] Там же, лл. 195–197.

[6] ЦГИАГ, ф. 416, оп.3, 1869 г., д. 1017, л.75.

[7] Пахомов А. В. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, лл. 474-475.

Сухумские купцы Метакса и Буз-оглы, которые в 60– 70-х годах являлись основными лесопромышленниками в крае, по данным А. В. Верещагина, в начале 70-х годов каждый почти круглый год имел для рубки леса и поделки его до 100 рабочих, преимущественно приезжих[1]. Но эксплуатировались и местные крестьяне. Крестьяне эксплуатировались также при рубке и подвозе леса для строительства мостов во время дорожных работ. Так, дворянин Мурза Лолуа за доставленные им летом 1850 года дубовые брусья просил уплатить 7.136 руб. сер., указывая при этом, что крестьяне, привлеченные к этой операции, до сих пор еще не получали от него заработанную ими сумму, вследствие чего они, выходя из терпения, неоднократно покушались на его жизнь[2]. Известно также, что, по свидетельству Р- де Скасси (1818 г.), капитан Жургаки в с. Лыхны для постройки судна «содержал за довольно умеренную плату» наемных рабочих из местных крестьян[3].

2. Дорожное строительство

Делались попытки и в направлении дорожного строительства. Летом 1834 года в Кутаисе был сформирован воинский отряд для проложения сухопутного сообщения по побережью Абхазии. Отряд начал свое движение во второй половине августа и в начале ноября достиг укрепления Бамборы. Летом следующего года дорога была доведена до Гагр[4]. Дорога имела ширину около 100 шагов; лес хорошо был расчищен в обе стороны на 150 саженей, для чего, писал М. Селезнев, заведовавший прокладкой, «вырубали большие столетние деревья и сожгли иглистую колючку, которая обвивала высокие древа до самой их вершины, свивалась между собою и не давала дороги пешеходу. Вычищенная дорога образовала натуральное шоссе, под тенью вековых дерев...»[5]. Однако реальные результаты этой экспедиции были весьма незначительны[6]. Тем не

[1] Верещагин А. В. Указ. соч. – С. 76.

[2] ГАКК, ф, 260, д. 480, лл. 117 об, 423 об – 491 об.

[3] АКАК, т. VI, ч. I. – С. 646–658.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, л. 66.

[5] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа, кн. III. Спб, 1850. – С. 110.

[6] Вот как А. Л. Бестужев-Марлинский отзывался о состоянии дорог даже на побережье Абхазии в 1837 году; «Места эти имеют только морем сообщение

менее, значение дороги было немаловажным. В дальнейшем к дорожным работам привлекалось местное население. Так, в 1838 году самурзаканские жители «употребляемы были для разработки дороги в их крае»[1]. Кроме того, крестьяне подвозили лесоматериал, необходимый для строительства мостов и пр.[2]

Около 1850 года была построена дорога от Илори на Зугдиди в Тифлис, правда, скоро пришедшая в негодность[3]. В 1836–1837 и 1841 годах через р. Ингур был построен мост, который М. Селезнев называл «страшным»[4]. В 1844 году в Грузию были командированы инженеры путей сообщения для составления общих соображений об укреплении береговых рек у приморских фортов линии и проекта об исправлении дорог в Гурии, Мегрелии и Абхазии[5]. Инженер кап. Ежиков в заключение своего описания дороги от Илори до Ингура указывал, что если главный путь сообщения Абхазии с Мегрелией и другими частями Грузии будет проходить через Редут-Кале (Кулеви), Анаклию и Илори, то эта дорога будет самая выгодная, потому что она кратчайшая, проходит по твердому грунту, место изобилует необходимыми материалами, соединяет торговые места Очемчиры и Редут- Кале (Кулеви)[6].

В 1845 году было установлено морское сообщение между Сухумом и Керчью, а в 1846 году – и Одессой. С 50-х годов морские сообщения между Сухумом, Редут-Кале, Поти и другими приморскими пунктами становятся почти регулярными. Еще в 1842 году возникла мысль о постройке дороги через Кавказский хребет в Сухум[7]. Наместник Кавказа, «имея в виду важные последствия от проложения прямого сообщения от Сухума на северную покатость Кавказского хребта», распорядился в 1848 году о производстве топографической съемки местности, по которой должен был проходить этот путь, и составлении сообщения насчет возможности разработки на первое время вьючной дороги до перевала через хребет[1]. В 1849–1850 годах инженером Иогелем и топографом Рябиковым был произведен осмотр линии через Главный Кавказский хребет, между г. Сухумом и верховьями р. Кубани[2]. Затем, после рекогносцировки указанного района, была составлена обширная «Записка об устройстве части дороги между гг. Сухум-Кале и Пятигорском, по южному склону Главного Кавказского хребта, до Нахарского перевала»[3]. В «Записке» учитывались также «коммерческие виды предполагаемой дороги». Этот пункт и другие положения «Записки» ясно говорят об экономическом, а не только стратегическом значении, какое придавали ее авторы предполагавшейся перевальной дороге.

И. Дюкруаси в 1852 году в статье «Краткое описание главных торговых путей сообщения Закавказского края»[4] отмечал: 1. Сухумский порт – «наилучший из всех портов наших на восточном берегу Черного моря»; 2. Протяжение Сухумской дороги (от Неджихевского поста до Сухума) – 132 версты, она служит «почти исключительно для перевозки местных произведений Мингрелии, так как быстрые и довольно глубокие реки затрудняют путь и отстраняют купечество от перевозки товаров».

В 1853 году была открыта почтовая дорога от Сухума до Редут-Кале (Кулеви), на пространстве 110 верст, соединявшая Сухум с другими городами Грузии и Закавказья, в результате чего новый город Сухум «вступил в общий состав, общую семью их, как самый молодой член»[5].

Крымская война наглядно показала все еще тяжелое дорожное положение в крае, как и во всей России. Отход русских войск из Абхазии во время этой войны объяснялся, прежде всего, бездоро-

между собою, и то чрезвычайно редко». В письме из Кутаиса от 13 апреля 1837 года Бестужев также замечал, что путь на Гагры и мыс Адлер идет «по скалам и стремнинам, по берегу моря: Термопилы перед этой дорогой Невский проспект» («Русский вестник», т. 88, 1870. – С. 68.73). М. Селезнев, проезжавший здесь на баркасе в 1841 году, также свидетельствовал: «Дорога заросла толстыми высокими древами, которые, вероятно, пошли от оставшихся корней, и все, по-прежнему, обвивались колючкою» (Указ. его соч. – С. 110).

[1] ГАКК, ф. 260, д. 480.

[2] Там же, лл. 4 17 об, 423 об, 491 об.

[3] Рап. нач. 3 отд. Черномор. берег. линии ген. Гогенбаха нач. Черномор. берег. линии ген. Будбергу от декабря 1847 г. Там же, л. 11.

[4] Селезнев М. Указ. соч., кн. III. – С. 148.

[5] Предписание воен. мин-ра. нач-ку Отд. кавказ. корпуса от 12 июня 1844 г. ГАКК, ф. 260, д. 480, л 6.

[6] Там же, л. 27.

[7] Письмо ген. Филипсона Милютину от 13 мая 1858 г АКАК, т. XII, ч. II. – С. 776.

[1] Рапорт ген. Карлгофа нач. 3 отд. Черноморск. береговой линии от января 1849 г. ГАКК, ф. 260, д. 247, л. 29.

[2] Там же, лл. 156–159.

[3] Там же, лл 172–194.

[4] ЗКОРГО, кн. 1, 1852.

[5] Свешников В. Из письма о Сухуме. «Кавказ», 23 декабря 1853 г., №95.

жьем на побережье. «Главнейшею и почти единственною причиною столь быстрого отступления оттуда наших войск был недостаток сообщений, хотя несколько обеспечивающих отступление абхазского отряда», – доносил кутаисский генерал-губернатор Эристов наместнику Кавказа Барятинскому 16 мая 1859 года[1].

Сообщение между Сухумом и другими прибрежными пунктами совершалось только морем, ибо приморская дорога, сооруженная еще в 30-х годах, пришла в негодность. Все продовольствие и снаряжение для русских войск шло морским путем из Крыма. Но этот путь был закрыт с началом военных действий английскими и французскими судами. Из-за недостатка питания и медикаментов среди солдат развивались заболевания. Вот что писал поручик Махотин в рапорте на имя генерала Багратиона-Мухранского от 27 ноября 1854 года о состоянии дорог в Самурзаканской Абхазии: здесь «по большей части суть тропинки, которые, изгибаясь по густому лесу, допускают во многих местах движение только по одному»; даже «большая дорога» из Илори в м. Зугдиди «пришла в самое дурное состояние: мосты все погнили, а при объездах лошади во многих местах погружаются в грязь выше колен»[2]. Война еще больше ухудшила состояние дорог в Абхазии. «Мосты и переправы по всей дороге в Абхазии уничтожены до основания», – констатировал владетель Абхазии в своем рапорте на имя наместника Кавказа от 24 июня 1856 года[3].

После войны снова и чаще начали говорить о дорожном строительстве. Командующий войсками в Абхазии генерал Лорис-Меликов писал, что после 1854–1856 годов дороги стали важными в военном и административном отношениях, они будут также способствовать развитию торговли. Он находил необходимым разработку от Сухума двух дорог для сообщения с Северным Кавказом и Закавказьем[4]. Посылались всевозможные проекты и записки, подчас, правда, прожектерские, но, во всяком случае, доказывавшие важность дорожного дела в военном, административном и торговом отношениях. Вновь на повестку дня было поставлено изучение перевальной дороги, которая систематически обследовалась в течение 1857–1859 годов.

[1] АКАК, т. XII, ч. II. – С. 812.

[2] ЦГИАГ, ф. 956, д. 4, л. 62.

[3] АКАК, т. XI, ч. 1. – С. 297.

[4] Рапорт ген. Лориса-Меликова кутаисскому генерал-губернатору кн. Эристову от 12 августа 1858 г. Там же, т. XII, ч. II. – С. 792.

На основании всего материала, собранного до этого по вопросу перевальной дороги, инженером-подполковником Иогелем была составлена новая «Записка»[1], в которой, между прочим, так определялась цель строительства указанной дороги: «Во-первых, случайное движение войск и доставление продовольствия абхазскому отряду, во-вторых, торговое сообщение с Сухум-Кале». Правда, Иогель горный путь в Абхазию находил невыгодным как сообщение для внешней торговли, но полагал, однако, что эта дорога будет полезна «как внутреннее сообщение для размена произведений Абхазии с Правым крылом» (Кавказской линии. – Г. Д.). Так, например, с развитием виноделия абхазское население найдет выгодным привозить сюда свое вино и брать взамен пшеницу, просо и другие хлебные продукты; точно также и жители Кубанской равнины; «но эти виды есть дело будущего»[2]. О необходимости и важности перевальной дороги не только в стратегическом, но и в экономическом отношении усиленно говорилось и в конце 60-х годов[3].

В 1859 году был поставлен вопрос о проложении Кутаисско-Сухумской дороги, при этом самой трудной задачей было признано устройство переправ через реки Кодор, Ингур и Цхенис-Цкали[4].

В конце 60-х годов выдвигается даже вопрос о железной дороге между Туапсе и Сухумом. Ю. Проценко в статье «Вопрос о кавказских железных дорогах»[5] писал, что «Сухумская линия была бы незаменима в стратегическом отношении в видах защиты Закавказья...». Вместе с тем «она открыла бы возможность сбыта на Северный Кавказ произведений южного склона – именно бывшей убыхской земли и Абхазии... С Сухумом связываем в своих мыслях Царицынскую линию и опять поэтому повторяем, что эта линия была

[1] Записка корпуса путей сообщения подполк. Иогеля о проложении дороги с долины р. Кубани по ущелью р. Теберды, на южный склон Кавказа в долину р. Кодора. АКАК, т. XII, ч. II. – С. 785–790.

[2] АКАК, т. XII, ч. II. – С. 789.

[3] «Кавказ», 1866, № 48.

[4] Письмо кутаис. генерал-губернатора Эристова начальнику штаба Кавказской армии Милютину от 23 июня 1859 года. АКАК, т. XII, ч. II. – С. 819.

[5] «Кавказ», 13(25) декабря 1868 г., № 146.

бы одной из главнейших железных дорог в государстве». Проценко, отмечая значение железной дороги в деле экономического освоения Кавказа, писал далее: «...Мы вполне надеемся, что счастливое положение Кавказского края, прилегающего к двум морям, богатые и обширные земли, самая разнообразная производительность и целая группа климатов, как это обыкновенно в гористой стране, обратят на себя, и весьма скоро, внимание наших капиталистов и сделают из Кавказа не только выгодное приобретение для России, но и положительно неисчерпаемую житницу».

Данные же, относящиеся к 70–80-ым годам, о сухопутных и морских сообщениях Абхазии, как и всего Черноморского побережья Кавказа, можно найти в работе А. В. Верещагина «Влияние сухопутных и морских сообщений на колонизацию и развитие Черноморского прибрежья Кавказа» (Спб., 1885).

Однако в Абхазии все еще продолжало царить бездорожье. Начальник Сухумского отдела ген. Гейман в своем отчете за 1874 год прямо признавал, что в настоящее время дорог в Абхазии буквально не существует, есть только пешеходные тропы, по которым совершаются, и то во многих случаях с трудом и опасностью, верховая езда, всякого рода переправы и доставки, и это «отсутствие дорог в крае» тормозит всячески развитие последнего[1].

3. Город Сухум

Определенное развитие получил Сухум, хотя его росту препятствовали те же общая отсталость народного хозяйства Абхазии и колониальная политика царизма. Он имел небольшое по численности население и незначительный удельный вес в экономической жизни края. Первым из дошедших до нас описанием Сухума в начале XIX века является описание «Состояние Сухумской крепости», составленное по заданию Военного министерства лейтенантом Скирневским[2], посетившим в Сухуме владетеля Абхазии Келешбея Шервашидзе в начале 1807 года, т. е. за три года до присоединения Абхазии к России. Лейтенант Скирневский дал довольно подробное описание не только Сухумской крепости, но и ее ближайших окрестностей. Из этого описания видно, что Сухум в то время представлял из себя всего-навсего небольшую крепость, около которой были разбросаны абхазские селения. Нет никаких указаний у Скирневского и на существование в Сухуме сколько-нибудь большего постоянного базара – рынка.

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, (кн. II, д. 996, лл. 3-40).

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18490, лл. 1–4.

До нас дошел план Сухумской крепости 1812 года, хранящийся в архиве б. штаба Кавказского военного округа[1], который дает определенное представление о крепости. Он в основном подтверждает описание Скирневского.

Р. де Скасси, посетивший Сухум в 1818 году, говорил о нем как о запущенном местечке, где было 2 или 3 жалких строения из досок, обмазанных снаружи глиной; эти строения «удостоены названия казармы»; было также несколько домов офицеров и дом коменданта, госпиталь – «самое чистое и лучше всего поддерживаемое здание». Небольшой участок земли был отведен под маленькие садики, которые принадлежали офицерам и маркитантам; в садах разводились огурцы, дыни и арбузы. Маркитанты «пользовались абхазцами для возделывания и окружения изгородью своих садов, платя им по 5 пара (10 коп.) в день». В Сухуме и в Келасури было несколько маленьких лавок. Кроме того, «проходя по стране вполне свободно, они (маркитанты.– Г. Д.) продают абхазцам соль, железо, шерсть, котелки, деревянные и стеклянные сосуды..., они ввозят в Россию мед, воск, орехи и шкуры животных...»[2].

Первые признаки некоторого оживления «мирной» жизни Сухума относятся к концу 20-х годов, когда с 1828 года «абхазы начали приходить к сухумскому базару»[3].

[1] Копия указанного плана Сухумской крепости хранится в Абхазском Государственном музее: см. также Г. А. Дзидзария «Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века». Сухуми, 1940. – С. 26.

Между прочим, из этого плана видно, что между южной стороной крепости и морем тогда еще проходила дорога, которая вскоре была смыта морем. Уже в 1842 году И. С. Радожицкий писал: «При занятии крепости Сухум-Кале, крепость отделялась от моря дорогой на пистолетный выстрел расстояния, а теперь море подмывает стену» (Ил. Радожицкий. Взгляд на флору восточного берега Черного моря. «Журнал садоводства», № 5. М., 1842. – С. 40).

[2] АКАК, т. VI, ч. 1. – С. 646–658.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, 1807 г., д. 18490, лл. 1-4.

В середине 30-х годов Сухум посетил Ф. Ф. Торнау, на которого он произвел «самое неблагоприятное впечатление». Базар, находившийся перед крепостью, состоял из 20 грязных духанов-кабаков, в которых были выставлены для продажи без всякого разбора вино, водка, табак, седла, оружие, мясо, соленая рыба, овощи и самые простые материи. По единственной улице прохаживались несколько абхазцев с ружьями за спиной, с башлыками на голове; пробегали матросы, заглядывая в лавки и торгуясь с купцами. Внутри крепости помещались две казармы, госпиталь, артиллерийский цейхгауз, провиантский магазин и дом коменданта[1].

Но как раз в 30-х годах предпринимаются определенные шаги со стороны правительства к развитию Сухума в качестве города. В 1832 году был официально разрешен приход транспортных судов в Сухум; устраивается таможенная застава. В 30-х же годах было начато городское строительство; для этой же цели делаются попытки организовать производство строительных материалов и пр. В 1840 году, по инициативе начальника Черноморской береговой линии генерала Н. Н. Раевского – «любителя изящной флоры» было положено начало городскому ботаническому саду в Сухуме под названием «Военно-ботанический сад». Он возник на базе небольшого сада, созданного лекарем сухумского гарнизона В. Багриновским, которому и было поручено Н. Н. Раевским заведовать ботаническим садом. По данным полковника И. С. Радожицкого, описавшего флору восточного берега Черного моря в 1842 году, количество видов растений, разводившихся в этом саду, доходило до 61[2]. Сад был связан с Никитским садом (Крым), откуда получал семена и растения[3]. И. С. Радожицкий ставил вопрос о создании в Сухуме «правильно устроенного сада», с надлежащими пособиями и квалифицированными работниками, который мог бы из первоначально набросанного эскиза превратиться со временем в рассадник изящных и полезных экзотических растений. «Мы бы, – мечтал Радожицкий, – могли иметь свои апельсины, лимоны, миндаль, маслины,

[1] (Торнау Ф.Ф.). Воспоминания кавказского офицера, ч. 1. – С. 29.

[2] Радожицкий Ил. Указ. соц. – С. 48–49.

[3] Малеев В. П. Древесные экзоты Абхазии и их лесоводственное значение. Сб. «Абхазия. Геоботанический и лесоводческий очерк». Изд. АН СССР, М.-Л., 1936. – С. 273-275.

хлопчатую бумагу, наилучший табак, может быть, кофе, чай, пробку и множество аптечных растений»[1].

По инициативе же Н. Н. Раевского в 1840 году было приступлено к работам по осушке болот в Сухуме[2]. Работы эти продолжались в течение почти всего последующего десятилетия[3]. Для воинских частей, расположенных здесь и страдавших от злокачественной малярии[4], было начато строительство казарм и госпиталя на холмах, расположенных вблизи Сухумской крепости. О значении Сухума Н. Н. Раевский писал: «Сухум есть порт Закавказского края и также важен для Закавказья, как Новороссийск для Кавказской области»[5].

В целях усиления экономических и торговых связей в 1845–1846 годах было открыто регулярное морское сообщение между Сухумом, Керчью и Одессой; в 1846 году Сухум был объявлен портом. В 1847 году Сухуму было предоставлено право транзита товаров в Тифлис и даже в Иран и вместе с тем, учитывая «важность приморского положения Сухума»[6], он был возведен в степень города. Здесь было учреждено карантинно-таможенное управление восточного берега Черного моря (Очемчиры, Сухум, Новороссийск, Геленджик, Анапа)[7].

В разделе о развитии торговли в Абхазии мы увидим, что центром ее здесь являлся г. Сухум. В данном же случае отметим тот факт, что с 1845 года приход судов в Сухум заметно увеличивается. С 1848 года как заграничные, так и каботажные перевозки товаров приняли еще более обширное развитие[8]. «Важный Сухумский пункт теперь

[1] Радожицкий Ил. Указ. соч. – С. 43.

[2] ГАКК, ф. 260, д. 170; И. Н. Раевский. Записка о торговле с горцами... АКАК, т. IX, ч. 1. – С. 471.

[3] ГАКК, ф. 260, д. 170.

[4] В конце 30-х–начале 40-х годов смертность войск в Сухуме от малярии и других болезней, по сообщению Н. Н. Раевского, в среднем в год достигала 154 человека (из 659 чел. гарнизона). А с 1845 по 1850 год включительно количество умерших солдат Черноморского линейного № 11 батальона равнялось в Сухуме 1.071 чел., в среднем за год–178 чел.; в укр. Илори – 61 чел., в среднем за год – 10 чел., в укр. Мрамба –59 чел., в среднем за год–10 чел.

[5] Раевский Н. Н. Указ. записка.

[6] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 253, л. 102.

[7] «Кавказский календарь на 1851 год». Тифлис, 1850, отд. V. – С 69–70.

[8] Пушкарев С. Краткий очерк портов северо-восточного берега Черного моря и торгового на этом берегу мореплавания. ЗКОРГО, кн. II, 1853. – С. 160–163.

упрочивается», – констатировал М. Селезнев[1]. Еще в начале 1840 года генерал Ольшевский сообщал о наличии в Сухуме значительного количества лавок и о том, что он «везде видел... русские весы»[2]; им же был составлен именной список «промышленникам сухумским с показанием, кто из них чем торгует и кому принадлежат лавки»[3].

В 1851 году в Сухум было переведено управление начальника 3 отделения Черноморской береговой линии, которое до этого находилось в с. Бамборы[4].

В связи с этим сюда были переведены войска, которые были расположены временно лагерем на горе Баалоу (Трапеция), от чего и само это место приняло название горного лагеря. Под горой офицерами и семейными солдатами было выстроено несколько турлучных домов, образовавших «Подгорную слободку»[5]. Строились дома и в центре города[6].

Согласно отчету начальника 3 отделения Черноморской береговой линии по гражданскому управлению за 1851 год, в Сухуме было 543 разных строения. В одном только 1851году было выстроено 63 здания[7]. По данным «Кавказского календаря» за 1853 год, в Сухуме было 106 турлучных зданий, 2 кирпичных завода, 26 «питьевых домов» и 36 лавок.

При устье р. Басла (Беслетка), на правом берегу, появилась новая слободка, получившая название Карантийной. Пустое болотистое пространство, заросшее кустами, между крепостью, горным

[1] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 178.

[2] ЦГИАГ, ф. 1396. д. 69, л. 11.

[3] Рапорт Ольшевского Раевскому от 3 сентября 1839 г. Там же, л. 9.

[4] ГАКК, ф. 260, д. 818.

Сохранилось описание Бамборского укрепления середины 30-х годов, данное русским офицером Ф. Ф. Торнау. В это время здесь помещались батальон 44 егерского полка, полковой штаб и все «главные военные заведения» и склады для войск, расположенных в Абхазии. Укрепление имело вид большого бастионированиого параллелограмма и состояло из земляного бруствера. Внутренность его, разбитая на шесть правильных кварталов, была обстроена небольшими домами, длинными казармами и магазинами. Возле крепости находился небольшой форштат с базаром. Бамборское укрепление стояло в широкой и привольной долине речки Пшандра (Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. I. – С. 31–32).

[5] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 253, л. 102.

[6] Свешников В. Указ. соч.

[7] ЦГИАГ, ф. 1396, д. 89, л. 18.

лагерем и двумя отдельно стоявшими слободками – Карантийной и Подгорной – было расчищено, перерыто вдоль и поперек канавами для осушения и проведены две главные улицы: одна – от горного лагеря перпендикулярно к морю (ныне ул. Ленина), другая, перпендикулярная к ней, – в Карантинную слободку (ныне ул. Н. Лакоба)[1].

В Сухуме находились полицейское управление, городское и окружное карантинно-таможенное правления, а также городская ратуша, которой были предоставлены права уездного «сословного» и «светского» суда.

Город имел особый выгон для скота, сенокосные места, участки строевого и дровяного леса. Войска стали самовольно распоряжаться землями, окружавшими крепость и принадлежавшими князю Д. Г. Шервашидзе. В связи с этим последний в 1852 году просил начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полковника Н. П. Колюбакина о точном определении границ городской земли. Просьба князя была уважена, и границы отходившей к городу земли были определены так: с запада – р. Адзапшь (Гнилушка), с востока – р. Басла или Карантинка; с севера– ущелье, из которого вытекает Басла; гребень горы до ее окончания в ущелье р. Гиндарки (за Ботаническим садом); перекоп, отделявший горный лагерь (Баалоу) и подошва возвышенности Яштхуа до родника; с юга – Черное море. Как видно из приказа по расположенным в Абхазии войскам от 26 марта 1858 года, указанное выше условие о границах городской земли вошло в свою силу[2].

В одном описании, относящемся к 1852 году, о Сухуме сказано следующее: население разделено на три участка, отделенные целыми полями; в одном из них, близ берега, возвышалась каменная ограда крепости, к которой примыкал базар с лавками; в другом громоздились небольшие домики жителей около таможни и карантина; в третьем, на довольно далеком от берега холме, были выстроены больница и казарма (для воинской части). К этому месту была проведена большая улица, на которой со временем должны были быть дома и где уже было отстроено несколько казенных зданий. При этом отмечалась одна «несносная особенность» Сухума, заключавшаяся в том, что вечерами подымался на полях, разделяв-

[1] Там же, ф. 231, оп.2, л. 253, л. 102.

[2] Пахомов А. В. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, лл. 509–511.

ших кварталы, вой рыскавших шакалов, которому вторили со всех сторон и на все голоса встревоженные собаки – каждый вечер и каждую ночь устраивается «такая зверская опера, раздаются такие уныло-раздирающие хоры, что не знаешь куда бы от них спрятаться». Сухум, заключал автор, «еще не город, но он непременно будет значительным городом»[1].

В 1853 году от Марани до Сухума был открыт почтовый тракт, на котором было учреждено 10 станций, из них на территории Абхазии – 5 станций[2].

Во время Крымской войны Сухум был оккупирован турецкими войсками. Он, как и некоторые другие пункты, был разорен и пришел в упадок. М. Шервашидзе 24 июня 1856 года доносил наместнику Кавказа генералу Муравьеву, что он, по прибытии в Сухум, нашел крепость в полуразрушенном состоянии; одна казарма была сожжена, а со всех остальных казарм и казенных зданий, расположенных в Сухуме, были «расхищены все двери, оконные рамы и печные приборы»; частные дома «подверглись еще большему разрушению». Некоторые здания карантинно-таможенного управления остались в полуразрушенном виде, а другие – «совершенно уничтожены... Укрепление Бамборы не оставило по себе следов». С Пицундского храма был снят крест, а все остальные здания «были совершенно уничтожены»; укрепление Гагры было «превращено в груду развалин и пепла»[3]. Имущество Д. Г. Шервашидзе, имение которого примыкало к г. Сухуму, турецкие войска «разорили дотла»[4]. Огромный ущерб был нанесен и хозяйству владетеля[5]. Значительно пострадал вообще весь край. К этому добавим еще сообщение М. Бартоломея и Д. Мачавариани о том, что «как театр последней войны, Самурзакань подверглась грабежам и разорению»[6]. Оккупанты сразу же принялись за работорговлю. Соучастниками этой торговли людьми являлись английские шкиперы, перевозившие в Турцию живой товар[7].

[1] Кавказ», 1852, № 72.

[2] АКАК, т. XI, ч. II. – С. 778–779.

[3] Там же, ч. I. – С. 297.

[4] Там же, ч. II. – С. 949.

[5] ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, лл. 52-62; ф. 545, д 313, лл. 67-72

[6] ЗКОРГО, кн. VI, 1864. – С. 78.

[7] Бурчуладзе Е. Е. Крушение англо-турецких захватнических планов в Грузии в 1855–1856 гг. «Вопросы истории», № 4, 1952. – С. 18.

После войны Сухум стал быстро развиваться. В 1857 году здесь, около крепости, была открыта морская станция; такая же станция была открыта и в Новороссийской бухте, а в Поти – военно-морское управление[1]. Из воспоминаний С. Смоленского мы узнаем о существовании в Сухуме в 50-х годах клубной библиотеки, откуда он летом 1859 года брал для чтения журнал «Отечественные записки»[2].

В Сухуме были базары с довольно большим рядом деревянных лавок, между которыми, писал С. Пушкарев, в последнее время выстроены три европейские магазина и еще строятся несколько частных небольших домиков около таможни и карантина[3].

Ужасным бичем для сухумцев по-прежнему являлась малярия[4]. Одна статья, посвященная описанию Сухума и относящаяся к началу 60-х годов, не случайно называлась «Сухум и его лихорадочность». В ней автор, доктор медицины Н. Торопов[5], подчеркивал: «Самое видное, людное, но вместе с тем и самое лихорадочное [место] во всем абхазском поморье составляет, конечно, город Сухум»[6]. Установив «условия лихорадочности» Сухума, доктор Торопов предлагал ряд мер для их ликвидации[7].

Д. З. Бакрадзе писал в 1860 году: «Зугдид и Сухум быстро растут; в окрестностях Сухума леса вырубаются, болота осушаются и проводятся канавы; прямые широкие улицы обстраиваются двухэтажными домами»[8]. В 1860 году Н.А. Шавровым были произведены изыскания для постройки гавани в г. Сухуме, в результате чего появилась его статья «Проект гавани в Сухум-Кале и несколько мыслей о необходимости и возможности ее постройки»[9].

[1] «Кавказский календарь на 1865 год», отд. III. – С. 35.

[2] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», №10, 1872. – С. 341.

[3] Пушкарев С. Краткий очерк портов северо-восточного берега Черного моря и торгового на этом берегу мореплавания. – С. 160.

[4] Например, в 1861 году в четырех сухумских лазаретах лечилось 8.954 чел., из которых лихорадкой болело 6.514. Хинина было израсходовано в течение того же 1861 года более –18 фунтов (Н. Торопов. Опыт медицинской географии Кавказа. Спб, 1864. – С. 163, прим. 1).

[5] Н. Торопов являлся главным лекарем Кутаисского военного госпиталя.

[6] Торопов Н. Сухум и его лихорадочность. ЭКОРГО, кн. VI, 1864. – С. 1.

[7] Его же. Опыт медицинской географии Кавказа. – С. 158–163.

[8] «Кавказ», 1860, № 49.

[9] «Морской сборник», т. VIII, № 4. Спб, 1862.

В мае 1862 года в Сухуме побывал упомянутый выше Н.Торопов, который рассказывал, что по берегу моря ряд лавок и частных построек вытягивались от пристани влево до крепости, вправо шел ряд длинных казарм на песчаном берегу; прямо от пристани начиналась широкая, ведшая вглубь, шоссированная улица, обсаженная по сторонам высокими акациями, из-за них выглядывали обывательские постройки, а по скатам зеленых высот были разбросаны казармы и постройки для войск. «Тут – и лучший порт, и станция морская, и административный центр края и много войск – четыре линейных батальона»[1]. Такое описание, строго говоря, не вполне соответствовало действительному положению вещей. Но оно верно в том отношении, что отражает развитие Сухума в рассматриваемый период.

Население Сухума росло очень медленно, несмотря на то, что еще в 1846 году Сухум, вместе с Новороссийском и Анапой, получил важные льготы для торгового населения. Эти льготы, по Положению 15 декабря 1846 года, заключались в следующем: приписывавшиеся к Анапе, Новороссийску и Сухуму освобождались на 30 лет от рекрутской и квартирной повинностей; имели право торговли на всей Черноморской береговой линии без оплаты гильдейских пошлин; кроме купцов, «дозволен заграничный торг и покупка мореходных судов и мещанам»[2]. Вместе с тем в районе крепости было отведено 3.952 кв. саж. для постройки домов «в обывательскую собственность».

В 1864 году в Сухуме была учреждена комиссия из 2 медиков, офицера путей сообщения и члена городского управления под председательством полковника Ф. Завадского «для изыскания мер и определения работ по улучшению климата гор. Сухума»[3].

Согласно отчету начальника 3 отделения Черноморской береговой линии по гражданскому управлению за 1851 год, общее число жителей Сухума составляло 700 человек (650 мужчин и 50 женщин) без воинской части. Из них «разночинцев» было 508 чел., «дворовых людей» –150 чел., «помещичьих крестьян» – 20 чел.; воинская же часть составляла 2481 чел.[4]

[1] Топоров Н. Сухум и его лихорадочность. – С. 1. Опыт медицинской географии Кавказа. – С. 157–159.

[2] Пушкарев С. Краткий очерк портов... – С. 156, прим.

[3] ЦГИАГ, ф. 7, оп. 1, д. 1381, лл. 3-6.

[4] Там же, ф. 1396, д. 89, лл. 18, 21.

К моменту ликвидации Абхазского владетельства население Сухума выросло до 1.200 чел., из коих «коренные обыватели» составляли 820 чел.; купцов было 24 чел., ремесленников – 13 чел., мещан – 427 чел.[1] Количество же домов, в том числе каменных, в 1865 году достигало 311[2]. Население Сухума в 1865 году возросло до 1.612 чел[3].

С 1867 года в Сухуме было приступлено к шоссировке улиц и проведению водосточных канав. «Можно смело сказать,– писал А. Н. Введенский в 1871 году, – что в настоящее время уже не существует трех пятых условий, перечисленных г. Тороповым в своем сочинении[4], делавших сухумский климат болезненным»[5]. В 1870 году отдельными лицами ставился вопрос и о том, чтобы «одеть берег камнем и тем прекратить морские наезды на город, а также воспрепятствовать дальнейшему обмелению бухты»[6].

По административному делению 1866 года, последовавшему после восстания в Абхазии, были ликвидированы гражданская канцелярия командующего войсками в Абхазии по управлению г. Сухумом, Сухумская городская ратуша и Сухумское комендантское управление, вместо которых были учреждены должность городничего и городское полицейское управление[7].

Росли и некоторые другие населенные пункты Абхазии. Местечко Очемчиры по своему экономическому значению занимало второе место в Абхазии. М. Селезнев, касаясь внутренней торговли, писал, что Очемчиры богаты товарами, имеют постоянные связи с с. Илори, жители которого закупали товары и развозили по Абхазии. Здесь находился рынок в два ряда, по бокам которого были разбросаны дома абхазских крестьян[8]. В 1847 году был открыт Очемчирский порт, а в 1848 году – карантинно-таможенная застава. В 1852 году Очемчиры уже называют «большим местечком» со «значитель-

[1] Статистич. описание г. Сухума. ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, лл. 1–8.

[2] Сб. статистич. сведений о Кавказе, т. 1, отд. 2. Тифлис, 1869. – С. 67.

[3] Махарадзе Ф. Грузия в XIX столетии. – С. 68.

[4] Торопов М. Опыты медицинской географии Кавказа. – С. 158–163.

[5] (Введенский А. И.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 3.

[6] Прудков Е. Из Сухума. «Кавказ», 1870, №96.

[7] ЦГИАЛ, ф. 1268/1866 г., д. 30, лл. 33–41.

[8] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 155, 157.

ным базаром»[1]. По данным Ф. Завадского, население Очемчир к 1854 году достигало 150 чел.[2] М. Селезнев отмечал, что Илори обстраивается, общежитие развивается, сакли жителей наполняются европейскими побрякушками и строятся прочнее, виднее и опрятнее прежних[3].

К 1854 году население местечка Гудауты равнялось 100 чел.[4] С. Смоленский о состоянии Гудаут в 1859 году писал следующее: местечко составляет одна улица, застроенная с обеих сторон рядами деревянных лавок; позади некоторых из них были пристроены жилые дома; улица начиналась почти от самого моря и упиралась в лес, тянувшийся к с. Лыхны; на самом видном месте, над берегом, стояла кофейня; торговцы занимались спекуляцией, эксплуатируя крестьян; торговля велась мелочная. Здесь находился дистанционный чиновник, подведомственный Сухумской карантинно-таможенной конторе, охранявший берег Сухум–Пицунда от ввоза беспошлинных товаров[5]. Впоследствии в Гудаутах была учреждена карантинно-таможенная застава, которая, по данным, относящимся к 1866 году, имела каменное здание[6]. К этому времени здесь был также двухэтажный дом и 5 флигелей, принадлежавшие владетелю Абхазии[7].

Д. З. Бакрадзе писал в 1860 году, что в Зугдиди, Окуме, Сухуме и Гаграх «в настоящее время заметна особенная деятельность». Далее он сообщал: «В Окуме два года назад был лишь один дом священника; ныне... уже выстроен удобный казенный дом, проведена улица и обстроена лавками; строятся церковь и казармы. В Гаграх тоже: все помещения батальонного командира, офицеров и нижних чинов окончены и снабжены всем нужным;... маленький садик вне укрепления усажен, между прочим, масличными деревьями»[8]. Г. И. Радде в 1865 году в Окуме видел «значительное число домиков русских отставных солдат, навсегда здесь поселившихся, и несколько мелочных лавок, стоявших на равнине»[1].

В конце 60-х годов в Гаграх была организована санаторная стоянка[2], куда присылались для излечения страдавшие малярией из гарнизонов Сухума и других мест Черноморского побережья[3]. В Гаграх, свидетельствовал А. Варгас-де-Бедемар, «леса вблизи крепости вырублены и болота осушены. А в прежнее время Гагры считались самым нездоровым местом из всех здешних крепостей и нужно было возобновлять гарнизон через каждые три или четыре года»[4].

И. С. Хатисов, посетивший Гагры в мае 1866 года, так описывал этот пункт: «Укрепление Гагры стоит весьма живописно у подошвы высокого хребта, на самом морском берегу, при впадении в море незначительной речки Гагринки, вытекающей из глубокого узкого ущелья, боковые склоны коего покрыты густым лиственным лесом. Вся площадка, занимаемая укреплением, несколькими лавками и батальонным огородом, заключает более 50 десят. Недалеко от укрепления находится небольшой сад, в коем красуются оливковые деревья…, виноградники, ореховые деревья и пр. Вдоль морского берега посажен также ряд довольно больших и сильных оливковых дерев...»[5]. Граф А. Варгас-де-Бедемар добавлял, что «лес вблизи крепости вырублен и болота осушены. А в прежнее время Гагры считались самым нездоровым местом из всех здешних крепостей...»[6].

Интересно сообщение Бакрадзе о том, что местные помещики приобретали в Сухуме участки и строились; многие из них и в своих поместьях заводили дома и старались вести хозяйство на европейский лад[7]. Акапский князь Чапиак Маршания в докладной записке на имя Святополка-Мирского в апреле 1869 года писал, что в 1868 году он начал постройку каменного дома и надеется «построить гораздо лучше против других жителей»[8].

---

[1] «Кавказ», 1852, № 76.

[2] Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. «Кавказ», 1867, № 59.

[3] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 153.

[4] Завадский Ф. Указ. соч.

[5] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», №10, 1872. – С. 332.

[6] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 185, лл. 3–4.

[7] Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах... – С. 40.

[8] «Кавказ», 1852, №76.

[1] Радде Г. И. Указ. соч. – С. 19.

[2] Гагринская санаторная стоянка была упразднена после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., так как в крае войск осталось мало.

[3] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего). – С. 5.

[4] ЗКОСХ, №№3 и 4. 1867. – С. 11.

[5] ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 3-4.

[6] Варгас-де-Бедемар А. Указ. соч. – С. 11.

[7] «Кавказ», 1860, № 49.

[8] ЦГИАГ, ф. 545, 1865 г., оп. 1, (кн. 1), д. 180, л. 290.

4. Рост товарности сельского хозяйства

Товарность сельского хозяйства в предреформенной Абхазии была еще слабо развита. Но было бы глубокой ошибкой представлять абхазскую деревню этого периода без наличия определенных элементов товарно-денежных отношений. Неправы, разумеется, те исследователи, которые пытались характеризовать предреформенную Грузию и Закавказье в целом, как край с господством чисто натурального хозяйства. Это относится, например, к С. Л. Авалиани, который писал: «Безошибочно можно утверждать, что в дореформенную эпоху все Закавказье, а восточное и западное в особенности, существовало в пределах типичных форм натурального хозяйства»[1].

Данные говорят о том, что даже в крайней западной части Закавказья – в Абхазии, несмотря на наличие целого ряда неблагоприятных обстоятельств, о чем уже говорилось, происходил процесс развития товарно-денежных отношений, начиная, более или менее заметно, с 40-х годов, что способствовало подрыву натурального хозяйства. Денежное обращение все еще было слабым, но нельзя не констатировать его постепенный рост. Сперва функционировали турецкие денежные знаки, которые с течением времени были вытеснены русскими знаками[2].

Важнейшим предметом торговли была кукуруза, являвшаяся одной из главнейших полевых культур и основным хлебом в питании населения края; разведением ее занимались как помещики, так и крестьяне. Очень характерно сообщение А. В. Пахомова о том, что абхазское население стало засевать больше кукурузы и, сбывая свои продукты свободно и без затруднений, «начинает понимать значение денег»[3]. В другом месте: «...Одновременно с увеличением запашки под кукурузу увеличиваются размеры и других хозяйственных производств»; «народ обратился к земле»[4].

[1] Авалиани С. Л. Крестьянский вопрос в Закавказье, т 1. Одесса, 1912. – С. 179.

[2] Барон Аш в своем «Военно-статистическом обозрении...», составленном в 1830 году, отмечал: «Ходячие деньги у них (абхазцев. – Г. Д.) турецкое золото и серебро. Недавно начали они принимать российскую серебряную монету».

[3] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 86.

[4] Его же. Записка об имениях кн Г. Д. Шервашидзе, л. 490.

Любопытно и такое сообщение Пахомова: «Жители начали понимать, что выгодно зарабатывать не один насущный хлеб, но некоторый излишек для продажи. Этот новый взгляд жителей на свое полевое хозяйство, конечно, следует поощрять»[1]. При этом он ссылался на следующий конкретный пример: Д. Г. Шервашидзе в последние годы своей жизни, а он умер в 1858 году, «начал разводить кукурузу для продажи, что в прежнее время для князей считалось позорным»[2]. Тот же Пахомов писал, что в с. Гумиста после Крымской войны на открытых полях разводилась кукуруза и косилось сено, а в середине 60-х годов здесь был организован «главный помещичий хутор», на устройство которого было «употреблено много труда и денег»: была построена мельница, разведен фруктовый сад, «большой огород с искусственным орошением, расчищены... луга и вообще сделано много хозяйственных улучшений»[3].

Интересно также свидетельство Д. З. Бакрадзе о том, что со стороны жителей Абхазии и особенно Мегрелии «уже видно стремление к улучшению: они вырубают леса, стараясь селиться при дорогах; они выказывают много трудолюбия, разводя скот, в обилии сея гоми и кукурузу, рожь и лен»[4].

Комиссия, образованная при Кавказском военно-народном управлении для рассмотрения проектов инструкции по земельному устройству населения Абхазии, на своем заседании 10 марта 1883 года констатировала: «Со времени русского правления и утверждением в крае относительной безопасности земледелие начало развиваться и многие жители, не заботясь более о скучном расположении своих жилищ, стали переносить усадьбы на новые места, более близкие к их полевым усадьбам»[5].

Вывоз кукурузы только за один 1865 год по сравнению с предыдущим годом увеличился на 57.863 пуда. В 1867 году из Сухума в

[1] Там же.

[2] Отношение А. Пахомова пред. Сухумской сословно-поземельной комиссии от 13 февраля 1869 г. ЦГИАЛ, ф. 1087, д. 29, л. 386.

[3] Пахомов А. В. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, лл. 477, 479.

[4] «Кавказ», 1860, № 49.

[5] ЦГИАГ, ф. 231, 1882 г., оп. 2, д. 49, л. 105.

Поти было вывезено 50 пуд. проса[1]. «Этот факт не случайный... Народ обратился к земле», – подчеркивал еще раз А. В. Пахомов[2].

Такое явление мы наблюдаем не только в Абхазии. Так, например, в Кутаисской губернии посевы в 1847 году составляли 90.358 четв., в 1852 году–93.272 четв.; в Тифлисской губернии производство хлеба в 1850 году по сравнению с 1807 годом увеличилось с 398.254 четв. до 2.054.704 четв., т. е. более чем в 5 раз. Только из Гурии и Мегрелии и только кукурузы в 1862 году было вывезено (для Англии) на сумму до 1 миллиона руб.[3]

Как известно, факт производства хлеба для продажи – это один из моментов, приводимых В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России» для характеристики разрушения натурально-хозяйственной системы. «Производство хлеба помещиками на продажу, – писал В. И. Ленин, – особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима»[4].

Отдельные русские гражданские и военные чиновники, заинтересованные в получении как можно больше зерна и других продуктов для обеспечения войск, вопрос о «поощрении земледелия» уже в середине XIX века ставили, как задачу практического характера. Так, например, полковник Колюбакин в своем рапорте на имя вице-адмирала Серебрякова от 10 ноября 1851 года писал, что в районе, подобном Цебельде, «преобразование земледельческой промышленности есть первый и самый естественный вид ее преуспевания... Нужно научить жителей сеять рожь, гречиху и овес или ячмень...». Далее он считал необходимым «приобщить» к цебельдинцам «опытных земледельцев», например, солдат Цебельдинского гарнизона, которые бы нанимались за известную плату; также представлялась возможность покупки земледельческих орудий и семян через цебельдинского пристава[5].

Другим важнейшим продуктом, значительная часть которого шла на рынок, было вино. Уже к началу 60-х годов виноделие,

[1] ЦГАА, ф. 8, оп. I, д. 7, л. 52.

[2] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 86–87.

[3] Гугушвили П.В. Сельское хозяйство и аграрные отношения, т I. Тбилиси, 1938. – С. 30, 34–37, 65.

[4] Ленин В. И. Соч., т. 3. – С. 158.

[5] ГАКК, ф. 260, д. 1212, лл 1–6 об.

по свидетельству современника, «значительно увеличилось и улучшилось»[1]. Первый опыт «промышленного виноделия» был сделан еще в 1836 году, когда в местности Бамборы было открыто 2 винных «завода». По словам С. И. Пушкарева, опыт имел весьма значительный успех, и с того времени число таких «заводов», возрастая из года в год, достигло в 1851 году до 11. «Заводы» устраивались в селах, имевших от 10 до 15 тыс. виноградных кустов каждое, и отдавались ежегодно помещиками на откуп «вольнопромышленникам» по цене от 250 до 600 руб. сер. в год, иногда за 1/2 или 1/3 выделанного вина. По объявлению помещика крестьяне приступали к сбору винограда и затем доставляли откупщику[2]. Причем, при отдаче винограда и орехов, например в с. Яштхуа, Д. Г. Шервашидзе назначал управляющих для «присмотра за порядком и охранения рабочих»[3]. Подрядчик платил крестьянам за сбор винограда и его доставку на место. С. И. Пушкарев свидетельствовал, что в начале 50-х годов откупщики производили плату рабочим от 5 до 7 руб. в месяц каждому[4]. А. В. Пахомов и И. К. Багратион-Мухранский, сведения которых относятся к концу 60-х годов, оплату нанимавшихся крестьян определяли от 15 до 20 коп. за корзину (акалаҭ), их рассчитывали также различными товарами: ситцами, бязью и т. д.[5]

Количество вина, выделывавшегося одним «заводом» в год в 1849–1851 годах, равнялось средним числом 4.300 ведрам, а на всех 11 «заводах» выделывалось до 50 тыс. ведер. В наиболее богатых виноградарских селениях (Лыхны, Аацы, Чаабалурхва, Псырцха, Куланурхва) выделывалось вина от 8 до 12 тыс. ведер в каждом[6].

Вино было одним из основных предметов вывоза. Достаточно сказать, что в 1848–1852 годах в общем вывозе из Сухумского порта стоимость вина составляла 28,6%. Вино являлось важным предметом и внутренней торговли; главное потребление его происходило в г. Сухуме, а также в укреплениях Черноморской береговой линии.

[1] Свешников В. Из письма о Сухуме. «Кавказ», 23 декабря 1853 г., .№ 95.

[2] Пушкарев С. О виноградниках и виноделии в Абхазии. «Кавказ», 1852. №28.

[3] Пахомов А. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, л. 493.

[4] Пушкарев С. Указ. соч.

[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, лл. 1–8; А. Пахомов. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 64.

[6] Пушкарев С. Указ. соч.

Из 50 тыс. ведер вина, выделывавшегося за год на 11 указанных «заводах», 2/3 потреблялось на месте, а остальное вывозилось[1].

Техника выделки вина на «заводах» была примитивной. По мере доставления на «завод» винограда производилось давление его следующим образом: виноград без сортировки накладывался в большое выдолбленное из цельного кряжа дерева корыто. Когда корыто наполнялось, нанятые откупщиком виноделы, чаще – мегрелы, вымыв ноги и засучив брюки, опускались в корыто и, подпрыгивая, давили виноград ногами, погружаясь в него до колен и более, смотря по величине давильни. Истоптав таким образом все гроздья, работники оставляли их в соку в давильне дня на два для того, чтобы виноградный сок получил необходимую окраску и крепость от выжимок, а сами переходили к другому корыту или давильне. На другой день повторялся тот же процесс давления и в той же давильне, чтобы лучше выжать сок из поднявшихся выжимок. Потом, спустя 4–5 дней, когда жидкость несколько очищалась от осевшей виноградной шелухи, приступали к переливке вина (маджари) из давилен в бочки, выбрасывая выжимки из корыт на землю и наполняя их новыми гроздями[2]. Из виноградных выжимок впоследствии гнали водку большой крепости.

В 60-х годах все более и более широкое применение получает пресс для выделки вина, действовавший посредством рычага, на который надевался большой груз[3]. Два других вида пресса описываются Л. А. Миллером в статье «Из поездки по Абхазии в 1907 г»[4]. В имении князя Г. Д. Шервашидзе, по свидетельству А. В. Пахомова, «разводится виноградник по европейскому способу и принимаются меры, чтобы выделка вина производилась по возможности рационально»[5].

Абхазцы в большом количестве сбывали на рынке мед и воск[6]. В отчете начальника Сухумского отдела за 1874 год подчеркивалось, что в хозяйственном быту абхазцев немалую выгоду приносило пчеловодство; сбор меда и воска «достигает больших размеров», и есть надежда «в будущем на успешное развитие пчеловодства». В это время в одном Очемчирском округе насчитывалось до 11 тыс. ульев[1].

Товарный характер начинали принимать и некоторые другие отрасли сельского хозяйства. А. В. Пахомов указывал, что одним из важных предметов продажи в имении князя Г. Д. Шервашидзе являлись орехи, которые, так же как и виноград, продавались в Сухуме за деньги[2]; «орехи с давних пор составляют предмет большого вывоза в Россию»[3]. В начале 60-х годов среднее количество вывоза орехов из Сухума составляло 6 тонн, а хурмы (мелкой) 2 тонны[4]. По данным Сухумской карантинно-таможенном конторы за 1867 год, из Сухума в российские порты было вывезено 142 пуда 25 ф. мелких (лесных) орехов и 63 пуда свежих яблок. Кроме того, в Поти было вывезено 9 пуд. инжира[5].

В имении Г. Д. Шервашидзе скашивалось ежегодно до 10 тыс. пудов сена, которое продавалось в Сухуме[6]. Каждая десятина лугов давала, в два укоса, 150 пудов сена[7]. В самом конце 50-х годов князь Дзапш-ипа занял под деревню местность недалеко от Сухума, за р. Гумистой. Крестьяне вырубили лес, уничтожили папоротник, осушили болота и создали «отличные поля и луга», благодаря чему помещик «в большом количестве мог сбывать сено в Сухуме»[8].

Делались попытки внедрения новых технических культур, которые нужны были в качестве сырья для русской промышленности. Еще в начале 40-х годов Н. Н. Раевский выдвигал проект о развитии в Абхазии ряда технических культур, о поощрении развития «торгового земледелия». «Край, – писал Раевский, – изобильно производит виноград, шелковицу, оливку, рис и хлопчатую бумагу; некоторые опыты дают надежду, что там будут произрастать: пробочный

[1] Свешников В. Из письма о Сухуме. «Кавказ», 23 декабря 1853 г.
[2] Пушкарев С. О виноградниках и виноделии в Абхазии. «Кавказ», 1852, № 28.
[3] Пахомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 64.
[4] «Материалы по этнографии России», т. I. Спб, 1910. – С. 74, рис. 25.
[5] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 67.
[6] ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 9, 13.

[1] ЦГИАГ, ф. 545, д. 966, лл. 3–40.
[2] Пахомов А. В. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, л. 484.
[3] Его же. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 57.
[4] ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, лл. 1–8.
[5] ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 7, л. 52.
[6] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 75.
[7] Его же. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, л. 517.
[8] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866, № 76; И. Торопов. Опыт медицинской географии Кавказа. – С. 159.

дуб, апельсинное, чайное, камфорное деревья, индиго и лен Новой Зеландии...»[1]. В этой связи следует отметить и такой факт, что Раевский снабжал население Абхазии виноградными лазами из своего имения, находившегося в Южном Крыму, в Гурзуфе[2]. Целью Сухумского ботанического сада стало: «служить рассадником для края лучших виноградных лоз, фруктовых деревьев и многих экзотических растений»[3].

Проф. П. В. Гугушвили отмечает, что в 1845 году в Грузии появляются чайные кусты, которые привились в Озургети, Зугдиди и Сухуме[4]. В Сухумском ботаническом саду чайный куст, полученный из Никитского сада, был посажен еще в 1842 году[5].

В 40-х годах в ряде мест Западной Грузии проводился опыт широкого внедрения культуры табака. Вообще табак завоевывает себе крупное место в районах Причерноморья[6]. М. Шервашидзе в переписке с Сафоновым дает подробные сведения об этом опыте разведения качественного табака в Абхазии[7]. В своем письме от 18 июля 1846 года владетель сообщал, что полученные табачные семена были посеяны «опытнейшими и усерднейшими здешними земледельцами... в каждом из округов Абхазии». Затем рассада (около 5 тыс. штук) была пересажена на особо устроенные грядки. «Сильная,– писал М. Шервашидзе в указанном письме, – прекрасная вегетация табачных растений позволяет мне надеяться, что растение это будет разведено с успехом в Абхазии и составит со временем одну из главных отраслей рождающейся промышленности...»[8]. В

[1] Раевский Н.Н. Записка о торговле с горцами. АКАК, т. IX, ч 1. – С. 471–474.

[2] Мачавариани К. Абхазские вина. ТИКОСХ, № 3, 1888; В. П. Малеев. Указ. соч. – С. 274.

[3] Свешников В. Из письма о Сухуме. «Кавказ», 23 декабря 1853 г.

Между прочим, в Сухуме всех образцов эвкалиптов в 1874 г. насчитывалось до 10, старейший из которых был посажен в ботаническом саду в 1868 г. («Кавказ», 24 апреля 1874 г., № 46)

[4] Гугушвили П.В. К истории чайной культуры в Грузии и на Кавказе. «Сообщения АН Груз. ССР», т. VI, №2. Тбилиси, 1945. – С. 165.

[5] Малеев В. П. Указ. соч. – С. 275.

[6] Дружинин Н. М. Указ. соч. – С. 61.

[7] Еще в 1835 году Ф. Ф. Торнау видел в Абхазии небольшие табачные посевы; говоря о сельскохозяйственных культурах страны, он перечислял и табак (Ф. Ф Торнау. Указ. соч., ч. I. – С. 47, 62).

[8] АКАК, т. X, ч. I. – С. 161.

письме от 28 января 1847 года владетель сообщал тому же Сафонову, что табачные семена были собраны в большом количестве и розданы «с приличными наставлениями опытнейшим и усерднейшим абхазским земледельцам»[1].

Члены комиссии по исследованию земель между реками Туапсе и Бзыбь в двух абхазских селах, расположенных в современном Гагрском районе, в мае 1866 года кроме всходов кукурузы и проса, посеянных вместе с бобами, около саклей видели табачные рассадники и огороды[2].

По данным Сухумской карантинно-таможенной конторы, уже в 1867 году из Сухума было вывезено табака (в листах): в Поти–92 пуда 20 ф., в другие порты Российской империи – 9 пуд.[3] А. В. Пахомов в 1868 году констатировал, что в Абхазии сеют табак хорошего качества, часть которого продается и режется в Сухуме, а часть (до 300 пудов в год) вывозится в Россию и за границу[4]. В начале 70-х годов разведением табака занимались в Сухуме, Цебельде, Очемчирах и Гудаутах. Общее же количество ежегодного производства для продажи достигало свыше 2 тыс. пудов, по ценам от 6 до 10 руб. за пуд[5]. Начальник Сухумского отдела генерал Гейман в своем отчете за 1874 год, отмечая, что табаководство усилилось значительно и плантации стали разводить по всем округам Абхазии, писал, что в Сухуме уже около года существует табачная фабрика (речь идет, конечно, о небольшом кустарном предприятии), где приготавливаются изделия из местного табака, так называемого «сухумского»[6].

А. В. Пахомов писал, что абхазцы, кроме того, разводили хлопок. По словам А. Н. Введенского, хлопок вместе с табаком засевали «в значительных размерах», и обе культуры «в последнее время сделались предметом торговли». Вместе с тем отмечалось, что «в последнее время появление нескольких торговцев, скупающих льняное семя, заставило жителей селений, окрестных местечку Гу-

[1] Там же. – С. 165.

[2] ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 5.

[3] ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 7, л. 52.

[4] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 45.

[5] Прудков Е. О табаководстве. «Кавказ», 12 мая 1874, № 54.

[6] ЦГИАГ, ф. 545, д. 996, лл. 3–40.

дауты, выдерживать лен на корню до полного созревания семян»[1]. Разводилась и конопля для получения пеньки на веревки и пакли для чистки оружия, а также для набивки тюфяков и подушек[2].

А. Н. Введенский писал и о первом опыте развития шелководства. Он сообщал, что не более 20 лет тому назад (около 1850 г.) абхазцы начали заниматься шелководством, хотя в Абхазии, предполагал Введенский, «в древние времена..., вероятно, шелководство было развито наравне с другими промыслами...». Во всяком случае, в 60–70-х годах «эта отрасль промышленности, благодаря своей легкости и притом доходности..., начала быстро развиваться», и скоро сделала «заметные успехи». Шелк сбывался на базарах[3]. На развитие шелководства и продажи шелка-сырца на базарах Абхазии указывали также С. И. Пушкарев (1854 г.) и А. В. Пахомов (1868 г.). И. С. Хатисов много раз отмечал (1866 г.) распространение шелководства среди садзов; в частности, о тех аулах, которые были расположены в ущельях рек Махадырь и Лапста, он говорил, что там занимались «довольно много шелководством»[4]. Развитию шелководства в Абхазии способствовало повсеместное распространение шелковичных (тутовых) деревьев, листья которых служили кормом для шелковичных червей.

Надо сказать, что развитие шелководства вообще в Закавказье к этому периоду достигло значительного уровня. Шелководство стало распространяться из Закавказья и черноморских областей на губернии черноземного и даже промышленного центра России[5]. Толчком для развития и улучшения этой отрасли сельского хозяйства послужила нужда русской шелковой промышленности в отечественном сырье.

---

[1] ССКГ, в. VI, отд. III. – С. 8.

Однако в целом по Абхазии развитие льна приходило в упадок, и настолько, что Н. В. Фон-Дервиз в 1893 году отмечал: «В прежние времена, как говорят, почти все занимались посевом льна в достаточном для своих нужд количестве: теперь же уже около 15–20 лет не сеют» («Кавказское сельское хозяйство», 17 ноября 1894 г., № 48).

[2] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 49.

[3] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 20–21.

[4] ЗКОСХ, №№ 5 и 6. 1867. – С. 14.

[5] Дружинин Н.М. Указ. соч. – С. 61.

К началу 1840-х годов относится упоминание о разведении цитрусовых растений в Абхазии. Так, по сведениям И. С. Радожицкого, в 1842 году в Сухумском ботаническом саду росли в открытом грунте лимонные и апельсиновые деревья[1]. Интересно также отметить, что, по данным Сухумской карантинно-таможенной конторы, в 1867 году из Сухума было вывезено 8 тыс. штук свежих апельсинов[2]. По свидетельству современников, в 60-х годах в Гаграх, на каменистых местах, встречалось масличное дерево[3]. В саду, находящемся недалеко от укрепления, писал И. С. Хатисов, «красуются оливковые деревья Acacia Tarnesiana... Вдоль морского берега насажен также ряд довольно больших и сильных оливковых дерев, приносящих в некоторые годы хорошие плоды. К удивлению, мы заметили на некоторых пунктах по склону хребта, обращенному на юг, оливковые деревья в диком состоянии... Мы полагаем, что если полсклона горы, обращенный к югу и покрытый в настоящее время лесом, засадить оливковыми деревьями, то они, при хорошем уходе и правильной обработке, будут давать постоянно хорошие плоды, годные для употребления в пищу в маринованном виде или же для добывания масла»[4].

А.Н. Введенский упоминает еще клещевинник, «дающий здесь хороший урожай»: «поджаривая и растирая зерна клещевинника, абхазцы употребляют их в пищу, как приправу для каши из кукурузы или гоми». В 1870 году «предполагалось сделать опыт посева клещевинника в больших размерах для выделки рицинового масла, и поэтому, для узнания степени годности зерен здешней клещевицы, было послано в Керчь несколько семян из собранных на плантации кн. Г. Д. Шервашидзе...»[5].

Следует отметить также факт развития огородничества и рост его товарности. Еще Ф. Ф. Торнау указывал, что абхазцы переняли у русских такие виды овощной культуры, как капуста, картофель и

---

[1] Радожицкий Ил. Указ. соч. – С. 42.

[2] ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 7, л. 52.

7-летнее апельсиновое дерево в саду Ф. Завадского дало в декабре 1877 г. до 650 плодов, а в декабре 1878 г.– до 800.

[3] Варгас-де-Бедемар А. Указ. соч. – С. 7, 15.

[4] (Хатисов И. С.). Отчет комиссии... ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 4.

[5] (Введенский Д.Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 8–9.

др.[1] После введения в Абхазии русского управления крестьяне селений, расположенных поблизости к Сухуму, начали широко разводить огурцы и помидоры с целью продажи их жителям города. В имении Г. Д. Шервашидзе устройство огорода было предпринято в 1867 году, и дело пошло успешно. В особенности хорошо удались картофель, морковь и бураки[2]. Картофель успешно разводили и в Пицунде[3].

В деле развития и внедрения в Абхазии огородных и других культур определенную роль играл Сухумский ботанический сад. Деятельность этого сада, замершая во время Крымской войны, вновь оживилась в 60-х годах. В начале указанного десятилетия здесь была развернута интродукционная работа. За короткое время было «акклиматизировано» много растений с целью именно введения их «в обыкновенное абхазское хозяйство». Среди них была капуста и, таким образом, был решен «самым удовлетворительным образом вопрос о возможности развития в Сухуме капусты». Пользуясь этим опытом, капусту начали разводить почти во всех сухумских огородах, а в 1867 году недалеко от города, около р. Гумисты, ею было засажено около 2-х десятин земли. Кроме того, при акклиматизационном саде были устроены виноградник и питомник плодовых деревьев для продажи населению Абхазии[4].

Товарный характер приобретало также скотоводство. Продукты животноводства занимали значительное место в общем вывозе Абхазии. Интересен факт заготовки пастухами в горах во время летней пастьбы сыра для продажи, что ранее не наблюдалось, так как это считалось чуть ли не позорным поступком (не только для продажи, но даже для домашнего потребления). В отчете комиссии по исследованию земель северо-восточного берега Черного моря мы читаем: «В настоящее время абхазские пастухи приготовляемый ими на горах сыр и частью свежее молоко сносят вниз на равнину на плечах, в козьих шкурах»[5].

Сельскохозяйственная техника, как уже отмечалось, находилась на весьма низком уровне. Тем не менее, и здесь наблюдал-

[1] Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. I. – С. 61.

[2] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 44–45.

[3] ЗКОСХ. №№ 3 и 4, 1867. – С. 7

[4] Пахомов А. Очерки Абхазии в сельскохозяйственном отношении. – С. 30–31, 36.

[5] ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 9.

ся сдвиг, хотя и очень незначительный. А. В. Пахомов писал, что в южной части Абхазии употреблялся плуг с железным лемехом[1]. А. Н. Введенский возражал А. В. Пахомову, но признавал, что сведения последнего были справедливы в отношении Самурзаканского участка, и не отрицал того факта, что железный лемех все же встречался и в остальной Абхазии[2]. Происходило определенное развитие также в технике виноделия. А. В. Пахомов в 1868 году «для опыта и для примера» устроил маслобойню, в которой орехи растирались вертикальными жерновами, двигавшимися приводом от водяной мельницы, а масло выжималось прессом, действовавшим посредством клина[3]. Несколько усовершенствовались и получали распространение и некоторые другие орудия труда.

5. Торговля

Присоединение Абхазии к России, как и всей Грузии и Кавказа в целом, имело прогрессивное значение и для развития торговли в крае. Уже в первый период после присоединения наблюдалось налаживание торговых отношений. Правда, царизм рассматривал внешнюю торговлю на Кавказе, прежде всего, как средство для распространения своего политического влияния в районе Черного моря. Еще в 1810 году правительством Александра I было утверждено Положение о меновой торговле с горцами на Кавказской линии, в котором указывалось, что эти торговые сношения устанавливаются для того, чтобы «посредством оных приобрести доверие горцев»[4].

Кавказский главнокомандующий генерал Тормасов, по проекту которого было приступлено к торговле с горцами в форме «меновых дворов»[5], настойчиво обращался в Министерство внутренних

[1] Пахомов А. Очерки Абхазии в сельскохозяйственном отношении. – С. 37–38.

[2] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 6.

[3] Пахомов Д.В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 57.

[4] Цит. по статье А. В. Фадеева «Социально-экономические предпосылки внешней политики царизма в период «восточного кризиса» 20-х годов XIX в.» «Исторические записки», N954, 1955. – С. 338.

[5] Косвен М.О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. «Кавказский этнографический сборник», 1. М., 1955. – С. 30.

дел с просьбой «о вызове российских купцов... доставить из Крыма в Мингрелию, Абхазию и Гурию на нескольких судах для вольной продажи» железо, шерсть, рыбу и пр., «что удовлетворит нужды сих народов, сделает притом выгодное для нас в них влияние...» [1].

В апреле 1811 года феодосийский градоначальник Семен Броневский писал генералу Тормасову о принимаемых им «предварительных мерах... к соглашению торгующих доставлять в Абхазию, Мингрелию и Турцию разных российских продуктов». А 8 мая того же года он сообщал «проект составления здесь (в Феодосии. – Г. Д.) особой Мингрельской компании... с тем, чтобы основать главную контору свою здесь, в Феодосии, и 4 отделения в Сухум-Кале, в Поти, в Кутаисе и в Тифлисе. Пребывая в надежде, что сие новое учреждение, покровительствующее полезной торговле, будет основанием прочной уверенности новопокоренных азиатских областей в продолжительном их благосостоянии, через оживление тамо промышленности»[2].

Присоединение Абхазии, Мегрелии и Имеретии к России, писал Тормасов, «связало здешний край беспрепятственным сообщением с Тавридою и открыло новую отрасль промышленности между Крымом и побережными нашими владениями на Черном море. Правительство, пекущееся о распространении полезной торговли, обратило внимание свое и на сии новоприобретенные наши владения, вследствие чего повелено было градоначальникам в торговых крымских городах Таганроге и Феодосии принять предварительные меры к соглашению торгующих обратить их торговлю с Абхазиею, Мингрелиею и Грузиею...»[3].

В октябре 1811 года были изданы утвержденные Александром I правила для торговых отношений «с черкесами и абазинцами» (абхазцами. – Г. Д.), в которых говорилось: «Дабы возбудить сколько можно более сношений и посредством деятельности и выгод торговли внушить народам сим пользу ее и приучить к употреблению наших продуктов и изделий, назначаются два пункта для торговли: один в Керчи – для товаров, привозимых морем из Черномории и

[1] Письмо ген. Тормасова ген. Ришелье от 22 января 1811 г. АКАК, т. IV, док. 90.

[2] Отношение С. Броневского ген. Тормасову от 8 апреля 1811 г. АКАК, т. IV. – С. 540.

[3] Предписание ген. Тормасова ген. Сталю от 18 мая 1811 г. Там же. – С. 403–404.

Абхазии, с полным торговым карантином и таможнею, другой в Бугазе – меновой двор для товаров, привозимых сухим путем»[1].

Вместе с тем была сделана попытка расширить торговлю с западно-кавказскими горцами при посредстве особых уполномоченных. Одним из них был генуэзский коммерсант, а впоследствии чиновник Министерства иностранных дел России Р. де Скасси. Последний в 1811 году представил херсонесскому военному губернатору дюку де Ришелье проект о «водворении спокойствия и обеспечении плавания» по берегам Черного моря посредством установления с черкесами и абхазцами торговых связей[2]. Скасси было разрешено вступить в переговоры с «владетелями тех народов», после чего он неоднократно приставал к берегам Черкессии и Абхазии, «производил мену и склонял к дозволению вырубать леса». С 1816 года Скасси получил «некоторые пособия отпуском из крымских озер соли», которую он использовал для обмена с черкесами и абхазцами[3].

В 1817 году царское правительство получило заявление греческого купца Георгия Скардена о выдаче свидетельства на право «поднятия российского флага» на двухмачтовом судне, построенном им у берегов Абхазии. Управляющий Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде 23 августа 1817 года представил записку в Комитет министров, в которой указал на «ощутительную пользу» развития торговли и кораблестроения на берегах Абхазии[4]. Капитан Энсгольм, сведения которого относятся к 1817 же году, одним из средств «устройства земель» Абхазии, Мегрелии, Имеретии и Гурии считал приглашение из Крыма занимающихся торговлей людей, «кои вскоре бы открыли все источники богатств сих земель». Он призывал к открытию «способа к выгодному сбытию земных произведений» населения[5].

В сентябре 1818 года Скасси был командирован уже в качестве официального лица «для собирания сведений о торговле и ресур-

[1] Шамрай В. С.Краткий очерк меновых сношений... «Кубанский сборник», т. VIII. Екатеринодар, 1902. – С. 367.

[2] Арх. б. МИД России, оп. II–3, 1816 г., д. 13, л. 153.

[3] Там же.

[4] Записка графа К. В. Нессельроде от 23 августа 1817 г. Там же, оп. 11–5, 1817 г., д. 8. лл. 12–14.

[5] Кап. Энсгольм. Указ. рук. ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3. д. 74. лл. 1–45.

сах» Абхазии. Он безуспешно пытался договориться с князем Гасанбеем Шервашидзе о покупке леса. Но все же Скасси сумел погрузить в Скурче (в устье р. Кодора) 200 штук дуба длиной в 2 саж. и фут в диаметре, причем купил его весьма дешево – за 240 рублей. Скасси был проведен абхазскими князьями вдоль побережья, но, приехав в с. Лыхны, он не получил от владетеля позволения идти до Пицунды, чтобы осмотреть леса и места, удобные для рубки и погрузки леса[1]. Тем не менее, Скасси был доволен указанным коммерческим успехом в Абхазии и вскоре представил графу Нессельроде докладную записку, в которой описывал природные богатства края и выгоды его колониальной эксплуатации. Скасси подчеркивал, что режим военной оккупации не оправдывает себя в Абхазии[2]. Заманчивые предложения Скасси были поддержаны министром финансов Е. Ф. Канкриным.

Граф Канкрин был тем царским министром, который поставил открыто вопрос о Закавказье, как о колонии царской России, изложив подробно это свое мнение в проекте, поданном на имя Николая I в октябре 1827 года, напечатанном затем в официальном издании, вышедшем в свет в 1836 году под названием «Обозрение российских владений за Кавказом». «Закавказские провинции, – писал Канкрин, принесут государству (России. – Г. Д.) весьма важные выгоды», служа не только рынком сбыта, но и источником сырья[3]. Канкрин план Скасси о новой организации торговли с горцами на Кавказском побережье Черного моря внес в Комитет министров, который в 1819 году утвердил этот план, а Скасси в 1822 году был назначен на должность «попечителя торговли с черкесами и абазинцами» (абхазцами – Г. Д.) с пребыванием управления предприятия в Керчи[4].

Русские капиталисты начали проявлять больший, чем прежде, интерес к закавказскому рынку. В начале 30-х годов была создана «Мингрельская торговая компания». В 1832 году официально разрешается «проход торговых судов» в Сухум. Тогда же устраивается здесь таможенная застава.

[1] АКАК, т. VI, ч. I. – С. 646–658.

[2] Там же.

[3] «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. I. Спб, 1836. – С. 12.

[4] Косвен М. О. Указ. соч. – С. 301–302.

Однако русская буржуазия была в то время еще слаба для того, чтобы утвердить свое господство на закавказском рынке. Сюда, в частности в Абхазию, товары попадали весьма далеким путем. Деятельность русских купцов на Черноморском побережье Кавказа тормозилась также англо-турецкой контрабандной торговлей. Некоторые местные феодалы тайно поддерживали эту торговлю, а слабая береговая охрана не могла еще пресечь ее[1]. В то же время враждебная по отношению к России политика султанской Турции на Северо-Западном Кавказе создавала напряженную обстановку. Сухопутные и морские коммуникации, связывавшие Россию с Грузией, постоянно находились под угрозой. Коммерческое судоходство в кавказских водах Черного моря фактически сводится к нулю[2]. Вместе с тем политика царизма в Закавказье еще определялась, главным образом, интересами русских крепостников-помещиков. Предложения Канкрина и его единомышленников вызвали крайнее раздражение в высших сферах кавказского командования[3].

Торговые операции Скасси прекратились еще до 1828 года, а окончательно ликвидированы были в 1835 году[4]. Судьбу проекта Скасси разделили и начинания других коммерсантов. В частности, полную неудачу потерпел французский консул в Тифлисе Гамба, который был вполне солидарен с мнением Скасси в отношении необходимости развития торговли у берегов Абхазии.

В 1834 году министр финансов, по просьбе керчь-еникольского градоначальника, возбудил ходатайство перед Комитетом министров об официальном разрешении русским купцам вести торговлю «с черкесами и абазинцами по восточному берегу Черного моря от Анапы до Сухум-Кале»[5].

Особо следует сказать о Н. Н. Раевском – начальнике Черноморской береговой линии. Генерал Раевский стоял за план установ-

[1] Фадеев А.В. Материалы по истории Абхазии первой половины XIX в. Рукописи, отд. библиотеки Абхазского института, № 3. – С. 142–146.

[2] Фадеев А.В. Социально-экономические предпосылки внешней политики царизма. – С. 22.

[3] Подробности об этом см. М.К. Рожкова «Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во II четверти XIX века и русская буржуазия». М.-Л., 1941, гл. III.

[4] Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М. 1958. – С. 33.

[5] Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957. – С. 89.

ления прочной экономической связи с Кавказом и существовавшие на Черноморском побережье укрепления рассматривал не только как военные форпосты, но и как опорные пункты для развития торговли здесь. Он заявлял, что «бесполезное кровопролитие» надо заменить «средствами мирными». Раевский утверждал: «Десятилетнее спокойствие и мирные сношения улучшили состояние края и сблизили жителей с русскими». «Я с торжеством читаю,– писал он в своем рапорте на имя военного министра Чернышева от 28 февраля 1841 года, – все, что полковник Астафьев доносит в. с. о развитии торговли с горцами».

Раевский указывал на безынициативность русских купцов. Высказывался против, например, «странного способа» снабжения «русскими произведениями» Закавказья. Раевский писал, что купечество пользуется долгим и дорогостоящим путем и еще не догадалось, что из Москвы, центра промышленности России, можно Волгой и Каспийским морем снабжать изделиями, через Баку, весь Закавказский край[1]. Он просил правительство, поощряя развитие торговли на берегах Абхазии и Черкессии, представить русским купцам и ремесленникам, желающим переселиться туда, льготы; привлечь частный капитал к установлению торговых сношений с горцами.

Раевский призывал к борьбе против английской и турецкой контрабандной торговли, с каковой целью он воздвигал укрепления на Черноморской береговой линии[2]. Раевский добился правительственного распоряжения об отпуске владетелю Абхазии ежегодно по 15 тыс. пудов крымской соли, чтобы тем самым пресечь контрабандную торговлю здесь со стороны турок. Такое мероприятие было целесообразным вследствие того, что турецкие купцы обменивали соль на различные продукты, а русские продавали ее за деньги, хотя почти в два раза и дешевле, и турецкая соль имела «несравненно более сбыту». Отпуском соли владетелю Абхазии Раевский стремился дать ему возможность «предпринять меновую торговлю с горцами, к которой русские промышленники не способны»[3].

[1] Раевский Н. Н. Записка о торговле с горцами. АКАК, т IX, ч. 1. – С. 471–474.

[2] Там же. – С. 471.

[3] Рапорт генерала Головина графу Чернышеву от 12 июня 1840 г. ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. I, 1841 г., д. 136, лл. 5–9 об, 11.

Критика и инициативность Н. Н. Раевского, как и следовало ожидать, привели к тому, что он вынужден был покинуть Кавказ. Об этом сам Раевский писал так: «Я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе и от этого вынужден покинуть край»[1]. Весьма характерно то, что Раевский в заключение этого своего последнего письма Чернышеву просил, чтобы в предполагаемых военных действиях войска не переходили Белой реки, так как «иначе это уничтожит весь успех стараний о мирных сношениях и торговле с горцами»[2].

Но несмотря на господствующее настроение среди военных деятелей в вопросе о торговле на восточном побережье Черного моря, торговые связи последнего с отдельными местами Российской империи развивались. Росла как внешняя, так и внутренняя торговля края.

В связи с предположением изменить в Закавказье всю таможенную систему было признано необходимым торговые пункты Гудава, Очемчиры и Келасури принять в карантинно-таможенное ведомство[3], что и было сделано с 1 марта 1848 года. Карантинно-таможенная застава была учреждена в Очемчирах, а в других пунктах – карантинно-таможенные посты[4]. Надзор со стороны моря был возложен на крейсирующие военные суда и лодки, а по сухопутной границе – на разъездные посты. Для усиления же крейсерства по берегам Абхазии и Мегрелии были назначены особые команды[5]. Черноморская береговая линия расширялась и укреплялась.

Все эти меры были направлены, ко всему прочему, против англо-турецкой контрабандной торговли на побережье. Трапезундская компания английских купцов, основанная в 1830 году и являвшаяся организатором этой торговли, не только наводняла своими товарами восточный берег Черного моря, но и старалась приобре-

[1] АКАК, т. IX, ч. 1. – С. 505.

[2] Там же.

[3] Там же, т. XI, ч. II. – С. 948.

[4] Там же, т. X, ч. 1. – С. 218.

Одновременно князья М и Д. Шервашидзе, владевшие указанными пунктами, были вознаграждены в размере 12 тыс. рублей.

[5] Отчет наместника Кавказа А. С. Воронцова за 1846–1848 гг. АКАК, т. IX, ч. II. – С. 883–881.

сти влияние и на политическое положение края[1]. Вообще в это время враждебные России круги английской буржуазии всемерно старались помешать русским утвердиться на Кавказском побережье. Английское посольство в Константинополе стало центром организации подрывной деятельности среди кавказских горцев. Хорошо известна шпионско-диверсионная деятельность Уркарта, Лайонса, Спенсера, Стюарта, Белла, Логворта, Найта и других английских агентов на Северо-Западном Кавказе[2].

Положительное значение для населения указанных мероприятий русского правительства будет еще яснее, если иметь в виду, что они наносили удар по грабительской торговле и торговле пленниками, которую вели иностранные купцы.

Однако разбросанные на широком пространстве, изолированные друг от друга форты Черноморской береговой линии и русские сторожевые корабли не могли обеспечить полного пресечения деятельности указанных купцов.

М. Селезнев о грабительской торговле турок в Абхазии писал следующее: «Засеянные поля разными семенами едва достаточны для их (абхазцев. – Г. Д.) пропитания и то отнимают у них турки, которым дозволено владетелем проводить торговлю. Они часто за поле кукурузы, стоящее тридцать рублей сер., дают вперед кусок гнилой нанки или полотна, и потом, когда поспеет, собирают на кочермы (лодки.– Г. Д.)... Часто не имея денег, абхазцы принуждаются в необходимом, и за тряпки, никуда не годные, отдают свое домашнее хозяйство»[3].

Главной статьей контрабандного вывоза были рабы. Основным потребителем экспорта этого товара являлась султанская Турция, которая на протяжении нескольких веков поддерживала рабство и работорговлю на Кавказе вообще. «Весь Кавказ, – писал военный историк Р. Фадеев, – обращен был в один невольнический рынок..., целые войска мамелюков и багдадских гюрджей были поголовно составлены из кавказских невольников..., все белые невольники

[1] Дьячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. ЗКОРГО, г. XX. 1910. – С. 164–166.

[2] Фадеев А. В. Кавказ в системе международных отношений 20– 50 гг. XIX в. М., 1956. – С. 16–17.

[3] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 209.

Турции и Персии вывозились с Кавказа, турецкие гаремы были наполнены кавказскими женщинами»[1]. М. Пейсонель свидетельствовал, что торговля рабами в Крыму очень обширна; «порабощенные принадлежат к четырем различным национальностям: черкесской, грузинской, калмыцкой и абхазской»[2]. Султанская Турция с кавказских правителей, подчинявшихся ей, требовала дань «отроками и отроковицами»[3].

Торговля рабами была важнейшей экспортной нитью, связывавшей кавказских и, в частности, абхазских феодалов с турецкими. Обе стороны извлекали из этой торговли огромные прибыли. С. Броневский писал, что в Сухуме «бывают знатные ярмарки для торга пленниками, равно как и в Искурии»[4].

Барон Аш, командированный в Абхазию весной 1830 года, доносил графу Паскевичу: «Постыдная торговля пленными русскими и мингрельцами продолжается во всей Абхазии и в особенности жителями сел. Келасур, где находится до 60 домов турецких, в коих торговля сия составляет главнейший и выгоднейший промысел»[5].

Ф. Ф. Торнау, также отмечая факт, что турки и в его время занимались работорговлей в Абхазии, пренебрегая опасностью, угрожавшей им со стороны русских крейсеров, писал: «В три или четыре рейса турок, при некотором счастии, делался богатым человеком и мог покойно доживать свой век; зато надо было видеть их жадность на этот живой, красивый товар»[6].

Когда во время Крымской войны турецкие войска оккупировали Абхазию, то они сразу же принялись за торговлю людьми. 25 октября 1855 года из Абхазии сообщали, что «на Сухум-Кальский рейд прибыл английский пароход «Кенгуру», который занимается торговлей людьми (невольниками и невольницами). Соучастниками этой торговли людьми являются английские шкиперы, перевозившие этот живой товар»[7].

[1] Фадеев Р. Шестьдесят лет кавказской войны. Тифлис, 1860. – С. 16–17.

[2] Пейсонель М. Указ. соч. – С. 12.

[3] ПСЗРИ, т. XIX, 1830. – С. 964.

[4] Броневский С. Указ. соч., ч. I. – С. 350.

[5] Донесение гр. Паскевича гр. Чернышеву от 8 июня 1830 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6239, лл. 9–10.

[6] (Торнау Ф.Ф.). Воспоминания кавказского офицера, ч 1. – С. 49.

[7] Бурчеладзе Е. Е. Указ. соч. – С. 18.

Князь Баталбей Маршания в Цебельде в 30-х годах продавал ежегодно более 30 душ, «чем и выручал значительные барыши»[1].

Надо заметить и тот факт, что несмотря на официальное строгое запрещение работорговли, запрещение это в действительности нарушалось отдельными должностными лицами. Известны, например, случаи, когда шкиперы турецких кочерм подкупали служителей Сухумского карантинно-таможенного правления, назначаемых так называемыми гвардионами на эти кочермы. Так, гвардион Влас Степанов был изобличен в том, что вместе с подкупившим его хозяином кочермы турком Али вывез в Турцию более 40 душ обоего пола черкесов[2].

Рабов продавали и покупали «на меру», т. е. считая рост человека по четвертям – «адза» (аза). Цебельдинский пристав в своем рапорте командующему войсками в Абхазии от 22 февраля 1866 года писал, что «стоимость ахашала (раба. – Г. Д.) обоего пола до запрещения продажи их врозь зависела от меры роста и телесных качеств»[3]: мальчики из ахашвала в 5-6 четвертей – «худза-фыдза» (хыза-фыза) ценились в 30-40 коров; девочки 8-10 лет, смотря по красоте, – от 25 до 60 и более коров, а если наружные качества вообще «выходят из ряда обыкновенных», то и до 120 коров. После же введения русского управления в Абхазии дети ахашвала в 5-6 четвертей стоили 15 коров или 150 руб. – 20 коров (или 200 руб.)[4], а взрослые ахашвала – около 30 коров или 300 руб. По данным, собранным Сухумской сословно- поземельной комиссией, цены на рабов в 1864–1868 годах колебались от 14 до 500 руб.[5]

Вместе с тем подросток в 5–6 четвертей до введения русского управления был нередко своеобразной денежной единицей, служа разменной монетой. Товары подчас расценивались исходя из этой единицы измерения, т. е. «худза-фыдза» являлся мерилом стоимости[6].

[1] Колюбакин Н. Картины и характер Кавказа. ЦГИАГ, ф. 416, д. (200) XIII, лл. 168–187.

[2] Покровский М. В. Указ. соч. . – С. 104, 112.

[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 191, л. 156.

[4] Там же, ф. ОВД, д. 41, лл. 20–38; ф 416, оп. 3, 1865, д. 1012 л. 19, 1866, д. 1013, л. 14; ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 156, 158.

[5] ЦГИАГ, ф. 1268, оп. 12, 1868, д. 74, л. 46 об.

[6] Фадеев А. В. Меч и золото на берегах Абхазии. Сухум, 1933. – С. 19.

В 1831 году в Закавказье был упразднен льготный тариф, но в 1846 году краю вновь вернули льготы в области торговли с заграницей. Такое положение длилось до конца 1850 года; с 1 января 1851 года во всей Российской империи был введен новый таможенный тариф, касающийся налагаемых пошлин на ввозимые в Закавказье товары.

В Сухуме с 1845 года начало развиваться торговое мореплавание, и его успехи с этого времени делаются довольно заметными. До этого ежегодный приход судов не превышал в год 20 мелких баркасов; каботажное судоходство также было слабо и не превышало 240 судов малого размера. С 1845 же года приход судов из-за границы в первом году превзошел цифру 50 и, постепенно возрастая, достиг в 1850 году до 220 судов разной величины. Вместе с тем оживилось и каботажное судоходство, и теперь Сухумский порт посещали от 357 до 420 каботажных судов ежегодно[1].

Приведенная ниже таблица дает представление о росте движения судов (с товарами и без груза) при Сухумском порту за 1832–1852 гг.[2]

Годы	По заграничному плаванию		По каботажному плаванию		Итого	
	в приходе	в отходе	в приходе	в отходе	в приходе	в отходе
1832–1836	63	11	298	245	361	256
1837–1841	39	32	804	809	843	841
1842–1845	117	67	1084	1777	1201	1844
1847–1851	841	354	1271	1712	2112	2066
1852	163	72	442	517	605	589
Всего	1223	536	3899	5060	5122	5596

С 1847 года, когда в Сухуме начала свои действия «первокласс-ная таможня»[3], дальнейшее развитие внешней торговли стало бо-

[1] Пушкарев С. Краткий очерк портов северо-восточного берега Черного моря и торгового на этом берегу мореплавания. ЗКОРГО, кн. II. Тифлис, 1853. – С. 160–161.

[2] Приложения к статье С. И. Пушкарева «Краткий очерк портов...». Там же. – С. 278–279.

[3] 28 мая 1847 г. были изданы правила для отправления иностранных товаров, очищенных пошлиной, посредством транзита, из Одессы в Закавказский край через Сухум и Редут-Кале (Лаврентьев. Указ. соч. – С. 301).

лее заметным. Причем среди импортировавшихся товаров удельный вес предметов роскоши все более увеличивался; это были дорогие шелковые ткани, английский фарфор, турецкие глиняные кувшины, лучшие французские вина. Привозились также бумажные и полушерстяные изделия, сахар, табак, сафьян, мыло, соль и др. Из «местных произведений» вывозились: самшит, кожсырье, воск, мед, кукуруза, рыбий жир, сало и пр.[1]

Годы	Ввоз (в руб.)	Вывоз (в руб.)	Общий обор. (в руб.)
1832–1836	2 377,43	45 705,80	48.083,23
1837–1841	2.741,69	20.082	22.823,69
1842–1845	66 780,55	59 663	126,443.55
1847–1851	989.293,66	109 723	1.049.016,66
1852	184.964,75	38 001,50	222.966,25
Итого	1.196.158,08	273.175,3	1.469.335,38

Для характеристики того, как возрастали торговые обороты Сухума по заграничной торговле, выше приведена таблица[2].

Из приведенных данных явствует, что вывоз товаров из Сухумского порта имел гораздо меньшее значение, чем ввоз, как и во всем Закавказском крае. В продолжение 18 лет (1832–1850 гг.) в общей сложности из Закавказья было вывезено всех товаров на 15.095.860 руб., что составляло одну четверть всего импорта[3].

Значительно увеличилась и каботажная перевозка товаров: в 1860 году ценность привезенных на каботажных судах в Сухум товаров не превышала 62.890 руб., а в 1852 году она поднялась до 197.576 руб. Вывоз же из Сухума каботажными судами товаров был еще более значительным; он равнялся в 1850 году 243.192 руб., в 1851 году – 326.181 руб. и в 1852 году – 254.985 руб. Причем эти торговые операции происходили между Сухумом и другими российскими портами и торговыми пунктами, а также и ближайшими заграничными портами.

[1] Пушкарев С. Краткий очерк портов… – С 161 –162.

[2] Приложения к статье С. И. Пушкарева «Краткий очерк портов…» – С. 284–287.

[3] Махарадзе Ф. Грузия в XIX столетии. – С. 80.

Каботажные суда в Сухум привозили из азовских портов и Керчи муку пшеничную, вино хлебное, керченский камень, железо и чугун в полосах, листах и разных изделиях, русские мануфактурные, галантерейные и другие товары; из разных мест Черноморской береговой линии – выменяваемые у населения воск, мед и кожи-сырье. Из Сухума вывозили в Керчь и азовские порты разные местные продукты, а также некоторые товары, привозившиеся из-за границы: портер, фаянсовую посуду и др., а по укреплениям Черноморской береговой линии, до Анапы включительно, развозились, кроме местных произведений, почти все привозившиеся из-за границы товары[1].

Посредством каботажного судоходства между укреплениями Черноморской береговой линии гарнизоны укреплений получали все для своих нужд из Сухума, Новороссийска, Керчи и азовских портов. Кроме того, каботажными судами привозилось из Сухума и Новороссийска много товаров для сбыта горцам на мену сырых их произведений. Наиболее значительный сбыт производился в укр. Св. Духа (Адлер), в земле садзов (джигетов), от которых товары шли к убыхам и далее в горы[2].

Что же касается общего вывоза через Сухумский порт в российские порты, то он характеризуется следующими цифрами[3].

Годы	На сумму (в рублях)
1848	6.223
1849	10.609
1950	17.711
1851	20.757
1852	16.473
Итого	71.773

Представляет интерес также ассортимент этого экспорта. В приведенной ниже таблице перечислены основные «произведения Абхазии», вывозившиеся из Сухумского порта[4].

[1] Пушкарев С. Краткий очерк портов... – С. 162–163.

[2] Там же. – С. 163.

[3] Приложения к статье С. И. Пушкарева «Краткий очерк портов». – С. 288–289.

[4] Мы располагаем аналогичной таблицей и по вывозу «абхазских произведений» из Сухумского порта за границу (в Турцию) за те же годы. Там, кроме перечисленных в данной таблице, значатся еще самшит («пальмовое дерево»),

Вывоз в 1848–1852 годах[1]

Название товаров	Количество	Общая ценность (в руб.)	В %% к общему вывозу
1	2	3	4
1. Дерево ореховое [2]	46 кряжей	264	0,3
2. Дрова	539 саж.	3240	4,5
3. Кожи воловьи, баран и куньи	5345 шт.	10030	1,4
4. Шерсть овечья	196 пуд.	297	0,4
5. Сукна	26 куск.	26	0,03
6. Бурки	17 шт.	34	0,04
7.Воск	312 пуд.	3040	4,2
8. Мед	2648 пуд.	4074	5,7
9. Сало говяжье	64 пуд.	132	0,2

пеньковые кряжи и др. Надо сказать, что самшит в общем вывозе из Абхазии всегда занимал большой удельный вес; это относилось частично и к вывозу в российские порты, что почему-то не нашло своего отражения в приводимой таблице. Например, за пятилетие с 1848 по 1852 г. и в 1863 г. вывоз самшита из Сухума за границу выражался:

1848		1849		1850		1851		1852		1863	
пуд.	и сумм.	пуд.	и сумм.	пуд.	и сумм.	пуд.	и сумм.	пуд.	и сумм.	пуд.	и сумм.
46529	11937	6480	929	32288	10536	24825	8280	12000	4620	33635	–

За период с 1842 по 1890 г. было отправлено из портов Черного моря 5.165.062 пуда (Н. С. Заклинский. Леса Абхазии. Л.–М. 1931. – С. 33).

[1] Приложения к статье С. И. Пушкарева «Краткий очерк портов»..., – С. 288 -289.

[2] За 1860–1863 гг. из Сухума же было вывезено (преимущественно в Одессу) 25.454 пуд. и 10 шт. орехового дерева. Из других ценных древесных пород, кроме самшита и орехового дерева, вывозились дубовый лес, тис, кизил и т. д., хотя они также не отмечены в данной таблице. В частности, дубовый лес начал вывозиться, главным образом, перед Крымской войной для нужд морского ведомства; впоследствии он вывозился преимущественно в виде бочарных клепок и траверсов (для железной дороги). Другие местные порубки получили значительные размеры после 1864 г. А. В. Пахомов отмечал, что кизиловый лес, изобильно растущий в Ачадара, «сильно запрашивается в Одессе» и почти также дорого продается, как самшит, и идет там на зубцы для мельничных колес (А. Пахомов. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 58; см. также его «Записку об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе», л. 480). Между прочим, кизил в большом количестве рос и в с. Гульрипш, отчего одно местечко здесь получило название «Абгыдзырра» (искаженно–«Агудзера»), т. е. Кизиловая роща.

10. Мясо копчен, свин.	810 пуд.	970	1,3
11. Рыба	1270 пуд.	1028	14
12. Жир рыбий	1290 пуд.	1250	1,7
13. Вино (виноградное)	38548 вед.	20548	28,6
14. Кукуруза	16360 пуд.	6201	8,8
15. Пшено (гоми)	1559 пуд.	1059	1,5
16 Яблоки	800 пуд.	700	1
17. Орехи	19988 пуд.	18855	26
18. Я годы	50 пуд.	100	0,1
19. Лавровый лист	120 пуд.	35	0,04
ИТОГО		71.683	100

Ассортимент вывоза продукции из Сухумского порта показывает, что во второй четверти первой половины XIX века основную его часть составляли вино, кукуруза, просо, орехи. Что касается отдельных направлений сбыта абхазских продуктов, то мы имеем сведения о том, что кожи воловьи и бараньи и воск были вывезены, главным образом, в Очемчиры и Редут-Кале, откуда были отправлены, вероятно, за границу; орехи, дрова, вино и мед – в Керчь, Анапу и частично в Таганрог и Ростов; кукуруза и просо – в Очемчиры, Бамборы и Редут-Кале[1].

Относительно ввоза товаров вообще в Абхазию из российских портов в рассматриваемый период, к сожалению, мы не располагаем необходимыми данными. Но, несомненно, что этот ввоз все более возрастал.

Показателем постоянного роста экономических связей Сухума с другими российскими портами и прочими пунктами также является нарастание движения русских судов.

Годы	Приходы	Отходы
1851	97	90
1852	104	107
1853	191	199
Итог	392[2]	3962

Следует остановиться и на положении в других торговых местах Абхазии. Прежде всего, возьмем Очемчиры. Здесь приход и от-

[1] Приложения к статье С. И. Пушкарева «Краткий очерк портов». – С. 288–289, прим. 1.

[2] ЦГИАГ, ф. 1115, д.11, л. 48 об.

ход мелких каботажных судов к 1852 году достигали 175. За границу отходило около 46 судов «с местными произведениями», которые состояли преимущественно из самшита и орехового дерева, кожи, воска, меда и кукурузы. В 1851 году за границу было отправлено товаров на 23.990 руб., в 1852 году – на 15.394 руб. и в российские порты – на 8.220 руб. сер.[1]; в частности, если в 1848 году самшита было вывезено 8.630 пуд., то в 1851 году – 40.000 пуд.[2] Характер ассортимента экспорта через Очемчирский порт виден из приводимой ниже таблицы (см. стр. 130)[3].

Через Бамборы в 1850 году в Керчь, Анапу, Редут-Кале и Новороссийск было вывезено 12.800 ведер вина[4]. Вывозился также уксус[5]. В м. Гудауты велась мелочная торговля. Отсюда также вывозились самшит[6], ореховое дерево, кукуруза, воск, кожи, сушеные фрукты, орехи, хурма[7]. Кукуруза являлась «главной статьей вывоза»[8].

Наименование товаров	1850 год		1851 год	
	Коли-чество	Общая ценность (в рублях)	Коли-чество	Общая ценность (в рублях)
1. Воск	404 п.	4293	647 п.	4700
2.Бурки шерстяные	30 шт.	30	–	–
3. Самшит	20500 п.	5752	40000 п.	14100
4. Кожи воловьи и коровьи сырые	530 шт.	1123	460 шт.	618
5.Кожи сафьяновые	20	10	–	–
6. Козы живые	–	–	80 шт.	80
7. Мед	601 п.	1089	721 п.	1116
8.Сало говяжье	30 п.	105	33	108
9.Сукно простое	–	–	100 арш.	10

[1] Пушкарев С. «Краткий очерк портов...» – С. 159.
[2] АКАК, т. X, ч 1. – С. 208–210.
[3] ЦГИАГ, ф. 1396, д. 88, лл. 42-51.
[4] «Кавказ», 1852, № 28.
[5] Энциклопедический словарь «Гранат», т. 44, изд. 7. – С. 200.
[6] Только из ущелья р. Аапста вывозилось в среднем в год (до 1864 г.) около 10.500 пуд. самшита.
[7] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», № 10 1872. – С. 332.
[8] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 86, лл. 180–198.

10.Кукуруза	33932 п.	10682,50	4930 п.	1713
11.Шелк-сырец	35 п.	1798	25 п. 6 ф.	1481
12.Ковры шерстяные	8 шт.	40	–	–
18. Прочие		20		54
Итого		24.942.50		23.980

Крымская война прервала на время развитие торговли в Абхазии, ставшей непосредственной ареной военных действий. Но вскоре после войны торговля начала расти более быстрыми темпами. Борьбе против контрабанды и дальнейшему развитию торговли способствовала деятельность «Русского общества пароходства и торговли» (РОП и Т), основанного в 1856 году. Общество ставило себе целью организовать сообщение по Черному морю, обслужить экспорт за границу и послужить судовым резервом для военного флота на случай войны. Оно имело собственное адмиралтейство в Одессе. Наместник Кавказа в своем отношении председателю Кавказского комитета от 17 июля 1868 года так определял задачи этого общества: «Усилить перевозку транзитных грузов с тем, чтобы на Черном море преобладал русский флот, который мог бы успешно конкурировать с иностранными пароходными компаниями»[1].

В 1860–1863 годах из Сухума было вывезено 25.464 пуда орехового дерева[2], а вывоз самшита из Абхазии в 1861 –1865 годах составлял 556.785 пудов[3]. Вывозились также кукуруза, вино, дрова, кожи, воск, мед, сельди, фрукты, лавровый лист и пр.[4] Из 2.330 рейсов, совершенных в 1860 году каботажными судами в Поти, Николаевск, Редут- Кале и Сухум, на последний падало 769 рейсов[5]. В 1862 году приход каботажных судов (с грузом и без груза) в Сухум» Очемчиры и Гудауты составлял 499 единиц и отход – 495 единиц[6]. Оборот торговли г. Сухума в 60-х годах равнялся: отпускной – 175,5 тыс. рублей, внутренний – около 536 тыс. рублей[7].

[1] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 13, д. 99, л. 1.
[2] ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, лл. 1–8.
[3] Там же, ф. 545, оп. I, (кн. 1), 1867 г., д. 246, лл. 65–90.
[4] В среднем в год вывозилось: сельди – около 195 пуд., орехов и хурмы–около 930 пуд., лаврового листа–500 пуд., воска и меда – 800 пуд., кожи – 2267 пуд., дров – 200 саж., куньего меха – около 3 тыс. шт. (ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, лл. 1–8).
[5] ЦГИАГ, ф. 1115, д. 11, л. 94.
[6] Там же, л. 120.
[7] ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, лл. 1–8.

Положение особенно изменилось после упразднения Абхазского владетельства. Этот факт, несмотря на всю тяжесть для трудящихся царского колониального управления, способствовал втягиванию Абхазии, как и всего Кавказского края, в общую экономическую жизнь пореформенной России. В.И. Ленин указывал, что в это время в России «все быстрее и быстрее развивались города, росли фабрики и заводы, строились железные дороги. На смену крепостной России шла Россия капиталистическая»[1]. Это развитие капитализма в России после реформы 1861 года «пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых странах Европы целые века»[2]. Ф. Энгельс также отмечал, что с 1861 года в России начинается «развитие современной промышленности в масштабе, достойном великого народа»[3].

А. В. Пахомов, говоря о первых последствиях упразднения в Абхазии владетельства, о «благодетельном влиянии» этого факта на сельское хозяйство Абхазии, приводил, как «более разительный пример», сведения о вывозе кукурузы, который увеличился с 108.457 пуд. в 1864 году до 166.320 пуд. в 1865 году, цифры, взятые им из отчетов Сухумской карантинно-таможенной конторы[4]. О росте товарооборота говорят и данные таможенной заставы о пошлинах, поступивших за указанные же годы, – около 19 тыс. руб. и более 27 тыс. руб.[5]

По данным той же карантинно-таможенной конторы, мы имеем такую картину движения судов через Сухумский порт в 1867 году: всего ушло и пришло 721 судно: из них – 504 в российские порты и обратно, 217 – за границу. Таким образом, основная масса судов (70%) приходила из российских портов и направлялась туда же[6]. Еще более интересны данные о вывозе из Сухума. Уже таких предметов, как табак, мелкий орех, пшено, апельсины и инжир в указанном году было вывезено в пределы Российской империи около 420 пуд., причем из них 151 пуд был вывезен в Поти[7].

[1] Ленин В. И. Соч., т. 17. – С. 65–66.
[2] Там же.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Избран. письма. Госполитиздат, 1948. – С. 447.
[4] Пахомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 87.
[5] Отношение кутаис. ген.-губ. Святополка-Мирского А.П. Карцеву от 28 января 1866 г. ЦГИАГ, ф.80, д 49, лл. 9-14.
[6] ЦГАА, ф.8, оп.1, д.7, лл.11-21, 23-44.
[7] Там же, л. 52.

Базары играли важную роль. В проекте Сухумской сословно-поземельной комиссии о поземельном устройстве населения Абхазии (1869 г.) подчеркивалось, что произошло увеличение числа береговых базаров в период русской власти[1]. Это были сухумский, келасурский, кодорский, тамышский, гудавский, илорский, очемчирский, гудаутский, бамборский базары. Отдельные лавки появляются и в ряде других мест (Дранда, на реках Мчишьта и Гумиста и т. д.).

Абхазское население постепенно втягивалось в рыночные отношения. Еще Скасси свидетельствовал, что жители с. Келасури доставляли в Сухумскую крепость «почти все, что там потребляется из съестных припасов; табак и материи для маркитантов»[2]. Французский консул в Тифлисе Гамба, посетивший Сухум в июне 1822 года, также писал, что ежедневно абхазцы, часто в большом количестве, приходили в Сухум «производить свои операции обмена»[3]. Здесь продавалась соль. Плата производилась куньими шкурками, стоившими 2–3 руб. штука; медвежьи шкуры ценились от 4 до 5 руб., волчьи – 2 руб., шакальи – 60 коп., дикой кошки – 20–40 коп.; продавался также воск[4]. Другой источник говорит нам о том, что с 1827 года абхазцы начали приходить к сухумскому берегу, где покупали соль, железо и другие товары, привозившиеся из Редут-Кале[5].

Ф. Ф. Торнау свидетельствовал, что в Бзыбской Абхазии население вело определенную торговлю «съестными припасами, доставлявшую жителям деньги». Главным пунктом этой торговли здесь являлись Бамборы[6]. О бамборском базаре писал и Дюбуа[7]. Эдмунд Спенсер, посетив этот пункт, писал, что в нем существовало «несколько базаров, кишащих азиатскими торговцами, наполненных грубыми русскими мануфактурами..., вместе с немногими блестящими безделушками для крестьян, а также солью и табаком»[8]. Более подробные сведения о той торговле, которую вели крестьяне

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 71.
[2] АКАК, т. VI, ч. 1. – С. 646–658.
[3] Gamba. Указ. соч. – С. 76.
[4] Там же. – С. 88.
[5] ЦГВИА, ф. ВУА, 1843 г., д. 1083, л. 8.
[6] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 45240, л. 52 об.
[7] Дюбуа. Указ. соч. – С. 123.
[8] Spenser E. Указ. соч., письмо XXX.

на бамборском базаре, дает М. Селезнев. Жители близлежащих сел, особенно Лыхны, а часто и издалека, приходили и приезжали «продавать на форштате свои произведения и покупать нужное для своего обихода». «Каждодневно, – писал он далее, – базар наполняют толпы абхазов: они прохаживаются дружно из лавки в лавку..., торгуют яйцами, сыром и своим тарелочным медом». В Пицунду абхазские крестьяне также «приносили свои разные произведения и домашнее хозяйство, и продавали...»[1].

Начальник 2-го отделения Черноморской береговой линии ген. М. М. Ольшевский в рапорте на имя ген. Н. Н. Раевского от 3 сентября 1839 года отмечал, что Сухумский округ мог продать более 2 тыс. четвертей кукурузы и проса, 2–3 тыс. куньих шкурок. Продавались на деньги: кукурузы четверть 1 руб. 60 коп., проса – 3 руб. 20 коп., кунья шкурка – от 1 руб. до 1 руб. 50 коп.; яри обмене же на товары они обходились покупателям: кукурузы четверть 1 руб. 20 коп., проса – 2 руб. 50 коп., кунья шкурка – 1 руб. Затем следовало вино; ведро вина в Сухуме продавалось по 1 руб. 20 коп. Кроме того, население округа продавало до 500 пуд. шерсти, около 300 пуд. меда и столько же воска и 200 пуд. грецкого ореха; причем пуд меда продавали по 6 руб. 80 коп., воска–10 руб. 40 коп. и орехов – 40 коп. Продавались также фрукты, а ближайшие к Сухуму жители приносили на продажу кур, каплунов, молоко, огурцы и лук[2]. Низкие цены на продукты в Сухуме по сравнению с Бамборами Ольшевский объяснял именно тем, что «ок- рестностные жители приносят много на продажу съестных запасов»[3].

Особенно интересно сообщение Ольшевского о том, что «большая часть абхазцев узнала теперь цену деньгам, и потому охотнее продает свои произведения на деньги, нежели на вымен товаров. Одна только соль исключительно выменивается на гомию, которая необходима торговцам для употребления в пищу... Но ежели абхазцу не нужна соль, то он старается продать свои произведения на деньги»[4]. При этом Ольшевский писал об имевшихся в Сухуме злоупотреблениях: «Вольнопромышленники, желая купить дешевле какие- либо произведения, выходили версты за две от крепости и там покупали таковые у абхазцев; а потом продавали гарнизону гораздо дороже». Ввиду этого было назначено определенное место для торговли и торговцам было запрещено выходить за форштат для покупки продуктов[1].

Весьма интересен «Именной список промышленников в крепости Сухум-Кале», приложенный генералом Ольшевским к своему рапорту на имя Н. Н. Раевского от 3 сентября 1840 года. В этом списке среди «промышленников» и держателей лавок или духанов значатся: лыхненский крестьянин Куаташь Лакоба трижды, как продавец и собственник лавки (очевидно, речь идет о трех лавках или духанах), а в одном случае сказано, что он торговал «съестными и питейными припасами»; крестьянин Семен Лабахуа, ведший торговлю в лавке некоего Нико Хоперия; житель с. Река Шукония Пачулия, державший лавку и сам торговавший; лыхненский дворянин Якуб Лакрба, также державший лавку и сам ведший торговлю «мелочными товарами и съестными припасами»; лыхненский крестьянин Бесирк Кирзма, в лавке которого торговал один келасурский житель[2].

С. Пушкарев видел, как «очемчирский базар каждое воскресенье наполняется женщинами – абхазками, продающими шелк-сырец и другие изделия рук своих и покупающими коленкор и ситец...»[3].

С. Смоленский, офицер сотни, стоявшей в Бамборах в июне 1859 года, свидетельствовал, что в первый же день их встретила целая толпа жителей соседних деревень, которые несли на продажу сыр, кур и яйца, причем отдавали десяток яиц за 2,5 коп. и курицу не дороже 10 коп. На следующий день посетителей явилось еще больше, тут были и жители других деревень; некоторые из них приходили «для продажи чего-либо»[4]. При этом автор особо подчеркивал факт дружбы между русскими солдатами и абхазскими крестьянами. Некоторые из лыхненских крестьян говорили Смоленскому, что у них есть дети крещеные по-русски, восприемниками их были фельдфе-

[1] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 189, 205.
[2] ЦГИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, лл. 4 об. 9 об.
[3] Рапорт М. М. Ольшевского И. Н. Раевскому от 29 февраля 1840 г. Там же, л. 11 об.
[4] Рапорт М. М. Ольшевского Н. Н. Раевскому от 3 сентября 1839 г. ЦГИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, лл. 9–9 об.

[1] То же от 29 февраля 1840 г. Там же, лл. 11-12.
[2] Там же, лл. 5–8.
[3] Пушкарев С. Еще раз об Абхазии. «Кавказ», 1854, №99.
[4] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», № 9, 1872. – С. 151.

беля из Бамборы, унтер-офицеры и их жены[1]. Дружба иногда сопровождалась взаимными подарками; в частности, абхазские крестьяне приносили сыр, молоко в бурдюках, кур, яйца и пр.[2] Продавали крестьяне в лагерь свои продукты преимущественно за деньги[3]. Из других фактов такого же рода, сообщаемых Смоленским, интересен следующий: абхазский крестьянин Халил, житель одной из ближайших к Сухуму деревень, летом почти каждый день приносил в город для продажи кур, сыр и молоко в бурдюке, и ходил под окнами батальонных построек и штаба, выкрикивая – «молоко»[4]. Автор сообщал и такую деталь: однажды Халил шел около походного духана с десятком кур, связанных ногами вместе и перевешенных через палку (головой вниз), лежавшую у него на плече[5].

В начале 50-х годов в Сухуме временно проживало 85 крепостных крестьян (правда, большей частью подданные мегрельского владетеля), которые занимались торговлей[6]. На это обстоятельство указывал и Л. В. Пахомов в 1869 году. Он писал в Сухумскую сословно-поземельную комиссию, что значительная часть крепостных (ахоую) кн. Д. Г. Шервашидзе, с позволения помещика и даже по его собственному желанию, занималась торговлей на келасурском базаре и имела там лавки, так что большая часть келасурских торговцев состояла из крепостных князя Дмитрия Шервашидзе[7].

В проекте Сухумской сословно-поземельной комиссии о поземельном устройстве населения Абхазии приводились следующие факты: жители ближайших к Сухуму селений привозили дрова на сухумский базар, а жители с. Лыхны – на гудаутский базар; «вообще сбыт дров в небольшом размере в духаны весьма обыкновенен... в Абхазии»[8]. Факт такого характера приводил и А. В. Пахомов в своих замечаниях от 19 марта 1870 года на записку полк. П. Краевича о поземельной собственности в Абхазии. «После введения в Абха-

[1] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», № 9, 1872. – С. 154.
[2] Там же, № 10. – С. 352.
[3] Там же, № 9, 1872. – С. 154.
[4] Там же, №9, 1874. – С. 165–166.
[5] Там же. – С. 165
[6] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, лл. 2–8.
[7] Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и рода кн. Шервашидзе. ЦГИЛ, ф. 1110, оп. 1, д.15.
[8] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 6 об.

зии непосредственного русского управления, – писал он, – жители окружающих город Сухум селений, крестьяне князя Георгия Шервашидзе, начали приносить на своих плечах в город на продажу не дрова, а пучки хворосту и валежнику. Занимаются этой мелкой промышленностью преимущественно дети бедных крестьян». По мнению Пахомова, это было определенным «нарушением помещичьих прав»[1]. Еще более интересны сведения Пахомова о том, что в тех же селах после 1864 года разведение огурцов и помидоров приняло довольно большие размеры, потому что крестьяне «нашли для себя выгодным сбывать эти овощи городским жителям»[2]. С. И. Пушкарев свидетельствовал, что абхазское население приносило на базары в Сухум, Келасури и Очемчиры кур, свежие фрукты, звериные шкуры, мед и воск[3].

А. Н. Введенский писал, что необходимое для продовольствия семейства крестьян количество орехов и каштанов оставлялось в запас, а остальное сносилось на базары местечек Гудауты и Очемчиры, где эти продукты скупались и отправлялись в Россию[4]. Крестьяне на сухумском базаре сбывали разные фрукты (яблоки, груши, орехи, инжир, черешни, персики, сливы)[5], а также ягоды (ежевику, барбарис, кизил) и шишки (бешмала)[6]. В больших размерах продавалась и местная мелкая хурма, которая, вместе с тем, являлась, по словам А. В. Пахомова, предметом огромного вывоза в Россию, где она служила лакомством «для простого народа» и шла на винокурение[7]. Шелк-сырец сбывался так же, «как и все продукты полевого и домашнего абхазского хозяйства», на базарах г. Сухума и местечек Гудауты и Очемчиры[8].

Эти и иные товары сбывались и на ярмарках, расположенных за пределами Абхазии, что является очень важным примером для характеристики факта втягивания края в общий процесс товарооборота. С. Броневский указывал, что абхазский мед сбывался в раз-

[1] ЦГИАГ, ф. 1087, оп. 1, 1870 г., д. 36, л. 44.
[2] Пахомов А.В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 44.
[3] Пушкарев С. Абхазия и абхазцы «Кавказ», 1854, № 61.
[4] ССКГ, в. VI. – С. 20.
[5] Там же. – С. 21.
[6] Пахомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 57–58.
[7] Там же. – С. 57.
[8] ССКГ, в. VI. – С. 19.

ных местах Грузии и на Кавказской линии[1]. Подполковник Арцруни в 1836 году в своей записке об учреждении ярмарок в некоторых местах Закавказья участие Абхазии в кутаисской ярмарке считал вполне определенным[2]. А барон Розен в своем отношении тайному советнику Блудову от 21 февраля 1837 года констатировал, что в Сенаки ярмарка начиналась в июне и продолжалась целую неделю, на которую съезжались жители из разных мест, в частности, из Абхазии. Причем «главный торг» производился лошадьми и скотом, а также местными шелковыми, бумажными и шерстяными произведениями и сукном[3]. Г. И. Радде в 1865 году говорил о «возвращавшихся с зугдидского базара» жителях южной части Абхазии, а также о «постоянных торговых сношениях» цебельдинцев с карачаевцами[4].

Мы выше говорили о том определенном, хотя и весьма медленном, развитии, происходившем в жизни г. Сухума, в частности, по линии торговли. Из этой последней области в данном случае интересно заметить, что если к моменту упразднения Абхазского владетельства в Сухуме насчитывалось 24 купца[5], то к исходу 1868 года их было уже 66 чел.; из них «лица, принадлежащие к местному купеческому сословию», составляли 29 чел., мелкие торговцы – 12 чел.[6] Еще М. Селезнев сообщал, что среди «вольнопромышленников» Сухума «и абхазы имеют... свои лавки и убежища»[7]. Д. З. Бакрадзе в 1865 году писал о том, что самурзаканцы по всей Абхазии открывают духаны, «в которых занимаются куплею и продажею»[8]. Акапский князь Чапияк Маршания в докладной записке на имя Святополка-Мирского в апреле 1869 года сообщал, что он начал «заниматься коммерческими делами» с сухумскими жителями[9]. Из отношения начальника Пицундского округа Бутми де Кацмана А. В. Пахомову от октября 1868 года мы узнаем, что кн. Ростом Маршания в Келасури продал 2 духана, которыми он прежде владел[10].

[1] Броневский С. Указ. соч. – С. 329.
[2] АКАК, т VIII, ч. I. – С. 182.
[3] АКАК, т. VIII, ч. 1. – С. 183.
[4] Радде Г. И.Указ. соч. – С. 18.
[5] ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, лл. 1–8.
[6] «Кавказский календарь на 1870 год. – С. 415.
[7] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 205.
[8] ЦГИАГ, ф. 493, оп. 1, д. 96, л. 12 об.
[9] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, 1866 г., д. 24, л. 25.
[10] ЦГИАГ, ф. 545, 1865 г., оп. 1, (кн. 1), д. 180, л. 290.

Таковы были объективные последствия присоединения Абхазии к России и первые результаты оживления в некоторых сферах хозяйственной жизни края, вызванные постепенным приобщением народного хозяйства края к экономической системе России.

Однако в заключение настоящей главы необходимо подчеркнуть следующее. Первые зачатки развития капитализма, капиталистические тенденции мелкотоварного производства в Абхазии, проявлявшиеся особенно перед реформой, имели подчиненное значение. Приведенные данные, как уже частично говорилось, далеко не опровергают факта господства здесь натурального хозяйства, соединенного с домашней промышленностью, составляющего основу феодального способа производства, а свидетельствуют лишь о некоторых элементах подрыва натуральной экономики. Эго выражалось в большом разнообразии барщинных повинностей и оброчных натуральных платежей, среди которых терялись денежные платежи, в удовлетворении нужд в промышленных изделиях в основном обычным для натурального хозяйства путем, в домашнем использовании подавляющей части продуктов, в чисто феодальном применении доходов.

Торговля, развивавшаяся в рамках феодального режима, обслуживала этот режим и способствовала усилению эксплуатации крестьян, являлась формой реализации части прибавочного продукта, создававшегося последними. Подобного рода торговля отнюдь не выражала отношений капиталистического производства. Приведенные в настоящей главе факты указывают лишь на некоторое развитие зачаточной формы товарного' производства, как составной части феодального способа производства. Таким образом, упомянутые сведения являются только показателями того медленного процесса экономической дифференциации простых товаропроизводителей, который создавал лишь некоторые предпосылки для капитализма. Всякая же иная оценка этих пактов, преувеличение значения торговли в условиях предреформенной Абхазии неизбежно приведет к ошибочным выводам, к смешению товарного производства с капиталистическим.

Социально-экономическое развитие Абхазии в рассматриваемый период свидетельствует о прогрессивном значении присоединения ее к России. Учитывая, однако, прогрессивное влияние

великого русского народа на все стороны жизни других народов, входивших в состав Российской империи, при этом ни в коем случае нельзя забывать и о другом – о колониальной политике царизма, произволе местной администрации, об отрицательном влиянии на развитие этих народов умышленной консервации культурной и экономической отсталости народов окраин со стороны царского правительства. Академик А. М. Панкратова в своей речи на XX съезде КПСС справедливо отметила, что «в наших учебниках и книгах по истории отдельных народов почти не уделяется внимания разоблачению национально-колониального гнета царского самодержавия»[1].

Забывать об этом значит смягчить и приукрасить завоевательную политику царского самодержавия, умолчать о тех жестокостях, которые проявляли царские военачальники, о неограниченном произволе царских администраторов, обогащавшихся за счет прямого военного грабежа населения национальных окраин. Известна, например, директива Николая I об «усмирении навсегда горских народов или истреблении непокорных»[2]. Н. Н. Раевский с возмущением писал: «Местное правление на Кавказе недовольно отличало... частные разбои от общих нападений». Он подчеркивал, что царские военачальники «мстили целым племенам за вину нескольких людей». Бичуя «произвол, злоупотребления и беспорядки», царившие в органах русской администрации на Кавказе, Раевский указывал: «В областях Кавказского края, где не введено гражданское управление, мы, частные начальники, более похожи на турецких пашей, чем на русских чиновников»[3]. Русский революционер-демократ Н. А. Добролюбов отмечал, что царское управление на Кавказе «не было совершенно сообразно с местными потребностями и отношениями»[4].

Принявшие подданство России кавказские народы на протяжении многих десятилетий управлялись военными чиновниками. Еще генерал Ермолов, вскоре после своего назначения на Кавказ в 1816 году, дал такой отзыв о царских чиновниках в Грузии в донесении начальнику Главного штаба: «Если и приезжают в Грузию чиновники, то, конечно, большею частью такие, которые по ограниченным способностям и другому поведению нигде уже в России не могли найти себе места. Вся цель их состоит только в том, чтобы, воспользовавшись определенным пособием, иметь возможность удовлетворить своим наклонностям»[1]. Граф Паскевич в 1829 году также писал: «Народ страдал, правосудия не было... Злоупотребления низших местных начальств доходили до высшей степени»[2].

Сенаторы Кутаисов и Мечников, производившие ревизию управления Грузией в 1830–1831 годах, сообщали, что приставы управляют не как чиновники от правительства, но как помещики своими поместьями[3]. Генерал Филипсон, вспоминая о периоде своей службы на Кавказе, писал, что последний в это время являлся «убежищем и сборным местом разных пройдох и искателей средств вынырнуть из грязи или из неловкого положения»[4]. В Абхазии, в частности, в этом отношении положение особенно обострилось после введения в ней непосредственного российского управления, о чем будет сказано в соответствующем месте.

Понято, что военно-феодальные методы управления, колониальный гнет и жестокие репрессии вызывали стихийное недовольство' масс местного населения. Крестьяне в этом движении выступали против России царской, против которой неустанно боролся и сам русский народ; против того правительства, которое А. И. Герцен в «Колоколе» назвал «шайкой разбойников и негодяев».

Именно поэтому лучшие представители русского народа Чернышевский и Герцен поддерживали освободительную борьбу народов Российской империи против царизма. Они предсказывали будущее освобождение этих народов, их объединение в братской семье. В 1853 году Герцен писал: «Из-за насильственного единства виднеется единство свободное..., единство, основанное на признании равенства и самобытности...»[5].

---

[1] «Правда», 28 февраля 1956 г.

[2] Цит. по статье А. В. Фадеева «О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе в XIX веке». «Вопросы истории», №6, 1955. – С. 74.

[3] Там же.

[4] Добролюбов Н.А. Полное собр. соч., т. IV. М., 1937. – С. 155.

[1] АКАК, т. VI, ч. 1. – С. 45.

[2] Там же, т. VII, ч. 1. – С. 18.

[3] Там же, т. VIII, ч I. – С. 41.

[4] Воспоминания Г. И. Филипсона. «Русский архив», кн. 6, 1883. – С. 285.

[5] Герцен А. Полное собр.соч. и писем, т. 7. Пгр, 1919. – С. 257.

● ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ●

КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА ФЕОДАЛЬНОЙ АБХАЗИИ

I. Феодалы

1. Предварительные замечания

Как мы видели, Абхазия в предреформенный период оставалась краем господства феодальных отношений и натурального хозяйства, с весьма слабым развитием торговли и городской жизни. Вместе с тем здесь еще ощущались родовые пережитки и патриархально-общинные традиции.

Сухумская сословно-поземельная комиссия писала, что в Абхазии, «с одной стороны, стояла владетельная власть и иерархия сословий, что придавало феодальный характер учреждениям страны, с другой – являлось выработанное опытом, жизнью народа, противоречащее феодализму общественное устройство, ограничивавшее его, поставлявшее пределы власти владетеля и произволу высших сословий, определявшее отношения между всеми сословиями и заключавшее в себе, в известной мере, гарантии для обеспечения нарушения права и восстановления права нарушенного, или по крайней мере известного удовлетворения за нарушение его»[1].

«Противоречащим феодализму общественным устройством» была прежде всего абхазская община в ее своеобразной форме. В Абхазии в XIX веке не было общинной собственности на пахотные земли. «Каждый поселянин, – писал Н. В. Фон-Дервиз,–имеет свои

[1] Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакана (Извлечение из трудов Сухумской сословно-поземельной комиссии, представленных в 1869 году). ССКГ, в III,1870. – С. 3

участки усадебной и пахотной земли, которые закреплены за ним межеванием... Ввиду этого землепользование следует считать подворноучастковым, так как, повторяю, земли, отведенные в подворное владение, в переделы не поступают»[1]. То же самое было и в дореформенный период.

Однако «поселяне» были объединены в сельские общины, а в общинном пользовании находились леса и пастбища. Данное объединение, в которое включались (что очень характерно) и феодалы, носило черты дофеодального быта. Не удивительно, что абхазский термин «акыта» (акыҭа) означал одновременно и селение и общину «с преобладающим влиянием и значением одного какого-либо лица, одной какой-либо фамилии»[2], хотя не всегда территория общины совпадала с территорией села, которое могло состоять и из нескольких общин. Ф. Торнау, говоря о северо-западных абхазцах-садзах, писал, что у них «обществ столько же, сколько селений»[3]. Каждая община имела свои границы, «за них бывали между общинами споры. Действительными границами были пределы безопасности. Границы притязаний шли обыкновенно гораздо дальше и в особенности, если земли были удобные, или нужные, как например, горные пастбища. Во всяком случае, община пользовалась этими, незанятыми ее членами, свободными землями в пределах ее территории». Пришельцы же, водворившиеся в какой-либо общине, обязаны были принести присягу, что «будут соблюдать общинные правила, будут защищать союз и сами пользоваться защитой». Причем община охотно принимала «всех беглых и недовольных» в сознании того, что «чем многочисленнее будет община от присоединения к ней новых, тем больше будет для одной ее части обеспечена нужная безопасность и тем больше будет иметь другая ее часть силы для нападения на соседей»[4].

В «Краткой записке о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани»[5] говорится: «Основанием общественного

[1] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ. (Записки бывшего лесничего). – С. 30.

[2] Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии... – С. 4

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, 1835 г., д. 18510, лл. 1-8.

[4] Соображение к решению поземельного вопроса в Абхазии. ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1033, лл. 1–7.

[5] Эта «Записка», подписанная начальником Кавказского горского управления г.-м. Старосельским, была составлена в 1869 году, в основу которой

устройства Абхазии и Самурзакани служили многие союзы, на которые делились эти страны, родственные в отношении племенном и составлявшие долгое время одно политическое целое, под управлением владетелей из двух линий фамилии Шервашидзе».

При слабости владетельной власти население Абхазии стремилось «к обеспечению своих прав и к ограждению внутренней и внешней безопасности посредством соединения жителей в союзы или общины (акыта), жившие своей особою внутреннею жизнью, на основании издавна установившихся взаимных отношений между членами общины»[1].

В сохранении общинных порядков большую роль играло также отгонное скотоводство. Весенние и осенние перегоны скота на большие расстояния по горным дорогам, охрана стад на отдаленных от селений высокогорных пастбищах и т. д. требовали общинного объединения жителей. А. В. Фадеев правильно отмечает, что вне общины кавказский горец становился в этих условиях совершенно беспомощным. «Это обстоятельство,– пишет он,– и было, по нашему мнению, одной из главных причин живучести общинных порядков у кавказских горцев»[2].

Но в силу развития феодально-крепостнических отношений в рассматриваемый период положение абхазской акыта – права общины – изменяется; община разлагалась, хотя, повторяем, еще сохранялись некоторые дофеодальные пережитки, особенно в высокогорных изолированных местах, где патриархально-общинный уклад был еще достаточно крепок.

«Каждая такая община представляла две категории населения и два рода отношений: в общине находился непременно ахалапшою (ахылапшю. – Г. Д.), т. е. покровитель, защитник, подле которого группировались хипши, т. е. покровительствуемые,– а из взаимодействия этих двух элементов населения каждой общины образовались все действовавшие в среде ее отношения»[3]. С. Броневский писал еще яснее: абхазские общины делились на «аристократические», «которые управляются князьями», и «демократические»– «абхазские вольные общества»[1].

Это вынужден был признать и автор напечатанной в 1872 году критической статьи «Абхазцы (азега)». По поводу сочинения г. Дубровина: «Очерк Кавказа и народов его населяющих» А. Н. Введенский[2], сочувственно в целом относившийся к приведенной выше характеристике роли акыта (общины) со стороны Сухумской сословно-поземельной комиссии. Х П. Черепов, хотя и называл ахылапшю или «покровителя» «первым между равными» в акыта, призванным собирать сходки (аибабара) для обсуждения мер к охранению союза (ажәлар), предводительствовать в набегах, ходатайствовать перед владетелем о назначении народного суда по делам кровной мести и т. д., но в сущности характеризовал его как типичного феодала, по отношению к которому крестьяне данной общины, которых сам Черепов именовал «хипшы», т. е. зависимыми, выступали как эксплуатируемая масса[3].

Сухумская сословно-поземельная комиссия прямо разъясняла, что под «ахылапшю» надо понимать тавада (князя) или аамста (дворянина)[4]. Интересно здесь отметить заявление военного министра Д. А. Милютина о том, что в большой Кабарде аульными владельцами, «совершенно соответствующими» абхазским ахалапшою (покровителям),... «могли быть только лица, принадлежавшие к известным почетным фамилиям»[5]. Поэтому не удивительно, что на общинном сходе решающее слово принадлежало ахылапшю – феодалу, как и на всеабхазских народных собраниях, обычно происходивших в с. Лыхны, созывавшихся для обсуждения вопросов войны и мира и т. д., главенствующая роль принадлежала владетелю и вообще феодальным слоям.

Таким образом, указанные пережитки родовой организации были в значительной степени феодализированы, под оболочкой патриархально-родовых отношений в большинстве случаев скрывались, по существу, феодальные отношения. Феодализирован был

была положена обширная записка председателя Сухумской сословии по поземельной комиссии полк. П. Краевича.

[1] ЦГИАГ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 45.

[2] Фадеев А. В. Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII – XIX вв. в новых работах советских историков. «Вопросы истории», № 5, 1958. – С. 135.

[3] ЦГИАГ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 45.

[1] Броневский С. Указ. соч. – С. 39–40.

[2] ССКГ, в. VI, 1872.

[3] Черепов А. П. Указ. рук.

[4] См., например, ЦГИАГ, ф. 231, оп. 1, д. 415, л. 18.

[5] Доклад Д. И. Милютина Александру II от 8 ноября 1870 г. ЦГВИА, ф. 400, аз. ч., оп. 258/908, 1870 г., д. 41, лл. 115–134.

и абхазский общинный суд, в состав которого включались князья и дворяне, причем он контролировался тем же ахылапшю – феодалом. С другой стороны, общинный обычно-правовой суд отчасти ограничивал произвол феодалов, как и обычай кровной мести в какой-то мере сужал объем их безнаказанности. О составе таких судов можно судить по с. Джгерда, где в 1866 году общинным старшиной являлся князь Хасан Маршания, судьями – князь Салыбей Ачба (Анчабадзе) и дворянин Хусейн Чрыгба, «выборными» – дворянин Дадын Рыфта, анхаю Муса Амчба и Мурзакул Иванба и ахоую Коблух Хараниа[1].

Откровенное изложение помещичьих взглядов на взаимоотношения между крестьянами, входившими в акыта, и князьями накануне отмены крепостного права дает А. В. Пахомов в «Замечаниях на записку генерального штаба полковника Краевича о поземельной собственности в Абхазии»[2]. Подчеркивая, что сословно-поземельный вопрос в Абхазии должен быть разрешен на тех же общих положениях, которые приняты для разрешения в Восточной Грузии, Имеретии, Гурии и Мегрелии, Пахомов категорически возражал против стремления Краевича свести отношения абхазских помещиков к крестьянам к отношениям покровителей к покровительствуемым. В частности, он писал, что ахылапшю являлись лишь управляющими отдельных имений князей Шервашидзе; не имея собственных крепостных, они получали от управляемых ими по поручению помещика крестьян некоторые услуги вместо жалованья. Заявление А. В. Пахомова – управляющего делами и поверенного князя Г. Д. Шервашидзе целиком отображало классовую точку зрения абхазских феодалов, изложенную ими в докладной записке от 23 апреля 1870 года и представленную в Комитет по освобождению зависимого сословия среди горского населения Кавказа[3].

В этих противоречивых сведениях об отношениях князей, дворян и крестьян, несомненно, отразилось прошлое акыта и его современное крестьянской реформе состояние. Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии полк. П. Краевич стремился в идиллических тонах представить отношения между абхазскими

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. I, 18(55 г., д. 181, л. 177.

[2] Там же, ф. 1087, оп. I. 1870 г., д. 3.

[3] ЦГИАГ, ф. 41G, оп. 3, 1863 г, д. 1014, лл. 38–45.

помещиками и крестьянами, использовав для этого старинные предания и фактически существовавшие в стране дофеодальные пережитки, в значительной степени поколебленные к моменту крестьянской реформы. Но искажали действительное положение вещей и абхазские феодалы, которые утверждали, что вся земля в Абхазии была полностью разделена между частными собственниками – княжескими и дворянскими фамилиями[1]. О сохранении пережитков патриархально-родового строя свидетельствуют многочисленные материалы не только дореформенного, но и пореформенного периода[2].

Влияние и значение привилегированного сословия – князей и дворян в отдельных случаях были весьма различны: «находились в прямом отношении с силою покровительствуемой» ими общины[3]. Вместе с тем сам термин «покровитель»– «ахылапшю» не совсем правильно отражал сущность установившихся к предреформенному периоду отношений между феодалами и крестьянами, поскольку власть первых определялась и степенью сохранения в общине дофеодальных пережитков, а также и силой сопротивления крестьян крепостническому гнету. Кроме того, надо иметь в виду и степень близости отдельных «привилегированных» фамилий к владетельному дому[4]. Все эти вопросы более или менее детально будут рассмотрены в дальнейшем изложении.

Несмотря на частично уже отмеченные трудности, тем более в результате наличия в исторической литературе многих противоречий в определении отдельных социальных групп и их взаимоотношений в дореформенной Абхазии, можно совершенно определенно сказать, что здесь существовало четкое классовое разделение населения с более или менее ясно очерченными правами и обязанностями каждого сословия.

Абхазское общество делилось на два противоположных класса: феодалов и эксплуатируемых трудовых крестьян, из которых

[1] Там же.

[2] Олонецкий А. А. Крестьянская реформа 1870 г. в Абхазии. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXV. Сухуми, 1954. – С. 125–126.

[3] Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани, л. 45.

[4] Олонецкий А. А. Указ. соч. – С. 127–128.

последние составляли, по данным 1865 года, около 92 процентов всего населения Абхазии[1].

Общественный строй феодальной Абхазии характеризовался социальной иерархией со значительным числом ступеней.

Феодальная знать была представлена двумя основными сословиями: тавадами (аҭауад)[2] и аамста (аамсҭа), которые в 1865 году составляли 2811чел. К ним примыкали представители высшего духовенства, которые и по происхождению, как правило, принадлежали к тем же феодалам (общее количество духовных лиц в 1865 году равнялось 283 чел.). Промежуточное положение между высшим слоем крестьянства и дворянством занимали ашнакума (910 чел. в 1865 году) – телохранители владетеля и других наиболее крупных феодалов[3]. Говоря словами Р. де Скасси, «между большим числом мелких князей и дворян» была «Абхазия разделена»; им «принадлежат более или менее обширные владения, в которых они, несмотря на это, не являются абсолютными хозяевами; они признают за владетеля кн. Сафир-бея, как старшего из фамилии Шервашидзе»[4].

Вот как Ф. Ф. Торнау в общих чертах характеризовал абхазских князей и дворян: они имеют одинаковые «права над народом» и те же обязанности в отношении к владетелю; «составляют господствующий класс землевладельцев. Крестьянами они владеют на правах подданства за землю, которою они их наделяют, сами избавлены от податей и не подлежат другому наказанию, кроме денежной пени. По зову владетеля они обязаны собираться для защиты края и его собственного лица, обязаны также почтить его подарком, когда он посещает их дома»[5].

Личность феодала охранялась обычным правом, выражавшим волю господствующего класса. По абхазскому феодальному адату,

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 107, лл. 44, 48–49.

[2] У абазин термин «тавад» употребляют ашхарцы, а остальные абазины – «аамстаду», т. е. «большой аамста». Вообще сословная терминология абазин в подавляющем большинстве совпадает или же напоминает соответствующие абхазские термины, что, по мнению Л. И. Лаврова, указывает на факт разделения абазин на различные социально-классовые группы еще до переселения их на Северный Кавказ (Лавров Л. И. Абазины – С. 20).

[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 107, лл. 44, 48–49.

[4] АКАК, т. VI, ч. I. – С. 646–658.

[5] Торнау Ф.Ф. Указ. соч., ч. 1. – С. 57.

она считалась неприкосновенной, а воля его – законом. В прежнее время, писал Ив. Аверкиев, за кровь князя убийца из крестьянского сословия осуждался на смерть, а вместе с ним той же казни подвергался и весь его род[1]. С течением времени «смягчились постановления по адату», и смертная казнь убийцы была заменена пеней. Но за смерть князя и дворянина назначалась несравненно большая пеня, чем за смерть крестьянина: если за убийство крестьянина, в зависимости от его принадлежности к той или иной категории, платилось от одной до трех душ крестьян, то за дворянина – 16, а за князя – 30[2]. М. Т. Джанашвили также подчеркивал, что «в деле кровомщения большую роль играло происхождение»; так, исключалось вымещение на князе-убийце крови убитого крестьянина[3].

Что же касается владетельной фамилии, то считалось, что по отношению к ней не может быть цены крови. Убийство члена дома владельного князя, а тем более самого владетеля «кем- либо из низших» сословий считалось делом, которого местный закон или обычай не смел коснуться[4]. Поэтому, если убийство обыкновенного помещика крестьянином относилось ко «второй категории уголовных преступлений», то убийство владетеля и членов его дома относилось к «высшей категории уголовных преступлений»[5].

2. Владетель

Это положение с другой стороны говорит о наличии определенной дифференциации среди абхазских феодалов. Наиболее привилегированную часть составляли князья, которые, в свою очередь, делились на степени, причем тавады Чачба (Шервашидзе), прежде всего члены семьи владетеля Абхазии, занимали пер-

[1] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866, № 72.

Об этом Ф. Завадский также писал, что посягательство крестьян на жизнь помещиков «влекло за собой истребление всего рода преступника •без всякого суда» (Ф. Завадский. Абхазия и Цебельда. «Кавказ», 1867, № 61).

[2] Аверкиев Ив. Указ. соч.; Завадский Ф. Указ. соч.

[3] Джанашвили М. Абхазия и абхазцы. – С. 11.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 4, д. 8, лл. 1–13.

[5] Завадский Ф. Указ. соч.

венствующее положение и пользовались повинностями крестьян «более других князей»[1]. В источниках мы часто находим указание на существование в Абхазии князей «двух родов», из коих «первый составляют члены фамилии Шервашидзе»[2], соответствовавший грузинским батонишвили.

Владетель Абхазии –ах (аҳ), основную социальную опору власти которого составлял феодальный класс Абхазии, формально сосредоточивал в своих руках все нити управления, считался «главой страны..., и все население считало себя подданными его»[3]. Однако вследствие раздробленности княжества и феодальных междоусобиц власть его была слаба, отдельные князья и дворяне находились лишь в номинальной зависимости от владетеля; были даже районы, где владетеля почти не признавали. «Страна эта, – писал известный русский кавказовед П. К. Услар 1856 году, – не составляет целого политического тела: она разделена на три округа..., владетели которых все принадлежат к фамилии Шервашидзе, управляют на основе прежних обычаев, каждый своим округом самостоятельно, и в этом отношении совершенно равны между собою. Таким образом, с абхазской точки зрения, признанный нами владетель Абхазии есть не более, как старший между равными, посредник между русским правительством и двумя другими, – повторяю еще раз, – равными самому владетелю князьями»[4].

В официальных материалах мы встречаем и такое сообщение: «По феодальному устройству Абхазии владетель был в ней правителем не полновластным. Сильная аристократия имеет независимое от владетеля внутреннее управление своими землями, а обычай кровомщения, восстанавливающий часто целые фамилии одну против другой, доходит у ней почти до политического права войны и мира. При этом состоянии общества Абхазии князья ищут союзов один против другого, а на всякий случай и против владетеля, в своей земле и в независимых от владетеля горных обществах: Цебельде, Псху, Ахчипсоу и проч.»[1]. Это отмечал и Ф. Ф. Торнау, который писал, что «власть владетеля весьма ограничена..., он в зависимости от сильных князей и дворян, которых ему весьма трудно заставить себе повиноваться»[2].

Тем не менее, с помощью царских властей происходит значительное усиление власти владетеля Абхазии Михаила (Хамудбея) Шервашидзе (Чачба). Генерал Г. И. Филипсон писал, что начальник Черноморской береговой линии Н. Н. Раевский «сделал князя Михаила действительным владетелем Абхазии... Анреп и Будберг во всем одобрили и поддержали систему, принятую их предместником»[3]. Наместник Кавказа великий князь М. Н. Романов в записке, составленной им в марте 1864 года, т. е. накануне упразднения Абхазского владетельства, недвусмысленно подчеркивал: «Правительство наше осыпало его (М. Шервашидзе. – Г. Д.) щедрыми наградами: награждало всех, кого он желал, без суда отправляло в ссылку тех, кто казался ему вредным. Благодаря этой поддержке, власть км. Шервашидзе, прежде весьма шаткая и неопределенная, сделалась вполне неограниченною...»[4].

Это отмечали и члены Сухумской сословно-поземельной комиссии: «...Русское правительство поддерживало владетельную власть до самого упразднения оной в 1864 году, и только благодаря этой поддержке, за владетелем упрочились сила и значение...»[5]. «... Шесть тысяч русских штыков всегда готовы были действовать согласно с видами владетеля» Абхазии[6].

А. М. Введенский обязанности русской администрации в Абхазии видел лишь «в поддержании владетельской власти, в случае надобности, вооруженною силою, и в исполнении распоряжений владетеля, касавшихся высылки из края или тюремного заключения лиц, по мнению владетеля заслуживавших этого: последнее исполнялось с предупредительностью, без всякого разбора даже причин, пода-

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., л. 1913, л. 1.

[2] Лаврентьев. Указ. соч. – С 268; Записка члена Кавказского комитета Буткова наместнику Кавказа от 1 мая 1864 г. ЦГИАГ, ф. ОВД, д 48, л. 52.

[3] ССКГ, в. III, 1870. – С. 9–10.

[4] Записка о военных действиях Гурийского отряда за время командования ген.-м. кн. Багратиона-Мухранского, составленная начальником штаба отряда полк. Усларом, 1856 г. АКАК, т. XI, ч. I. – С. 237.

[1] ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 41, лл. 44–49.

[2] Торнау. Обычаи абхазского народа и разделение его на состояния. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 45240, л. 37 об.

[3] Воспоминания Г. И. Филипсона. «Русский архив», кн. 1, 1884. – С. 209.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, д. 177, л. 12.

[5] Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии… – С. 21.

[6] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом, т.1. Тифлис, 1907. – С.132.

вавших повод к наложению наказания», и таким образом владетели, вверив управление округами членам своей фамилии, «значительно расширили свою власть на счет прав всех сословий населения»,[1] вследствие чего значение «высших сословий немного пало»[2].

Владетель решительно понижал всякого, кто мог быть опасным для его власти, и он, опираясь на поддержку царизма и по «праву блюстителя закона», мог всегда положить предел возвышению одного лица или фамилии. Ему в этом случае можно было и не прибегать к насилию, а достаточно было членов какой-либо приходившей в упадок фамилии приблизить к себе. «Покровительство» владетеля всегда считалось выше покровительства каждой из тавадских фамилий, а потому и лица, приближенные к владетелю, всегда могли рассчитывать на увеличение числа своих подвластных. В Абхазии «постоянно шел процесс возвышения одной фамилии за счет других, но возвышения только до известной степени»[3].

До владетеля Абхазии Келешбея Шервашидзе и в первое время его управления первенствующей была фамилия Дзапш-ипа, но вскоре она пала, уступив при Сафарбее место князьям Инал-ипа. Когда Нарчоу Инал-ипа возвысился до того, что выказал неповиновение Михаилу Шервашидзе, последний наказал его с помощью дворян Маан (Маргания), род которых со времени появления в нем дворянина Каца, потомка Хыбра (отсюда–Хыбр-ипа Маан Кац, как обычно называли его в народе), сделался влиятельнее всех князей. Но и последний при первом высказанном им неудовольствии на владетеля потерпел сильное крушение, и владетель начал поддерживать фамилию Инал-ипа в лице Даруквы. Владетели имели возможность останавливать возвышение не только какого-нибудь князя или дворянина, но и членов своей фамилии, если только возвышение их могло грозить опасностью владетельной власти. Все боковые линии Шервашидзе пали именно потому, что по происхождению своему могли быть соперниками владетеля. «В распоряжении владетеля было слишком много средств для того, чтобы способствовать возвышению одной и падению другой из привилегированных фамилий»[4].

[1] (Введенский А. Н.). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина... – С. 4.
[2] Там же. – С. 24.
[3] Там же. – С. 32.
[4] Введенский А. Н. Указ. соч. – С. 33.

Владетели нередко нарушали обычаи. «Кн. Михаил в этом отношении не уступал своим предшественникам. Кажется у него была только одна цель и одно желание, – личное обогащение, и для достижения этой цели все средства казались ему годными»[1]. По словам другого автора, причины нищеты абхазского крестьянства, «печального положения Абхазии надо искать в княжеском управлении страной. Княжеская власть угнетала народ, русские поддерживали эту власть»[2].

С другой стороны, власть владетеля в определенных ее сферах ограничивалась царским правительством. «Над округами, – писал М. Селезнев, – есть потомственные владельцы, зависящие от общего, поставленного Россиею, которого власть ограничена законами русскими»[3]. Лаврентьев также отмечал, что хотя Абхазия «управляется наследственными князьями Шервашидзе, по народным обычаям и изустным законам, но под главным надзором» кутаисского генерал-губернатора[4].

В руках владетеля Абхазии был определенный государственный аппарат. Его власть опиралась прежде всего на военную силу. Вообще «правительственная власть» в Абхазии, «принадлежавшая владетелям, должна была, подобно тому как и в других странах, прежде всего отражать внешнюю безопасность страны и давать защиту и обеспечение от нарушения личных и имущественных прав населения», – определяла Сухумская сословно-поземельная комиссия[5]. Эти цели должны были быть «предметом первой заботливости» не только «в видах водворения спокойствия и порядка в стране и успешного хода хозяйственных отношений, но также и в видах собственной безопасности, сохранения за собою власти и занятого положения». Далее комиссия следующим образом объясняла обусловленность «сильных затруднений и препятствий», «устройства внешней обороны страны». Они проистекали из географического положения Абхазии и характера внешних отношений, которые благоприятствовали «военным предприятиям» со стороны соседних

[1] Донесение ген. Е. Понсэ ген. А. Карцеву от 30 июня 1805 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 76, лл. 66–67.
[2] «Кавказ», 1866, № 80.
[3] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 201.
[4] Лаврентьев. Указ. соч. – С. 268.
[5] Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии. – С. I.

горцев с целью грабежа, угона стад, увода пленных; в среде же их находили себе убежище все, кто не мог оставаться на родине. Горные пастбища, лежащие на рубеже Абхазии, были местом ежегодных кровавых столкновений во время летней пастьбы скота[1]. И не только горные районы. Например Аспа, территория на правом берегу р. Бзыбь, была местом главных столкновений с садзами (джигетами), вследствие чего эта местность, «несмотря на представляемые ею удобства к жизни, оставалась незаселенною»[2]. Владетели Мегрелии также «не упускали удобного случая вмешаться в ее (Абхазии. – Г. Д.) внутренние отношения»[3].

Главнейшими же условиями внутренней жизни, затруднявшими введение в стране порядка, являлись «внутреннее устройство страны, основанное на образовании многих отдельных союзов, противодействовавших административной централизации, и обычаи ассаства и кровомщения...». К этому нужно добавить распри во владетельной фамилии и недостаточность материальных средств, которыми располагали владетели для достижения тех или других «правительственных целей[4].

Таким образом, заключала Сухумская сословно-поземельная комиссия, «внешняя поддержка являлась предметом почти необходимости для возможного поддержания в стране авторитета владетельной власти». В Абхазии такую поддержку, как отмечалось, оказывало царское правительство. Но и при этом условии владетельская власть давала лишь «весьма слабое обеспечение внешней и внутренней безопасности, между тем потребность в той или другой, естественно, чувствовалась всегда населением, и притом, самая настоятельная»[5].

Все феодалы обязаны были являться по зову владетельного князя вооруженными, со своими подвластными крестьянами. Военная служба лежала почти на всем населении княжества, как повинность. Владетельные князья, в порядке феодальной повинности, в нужный момент собирали крупные иррегулярные отряды – «милицию». Так, в 40-х годах, во время карательных экспедиций царизма в Цебельду и Дал, в одном случае был собран отряд в 1.700 человек, а в другом –2.280.

[1] Там же. – С. 2.
[2] Там же. – С. 10–11.
[3] Там же. – С. 2.
[4] Там же.
[5] Там же. – С. 3.

Имеется описание порядка сбора милиции, который заключался в следующем. Владетель посылал приказание по всему краю или в одну часть его о сборе милиции. Феодалы передавали это приказание своим подвластным, которые в каждом селе или поселке приготовлялись все поголовно. От похода освобождались обыкновенно старики и молодые люди, «не бывшие в делах», если предварительным распоряжением не потребовалось «усиленного сбора». После окончательного объявления уже на сборных пунктах о численности милиции, требовавшейся с того или иного населенного пункта, милиционеры делали между собой последний отбор и лишних отправляли по домам. Не участвовавшие в милиции должны были доставлять отрядам продовольствие и другие предметы, необходимые для похода. Все это делалось по нарядам общин. Феодалы наблюдали, чтобы из их сел милиция выступила в назначенный срок, и «вели ее по назначению»[1]. Ф. Завадский, перу которого принадлежит приведенное описание, отмечал, что «таким же правом пользовались князья и дворяне в отношении к своим подчиненным, и последние не вправе были ослушаться, хотя бы распоряжение это было сделано без ведома владетеля». Причем «в таких сборах не имели права участвовать ахоуйю и ахашала»[2].

М. Шервашидзе, как в свое время его отец Георгий и старший брат Дмитрий, опирался на штыки царских войск, спасавшие его неоднократно от свержения (например, в 20–30 годах), о чем откровенно писали представители кавказской администрации. Кроме того, для карательных мероприятий и личной безопасности владетель, как и другие крупные абхазские феодалы, имел постоянную охрану из дворян и ашнакума.

Некоторые из этих последних выполняли и различные административно-хозяйственные обязанности. В течение долгого времени ближайшими помощниками владетеля в управлении краем являлись дворяне Кац и Хасан Маан (Маргания), из коих последнего некоторые современники сравнивали с Малютой Скуратовым

[1] Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. «Кавказ», 1867, №60.
[2] Там же, №59.

Ивана Грозного[1]. В 30-х годах при владетельском дворе в качестве переводчиков находились Н. Н. Шакрыл и С. Т. Званба; последний стал важной фигурой: он состоял «для помощи в письменных сношениях» владетеля с русскими властями[2]. Известно также, что в конце 50-х годов у владетеля в качестве секретаря находился Гиго Ходжашвили[3]. В с. Лыхны ашнакума Гублия и Гваджаа являлись княжескими акяхя (ақьаҳиа) – управляющими; Якуб Чичба и впоследствии его сын Георгий – старшими акяхя[4]. При дворе владетеля находились также сборщики повинностей и штрафов и другие чиновники. Кроме того, М. Шервашидзе, как офицер русской армии, имел адъютантов[5].

Владетель считался высшим судьей. Он «имел право лишить свободы каждого из своих подвластных, не исключая и князей владетельского дома»[6]. В с. Лыхны, под тенью гигантских развесистых вековых лип, под старейшей из которых стоял громадных размеров каменный стол – плита на вертикальной каменной подставке, всегда «судили и рядили абхазские владетели»[7]. Князья и дворяне «тоже имели право лишать свободы своих подвластных. Последствия этого ареста были такие же, как ареста по распоряжению владетеля, с той только разницею, что ежели арест последовал по уголовному делу, то арестованный должен был быть доставлен к владетелю»[8].

Общие и частные собрания для обсуждения общественных дел без ведома и разрешения владетеля не допускались. Созванное «секретным образом собрание считалось заговором, и виновные в этом подвергались строгому взысканию»[9]. Вообще при последнем владетеле Абхазии падает значение народного собрания – этой пе-

[1] Бороздин Ф. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. Спб, 1885. – С. 221.

[2] АКАК, т. XII, ч. 1. – С. VII.

[3] Пахомов А. В. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, д. 458.

[4] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 264, лл. 16, 19 об. 54.

[5] (Введенский А. Н.). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина... – С. 6.

[6] Завадский Ф. Указ. соч. «Кавказ», 1867, № 61.

[7] Графиня Уварова. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия и Посховский участок. Путевые заметки, ч. II, М., 1891. – С. 150.

[8] Завадский Ф. Указ. соч.

[9] Там же.

режиточной формы родо-патриархальных отношений. Во всяком случае, мы уже не имеем того положения, какое существовало при Сафарбее (Георгие) Шервашидзе, который по словам Р. де Скасси, «ничего не может решать без созвания рода совета, где собираются князья, дворяне и народ; там дела решаются большинством голосов; правда, что его голос и голоса его братьев имеют большой вес в собраниях этого рода»[1].

Для разбора дел, как уголовных, так и гражданских, в Абхазии были постоянные суды (медиаторские). Судьи (медиаторы) пожизненно избирались на народном собрании под председательством владетеля. Важные уголовные дела и дела родовой мести разбирались медиаторами из «самых важных» княжеских фамилий и из стариков – дворян и крестьян, под личным председательством владетеля. Уголовные дела и важные тяжбы, например по владению недвижимой собственностью, разбирались утвержденными владетелем медиаторами. Тяжебные дела и исковые второстепенной важности – судьями, избиравшимися самими тяжущимися[2]. В случае возникновения разногласия в суде между судьями и если при этом председательствовал владетель, то он в присутствии судей сам решал дело, и решение приводилось в исполнение[3]. Владетель имел право назначать суд, когда к нему обращались тяжущиеся. Если в суде встречались разногласия по делам, при разбирательстве которых владетель не председательствовал, то суд отряжал к нему двух членов, которые излагали ход дела и причину разногласия судей и просили его решения. В этом случае решение владетеля прекращало споры судей и приводилось в исполнение[4].

В судьи выбирались «известные по своему красноречию, уму, беспристрастию и пользующиеся добрым мнением народа»[5], «знавшие законы страны»[6]. Враждующие стороны собирались в избранном судьями месте, большей частью на Лыхненской площади (Лыхнашта)[7]. В других местах народный суд, как и народные собра-

[1] АКАК, т. VI, ч. I. – С. 646–658.

[2] Чернышев К. Еще об Абхазии. «Кавказ», 1854, № 83.

[3] Завадский Ф. Указ. соч. Там же, 1867, № 61.

[4] Аверкиев Ив. Указ. соч. Там же, 1866, № 72.

[5] Чернышев К. Указ. соч.

[6] Аверкиев Ив. Указ. соч.

[7] Чернышев К. Указ. соч.

ния, обыкновенно происходил в пунктах, считавшихся священными. У садзов, например, таким местом собрания являлся небольшой холм, известный под названием Чугур-ныха (около р. Чугур, в 15 км от Гагр), на котором росло вековое дерево[1].

Владетель, как высший судья, получал в свою пользу определенные пени (айбар)[2], куда входили и взыскания за воровство. По назначению владетеля суд в неопределенные сроки, но почти ежегодно, объезжал тот или иной район Абхазии. Штраф уплачивался скотом по определенной цене, а с течением времени, когда в Абхазии вошла в употребление русская монета, владетель определил штраф за каждую уворованную вещь по 100 руб., без различия ценности этой вещи. Если в краже участвовало несколько человек, то каждый из них так же платил штраф по 100 руб. за каждую украденную вещь[3]. Если решению суда предстояло дело о ссоре или драке, то судьи до разбора дела взыскивали с обеих тяжущихся сторон штраф в пользу владетеля по 5 коров и по 5 руб. сер., затем уже производили суд и приговаривали виновного к уплате определенной суммы обиженному[4]. Судьи или старшины, известные под названием «абокаулцва», также получали определенную плату с виновной стороны. Кроме штрафа и платы им с виновного в воровстве, взыскивалась сумма, равная тройной цене украденного; две части шли в пользу истца, а третья в пользу бокаульцев[5].

Разумеется, большей частью «виновные не могли платить огромных взысканий. Они обращались в холопство (агыруа) и неоплаченное оставалось за ними в долгу»[6], или же такое «большое взыскание за воровство влекло за собою обыкновенно новое преступление, чтобы удовлетворить требование суда. Дорогой суд владетеля большею частью заставлял тяжущихся прибегать к полюбовному окончанию дела или к мести»[7]. Владетель имел право простить наложенный судом штраф и прекратить «прощением долгов» всякие, даже частные иски[1].

Регулируя внешнеторговые связи, владетель взыскивал пошлины – абадж (абаҵь). Пошлина эта взималась с «местных произведений, скупаемых… для вывоза морем, и выгружаемых на суда... Взималась со скупщиков, или отдавалась им в откуп, вместе с исключительным правом скупки произведений в известной местности». Так, например, однажды, до Крымской войны, доходная эта статья в селах Аацы и Тасраква была отдана за 1.500 руб., а в 1856-1864 годах – от 1.100 до 1.300 руб.[2] В остальной части Бзыбского округа откупщик названной пошлины платил владетелю от 5 до 6 тыс. рублей[3].

Владетель взимал плату за право пастьбы скота на лугах, горных пастбищах и т. д. Такая плата была известна под названием ажидз (ажьыз). Кроме того, как утверждал А. П. Черепов, имущество тавадов, аамста и ашнакума, умиравших без наследников мужского пола и живших в разделе, хотя бы у них были отцы и братья, переходило к владетелю[4].

Владетель эти так называемые «административные доходы» жаловал другим феодалам, главным образом, управляющим округами. Такое пожалование «могло иметь место или относительно всех административных доходов, собиравшихся с известного пространства, или только некоторых статей оных, относительно всей статьи дохода полностью, или только части оного»[5].

3. Тавады (аҭауад)

Некоторые представители владетельной фамилии, отдельные из которых считали себя «удельными» князьями, в зависимости от себя нередко имели других князей[6], а все эти князья, как правило,

[1] Аверкиев Ив. Указ. соч.

[2] Ежегодная стоимость айбар только по Бзыбской Абхазии кн. Ал. Шервашидзе определял в 300–1.400 руб., или около 50–233 коров (ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 180–198).

[3] Завадский Ф. Указ. соч. «Кавказ», 1867, № 61.

[4] Аверкиев Ив. Указ. соч. Там же, 1866, № 72.

[5] Там же.

[6] ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 180–198.

[7] Аверкиев Ив. Указ. соч.

[1] (Введенский А. Н.). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина..., – С. 33.

[2] Такое уменьшение объяснялось виноградной болезнью в 40-х годах.

[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1). 1864 г., д. 76, лл. 180–198.

[4] Черепов А. П. Указ. рук.

[5] Краткий очерк политических событий в Абхазии и Самурзакани в последние сто лет и общий взгляд на отношения членов фамилии Шервашидзе. ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1018, лл. 1–24.

[6] Соответствующей категорией феодалов у абазин можно считать «аха» (аха). Л. В. Пахомов писал, что все фамилии высших сословий, за малым исключе-

имели зависимых от себя дворян. Это обстоятельство нашло свое отражение в бытовавшем выражении: «Тавад, не имеющий аамста, – не есть тавад». Но не было дворянских дворян, каковое явление в исключительных случаях в Грузии было специфическим для Гурии и Имеретии[1].

Надо сказать, что по вопросу о правах «удельных» князей накануне крестьянской реформы разгорелся спор. С одной стороны, некоторые представители феодалов всячески старались доказать (в этом отношении особенно характерна деятельность управляющего делами Г. Д. Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова), что вся территория «уделов» являлась их безусловной собственностью, т. е. они владели землей на «вотчинном праве». В источниках мы находим указание на то, что владетель Абхазии М. Шервашидзе всемерно пытался создать для себя право собственности на всю территорию Абхазии, т. е. «быть помещиком всей» страны[2]. Таково было стремление и почти всех других феодалов, в том числе и «удельных» князей, в пределах сферы их политического или административного влияния[3].

С другой стороны, члены Сухумской сословно-поземельной комиссии, оспаривая это утверждение, названных князей характеризовали лишь как представителей владетельской власти, вся привилегия которых заключалась в пользовании значительной долей

нием, поселены в имении Д. Г. Шервашидзе (Абхазский или Сухумский округ) на правах асасов: многие из них были «люди бедные и слабые и пока князь Димитрий был жив, они верно ему служили, потому что, во-первых, дорожили его милостями, во-вторых, имели слишком мало силы, чтобы поднять свое значение». Среди них были князья Дзапш-ипа. Маршания. Чаабалурхва, дворяне Маргания и др. (ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, лл. 445–518). И. К. Багратион-Мухранский писал (60-ые гг.), что, например, ешерские князья Дзапш-ипа были обязаны личной службой как в походах, так и в доме кн. Шервашидзе. Многие из них погибли на этой службе от рук личных врагов своего удельного князя». В с. Гума жили князья Анчабадзе (Ачба) в качестве управляющих тех же князей Шервашидзе, за каковую обязанность получали право пользоваться трудом крестьян, ажидз и т. д. (ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г.. д. 180, лл. 2 -3). Такую же Должность занимал и самурзаканский кн. Зураб Чхотуа (ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, лл. 392–393 об).

[1] Думбадзе М. Социально-экономическое положение Гурийского княжества в первой трети XIX века. Тбилиси, 1954. – С. 56

[2] Соображение к решению поземельного вопроса в Абхазии. ЦГИАГ, ф. 416, 1866 г.. оп. 3, д. 1033. л. 4 об.

[3] Краткий очерк политических событий в Абхазии..., лл. 8–9.

административных доходов, а также в получении от владетеля наделов, пожалований, «кормлений».

Смысл спора сам по себе ясен. Та и другая сторона были тенденциозны. Претензии крупных феодалов тем более не соответствовали действительности, когда речь шла, например, о Бзыбской Абхазии, считавшейся родовым уделом владетеля, где брат последнего Александр Шервашидзе с 40-х годов являлся управляющим (начальником) округа и где лично принадлежавшее ему имение, пожалованное владетелем, было незначительным по сравнению со всей территорией этого района Абхазского княжества. Что же касается владельцев Сухумского и Абжуйского округов, то они в этом отношении отличались, особенно в первом округе. Их нельзя было считать просто административными лицами здесь, где на значительной территории данные линии владетельной фамилии являлись наследственными феодальными владельцами в течение трех поколений.

Административные границы Сухумского и Абжуйского округов не совпадали с границами поместий указанных князей Шервашидзе. Эго особенно относилось к Абжуйской Абхазии, где были расположены и родовые имения владетеля. Кроме того, в том и другом районах княжества существовали имения других крупных феодалов, как например, между реками Гумиста и Шыцкура – Дзапш-ипа, в с. Члоу–Ачба, Джгерды– Маршания и т. д. Вместе с тем здесь были и общинные угодия, а так же земли еще свободных, не прикрепленных к земле крестьян. Нельзя не считать справедливым следующее замечание автора «Краткого очерка политических событий в Абхазии и Самурзакани» по поводу тенденциозных претензий доверенных князя Г. Д. Шервашидзе: на территории между реками Гумиста и Кодор указанные лица «не признают других поземельных собственников, кроме этого последнего, устраняя право частной собственности не только низших сословий, но и тавадов и аамста, и относя сие не только до лесных и вообще невозделанных пространств, но и до усадебных, садовых и пахотных мест»[1].

Правда, «удельные» князья, как отмечалось, всемерно старались ликвидировать разницу между своими имениями и управляемыми ими округами, и наступление шло в этом направлении не

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1018, лл. 11–12.

без успеха, особенно в 50–60-х годах, что было характерным явлением. А владетель Абхазии М. Шервашидзе «весьма усердно заботился о создании для себя в Абхазии права собственности на всю территорию»[1].

Этот процесс является лишним доказательством того факта, что в лице указанных представителей князей Шервашидзе мы имеем крупнейших в Абхазии землевладельцев. В материалах той же Сухумской сословно-поземельной комиссии, вопреки ее выводам, содержится немало фактов, которые недвусмысленно свидетельствуют об этом и вообще о неоспоримом существовании и в Абхазии феодальной собственности на землю. Члены комиссии утверждали, что кроме предоставления административных должностей и административных доходов, представители фамилии Шервашидзе получали от владетелей наделы, пожалования. «Собственно пожалования так называемых имений состояли в предоставлении пользования доходами с подвластных и с ахоую, проживающих в данном селении. Однажды пожалованные доходы с имений не могли быть отнимаемы обратно, делались собственностью получившего оные наравне с доходами, полученными в наследство, или лично приобретенными. С пожалованием таким приобреталось и право собственности на те сады и пашни, кои принадлежали владетелю на общем праве, вместо пожалования доходов; земли эти делались собственностью владетельского родственника наравне с другими землями, которые он мог приобрести известными обычными путями. Кроме того, с поселением владетельского родственника в данном селении к нему переходила роль ахалапшую, т. е. общая покровительственная роль над селением, обязанности и права, сопряженные с сим положением»[2].

Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии П. Краевич в «Записке о результатах опроса депутатов от населения Сухумского отдела по предмету сословно-поземельных прав этого населения» приводил показания анхаю, «не сходствующие с заявлениями комиссии». «Анхае положительно заявляют, – писал он, – и заявление то подтвердили многими частными фактами, могущими

[1] Соображение к решению поземельного вопроса в Абхазии, л. 4 об.

[2] Краткий очерк политических событий в Абхазии и Самурзакани. ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1018, лл. 1–24.

служить признаками справедливости главного, факта, что Гассанбей и Дмитрий Шервашидзе не были простыми начальниками округа, которых владетель мог сменить во всякое время, не делая тем явного нарушения их права были наследственными правителями, так сказать удельными князьями в известной части Абхазии; в этой части они оба пользовались вполне всеми преимуществами владетельской власти, которыми пользовались владетели Сефер-бей и потомок Михаил по Бзыбскому округу...

Точно так же смотрят анхае и на права линии Бекаир-бея на Абжуйский округ, заявляя только, что права эти фактически ослабли после смерти Али-бея вследствие малолетства его сыновей и близкого вмешательства, которое имел владетель Михаил в дела Абживского округа. Что же касается до претензий, заявлявшихся прежде Григорием и заявляемых еще и теперь поверенными Георгия Шервашидзе на принадлежность им округов (Абжуйского и Сухумского. – Г. Д.), как частных имений, то анхае положительно считают эти притязания несправедливыми и ни на чем не основанными»[1].

Приведем также сообщаемые в цитированном выше «Кратком очерке политических событий в Абхазии...» факты, когда владетелями Абхазии делались пожалования отдельным феодалам, которые таким образом становились наследственными собственниками той или иной территории: Бекирбей Шервашидзе получил селения Квитаул и Атара, Александр Шервашидзе – селения Аацы и Тасраква и т. д. В материалах комиссии Евгения Понсэ мы находим сведения о том, что еще Келешбей Шервашидзе разделил между своими сыновьями огромную территорию: Сафарбею отдал имения в Бзыбской Абхазии, Гасанбею – с. Келасури, Махмедбею – на левом берегу р. Ингур, в Анаклии, а Баталбею и Теирбею – с. Мерхеул, которое после смерти его владельцев перешло к Гасанбею[2]. А. В. Пахомов этот раздел княжества представляет так: земли между реками Бзыбь и Шыцкуара, Кодор и Галидзга – Сафарбею (Георгию), избранному Келешбеем своим преемником, с местопребыванием в с. Лыхны: территория между реками Шыцкуара и Кодор – Гасанбею (вместе с младшими сыновьями Келешбея – Теирбеем, Баталбеем и Ростомбеем) с местопребыванием в с. Келасури; Самурзаканская Абхазия

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 30 об.

[2] Там же, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 76, лл. 180–198.

– Махмедбею, с местопребыванием в крепости Анаклии[1]. Владения таких князей напоминали сеньёрии позднесредневековой Грузии – сатавадо.

Мы здесь не касаемся фактов, связанных непосредственно с крестьянами, так как вопрос о земле, являющийся кардинальным, определяющим взаимоотношения между двумя классами феодального общества, будет подробно исследован в разделе о крестьянских категориях.

Другими, кроме Чачба (Шервашидзе), «старыми абхазскими родами» в Абхазии считались князья Ачба (Анчабадзе), Эмхаа (Эмухвари), Чаабалырхуа, Инал-ипа, Дзапш-ипа, Маршания, Чхотуа[2]. Ф. Ф. Торнау отмечал, что Дзапш-ипа после Шервашидзе «считаются старшими. Анчабадзе и Чабалурхуа – древнейшие фамилии Абхазии... Иналипы богаче других»[3].

Из этих фамилий в Самурзаканской Абхазии «удельными» князьями являлись представители фамилии Шервашидзе, считавшие себя отпрысками Куапа и начинавшие свое «владетельское» родословие от Мурзакана Шервашидзе, от имени которого, по преданию, произошло само название района. Но после смерти последнего представителя самурзаканского «владетельного» дома Дмитрия Шервашидзе в 1832 году и введения здесь русского приставского управления в 1840 году главенство оспаривалось между другими Шервашидзе, Анчабадзе, Эмухвари, Чхотуа. В Цебельде и Дале, как и в Псху, Ахчипсоу и Аибга, господствовали князья Маршания[4], где, однако» за главенство между ними также происходила борьба, причем в наиболее кровавой форме, чем в каком-либо другом месте края, что имело весьма трагические последствия для всего населения этих горных районов. О побережных садзских князьях уже было сказано в первой главе.

Ф. Ф. Торнау, стараясь установить взаимоотношения между владетелем и тавадскими фамилиями, писал: «Князья обязаны повиноваться одному владетелю, не платят никакой подати и не подлежат другому наказанию кроме пени. Они вправе владеть землею и иметь крестьян и рабов. Обязаны они собираться для защиты владетеля и в посещение дома их его угощать и ему делать подарок по состоянию. Угощение, делаемое владетелю, не есть прямая к нему обязанность; существующее здесь, как и между другими горцами, гостеприимство ее сделало таковою»[1].

[1] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29 лл. 188–189, 448.

[2] Соображение к решению поземельного вопроса в Абхазии, л. 5; Бар. Аш. Абхазия. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 103212, лл. 1–34.

[3] Торнау. Обычаи абхазского народа и разделение его на состояния. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 45240, лл. 38 об–39.

[4] Маршан – название княжеского рода и у ашхарцев.

4. Аамста (аамсҭа)

За княжескими родами следовали дворяне – аамста различных категорий, социальный облик которых, как и грузинских азнаури также определялся их происхождением, экономическим состоянием и служебным положением. Среди аамста высшее место занимали так называемые «чистые» или «настоящие» исконные дворяне[2]. А. П. Черепов из 11 дворянских фамилий, перечисленных им, только о трех писал, что они «считаются более старыми»: Званба, Маан и Лакрба[3].

Некоторые из дворян, имея личные заслуги перед владетелем и царским правительством, как отмечалось, занимал даже первенственное положение в княжестве. Такими при М. Шервашидзе являлись Кац и Хасан Маан (Маргания), из которых первый дослужился до чина генерала русской армии[4]. О последнем известно, что, будучи также в течение, долгого времени правой рукой владетеля, жил в недоступном своем с. Псырцха, «окруженный всегда многочисленною вооруженною свитою»[5]. Он был ревностным исполнителем владетельских «велений самого мрачного свойства. Голова каждого из подданных его (владетеля. – Г. Д.) абхазцев знала, что она сидит крепко на плечах до тех пор, пока не вздумается владетелю, почему бы то ни было, снести ее оттуда. И проделывалось все это Гассаном Марганией с чрезвычайным искусством, быстро и без всякого шума. Пускались в ход кинжал и яд, и жертва, один раз об-

[1] Торнау. Обычаи абхазского народа и разделение его на состояния, л. 38.

[2] Они назывались еще «ахы-аамста» (ахы–голова).

[3] Черепов А. П. Указ. рук.

[4] Кац Маан умер в 1864 году в возрасте 100 лет.

[5] ЦГИАГ, ф. ОВД. д. 41, лл. 44–49.

реченная, никуда не могла укрыться от преследования»[1]. Видимо, к этой категории феодалов можно приравнять абазинских аамстаду (буквально – «большие аамста»).

Многочисленную группу составляли мелкие аамста, которые распадались на ряд категорий и в народе носили различные насмешливые наименования: «аамста-кятч»[2] и «акуац-аамста»[3], а иные носили и вовсе «позорные клички», вроде «хунцылаха»(ҳәынҵәылаха),т. е. застрявший в грязи, как прозвали Мсоуста Маргания из с. Гудава[4]. Некоторые дворяне были обязаны нести лишь личную, почетную службу у патрона. Большинство же из них находилось в прямой зависимости от князей и выполняло различные обязанности. Однако все они пользовались всеми правами в отношении владения крестьянами[5]. У абазин такие дворяне были известны также под названием аамста, но по своим функциям они, пожалуй, более приближались к абхазским ашнакума.

А.П. Черепов писал, что «по объяснению народа, аамыста суть владетельские слуги; обязанности их стояли в присмотре за сбруей, лошадьми, псарней; убирали покои, топали камины, таскали дрова, воду, сопутствовали владетелю в поездках и вообще исполняли различные поручения, сообразно способностям». Некоторые из них занимались ремеслом. При этом Черепов указывал на значительное увеличение и усиление «класса аамыста» в годы правления владетелей Абхазии Георгия и Дмитрия Шервашидзе, чему «подражали и старые роды», как Инал-ипа, возведя в это звание Фирсоу и Барас[6].

Вот как описывал И. К. Багратион-Мухранский обязанности дворян Маргания (Маан) и Званба, принадлежавших келасурскому князю Г. Д. Шервашидзе. Они находились «в полной зависимости от своего господина князя Георгия и обязаны отбывать ему повинности личной службой на войне, в свите и в виде домашней прислуги:

[1] Бороздин К. А. Указ. соч. – С. 221.

[2] «Аамста-кятч» – короткий (неполный) дворянин. Такими А. П. Черепов называл Фирсоу, Барас, Куланба.

[3] «Акуац-аамста» – садовый (лесной) дворянин. Такими Ф. Ф. Торнау называл Багба, Акиртаа и Цимбаи(?).

[4] (Введенский А. И.). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина..., – С. 23.

[5] ЦГИАГ, ф. 416 оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 1.

[6] Чрепов А.П. Указ. рук.

они служили конюхами, моуравами, сборщиками податей, назначались для присмотра за работой крестьян, подавали помещику умываться и вообще прислуживали в доме. Кроме того, в случае вступления в брак удельного князя или его детей, каждый из них обязан был привести в дар лошадь, а на праздник св. пасхи лучшую корову из своего стада. Дары эти хотя и были обязательными, но считались почетными, потому что были сопряжены с званием княжеского дворянина»[1].

В этом отношении представляет несомненный интерес и сообщение А. В. Пахомова о социальном составе населения владений Г. Д. Шервашидзе. «Кроме удельного князя, – писал он, – в зависимости от него жили в округе на правах помещиков князья и княжеские дворяне..., крестьяне, принадлежащие помещикам, т. е. удельному князю в селениях, которыми он сам непосредственно владеет, князьям, подчиненным удельному князю, и княжеским дворянам ему принадлежащим; живут также рабы..., которые принадлежат князьям, дворянам и даже крестьянам»[2].

Карганов в «Сведениях о взаимных отношениях цебельдинского населения», составленных летом 1866 года, отмечал, что «почетные дворяне» пользовались от князя особым уважением; принимали участие в его делах; за отсутствием князя встречали и угощали гостей на его счет и посылались доверенными лицами в суд. Молодые же дворяне обязаны были князю седлать лошадь, держать за стремя, составлять его конвой, прислуживать ему и его гостям; смотря по личным заслугам, они получали от князя вознаграждение. При выходе дочери дворянина замуж жених делал подарок князю, который в свою очередь должен был одарить жениха «лучшими подарками»[3].

В одном документе характера инструкции, относящемся к 60-м годам XIX века, также сообщается, что князья и дворяне «не землевладельцы, живущие со своими подвластными крестьянами на помещичьей земле..., употреблялись владельцами для разных посылок, сопровождали их в поездках, служили за столом и неизбежно толпились в его доме, подвластных же таким лицам жителей владе-

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп.3, 1863 г. д. 180, лл. 2-3.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1870 г., д. 36, л. 17.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1012, л. 18.

лец имел право приглашать... на свои полевые работы»[1]. Это «приглашение» в действительности являлось самой настоящей барщиной. Вместе с тем экономически стесненный помещик (патрон) очень часто облагал оброком крестьян своих дворян, как это было, например, с некоторыми крестьянами драндских Званба[2]. Кроме того, имелись дворяне, которые были лишены всякого имущества и ютились в домах более состоятельных феодалов в качестве асасов, т. е. «гостей».

5. Экономическая сила феодальной аристократии

Экономическая сила абхазской феодальной аристократии в известной мере характеризуется данными, относящимися к имениям членов владетельного дома и некоторых других феодалов. И здесь, как уже отмечалось, укрепление экономической власти помещиков определялось феодальной собственностью на землю, хотя, однако, она еще не достигла высокого развития. Не товарное, а натуральное хозяйство было экономической основой феодального режима.

Прежде всего остановимся на владетеле Абхазии Келешбее Манучаровиче Шервашидзе (Чачба), крупнейшем абхазском феодале конца XVIII и начала XIX века. Предварительно заметим, что вообще владетельные князья здесь, как и в других местах, были не только носителями «верховной власти», но и собственниками своих имений – доменов. Келешбей владел непосредственно значительным количеством земель и крестьян, которых незадолго до своей смерти разделил между своими многочисленными сыновьями. Он перенес старинную резиденцию княжества из Лыхны в Сухум. Здесь, внутри мощной крепости, стоял обширный трехэтажный деревянный княжеский дом с каменным основанием, а вокруг были разбросаны здания хозяйственного и военного значения[3]. Келешбей вел обширную торговлю, в том числе торговлю рабами (пленниками). Современный историк Н. Дадиани подчеркивал, что Келешбей «был очень богат»[4]. По сообщению С. Броневского,

[1] Там же, 1873 г., д. 403, л. 3.

[2] Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и рода князей Шервашидзе. ЦГИА, ф. 1110, оп. I. д. 15, лл. 1–103.

[3] План Сухумской крепости 1812 года см. в работе Г.А. Дзидзария «Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века». Сухуми, 1940. – С. 26.

[4] Дадиани Н. История Грузии. СМОМПК, в. 3, 1903. – С. 80.

в Сухуме «зажиточные люди» употребляли кофе, варенье, ликеры и вино, в том числе привозное; при этом подчеркивалось, что эти «черты роскоши» принадлежат турецким, купцам, Келешбею и другим абхазским феодалам[1]. По данным того же Броневского, владетель держал до 10 тыс. вооруженных людей[2], – очевидно, обычно собиравшееся эпизодически ополчение, а также имел небольшую военную флотилию[3], состоявшую из «некоторого числа хорошо вооруженных галер»[4]. Лейтенант Скирневский, посетивший Сухум в начале 1807 года, заметил, что на углах крепости стояло 16 медных и чугунных пушек[5].

Далее обратимся к сведениям директора ботанического сада и профессора Ришельевского лицея в Одессе А. Н. Нордмана (1836). В статье «Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю»[6] мы находим статистические данные «о населенности Абхазии, с наименованием всех деревень, с обозначением дворов каждой деревни и показанием фамилий помещиков» по Бзыбскому, Абхазскому (Сухумскому), Аб- жуйскому и Цебельдинскому округам, а также «Джигетской области». Причем таблица состоит из трех граф: «название деревень», «число дворов» и «кому принадлежит». Под этими графами по указанным округам перечислены 142 деревни, 7.852 двора и около 60 феодалов.

Отдельные князья и дворяне владели значительным количеством крестьянских дворов. Сведения Нордмана, конечно, самые приблизительные, а в отдельных случаях они, видимо, ошибочные, тем более, что автор то или иное село или даже район отождествлял с имениями феодалов, живших в нем. Во всяком случае, мы их приведем. Князьям Шервашидзе (Чачба) принадлежали: в Бзыбском округе – 751 двор, в Сухумском – 510 дворов, в Абжуйском – 455 дворов и в Самурзаканской Абхазии они являлись основными владельцами земель и крестьян; в Бзыбском округе за князьями

[1] Броневский С. Указ. соч. – С. 346.

[2] Там же. – С. 347.

[3] Предписание гр. И. Ф. Паскевича ген. К. Ф. Гессе от 28 марта 1830 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1829 г.. д. 6234, лл. 57–70.

[4] Бар. Аш. Военно-статистическое обозрение... ЦГВИА, ф. ВУА, д. 103212, лл. 1–34.

[5] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18490, лл. 1-4.

[6] «Журнал Министерства народного просвещения», ноябрь 1838. – С. 404–428.

Инал-ипа Нордман отмечал 465 дворов, за дворянами Маргания (Маан) – 525 дворов и за дворянами Лакрба – 470 дворов; в Абжуйском округе за князьями Анчабадзе (Ачба) – 425 дворов, а по поводу Цебельды, где, по его данным, было 1.255 дворов, «большая часть селений... принадлежит князьям Маршани». В прибрежной Джигетии («Джигетской области»), которую Нордман делит на округа: Цандрипш, Геч и Ясхрипш, он считал 1.165 дворов; в Цандрипше «первейшими и значительнейшими» являлись князья Цанба, в Геч – князья Гечба, в Ясхрипше – князья Ардба.

Вдоль по течению р. Псоу, на отлогостях скатах и террасах одного из отрогов горы Хупха было расположено село (ныне Веселое), в котором жил богатый князь Рашит Гечба. Он имел большой табун «прекрасных лошадей», для улучшения породы которых выписывал производителей из Кабарды[1]. В 1870 году здесь еще существовал дом названного князя[2]. В верховьях р. Хашупса было расположено небольшое общество – село Хышвха (Хышәҳа), в котором в 1838 году имелось до 200 крестьянских дымов, принадлежавших князьям Анчабадзе (Ачба)[3]. Псхувский князь Пшемако Маршания в 1840 году имел 100 дворов крестьян и дворян[4].

По официальной описи имущества[5] владетелю Абхазии М. Шервашидзе (Чачба) принадлежало 283.806 десят. земли, 1.613 крестьянских дворов или 5.048 душ, разбросанных в различных частях княжества[6]. Согласно сообщениям Сухумской сословно-поземельной комиссии и комиссии генерала Евг. Понсэ[1], владетель в своих «частных» или «родовых» имениях только с 1.243 крестьянских дворов получал в год: 1.620 голов скота, около 480 пудов кукурузы, свыше 140 ароб кормовой кукурузной чалы, 4.584 барщинных дней. «Подвластные» же поля и сады, например, в южной части Абхазии давали ему: 576 пудов кукурузы и проса, 1.800 ведер вина, около 120 пудов ореховых плодов[2].

Общая сумма всех доходов владетельного дома, согласно указанной выше официальной описи, определялась в 43.594 рубля в год, а по предположению одного из бывших управляющих имениями владетеля – 50-60 тыс. руб. сер.[3]

Главные резиденции (аҳҭны) находились: зимняя в с. Лыхны, летняя – в м. Очемчиры. В первом имелись 4 каменных двухэтажных дома, 13 деревянных флигелей, 11 конюшен и сараев, деревянный погреб, где было зарыто до 200 кувшинов (25-ведерных) вина, каменная церковь[4], водяная мельница[5] и другие хозяйственные постройки; во втором–большой двухэтажный дворец, 3 двухэтажных дома, церковь, флигеля, сакли, конюшни, псарни, много торговых лавок. Кроме того, в м. Гудауты стояли большой деревянный двухэтажный дом и 5 деревянных флигелей, в с. Акуаскя – 2 двухэтажных дома и несколько хозяйственных построек[6]. Только

---

[1] Отчет комиссии по исследованию земель между реками Туапсе и Бзыбь. ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 15.

[2] Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874. – С. 73.

[3] Рапорт М. М. Ольшевского И. Н. Раевскому от 10 марта 1838 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д 6411, лл. 2–4.

[4] Рап. Е. А. Головина А. И. Чернышевскому от 30 мая 1840 г. ЦГВИА, ф. ВУА. 1840 г., д. 6381, лл. 42-45.

[5] Наследники кн. М. Шервашидзе оспаривали эту опись, как преуменьшенную. Они доказывали также, что отмеченные богатства принадлежали всем членам абхазского владетельного дома, «коим владетель лишь заведывал, как глава дома, как бы на правах майоратных, но кои отнюдь не составляли его личной собственности» (Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. Венден. – С. 89).

[6] В Бзыбской Абхазии: селения Лыхны (385 дворов), Лдзаа, Цара или Ряпшь, Отхара, Папцпа, Чугурхва, Сынурхва, Звандрипш, Акуаскямца, Джирхва, Дурипш, Ачандара, Аркуа, Арюта, Эбырныха, Куланурхва, Тасраква, Мцара, Аацы, Анухва, м. Гудаута; в Абжуйской Абхазии: селения Ткварчели, Падгу, Ешкыт, Джал, Акуаскя, Баслаху, Тхина, Хапав, Моква, Араду, Маркула, Ачааркыт, Очемчиры; в Самурзакано – с. Репи; Гума – в верховьях р. Басла (Беслетка). (Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах..., – С. 39–44; ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 258 261). По данным комиссии ген. Понсэ, владетель имел подвластных крестьян в 40 селах (ЦГИАГ, ф. 545, д. 246, лл 65–90). Кроме того, ему принадлежали громадные леса и богатейшие пастбищные места (например, Бзыбское ущелье; гиндзе-зцерский и репский леса; бзыбские, псхувские и джведи-сюкские пастбищные горы).

[1] Данные эти весьма приблизительные, вероятно, приуменьшенные. В перечне сел, где имелись владетельские крестьяне, нет много названий, а в перечне повинностей крестьян по ряду сел отсутствует зерно (кукуруза, пшено и пр.).

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3. 1873 г., д. 403, лл. 10–11.

[3] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря «Кавказ», 1866, № 72.

[4] Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах. – С. 42.

[5] Бар. Аш. Военно-статистическое обозрение...

[6] Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах. – С. 40.

3 дома, стоявших в м. Очемчиры, были оценены в 20.700 руб. серебром[1]. Княжеские лошади паслись в табунах[2]; владетель имел конский завод»[3].

Вот как описывал М. Селезнев в 1847 году лыхненскую резиденцию владетеля: каменный и деревянный дворец стояли на высоте, командующей над всем селом; перед ними лежал обширный зеленый луг, по сторонам которого шли отдельные дома служителей, а также древний храм. Сбоку двора прилегал сад; на зеленом лугу, перед дворцом, собирались толпы людей, приезжавших со всех концов княжества. За каменным забором следовала зеленая отлогость, кончавшаяся ручьем[4]; середину ее украшали своей тенью деревья, обвитые виноградными лозами[5].

Дюбуа, посетивший в 1833 году дом владетеля в с. Лыхны, о внутренней обстановке этого дома писал: «Внутри дом состоит из нескольких довольно больших комнат, с дощатым полом и просто отделанными стенами; комнаты меблированы громадными массивными диванами, покрытыми коврами, и несколькими стульями, в виде редкого исключения. Главное украшение составляет камин из голубоватого диорита довольно изящной турецкой работы»[6].

Мы имеем описание и очемчирского дома владетеля. Влево от базара, на довольно пространной площади, возвышался этот дом, выстроенный из каштановою дерева. Широкий балкон, украшенный кружевной резьбой, занимал уступами весь фасад здания, а сбоку к нему примыкала наружная лестница. На балконе толпились «нукера и прислуга княжеская»[7].

Вокруг владетельских дворцов и вдали от них были разбросаны дома крестьян, среди которых находились лица, ухаживавшие за княжеским скотом, заготавливавшие и доставлявшие во дворец

[1] ЦГИАГ, ф. 80, д. 123, л. 108.

[2] «Кавказ», 3 декабря 1852 г.

[3] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 76.

[4] Адзлагара (Азлагара).

[5] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 191–192.

[6] Дюбуа. Указ. соч. – С. 117.

[7] «Кавказ», 3 декабря 1852 г., № 76.

Чертежи указанного дома и флигеля, снятые с натуры в «августе 1867 года, хранятся в Центральном Государственном историческом архиве Грузинской ССР (ф. 545, д. 307, лл. 99–100).

дрова, приготавливавшие вино (например, в с. Акуаскямца[1] –крестьяне Амаба); были плотники, кузнецы, слесари и пр. Непосредственно ко дворцу прилегали усадьбы ашнакума, являвшихся телохранителями, некоторые из них, кроме того, выполняли различные обязанности по хозяйству и административному управлению.

В доме владетеля никогда не переводились гости, на содержание которых, а также на различные подарки[2] уходили громадные средства.

Много средств и времени тратил владетель также на охоту, служившую для него излюбленным времяпровождением. Он имел ряд «охотничьих мест», как например, гиндзе-эцерский лес, где М. Шервашидзе один мог вести охоту. Владетель содержал огромное количество охотничьих собак, которых кормили мясом и мясным отваром. Княжеская охота большой тяжестью ложилась на крестьян, обязанных содержать охотничьих собак и соколов и, сопровождая владетеля, терять много времени и отрываться от своих работ. Кроме того, во время охоты сплошь и рядом уничтожались крестьянские посевы и т. д. Между прочим, противники владетеля еще в 1832 году открыто обвиняли его в том, что он, «не делая никаких разбирательств в приносимых ему жалобах, проводит время в забавах, как-то: в перепелиной и псовой охоте...». Кстати, тогда владетеля обвиняли еще в аморальности: «Своим сладострастным поведением навлекает позор на всех своих подданных, ибо соблазняет их жен и дочерей, хотя ему должно быть известно, сколь нетерпимы подобные дела у всех горских народов...»[3].

Владения другого крупнейшего абхазского помещика Дмитрия (Сеитбея) Гасанбеевича Шервашидзе были расположены на значительной части современных Сухумского и Гульрипшского районов. Эти владения и вся та территория, которую келасурские Шерва-

[1] В селах Акуаскямца и Звандрипш были расположены владетельские виноградники и винные погреба; здесь имелся замечательный сорт винограда амлаху, дающий розово-золотистого цвета шипучее вино (А. И. Введенский. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 23).

[2] Небезынтересно заметить, что летом 1838 года мать владетеля Абхазии кн. Тамара Шервашидзе в подарок царским войскам, стоявшим в Абхазии, послала 30 голов рогатого скота и 60 ведер водки, за что ей была объявлена благодарность Николая I (ЦГВИА, ф. 38, оп. 20/286, 1838 г. л. 192, ..1-2).

[3] ЦГИАГ, ф. ОВД. 1813 г., д. 34, л.2.

шидзе считали своим наследственным «уделом», по официальному царскому административному делению края известная под названием Сухумского (Абхазского) округа, а до этого Гумской Абхазии, распространялась почти от р. Шыцкура (западнее р. Гумиста) до р. Кодор и от берега моря до цебельдинского нагорья. На этой территории, площадью не менее 25 тыс. десятин с 23 селами[1], по данным 1857 года, проживало около 5 тыс. крестьян. Почти во всех княжеских селах сидели управляющие (моуравы)[2], а при князе находился управляющий всеми имениями. На холме, над бегущей к морю рекой Келасури, где находилась «главная усадьба», возвышался большой белый княжеский дом с восток-ными балконами. В с. Мерхеул стоял другой двухэтажный дом, а с. Парнаут являлось летним местопребыванием Гасанбея и Дмитрия Шервашидзе; здесь был разведен сад и поселено несколько крестьянских семейств. На р. Басла стояла мельница, в Сухуме и Келасури имелись лавки[3].

Дюбуа, сделавший визит князю Гасанбею и посетивший его резиденцию в Келасури, так говорит о келасурском доме князя: купы белой шелковицы, плакучих ив, каштаны, яблони, сливы, фиговые деревья и т. д. были рассеяны в беспорядке то там, то здесь. Ворота ограды из толстых неотесанных бревен защищали подступ к дому, довольно обширному и выстроенному целиком из дуба и ясеня. Часть нижнего помещения была совершенно открытой; остальная часть служила конюшней; несколько дверей вели в маленькие отгороженные помещения, которые предназначались также для лошадей. Галерея первого этажа выступала вдоль всего фасада дома. Здесь находилось человек пятнадцать слуг и вассалов князя, вооруженных с головы до ног.

Обстановка приемной князя состояла из двух громадных кроватей или диванов, покрытых коврами, украшенными рисунками. На стенах из букового неотделанного дерева были развешаны всевозможные виды оружия – «роскошь и гордость» князя. Гасанбей

[1] Гумиста, Ачадара, Яштхуа, Гума, Бырцха, Абжаква, Амхял, Келасури, Айбухца, Багбаран, Мерхеул, Герзаул, Кацигыларта, Парнаут, Гульрипш с поселком Цамбейкуара, Пшал, Ауарча, Допукыт, Дранда (Цкыбын) и др.

[2] В качестве таких управляющих иногда ставились представители высших сословий; Д. Шервашидзе часть доходов со своих крестьян отдавал им вместо жалованья.

[3] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 253, лл. 95–105; «Кавказ». 1852, № 72.

имел саблю, полученную от отца, которую он оценивал в 10 тыс. рублей – «доходы целой губернии». Одежда князя состояла из шелкового полукафтана, заправленного в узкие брюки из коричневого сукна; штрипки красного сафьяна подхватывали его сапоги из коричневого сафьяна, поверх них были надеты красные сафьяновые туфли. Его черкеска была желтовато-зеленого цвета; крышечки гильз для патронов – серебряные; на поясе у него был привешен прекрасный пистолет, украшенный серебряной резьбой[1].

Вот еще другое описание келасурского дома Гасанбея, принадлежащее перу Торнау и во многом совпадающее с предыдущим. «Его (Гасанбея. – Г. Д.) рубленый деревянный дом, имеющий вид четвероугольной башни, стоял на высоких каменных столбах. Крытая галерея, охватывающая весь дом, на которую вела узкая и чрезвычайно крутая лестница, облегчала его оборону. Двор был окружен высоким палисадом с бойницами, в котором открывалась тесная калитка, способная пропустить одного человека или одну лошадь... Против его дома над самым морем находился длинный ряд деревянных лавочек... Келасурские торговцы невозбранно продолжали продавать табак, рахат-лукум и бумажные материи...»[2].

До Крымской войны одних кобыл у Д. Г. Шервашидзе было около 150 голов; имелось также огромное количество буйволов, коров, баранов. Скота этого «так было много», замечал Д. В. Пахомов, что до указанной войны никто не мог сеять ни кукурузы, ни проса на низких местах по берегу моря, и крестьяне вынуждены были обрабатывать себе землю на горе. Тот же Пахомов сообщал, что место около р. Адзапш (Гнилушка), в с. Гумиста – «удобное убежище от ветров и холоду», служило специально для зимнего помещения буйволов[3].

Общий доход кн. Д. Г. Шервашидзе в 1857 году равнялся 50 тыс. рублям: причем сюда не входили «разные мелкие случайные доходы», получавшиеся большей частью натурой. В числе предметов, с которых была получена указанная сумма доходов, значилось: 33.000 пудов вина, ореховых плодов, кукурузы, проса, сена и лаврового листа; 480 коров, коз и баранов[4]. В доме Д. Г. Шервашидзе

[1] Дюбуа. Указ. соч. – С. 138–140.

[2] Торнау. Указ соч., ч. 1. – С. 23–24.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1808 г., д. 29, лл. 472 473.

[4] Там же, лл. 392–393 об.

также никогда не переводились гости. А. В. Пахомов свидетельствовал, что у князя редко бывало менее 60 чел. гостей, да столько же его свиты. Шервашидзе получал вина до 3 тыс. ведер, кукурузы и проса около 10 тыс. пудов, и все это почти «расходовалось на домашнее употребление, угощение гостей»[1]. «Вследствие громадного стечения разных абхазских гостей» в доме указанного помещика «требовалось много скота», – писал Пахомов[2].

По официальным данным 60-х годов, брат владетеля Александр Шервашидзе с 323 дымов крестьян анхаю[3] получал в год: около 300 голов скота, свыше 200 кур, около 200 пудов кукурузы, 232 ведра вина, 684 барщинных дня (из них 228 дней работы со скотом). Доход с полей выражался: зерна – 1.950 пудов и сена–2.600 пудов; доход с садов: вина (с 1.425 лоз) – более 700 ведер; орехов (с 150 деревьев) – до 150 корзин (акалат)[4]. Кроме того, А. Шервашидзе имел доход от продажи самшита из ущелья р. Аапста, получал абадж в пределах сел Аацы и Тасраква, а также ему уделялась часть владетельского айбар, что в среднем в год составляло 2.300–4.050 руб.[5] «Все припасы – мясо, кукуруза, просо, вино, сено и проч. – по обычаю старины шли на продовольствие семейства и гостей. В особенности кн. Александр, как брат владетеля и окружной начальник, обязан был принимать множество гостей – абхазцев и приезжающих из соседних обществ»[6].

По тем же данным, вдова абжуйского князя Алибея Шервашидзе Кесариа со своих имений, находившихся в «пожизненном пользовании», имела доход: от 70 дымов анхаю и 2 ахоую – 50 коз и 128 барщинных дней (41 дым со скотом), с пахотных полей – 942 пуда кукурузы, 77 пудов лобио и других бобовых культур; ажидз – 125 голов скота, орехов – 235 пудов[7].

На берегу р. Бзыбь находилось многолюдное село Аджепхуны, в котором жили Инал-ипа, считавшиеся после владетеля «самыми

[1] Там же, лл. 388, 390.

[2] Пахомов А. В. Исторические записки по истории Абхазии и рода кн. Шервашидзе.

[3] ЦИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 188, лл. 3-37.
Кроме того, кн. А. Шервашидзе имел 5 семейств крепостных крестьян ахоую.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, л. 8.

[5] ЦГИАГ, ф. 545. оп. 1, (кн. 1). 1864 г., д. 76, лл. 180–198.

[6] Там же.

[7] Там же, ф. 416, оп. 3. 1873 г. д. 403, л. 9.

богатыми и сильными князьями в Абхазии». Сюда из Бамбор шла «весьма удобная дорога». Население этого района имело «постоянные сношения с приморскими, одноплеменными с ним, джигетами» (садзами)[1].

В с. Анухва жил дворянин Мканба. Он имел рубленый деревянный дом и «слыл очень богатым человеком». Дом был в два этажа, с окнами, затянутыми пузырем, между которым кое-где проглядывало небольшое стеклышко[2].

Дом известного абхазского феодала и генерала царской армии Каца Маан (Маргания), стоявший в с. Джирхва, в 1859 году посетил русский офицер С. Смоленский, который дал описание его двора. Двор находился на скате полугорья; среди двора, на самом видном месте, стоял дом в два яруса: в нижнем помещались прислуга и конюшня, в верхнем жил сам Кац и часть его семейства. Некоторые из сыновей и внуков старика Каца жили в том же дворе, в отдельных бревенчатых саклях с небольшими окнами со стеклами. При входе Смоленского в комнату хозяин и гости пили чай из блюдечек и стаканов русского и турецкого изделий; они сидели на диванах и табуретах[3].

В 20 верстах от Сухума, недалеко от правого берега р. Кодор, на последнем возвышении, где горы сходят к плоскости в с. Кацигыларта, было расположено имение князя Ростома Маршания, вокруг которого рос великолепный девственный лес из колоссальных каштанов и дубов. Наверху одной из отлогих террас, на очищенном от дремучего леса месте, стояли деревянные дома князя. Здесь летом 1865 года его посетил известный исследователь Кавказа Г. И. Радде. Вокруг были разбросаны и разделялись обрывами кукурузные поля крестьян; в глубоких лужах, глинистая вода которых постоянно возобновлялась, отдыхало с полдюжины жирных буйволов. В ожидании князя с гостями собралась большая часть его крестьян. Вся прислуга находилась возле своего господина, делавшего разные распоряжения. За ним следовало восемь человек и каждый из них нес «особенную службу»: один приготовлял постель, другой

[1] Торнау Ф.Ф. Указ. соч., ч. I. – С. 42-43.

[2] Там же. – С. 80.

[3] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», № 10, 1872. – С. 326.

смотрел за лошадью, третий разводил огонь, четвертый подавал оружие и т. д. Даже нашелся своеобраз-ный придворный шут – рыжий с остроконечной бородой и весьма хитрым лицом маленький человек[1].

В 1850 году супруга владетеля Абхазии была по приглашению в гостях у князя Тлапса Инал-ипа в с. Мазихва. Жена Тлапса усыновила по обычаю владетельницу, и по этому случаю князь Инал-ипа подарил последней 3 тыс. рублей деньгами, 12 лошадей и 4 дыма крестьян. При таком же случае усыновления в 1862 году князь Титу Инал-ипа подарил сыну владетеля кн. Георгию Шервашидзе 16 лошадей, 3 серебряных седла и 4 семейства крестьян в с. Калдахвара[2].

До нас дошел документ, составленный летом 1866 года, под названием «Сведения о численности гагринского поселения и имеющемся у них движимом имуществе», согласно которому: князь Якуб Цанба владел 220 крестьянами и 1.871 головой скота, князь Састынгаз Анчабадзе – 183 крестьянами и 820 головами скота, князь Еслам Цанба – 104 крестьянами и 492 головами скота; князь Эдирбей Цанба – 99 крестьянами и 780 головами скота[3]. Летом 1866 года в горных пастбищах паслось 60 лошадей, принадлежавших цебельдинскому князю Ширинбею Маршания[4]. Дворянин Ислам Варкалая в 60-х годах построил церковь в с. Члоу, затратив 900 рублей[5].

Господство натуральной ренты и весьма ограниченная денежная рента характеризовали всю отсталость абхазского помещичьего хозяйства. Собственное помещичье хозяйство в Абхазии не носило крупного характера, барская запашка была незначительной. Даже в имениях владетеля Абхазии «собственные запашки» производились «в самых небольших размерах, единственно для удовлетворения потребности самого дома князя Михаила Шервашидзе[6]. Другой крупнейший абхазский помещик Д. Г. Шервашидзе под собственную господскую запашку занимал лишь около 100–120 десят. Он, «как и большая часть крупных землевладельцев Закавказского края, – писал А. В. Пахомов, – получая натурой подати с своих подвластных, почти не имеет надобности иметь своейсобственной запашки»[1].

[1] Радде Г. И. Указ, соч. – С 22.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3,1866 г.. д. 1014, л. 42 об.

[3] Там же, ф. 545, оп. 1. (кн. 2), 1866 г, д. 2784. л. 87.

[4] ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 740, л. 192.

[5] «Кавказ», 1870, № 43.

[6] Рапорт командующего войсками к Абхазии полк. Коньяра кутаисскому генерал-губернатору от 18 января 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 142–143.

Но это нисколько не противоречило феодальным отношениям и лишь еще раз подтверждало известное положение К. Маркса о том, что «могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»[2]. Понятно, что в этих условиях первостепенное значение, и экономическое и политическое, получала земельная собственность, т. е. прежде всего земля, обрабатываемая крестьянами; особую важность поэтому приобретала борьба за эту землю и за крестьян.

Праздно проводившие время князья и дворяне ничем не обременяли себя. «Можно смело сказать, – писал А. И. Введенский, что у тавадов и амиста не существует рабочих дней, если не считать, конечно, таковыми дни, когда кто-нибудь из них отправляется на воровство»[3].

Некоторые церкви также являлись крупными феодальными землевладельцами, влиятельные представители которых входили в состав господствующего класса. К сожалению, для характеристики хозяйства церквей мы еще больше ограничены материалами. В архивах Сухумской сословно-поземельной комиссии можно найти свидетельство о том, что, например, «вся илорская земля (между реками Галидзга и Адзиква. – Г. Д.) принадлежит церкви» Илори[4]. Известно также, что этой церкви в Хони и Кухи (Кутаисская губерния) принадлежало 118 крестьянских семейств, обложенных податями. В пользовании крестьян состояли церковные земли под усадьбами, садами, пахотой, сенокосами и под лесом–358 десят.[5] В тех же

[1] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1; .1868 г., д. 29, л. 386.

[2] Маркс К. Капитал, т. 1. Госполитиздат, 1952. – С. 722.

[3] (Введенский А. Н.).Экономическое положение туземного населения Сухумского округа. – С. 13

[4] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 103.

[5] В 1872 г. указанные крестьяне Илорской церкви поступили в казну и были обложены податями в казну. В компенсацию с отмеченного же времени Илорской церкви было назначено постоянное вознаграждение по 354 руб. в год. (ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 23, д. 167, л. 9).

материалах мы находим указание, что некоторые крестьяне жили на земле Пицундского храма и считались церковными[1], а также имелись дворяне, принадлежавшие тому же храму[2]. В с. Набакеви, по данным 1865 года, некоторые крестьяне работали на церковного старшину Чхикватия 4 дня и кн. Левана Шервашидзе 3 дня в год; кроме того, приносили по 1 руб. серебром и по 8 аршин белого холста[3].

Крестьяне нередко обращались за помощью к «покровительству» церкви. А. П. Черепов отмечал, что при нарушении владельцем обязательств, данных им крепостному, последний порой «уходит под покровительство церкви»[4]. Тот же Черепов приводил такой пример: когда крестьянин Дбар из с. Эм-хы убил своего владельца за посягательство на честь его жены, то он прибег к покровительству Лыхненской церкви[5]. Крестьяне Бранзе, вынужденные бежать из родного села, расположенного на берегу Ингура, также прибегли к покровительству Пицундского храма[6]. Дворяне с. Лдзаа Садзба указывали места для поселения лицам, прибегавшим к покровительству этого храма[7].

Капитан Энсгольм писал, что в Абхазии, Мегрелии и Гурии «многочисленное духовенство не упускает ни одного случая, дабы воспользоваться народным суеверием в собственную свою пользу, противится всему новому, хотя и полезному, ибо иное несообразно с личными выгодами оного»[8].

Административно-хозяйственным центром помещичьего хозяйства являлся дом помещика, известный под названием ахтны (ахтны), из которого помещик осуществлял управление хозяйством и эксплуатацию крестьян. Для управления хозяйством при дворе помещика, как правило, не существовало хозяйственно-административных должностей, чем организация помещичьего хозяйства отличалась от хозяйственной организации в имениях владетеля и отчасти «удельных» князей. Своим хозяйством руководил сам помещик. Это свидетельствует о небольшом размере данного хозяйства. Причем и здесь хозяйство хозяйству было рознь.

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 1–5.
[2] ЦГАА, ф. 57, оп. 2. 1870 г., д. 5, л. 103.
[3] ЦГИАГ. ф. 220, д. 877, лл. 42–49.
[4] Черепов А. П. Указ. рук.
[5] Там же.
[6] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., л. 5. л. 123 об.
[7] Там же, л. 103.
[8] Кап. Энсгольм. Указ. рук.

Имелись не только дворяне, но даже князья, которые в качестве нахлебников жили у более состоятельных феодалов под видом асасов (гостей). Правнуки некогда могущественного князя Бажы Чачба (Шервашидзе), жившего в с. Лыхны вблизи владетельной усадьбы, в 60-х годах жили в с. Отхара «в крайней бедности и унижении. Подвластные частью оставили их, видя их слабость, и перешли в подвластность владетеля»[1].

Что касается дворян, то наряду с такими могущественными из них как Каци Хасан Маан (Маргания), которые мало кому из князей уступали в чем-либо, было много второстепенных и бедных, по существу уступавших отдельным крестьянам из анхаю. Так, например, во время реформы в подвластности Барас (с. Калдахвара и с. Лдзаа) состояли только 10 дымов анхаю, обязанных выкупом повинностей; Папба (с. Папцва) – 3 дыма; Хамида Садзба (с. Лдзаа) – 1 дым; Чугба (с. Чугурхва) «обеднели и часть их подвластных перешла» к владетелю Абхазии, Инал-ипа, Чабалурхва и Маргания, а к 1872 году они уже не имели ни одного анхаю[2]. А. В. Пахомов отмечал, что в с. Гульрипш жили подвластные кн. Шервашидзе дворяне Маргания, которые были «очень бедны» и существовали «милостями своих помещиков»[3]. Между тем другие мелкие дворяне, как Багба (с. Аацы), ко времени реформы имели 63 дыма подвластных крестьян из категории анхаю, держали также, конечно, ахоую и ахашвала; Блаб (с. Блабурхва) – 31 дым анхаю; Кулан (с. Куланурхва) – дыма, Цушба (с. Отхара) – 21 дым; Чрыгба (с. Яштхуа) – 19 дымов и т. д.[4]

При том положении, когда помещики владели одним или двумя крестьянскими дымами, а некоторые и вовсе не имели их, помещикам такого рода приходилось обращаться к наемному труду с целью обеспечения выполнения в хозяйстве всякого рода работы. Иногда же нанимали для выполнения определенных работ: для выпаса скота, разведения и обработки виноградников и пр. Здесь

[1] Приложение к рапорту ген. Понсэ от 2 июля 1866 г. ЦГИАГ, ф. 76, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., лл. 180–198.
[2] ЦГИАГ. ф. 231, оп. 2, д. 271. лл. 14. 25, 29. 82–83.
[3] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 15.
[4] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 271, лл. 11, 17, 52, 74. 112.

использование наемной рабочей силы вызывалось, главным образом, недостатком крепостных крестьян, а не выгодой наемного труда. В иных же, состоятельных хозяйствах, наблюдался другой, качественно отличный процесс, при котором происходило расширение и усложнение, во всяком случае, отдельных этих хозяйств, и использование в них наемной рабочей силы диктовалось выгодой этого вида труда, а не только недостатком крестьян.

В условиях развития товарно-денежных отношений наблюдалось стремление отдельных помещиков заменить натуральные повинности денежными. В этой же связи и с развитием земледелия росла ценность земли. Помещики все более проявляли стремление к расширению своих земельных владений. Они действовали в первую очередь по линии насильственных захватов. Князья и дворяне захватывали лесные массивы, общинные земли и пастбищно-сенокосные угодья; захватывали также земли и сады отдельных крестьян. Например, около 1865 года кн. Зосхан Инал-ипа в местности Цера (с. Лдзаа), «не имея там собственной своей земли, захватил поля и сады, принадлежавшие жителям сел. Лдзаа»[1]. Кроме того, отдельные помещики расширяли свои владения путем скупки земель, в том числе крестьянских. Сухумская сословно-поземельная комиссия собрала значительное количество данных по этому вопросу, которые будут приведены в разделе о крестьянстве[2].

Не менее характерным явлением была сдача помещиками земли в денежную аренду. А. В. Пахомов отмечал, что в имении Г. Д. Шервашидзе поля отдавались «внаймы некоторым вольнопромышленникам, которые за право обработки земли платят по десять рублей за лето»[3]. Сохранился и один договор («контракт»), заключенный между управляющим имением Г. Д. Шервашидзе Е. Туркия с сухумским жителем Н. Мачхаладзе 20 декабря 1869 года. В первом пункте этого договора указывалось, что последний нанимает в аренду в м. Келасури 5 десят. земли под посевы с платой за это в пользу помещика по 10 руб. сер. за каждую десятину[4]. Помещик Г. Д. Шервашидзе как-то жаловался, что ген. Гейман мешает ему отдавать земельные участки (расположенные вокруг г. Сухума) внаем даже на короткий срок[1].

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 180, лл. 271–277.
[2] ЦГАА, ф. 57, 1870 г., д. 5, лл. 184–194.
[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, л. 417.
[4] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1. 1866 г., д. 24. лл. 5–6.

Из сказанного, как основной вывод, подчеркнем факт несомненного существования феодальной собственности в Абхазии. Здесь, как во всякой другой феодальной стране, для феодального землевладения было характерно соединение собственности на землю с политическими правами в отношении феодально-зависимого населения. В феодальную эпоху «высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»[2], «политическое положение определялось размерами землевладения»[3]. Вместе с тем, наряду с феодальной собственностью на землю, в предреформенной Абхазии продолжало существовать в определенном виде общинное владение землей «как вымирающая форма владения»[4]. В своих владениях феодалы были верховными распорядителями земли. Общинные владения находились в их зависимости, и, по крайней мере в иззестных случаях, помещики получали феодальные повинности за пользование этими владениями.

6. Ашнакума (ашьнаҟәма)

Прежде чем перейти к конкретному исследованию непосредственных крестьянских категорий необходимо остановиться еще на ашнакума, переходном слое от высшей группы крестьянства к дворянству. Численность данной социальной категории была невелика: в 1865 году она достигала всего лишь 910 чел., а в 1869 году количество всех претендовавших на принадлежность к ашнакума равнялось около 1.800 чел.[5] Эта категория формировалась, главным образом, из верхушечного слоя абхазского крестьянства – анхаю, а также из выходцев из адыгских племен, Мегрелии и т.д.

Барон Аш и Ф. Ф. Торнау ашнакума называли сословием, «пользующимся правами дворянства»[6]. А. П. Черепов писал, что «все от-

[1] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, 1867 г., д. 253. л. 100 об.
[2] Маркс К. Капитал, т. I, 1952. – С. 339.
[3] Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения, т. II, 1955. – С. 304.
[4] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XVI, ч. II. – С. 388.
[5] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 107, лл. 44, 48-49; ССКГ, в. III, 1870. – С. 7.
[6] Бар. Аш. Абхазия; Торнау. Обычаи абхазского народа и разделение его на состояния, л. 39.

личие шинакм от аамыст состоит в цене за кровь»: если за убийство аамста плата равнялась 15 мальчиков, то за убийство ашнакума – 12[1]. Сухумская сословно-поземельная комиссия ашнакума также относила к «покровительственному элементу» населения[2]. Самурзаканские князья и дворяне в своем заявлении на имя начальника Самурзаканского округа майора Кишельского говорили, что ашнакума «пользуются званием дворянским»[3]. А. Иоакимов писал, что они составляли «отдельную касту, переходившую из рода в род»[4]. Владетель Абхазии выдавал грамоты отдельным лицам «на принадлежность» к сословию «ашнакума»[5], наделял их «земельными населенными участками, отобранными им у некоторых тавад и амиста»[6].

Вот как определяла указанная комиссия «сословное положение» ашнакума: они не имели всех прав тавадов и аамста, но «стояли значительно выше» анхаю; они владели землей и крестьянами, в том числе и анхаю, перешедшими в эту категорию из ахоую. Ашнакума состояли при владетелях Абхазии и некоторых других крупных князьях Шервашидзе[7]. Ашнакума, находившиеся в зависимости от владетелей, не могли быть в зависимости от других фамилий тавадов. Их обязанности заключались в прислуживании ему, надзоре за его домашним хозяйством, рубкой лесов и правильным взносом пошлин при вывозе лесных материалов, в приеме приезжавших к владетелю гостей, в сопровождении владетеля во всех его поездках. Вообще ашнакума как люди, составлявшие «как бы охранную стражу владетеля»[1] исполняли все его поручения[2]. Кроме того, патрон по отношению к ашнакума пользовался выморочным правом. Так, самурзаканский князь Леван Шервашидзе передал князю Балхуху Шервашидзе, жившему в с. Саберио, своих подвластных в Гвамгвердни (часть с. Саберио), доставшихся ему по смерти ашнакума Пацалия Гваджава «по выморочному праву»[3].

А. В. Пахомов, отличая ашнакума от анхаю, писал, что они не были обязаны сами пахать землю и приносить оброк козами, кукурузой и пр., а составляли домашнюю прислугу помещика: должны были смотреть за его лошадьми и оружием, ездить в его свите в качестве телохранителей, посылались с разными поручениями, бывали управляющими и вообще делали все, исключая черной работы. Кроме того, ашнакума обязаны были на полевые работы выводить своих подвластных крестьян и «наблюдать за тем, чтобы работа производилась как следует»[4].

За исполнение указанных обязанностей владетель, который вообще, желая «придать своему двору больше блеска и влияния», возвышал своих ашнакума, делал им подарки и отдавал часть повинностей от своих крестьян[5]. Ашнакума имели право жениться на дочерях дворян, владеть на одних с ними правах крестьянами и землей, почему некоторые авторы считали возможным приравнять их к «личным дворянам»[6], а Сухумская сословно-поземельная комиссия отмечала, что на ашнакума смотрели «как на лиц, стоящих выше прочего населения и равных амиста»[7]. Сами ашнакума во вре-

---

[1] Черепов А. П. Указ. рук.

[2] ССКГ, в. III, 1870. – С.7.

[3] ЦГИАГ, ф. 220, оп. 1, д. 877, л. 51.

[4] Иоакимов А. Абхазцы. «Кавказ», 26 апреля 1874 г., №47.

[5] ЦГИАГ, ф.545.д. 1389. лл. 3–5.

[6] Там же, ф. 231, оп. 1, д. 415, лл. 1–23.

[7] Некоторые современные авторы ошибочно утверждали, что будто владетель Абхазии один был вправе иметь ашнакума (См. Торнау «Обычаи абхазского народа и разделение его на состояния», л. 39; Ф. Завадский. Указ. соч. «Кавказ», 1867, № 59; «Краткое военно-историческое обозрение Абхазии» (ЦГВИА, ф. ВУА, 1843 г., д. 42–976, л. 5). А. Н. Дьячков-Тарасов их называл даже «дворцовой гвардией» (см. «Абхазия и Сухум в XIX столетии». – С. 138). В материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии мы встречаем сведения о том. что ашнакума имели, например, абжуйские и самурзаканскне князья (ЦГИАГ, ф. 231, оп.2, д.264, лл. 5-6), а в материалах А. В. Пахомова – целый ряд фамилий ашнакума в различных селах, принадлежавших кн. А. Г. Шервашидзе: Баалоу и Чрыгба (с. Яштхуа), Кучба и Кчи (с. Абжаква), Шакрылба (с. Бырцха), Ешба (с. Багбаран), Кокоскир (с. Мерхеул), Допуа (с. Ауарча) и др. Самурзаканские феодалы в заявлении от 3 марта 1865 года дают даже характеристику положения ашнакума в Самурзакано (ЦГИАГ, ф. 220, оп. 1, д. 877, лл. 51, 52 об). Известно и то, что в период подготовки крестьянской реформы из общего количества ашнакума 1800 душ владетельскими были признаны только 432 души – 16 фамилии, 94 семейства (ЦГИАГ, ф. 231, оп. 1, д. 415, л. 4).

[1] Об этом свидетельствует уже само слово «ашнакума», происходящее от грузинского «шинакма» – придворный.

[2] Из журнала заседания Сухумской сословно-поземельной комиссии от апреля 1874 г. ЦГАА, ф. 57, д. 7.

[3] Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии. – С. 23.

[4] Пахомов А. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, лл. 489–490 493–494.

[5] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 1, д. 415, лл. 1-23.

[6] Дьячков-Тарасов Д.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. – С. 183.

[7] ЦГИАГ, ф. 231, оп.1, д. 415, лл. 1-23.

мя крестьянской реформы всячески претендовали на дворянское достоинство. Но в этом отношении предпочтение было оказано преимущественно отдельным владетельским ашнакума, занимавшим более привилигерованное положение среди данного слоя. При этом определяющими моментами являлись: обладание известным числом «коренных» анхаю[1], пользование сбором ажидз за пастьбу скота, оказание покровительства приходившим к ним асасам[2].

Вообще же обязанности «покровителя» (ахылапшаю) к подвластному ему населению, по подписанию Сухумской сословно-поземелыюй комиссии, заключались: «В ограждении безопасности общины от набегов соседственных народов, что, в особенности, относилось до общин, обитавших поблизости границ..., а также в преследовании неприятеля, с целью возвратить награбленное им...; 2) В ограждении занимаемого общиной пространства, в видах пользования лесами и другими угодьями, не состоявшими в чьем-либо частном владении, главным образом для устройства зимних приютов для скота и для пастьбы его, а также для занятия под новые поселения и пашни; 3) В доставлении удовлетворения по делам кровом тения...; 4) В содействии к отысканию украденного...»[3].

Отметим также, что и среди ашнакума была определенная дифференциация. Выделялись отдельные лица, особенно приближенные к владетелю, и напротив, некоторые ашнакума в народе носили прозвище «голые ашнакума». Были и такие, которые не имели ни одного анхаю, а отдельные из них, как например, Рашит и Шахан IIIакрыл (с. Лыхны), потомки Шаугяна, имели 5 дымов анхаю, другие Шакрыл – 1 дым[4]; Баалоу (Яштхуа) –4 дыма[5], бедийские ашнакума в одно время имели даже около 80 дымов анхаю[6].

Абхазские ашнакума коренным образом отличались от грузинских шинакма, хотя корень обоих слов один и тот же: последние составляли самую низшую категорию крепостных крестьян, хотя они очень напоминали шинаква Мегрелии, не составлявших там, однако, отдельного сословия.

1 Ашнакума, по утверждению Сухумской сословно-поземельной комиссии, вообще «имели возможность владеть анхаями» (ЦГИАГ, ф. 231, оп. 1, д. 415, лл. 1–23).

2 ЦГАА. ф. 57. д. 7, лл. 19–22.

3 Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии, лл. 45–45 об.

4 ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 271, лл. 96 об–97, 115.

5 Там же, л. 19 об.

6 ЦГАА, ф. 57, оп. 2, д. 5, л. 179.

II. Крестьяне

Феодалы, составлявшие определенный процент населения Абхазии, обычно, как уже отмечалось, не занимались сами хозяйством в сколько-нибудь больших размерах и, ведя праздный образ жизни, обеспечивали свои потребности за счет эксплуатации крестьянской массы.

Еще в 1817 году русский офицер Энсгольм писал: «Несоразмерное число дворянства противу народонаселения сих владений (Имеретии, Мегрелии и Абхазии. – Г. Д.), не находящего в бедности своей способов к удовлетворению возникающей роскоши, гордость оного, не позволяющая оному помышлять о способах к удовлетворению оной посредством собственного трудолюбия, либо промышленностью, но заставляющая его в праздности всего ожидать от своего поселянина, – либо удовлетвориться на счет слабейшего своего соседа, – производит главные источники народного бедствия. Сей со своей стороны, будучи лишенный всех прав гражданина,... невольник своего господина...»[1].

К. Чернышев рекомендовал «отличать жизнь абхазца по различию его состояния», ибо, писал он, «князь или богатый дворянин действительно проводит жизнь среди лени и бездействия; простолюдин же работает, и если он, не взирая на труды свои, остается беден, то это проистекает не от лени, а из отношений бедного, низшего класса к высшему, который грабит, разоряет его...»[2].

А. В. Пахомов заявлял, что помещик Г. Д. Шервашидзе «не будет давать даром земли ассасам из сословия тавад, аамыста и шинагм, так как эти люди сами не работают, пользуются только чужим трудом и, вследствие своего постоянного тунеядства, только волнуют народ и занимаются воровством»[3]. Говоря о первых последствиях

1 Кап. Энсгольм. Указ. рук.

2 Чернышев К. Еще об Абхазии. «Кавказ», 1854, № 82.

3 Пахомов А. В. Исторические записки по истории Абхазии...

упразднения феодального владетельства в Абхазии, Пахомов подчеркивал, что здесь раньше «никто... не мог ручаться за то, что может с ним случиться завтра... Крестьяне же были в более худшем положении. Каждый почти имел право их грабить и даже убивать, платя только небольшой штраф, и на них же лежала обязанность кормить своих господ, дворян и князей...»[1].

Крестьяне по своей подчиненности делились на владетельских; на крестьян, находившихся в зависимости от князей, дворян и ашнакума; были крестьяне, считавшиеся частично церковными, а также зависимые и от наиболее богатых крестьян.

Основными же категориями крестьян в феодальной Абхаззии XIX века являлись анхаю, ахоую и ахашвала. Другими прослойками зависимого сельского населения были амцуразку и азаты, являвшиеся второстепенными по количеству, устойчивости и значимости. Вместе с тем, как уже отмечалось, крестьяне перечисленных категорий, в свою очередь, делились на отдельные группы по характеру отношения к средствам производства, типу эксплуатации, по своему имущественному и правовому положению.

В работе будут выяснены условия развития той или иной крестьянской категории, отличие ее от других категорий, права владельцев по отношению к каждой категории, удельный вес каждой из них в общей массе крестьянства, дифференциация и классовая борьба крестьян с помещиками и т. д.

Тем самым будет очевидна несостоятельность положения тех авторов, которые отдельные категории эксплуатируемых производителей различают не с точки зрения их политических и экономических прав, не отношением тех или иных людей к средствам производства, а характером выполняемой ими работы у своего господина.

Анализ положения различных прослоек сельского трудового населения, на каковые оно делилось по своему правово-экономическому положению, даст возможность выяснить и уровень развития феодализма в Абхазии.

Таким образом, будет изучено в целом положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношения, вытекающие из формы собственности на средства производства. Такое изучение вопроса само по себе очень важно для правильного понимания экономики феодализма в Абхазии рассматриваемого периода.

[1] Его же. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 84–85.

Преобладающую массу крестьянства, а следовательно и всего населения Абхазии, составляли анхаю, которыми мы и начинаем свое исследование крестьянских категорий Абхазии в первой половине XIX века и в предреформенный период.

1. Анхаю (анхаԥы)

Численность крестьян анхаю, составлявших ядро абхазского народа, по выражению А. П. Черепова, – «соль земли абхазской»[1], согласно данным Сухумской сословно-поземельной комиссии, равнялись около 47.000 чел. (9.000 дымов) из примерно, 65.000 чел. населения Абхазии (Сухумского отдела) в тот период, т. е. в конце 60-х годов XIX века[2]. В Цебельде летом 1866 года, т. е. до махаджирства, из 10.345 душ всего населения анхаю составляли 7.809 человек[3]. Возьмем некоторые отдельные села. В конце 60-х годов в Гагрипше анхаю составляли 60 дворов из 119; в Лдзаа–24 из 37 дворов и т. д.[4]

Термин «анхаю»[5] буквально значит «хозяйствующий человек». Это, несомненно, древний термин, обозначающий земледельца – крестьянина вообще. Правильно полагал А. П. Черепов, что данное наименование «всего ближе можно выразить словом земледелец»[6]. Такого мнения был и А. В. Пахомов[7]. С. Смоленский название рассматриваемой категории абхазского крестьянства переводил как «поселянин»[8]. Впоследствии название «анхаю» закрепляется за одной, а именно высшей группой крестьянства, не теряя в то же вре-

[1] Черепов А. П. Указ рук.

[2] Эти данные относятся к периоду, которому предшествовало выселение части абхазского населения в Турцию (махаджирство) после восстания 1866 года.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1012, л. 20.

[4] Там же, д. 555, 1870, лл. 2 об–4.

[5] Слово «анхаю» образовалось из двух основ: «анхара» – хозяйствование и «ауаюы», ауаԥы) – человек.

[6] Черепов Д.П. Указ. рук.

[7] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1870 г., д. 36, лл. 13, 20.

[8] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», № 7, 1874. – С. 403, прим.

мя и общий свой смысл. «Анхаю» как термин, выражающий понятие вообще крестьян, сохраняется и в настоящее время[1]. Анхаю были известны в Самурзаканской Абхазии еще под названием «пиоши (ԥиошьи) (не поддается расшифровке) и у абазин – «ахаю» ахаҫы).

Наши источники, естественно, данному широкому социальному слою – основной производительной силе страны уделили гораздо больше внимания, чем какой-либо другой категории крестьянства. Тем не менее в характеристике анхаю наблюдается больше всего противоречивых и неверных положений и трактовок.

Многие исследователи в своих работах опирались, главным образом, на материалы различных комиссий, особенно Сухумской сословно-поземельной, работавших по подготовке и проведению крестьянской реформы в Абхазии. Так, в полуофициальной статье «Освобождение зависимых сословий в Сухумском отелче...», являющейся извлечением из материалов Сухумской сословно-поземельной комиссии, мы читаем: «По самому значению названия своего, анхае (пиоши) суть люди совершенно свободные, пользующиеся в полной мере своими личными и имущественными правами. Повинности же этого сословия образовались из добровольных приношений...». Эта характеристика крестьян анхаю была почти полным повторением соответствующего места записки председателя комиссии полк. П. Краевича о сословных и поземельных отношениях в Абхазии[2]. Таково было в сущности мнение и А. П. Черепова[3].

В материалах указанных комиссий и у ряда других авторов анхаю именовались также «вольными жителями»[4], так же как, например, в Кабарде наименование «вольных кабардинцев» обычно присваивалось юридически свободным крестьянам и, в частности, «вольноотпущенникам»[5].

[1] Это было аналогично с эволюцией, скажем, русского термина «крестьянин» и грузинского «глехи»: «крестьянин» постепенно на Руси стал вытеснять другие анологичные по содержанию термина «цехи» в период крепостничества в Грузни стал выражать понятие крепостного крестьянина, а впоследствии – вообще крестьянина.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1018, л. 21; см. также ССКГ, в. V, 1871. – С. 49.

[3] Черепов А.П. Указ. рук.

[4] ЦГИАГ, ф. 416. оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 1–5, д. 1013, лл. 10–19; ф. 545, д. 181, лл. 157–158; «Кавказ», 1866, № 74.

[5] Гарданов Б. А. Материалы по обычному праву кабардинцев. – С. 345.

Сухумская сословно-поземельная комиссия и некоторые члены предшествовавших ей комиссий и другие авторы, как уже отмечалось, отношения помещиков к крестьянам в предреформенной Абхазии сводили, на основании исчезавших дофеодальных пережитков, в сущности к простым отношениям «покровителей» к «покровительствуемым», точно так же, как Ф. И. Леонтович, известный исследователь обычного права горцев, кабардинских князей и уорков считал безобидными родовыми старшинами[1], характеризуя общественный строй Кабарды первой половины XIX века вообще как патриархальнородовой с «взаимной солидарностью всех общественных классов»[2]. Они в своих выводах о социальных отношениях в предреформенной Абхазии пытались широко воспользоваться абхазским обычным правом. Военный министр Д. А. Милютин, базировавшийся на материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии и других официальных источниках, писал, что «значение... повинностей, при существовании полной равноправности в пользовании частной собственностью и землями..., заключается как бы в возмездии высшему классу за оказываемые им покровительствуемым защиту и разного рода другие услуги»[3]. Так в идиллическом тоне изображались действительные отношения между двумя антагонистическими классами феодального общества.

Мы наблюдаем, что, как и повсюду, господствующая часть общества стремилась санкционировать эти «нарождавшиеся (крепостнические. – Г. Д.) нормы» как закон, и вместе с тем, говоря словами К. Маркса, «те ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные ограничения»[4].

С другой стороны, в «сословии анхае», составлявшем «главную силу покровительственного элемента каждой общины», «сосредоточивались главнейшие интересы этого элемента»: «оно защищало и оберегало эти интересы, охраняло обычай, силою протеста своего предотвращало препятствия к восстановлению его, образуя таким образом консервативную силу, ограждавшую существовавший

[1] См. Т. Кумыков «К вопросу об общественном строе Кабарды накануне реформы 1861 года». «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», т. IX. Нальчик, 1954.

[2] Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев, в. I. Одесса, 1882. – С. 413.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 35 об.

[4] Маркс К. Капитал, т. 111. Госполитиздат, 1955. – С. 806.

порядок и отношения от изменений»[1]. Поэтому и случилось так, как констатировал председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии П. Краевич, что взаимные отношения абхазцев и адаты или обычаи их «в высшей степени перепутаны и сбивчивы»[2].

Абхазия, как мы видели, перед реформой переживала под влиянием внутренних и внешних факторов большие изменения; огромное влияние на внутреннее развитие края имело присоединение его к России, которая несла с собой капиталистические отношения. Но внутренние процессы развития не были приняты и вскрыты старой историографией. Феодализм рассматривался как совокупность юридических институтов, а не как система производственных отношений между двумя антагонистическими классами.

Р. де Скасси основным источником доходов владетеля Абхазии Сафарбея (Георгия) Шервашидзе считал «подарки», поступавшие от его подданных, которые носили совершенно «добровольный» характер. Ясно, что эти повинности крестьян не могли быть «довольно значительными и составлять главную статью» доходов владетеля княжества, если они действительно являлись «добровольными подарками»[3].

К. Чернышев крестьянство Абхазии делил на три разряда и под первым понимал анхаю. Однако наблюдения Чернышева также были весьма поверхностны, коль скоро он пришел к выводу, что анхаю были лишь «обязаны доставлять доход с произведений своей земли владельцу» и «не несут никаких служб, лично, своею особою»[4].

Противоречивость и эклектизм ярко выявляются в сочинении Н. Ф. Дубровина «Абхазцы (азега)». Он механически пользовался материалами, отражавшими противоположные точки зрения в оценке анхаю. В одном месте Дубровин последних называл совершенно свободными, а в другом – до некоторой степени свободными; с одной стороны, утверждал, что в поземельном отношении все сословия равны, а с другой,– помещики владели крестьянами на правах подданства за землю, которой их наделяли, и т. д.[5]

[1] Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии. – С. 7.

[2] ЦГИАГ, ф. 545. д. 180. 1865 г, оп. 3, лл. 179–187.

[3] АКАК, т. VI, ч. I. – С. 646–658.

[4] Чернышев К. Еще об Абхазии. «Кавказ», 1854, № 82.

[5] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. II. – С. 68.

А. М. Введенский в статье «Абхазцы (азега). По поводу сочинения г. Дубровина: «Очерк Кавказа и народов его населяющих» уличил Н. Ф. Дубровина в явных противоречивых утверждениях и выводах в оценке юридическо-хозяйствеиного положения анхаю. Однако он сам, развивая характеристику Сухумской сословно-поземельной комиссии (Введенский был членом этой комиссии)[1], крестьян анхаю считал свободными и даже «составлявшими значение высших фамилий», зависимость от которых для анхаю являлась чисто личной[2]. Вместе с тем А. И. Введенский писал, что анхаю садзов (джигетов), псхувцев и ахчипсоувцев не отбывали вообще никаких повинностей. Он считал их «образцами строя жизни обществ абхазского племени»; «эти общества, состоя в последнее время вне всякого чужестранного влияния, сохранили свой прежний строй», тогда как в Абхазии, благодаря влиянию Турции и России, права анхаю «потерпели некоторое ограничение»[3].

С.С. Эсадзе и С. Л. Авалиани, также не исходившие из анализа общественных производственных отношений и интересуясь прежде всего правовым положением крестьян, утверждали, что в Абхазии не могла выработаться крепостная зависимость; зависимость же, которая существовала между различными слоями населения, отнюдь не была зависимостью по земле, а являлась чисто личной[4]. Причем эту личную зависимость по отношению к анхаю (и даже ахоую) Эсадзе характеризовал, как условную зависимость, которая имела (для анхаю) «собственно административный характер»[5].

Но Авалиани вынужден был признать, что в дореформенной Абхазии были «зависимые разряды населения, которые не располагали земельной собственностью»; «не могли осуществить, в силу различных обстоятельств, того права, которое им фактически принадлежало». И эти «различные обстоятельства» были настолько сильны, что, говоря даже об анхаю, Авалиани вынужден был писать, что этих последних, «однако, нельзя признать абсолютно независимым разря-

[1] ССКГ, в. VI, 1872, отд. 1. – С. 12–13.

[2] Там же. – С. 22, 37.

[3] Там же. – С. 22, прим. 26.

[4] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом, т 1. – С. 507; С. Л. Авалиани. Крестьянский вопрос в Закавказье, т. II. – С. 66.

[5] Эсадзе С. Указ. соч. – С. 507.

дом населения»[1]. Как Эсадзе, так и Авалиани перечисляли «ряд обязанностей» (почти около полутора десятков названий), включавших оброчные обязательства и даже барщинные повинности, которые несли крестьяне анхаю перед реформой. Уже один этот перечень повинностей анхаю не только не вяжется с об-щим тезисом указанных авторов об абсолютной свободе анхаю, но и с вынужденной оговоркой Авалиани считать их таковыми без определения «абсолютный».

Чувствуя противоречивость своей концепции и ненаучность обоснования крестьянских повинностей «уважением к матрону», С. Л. Авалиани вынужден был заявить, что «если уж необходимо точно квалифицировать эти отношения (крестьян с помещиками.– Г. Д.), то можно было бы по аналогии характеризовать их как смягченную форму крепостных отношений с преобладающим элементом личной зависимости»[2].

Г. Каландаров писал, что в Самурзаканской Абхазии, а также в Сванетии и Осетии «натура крестьян была... вовсе не порабощенная. Помещичье господство тут было крайне мягко, повинности ничтожны и строго ограничены обычаем, а обращение господ с крестьянами полюбовное»[3]. А. Н. Дьячков-Тарасов уверял, что анхаю, ведя хуторское хозяйство, чувствовал себя «совершенно свободным гражданином абхазской лесной стихии» и лишь в некоторой степени – «вассалом только ближайшего» тавада или аамста «за покровительство», за что, писал он, все более и более вступая в противоречие с вышеуказанным своим утверждением, анхаю отбывал «некоторые повинности»: на 3–5 дней в году являлся к своему «покровителю» на посев или уборку кукурузы, приносил 2–3 кошелки винограда из своего сада, а в народный праздник–барашка[4].

Писатель Г. М. Шервашидзе анхаю называл даже «свободными фермерами»[5], а также утверждал, что «все жили в довольстве, и не было ни бедняков, ни рабов. Дворянство и крестьянство жили дружно, при взаимном уважении...»[1]. Такого же мнения был и историк Д. З. Бакрадзе[2].

Между прочим, в дореволюционной грузинской историографии в одно время довольно широко был распространен антинаучный взгляд о том, что феодальные отношения в Грузии складывались по типу семейных отношений: феодал являлся «отцом-покровителем», а крестьянин – «опекаемым сыном», и между ними не было никакой классовой борьбы. Историк Александр Орбелиани особенностью крепостничества в Грузии считал «гармонические отношения между феодалом и крепостным» и, тем самым, исключал наличие классовой борьбы в феодальной Грузии[3]. Ф. Жордания в рецензии на монографию С. Л. Авалиани «Крестьянский вопрос в Закавказье» писал (в 1915 г. в газ. «Ахали картли») по поводу крепостного права в Грузии, что взаимоотношения между крестьянами и помещиками здесь «основывались на добровольных началах и носили характер нравственного семейного союза, взаимно выгодного для обеих сторон»[4].

В этой связи следует указать и на этнографа С. Т. Званба, который в своих работах по этнографии абхазцев, опубликованных в середине 50-х годов XIX века, отношения между феодалами и крестьянами изображал в идиллическом духе[5]. Справедливо замечал А. Н. Введенский, что С. Т. Званба, как представитель абхазского дворянства, уклонился от правды «при описании особенного уважения подвластных к своим владельцам, заставляющего их во всех молитвах призывать благословение божие на помещика и на его семейство»[6].

---

[1] Авалиани С. Л. Указ. соч. – С. 66.

[2] Авалиани С. Л Указ. соч. – С. 75.

[3] Каландаров Г. Крепостное право в Грузни в начале настоящего столетия. ССК, в. II, 1872. – С. 255–256.

Эту точку зрения разделял и К. Л. Мачавариани (См. «Путеводители по Сухуму и Сухумскому округу». – С. 320–321).

[4] Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. – С. 181.

[5] Шервашидзе Г. Так ли пишестя история (письмо в реакцию). «Закавказье», 6 июня 1910 г., №126.

[1] Шервашидзе Г. Открытое письмо агроному в Гудаутском участке г-ну Ефимову. «Сухумский вестник», 29 марта 1917 г., № 62.

[2] Бакрадзе Д. З. Дворянство Абхазии и Самурзакани. Госмузей Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа, ф. М. Туманова, д. 376, лл. 1–4.

[3] Очерки истории исторической науки в СССР, 1. Изд. АН СССР, М., 1955. – С. 635.

[4] Цит. по автореферату докторской диссертации Д. В. Гвриташвили «Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии (Сатавадо-сеньерии)». Тбилиси, 1952. – С. 7.

[5] См. Г. А. Дзидзария «Соломон Теймуркович Званба» – предисловие к книге С. Т. Званба «Этнографические этюды». Сухуми, 1955.

[6] (Введенский А. Н.). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина... – С. 9.

Давид Чхотуа, хотя и признавал факт существования крепостнических отношений в Абхазии, но установление этих отношений объяснял как результат нарушения устоев обычая гостеприимства, когда «добровольные» приношения и «добровольная» служба свободных людей, ушедших от прежних своих господ, с течением времени превратились в постоянные и обязательные по отношению к новым господам, чем нарушался «моральный союз»[1].

«Теория» об абсолютной свободе крестьян анхаю имела хождение в работах и ряда других авторов. Этого антинаучного тезиса придерживались и некоторые исследователи в наше советское время.

В статье Л.И. Лаврова «Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII-XIX веках»[2], опубликованной в 1948 году, нетрудно заметить, что автор в определении положения абазинских анхаю (ахаю) подходит не с точки зрения производственных отношений, а лишь правовых; переоценивает внеэкономическое принуждение, что вместе с тем, естественно, приводит его к противоречивым выводам. Он как будто признает, что данные крестьяне составляли лично свободное крестьянство, но в то же время утверждает, что последние, несмотря па юридическую свободу, обязаны были принимать некоторое участие в полевых работах в пользу знати и поставлять определенную долю продовольствия, шерсти, дров и пр., т. е. нести барщину и оброк. Из описания Л. И. Лаврова скорее можно прийти к противоположному выводу, нежели к тому, к какому он пришел. Ясно, что обязанные барщиной и оброком ахаю не могли быть свободными в том смысле, в каком это рисует Л. И. Лавров, основой чего в конечном счете являлась феодальная собственность на средства производства, т. е. прежде всего на землю.

Кроме того, ахаю нельзя рассматривать как единую категорию с общими для всех их слоев положением и характеристикой. Правда, в новой своей работе об абазинах Л. И. Лавров несколько пересмотрел оценку положения рассматриваемой категории абазинских крестьян, но, по словам самого автора, все еще «остается неясным даже такой кардинальный вопрос, как феодальная собственность на землю, которая... является основой феодализма»[3].

[1] Чхотуа Д. Обычаи [нравы] в Абхазии. «Дроеба», 4 августа 1872 г. №30.

[2] «Советская этнография», № 4, 1948. – С. 168.

3 Лавров Л. И. Абазины. «Кавказский этнографический сборник», 1. Изд. АН СССР, 1955. – С. 21.

В литературе, в том числе и документальной, мы сталкиваемся и с иной точкой зрения, являющейся другой крайностью в характеристике анхаю, точкой зрения, которая исходила от самих абхазских помещиков. Последние, желая получить от крестьянской реформы максимальную для себя выгоду, стремились всех анхаю приравнять к тем категориям, которые находились на последней ступени крепостничества. Они предлагали, чтобы крестьянам были отданы земли в частную собственность «в возможно ограниченном количестве» и, кроме того, чтобы за эти земли помещики получили бы вознаграждение от самих крестьян или же от правительства[1].

Ярый защитник классовых интересов абхазских помещиков заведующий делами и поверенный князя Г. Д. Шервашидзе А.В. Похомов категорически утверждал, что вся земля в Абхазии являлась полной собственностью помещиков, а крестьяне, в том числе и анхаю, были прикреплены к этой земле, как это было в тех частях Грузии, где крепостнические отношения были наиболее развиты[2]. Абхазских анхаю он безоговорочно отождествлял с крепостными мебегре Мегрелии[3], а депутаты дворянства Абхазии в докладной записке от 23 апреля 1870 года[4] и князь И. К. Багратион-Мухранский – с грузинскими глехи[5].

И. К. Багратион-Мухранский, являясь крупным помещиком в своем проекте (1863 г.), по проведении крестьянской реформы в Грузни по вопросу земельных отношений выражал «убеждение, что произведение труда принадлежит крестьянину, а земля помещику»[6]. Буквально то же самое писал он и по поводу крестьян анхаю, живших на территории владений келасурских князей Шервашидзе. «Только выгоды от труда, – писал он, – принадлежат крестьянину, а земля принадлежит помещику»[7].

Показания абхазских феодалов о зависимых крестьянских категориях вообще, видах и размерах существовавших повинностей,

[1] ЦГИАГ, ф. 416. оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 33.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1870 г., д. 36, лл. 1–66.

[3] Там же, д. 29, л. 204.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, лл. 38–45.

[5] Там же, 1863 г.. д. 180, лл. 2–8.

[6] Цит. по кн. П. В. Гугушвили «Сельское хозяйство и аграрные отношения», т. 11. – С. 131 –132.

[7] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, лл. 2-8.

наконец, о степени зависимости тех или иных категорий крестьян также расходились с действительным положением вещей. Эта тенденция свое наиболее яркое и обобщенное отражение нашла в указанной выше докладной записке депутатов дворянства Абхазии[1], в которой помещики стремились склонить правительство применить здесь положения, которые были выработаны для тех районов Грузии, где крепостнические отношения были значительно сильнее, чем в Абхазии. Они безапелляционно объявляли всех анхаю крепостными крестьянами, целиком отождествляя их с грузинскими глехи, а крепостных ахоую – рабами. Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии полк. П. Краевич в своем анализе этой докладной записки расценивал тенденцию ее авторов, как «домогательство» привилегированного сословия, «самую бесцеремонную натяжку» и увлечение «известной целью»[2]. Такая же тенденция наблюдается и в заявлении самурзаканских феодалов на имя майора Кишельского, начальника Самурзаканского округа: анхаю (пиоши) должны «зарабатывать все, что только нужно помещику на целый год», – писали они. Но при этом феодалы признавали «ограниченность на них (анхаю. – Г. Д.) лежащих податей и повинностей»[3] по сравнению с остальными, ниже стоящими категориями крестьянства.

Известно, что такое стремление накануне реформы проявляли не только феодалы Абхазии. Например, депутаты дворянства Мегрелии в записке от 19 февраля 1866 года по крестьянскому вопросу также всячески доказывали о незыблемом существовании в Мегрелии издревле крепостного права, упроченного за дворянством законодательством и обычаем края; писали, что обладание крепостными людьми и отбываемыми ими повинностями – единственный источник их существования[4].

Указанные выше оба мнения, исходившие от сословно-поземельной комиссии и дворянства Абхазии, несмотря на всю свою тенденциозность, тем не менее, заслуживают внимания, ибо каждое из них не только искажало, но и в известной мере отражало

[1] Там же. 1866 г., д. 1014, лл. 38–45.
[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 31 об.
[3] Там же, ф. 220, оп. 1, д. 877, л. 51 об.
[4] Там же, д. 1076, лл. 141–148.

действительность. Сухумская сословно-поземельная комиссия, безусловно, располагала определенными данными для своих предложений и выводов, хотя эти выводы и вообще ее официальные материалы, повторяем, изображали социальные отношения в Абхазии в целом в искаженном виде. Крестьянская реформа в Абхазии вряд ли могла быть осуществлена в том духе, в каком она была проведена, если для этого не было бы никаких оснований.

Утверждения и все поведение абхазских феодалов накануне крестьянской реформы уже само по себе было отражением развития крепостнических отношений, которые в недалеком будущем установились бы в крае в такой же степени, в какой они уже сложились в ведущих в феодальном отношении областях Грузии.

Из ранних авторов положения анхаю более других касался Ф. Ф. Торнау, который пытался дать картину деления абхазского населения «на состояния». Но его ошибки и неточности особенно отразились в характеристике тех же крестьян анхаю. Торнау крестьянство делил лишь на две категории: анхаю и агыруа, которых он характеризовал как крестьян (первых) и рабов (вторых). Как видно, у Торнау выпадает категория собственно крепостных – ахоую, которую он, по-видимому, распределил между анхаю и рабами. Следовательно, на характеристику каждой из указанных категорий Торнау распространял положение ахоую. Надо полагать, что именно вследствие этого обстоятельства у Торнау получилось, с одной стороны, «ухудшение» положения анхаю, а с другой – «облегчение» положения рабов. Очевидно, именно следствием этого обстоятельства является и тот факт, что в характеристике каждой из названных категорий населения Абхазии у Торнау наблюдается явное противоречие.

Но при всем этом Торнау, безусловно, отражал процесс закабаления анхаю. Преувеличение зависимого положения этих крестьян само по себе является характерным фактом.

Как же характеризовал конкретно Торнау анхаю и в чем сущность его противоречивых суждений? Прежде всего, он считал их полусвободными крестьянами и рассматривал как однородную группу. Затем Торнау писал, что князья и дворяне владели крестьянами «на праве подданства за землю, которой они их наделяют». В другом месте: «Крестьяне имеют право владеть землей и даже рабами, но сами несут установленные обычаем повинности по отноше-

нию к господину, на земле которого поселены»[1]. Более того, Торнау в своих рассуждениях доходил до утверждения, что анхаю «составляют сами собственность своего господина»[2].

Совершенно ясно, что крестьянин не мог быть полусвободным и в то же время являться собственностью господина. Вместе с тем каждая из этих характеристик в отдельности также неверна по отношению к анхаю постольку, поскольку речь идет об этой категории крестьян в целом.

Подобные противоречивые выводы мы находим у И. Аверкиева и Ф. Завадского, в наблюдениях которых имеются и некоторые заслуживающие внимания данные об анхаю. Аверкиев, с одной стороны, утверждал, что все анхаю были прикреплены к земле, в сущности являлись крепостными, а с другой, называл их «вольными жителями»[3].

Ф. Завадский, касаясь «разделения народонаселения» Абхазии, также писал, что анхаю (перевод самого слова передает как «поселянин») сидели на помещичьей земле, которая не могла быть отнята у них, но и сами крестьяне не имели права переходить от одного помещика к другому[4].

Анхаю составляли основную зависимую часть населения Абхазии. Вместе с тем они являлись наиболее свободными из всех зависимых крестьян, и форма их зависимости в целом еще не была определена как крепостническая. Ни абхазские помещики, ни А. В. Пахомов и И. К. Багратион-Мухранский, при всем их старании, не могли опровергнуть это положение. Голословные же заявления об обратном, т. е. о полной закрепощенности категории анхаю, не могут, конечно, убедить никого. Следовательно, эта точка зрения отражала не столько современное состояние анхаю, сколько их будущее положение, к которому шел процесс и которое бы вполне соответствовало интересам помещиков – крепостников.

Таким образом, в положении анхаю перед реформой наблюдались сложные явления, которые по тем или иным соображениям и

[1] (Торнау Ф.Ф). Воспоминания Кавказского офицера, ч. I. – С. 56–58; Обычаи абхазского народа и разделение его на состояния, лл. 37–39.

[2] Торнау. Обычаи абхазского народа..., л. 39 об.

[3] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного, моря. «Кавказ», 1866, № 74.

[4] Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. «Кавказ», 1867, № 59.

причинам преувеличивались или игнорировались отдельными сторонами, в результате чего и появилась в литературе та неясность и запутанность в характеристике данной категории крестьян, о чем говорилось выше.

Л. В. Фадеев еще в 30-х годах поставил вопрос о критическом изучении литературы и источников, чтобы выяснить действительную природу анхаю в предреформенный период. Он ряд работ посвятил изучению истории абхазского крестьянства феодальной эпохи, а также пореформенного периода. Особенно в статье «Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года»[1]. А. В. Фадеев на примерах анхаю князя Д. Г. Шервашидзе показывает зависимое положение, формы и степени эксплуатации этих крестьян помещиком.

Однако в работах А. В. Фадеева проблему анхаю в целом нельзя считать решенной. Прежде всего, автор приходит к такому неверному выводу: «Положение крестьян феодальной Абхазии характеризовалось наличием многочисленной группы анхаюы, не прикрепленных к земле, но зависимых и обязанных разнообразными повинностями, причем эксплуатация этой группы крестьян помещиками прикрывалась патриархальными традициями, псевдородственными связями и т. д.»[2]. Как видно, автор преувеличивает внеэкономическое принуждение крестьян; категорию анхаю рассматривает как однородную массу и исключает факт закрепощения части ее, выражавшийся в первую очередь в постепенном прикреплении этих крестьян к земле помещиками. Таким образом, анхаю рассматриваются не в динамике, не в процессе их закрепощения и расслоения.

Вместе с тем автор допускает противоречивые суждения, каждое из которых в отдельности не соответствует действительности. В упомянутой работе, в которой дается цитированный вывод об анхаю, мы читаем, что все анхаю «жили и вели свое хозяйство на земле, составлявшей собственность феодала» Д. Г. Шервашидзе[3]. Это утверждение, кроме того, что противоречит указанному положению автора о том, что вообще анхаю не были прикреплены к земле, в свою очередь, нельзя считать правильным. А. В. Фадеев всю «под-

[1] «Материалы по истории Абхазии», XI. Сухуми, 1939. – С. 105–126.

[2] Там же. – С. 126.

[3] Фадеев А.В. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 г. «Материалы по истории Абхазии», в XV, сб. I. Сухуми, 1939. – С. 118–119.

властную» («удельную») территорию (25 тыс. га) кн. Д. Г. Шервашидзе отождествляет с его личной, господской землей. Здесь нетрудно заметить влияние тенденциозных материалов А. В. Пахомова.

И. Г. Антелава в «Очерках по истории Абхазии XVII– XVIII веков» (Сухуми, 1949) останавливается на характеристике общего положения крестьян анхаю в XIX веке постольку, поскольку это было ему необходимо, вследствие ограниченности источников, ретроспективным приемом исследования выяснить правовое и материальное положение изучаемой крестьянской категории в XVII–XVI11 веках. Историческое образование этой категории автор рисует как результат развития феодальных отношений в крае. На основании анализа повинностей и обязанностей, лежавших на анхаю в XIX веке, И. Г. Антелава доказывает ложность «теории» о полной свободе этих крестьян; подчеркивает их неоднородность, внутреннюю дифференциацию.

Однако автор, придерживаясь характеристики некоторых современных документов, часть анхаю безоговорочно называет «необязанными повинностями», хотя в другом месте совершенно правильно отмечает, что нельзя говорить о полной свободе крестьян анхаю в целом не только в XIX веке, но и до этого. Кроме того, в выяснении положения анхаю в XVII–XVIII веках автор, применяя ретроспективный метод исследования, социальные отношения середины XIX века переносит к указанному времени без достаточного учета тех изменений, которые происходили в жизни крестьян анхаю в новых исторических условиях. Эти изменения приобретали характер довольно быстрого процесса. Во всяком случае, трудно согласиться с И. Г. Антелава, когда он пишет, что «если принять во внимание известную стабильность социальных отношений в Абхазии», то материалы Сухумской сословно-поземельной комиссии, т. е. кануна крестьянской реформы «вполне могут быть использованы и применительно к XVII–XVIII векам»[1]. Следует особо заметить, что в работе остается невыясненным положение анхаю в отношении земли. Более того, автор допускает такое прямое утверждение: «Крестьяне этой категории экономически не были зависимы от феодалов»[2].

[1] Антелава И. Г. Указ. соч. – С. 140.

[2] Там же. – С. 147.

Указание источников на факт распада анхаю на «обязанных повинностями» и «необязанных» во вводной статье И. Г. Антелава, Г. А. Дзидзария, А. А. Олонецкого к публикации документов «Из истории крестьянской реформы Абхазии»[1] рассматривается, как показатель процесса постепенного закрепощения анхаю. Вместе с тем подчеркивается, что последние хотя и зависели от феодалов, но сама форма зависимости этих крестьян в целом еще не определилась полностью как крепостническая зависимость и в значительной степени прикрывалась дофеодальными пережитками. Эта точка зрения проводится также в работах А. А. Олонецкого «К вопросу о крестьянской реформе в Абхазии» и Г. А. Дзидзария «Восстание 1866 года в Абхазии».

История крестьянства, как и вообще вся история общества, может быть изучена лишь при непременном руководстве классическими трудами основоположников марксизма-ленинизма, в которых дана исключительная по своей глубине характеристика феодального способа производства и указаны пути, которыми шло закрепощение непосредственных производителей.

Наши источники безусловно относили анхаю к зависимой части населения. В этом отношении заслуживают внимания данные проф. А. Д. Нордмана[2], который свою таблицу «О населенности Абхазии» делил на характерные рубрики: «название деревень», «число дворов» и «кому принадлежит». В ней «означены дворы каждой деревни и показаны фамилии помещиков». Правда, как уже отмечалось, Нордман ошибочно во всех случаях имения феодалов отождествлял с населенными пунктами, в которых они проживали. Но надо считать бесспорным зависимое положение, по крайней мере, основной массы крестьян этих населенных пунктов, от проживавших в них феодалов, причем эта зависимость могла носить самый разнообразный характер. Нордман отмечал, что, например, с. Калдахвара с 70 крестьянскими дворами принадлежало князю Иналипа, с. Звандрипш с 100 дворами – дворянину Званба, с. Джгерда

[1] «Исторический архив», т. V. М., 1950. – С. 392–453.

[2] Путешествие проф. Нордмана по Закавказью. – С. 420–423.

с 100 дворами – князю Маршания, с. Тхина с 160 дворами– князю Дзапш-ипа и т. д.

Упомянутым выше комиссиям и некоторым другим авторам рассуждения о полной свободе анхаю не помешали, однако, причислить их также к «зависимым сословиям». Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что комиссия ген. Понсэ в своей «Сравнительной таблице» сведений о зависимых сословиях в Абхазии (1865 г.) не только перечисляла анхаю, но и подчеркивала, что это «многочисленный класс землевладельцев, обязанных отбыванием повинностей в пользу некоторых лиц привилегированных фамилий». Вместе с тем указывалось, что анхаю бывают двух родов: обязанные повинностями за выкуп из плена, уплату долгов и пр. и отбывающие повинности патрону, старшине и т. д. Далее перечисляются повинности, отбывавшиеся обеими группами анхаю[1].

В ответ на запрос и. д. генерал-квартирмейстера Кавказской армии кутаисскому генерал-губернатору от 28 февраля 1865 года о «видах зависимых сословий» в Цебельде было дано объяснение, что здесь – три вида зависимых сословий, среди которых отмечены «вольные жители», т. е. анхаю[2].

«Положение» 1870 года о проведении крестьянской реформы в Абхазии называлось: «Положение о прекращении личной зависимости и о поземельном устройстве населения в Сухумском отделе». Анхаю также были включены в состав «зависимых людей». Они (анхаю), наряду с другими крестьянами, со дня обнародования «Положения» «приобретают права свободных сельских обывателей». При этом размер выкупной платы был установлен для каждого дыма анхаю (пиоши) в размерах, определявшихся по 4-летней сложности «подлежащих отбыванию повинностей»[3].

Вместе с тем Сухумская сословно-поземельная комиссия, как отмечалось, все население Абхазии делила на «покровительствуемое» и «привилегированное» сословия. Хотя такое стремление свести отношения между абхазскими помещиками и крестьянами к отношениям «покровителей» к «покровительствуемым» было глубоким искажением действительных отношений, но тем не менее,

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1011.

[2] Там же, ф. 545, оп. 1, д. 181, л. 157.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, лл. 39–42.

факт деления населения на две части и включения анхаю во вторую, зависимую группу, является сам по себе характерным. Анхаю, амацуразку и ахоую, составлявшие основную массу второй группы, характеризовались как «условно-зависимые сословия», а отдельные категории – как «разряды» этих сословий[1].

Далее, рассматривая общественное устройство Абхазии, комиссия заявляла, что союз жителей или община (акыта) представляла «две категории населения и два рода отношений: в общине находился непременно ахалапшюю (ахылапшю. – Г. Д.), т. е. покровитель, защитник, подле которого группировались хипши, т. е. покровительствуемые и из взаимодействия этих двух элементов населения каждой общины образовались все действовавшие в среде его отношения»[2].

Термин «хипшы», встречающийся и в ряде других документов в том значении, в каком он здесь дан[3], имеет важное значение для общей характеристики положения крестьян анхаю, ибо он, как социальный термин, означал – «несамостоятельный», «зависимый». В этом отношении особенно интересен документ, составленный военным министром Д. А. Милютиным 21 октября 1870 года, в котором все крестьянство рассматривается как «низший (класс. – Г. Д.) – покровительствуемый (хипши)», распадавшийся на верхний разряд хипшы, т. е. анхаю, средний – амацуразку, низший – ахоую и, кроме того,– ахашвала: «самая низшая ступень в ряду зависимых сословий»[4].

Термин «хипшы» имел и более узкое значение. Хипшами назывались крестьяне, зависевшие от крестьян, которые, в свою очередь, как мы видели, под таким же названием выступали по отношению к феодалам. Между прочим, это обстоятельство не было учтено исследователями, касавшимися истории крестьянства феодальной Абхазии. В результате этого термин «хипшы» получил одностороннее толкование: он обычно употребляется для характеристики лишь низшей группы крестьян анхаю.

[1] ССКГ, в. III, 1870. – С. 6–7.

[2] Там же. – С. 4; Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани.

[3] См., например, ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1033, лл. 5–6.

[4] ЦГИАЛ, ф. 1268, 1868 г., оп. 12, д. 74, л. 35.

Впоследствии, в период проведения крестьянской реформы, главным определяющим принципом для получения звания дворянства (аамста), на каковое претендовали ашнакума и многие крестьяне из высшего слоя анхаю, Сухумская сословно-поземельная комиссия считала наличие у того или иного «ищущего дворянства» «коренных зависимых сословий анхае». Так, например, фамилии Арлан, Багба, Блаб, Допуа, Куланба, Маги, Садзба, Папба и др. были признаны подлежащими «признанию принадлежащими к сословию амыста», «как имевшие значительное число коренных зависимых сословий анхае; как пользовавшиеся сбором ажидза за пастьбу скота; оказывавшие покровительство приходившим к ним асасам»[1].

Эта установка нашла свое отражение в «Положении» о проведении крестьянской реформы в Абхазии. «Лицам, – говорится в 26 статье «Положения», – имеющим в своей подвластности анхае или пиошей, обязанных выкупом тех или других повинностей, представляются особые поземельные наделы, полагая по две десятины за каждый дым анхае...»[2].

Ф. Ф. Торнау, как мы видели, писал, что крестьяне анхаю, хотя и вправе владеть землей и иметь рабов, но вместе с тем «составляют сами собственность своего господина». Далее он перечислял повинности, которые отбывали крестьяне вследствие такого своего положения[3].

В «Записке по 3 отделению Кавказского горского управления по вопросу об определении личных и поземельных прав туземного населения Абхазии и Цебельды» определение анхаю, «называемые вольными жителями», сопровождалось очень существенной оговоркой: «но в то же время и обязанные в пользу отдельных лиц и фамилий отбыванием повинностей»[4].

И в некоторых других официальных материалах, исходивших, например, от миинстра финансов Рейтерна и, на основании его отношения, от военного министра Милютина детализируется состав хипшы и подчеркивается, что он делится на три разряда; такие разряды отличаются друг от друга количеством отбываемых в пользу высшего класса повинностей, причем верхний разряд хипшы, обложенный наименьшим количеством повинностей, составляют анхаю[1].

Командующий войсками в Абхазии ген. Шатилов в рапорте на имя кутаисского генерал-губернатора от 24 сентября 1865 года «Об отношениях крепостных сословий в Абхазии с их владельцами...» в сущности вовсе отрицал наличие какой-либо группы свободных крестьян. Правда, Шатилов утверждал, что по народному обычаю в Абхазии освобождение из зависимости бывало полное и неполное: в первом случае освобожденный делался человеком совершенно свободным и никому и никакими податями и услугами не обязанным, во втором – переходил из одного зависимого сословия в другое. Причем для полного освобождения «нет никаких определенных правил или известных поводов». Оно зависело «исключительно от произвола владельца» крестьянина «и нисколько от него самого. Однако освободившиеся таким образом крестьяне, по словам Шатилова, делались лишь азатами («вольноотпущенниками») и не переходили в привилегированное сословие, а азаты не являлись лицами независимыми, хотя они и считались юридически свободными. В целом данная категория в той или иной форме и степени зависела от феодалов, только эта зависимость в этом случае была еще больше замаскирована покровом патриархальщины. Кроме того, по словам того же автора, азат «представляет вообще весьма редкое явление в здешнем крае...»[2]. Вместе с тем Шатилов анхаю рассматривал как «обязанных хлебопашцев», хотя он и называл их «вольными жителями», но это, надо думать, только в смысле некрепостного человека[3].

Майор Сулхан Баратов (Бараташвили), обследовавший ряд сел Абжуйской Абхазии летом 1866 года, также констатировал, что при освобождении от податей анхаю делался лишь азатом, но не переходил в привилегированное сословие, хотя бы .и был богат и силен[4].

[1] Журнал заседания Сухумской сословно-поземельной комиссии от и 12 апреля 1874 г. ЦГАЛ, ф. 237, д. 7. лл. 16, 19-20.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, 1868 г.. д. 74, лл. 39–42.

[3] (Торнау Ф. Ф.). Воспоминания Кавказского офицера, ч. 1, стр. 58; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 45240, л. 39.

[4] ЦГИАГ, ф. 545, д 180, лл. 41–90.

[1] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12. 1868 г., д. 74, лл. 35. 53.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, лл. 1, 3.

[3] Там же, л. 1.

[4] Там же. 1866 г.. д. 1013, л. 15 об.

Подчиненное положение вообще крестьян проявлялось и в следующем. Как правило, крестьянин не имел права сидеть в присутствии феодала. При встрече с последним он должен был уступить дорогу и, если на лошади, – спешиться, не говоря уже о том, что крестьянин был лишен права открыто въезжать верхом на лошади на Лыхненскую площадь. Точно также на народных собраниях крестьянам, как правило, не разрешалось принимать участия в скачках и других играх верхом на лошадях. Крестьянин не мог иметь дом, крытый дранью, а также обладать лучшим, чем феодал, конем, одеждой и ружьем и т. д.[1]

Как уже отмечалось, «в деле кровомщения большую роль играло происхождение» – если, например, князь убивал крестьянина, то родственники последнего не имели права вымещать на убийце кровь убитого, так как кровь крестьянина считалась не одинаковой с княжеской. Поэтому взамен убийцы – князя за пролитую им кровь должен был ответствовать его воспитатель[2], на каковую роль обычно выставлялись крестьяне анхаю. Мы также отмечали факт, что за кровь князя, дворянина и крестьянина взымалось неодинаково. «Хотя личные достоинства в Абхазии обращали на себя особенное внимание, – писал М. Т. Джанашвили, – но, тем не менее, кровь крестьянина стоимостью была ниже крови дворянина, а этого последнего ниже крови князя»[3]. По обычаю, если за убийство князя платилось 30 душ крестьян, лошадь с седлом, полное вооружение и серебряная цепь, а дворянина то же самое и 16 душ крестьян, то за убийство анхаю – 2 или 3 души крестьян, ружье и шашка[4]. М. Т. Джанашвили писал, что кровь крестьянина ценилась в 5 душ, а дворянина стоила втрое и князя – впятеро дороже[5]. Причем допускалось делать уплату не только людьми[6], но и определенным количеством

[1] Об аналогичной рабовладельческой морали в Кабарде см. в указ. статье Кумыкова. – С. 75.

[2] Джанашвили М. Абхазия и абхазы. – С. 11.

[3] Джанашвили М. Абхазия и абхазцы. – С. 12.

[4] Аверкиев Ив. Указ. соч. «Кавказ», 1866, № 72; Ф. Завадский. Абхазия и Цебельда. Там же, 1867, № 59.

[5] Джанашвили М. Указ. соч. – С. 12.

[6] Платилось обычно мальчиками или девочками, рост которых должен был удовлетворять определенной адатом мере, а мерой роста служила длина ладони, причем определенному числу ладоней получателя должен был удовлетворять рост мальчика.

скота – в 200 голов н более, «смотря по значимости» того или иного княжеского и дворянского рода[1].

Мгудзырхвинские дворяне Тада и Хирипс Маан рассказывали членам Сухумской сословно-поземельной комиссии в 1867 году, что в случае убийства не только ахоую, но и анхаю помещик, от которого зависел крестьянин, отправлялся к совершившему убийство и требовал от него плату за кровь, и она делилась между помещиком и родственниками убитого[2].

Депутаты дворянства Абхазии в своей докладной записке от 23 марта 1870 года писали, что половина платы за кровь анхаю бралась помещиком в свою пользу[3]. Члены Сухумской сословно-поземельной комиссии, разбирая указанный документ, не только не сумели опровергнуть это утверждение, но, по существу, признали его. Они лишь доказывали, что помещик получал половину платы за кровь убитого анхаю за свои «труды», как «покровитель», «ходатай и защитник состоящих под его покровительством»[4].

Ф. Ф. Торнау замечал, что в Абхазии нет смертной казни: князья и дворяне отвечают перед обиженным только своим имуществом, крестьяне – своей личной свободой, когда их собственность оказывается недостаточной для уплаты пени. «В таком случае, – писал он, – они обращаются в собственность обиженного, который может их продать в рабство или оставить за собою, пока они не найдут способа откупиться»[5]. Действительно, это часто случалось в жизни анхаю.

Когда владетель Абхазии М. Шервашидзе в 1846 году пытался провести некоторые меры, направленные против отдельных видов преступлений, то за совершение этих преступлений было определено: князьям и дворянам – пеня и арест, а «простолюдинам» – пеня и телесное наказание[6].

Основная тяжесть постоянной заботы по воспитанию почти всех детей феодалов лежала дополнительным бременем на плечах анхаю. Между тем, как обратное явление – воспитание крестьян-

[1] ЦГИАГ, ф. 416. оп. 4, д. 8, лл. 1 – 13.

[2] ЦГАА, ф. 57. оп. 2, д. 5, л. 125 об.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп 3. 1866 г., д. 1014, л. 43.

[4] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г.. д. 5, л. 125 об.

[5] (Торнау Ф.Ф.). Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 60.

[6] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18514. л. 12.

ских детей князьями и дворянами в порядке аталычества, хотя бы в качестве редкого случая, совершенно исключалось.

«Достоинство» княжеское и дворянское было «исключительно наследственно»: «никто из низших сословий не мог получать права на титул князя или дворянина»[1].

Существовали правила о строгом сословном ограничении браков, и нарушения этого ограничения со стороны крестьян вообще, как правило, влекли за собой трагические последствия[2]. Ценные сведения о многочисленных суровых мерах ограничения вступления в брак по мотивам сословного неравенства, правда, относящиеся к позднейшему периоду, сообщает Н. С. Джанашия в статье, напечатанной в 1898 году в грузинской газете «Иверия». Так, например, в с. Тамыш одному из ашнакума понравилась крестьянская девушка, которую он полюбил и вскоре женился на ней. Родственники жениха категорически потребовали от него либо разойтись со своей женой, либо отказаться от их фамилии, а женщину начали всячески травить и оскорблять. Муж вынужден был разойтись с молодой женой. Последняя, не выдержав все это, повесилась[3].

Таким образом, отношения анхаю и всего крестьянства к феодалам, как и повсюду, были политически закреплены системой сословных привилегий.

Из сказанного видно, что крестьяне анхаю являлись феодально-зависимыми. Дальше же мы увидим, что эта зависимость в одном случае, когда речь шла о высшем слое анхаю и известной территории края, выражалась сравнительно в легкой форме с точки зрения крепостнических отношений, а в другом случае, когда речь шла о массе низшего слоя данной категории и другой территории, она выступала в степени, характеризовавшейся более быстрым процессом в сторону дальнейшего закабаления этой последней группы анхаю. В том и в другом «случае в связи с переменами, происходившими в судьбе абхазского крестьянства вообще, менялось и экономическое, и юридическое положение анхаю.

[1] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866, № 74.

[2] Инал-ипа Ш. Очерки по истории семьи и брака у абхазов. Сухуми, 1954. – С. 26–46.

[3] Цит. по статье Х. С Бгажба «Н. С. Джанашиа – краевед Абхазии». «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXV. Сухуми, 1954. – С. 25–26.

Мы переходим к исследованию того явления в жизни анхаю, которое характеризовалось как процесс дальнейшего их закабаления, вызванный в Абхазии ростом крепостничества в условиях развития товарно-денежных отношений. Этот процесс находил свое отчетливое проявление в конкретных формах и степенях эксплуатации этой категории сельского населения классом помещиков.

Прежде всего, пока в самых общих чертах, подчеркнем, что результат указанного процесса был настолько ощутителен, что в рассматриваемое время анхаю по своему хозяйственному и правовому положению не составляли однородную массу, причем настолько, что ясный социальный смысл приобретали названия, установившиеся для обозначения отдельных их прослоек: «настоящие» и «ненастоящие», или «родовые» и «неродовые» анхаю. Следовательно, характеристика каждой из этих групп в отдельности не может быть общей для всей массы данных крестьян.

Часто источники говорят обо всех анхаю без деления их на отдельные прослойки. Иногда бывает очень трудно различать, о каких именно анхаю идет речь. Но мы располагаем и такими документами, которые в этом отношении проявляют дифференцированный подход. Как уже говорилось, комиссия генерала Понсэ в «Сравнительной таблице...» ясно указывала на тот факт, что анхаю «бывают двух родов», т. е. данные крестьяне делились на две группы, положение которых существенно отличалось друг от друга[1], при этом одна из них была низведена в социальном отношении в сущности до уровня крепостных – ахоую. В материалах названной комиссии говорится также о «хороших анхаю» и «почетных анхаю»[2].

Начальник Сухумского отдела генерал Толстой, перечислив социальные категории феодальной Абхазии, в том числе и анхаю, замечал, что в каждой из них не только отдельные роды, но и отдельные семейства «нередко пользуются правами, во многом отличными от прав сословия, к которому они принадлежат и не подходящими к правам других классов»[3].

[1] ЦГИАГ, ф. 416. 1865 г., д. 1011.

[2] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г.. д. 5, лл. 89–96.

[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1. д. 180, лл. 31–39.

А. П. Черепов писал, что в силу целого ряда причин «сословие анхае делится на две категории: платящих и не платящих, вернее: обязанных повинностями и необязанных». Далее он указывал на то обстоятельство, что и «размер отбываемых анхае повинностей не одинаков»[1]. В одном документе инструктивного характера, при указании на «виды зависимых сословий» в Бзыбской Абхазии, анхаю («вольные жители») были разделены на: «1) необязанные натуральной повинностью к своему владельцу и 2) несущие определенную дань в виде податей за землю ими обрабатываемую»[2].

О неоднородности крестьянской категории анхаю писал и Ив. Аверкиев, считая одну ее группу отбывавшей «довольно большие повинности», и вообще подчеркивал, что «плата была различная». Для подтверждения этого положения, рассматривая каждую группу анхаю в отдельности, он приводил определенный материал[3].

В материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии мы также наблюдаем деление анхаю на «два разряда», из которых один (высший) нес службу или выходил на полевые работы в течение нескольких дней в году. Правда, указанные повинности назывались в первом случае «почетными», а во втором – «добровольными» («по приглашению»); общий же вывод: данные крестьяне по сути дела не отбывали никаких повинностей. Но эти утверждения, кстати часто встречающиеся в материалах названной комиссии и у некоторых других авторов, некритически пользовавшихся этими документами, так же противоречивы и неверны, как и тезис об абсолютной свободе анхаю. Вторая (низшая) категория анхаю обязана была несением, кроме указанных, особой повинности, известной под названием ажидз, состоявшей в доставлении помещику части продуктов своего хозяйства[4].

В одной записке, составленной членами той же комиссии, анхаю, которые именуются «вольными жителями», еще более четко были разделены «на два класса» по степени их обязанностей владельцам, но отнюдь не по принципу отсутствия или наличия таких обязанностей[1].

Наконец, мы обратимся к документу, который также исходит от Сухумской сословно-поземельной комиссии: «Расчет испрашиваемого от казны денежного воспособления делу освобождения зависимых сословий в Сухумском отделе», в котором в самом начале речь идет о «выкупной плате» анхаю «за освобождение». Интереснее всего то, что здесь крестьяне анхаю делятся на три категории: высшую, среднюю и низшую[2].

В дореволюционной литературе это отмечали некоторые авторы. Однако, если об указанном явлении иногда и говорилось, то не делалось из этого признания надлежащих выводов.

Однородность анхаю исчезла до такой степени, что искать единого экономического и юридического определения для всех анхаю в конкретной обстановке было невозможно. Мы имеем дело с динамическим явлением, в процессе которого неизбежны были глубокие изменения. Общая тенденция в юридической судьбе крестьян анхаю вообще в изучаемое время характеризовалась превращением их в обязанных повинностями, принимавшими наиболее тяжелые формы феодальной эксплуатации и делавшими анхаю крепостными.

Анхаю не только не составляли единой, но и устойчивой категории. Нивелирование разницы между отдельными крестьянскими категориями, процесс слияния этих разрядов сельского населения постепенно формировал единую, хотя и пеструю по своему составу, категорию крепостных крестьян. Сухумская сословно-поземельная комиссия одним из источников образования категории крепостных крестьян ахоую считала «обращение пленных и закабаление из других вышестоящих сословий», т. е. главным образом анхаю[3].

Таким образом, наступление феодалов приводило анхаю к закрепощению. Закрепощение крестьянства в Грузии представляло длительный исторический процесс. Крепостничество победило здесь в XIII веке. Но в отдельных местах закрепощение всех слоев крестьянства затянулось на более длительный период. Так получилось и в Абхазии.

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. I, д. 1038, лл. 1–46.

[2] Там же, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 1–5.

[3] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866, № 74.

[4] Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии; Очерки устройства общественно-политического быта Абхазии. – С. 13; Освобождение зависимых сословий в Сухумском отделе. – С. 49, и др.

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 1–5.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 44.

[3] ССКГ, в. V. 1871. – С. 45.

Вместе с тем, с другой стороны, в результате общего хозяйственного развития, происходившего в предреформенной Абхазии, когда товарно-денежные отношения постепенно проникали не только в помещичье имение, но и в крестьянский двор, проявление элементов внутреннего расслоения анхаю, как и всего крестьянства, усиливалось. Деревенская верхушка формировалась главным образом из анхаю – наиболее сильных в экономическом отношении крестьян. Именно представители этих крестьян пробивались в сословие ашнакума, а некоторые из них даже претендовали на дворянство. Как раз эту верхушечную часть анхаю официальные документы именуют «почетными жителями» или «почетными поселянами», точно так же, как аналогичная группа адыгейских тфэкотлей иногда в источниках называется «простыми почетными жителями»[1]. В народе же наиболее «почетные» лица из «чистых крестьян» характеризовались, как «крестьянские дворяне» (анхаҩы – аамсҭа)[2].

Отдельные зажиточные крестьяне откупались от помещиков, платя при этом большие средства, часто несколько десятков крупного рогатого скота или сотни рублей. Согласно одному преданию, лыхненский анхаю Капыт Дзария (Кыжв-ипа) выкупился, заплатив помещику 60 дойных коров[3]. Бедийский анхаю Давид Чкадуа выкупился с семейством, заплатив своему владельцу 100 руб. сер.[4] По свидетельству и. д. начальника Сухумского военного отдела полк. Коньяра (1865 г.), в селах Баргеби, Отобайа и Тагилони анхаю, чтобы выкупиться с землей, платили помещику от 200 до 230 руб.; от повинностей же освобождались, заплатив от 60 до 100 руб.[5]

Нуждаясь в рабочей силе, деревенская верхушка приобретала рабов, владела собственными крепостными. Это было вообще обычным явлением. К. Маркс писал, что «в эпоху феодализма более состоятельные зависимые крестьяне, в свою очередь, держали крепостных»[6].

[1] Леонтович Ф.И. Указ. соч. – С. 125.

[2] Арх. Абхазского института, ф I, д. 175/103. л. 13.

[3] Это сведение относится, по-видимому, к кануну крестьянской реформы в Абхазии.

[4] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 117–120.

[5] ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 42–49.

[6] Маркс К. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1955. – С. 812.

По данным Сухумской сословно-поземельной комиссии, крестьянам из категории анхаю принадлежало, примерно, 75% всех рабов (ахашвала)[1]. Упомянутый выше Капыт Дзариа, имевший кузнечную мастерскую, по сообщению его внука Рагуа Дзидзария (Дзария), одних подмастерьев держал до 12 человек, а также несколько пастухов (Дмитрия и Хуса Кокоскерия, Сыкуна Шландзе, Мачагуа Кицба); он, кроме того, имел большое количество скота, пасеку, дом из трех комнат и т. д.[2]

К. Маркс указывал, что при форме ренты продуктами, в которых воплощается прибавочный труд, рента может и не исчерпывать весь избыточный труд деревенской семьи. Напротив, производителю дается здесь, по сравнению с формой отработочной ренты, больший простор для того, чтобы приобрести время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющего его необходимейшие потребности. «Вместе с этой формой появятся более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей. По крайней мере является возможность этого и даже возможность того, что этот непосредственный производитель приобретает средства для того, чтобы, в свою очередь, прямо эксплуатировать чужой труд»[3].

Богатый анхаю, обязанный отбывать барщину, часто посылал вместо себя своего зависимого, а сам в таких случаях нес «почетную службу». Кроме того, анхаю нередко посылал своего работника на заработки во время рубки леса, сбора винограда и других сельскохозяйственных продуктов скупщиками. Тот же работник часто занимался реализацией на рынке продуктов из хозяйства самого анхаю. А эта связь с рынком, как мы видели, постепенно росла.

В «новых условиях», когда, по словам А. В. Пахомова, население «начинает понимать значение денег» и «народ обратился к земле», повышалась рентабельность земли, росла ее ценность. В связи с этим деревенские богачи начали чаще скупать или брать в аренду пахотные земли, леса и сады. Весьма интересны данные Сухумской сословно-поземельной комиссии о случаях продажи земли

[1] ССКГ, в. V. – С. 45.

[2] Арх. Абхазского института, ф. I, д. 92, л. 8.

[3] К. Маркс. Капитал, т. III, 1955. – С. 808–809.

крестьянами. Прежде всего, комиссия насчитывала до 200 случаев продажи земель[1], имевших место в течение 20 лет перед реформой. Во-вторых, оплата по этим операциям производилась не только натурой, но и деньгами. В-третьих, купля и продажа земли происходили на почве, с одной стороны, нужды, а, с другой, расширения хозяйства крестьянской верхушки. В-четвертых, часто земля сдавалась на временное пользование, в аренду.

В с. Дурипш анхаю Мадла Таркил имел 5 купленных участков в с. Эбырныха, а Кубзач Таркил – 9; другие крестьяне Таркил имели по одному и более участков в том же с. Эбырныха. Отхарский анхаю Туква Бия имел 6 купленных участков земли, составлявших более 10,5 десят., а всего он имел 14 десятин[2]. Анхаю Мусербей Тария, живший в с. Бача, имел 3 приобретенных участка, примерно, в 6 десят., заплатив за эту землю 4 коровы и 5 коз. Другой анхаю того же села Фаткири Лугба за 5 коров купил 3 участка, составлявшие около 5 десят. Анхаю с. Мазихва Чугу Еник купил сад размером около 1 десят. у блабурхвинских анхаю Квацы и Сейлука Барцыц за 1 ружье, 5 коз и 15 арш. материи. Ханашв и Лаз Жиба, анхаю названного же села, купили сад и пашню в 2 десят. у анхаю Маху Барцыц за 2 коровы и 2 козы. Анхаю с. Шлара Маху Мыджба и Гедлач Дбар купили около 2 десят. сада за лошадь стоимостью в 4 коровы. В в. Бедия в 1865 году анхаю К. Гожаладзе купил землю с виноградным садом за 145 руб.; в 1866 году Джиру Такия купил землю за 140 руб.; в 1867 году Кипа и Кварца Джолария у анхаю Сангулия купили виноградник, заплатив 100 руб.[3]

Анхаю с. Мерхеул Гусейн и Халыл Браскил в 1870 году подали заявление в Пицундское окружное управление, в котором приписывали себе дворянское происхождение и отказывались платить крестьянские повинности в пользу князя Г. Д. Шервашидзе. В упомянутом заявлении братья Браскил, между прочим, указывали,

[1] А. Н. Введенский в статье «Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина...» также указывал, что «огромное множество фактов продажи земель лицами из сословия анхае (пиоши) и ахуйю (дельмахоре) посторонним лицам и своим владельцам» имело место «как в прежнее, так и в последнее время» (С. 34).

[2] Сухумская сословно-поземельная комиссия считала землю в «пахотных днях». А. В. Пахомов «пахотный день» определял, примерно, в 800 кв. саж (ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, лл. 490–491).

[3] Некоторые случаи продажи земель зависимыми сословиями Абхазии, 1868 г. ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 184–194.

что в названном селе им принадлежали земли, где имели «оседлость, посевы, канаши (поля. – Г. Д.) и тому подобное хозяйственное обзаведение»[1]. Анхаю Тхасоу Жиба в с. Мазихва уплатил долг за умершего анхаю Мсрукву Еник с условием, что будет пользоваться всей его землей, садом, пашней и усадьбой до совершеннолетия сыновей, после чего Жиба должен был отдать последним половину имения их отца, а они – 1 корову и 1 козу[2].

Приведенные данные, разумеется, не дают еще полной картины землевладения деревенской верхушки. Но, во всяком случае, они в этом отношении представляют несомненный интерес. Количество купленных земель и садов у отдельных вышеуказанных крестьян доходило до 10,5 десят., а размер всей наличной земли – до 14 десят. Значительность этих цифр легко себе представить, если сопоставить их, по крайней мере, со средним размером количества земли на дым анхаю. К сожалению, не представляется возможным точно установить этот размер. Однако косвенные данные могут создать определенное представление. А. В. Пахомов указывал, что во время владетеля вообще крестьянам давалась земля, количество которой не превышало 3,3–5 десят. на дым, или около 0,66 десят. на душу мужского пола. Но после 1864 года, т. е. с введением русского управления в крае, когда «жители начали понимать, что выгодно зарабатывать не один насущный хлеб, но некоторый излишек для продажи», стали появляться «претензии, превышающие это количество»[3].

В связи с этими новыми условиями Пахомов находил справедливым увеличить пахотные участки крестьян, «против того, чем они пользовались в прежнее время», – на душу дать надел около 2 десят., что «вполне обеспечит благосостояние земледельческого

[1] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1. 1871 г., д. 30, лл. 43–44.

[2] ЦГАА, ф. 57, д. 5, л. 139.

[3] Комиссия, образованная при Кавказском военно-народном управлении для рассмотрения проектов инструкций... по земельному устройству населения Абхазии, на заседании от 10 марта 1883 г. также констатировала: «Со времени русского правления и утверждения в крае относительной безопасности земледелие начало развиваться, и многие жители, не заботясь более о скученном расположении своих жилищ, стали переносить усадьбы на новые места, более близкие к их полевым угодьям» (ЦГИАГ, ф. 231, оп.2, 1882 г., д. 49, л. 105).

класса»[1]. Очевидно, 3,3–5 десят. и составляли средний размер земли на дым анхаю. При этом обращает на себя внимание признание Пахомова в недостаточности этого размера для обеспечения «благосостояния земледельческого класса» в новых условиях.

Легко себе представить положение тех анхаю, которые вынуждены были продавать или закладывать свои земли, не превышавшие этой средней цифры. Сухумская сословно-поземельная комиссия собрала целый ряд данных и по этому вопросу. Лыхненский анхаю Джегория Тарба впал в долги, вследствие чего продал свой сад за 12 руб. Продали свои сады также звандрипшский анхаю Ханашв Чалмаз, калдахварский анхаю Эдык Лукба, апцхвинский анхаю Лаз Лейба, гальский анхаю Кваца Кецбая (за 15 руб.), речхинские анхаю Д. Циколия (за 30 руб.) и Була Кецбая (за 15 руб.). В 1853 году анхаю с. Лыхны Мамсыр Дзкуя продал свою землю (около 6 десятин) за 9 коров. Саберийские анхаю Мадж, Бабулия и Кечо Мархулия в 1858 году продали свою землю крестьянам Сабулава за 25 руб. 50 коп. Когда в с. Яштхуа Бата и Титу Бачер-ипа много задолжали разным лицам, то в 1866 году вся их земля была разделена между кредиторами, согласно приговору сельского суда[2].

Дошла до нас подписка, данная 2 мая 1865 года анхаю с. Копыта Кутой Аджинджал (Джинджолия) жителям того же села крестьянам Матия и Бидзи Шадания, о том, что он заложил свое имение, состоявшее из лугов, пахотных земель и виноградника – за 100 руб. (80 руб. деньгами и 20 руб. вещами). «Если, – говорилось в документе, – впоследствии когда-нибудь за заложенное имение в состоянии буду уплатить взятые мною деньги..., тогда на основании этой подписки должны возвратить мне это имение, в противном случае, ни я ни дети мои не в праве требовать никаких ответственностей от вас и от детей ваших...»[3]. Крестьяне в ряде случаев свои земли продавали и закладывали и феодалам.

Из случаев аренды крестьянами анхаю земли, продиктованной земельной нуждой, показательным является следующий факт. Мосле упразднения Бамборского укрепления, входившего в систему Черноморской береговой линии, обширная Бамборская поляна (Аччра), составлявшая «частную собственность» владетеля М. Шервашидзе, была роздана в аренду лыхненским крестьянам, в том числе анхаю. При этом крестьянам было запрещено занимать землю под усадьбы, т. е. они, нуждавшиеся в земле, могли производить лишь распашки, принося определенную плату за это помещику. После же упразднения Абхазского княжества в 1864 году некоторые из указанных крестьян перестали платить за пользование землей в Бамборах и начали строить здесь свои усадьбы. Однако с 1867 года, когда все владетельские имения были внесены в опись, пользование этой землей снова начало производиться за определенную плату с десятины, которая ежегодно представлялась в доход казны. Этот порядок пользования землей в Бамборах сохранялся до начала русско-турецкой войны 1877–1878 годов[1].

Вместе с тем бедные крестьяне из категории анхаю подвергались эксплуатации со стороны скупщиков леса, при рубках и подвозах леса для строительства мостов во время дорожных работ[2]. А лесные работы, как уже отмечалось, принадлежали к наиболее плохо оплачиваемым[3]. Крестьяне эксплуатировались также скупщиками винограда, фруктов и других сельскохозяйственных продуктов. А. В. Пахомов свидетельствовал, что, например, в селах, расположенных в пределах имения князя Д. Г. Шервашидзе, «жители за свои труды по сбору винограда и ореха получали небольшое вознаграждение, по взаимному соглашению с подрядчиком»[4]. О найме крестьян писали многие современные авторы (С. Пушкарев, И. Аверкиев, А. Пахомов и др.). Майор Баратов говорил (1866 г.) о «найме рабочего человека»[5], а начальник Сухумского округа (в том же году) – о годовом заработке «нанятого работника»[6].

Заметим и тот факт, что деревенские богачи давали кабальные ссуды односельчанам. Об этом свидетельствует хотя бы сообщение И. Аверкиева о том, что если кто задолжал другому корову, то через год обязан был возвратить корову с теленком, через два года – две

[1] Пахомов А.В. Записка об имениях кн. Г.Д. Шервашидзе.
[2] ЦГАА, ф. 57, оп.2, 1870 г., д. 5, лл. 184-194, 198-200.
[3] Там же, л. 80.

[1] ЦГИАГ, ф. 545, д. 3103, л. 214
[2] Там же, ф. 416, оп.3, 1869 г., д. 1017, лл. 73-74; ГАКК, ф. 260, д. 480, лл. 417 об. 423 об, 491 об.
[3] Ленин В.И. Соч., т.3. – С. 462.
[4] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп.1, л. 29, л. 484.
[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 9 об.
[6] Там же, л.4.

тельных коровы, через три года – две коровы и двух телят и т. д.[1] При займе же денег обыкновенно платилось по 5% в месяц[2].

Иллюстрацией имущественного неравенства анхаю являются также следующие факты. В 1861 году было произведено описание с. Пахулани, в частности, были собраны сведения о пиоши (анхаю), отмеченных под названием глехи; данные о повинностях этих крестьян были снабжены таким примечанием: «Обозначенное здесь количество повинностей обязательно для каждого дыма крестьян, но некоторые из них дают меньше по бедности или другим уважительным причинам»[3]. Согласно ведомости о сборе подати за 1865 год по Бзыбскому округу с бывших владетельских крестьян, из 543 дворов (по 18 селам), главным образом анхаю, оказался несостоятельным и подати не внес 101 двор[4]. Многие бедные анхаю не имели даже собственных домов и вообще никакого хозяйства и жили в домах своих владельцев или родственников, очень часто под видом асасов, т. е. «гостей».

Такое бедственное положение переживала основная масса анхаю, которая, как и адыгейские тфэкотли[5], постепенно теряла свои прежние права, унаследованные от патриархально-общинной эпохи.

Характеристику рассматриваемого явления в жизни анхаю перед реформой мы закончим выводом В. И. Ленина: «Итак, еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения»[6].

* * *

Авторы версии об абсолютной свободе анхаю как главный аргумент выставляли земельный вопрос. Но что говорит нам не

[1] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866, № 72.

[2] Там же.

[3] ЦГИАГ, ф. 220, оп. 1, д. 778. лл. 79-79 об.

[4] Там же, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 76. лл. 149–150.

[5] См. З. В Анчабадзе. «Социальное положение тфэкотлей и их классовая борьба в адыгейском обществе первой половины XIX в.». «Труды института истории им. И. Л. Джавахишвили АН Грузинской ССР», II. Тбилиси, 1956.

[6] Ленин В. И. Соч., т. 3. – С. 143.

механический, а диалектический подход к анализу исторических явлений?

Процесс закрепощения анхаю проявлялся в поземельных отношениях, ибо основой феодального строя и крепостнической формы эксплуатации являлась феодальная собственность на землю, хотя, как отмечалось, здесь она, в условиях вообще низкого уровня социально-экономического развития, еще не достигла высокого уровня.

Но какова бы ни была специфическая форма ренты, в которой реализуется земельная собственность, «всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность»[1]. «Монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства, как и всех прежних способов производства, основанных на эксплуатации масс в той или иной форме»[2].

В предреформенной Абхазии, естественно, на земельной почве происходила классовая борьба между крестьянами и помещиками. В этом кардинальном вопросе сталкивались, с одной стороны, помещики и крестьяне, с другой стороны, те и другие с членами различных комиссий, изучавших накануне крестьянской реформы социально-экономические отношения в Абхазии. Однако абхазские помещики и царские чиновники расходились не только друг с другом, но и с действительным положением вещей. Первые, стремления которых нашли свое развернутое отражение в указанной выше докладной записке депутатов дворянства Абхазии председателю Тифлисского комитета по сословно-поземельным делам, анхаю объявляли обыкновенной категорией крепостных крестьян со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Названные же выше комиссии и многие представители дворянско-буржуазной историографии развивали положение, являвшееся другой крайностью в оценке рассматриваемого вопроса. Комиссия Понсэ утверждала, что в Абхазии «высшее сословие не имеет и не имело каких-либо определенных, преимущественных

[1] Марк К. Капитал, т. III, 1955. – С. 646.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. II. – С. 167.

перед остальным населением, прав на землю, подобно дворянству в России или в Грузии, что земля была всегда достоянием общественным...»[1]. Сухумская сословно-поземельная комиссия еще более ясно сформулировала это положение: в Абхазии «в поземельном отношении все сословия равны»[2]. Член комиссии А. Н. Введенский писал, что земельное право было регулятором отношений всех сословий в Абхазии, оно ставило «низшее сословие вне зависимости от привилегированных классов... Все сословия... были полными собственниками земель, обработанных ими или их предками»; зависимость анхаю «была чисто личная»[3].

На заседаниях Комитета по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа в ноябре 1869 года Гейман, Понсэ, Краевич и Старосельский также доказывали отсутствие в Абхазии всякого поместного нрава и говорили о существовании здесь лишь личной зависимости крестьян. «Все земли, – говорил, например, Краевич, – возделываемые, как-то: усадебные, пахотные и садовые, составляют полную собственность всех тех лиц, без различия сословий, которые приобрели их обычными путями, т. е. или непосредственною расчисткою из-под леса и обработкою, или же куплею и наследованием...»[4].

Военный министр Д. Л. Милютин императору Александру II 8 ноября 1870 года[5] писал: «Отличительная черта сословных отношений в этой местности заключается в том, что как в Абхазии, так и в Самурзакани подвластность низших, несвободных сословий высшим исключительно личная, нисколько не выражающая собою какой-либо зависимости по земле. В отношении поземельного пользования все сословия являются равноправными, с некоторыми только незначительными преимуществами высших сословий в распоряжении свободными общественными землями, преимуществами, вытекающими из первенствующего положения и, так сказать, административного значения их в среде общим». Поместные

[1] Записка ген. Старосельского наместнику Кавказа от октября 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, д. 2784, лл. 165-199..

[2] ССКГ. в. III, 1870. – С. 15.

[3] (Введенский А. Н.). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина... – С. 34–47.

[4] Цит. по сб. П. В Гугушвили. «Сельское хозяйство и аграрные отношения», т. II. – С. 566–572.

[5] Там же. – С. 586–596.

же притязания «составляют явление позднейшего времени и объясняются преимущественно соседством... с Мингрелией, где за высшими сословиями признано поместное право на земли... При существовании... двух влияний: одного – горского, черкесского, а другого – закавказского, грузинского, правительственные власти, естественно, сочувствовали сему последнему...». В Большой Кабарде «существовали те же обычные поземельные отношения, какие обнаружены исследованиями Сухумской комиссии в Абхазии и Самурзакани, с весьма незначительными различиями»: там и здесь пользование землей было «одинаково свободно для всех сословий». Повинности, отбываемые крестьянами в пользу «высшего класса, строго определены... Вообще значение этих повинностей, при существовании полной равноправности в пользовании частною собственностью и землями, приобретенными определенными обычаем путями, заключается как бы в возмездии высшему классу за оказываемые им покровительствуемым защиту и разного рода других услуг... Такой взгляд на сословно-поземельные отношения в стране, выясненный Сухумскою сословно-поземельной комиссией..., положен в основу... сословно-поземельной реформы».

Отрицание наличия в Абхазии феодальной собственности на землю – точка зрения и многих исследователей, представителей дворянско-буржуазной историографии. И это было, конечно, не какой-то случайной ошибкой всех этих авторов. Дело в том, что царское правительство ясно понимало; что признание за местными помещиками прав русского дворянства означало признание за ними и прав вотчинной собственности, что явно противоречило колониальным интересам царизма. Причем такая точка зрения проводилась не только по отношению к абхазцам, но и к некоторым другим кавказским народам.

Н. Дубровин писал, что в Кабарде «подобно князьям и дворяне не имели отдельно от своего народа никакой поземельной собственности»[1]. Ф. Леонтович рассматривал черкесских князей и дворян как простых родовых старшин[2].

[1] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн.1. – С. 213.

[2] Леонтович Ф. Адаты кавказских горцев. Одесса. 1882. – С. 408.

В литературе мы встречаем и такое утверждение, что собственниками земли в Абхазии считались лишь члены дома князей Шервашидзе; только они и могли продавать, например, виноград, который им обязаны были доставлять жившие на их землях князья, дворяне и крестьяне. Эти последние, являясь, таким образом, арендаторами, сами могли приготовлять лишь небольшое количество вина, необходимое для собственного потребления[1].

В действительности, как мы уже видели, абхазские феодалы с давних пор являлись крупными земельными собственниками. Они продавали землю, отдавали в аренду и распределяли по своему усмотрению, т. е. пользовались и распоряжались землями как своей собственностью. В материалах самой Сухумской сословно-поземельной комиссии можно найти массу фактов, свидетельствующих об этом явлении.

Нужно также отметить, что на указанных выше заседаниях Комитета по освобождению горских крестьян Кавказа, состоявшихся в ноябре 1869 года, «комитет разошелся в суждениях своих относительно оснований», проектированных Сухумской сословно-поземельной комиссией для освобождения анхаю; при этом было потребовано разъяснение вопроса о том, есть ли действительно зависимость анхаю от феодалов исключительно административная и не проистекает ли она из поземельных прав этих последних. А по прочтении «Краткой записки о поземельном устройстве поселян Сухумского отдела», составленной Кавказским горским управлением и отметившей «обширные труды по этому предмету», представленные Сухумской сословно-поземельной комиссией, председатель комитета предложил обсудить – «собрано ли комиссией достаточное количество данных для того, чтобы было отвергнуто существование» в Абхазии поместного права. Мнение Сухумской сословно-поземельной комиссии, а также Геймана, Понсэ и Старосельского в связи с такой постановкой вопроса нам уже известно. Некоторые другие члены комитета (Багратион-Мухранский и Туманов) доказывали существование в Абхазии поместного права. В частности, Багратион-Мухранский, защищавший интересы крупных абхазских феодалов, говорил даже, что здесь существовали почти

[1] Тимофеев С. Н. Очерки виноградарства и виноделия в Сухумском округе. – С. 15.

такие же крепостнические отношения, какие имелись в Мегрелии, где правительство за помещиками признало поместное право[1].

Эти противоположные мнения в вопросе о землевладении в предреформенной Абхазии не могут быть не учтены и отброшены механически, ибо, как уже указывалось, они не только искажали, но и в известной мере отражали действительное положение вещей.

Что же касается самих крестьян, то они упорно боролись и отстаивали свои права на землю, как основу экономического быта.

В литературе вообще вопрос о землевладении и землепользовании в предреформенной Абхазии, являющийся весьма сложным, чаще всего рассматривался не в динамике, а в статике. Противоречивые оценки Ф. Торнау, И. Аверкиева, Н. Дубровина и других, данные ими крестьянам анхаю, особенно проявлялись в этом вопросе. Торнау и Аверкиев правильно указывали на факт существования феодальной собственности на землю, обусловливавший экономическое принуждение крестьян, в том числе и анхаю. Но, вместе с тем, Торнау допускал два взаимоисключающие положения, каждое из которых, в свою очередь, не выражало действительности. Он писал, что, во-первых, все анхаю были прикреплены к земле; во-вторых, земля, на которой сидели анхаю, являлась их собственностью[2]. Такое противоречие допускал и командующий войсками в Абхазии генерал Шатилов, который 23 декабря 1865 года в военное управление кутаисского генерал-губернатора писал: «Из различных собранных мною при случае данных я пришел к личному убеждению, что повинности отбываются зависимыми сословиями не за землю, отводимую как земледельцам, а составляют налог, уплачиваемый за покровительство и защиту указываемую сильным слабейшему»[3].

В этом отношении И. Аверкиев был последовательнее. Он считал анхаю прикрепленными к земле и не владевшими ею: владение последней «наследственно было исключительно в руках независимых сословий». Обязанности анхаю платой и работой автор связывал исключительно с пользованием землей князей и дворян, называя их землевладельцами. Однако, как мы видели, это свое

[1] Гугушвили П.В. Сельское хозяйство и аграрные отношения, т. II. – С. 567–568.
[2] Торнау Ф.Ф. . Указ соч., ч. 1. – С. 57–58; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 45240, лл. 37–39.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1012, л. 21.

утверждение Аверкиев опровергал, объявляя анхаю «вольными жителями»[1].

Ф. Завадский также утверждал, что все анхаю пользовались землей, отведенной им помещиками, за что были и обязаны повинностями. Но, оказывается, помещики не имели нрава отнимать землю, а крестьяне, в свою очередь, не имели права переходить из одного имения в другое[2].

Д. Бакрадзе хотя и писал, что в Абхазии крепостного права нет, но вместе с тем утверждал, что здесь вся земля считалась собственностью помещиков. Однако крестьянин, живший на этой земле, волен был уйти, если не желал отбывать обычаем установленных повинностей. Немного ниже Бакрадзе заявлял, что не только анхаю, но и крепостной мог селиться, где хотел, не спрашивая согласия помещика[3].

Подобными искажениями и противоречиями характеризуются положения и многих других дворянско-буржуазных авторов. Среди них особое место занимает Н. Ф. Дубровин, в пространном сочинении которого смешаны все эти «точки зрения». В результате этого и получилось, что Н. Ф. Дубровин, с одной стороны, развивал мысль, что в поземельном отношении здесь все сословия были равны: места, расчищенные и приспособленные к возделыванию, составляли частную собственность того лица, которое положило на их расчистку свой труд или денежный капитал; анхаю, переходя в другое селение, имели возможность сохранить за собой землю[4]. С другой стороны, Дубровин писал: «Анхае в переводе означает поселянин – это, так сказать, вольные жители, которые, пользуясь владельческими землями, обязаны были за это определенною платою и работою». В другом месте мы также читаем, что крестьянами князья «владели на правах подданства за землю, которою их наделяли... Князья и дворяне пользовались доходом с своей земли и известною частию доходов с земли, принадлежавшей крестьянам»[5].

[1] Аверкиев Ив. Указ. соч. «Кавказ», 1866, № 74.
[2] Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. «Кавказ», 1867, № 59.
[3] Бакрадзе Д. З. Указ. рук.
[4] Дубровин Н. Указ. соч., т. I. кн. II. – С. 68.
[5] Дубровин Н. Указ. соч., т. I, кн. II. – С. 65–66.

Если анхаю, пользуясь помещичьей землей, обязаны были за это определенной платой и работой, то, следовательно, они не были собственниками земли. Но в таком случае каким же образом, переходя на жительство в другое село, прекращая отбывать повинности прежнему владельцу и начиная вносить их другому, они сохраняли права на свои участки в месте прежнего их жительства, о чем писал Н. Ф. Дубровин? А. Н. Введенский уличал Н. Ф. Дубровина и в другом противоречии. О каких обязательствах анхаю в отношении своих владельцев писал Дубровин на 67 странице своего сочинения, заявляя, что зависимость этих анхаю, личные услуги и повинности, приносимые владельцам, были не более как добровольные подарки, которые, повторяясь в течение нескольких лет, превратились в обязанность? Если это были подарки, «то не были обязательною «платою и работою» за пользование владельческими землями, и почему повторительное принесение крестьянами анхае подарков владельцам перешло для них в обязательную повинность, тогда как, при таких же условиях, подарки, даваемые владетелю князьями и дворянами, не получили такого характера?»[1].

Мнений С. С. Эсадзе и С. Л. Авалиани по данному вопросу мы уже касались частично. Не интересуясь производственными отношениями, они зависимость крестьян Абхазии считали лишь личной и исключали их зависимость по земле. Эсадзе почти буквально придерживался вывода Сухумской сословно-поземельной комиссии. Авалиани же вынужден был отметить наличие зависимых категорий, не имевших земельной собственности, которые, в силу «различных обстоятельств», не могли осуществить «свое право», и эти «обстоятельства» заставили автора признать, что даже анхаю нельзя считать абсолютно независимыми[2].

Из позднейших авторов К. Д. Мачавариани наиболее последовательно развивал положение Сухумской сословно-поземельной комиссии и всех тех лиц, которые защищали это положение: «Вообще все сословия туземного населения Абхазии были совершенно равноправные поземельные собственники»[3]. «Закон «Ману» – «зем-

[1] (Введенский А.Н.). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина..., – С. 35–36.
[2] Авалиани С. Jl. Указ. соч., т. II. – С. 66.
[3] Мачавариани К.Д. Путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. – С. 320.

ля принадлежит тому, кто ее обработал», – писал Мачавариани, – был применяем здесь в широких размерах. Все сословия, начиная от князя и кончая «ахашала», были полными собственниками земель, обработанных ими и их предками. Такое поземельное право ставило низшее сословие вне зависимости от привилегированных классов»[1]. «Первобытный закон Ману..., – утверждал и Л. П. Дьячков-Тарасов. – по абхазскому обычному праву, распространяется на всех без исключения абхазцев. Тот, кто расчистил участок для поля, усадьбы или сада имел на него право собственности за свой нелегкий труд»[2].

Неправильные положения в этом вопросе допущены и некоторыми советскими историками и экономистами. Например, в статье А. В. Фадеева «Крестьянская «реформа» в Абхазии» проводится мысль, что основой феодальной эксплуатации абхазского крестьянства являлась не феодальная собственность на землю, а «характерное для феодализма внеэкономическое принуждение». Кроме того, преувеличение значения «патриархально-общинного уклада» привело автора к выводу о том, что будто в начале XIX века «феодальный способ производства еще не утвердился на всей территории» Абхазии[3].

Но наиболее характерной в этом отношении, пожалуй, является книга П. В. Гугушвили «Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX–XX веках» (т. II), появившаяся в свет спустя более чем через 20 лет после статьи А. В. Фадеева. Автор слишком доверяется Сухумской сословно-поземельной комиссии, материалами и выводами которой пользуется без проявления к ним необходимого критического подхода. Цитируя и ссылаясь на эти материалы, он делает следующее принципиально ошибочное заключение:

1. «Мы можем говорить о наличии в предреформенной Абхазии своеобразной формы захватного способа землепользования».

2. «Правда, абхазское крестьянство фамилиям привилегированных сословий платило различные повинности, но это являлось

[1] Мачавариани К. Д. Путеводитель по городу Сухуми и Сухумскому округу. – С. 320–321.

[2] Дьячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. – С. 180.

[3] «Известия Академии Наук СССР». № 7. 1935. – С. 628–644.

следствием личной, а не поземельной зависимости. Одним словом, это был своеобразный вассалитет без ленных отношений»[1].

Любопытно при этом заметить, что указанная книга П. В. Гугушвили посвящается отмене крепостного права; в нее включены некоторые материалы Сухумской сословно-поземельной комиссии, на которые он опирается в своих вышеуказанных выводах. Но что же было отменять в Абхазии, если здесь, по утверждению автора, не было поземельной зависимости крестьян, феодальной собственности на землю и, следовательно, крепостнических отношений. Ведь известно, что основным признаком крепостного права является прикрепление крестьян к земле[2].

Надо сказать, что в Абхазии действительно было немало такой земли, которая не была еще занята. Генерал Е. Понсэ писал: «Не менее необходимою представляется съемка казенных, т. е. никем еще не занятых земель и точное разграничение их от дворянских населенных имений: сколько мне известно, весь южный склон хребта, отделяющего Абхазию от долины Бзыба, еще свободен от населения. Нижняя его часть покрыта лесами, выше лежат летние пастбища, на которые гонится скот, – они и теперь могут составить статью казенного дохода»[3]. Комиссия Понсэ утверждала, что «не было и не могло быть в Абхазии лесов (или вообще обширных пустырей) в частном владении»[4]. Такое категорическое утверждение, продиктованное стремлением «изыскать» побольше «статей казенного дохода», полностью не соответствовало действительности. Но нет сомнения в том, что указанных комиссией «пустырей» в Абхазии было, во всяком случае, немало. Заслуживает внимания утверждение Понсэ и о том, что вследствие «смутного состояния Абхазии при владетелях, и особых условий землевладения» здесь земля вообще «имеет мало цены. Более земли ценятся люди и рабы, как работники и как товар»[5].

На названного рода земли, в силу обычного права, мог претендовать и крестьянин. Наши источники указывают на известное рас-

[1] Гугушвили П. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX-XX веках, т. II., Госиздат ГССР, Тбилиси, 1956. – С. 467-468.

[2] Ленин В. И. Соч., т. 29. – С. 443.

[3] Рап. к. Понсэ А. П. Карцеву от 30 мая 1865 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, кн. 1. 1864 г., д. 76, лл. 66–67.

[4] То же от 18 ноября 1865 г. Там же, лл. 117–119.

[5] Рап. Е. Понсэ А. П. Карцеву от 30 мая 1865 г.

пространение в Абхазии обычая «вольной заимки»: тот, кто первым занимал на новом месте участок земли, тот и пользовался им, рассматривая его как собственное владение.

В «Кратком очерке политических событий в Абхазии» говорится, что владетельский родственник, ахылапшю того или иного села, «получал право приобретать в частную собственность обычными путями земли посредством расчистки лесов и других мест и разведения искусственных насаждений, подобно другим жителям…»[1].

Сторонники мнения о полном отсутствии каких-либо признаков общинного землевладения в Абхазии обычно указывали на то, что в абхазских селах мы видим «целую градацию зависимости одного сословия от другого», что не все жители села обладали «равным правом участия в доходах с принадлежащих общинам разных угодий», что «не делились в селах поровну пахотные поля» и т. д.[2] Однако и они не могли отрицать также наличия общинных владений, составлявших значительную территорию: это были места, предназначенные для пастьбы скота, устройства зимних загонов (аабтра), леса и пр.

Кроме того, нельзя было отрицать и того факта, что община выступала в некоторых случаях в роли третьего лица при конфликтах между феодалами и их подвластными; водворявшиеся в какой-либо общине обязаны были принести присягу, что «будут соблюдать общинные правила, будут защищать союз и сами пользоваться защитой»[3] и т. д. Заслуживает внимания также следующее утверждение Сухумской сословно-поземельной комиссии: «В случае возникновения каких-либо недоразумений и споров между зависимым и владельцем по предмету отбывания повинностей и обычных прав в этом отношении того и другого, прибегали к посредничеству известных лиц и даже самих общин (акыта); но если нарушенное право и затем не было восстановлено, то зависимый имел возможность протестовать прекращением отбывания повинностей, причем не только сам, но и все его однофамильцы могли переселиться в другую общину»[4].

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1018, лл. 1–24.
[2] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп.1, д. 36, лл. 17-18.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп.3, 1880 г., д. 1033, л.1.
[4] Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии. – С. 50.

Таким образом, в предреформенный период общинные пережитки в Абхазии еще были достаточно сильны, и нельзя было их относить лишь к мероприятиям военной администрации, как это делал А. В. Пахомов[1]; феодалы испытывали довольно серьезный отпор со стороны крестьян, опиравшихся на обычай.

Однако общинному землевладению здесь уже был нанесен существенный ущерб. Хотя на свободную землю мог претендовать всякий житель, но и на эту землю распространялась власть феодала в качестве «покровителя» или «старшего», т. е. верховного собственника. Это относилось и к общинным владениям. Такое положение было связано с определенными правами, обеспечивавшими феодалу присвоение прибавочного труда или продута непосредственного производителя. За пользование пастбищами, расположенными во многих случаях даже на общинных землях, феодалы собирали ажидз, т. е. речь шла о взимании с крестьян ренты за пользование пастбищами, хотя юридическое оформление частной собственности нередко отсутствовало. Феодальная собственность на землю прикрывалась в этом случае общинным землепользованием.

В «Кратком очерке политических событий в Абхазии и Самурзакани в последние 100 лет и общий взгляд на отношения членов фамилии Шервашидзе» говорится по этому вопросу, что ахылапшю того или иного села, владетельский родственник, «получал право... собирать в свою пользу ажидз с приходящих для пастьбы из других местностей стад...»[2]. Военный министр Д. А. Милютин также писал: «Высшие сословия имеют право взимать некоторую дань за пастьбу на свободной аульной земле скота, не принадлежащего членам аульного общества, в виду вознаграждения за покровительство и обеспечение такой пастьбы»[3].

Известно и то, что во время крестьянской реформы, когда многие ашнакума претендовали на дворянское достоинство, одним из определяющих моментов для их признания было обладание тем или иным лицом «правом» сбора ажидз. Па территории с. Ешеры, находившегося в пределах «удельного владения» князя Д. Г. Шервашидзе, князья Дзапш-ипа имели право пользоваться, ко всему

[1] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп.1, д. 29, л. 14.
[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп.3, 1869 г., д. 1018, лл. 1-24.
[3] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74. л. 35 об.

прочему, «ажидзом за пастьбу чужого скота». Но лес из этого села «вывозился всегда не иначе, как по записке самого князя Димитрия». Причем «обыкновенно нуждавшиеся в строевом материале или в дровах приносили какой-нибудь приличный подарок... князю Димитрию»[1]. В с. Джгерда за пользование горными пастбищами ажидз по очереди собирали князья Маршания[2].

Показательно было также, что тот же ахылапшю – феодал вместе с правом собирать ажидз получал возможность «пользоваться правом распоряжаться выморочными землями, оставшимися от своих подвластных и крестьян и приобретать оные в частную собственность, при условиях непосредственного пользования ими, занимая их под свое собственное хозяйство»[3].

В церковных же селах выморочные земли превращались в «общественные» и все жители имели право пользоваться ими. Но, по свидетельству Сухумской сословно-поземельной комиссии, «распахиваемый в этих местах участок не обращается в собственность и если распахивавший землю в течение одного или нескольких лет оставит ее хотя на одно лето праздною, то другой житель имеет право занять ее»[4].

Надо сказать, что вообще обычай «первой заимки», права первого занятия земли в XIX веке, безусловно, являлся определенным орудием в руках сильной экономической верхушки для захвата земли. Мы уже здесь не говорим о захвате общинных земель и возникавших на этой почве действиях.

Надо отметить и следующее обстоятельство. При большой подвижности населения Абхазии, по крайнем мере в отдельных ее районах, собственность на землю в ряде случаев не была четко выражена, хотя, конечно, она и существовала. При таком положении, и когда в условиях господства натурального хозяйства и примитивного земледелия помещики удовлетворялись небольшим и несложным хозяйством, нередко создавалась иллюзия, что земля в Абхазии будто и вовсе являлась общим достоянием всего населения,

[1] Пахомов А. В. Записка об имениях князя Г Д. Шервашидзе, л. 473.

[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, л. 177.

[3] Краткий очерк политических событий в Абхазии. ЦГИАГШ, ф. 416, д. 1018, оп.3, 1869 г., лл. 1-24.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп.3, 1869 г., д. 1017, л. 36 об.

т. е. даже в том случае, когда речь шла о том участке крестьянина, который находился непосредственно на помещичьей территории, если этот участок был расчищен им или получен от родителя. В «Записке по 3 отделению Кавказского горского управления по вопросу об определении личных и поземельных прав туземного населения Абхазии и Цебельды» мы находим такое характерное в том отношении замечание: «Вольный житель (анхаю. – Г. Д.) Абхазии убежден, что согнать его с того места, где он живет, никто не может, пока он сам этого не пожелает, или не вынудят его к тому какие-либо другие обстоятельства; между тем этот же вольный житель несет частному лицу повинности»[1]. Этим представлением, между прочим, не преминула воспользоваться Сухумская сословно-поземельная комиссия.

В с. Бедия ашнакума Махмуд Цисбая рассказывал, что дед его отвел землю 5 дымам Буаа, пришедшим в качестве асасов из с. Копыта. Деду и отцу Махмуда они отбывали повинности, но перед реформой отказались. Махмуд за это хотел прогнать названных крестьян, но те объявили ему, что живут на своих участках 3 поколения и получили их по наследству от своих дедов и отцов, а потому земля принадлежит им и Цисбая не может ее отнять у них[2]. Этот пример, приведенный Сухумской сословно-поземельной комиссией и являющийся одним из многих аналогичных случаев, очень ярко свидетельствует об указанной видимости права крестьян на землю. Ясно, что сколько бы Буаа не считали своими участки, которыми они фактически пользовались, тем не менее эти земли составляли собственность владельца.

Титу Маргания на вопрос комиссии, имеет ли право помещик прогнать чужого подвластного, если тот поселился на территории его владения, заявил утвердительно. Но при возражении депутатов от анхаю он «согласился, что не имеет, если чужой подвластный поселился не при нем»[3], т. е. когда земля «превращалась» уже в «родовое» имение анхаю. Гупский князь Тлапс Маршания мог прогнать анхаю Джогория Лаблаа с занятого им участка, причем расчищенного до него, на том именно основании, что «это был не родовой анхае»[4].

[1] ЦГИАГ. ф. 545, оп. 1. (кн. I), 1865 г., д. 180, лл. 41–90.

[2] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 165–179.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3. 1866 г., д. 1014, л. 35.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 35.

Гагрипшские князья Ачба (Анчабадзе) членам Сухумской сословно-поземельной комиссии говорили: «Считать землю принадлежащей себе вошло теперь в обыкновение, но прежде владельцы называли ее своею, сознавая при этом свое бессилие произвольно распоряжаться ею... Теперь владельцы утверждают..., что им платится ажидз за пастьбу на принадлежащих будто бы им землях...»[1].

При таком положении отдельные земельные участки нередко становились даже предметом купли-продажи, не будучи частными в самом определенном смысле этого слова. Следовательно, факт купли-продажи земли крестьянами не всегда являлся показателем принадлежности земли продавцу на началах полной его собственности.

В одном документе инструктивного характера, данном членам Сухумской сословно-поземельной комиссии, занимавшемся выяснением существовавших «видов зависимых сословий... в Абхазии» перед реформой, мы читаем[2]: «Владелец, заняв землю, раздает оную подвластным ему жителям, которые, расселяясь па указанных местах, очищают оные от леса, приспособляя для посевов кукурузы и гоми, и вокруг своего жилища насаждают виноградные, ореховые и другие фруктовые деревья. Земля эта, оставаясь в пользовании жителя, составляет как бы его собственность, которую он имеет право продать с согласия владельца другому жителю (своему соседу), подвластному тому же владельцу, но не человеку постороннему...»[3].

Во время научной экспедиции летом 1955 года мы спрашивали глубоких стариков о землевладении и землепользовании в дореформенной Абхазии. Например, в с. Поквеш, Очамчирского района, нами было записано: «Пришедший со стороны в Поквеш крестьянин не имел права занять землю без разрешения тавада Ачба». «Крестьянин данного села не имел права купить землю в другом селе, не спросив тавада». «Крестьянин не имел права менять свое местожительство, не спросив тавада». Если крестьянин переселялся в другое село, то он должен был просить разрешения на это как у феодала того села, откуда он уходил, так и у феодала того села, куда он переселялся[4].

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, д. 5. лл. 139–156.

[2] ЦГИАГ, ф. 416. оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 1–2.

[3] Иногда земли; как частично мы видели, продавались даже лицам посторонним (по отношению к владельцам крестьян, продававшим эти земли).

[4] Материалы научной экспедиции Абхазского института 1955 г., лл. 5– 6.

Таким образом, существование феодальной собственности на землю в Абхазии было несомненным фактом, но вместе с тем его развитие не достигло высокого уровня.

Это последнее обстоятельство и вообще низкий уровень социально-экономического развития Абхазии и вызывали необыкновенную путаницу в поземельном вопросе; при отсутствии соответствующих документов создавалась благоприятная почва для оспаривания прав на землю как со стороны крестьян, так и со стороны феодалов, особенно в период подготовки и проведения крестьянской реформы.

В этом отношении характерно замечание автора «О племенах, населяющих северо-восточный берег Черного моря», который подчеркивал, что здесь земельная собственность хотя и существует, «но права владения землею неопределительны, темны и запутаны». И далее: «В пользовании землею есть много произвола, запутывающего права поземельной собственности, а произвол этот возможен потому, что по численности на-родонаселения есть в землях большой избыток и от того много земель остается впусте необработанными»[1].

Все это в известной мере также задерживало темпы процесса закрепощения анхаю.

Генерал Е. Понсэ прямо признавал, что «во всех абхазских дворянских имениях, в том числе и владетельских, большая часть земли принадлежит жителям разных сословий, т. е. состоит в их наследственном пользовании. Каждое семейство (двор или дым) имеет свои земли – сады, пашни – большею частью окружающие усадьбы. Эти участки могут быть признаны или собственностью тех лиц, которые ныне на них живут, или оставаться в их наследственном пользовании». При этом Понсэ добавлял, что «многие из владетельских подвластных имеют наследственные земли в чужих дачах, на которых и живут и, наоборот, – подвластные других владельцев и лица разных сословий пользуются землями в имениях владетеля»[2].

Члены Сухумской сословно-поземельной комиссии отрицали показания абхазских помещиков о том, что они давали участки в

[1] ЦГИАГ, ф. 416, д. 7, лл. 1–17.

[2] Письмо ген. Е. Понсэ кн. Святополку-Мирскому от 25 июня 1865 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. I, (кн.1), 1864 г., д. 76, лл. 68–70.

потомственное пользование как своим подвластным крестьянам анхаю, так и асасам. Однако и они не могли опровергать такие конкретные факты, как приведенный выше случай с крестьянином Буаа. Попытка же комиссии рассматривать подобные примеры как случаи, происходившие «при условиях, вынуждавших анхае обратиться к покровителю», или что по «обоюдному соглашению» между помещиком и крестьянином происходил обмен участков, – лишь подтверждает существование таких фактов. Не менее интересен с этой точки зрения и следующий «аргумент» комиссии. Она утверждала, что все приводившиеся феодалами примеры относились к предреформенному времени, когда помещики, «поняв значение земли в экономическом отношении, начали прибегать ко всевозможным условиям, которые могли бы впоследствии пригодиться как доказательство принадлежности им состоящих в общественном пользовании земель»[1]. Таким образом, комиссия, противореча себе, еще раз подтверждала наличие рассматриваемого явления и свидетельствовала о его усилении.

Начало усиления указанного явления Л. П. Черепов определенно связывал с фактом «прочного водворения» владетельного князя М. Шервашидзе в 30-х годах, а это водворение – с упрочением царизма в крае в том же десятилетии[2]. Действительно, М. Шервашидзе пытался приравнять анхаю к другим, окончательно закрепощенным категориям крестьянства. Учредив суды из сельских старшин – дворян, вроде земской полиции, он в 1846 году приказал, чтобы «крестьяне не отходили от своих помещиков под покровительства других», т. е. запрещал право перехода даже для тех крестьян, которые не были еще прикреплены к земле[3] .

Как известно, императором Николаем I был издан правительственный закон, по которому в Грузии запрещались всякие переселения крестьян. В этом законе говорилось: «Самовольные переселения решительно воспретить и с ослушниками... поступать как с бродягами»[4]. В угоду же помещикам был издан в 1846 году закон о

[1] ЦГАА, ф. 57, д. 5, оп. 2, 1870 г., лл. 165-179.

[2] Черепов А. П. Указ. рук.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6597, лл. 84–95.

[4] Гугушвили П.В. Сельское хозяйство и аграрные отношения (социально-экономическая история Грузии 1801 –1820 гг. Источники и материалы), т. I. Тбилиси, 1938. – С. X–XI.

прикреплении крестьян в дистанциях, населенных азербайджанцами, к земле, что незамедлительно повело к расширительному толкованию закона во всем Закавказье[1]. В 1849 году был издан закон о возложении на крестьян обязанности доказывать свои права на свободу при возбуждении исков о свободе[2].

Историк Ф. Щербина, говоря о подобном процессе и у абазин, указывал на 40-е годы, как на дату, когда произошло укрепление царскими властями права феодалов над зависимыми крестьянами в аулах князя Лоу. «Дело в том, – писал Щербина, – что у абазинцев были холопы и вольноотпущенники. Последние пользовались правом перехода от одного князя к другому, но в случае споров по этому поводу они должны были подчиняться... Еще в 1838 г., по жалобе абазинских князей, обвинявших вольноотпущенников в ослушании, русское начальство сажало последних под арест на известное время». В 1842 году возник вопрос об отношениях между князьями и «вольноотпущенниками». Царские власти стали «на сторону дворян, и это имело свое значение для дворянского сословия и у других племен. С каждым годом русские власти стали действовать в этом направлении определеннее и решительнее»[3].

В одном документе, относящемся к периоду подготовки проведения крестьянской реформы в Абхазии, о котором уже упоминалось, мы читаем: «Последний владетель весьма усердно заботился о создании для себя в Абхазии права собственности на всю территорию. Он безусловно стремился к утверждению этого права и вел все к тому концу, чтобы быть помещиком всей Абхазии и сделать крестьянами (крепостными. – Г. Д.), в русском смысле этого слова, всех ее подданных». И далее указывалось, что в это время некоторые лица из абхазских князей и дворян, по примеру развития крепостного права в Мегрелии, Имеретии и Восточной Грузии, проявили «попытку закрепостить своих хипши к земле и распространить

[1] Между прочим, в одном документе мы читаем: «В 1856 году основанием принадлежности к высшему сословию жителей Шемахинской и Дербентской губернии было принято владение недвижными населенными имениями, вследствие чего целая масса населения совершенно безвинно стала в зависимое по земле отношение» (ЦГИАГ, ф. 545, д. 180, лл. 41-90).

[2] Маркова О.П. Восстание в Кахетии в 1812 г. М., 1951. – С. 176.

[3] Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска, т. II. Екатеринодар, 1913. – С. 566–567.

правильные убеждения о правах своих на землю»[1]. Ту же мысль подчеркивал и кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский, который в рапорте на имя наместника Кавказа от 13 октября 1866 года писал, что часть абхазских феодалов, имея сношения с Мегрелией и Имеретией, всячески старалась «склонить правительство к признанию в Сухумском отделе крепостного права и других привилегий дворянства, по примеру Мингрелии и Кутаисской губернии»[2].

Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии полк. П. Краевич, как уже отмечалось, писал, что Георгий и Григорий Шервашидзе заявляли претензии на принадлежность им Сухумского и Абжуйского округов, считавшихся их подвластными или «удельными» землями, «как частных имений», а анхаю положительно считали эти притязания князей «несправедливыми и ни на чем не основанными». Краевич указывал и на тот факт, что «коренные покровительствующие фамилии» той или иной общины «обыкновенно говорят, что все свободные земли общины принадлежат им», в то время как крестьяне признавали за ними только право сбора ажидз на этих землях[3].

А. Н. Введенский подчеркивал, что абхазские помещики, пользуясь властью владетеля, «старались... расширять свои права за счет прав анхае и ахуйю»[4]. Сухумская сословно-поземельная комиссия также указывала, что «строгое запрещение начальства... ослабило переход крестьян с одного места жительства в другое, из одного селения в другое»[5].

Наши источники дают достаточное количество фактического материала о передаче во владение крестьянам господской земли, составлявшей основное условие производственных отношений между феодалами и крестьянами. Эти отношения «состояли в том, что земля разделена была между крупными землевладельцами, помещиками, что помещики наделяли крестьян этой землей для того, чтобы эксплуатировать их, так что земля была как бы натуральной заработной платой: она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика; она являлась фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика»[1].

[1] Соображение к решению поземельного вопроса в Абхазии. ЦГИАГ, ф. 416, 1866, оп. 3, д. 1033, л. 4 об.

[2] ЦГИАГ, ф. 545. оп. 1. (кн. 4), 1866 г., д. 2784, лл. 159–159 об.

[3] ЦГИАГ, ф. 416. оп. 3, I860 г., л. 1014, л. 30 об.

[4] (Введенский А. И.). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина..., – С. 11.

[5] ССКГ, в. III, 1870. – С. 13.

Прежде всего необходимо обратить внимание на тот факт, что в составе анхаю были семейства, которые в результате выкупа и пр. перешли из ахоую, отдав при этом все свое имущество владельцам. Эти крестьяне свои участки получали, в основном, от владельцев и держали их в наследственном пользовании. А крестьяне, представлявшие низший слой анхаю, по-видимому, составляли значительную часть всей массы дайной категории. Нельзя не видеть доли истины в заявлениях отдельных помещиков, как например, самурзаканских князей Чхотуа, которые говорили членам Сухумской сословно-поземельной комиссии в 1870 году, что «некоторые из настоящих пиошей были ахашалами и потом дельмахоре Чхотуа и от Чхотуа получили надел земли»[2].

А. В. Пахомов сообщал о таком факте: в с. Яштхуа жили 9 дымов анхаю Гяджь-ипа, которые до этого были крепостными ашнакума Чрыгба и анхаю Гасана Цхчи. Они освободились, отдав все свое имущество прежним своим владельцам, и поселились на земле князя Г. Д. Шервашидзе, которому теперь были обязаны отбывать такие же повинности, какие несли другие анхаю с. Яштхуа[3].

Бату и Будаш Хубутия были ахоую гудавского дворянина Ламкаца Маргания. Последний обещал «за прилежную работу» оставить завещание об их освобождении. Но сыновья Ламкаца Квадж и Чагу не только не освободили Хубутия, а, наоборот, начали требовать, чтобы они служили им обоим. Тогда Хубутия ушли (в середине 40-х гг.) в Цебельду, а на их участке в с. Гудава дворяне Маргания поселили других крестьян. Хубутия через 20 лет возвратились в родное село и выкупились в анхаю, так как они в Цебельде приобрели определенное имущество. Но их участок в Гудаве был занят другими лицами, и они пошли жаловаться к командующему войсками в Абхазии генералу Шатилову, который приказал окружному начальнику Кишельскому возвратить Хубутия землю. Но этот приказ не был исполнен, по крайней мере, к 22 июня 1870 года, когда члены

[1] Ленин В. И.Соч., т. 1. – С. 172.

[2] ЦГАА, ф. 57, оп.2, 1870 г., д.5, лл. 10-13.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп 1, 1868 г., д. 29. л. 498.

Сухумской сословно-поземельной комиссии опрашивали жителей с. Гудава и был записан приведенный факт[1].

Цебельдинский пристав прапорщик Лисовский в рапорте на имя начальника штаба Отдельного кавказского корпуса генерала Коцебу от 8 февраля 1839 года сообщал о таком случае. Лет около 200 тому назад князья Маршания, линии Татишв-ипа, переселились из Ахчипсоу в Цебельду. Впоследствии, не находя там «довольно жизненных удобств», они купили в Закодорщине у кн. Таскача Ачба «землю, именуемую Джгерда», заплатив 20 чел. (в денежном выражении около 10.500 руб. сер.). Село Джгерда к концу 30-х годов, по данным того же Лисовского, имело территорию около 100 кв. верст и 200 дворов населения[2].

Карганов, летом 1866 года собиравший сведения «о взаимных отношениях» в Цебельде, утверждая, что свободные крестьяне анхаю пользовались землей как собственностью и, следовательно, помещик «не может лишить земли или переселить на другое место против воли вольного жителя», указывал вместе с тем на определенное ограничение права этого крестьянства в поземельном отношении даже здесь, в горном районе Абхазии, где феодальные отношения были менее развиты. Он писал, что на праве собственности анхаю владели землей лишь «до того времени, пока на ней живут и обрабатывают. С переходом же на другое место свободная земля оставалась в пользу князей Маршания, которые считали себя владетелями Цебельды, разделенной естественными границами между главными членами единственной княжеской фамилии здесь Маршания». Эту мысль Карганов повторял и в другом месте так: если анхаю сам пожелает переселиться в другое место, «то оставленная земля делается собственностью князя»[3].

В ответе на требования и. д. генерал-квартирмейстера Кавказской армии кутаисскому генерал-губернатору от 28 февраля 1865 года о «правах зависимых сословий на ту землю, на которой оные водворены или которую обрабатывают», говорится, что в Цебельде «право пользования землею зависимых сословий простирается только до того времени, пока они на ней живут, с переходом же на другое место земля остается за помещиком, потому что в Цебельде, за исключением князей Маршани, прочие сословия-своей земли не имеют». На вопрос – «имеют ли лица зависимых сословий какую-либо лично принадлежащую собственность», также был дан такой ответ: «В Цебельде за исключением рабов все лица зависимых сословий могут иметь свою собственность, кроме земли, принадлежащей исключительно князьям Маршания»[1]. Наконец, в «Записке по 3 отделению Кавказского горского управления по вопросу об учреждении личных и поземельных прав туземного населения Абхазии и Цебельды» читаем: «О Цебельде мы знаем в общих чертах, что вся вообще земля составляет собственность первенствующих князей Маршания, а все остальное население – их 10.262 души обоего пола–поставлено в зависимое по земле отношение»[2].

А. В. Пахомов в своих записках, а также в переписке с представителями местной власти, членами Сухумской сословно-поземельной комиссии и другими лицами сообщал многочисленные факты о крестьянах анхаю, живших на земле, являвшейся собственностью его доверителя – крупного землевладельца Г. Д. Шервашидзе. Однако надо иметь в виду, что Пахомов, как уже говорилось, не был объективен в своих высказываниях. Поэтому мы обращаемся лишь к тем фактам, которые кажутся нам более или менее правдоподобными; в территориальном же отношении ограничиваемся селами, которые, по-видимому, составляли непосредственную собственность келасурских князей Шервашидзе.

Гасанбей Шервашидзе в начале XIX века, переходя жить из Сухума в Келасури, «перевел туда» не только всех своих ахуйю, но и «много анхае»[3]. Последним он приказал расчистить себе участки земли в горах около Келасури, в самом же селе анхаю было всего лишь несколько дворов. Келасурские анхаю были обязаны доставлять продукты (кур, сыр, молоко, яйца и пр.) князю Гасанбею, а затем и его потомкам Дмитрию и Георгию Шервашидзе[4]. Впоследствии

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 17–19.

[2] ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3. 1839 г., д. 225, л. 6.

[3] Сведения о взаимных отношениях цебельдинского населения. ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1013, лл. 18–18 об.

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 181, л. 157.

[2] Там же, д. 180, лл. 41–90.

[3] Пахомов А. Историч. записки по истории Абхазии и рода кн. Шервашидзе.

[4] Пахомов А. Историч. записки по истории Абхазии и рода кн. Шервашидзе.

поселенных Гасанбеем в с. Айбухца анхаю в одно время «подчинил себе» Омар Эристаа[1].

Сухумская сословно-поземельная комиссия также указывала на случаи, когда «привилегированные фамилии», при переселении в другие места, «сопровождались своими подвластными», т. е. «абхазская община переселялась, таким образом, в своем полном составе»[2]. Гасанбей, выбрав своим летним местопребыванием с. Парнаут, развел там сад и поселил «для своей услуги» несколько анхаю из фамилии Циба (подвластных его матери) и Шаламберия[3].

Гасанбей Шервашидзе в награду за воспитание его младшего брата Ростомбея, по просьбе последнего, освободил ашнакума Допуа (с. Ауарча) от всяких повинностей и разрешил им пользоваться повинностями всех живших там анхаю. Однако Гасанбей не сделал Допуа полными собственниками земли, занятой указанными его подвластными анхаю[4].

В с. Бабишь-ира жили «большей частью собственные крестьяне» Георгия Шервашидзе, принадлежавшие к категории анхаю[5]. В с. Бырцха жили две фамилии анхаю: Хипба – 12 дворов и Дчакоу – 7 дворов, которые отбывали определенные повинности. По поводу этого села А. В. Пахомов замечал, что «так как это имение совершенно бесспорное, то о нем нечего и говорить»[6].

В с. Абжаква «коренными фамилиями анхаю» считались: Вардан (Ҩардан) – 5 дворов, Гоман-ипа – 7 дворов, Харазия – 15 дворов, Дчакоу – 6 дворов, Кецба – 2 двора и Онаба – 2 двора. Все они несли повинности, одинаковые с повинностями бырцхсхих анхаю и имели «право пользоваться землей пока на ней живут»[7].

О мерхеульских анхаю А. В. Пахомов писал, что их обязанности совершенно тс же, что и обязанности крестьян этой категории в селах Яштхуа, Бырцха и Абжаква, «и права их на землю те же и потому земли, оставшиеся от переселенцев (махаджиров. – Г. Д.), составляют собственность князя Георгия». В с. Багбаран жили анхаю: Хагба

[1] Там же.
[2] Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии. – С. 6
[3] Пахомов А. Указ. рук.
[4] Там же.
[5] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1268 г., д. 29, л. 204.
[6] Пахомов А. В. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, л. 503.
[7] Там же, л. 505.

– 6 дворов, Барчан 1 двор и Абжнау – 2 двора; «повинности и права» которых были такие же, как и у анхаю перечисленных выше трех сел[1]. Такие же повинности отбывали в Цанбейикуара 2 двора анхаю Тванба и 1 двор Лазбей-ипа, которые в конце 50-х годов здесь расчистили себе небольшие участки земли из-под леса[2].

А.В. Пахомов говорил и о тех случаях, когда отдельные анхаю селились на территории владении кн. Шервашидзе с позволения последнего. В с. Багажиашта жили 6 дворов анхаю Читанаа, которые, вследствие убийства одного из князей Эмухвари в с. Чхортоли, бежали сюда под покровительство Д. Г. Шервашидзе и последний поселил их в названном селе[3].

С позволения же Д. Г. Шервашидзе вблизи ущелья Гумиста поселился Гасан Цхчи, который, между прочим, был одним из состоятельных и влиятельных анхаю: он имел ряд зависимых крестьян и даже претендовал на дворянское звание[4].

Крепостные Гасана Цхчи и ашнакума Чрыгба в количестве 9 дворов по фамилии Гяджь-ипа освободились от своих владельцев, отдав им все свое имущество, и в качестве анхаю поселились на земле Г. Д. Шервашидзе в с. Яштхуа. Пахомов требовал, чтобы они теперь, как непосредственно подвластные кн. Шервашидзе, отбывали повинности, как и другие яштхуские анхаю[5].

Сухумская сословно-поземельная комиссия иллюстрировала данные о продаже помещиками анхаю с землей на примерах, приведенных в докладной записке депутатов дворянства Абхазии, на фактах, которые указанной комиссией были проверены на месте путем опроса как представителей феодалов, так и анхаю и которые последними были либо подтверждены, либо, во всяком случае, не были опровергнуты.

Еще владетель Абхазии Келешбей Шервашидзе подарил Бежану Маргания за воспитание своего сына Сафарбея (Георгия) деревни Ешрхуа и Абаалоу-адгил с землей и крестьянами. Джогория Лакрба тому же Маргания в с. Мгудзырхва подарил землю с жившими

[1] Пахомов А. В. Исторические записки по истории Абхазии и рода кн. Шервашидзе.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Пахомов А.В. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, л. 482.
[5] Там же, лл. 497–498.

на ней крестьянами, а Даруква Инал-ипа в с. Ордынырхва продал 6 дымов анхаю с землей и 7 дворов ахашвала. Владетель Абхазии Михаил Шервашидзе купил в с. Емхы, на Хуапском уступе, имение князей Эмхаа (Эмухвари) с крестьянами, землей и лесами и подарил их в 1847 году Кацу Маргания. Представители анхаю этот случай объясняли или насилием со стороны владетеля, или тем, что он взял это имение как штраф с Эмухвари, а сословно-поземельная комиссия рассматривала его как пример перехода «покровительства» от слабых лиц к более сильным[1].

Приводимый ниже материал требует несколько предварительных замечаний. Эти данные свидетельствуют о том, что концентрация земли в руках помещиков, служившая экономической предпосылкой развития крепостнических отношений, происходила как по линии чисто насильственных захватов, так и путем покупок и пр. Сущность всех этих явлений сама собой понятна, но, тем не менее, отметим, что коммендация выражалась в том, что крестьяне нередко принуждены были искать «покровительства» феодалов, отдавая им верховную собственность на свою землю и получая лишь право наследственного владения землей на условии выполнения регулярных повинностей. Расширение же помещичьих земельных владений другими, указанными выше, путями усиливалось в связи с дальнейшим развитием крепостничества в . условиях роста товарно-денежных отношений.

Уже отмечалось стремление последнего абхазского владетеля Михаила Шервашидзе создать себе «право собственности» на всю Абхазию. Генерал Е. Понсэ писал, что «владетели Абхазии, особенно последний из них, постоянно умножали число своих имений, захватывая их большею частью насильственным и несправедливым образом»[2]. Манча Шервашидзе пожелал построить себе дом на участке Чича Апшилава в с. Бедия, в связи с чем этому крестьянину указал другое место. Крестьяне, сообщавшие подобные факты, в противоположность помещикам, пытались придать им характер добровольных соглашений, дабы утвердить свое право на землю. Но не всегда выдерживали этот тон и моментами невольно раскрывали истинное положение вещей. В этом отношении характерно, например, заявление бедийских анхаю о том, что помещики не могут указать на случаи, когда они занимали земли анхаю в «прежнее время, а не в прошлом и в настоящем году», т. е. в 1867 и 1868 годах, рассчитывая, очевидно, на трудность установления фактов «прежнего времени» при отсутствии соответствующих документов[1].

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп.3, 1866 г., д. 1014, лл. 33 об. – 37 об.

[2] Письмо ген. Понсэ полк. Коньяру от 2 августа 1865 г. ЦГИАГШ, ф. 545, оп.1, (кн.1), 1864 г., д. 76, лл. 120-122.

В 1863 или 1862 году Константин Маргания захватил поле, принадлежавшее гальскому анхаю Тугве Библая. Последний начал жаловаться. Но Маргания все же не вернул указанное поле, хотя и отвел другой, такой же величины, участок.

Точно так же поступил и Каци Маргания с Д. Квеквескери. Около 1864 года Тада Анчабадзе приказал Базале Хупуния, имевшему землю на берегу р. Ингур, и полученную по наследству от отца, переселиться на другое место. Крестьяне мотивировали этот поступок князя тем, что на участке Хупуния жить было опасно. Во всяком случае Хупуния перешел жить на новое место по приказу Анчабадзе. В 1868 году Бата Шервашидзе занял участок анхаю Салмакуа Нармания в с. Охурей и указал ему другое место, а в с. Бедия в 1867 году отнял землю у Кисры и Давида Лабжания[2].

Князь Георгий Инал-ипа поселился на земле, принадлежавшей дворянам Блаб и крестьянам Барцыц в с. Калдахвара, и наследник его считал эту землю своей во время опроса его Сухумской сословно-поземельной комиссией. Сарлып Инал-ипа поселился на спорной земле между Калдахвара и Лдзаа и перед реформой брат его считал эту землю также принадлежащей фамилии Инал-ипа[3].

Гальский дворянин Иван Маргания построил дом на поле анхаю Софуджа и Пепо Джеджия. Последний пошел к владетелю Абхазии с жалобой и принес приказание Маргания очистить занятую им землю. Пепо купил дом Маргания за 30 руб. и поселился в нем[4].

Около 1858 года в с. Отобайа князья Анчабадзе изгнали с участка земли старика Георгия Бокучава, причем участок был освоен еще его отцом[5]. В с. Речхи Хирипс Инал-ипа забрал у анхаю Талы-

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, д. 5, лл. 139–156.

[2] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 139–156

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

ка Джобава виноградный сад и взамен дал ему поляну, на которой он обычно косил сено. Также поступил брат Хирипса Бут с Иваном Джобава, который вынужден был перенести свою усадьбу на другое место, указанное ему помещиком, оставив свой сад[1].

Анхаю Георгий Сангулия из с. Гудава переселился в с. Бедия, где расчистил себе участок земли. Одна из полян Георгия приглянулась дворянину Кваджу Маргания. Сангулия долго не соглашался уступить облюбованный им самим участок, но в конце концов его вынудил Маргания, который немедленно перенес туда свою усадьбу. Вскоре после этого Г. Сангулия умер, а его сын Давид так и не получил от Маргания компенсации за указанный участок[2]. Около 1865 года Зосхан Инал-ипа в местности Цера, в с. Лдзаа, «не имея там собственной земли, захватил поля и сады, принадлежащие жителям Лдзаа»[3]. Около того же года Гиго Ходжашвили обманным путем завладел кукурузным полем гальского анхаю Туква Библая. Последний несколько раз жаловался сельскому суду и всем жителям селения, но никакого удовлетворения он не получил. Марзакул Маргания, желая проложить себе новую дорогу к своей усадьбе, захватил часть земли, принадлежавшем соседнему анхаю Будгу Тарба, жителю того же с. Гали[4].

В материалах сословно-поземельной комиссии приводятся примеры, когда сами анхаю, правда, после определенного сопротивления, вынуждены были признать помещиков собственниками своих земель и выкупать их. Например, в 1867 году в с. Бедия крестьянам было объявлено, чтобы они выкупились с землей. Сперва анхаю сделали обычное заявление о том, что земля и без того принадлежит им, а потому нет надобности выкупаться. Но затем многие анхаю все же начали откупаться и получать от помещиков соответствующие документы[5]. Согласно заявлению депутатов абхазского дворянства, число всех выкупившихся анхаю в Самурзакано за несколько лет перед реформой считалось до тысячи дымов[6].

[1] Там же, лл. 24, 198–200.
[2] Там же, л. 18.
[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1. (кн. 1), 1865 г., д. 180. лл. 271–277.
[4] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 139–156.
[5] Там же, л. 117.
[6] ЦГИАГ ф. 416, оп 3, 1806 г., д. 1014, л. 41.

В 1867 году, когда сословно-поземельной комиссией было начато камеральное описание, саберийские князья Чхотуа разделили своих подвластных крестьян, в связи с чем некоторые анхаю перешли в соседство тех Чхотуа, которым они были подвластны. Оставленными таким образом участками анхаю Багура, Арама и Батая Хорава завладел Манучар Чхотуа, который, несмотря на требования крестьян, так и не отдал землю обратно[1].

Теперь обратимся к фактам о покупках помещиками земель, принадлежавших крестьянам анхаю, учащение чего было обусловлено также развитием товарно-денежных отношений в абхазской деревне, втягиванием народного хозяйства края в общероссийскую хозяйственную систему. Сухумская сословно-поземельная комиссия приводила немало интересных данных по этому вопросу. Так, в с. Тагилони князь Темурква Анчабадзе около 1840 года купил садовый участок у анхаю Кучу Папаскири за 100 руб. Бедийский дворянин Гудза Ешба в 1850 году купил виноградный сад у набакевского крестьянина Георгия Бочува за 60 руб. До Крымской же войны Каци Маргания приобрел виноградный сад с пашней у гальского анхаю Багыра Вардания за 45 руб. В с. Саберио князь Зураб Чхотуа купил виноградный сад анхаю Т. Цава (1858 г.), участок земли Квития Тапагуа (около 1863 г.), виноградный сад Меде Кобалия (около 1864 г., за 30 руб.), участок М. Кобалия (за 10 руб.). В с. Члоу Беслан Анчабадзе около 1863 года купил виноградный сад анхаю Мадлея и Самакуя Цвижба за 8 или 10 коров, и т. д.[2]

Земли скупали также церковники. Например, священник с. Саберио Давид Сабулава купил: землю анхаю Циту, Лажва и Чонча Мархулия в 1850 году за 15 руб.; виноградный сад анхаю Кокая, Кваца, Чагу и Салмаквы Бадзагуа в 1861 году за 20 руб.; часть земли анхаю Маджи, Кочо и Цахи Кварацхелия за «желаемую цену»[3].

Наши источники дают и определенные сведения о повинностях анхаю непосредственно за аренду земли. С. Смоленский, сведения которого были извлечены из дел штаба командующего войсками в Абхазии, считал, что анхаю пользовались владельческими землями от своих помещиков – князей и дворян и за это обязаны были им

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 11–13.
[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1868 г., д. 1017.
[3] Там же.

пахать поля, засевать хозяйскими семенами, собирать посев и виноград в тех случаях, если кто из родственников владельца находился на жительстве в данной деревне; эти повинности отбывались по мере их надобности, в известное время года[1].

В указанной выше инструкции о видах зависимых сословий в Абхазии крестьяне анхаю второй группы определились, как «несущие определенную дань в виде податей за землю ими обрабатываемую»[2]. Повинности анхаю, согласно другому документу, выражались в том, что дым анхаю давал ежегодно «владельцу земли, на которой он живет», барана или 3 руб., маленького барашка или 1 руб., около 7 пуд. кукурузы или 2 руб., а также в течение года 3 дня выходил на поле «владельца земли»[3].

В ответе кутаисского генерал-губернатора на запрос и. д. генерал-квартирмейстера Кавказской армии от 28 февраля 1865 года мы читаем о количестве и видах повинностей крестьян в Цебельде: «Вольные жители (анхаю. – Г. Д.) за право пользования землею отбывают помещикам следующие натуральные повинности: 1. Помогают при обработке полей, посеве и сборе хлеба. 2. Каждый дым дает по одной копне сена или чалы и меру кукурузы весом в пуд. 3. У имеющих баранту берется весною по барашку, а зимою по барану»[4]. Интересно также сообщение начальника Сухумского округа в рапорте на имя начальника Сухумского отдела от 31 мая 1866 года[5], в котором перечислены повинности, отбывавшиеся в указанном округе семействами анхаю «за право пользования землею». Особо выделены повинности тех анхаю, которые жили «на земле, принадлежавшей князьям Шервашидзе». В том и в другом случае количество этих повинностей равнялось 6, причем повинности шервашидзевских анхаю заметно отличались по своим размерам. Наконец, в документе имеется одно существенное примечание: «Если анхайве пожелает откупиться от

[1] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», № 7, 1874. – С. 403, прим.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 1-5.

[3] Рапорт нач-ку военного отдела в Абхазии от 8 февраля 1863 г. ЦГИАГ, ф. 416, оп.3, 1865 г., д. 1013, лл. 14 об – 17.

[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1 (кн. 1), 1865 г., д. 181, лл. 157-157 об.

[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 2.

уплаты повинностей, владельцу за право пользоваться землей, то платить ему от 15 до 40 коров».

И.д. начальника Сухумского военного отдела полковник Коньяр, давая описание повинностей самурзаканских анхаю также отмечал ряд указанных крестьян на феодальной земле (в.селах Бедия, Саберио и пр.). Он прямо указывал, что, например, в с. Саберио пиоши платили князьям Шервашидзе и Чхотуа «за землю» козу или барана. Интересно сообщение Коньяра и о том, что пиоши не могли свой скот пускать раньше помещичьего на принадлежавшие им убранные поля; в противном же случае помещик налагал штраф. Тот же Коньяр передает, что в селах Баргеби, Отобайа и Тагилони пиоши, чтобы выкупиться с землей, достаточной для их семейства, платили князьям Анчабадзе от 200 до 230 руб.[1]

Мы уже отмечали, что помещики часто являлись, в конечном итоге, верховными собственниками и той крестьянской земли, которая как будто не считалась помещичьей собственностью, и крестьяне, следовательно, выступали как феодально-зависимые и подчиненные юрисдикции этих помещиков. Даже лица, преувеличивавшие значение общинного землевладения в Абхазии (П. Краевич и др.), не могли не видеть, что к середине XIX века этому землевладению здесь был нанесен удар. Сами анхаю также подтверждали, что помещики имеют право собирать ажидз» и на тех землях, «которые остаются излишними за удовлетворением потребностей жителей общины»[2].

На всей территории обширных владений Д. Г. Шервашидзе собирали подати за пастьбу и прогон скота, за лес и камень. Пахомов писал, что «есть множество официальных данных, доказывающих самым положительным образом право князя Дмитрия отдавать в наем лежащие вокруг Сухума луга, брать плату за разный лесной материал и за камень, вывозимые также из окрестностей Сухума»[3]. И действительно, в имениях Шервашидзе, например, в 1857 году было получено пошлин: за дрова и строевой лес – 6.000 руб., ажидз за пастьбу коз и баранов – на сумму1.000 руб. и за прогон гуртов – до 10 коров или 100 руб.[4] В этой связи интересно вспомнить уже приводившийся факт о том, что до Крымской войны на побережье

[1] Там же, ф. 220, д. 877, лл. 42–49.

[2] Там же, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 31.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, лл. 374, 379.

[4] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп.1, 1868, д. 29, лл. 392-393.

между реками Гумиста и Кодор пасся скот кн. Д.Г. Шервашидзе, и здесь никто не мог сеять кукурузы. Крестьяне, даже князья Дзяпш-ипа, были вынуждены обрабатывать себе землю на горе[1].

Сухумская сословно-поземельная комиссия также зафиксировала ряд примеров, правда, со слов самих помещиков. Так, ачандарские князья Ачба собирали за пользование горными пастбищами и ущельями в год ажидз от 50 до 100 голов баранов и коз; члоуские Ачба с цебельдинцев брали до 100 голов, а княгиня Кесария Шервашидзе с тех же цебельдинцев, пригонявших свой скот в Ешкыт и Чацвкыт, собирала от 90 до 160 голов; ешерские Дзапш-ипа «со стад других селений» – до 20 голов и т. д.[2]

На правом берегу р. Бзыбь до Апсырпара была раскинута обширная земля, богатая пастбищными угодьями и лесом, в том числе самшитом. Указанными пастбищами пользовались жители Мчишьнырцв[3]. Но в целом землей здесь распоряжался владетель Абхазии: «кому где указывал жить, там и жили»; он получал ажидз за пастьбу скота и пошлину за рубку леса; их сборами занимались князья Инал-ипа, за что и получали часть этих доходов[4]. И. Бартоломей и Д. Мачавариани в 1864 году писали: «Самурзаканцы платят владельцам пастбищ – сабалахо: по одному барану за стадо»[5].

Ясно, что полковник П. Краевич был неправ, когда доказывал, что вся невспаханная и не занятая садом или усадьбой земля никому вообще не принадлежала и, следовательно, помещики не имели никакого отношения к этой земле. Нельзя считать лишенным основания заявление А. В. Пахомова, который это утверждение Краевича рассматривал как попытку признать казенной всю не обрабатывавшуюся землю[6].

Утверждение П. Краевича противоречило выводам самой Сухумской сословно-поземельной комиссии, которая признавала, что

[1] Там же, л. 473.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 68.

[3] Мчишнырцв – территория между р. Бзыбь и р. Мчишьта, на которой были расположены села: Калдахвара, Блабурхва, Бармыш, Апцхва, Мгудзырхва, Маанихва, Шлара, Папцва и Чаабалырхва.

[4] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 89–96.

[5] (И. Бартоломей и Д. Мачавариани). Нечто о Самурзакани. ЗКОРГО, №VI, 1864. – С. 77.

[6] ЦГИАГ, ф. 416, оп.3, 1869 г., д. 1017, л. 68.

помещики отдавали собственно принадлежавшие им пастбищные места внаймы и получали: плату – ажидз. Кроме того, хотя комиссия опровергала заявление депутатов дворянства Абхазии о том, что такое право помещиков распространялось на все свободные земли, входившие в район того или иного села, но признавала, что именно князь или дворянин – «покровитель» жителей данного села получал ажидз в размере одного ягненка или козленка от стад, пригонявшихся сюда из соседних сел, малоземельных и не имевших свободных полян. Причем не только главные «покровительствовавшие» феодалы получали ажидз, но в тех селах, где еще имелись и другие помещики, последние также взимали плату со стад, пасшихся вблизи их местожительства. Так, в с. Калдахвара ажидз получали Инал-ипа, Барас, Фирсоу и Лакрба; в с. Аацы – Ал. Шервашидзе, Акиртаа, Багба и Маргания; в с. Абжаква – Д. Шервашидзе, Чаабалурхва и Кучба. При этом комиссия, пытаясь еще больше умалить значение этого факта, делала такую довольно неубедительную оговорку: плата ажидз была «не за пользование чужой собственностью, а за охранение стад во время нахождения их в районе или в окрестностях селения»[1].

Возьмем материал еще более официального характера – «Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани», в котором сословно-поземельная комиссия вынуждена была констатировать, что «преимущество высших сословий состоит лишь во взимании покровительственной дани со стад других селений, кои приходят для пастьбы на свободные земли, за покровительство и обеспечение таковой пастьбы, что как бы имеет вид поземельного дохода»[2]. В «Записке по вопросу о вознаграждении членов бывшего абхазского владетельного дома» мы также читаем: «Доходы с пастбищ и лугов с каждого стада, пасшегося на лугах и на горных пастбищах, в районе известной общины, и принадлежащего временным ассасам, поступали в пользу покровителя (тавада или амиста) той общины по одной и по две головы без различия величины стада»[3].

Феодалы захватывали общинные земли, леса и пастбищно-сенокосные угодья, которыми пользовались безвозмездно крестьяне

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 165–179.

[2] ССКГ, в. III, 1870. – С. 15.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 188, лл. 3–37.

данного села или поселка. Так, князья Шервашидзе в 40-х годах XIX столетия захватили общинный лес в с. Джгерда, составлявший около 100 кв. верст. Они же монополизировали право рубки самшита в общинных лесах с. Калдахвара и ряде других мест.

Далее мы постараемся, на основании сохранившихся скудных данных, выяснить состояние порядка наследования земли крестьянами анхаю. Сухумская сословно-поземельная комиссия недвусмысленно подчеркивала, что в порядке наследования между крестьянами анхаю произошли изменения «к невыгоде этих последних»[1].

Комиссия ген. Понсэ считала несомненным, что после смерти состоявшего под «покровительством» анхаю «без рода и племени, имущество переходит к ахалапшую»[2]. В данном случае речь шла о высшей группе анхаю. Право же наследования «обязанных повинностями» анхаю, т. е. низшей группы этих крестьян, комиссия Понсэ, надо полагать, считала еще более ограниченным.

Начальник Сухумского округа в рапорте на имя начальника Сухумского отдела от 31 мая 1856 года, перечисляя повинности, отбывавшиеся «каждым семейством» анхаю за праве пользования землей, называл оцыхутвы (аҵыхәтәы), смысл которого он объяснял в скобках так: «Если по случаю смерти в доме анхайве не останется совсем мужского пола, то все имение поступает к владельцу за исключением незначительной части, которая выдается оставшимся в семействе женщинам»[3].

Ф. Завадский также замечал, что выморочные княжеские и дворянские имения поступали в пользу владетеля Абхазии, а крестьянские – в пользу их помещиков. При этом автор подчеркивал, что выморочным имением считалось такое, на которое не осталось решительно никакого мужского наследника, хотя бы самого дальнего и проживавшего даже за пределами края[4].

Сухумская сословно-поземельная комиссия указывала на тот факт, что теперь в вопросе наследования стремились принять участие все привилегированные фамилии. Прежний порядок наследования между крестьянами служил предметом постоянных споров между анхаю (пиоши) и их помещиками. Эти последние старались «поставить порядок в наследовании между анхае (пиош) в то же положение, в каком всегда находилось наследование» между крепостными ахоую и амацуразку. Со своей стороны и крестьяне преувеличенно отзывались о своем праве наследования, говоря, что князья и дворяне вовсе не должны им наследовать.

Комиссия приводила сообщения отдельных помещиков по данному вопросу. В некоторых селах князья и дворяне заявляли, что анхаю, находившиеся под властью одного лица, не могли наследовать своим родственникам, проживавшим в том же селе, но находившимся под властью другого лица, хотя бы они и были родные братья. Оставшееся имущество считалось выморочным и поступало в пользу лица, которому умерший был подвластен. Многие же помещики доказывали, что подвластные одного и того же помещика наследуют не более троюродного родства[1].

Некоторые анхаю с. Члоу (Тахуц Цвижба, Якуб Адлейба и др.) рассказывали, что князья Ачба наследовали, когда никто не оставался из родственников умершего. Так, анхаю Назруква Джалия был выкуплен из плена кн. Бесланом Ачба. Вскоре после этого Джалия умер и Беслан взял все его движимое имущество, так как у него не было ни жены, ни детей, а земля перешла к родственникам. Иначе говорили крестьяне Азнаур Шинкуба и Хазгери Жиба. По их словам, Джалия был выкуплен князем Кизилбеком Маршания, а Беслан Ачба участвовал лишь в складчине, организованной родственниками Джалия. Но когда последний умер, Беслан решил завладеть всем его имуществом. Однако родственники покойного возразили, в результате чего они взяли движимое имущество Назрукзы, а Ачба все же забрал всю его землю[2]. Об этом случае рассказывали и тхинские князья Ачба (Салыбей и Дмитрий), которые утверждали, что земля Джалия перешла к Беслану по нраву и «вообще во всяком случае, если фамилия анхае вымрет – наследуют Ачба». Киндгские же Ачба говорили, что выморочным правом они пользуются с ограничениями, так как земли умершего, не оставившего сыновей, наследуются родственниками[3].

[1] ЦГАА, ф. 57, оп.2, 1870 г., д. 5, л. 159.
[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1011.
[3] Там же, 1866 г., д. 1013, лл. 1–2.
[4] Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. «Кавказ», 1867, №60.

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 159– 160.
[2] Там же, л. 158.
[3] Там же, лл. 159-160.

Ткварчельские князья Ачба уверяли, что земли анхаю, не имевших родственников, переходили к ним. В случае же безбрачия дочерей умершего анхаю, если жена последнего не желала оставаться в доме мужа, то имела право взять все движимое имущество, приняв вместе с тем обязанность на себя устроить своих дочерей, а земля переходила к Ачба. Бездетные анхаю и даже ахоую имели право усыновить кого-либо и передать ему все наследство. Драндские дворяне Званба в свою очередь сообщали, что земля анхаю переходила к помещику в случае, если у умершего не было никакого родственника в селе.

Сухумская сословно-поземельная комиссия приводила и мотивировку помещиков по поводу их прав в наследовании имущества зависимых категорий вообще. Во-первых, по отношению к подвластным помещики объявляли себя «близким родственным лицом», откуда будто и вытекали их права на участие в наследовании в известных, определяемых обычаем, случаях имущества своих подвластных. Во-вторых, с вымиранием крестьянских дымов помещики «терпят весьма чувствительную потерю, вследствие большого значения сих сословий в хозяйстве помещиков», и поэтому переход имущества умерших крестьян к помещику рассматривался, как возмещение этой потери[1].

Князья с. Бача Эдерби, Мажара и Квадж Шервашидзе (Тоулахипа) в своем показании членам Сухумской сословно- поземельной комиссии в 1868 году заявили, что в случае вымирания крестьянской фамилии, купившей землю, последняя переходила к «покровителю» умершего, и если этот «покровитель» принадлежал к «влиятельной фамилии», то легко мог, начиная с небольшого участка, постепенно присвоить себе всю землю. «Этим, – заключали они, – в особенности в прежнее время, отличались Мааны и Инал-ипа. Мааны, пользуясь многочисленностью своей фамилии, делают это и теперь»[2]. Дворяне с. Блабурхва Блаб также утверждали, что помещик наследует анхаю, не имеющим двоюродных братьев, если он выручал их из долгов или уплачивал за них айбар[3].

[1] Проект поземельного устройства населения Сухумского военного отдела (составленный Сухумской сословно-поземельной комиссией) от 2 февраля 1869 г. ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 33-36.

[2] ЦГАА, ф. 57, оп. 2. 1870 г., д. 5, лл. 139–156.

[3] Там же, л. 158 об.

Когда Капш умер бездетным, то занимаемый им участок земли в с. Капшкыт перешел к князю Левану Шервашидзе, который за воспитание его сына Ута подарил участок земли Ламкацу Эмухвари. Впоследствии в Капшкыт поселился сын Ламкаца Омар Эмухвари[1].

«Потомственно принадлежавший» князю Кадырбею Шервашидзе анхаю Квацадж Джинджолия (Аджинджал) был преклонного возраста и, не имея наследников, обратился за помощью к одному из своих дальних родственников – Джуку Джинджолия. Последний сжалился над одиноким стариком и забрал его к себе домой, но при этом дал расписку от 17 октября 1852 года названному помещику, в которой обязывался «после смерти означенного крестьянина... без всяких возражений возвратить обратно имение его». Документ был составлен при свидетелях и удостоверен помощником пристава кн. Леваном Шервашидзе[2].

Наконец, в 70-х годах названная комиссия, говоря об определении «родов и лиц, принадлежащих к высшим сословиям населения края», одним из решающих условий для этого определения ставила факт пользования выморочным правом, что, конечно, весьма показательно с точки зрения выяснения степени распространения и укоренения данного права, тем более, что это право было признано за многими второстепенными мелкими дворянами и даже некоторыми ашнакума[3].

В 60-х годах в с. Яштхуа умер один из анхаю Гулия, не имея наследников. Его ахоую Ханашв, воспользовавшись этим, принял фамилию Гулия и начал владеть участком земли и всем имуществом покойного. Поверенный князя Г. Д. Шервашидзе А. В. Пахомов протестовал против такого поступка Ханашва, доказывая, что «по выморочному праву Ханафь (Ханашв. Г. Д.) должен составлять собственность князя Георгия, так же как и все имущество умершего без наследников анхае»[4]. Дворянин Исмаил Садзба из с. Лдзаа, который «пользовался выморочным правом, получил имение «умершего без наследников своего коренного анхае Ашурхва»[5].

[1] Там же, л. 29 об.

[2] Там же, л. 55.

[3] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 271, лл. 10–116.

[4] Пахомов А. В. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, л. 500.

[5] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 271. л. 28.

Общий вывод Сухумской сословно-поземельной комиссии по рассматриваемому вопросу сводился к следующему. «Имеющим в своей зависимости лиц других сословий принадлежит право пользования выморочными землями»[1]. Право наследования в категории анхаю представляет некоторое различие в сравнении с таким же правом других зависимых крестьян. Различие это состояло собственно в пределах данного права, представляемого обычаем в пользу тех лиц, которым подвластны анхаю или от которых зависят другие зависимые категории[2]. Анхаю хотя и имели право передачи своих земель в наследство по нисходящей линии и по некоторым боковым как в данном селе, так и в других, «но при признании покровителем одного лица»[3].

Члены сословно-поземельной комиссии в своих обобщениях и выводах порой вынуждены были так или иначе признать факт существования того или иного явления в области поземельных отношений, которое они опровергали, но на которое нередко наталкивались. Правда, они пытались это объяснить только «вторжением в край» «идеи о русском поместном праве»[4]. Однако одни эти идеи сами по себе не могли, конечно, так быстро создать «поместное право» в Абхазии. Действительность заключалась в том, что включение последней в систему Российского дворянско-крепостнического государства ускоряло то, что здесь уже было внутренним процессом, но шло медленно и завуалировано.

Таким образом, совершенно очевидна неправильность официальной версии о том, что в Абхазии в поземельном отношении все сословия были равны. И эта иллюзия об общенародной принадлежности земли в Абхазии перед реформой настолько была подорвана жизнью, до такой степени дифференцировался взгляд на принадлежность земли, что в различных мнениях по этому поводу ясно обнаружились глубокие классовые противоречия. факт, мимо которого намеренно проходила названная комиссия. Помещик настойчиво утверждал: «моя земля– значит мои люди» или «мои люди – значит моя земля» и стремился осуществить этот принцип, а крестьяне, которые считали землю своей собственностью, всячески оберегали ее от посягательств со стороны помещиков, не только апеллируя к обычному праву, но и прибегая к действенным формам классовой борьбы. Этот конфликт, со всей остротой проявлявшийся в период подготовки и проведения крестьянской реформы в Абхазии, своим кульминационным пунктом имел восстание 1866 года. Очень показательны реплики, которыми в пылу полемики обменялись дворянин Титу Маргания (Маан) и крестьянин Хучина Гагулия (Дзугу-ипа) на одном из бурных народных собраний в начале указанного восстания. На циничное заявление Маргания о том, что крестьяне всегда были и будут рабами помещиков, анхаю Гагулия крикнул: «Врешь! Мы землей не зависели»[1].

Тем не менее зависимость крестьян анхаю в своей массе еще не была определена полностью как крепостническая зависимость. Прежде всего, повторяем, часть крестьян данной категории не была прикреплена к земле; сюда относились и те крестьяне, которые либо сами выкупились, либо их освободили владельцы. Как известно, при наиболее тяжелой форме феодальной зависимости личная зависимость крестьянина приближалась к рабской. Но, с другой стороны, не исключалась возможность наличия свободных крестьян, права владения которых были закреплены законом, в данном случае обычаем; они могли защищать эти права в суде, передавать или продавать свою землю; и лично они мало зависели от помещика, могли уйти от него. А. В. Фадеев, говоря об аналогичных анхаю кавказских горских крестьянах (на Восточном Кавказе – уздены, на Западном – тфэкотли), совершенно правильно подчеркивает, что среди них незакрепощенные общинники еще в первой половине XIX века составляли значительный процент вследствие незрелости феодальных отношений и живучести патриархального общинного уклада[2].

Академик Б. Д. Греков писал, что даже в крепостной России «свободное крестьянство полностью не исчезало... никогда и дожило во многих местах до 19 февраля 1861 г.»[3]. То же самое было и в отдель-

[1] ССКГ, в. III, 1870. – С. 15.
[2] ЦГИАГ, ф. 416. оп. 3, 1869 г., д. 1017, л 33.
[3] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 49.
[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 5.

[1] Цит. по статье А. Фадеева «Крестьянское восстание 1866 г. в Абхазии». «Труды АБНИКа», т. II. Сухум, 1934. – С. 123.
[2] Фадеев А. В. Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII–XIX вв. в новых работах советских историков. – С. 136.
[3] Греков Б. Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. Соцэкгиз, М.–Л., 1940. – С. 19.

ных грузинских княжествах. В Мегрелии, например, где феодально-крепостнические отношения господствовали, некоторая часть крестьянства владела определенным земельным фондом по праву личной собственности, хотя это право также находилось под постоянной угрозой экспроприации со стороны феодалов[1]. В Сванетии в ряде сел проживали крестьяне, именовавшиеся кавказской администрацией «вольными сванами». Они были обязаны платить феодалам повинность пшеницей и ячменем, но были освобождены от барщины и от доставления господам прислуги, почему и считались «вольными»[2].

Сухумская сословно-поземельная комиссия приводила значительное количество фактов передачи рассматриваемыми абхазскими крестьянами земли по наследству и обычной продажи даже помещикам, отдачи ее им же в выкуп за свое освобождение и продолжение владения землей, в случае переселения анхаю в другие села.

Мы укажем в первую очередь на сообщения самих помещиков. Некоторые князья Шервашидзе (Чачба), Ачба и Эмхаа, дворяне Званба, Маан, Акиртаа и другие рассказывали членам комиссии, что анхаю имели право собственности на расчищенные и купленные земли; помещики не могли воспользоваться ими, а также виноградом и другими продуктами из садов анхаю; в случае же посягательств помещиков на все это, анхаю прибегали к праву перехода в другое место и асаства[3].

Приведем некоторые наиболее характерные факты. Гальский старшина Петр Чатурия заявил комиссии, что Леван Маргания (Маан) в 1868 году хотел поселиться на земле анхаю Гедлача Библая. Последний пожаловался, и дело было разобрано сельским судом, который определил, что Леван Маргания не имел по обычаю никакого права на землю Библая. Старшина, на основании этого решения суда, запретил Маргания «делать такие захваты»[4]. В материалах той же комиссии приводится и такой пример. Тот же Леван Маргания построил дом на участке, принадлежавшем Софуджу Джинджия. Но по решению сельского суда Маргания также вынужден

[1] Микава А. Л. Социально-экономическое положение Мегрельского княжества в первой половине XIX века. Автореферат кандидатской диссертации. Изд. АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1954. – С. 7–8.

[2] Авалиани С. Л. Указ. соч., т. II. – С. 51.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 24–27;

[4] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д., 5, лл. 165–179, 139–156.

был взять обязательство снести дом и возвратить землю владельцу. Он договорился с Джинджия, который, заплатив лошадь, быка, козу и 10 руб. сер., получил свой участок с построенным на нем Леваном Маргания домом. Анхаю с. Гали, сообщавшие комиссии этот факт, резонно спрашивали: «Если помещики имеют какое-нибудь право на землю пиошей и дельмахоров, то почему же Леван Маргания не найдет до сих пор места для постройки своего дома?». И далее эти крестьяне заявили, что они никогда не спрашивали у дворян Маргания позволения занять свободный участок в границах территории, находившейся в пользовании жителей Гали[1].

Комиссия собрала ряд фактов, которые свидетельствовали о том, что отдельные анхаю, переходя из одного селения в другое, порой сохраняли свои права на земельный участок в первом селении. Так, анхаю Эбжноу и их ахоую Бабия переселились из с. Худаара в с. Хуап, продолжая владеть своими землями в Худаара, среди которых были и купленные[2]. Понсэ писал, что, например, «многие из владетельских подвластных имеют наследственные земли в чужих дачах, на которых и живут, и наоборот, – подвластные других владельцев и лица разных сословий пользуются землями в имениях владетеля»[3]. Категорическое заявление А. В. Пахомова: «Никогда ни один крестьянин в Абхазии не имел двух участков в разных селениях. Уходя с одного участка на другой, он теряет навсегда права свои на первый»[4], – было, конечно, сознательным искажением действительности.

Анхаю Чин Еник перешел из с. Мазихва в с. Отхара асасом. Отхарский кн. Ширинбей Шервашидзе показал ему для поселения место, но анхаю Айба прогнали его оттуда, так как они эту землю считали своей, а не княжеской; он перешел к дворянину Кубзачу Цишба и пользовался его землей. Когда в с. Гали около 1860 года Каци Маргания решил построить себе дом на горе, где был сад и кукурузное поле Маца и Козаха Захария, и привез туда строительный материал и посеял лобио, то владельцы этого места изрубили плетень, выдергали все лобио и заставили Маргания уйти оттуда[5].

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д.1017, лл. 24 об-25 об.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 27.

[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 76, лл. 66–70 об.

[4] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1870 г., д. 36, л. 59.

[5] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 139–156, 165–179.

Сухумская сословно-поземельная комиссия сообщает многочисленные факты и о продаже крестьянами своих земельных участков вообще и в частности помещикам, что происходило очень часто на почве долгов и других причин. В делах названной комиссии сохранился даже особый сводный материал под названием «Примеры продажи пиошами земельных участков»[1].

В с. Окум Джогория Джгубурия заложил свой виноградный сад помещику Зурабу Эмухвари за 10 руб. Абраги Кочахия свой виноградный сад продал кн. Бахва Эмухвари. который перенес на этот участок свою усадьбу. Тому же Б. Эмухвари за 10 руб. продал сад и Гвад Кочахия. В с. Гали свои виноградные сады продали: Багыр Дасания – Кади Маргания за 10 руб.; Багыр Вардания–ему же за 40 руб.; Б. Симония – Мурзакулу Маргания за 25 руб.[2] Давид Вардания еще до Крымской войны отдал виноградник и пашню Кации Маргания за долг в 45 руб.; эти земли были выкуплены родственниками Вардания лишь в 1867 году[3].

В с. Саберио, как видно из документов, также часто совершалась продажа полей и садов князьям Чхотуа. Так, Зурабу Чхотуа продали: Каламат Маткава – виноградный сад, около 1854 года, Топаа Цава – также виноградник в 1858 году, Квития Табагуа – поле в 1862 году, Меде Кобалия – «родовой участок» за 40 руб. Гудум Цхуцхубая продал участок земли Таде Чхотуа в 1862 году за 20 руб.; Цуту Гаргуния виноградный сад – Бате Чхотуа[4]. Такое же явление наблюдалось в селении Тагилони по отношению к князьям Анчабадзе. Здесь феодалу Темуркве Анчабадзе продали: Кучу Папаскири – сад за 100 руб. в 1838 году и Пакерия Папаскири – всю свою землю[5]. Манучар (Манча) Анчабадзе рассказывал сословно-поземельной комиссии, что анхаю отдавали в залог свои участки, и если должники не в состоянии были выкупить их обратно, то эти земли переходили к кредиторам. Сам он, «имея надобность увеличить пространство своего усадебного места», купил виноградный сад у Гунджуа Шаганидзе за

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 198–200.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, лл. 13, 91.
[5] Там же, л. 193 об.

20 руб., а в 1865 году у Петра Дзадзба виноградный сад за 10 руб.[1] Ему же продал свою землю и Абраги Джемжурия[2].

В с. Бедия Георгий Бочуа в 1850 году продал виноградный сад Гудзу Ешба за 60 руб. В том же селении Кучурия Сангулия за долг в 70 руб. в 1863 году отдал Мацу Алан землю с виноградным садом[3]; Тугу Ткебучава продал виноградный сад Хутунию Шервашидзе. В с. Царца Цугу Кварацхелия продал виноградный сад Эристо Анчабадзе за 20 руб.[4] В с. Гали Багыр Дарсания продал Дзвадзву Маргания сад за 10 руб. около 1864 года[5]. В с. Чхортоли Тохвала Зухбая продал за долг «родовой участок» Мурзакулу Эмухвари. В с. Чубурисхинджи Качуния Полония продал виноградный сад своему помещику Темуркве Акиртаа. Джурумия Гвагвалия продал сад и пашню дихазургскому дворянину Бакуре Маргания. Мухурский анхаю Пепо Кварацхелия продал «родовой участок» Эристо Анчабадзе[6].

В с. Поквеш Самаква Бутба продал виноградный сад Кацу Ачба за одну кобылицу, а тот в свою очередь продал сад илорскому крестьянину Бате Пачулия. Члоуские анхаю Мадлей и Самаква Цвижба продали виноградный сад Беслану Ачба за 8 или 10 коров в 1863 году. В с. Ткварчели Пакя Аргун в 1868 году отдал свой участок под посев кукурузы сроком на 1 год Пшкану Ачба[7]. В с. Звандрипш анхаю Хынтба продали Кацу Званба сад в 20 дней пахоты, а в с. Чаабалурхва Джадж Анкваб продал весь свой сад князю Чааба- лурхва за 7 коров и переселился в с. Маркула[8].

Особенно показательны единичные факты, когда анхаю, зависимые от одних и тех же помещиков, продавали свои пашни и сады другим помещикам. Так, в с. Бедия в 1866 году подвластный князьям Шервашидзе Кутруа Хахубая продал свой виноградный сад дворянину Джамлету Ешба за дойную корову с теленком[9].

[1] Там же, лл. 139–156, 190–190 об.
[2] Там же, л. 193 об.
[3] Там же, лл. 189 об–194.
[4] ЦГАА, т. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 231.
[5] Там же, лл. 139–156.
[6] Там же, лл. 193–194.
[7] Там же, лл. 189–189 об.
[8] Там же, лл. 184–186 об.
[9] Там же, л. 192 об.

Земля, приобретенная анхаю тем или другим обычным путем, переходила по наследству не только по прямой нисходящей и восходящей линиям, но нередко и в линии боковые. Причем, по обычаю, усыновление заменяло кровное родство: усыновленный вступал во все права родного сына того лица, которое его усыновило. Надо сказать, что князья и дворяне, старавшиеся в своих интересах установить «родственные» отношения с состоятельными анхаю, очень часто пользовались этим правом. Сословно-поземельная комиссия собрала интересные факты и по этому вопросу. Так, когда гальский анхаю Кутут Джинджия умер без наследников, то Джамлет Маргания завладел имуществом и землей последнего как своего воспитателя[1].

Лица женского пола исключались из наследования недвижимым имуществом. При этом, однако, как вдовы, так и дочери умерших имели право оставаться дома до смерти или выхода замуж и получать необходимое содержание. При выходе же замуж дочери умершего имели право на получение от наследников этого последнего приданого, в зависимости от размера имущества, оставленного отцом. В других случаях вдова и дочери умершего крестьянина пользовались до выхода замуж или же, в случае невыхода, до смерти всем имуществом умершего, которое затем уже переходило к наследникам. Комиссия приводила показания ткварчельских, члоуских и моквинских князей Ачба, которые утверждали, что наследование между анхаю не ограничивалось никакой степенью родства. То же самое говорили джгердинские князья Маршания[2].

Приведенные и другие факты изобличают депутатов абхазского дворянства, которые в своей записке категорически утверждали, что наследовать анхаю мог только его сын, а также родной брат, если он не был отделен; дочери же поступали в прислуги помещика, который выдавал их замуж.

Другим явлением, говорившим о том, что крестьяне анхаю в целом еще не были закрепощены, что также категорически отрицалось депутатами абхазского дворянства, было право перехода их от одного помещика к другому, из одной местности в другую. Данное право, как мы видели, перед реформой было уже в значительной

[1] Там же, лл. 139–156.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 33–34.

степени ограничено, и это был один из ярких показателей процесса закрепощения анхаю. Но, тем не менее, как бы не препятствовали помещики, оно в известной степени сохранялось, особенно в некоторых районах Абхазии. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, запечатленные в наших источниках. Ряд из них будет приведен в разделах об асасстве и классовой борьбе. Надо сказать, что существование большого количества крестьян-асасов («гостей») в Абхазии в значительной мерс объяснялось именно сохранением указанного права крестьянства. Здесь мы сошлемся лишь на некоторые примеры, наиболее показательные с точки зрения характеристики рассматриваемого вопроса. Крестьяне с. Эмхы, недовольные действиями своих феодалов, в знак протеста оставили места своего поселения и направились за р. Бзыбь. Они согласились вернуться обратно лишь тогда, когда Кац Маргания дал твердое обещание, что права их ни в чем не будут нарушены[1]. Около 1861 –1862 годов в с. Звандрыпш 8 дымов анхаю Хынтба перешли к владетелю Абхазии от Кизилбека Маргания из-за нарушения последним «их права переходить в другую подвластность лишь по своей воле»[2]. От бедийских ашнакума Алан ушло 20 дымов анхаю в соседние селения[3].

* * *

Общий процесс усиления закабаления анхаю, который заметными темпами шел в XIX столетии, находил свое яркое проявление и в росте отбывавшихся ими повинностей, принимавших наиболее тяжелые формы феодальной эксплуатации. Анхаю, количественно составлявшие основную массу по отношению ко всему населению Абхазии, несли основную долю повинностей, являвшуюся важнейшим источником богатств феодального класса страны. Эти повинности были значительно меньше тех повинностей, которые несли крепостные крестьяне (ахоую), но тем не менее и они по сути дела не были нормированы.

[1] (Введенский А. Н.). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина... – С. 11, прим. 12.

[2] ЦГАА, т. 57, оп.2, 1870 г., д. 5, л. 231.

[3] Там же, л. 179.

Основой эксплуатации крестьянства помещиками, как и всего феодального строя, являлась феодальная собственность на землю. Из этого взаимоотношения между абхазскими помещиками и крестьянами вытекала и личная зависимость, и внеэкономическое принуждение последних первыми, хотя такое внеэкономическое принуждение и составляло характерную черту крепостнического строя.

В.И. Ленин писал: «Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение», как говорит Маркс[1], характеризуя этот хозяйственный режим...»[2], т. е. феодальный способ производства.

Таким образом, значение внеэкономического принуждения сводилось к тому, что оно являлось средством получения феодальным землевладельцем феодальной ренты от самостоятельного мелкого хозяина, а им является при феодальном способе производства всякий крепостной или зависимый человек[3].

Надо сказать, что в Абхазии указанные отношения между помещиками и анхаю, как и некоторыми другими крестьянскими категориями, также часто были замаскированы родо-патриархальными пережитками. Всевозможные повинности анхаю порой выступали в форме «взаимопомощи», «угощения», «подарков» и пр.[4] Крестьяне будто бы «помогали» своему помещику в знак «уважения» или в силу ранее установившихся псевдо-родственных связей. Еще недавно можно было встретить стариков, которые, стремясь доказать «чистоту» своей фамилии, утверждали, что приношения и служба анхаю вообще были «добровольными».

Накануне крестьянской реформы отдельные анхаю категорически отрицали свою зависимость от того или иного помещика и свои повинности объясняли именно указанными выше мотивами. Вот что мы читаем в этом отношении в «Проекте программы для

[1] Маркс К. Капитал, т. III, 1955. – С. 803.

[2] Ленин В. И. Соч., т. 3. – С. 159.

[3] Сказкин С. Д. Феодальная собственность и внеэкономическое принуждение «Средние века», V. Изд. АН СССР, М. 1954. – С 7.

[4] Между прочим, повинности, отбывавшиеся адыгейскими фэкотлями, источник также наивно считал «добровольными», «единственно из уважения к званию князя» (Ф. И. Леонтович. Указ. соч. – С. 123).

действий комиссии, учрежденной для определения личных и поземельных прав туземцев Сухумского отдела»: «Высшие сословия претендуют на подвластность им анхавэ. Эти же последние стараются доказать, что если они имеют некоторые обязательства относительно высших сословий, то возникшие не вследствие подвластности, а вследствие различных добровольных и обоюдных условий между ними при составлении союзов для защиты от нападения» извне и что «только со времени последнего владетеля Михаила Шервашидзе многие из пользовавшихся его покровительством лица высшего сословия стали требовать и собирать от анхавэ силою поборы, называемые податью»[1].

Аацынские анхаю Агрба, Малия и Джегелия, совершенно отвергая свою подвластность аамста Акиртаа, полевые работы и приношения ажидз, отбывавшиеся ими в пользу последних, объясняли «не обязательностью, а или родством по воспитанию, или уважением к Акиртаа, как к аамиста»[2]. Свою зависимость от тех же дворян Акиртаа отрицали и 40 дымов анхаю Цугба, а 27 дымов Отырба, в том же с. Аацы, – от дворян Багба[3].

Подобные заявления перед реформой царские чиновники нередко принимали за чистую правду, а иные из них просто хотели воспользоваться ими для обоснования своего предвзятого мнения.

Однако в языке самих крестьян существовала специальная терминология для обозначения повинностей. Так, всякая работа по обязанности, барщинная повинность называлась ахаза(аҳаза), а приношения продуктов крестьянского труда помещику – ахугара. Анализ этих терминов очень важен для выяснения эксплуататорской сущности повинностей крестьян и развеяния легенды о том, что эти повинности выполнялись в знак «уважения» к патрону[4]. «Ахаза» значит «подать владетеля» (владыки, господина), буквально – «для владетеля» (владыки, господина). Слово же «ахугара» состоит из двух основ: «ахәы» – пища или доля и «агара» – нести.

Помещики, используя пережитки дофеодального быта для присвоения прибавочного труда или продуктов непосредственного

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 180, лл. 31–39.

[2] Там же, 1876 г., д. 1408, лл. 5–15.

[3] Там же, д. 1392, лл. 2–11.

[4] Фадеев А. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года. – С. 124.

производителя, отдавали своих детей на воспитание крестьянам – «аадзара» (аталычество). Причем очень часто одно и то же лицо (ахәԥҳа) разновременно отдавалось нескольким семьям. С другой стороны, некоторые из крестьян имели по три, четыре и даже более таких приемных ахупха. Крестьянская семья, взявшая на воспитание сына феодала, становилась «родственной» последнему, т. е. фактически зависимой от него. Характерно было и то, что не только аталык (воспитатель), но и все члены его группы вместе с ним считались воспитателями этого лица, а иногда даже целая община считалась в родственных отношениях с ним[1]. Подобные «родственные» связи устанавливались также путем «усыновления» (ахәԥҳара)[2], «удомашнения» (аюнадара)[3] и т. д.

Заключение таких «родственных» отношений сопряжено было для крестьян с установлением и определенных обязанностей по отношению к феодалам. К подобным «родственникам» помещик всегда обращался «за помощью» при каждом своем затруднительном положении: в хозяйственной работе, в совершении кровомщения[4], в уплате долгов и штрафов, во время «свадьбы, поминок[5] и пр. В частности, при выходе воспитанницы замуж воспитатель принимал самое активное участие в составлении приданого, в которое иногда входили даже рабыни.

Материальные отношения аталыка с воспитанником выражались далее в форме регулярных приношений со стороны крестьян, т. е. доставке членами «родственной» группы аталыка, особенно в определенные дни года, всевозможных «подарков» и приношений. Если крестьяне не выполняли обязанности по регулярной доставке своему воспитаннику тех или иных приношений, то этим они навлекали на себя немилость «покровителя», чреватую опасными для них последствиями. Вместе с тем закон гостеприимства применялся к членам «родственной» группы воспитанника в самых широких

[1] Инал-ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954. – С. 29.

[2] «Ахупхара»– посредством торжественной церемонии целования женской груди то или иное лицо становилось «родственником» данной крестьянской семьи.

[3] «Аюнадара» – почти то же самое, что и «ахупхара».

[4] Молочные братья, рискуя жизнью, должны были мстить за кровь» воспитанника.

[5] В этих случаях обычно приводилось жертвенное животное – корова или бык.

размерах: воспитанник или другие члены его семьи часто наезжали к аталыку в сопровождении целой свиты, оставаясь у него жить сутками, а то и больше; причем хозяин прилагал все усилия, чтобы прием гостей был щедрый и богатый. Например, когда бы ни приезжала мать воспитанника в дом аталыка, он обязан был ежедневно резать ей каплуна, либо барашка, или положить ей на стол почетную часть мяса – лопатку от зарезанного в ее честь рогатого скота и т. д.[1]

Кроме того, «усыновленные» князья и дворяне старались присвоить себе выморочное хозяйство крестьян-аталыков даже тогда, когда имелись налицо неоспоримые наследники из числа близких родственников умершего[2].

Имея в виду все это, историк М. Т. Джанашвили писал: «Благодаря этому обычаю, усиливались и сами аристократы, так как они приобретали через это в крестьянах самых верных себе сторонников, а жены их освобождались от тягостной обязанности воспитания и кормления собственных своих детей. Поэтому-то в Абхазии нет ни одного крестьянина, который не воспитал бы одного или нескольких князей и дворян; вследствие этого обычая едва ли наберется 1 процент дворян, вскормленных грудью собственных матерей»[3]. Между прочим, это было распространенным явлением среди многих кавказских народов. Например, кабардинские князья и уздени также не воспитывали дома своих детей[4].

Вот почему между феодалами часто происходила борьба за аталыков. В конце 60-х годов XIX века куланурхвинский дворянин Гды Лакрба из рода Балхух-ипа начал теснить дворян Лакрба из рода Елкан-ипа, «отвлекать подвластных крестьян тем, что отдавал им на воспитание своих детей и через это родство приобретал на них влияние»[5].

В 1935 году 105-летняя Елыф Кобахия, рассказывая о бесправном положении женщин в старой Абхазии, говорила: «Когда у крестьянки рождался ребенок и об этом узнавал князь или дворянин,

[1] Инал-ипа Ш.Д. Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX веке. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXVII. Сухуми, 1956. – С. 88.

[2] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 149.

[3] Джанашвили М. Абхазия и абхазцы. ЗКОРГО, кн. XVI, 1891. – С. 19.

[4] Гарданов Б.А. Материалы по обычному праву кабардинцев. – С. 358.

[5] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 2-3.

которому в эти же дни княгиня даровала сына или дочь, то крестьянку-роженицу ставили в такие условия, что она вынуждена была своей грудью кормить княжеского сына; причем во время кормления родной ребенок не имел права коснуться груди матери... Все это называлось молочным родством крестьянина с дворянином»[1].

Далее приведем еще несколько конкретных фактов, иллюстрирующих отдельные стороны рассматриваемого вопроса. В начале XIX века князья Темурква и Аслангир Анчабадзе, впав в долги, обратились за помощью к владетелю Абхазии Сафарбею Шервашидзе. Тот заплатил за них долги и получил участок земли между речками Галидзга и Адзиква и начал строиться в с. Акуаскя. По другим данным, эту территорию Сафарбей захватил силой, вырубил лес и построил Очемчиры. Владетель начал постепенно пользоваться соседними местами, например, левым берегом Галидзги – «Илорской землей», «и, наконец, совсем их присвоил». Он предложил и жителям с. Маркула давать ему с дыма по козе в год, под видом «усыновления». Сначала дали ему по козе немногие, на следующий год принесло ему такой «подарок» большее число людей, а потом это было обращено в ажидз, и Сафарбей стал его требовать со всех крестьян, как должное[2]. Почти к этому периоду относится и такой случай. Крестьяне Хубутия из с. Пахулани взяли на воспитание дочь саберийских князей Чхотуа Татику и тем «признали их покровительство»[3]. В одном документе мы также читаем, что анхаю Котуа Кварчия усыновил саберийского князя Манучара Чхотуа; внуки Кварчия к моменту крестьянской реформы жили в с. Саберио, являясь подвластными названного помещика[4]. В с. Дурипш один из анхаю Тванба был воспитателем ребенка дворянина Бежана Лакрба, «и потому поступил под покровительство», Лакрба и «платил... повинность анхае»[5].

Крестьянин Хутут Джаджия был бездетным и, живя возле дворянина Джамлета Маргания, пригласил последнего к себе и «усыновил» его, что имело место, примерно, в 30-х годах XIX века. Когда Хутут умер, то родственники его взяли себе все имущество и землю умершего. Но спустя 10 лет после этого Маргания «стал говорить, что когда Хутут усыновил его, то сделал условие, по которому Джамлет должен наследовать все имущество Хутута». У Джамлета оказалась какая-то бумага, но родственники умершего не признали этот «документ». Когда же Джамлет Маргания стал настойчиво требовать наследство Хутута, то родственник Хутуты Шхануква Джаджия ушел сперва в с. Царча, а оттуда в с. Гудава[1].

Многочисленная фамилия анхаю с. Аацы Цугба отдавала ахшбыр Константину (Хуршидбею) Шервашидзе, так как жена этого князя была на «воспитании» у одного из Цугба, хотя данная фамилия считалась зависимой от дворян Акиртаа[2]. Некоторые из «больших фамилий» анхаю сел, прилегавших к г. Сухуму, отдавали князю Г. Д. Шервашидзе ахшбыр «потому только, что были в родстве по воспитанию с отцом или дедом его», а все повинности эти крестьяне отдавали своим ближайшим «покровителям» князьям Анчабадзе, Маршания, Дзапш-ипа и другим[3].

Надо отметить и то обстоятельство, что в изучаемое время, когда буквально со всех сторон грозила опасность, да и по другим соображениям материального порядка и т. д., такое вступление крестьян под «покровительство» феодалов было явлением нередким, тем более, что обычай возлагал на воспитанника и его родных роль «действительного защитника» воспитателей. «Воспитанник, – писал М. Т. Джанашвили, – обязан защищать интересы своих воспитателей, т. е. той фамилии, член которой воспитал его. Он обязан, например, разыскивать потерянную вещь воспитателей, находить вора и взыскивать с него, и большой будет для него срам, если он не сумеет этого сделать. Точно также, если его воспитателей обидит кто-нибудь и они, по слабости, не могут отплатить обидчику, то за них должен заступиться их воспитанник»[4].

По описанию А. П. Черепова, патронат «пользовавшихся известностью ахалапшую» признавали «нередко многие общины, усыновляя и принимая на воспитание детей и родственников патрона. В таких связях обе стороны находили свою долю выгод:

[1] «Советская Абхазия», 2 января 1935 г.
[2] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 102–103.
[3] Там же, л. 15.
[4] Там же, лл. 10–13.
[5] Там же, л. 126.

[1] Там же, л. 149.
[2] Там же, лл. 172–173.
[3] ЦГАА, ф. 37, оп.2, 1870, д. 5, лл. 172-173.
[4] Джанашвили. Указ. соч. – С. 19.

...ахалапшюю увеличивали влияние на дела края числом общин, состоявших под их покровительством, готовых во всякое время поддержать значение союза силою оружия, а хипшы в нравственном влиянии и той силе, какою располагали патроны для охранения безопасности каждого союза»[1].

Тем не менее это нисколько не может заслонить тот факт, что в Абхазии в XIX веке институт аталычества потерял прежнее родовое содержание и был подчинен потребностям феодального общества.

В Абхазии, как и у многих кавказских народов, широко был распространен также обычай взаимопомощи – «ауаахв» (ауааҳә) или «кераз» (кьараз). Взаимная материальная поддержка друг другу проявлялась во всех важных случаях жизни: при выполнении хозяйственных работ (строительство жилых домов и хозяйственных построек, прядильная и ткацкая работы, изготовление бурок), при вступлении в брак, в случае смерти кого-либо из членов семьи и при всякого рода бедствиях. Особенно часто прибегали к взаимопомощи в сельскохозяйственных работах[2]. В первую очередь пахали и засевали поля вдов, сирот и больных, а затем участников работ по очереди. Существовали специальные песни («Песня вспашки», «Песня тохи»), исполняемые во время этих работ[3]. Надо сказать, что в то тревожное время практика взаимопомощи иногда диктовалась необходимостью обеспечения безопасности. Поэтому, отправляясь на работу, крестьяне, брали с собой и ружье, которое вешали недалеко от себя на специальный кол; несколько же человек посылались в качестве сторожевой охраны на места, откуда можно было ожидать нападения врагов.

Некоторые сведения по этому вопросу мы находим у А. Н. Введенского, который практику трудовой взаимопомощи связывал главным образом с подбивкой кукурузы. Так как эта работа довольно трудная, то «она производится обыкновенно при пособии соседей; такой порядок полевых работ существует впрочем не только в Абхазии, но и в Мингрелии, где он носит название ноди». Вечером, накануне дня, когда хозяин предполагал заняться подбивкой кукурузы, он обращался к своим соседям с просьбой об оказании ему помощи. На другое утро, с рассветом, собиралось человек 30–40, со своими тохами. С песнями они принимались за работу, и работа кипела до захода солнца. По окончании работы устраивался ужин, продолжавшийся нередко до утра. В августе и сентябре месяцах «в. каждом селении ежедневно можно слышать несколько подобных пирушек»[1].

Начальник Сухумского отдела генерал Гейман в своем отчете за 1876 год также указывал, что обработка земли в крае производилась «большею частью в виде дневного труда (помощью), на который взаимно сзываются все соседи, причем им приготовляется угощение»[2].

И этот обычай, практиковавшийся в крестьянской среде в форме взаимопомощи, в виде коллективного труда, для абхазских феодалов, а также крестьянской верхушки служил средством эксплуатации, несмотря на всю его патриархальную окраску. При каждом удобном случае (постройка дома, свадьба, поминки и пр.) феодал созывал всех подвластных крестьян, причем для многих из них, связанных с феодалом узами усыновления или аталычества, оказание такой помощи было обязательным[3].

Феодалы пользовались также другими видами обычаев, среди которых наиболее существенным было асасство (гостеприимство). Эксплуататорская сущность этого обычая выражалась прежде всего в том, что он приобретал характер едва ли не самого тяжкого вида оброка: феодал во всякое время мог заезжать к своему крестьянину, который обязан был принять помещика «должным образом» и накормить вместе со всей его свитой. Для такого «почетного гостя» – асаса крестьянин нередко жертвовал последней скотиной, приносил последнюю горсть зерна, а если сам не имел этого, то добывал у другого. Феодал одним таким своим «посещением» часто уничтожал годовой запас продовольствия того или иного крестьянина[4]. Начальник Черноморской береговой линии А. И. Будберг в

[1] Черепов А. П. Указ. рук.

[2] Чурсин Г.Ф. Указ. соч. – С. 15–16.

[3] Аджинджал И. А. Взаимопомощь в абхазской деревне. Рукописное отд. библиотеки Абхазского института, № 58.

[1] (Введенский А.Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 6–7.

[2] ЦГИАГ, ф. 545, д. 986, лл. 79–116.

[3] Смирнова Я.С. Семейный быт и общественное положение абхазской женшины. «Кавказский этнографический сборник», I. Изд. АН СССР, 1955. – С. 115.

[4] Дубровин Н. Указ. соч., т. I, кн. II. – С. 45.

рапорте на имя М. С. Воронцова 7 сентября 1846 года писал, что при указанных случаях «в один день истреблялся труд целого года, тунеядцы питались на счет трудолюбивых»[1].

С другой стороны, согласно тем же абхазским обычаям, крестьянин, по тем или иным причинам уходя от своего владельца, мог прибегнуть к «покровительству» другого лица, к которому он являлся очень часто именно под видом асаса. Однако такое «покровительство» крестьянам-асасам, как это имело место и в Кабарде[2], было выгодно опять-таки феодалам, которые таким путем приобретали в лице крестьян – «гостей» дополнительный объект эксплуатации. В то же время указанное явление несколько сдерживало феодалов от чрезмерной эксплуатации, от вопиющих нарушений установленных обычаем норм эксплуатации и зависимости.

Таким образом, зависимость и эксплуатация анхаю феодалами сильно маскировались патриархально-родовыми приемами. Отчуждение прибавочного труда или продукта непосредственного производителя в этом случае выступало в виде «дарения» и «добровольного» приношения. Надо сказать, что отмеченное явление – маскирование отношений личной зависимости псевдородственными связями имело широкое распространение вообще среди кавказских горских народов. Как отмечается, например, в «Истории Кабарды», сложившиеся в родовом обществе Кабарды обычаи (взаимопомощь, гостеприимство, аталычество и др.) феодалы превратили в повинности, возлагаемые на крестьян[3]. В «Очерках истории Адыгеи» также подчеркивается, что в Адыгее «эксплуатация народных масс осуществлялась в самых разнообразных формах под покровом различных родовых обычаев и традиций»[4].

Закрепощение анхаю тем или иным путем было целью каждого помещика, ибо чем больше анхаю имел тот или иной помещик, тем прочнее было его экономическое и общественное положение. Мы

[1] ЦГВИА, ф. ВУЛ, 1846 г., д. 6597, лл. 84–85.
[2] Материалы по обычному праву кабардинцев. – С. 366–367.
[3] История Кабарды. М., 1957. – С. 96.
[4] Очерки истории Адыгеи, т. I. Майкоп, 1957. – С. 177.

располагаем значительными данными относительно стремления феодалов в этом направлении. У нас нет недостатков в сведениях и об эксплуатации анхаю, о причинах, заставлявших часть их переходить на более низкую ступень социальной лестницы.

Закабаление анхаю в предреформенный период тем быстрее росло, чем заметнее становились товарно-денежные отношения. Вместе с тем царизм, социальная политика которого по отношению к крестьянству шла по линии увеличения и укрепления над ним власти князей и дворян, много способствовал этому явлению.

Член Сухумской сословно-поземельной комиссии подполк. Шредер в «Особом мнении», поданном им в комиссию 14 сентября 1867 года, писал: «...С тех пор, как в Абхазию стали проникать русские начала, прежний порядок вещей пошатнулся, новый же не успел еще окончательно водвориться». Начало данного явления он относил к концу первых годов княжения М. Шервашидзе, т. е., очевидно, к 30 годам XIX века[1].

А. П. Черепов также подчеркивал, что именно с указанного времени «добровольные отношения анхаю стали принимать вид обязательной дани во всех тех случаях, когда патрон, считая себя сильным и ссылаясь на примеры, делался требовательным»[2]. Это сообщение Черепова надо понимать в смысле усиления эксплуатации анхаю, ибо и до 30-х годов XIX века «приношения» этих крестьян, конечно, не носили «добровольный» характер.

Дворянин Ламкац Званба поселился[3] в с. Дранда (Цкыбын) в качестве управляющего владетельским имением при Зурабе Шервашидзе (Чачба) или в начале княжения племянника последнего Келешбея Шервашидзе, т. е. около 70-х или 80-х годов XVIII века. Ему было поручено «собирать в его (Келешбея. – Г. Д.) пользу повинности с тамошних жителей... и анхае, переселенных туда самим Келешбеем»[4]. Таким образом, эти повинности для анхаю носили отнюдь не добровольный, а обязательный характер. Такой же строго регламентированный характер носили обязанности анхаю подвластных и сыну Келешбея Сафарбею, который, по свидетельству А.

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1). 1865 г., д. 180, лл. 213–221.
[2] Черепов А.П. Указ. рук.
[3] Из с. Звандрипш.
[4] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 15, ч. II, лл. 10–103.

В. Пахомова, «постановил (в 20-х годах. – Г. Д.), чтобы эти анхае давали в пользу его... пастухов по три бичуквы (кошелки) кукурузы и по два апхала (кувшина известной меры) вина, во-вторых, чтобы они на праздник пасхи приносили Гасан-бею по ягненку или козленку»[1].

А. Н. Введенский подчеркивал, что владетель Абхазии М. Шервашидзе, сильный поддержкой царских войск, проявлял большой произвол; в период его княжения «все обычные сословные отношения были нарушены». Другие феодалы старались делать то же самое относительно «всех ниже их стоящих сословий»[2].

По мере развития торговли, средств сообщений и связи и пр. происходил рост потребностей помещиков[3], имевший своей обратной стороной усугубление эксплуатации крестьянства, так как источником удовлетворения этих потребностей являлся тот же труд крестьянина. Рассматривая аналогичный процесс в истории Германии, Ф. Энгельс писал, что происходит «новый нажим на крестьян, увеличение оброков и барщины; возобновляется и все усиливается стремление превратить свободных крестьян в зависимых, зависимых в крепостных, а общую землю марки в господскую землю»[4].

Повинности анхаю, как и других крестьянских категорий феодальной Абхазии, не были урегулированы письменным правом. Они основывались исключительно на обычаях и традициях, и в них теперь усиленно вносились изменения феодалами.

Уже отмечался факт о том, как владетель Абхазии Сафарбей (Георгий) Шервашидзе в начале XIX века постепенно закабалил тех крестьян, которые жили в селах, расположенных около м. Очемчиры: сперва он заставил их давать ему «подарки» и скоро эти «добровольные приношения» были превращены в повинность (ажидз), которую владетель начал требовать со всех указанных крестьян «как должное»[5].

[1] ЦГИЛ, ф. 1110, оп. 1, д. 15, ч. II, лл. 10–103.

[2] (Введенский А. Н.). Абхазцы (азега)... – С. 10.

[3] С. И. Пушкарев, сведения которого относятся к 1853 г., констатировал: «Сюда (в Сухум. – Г. Д.) привозятся теперь почти все потребности роскоши и первой необходимости, от дорогих шелковых тканей до самого грубого бумажного полотна, от английского фарфора до глиняных турецких кувшинов, от лучшего французского вина до картофеля и луку включительно» (ЗКОРГО, кн. 2, 1853. – С. 161).

[4] Энгельс Ф. Немецкий крестьянин. Чем он был? Что он есть? Чем мог бы он быть? Госполитиздат, 1939. – С. 15.

[5] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 102–103.

В 20-х годах князь Нарчоу Инал-ипа, обширные владения которого были раскинуты в низовьях р. Бзыби, пытался обложить натуральной податью всех крестьян, признававших его патронат. А. П. Черепов, сообщавший этот факт, указывал, что многие анхаю «по беззащитности и раздробленности рода подвергались такому насилию»: помещики заставляли их отбывать «повинности высшего разряда». Вообще появление «платящих» или «обязанных повинностями» анхаю он рассматривал как результат насильственных действий феодалов[1].

На это обстоятельство указывается и в одном документе, носящем характер инструкции и относящемся к 60-ым годам, в котором говорится: «Немало есть и таких, кои принуждаются к платежу беззащитностью, т. е. насилием»[2]. В другом документе такого же характера и того же периода читаем: «Количество и виды натуральных повинностей, отбываемых зависимым сословием, довольно много различны... Несоразмерность повинностей в сравнении с другими жителями селений, поневоле принужденными платить то, что владелец признавал для себя нужным увеличить»[3].

Во время пребывания Гасанбея Шервашидзе в Сибири, куда он был сослан в 1827 году, дворяне Званба захватили драндских анхаю. Вернувшись из Сибири, Гасанбей не лишил Званба права пользоваться повинностями указанных крестьян. Но вместе с тем он обязал последних[4], сверх того, давать в пользу его пастухов, пасших стада в с. Цкыбын (Дранда), по 3 кошелки кукурузы и по 2 кувшина (абхал) вина[5]. Кроме того, во время пасхи каждый дым крестьян анхаю дворян Званба обязан был приносить князю Д. Г. Шервашидзе, «сообразно состоянию», барашка, козленка или курицу[6]. Таким образом, заключал А. В. Пахомов, случилось так, что в одном и том же имении есть анхаю подвластные и князю Шервашидзе, и дворянам Званба[7].

[1] Черепов А. П. Указ. рук.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1880 г., д. 1033, л. 5.

[3] Там же, 1873, д. 403, л. 2.

[4] Количество дымов этих анхаю А. Пахомов в конце 60-х гг. считал 28 (Жиба, Аргун, Пшаа, Бгеу и др.).

[5] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 15, ч II, лл. 10–103.

[6] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1865 г., д. 29, л. 204.

[7] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 34 об; ССКГ, в. VI, 1872. – С.11.

В документах зафиксировано постоянное стремление князей Эмхаа (Эмухвари) увеличить повинности всех анхаю с. Эмхы[1], а дворян Званба (с. Звандрипш) – обложить анхаю Чкок повинностями. Анхаю Брандзе, выходцы с Ингура, прибыли под покровительство Пицундской церкви и в качестве асасов поселились в с. Лдзаа. Но в августе 1867 года князь Тамшуг Инал-ипа потребовал с этих крестьян повинности, и они, как «малосильные, не могли сопротивляться». Причем Абуг Брандзе «был передан» Тамшугу Инал-ипа с разрешения начальника Бзыбского округа[2].

Тенденция помещиков повышать подати и повинности анхаю нашла свое отражение и в записке их депутатов от 23 марта 1870 года. В этом документе утверждалось, что все анхаю должны были выходить на работу, на владельческую запашку, от 6 до 10 дней в год, а также по 1 человеку с каждого дыма на сбор кукурузы, винограда и пр. до окончания всего сбора[3]. Интересно заметить, что во время опроса Сухумской сословно- поземельной комиссией князья Маршания показали не более 5 дней всей работы анхаю, а князья Эмухвари – 6 дней; при личных же объяснениях с председателем комиссии полк. Краевичем князь Мсоуст Маршания, по-видимому, под влиянием других князей, показал, что анхаю должны работать по 3 дня каждому из 9 семейств гупских Маршания, таким образом – 27 дней, и что если бы анхаю не вышли на работу все это количество дней, то Маршания могли взять с них штраф. Впоследствии же, при разъяснении этого обстоятельства в присутствии анхаю, князь Маршания свое показание значительноизменил.

Данные о повинностях анхаю, приведенные в названной записке, были взяты из описания этих повинностей, представленного в Сухумскую сословно-поземельную комиссию одним из депутатов Титу Маргания. Это описание расходилось с прежними показаниями двух других депутатов, подписавших записку[4].

Предания также сообщают нам немало фактов о стремлении помещиков расширить сферу своей феодальной эксплуатации, усилить крепостнические отношения в Абхазии. Историческое свидетельство особо выделяет княгиню Кесарию Шервашидзе, которая пыталась в Абжуйской Абхазии усилить «крепостничество так же, как это было в соседней Одиши», т. е. Мегрелии. Однажды княгиня потребовала от анхаю с. Атара Квициния по одному кувшину вина. Крестьяне начали приносить вино. Но вот наступил год неурожая винограда. Кесария, чтобы крестьяне не забыли о своем «долге» и чтобы «ввести его в привычку», предложила анхаю Квициния приносить по одному кувшину воды и вылить ее в княжеском дворе[1]. С члоуских анхаю Адлейба, пасших стада зимой в местности Наа, она также начала взимать подати (ажидз)[2]. Сын Кесарии Григорий Шервашидзе, по примеру своей матери, тоже пытался усилить эксплуатацию и ввести новые подати. Так, от крестьян, дававших ему по козленку, он стал требовать по корове[3].

Усиление эксплуатации анхаю, кроме вышеуказанных причин, часто происходило также на почве долгов, штрафов и пр. Комиссия генерала Понсэ, отмечая существование анхаю «двух родов», указывала, что крестьяне первой группы были обязаны повинностями за выкуп из плена, за уплату долгов и пр.[4] На это обстоятельство указывали и члены Сухумской сословно-поземельной комиссии[5].

Еще при владетеле Сафарбее Шервашидзе князья Георгий и Даруква Инал-ипа оказали анхаю с. Блабурхва Барцыц какую-то помощь, вследствие чего последние обязались платить им по козленку, перестав давать его дворянам Блаб, которым теперь давали только козу. Однако Инал-ипа «стали очень требовательны», в результате чего некоторые крестьяне из фамилии Барцыц около 1853 года пытались бежать из своего села[6].

В с. Чугурхва анхаю Чахмат Шамба, считавшийся подвластным Чугба, впал в долг. Кизилбек Маргания уплатил этот долг, вследствие чего названный крестьянин сделался его зависимым.

Крестьяне Габлия, вышедшие из Самурзакано, жили в с. Эмхы в качестве асасов. Кац Маргания (Маан) позволил им переехать в

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 180–182.
[2] Там же, лл. 123 об–124.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, лл. 43–45
[4] Там же, л. 32 об.

[1] Арх. Абхазского института, ф. 1, д. 92, лл. 27–29.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1011.
[5] См., напр., «Соображение к решению поземельного вопроса в Абхазии». ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1880 г., д. 1033, л. 5.
[6] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 136.

с. Хуап и жить там на тех же правах. Но скоро один из них провинился и должен был заплатить штраф в 8 коров. Маргания заплатил за него штраф и обязал всех Габлия за это платить ему повинности регулярно[1].

Депутаты дворянства Абхазии в своей докладной записке сообщали, что Кац Маргания купил у дворянина Гусейна Лакрба анхаю Маца Агрба за 300 руб. При выяснении этого факта Сухумской сословно-поземельной комиссией путем опроса представителей помещиков и крестьян, депутаты от анхаю опровергли его и дали такую справку: около 1845 года Мац Агрба подрался со своим братом во дворе владетеля, за что должен был заплатить штраф – одного мальчика ростом в четыре четверти (200 руб.), одного ростом в пять четвертей (250 руб.) и одного – в шесть четвертей (300 руб.). Агрба бежал к Кацу Маргания; и так как он не мог заплатить указанного штрафа, то владетель подарил его дворянину Маргания[2]. Джирхвинские анхаю Атейба, желая выкупить своего брата из неволи, обратились за помощью к тому же Кацу Маргания. Воспользовавшись этим, Маргания наложил на названных крестьян ажидз: корзину кукурузы, козу и козленка[3].

В I860 году в с. Саберио Леван Шервашидзе украл у Зураба Эмухвари лошадь и привел ее в дом пиоши Ухулаия Парулуа. Так как Эмухвари нашел свою лошадь у Парулуа, то потребовал с него, как с вора, уплаты штрафа. Но у Парулуа не было средств для этого, и 3. Эмухвари забрал его к себе, а скоро, нуждаясь в деньгах, предложил Учану Анчабадзе, который заплатил штраф за Парулуа и взял его домой[4].

Князья и дворяне, делая долги, часто своими поручителями выставляли анхаю, что нередко для последних кончалось полным разорением и даже продажей в рабство, против чего, как это будет видно в разделе о классовой борьбе, решительно выступали крестьяне[5].

[1] Там же, лл. 124–124 об.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 36.

[3] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 137.

[4] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л 134.

[5] Сухумская сословно-поземельная комиссия собрала целый ряд конкретных фактов, характеризующих это явление (см. ЦГАА, ф. 57, оп. 2, д. 5, лл. 30–40, 134–138 и др.).

Иногда феодалы устраивали набеги на селения своих должников или их поручителей из князей и дворян и забирали в плен крестьян, в том числе и анхаю. Князь Уту Шервашидзе был много должен, поручителем его по некоторым делам являлся царченский князь Зураб Анчабадзе. Чтобы рассчитаться со своим поручителем кн. Шервашидзе, по-видимому, в начале XIX века напал на ткварчельских анхаю Кварчия, взял силой двух братьев и двух сестер и отдал их Зурабу Анчабадзе[1].

Балхуху Анчабадзе был должен Учардии Чхолария из с. Мухури. Тот с помощью Дзадзвалы Маргания, поручителя Анчабадзе, требовал уплаты своего долга. Князь Анчабадзе имел несколько телохранителей, в том числе и царченского пиоши Тукву Малапия, который, вместе с тем, являлся его молочным братом. Анчабадзе сговорился с Маргания, чтобы тот «напал» на него, Анчабадзе, когда он будет в с. Джгерда, захватил в плен Малания и отдал бы его Чхолария в уплату долга. Маргания так и поступил. Но вскоре Малания бежал в с. Окум, а царченские анхаю восстали и заставили Анчабадзе выкупить своего односельчанина[2]. В с. Зваидрипш дворянин Кизилбек Маргания около 1862 года, задолжав владетелю Абхазии, передал ему трех своих анхаю Хынтба[3].

Гудавский дворянин Мсоуст Маргания был должен князю Алибею Шервашидзе. Маргания схватил анхаю Мако Дочия, подвластного царченскому князю Ламкацу Анчабадзе, когда тот пас свиней в с. Бедия, и отдал его Шервашидзе. Ламкац Анчабадзе, оскорбленный этим поступком, пришел в Гудазу и захватил в плен зависимых от Маргания крестьян Джагуа и Кардава. За этих двух поручились анхаю Акшба и Ачая. Но так как в это время оба пленника бежали, то Ламкац Анчабадзе захватил самих поручителей и отдал их князю Шервашидзе взамен Дочия, хотя, однако, вскоре он под натиском крестьян, вынужден был выкупить поручителей и отпустить их домой[4].

Вместе с тем наблюдалось стремление отдельных помещиков закрепить письменными документами усилившуюся эксплуатацию своих анхаю. Членам Сухумской сословно-поземельной комиссии

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д 5, л. 30.

[2] Там же, лл. 17, 20, 30–40.

[3] Там же, л. 231.

[4] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 18, 22, 30-40.

удалось найти и приобщить к своим материалам несколько таких документов. В одном из них, данном Меде Кочиевичем Колбая князю Манучару Коциевичу Чхотуа 28 августа 1857 года, говорится: «Между нами, вследствие некоторых причин, были неудовольствия, вы сердились на меня, но сего числа примирились со мною с требованием условия на усердную службу. Поэтому-то с этого времени обязываюсь перед вами этою подпискою служить верно и не входить в ослушание и как пиош несет повинность помещику своему, таким же родом и я буду исполнять свою служебную обязанность. И в случае я отступлю от данного мною условия, то должен я быть наказан беспощадно как со стороны вас, так и со стороны местных судебных властей»[1].

Вот другая грамота, данная дворянином Кацом Маргания анхаю Мацу Агрба. В этом документе указывалось, что Агрба, как «собственный анхае», с самого детства служил Маргания хорошо. Феодал требовал, чтобы он и впредь служил ему таким же образом. Маргания обещал, что после его смерти Агрба с семейством будет освобожден от исполнения повинностей без выкупа, за исключением приношения одного барашка «в память и уважение»[2]. Действительно, Мац Агрба был «отпущен на волю» сыном К. Маргания поручиком Титу Маргания в память «спасения царя» при покушении на него в 1866 году[3].

В обстановке развития товарно-денежных отношений отдельные помещики стремились заменить натуральные повинности денежными, что являлось показателем первого появления денежной ренты. А В. Пахомов, подсчитав общую сумму доходов князя Д. Г. Шервашидзе за 1857 год, замечал, что «здесь не сочтены разные мелкие и случайные доходы... Все эти доходы получались, большей частью, не деньгами, а натурой»[4], следовательно, меньшей частью – деньгами. Почти повсеместным явлением была замена натуральных налогов акшбыр и ачма денежными. Так, например, владетель в Бзыбской Абхазии за каждую девицу при выходе замуж получал ачму в размере 6 коров и 6 руб.[5] В выкупном свидетельстве, данном

[1] Там же, лл. 84–84 об.
[2] Там же, л. 76
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 41.
[4] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, лл. 392–393.
[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, л. 11.

князем Григорием Шервашидзе крестьянам анхаю Квициния из с. Атара 24 января 1872 года, в перечне повинностей, отбывавшихся ими до объявления крестьянской реформы в Абхазии, между прочим, указывалось, что они были обязаны «приношением владельцу двух коз или по стоимости их деньгами»[1].

Однако все это не может опровергнуть положения о натуральном характере в целом хозяйства Абхазии той эпохи. Общая сумма денежных доходов феодалов была весьма невелика. Как видно из приведенных ниже данных о повинностях, денежные платежи крестьян терялись среди многочисленных натуральных оброков. Феодалы все более и более проявляли заинтересованность в денежных доходах. Но получать эти последние не удавалось, поскольку у крестьян деньги отсутствовали или их было очень мало. Домашнее ремесло в основном удовлетворяло потребности крестьянства в промышленных изделиях.

Превращение же «ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения»[2].

Вследствие всего вышеизложенного у помещиков наблюдались, с одной стороны, рост общего количества зависимых анхаю и, с другой, увеличение закрепленной части этих крестьян. Вот данные об увеличении количества зависимых анхаю, например, в имениях владетеля Абхазии М. Шервашидзе и его брата Ал. Шервашидзе. Генерал Понсэ в записке от 2 июля 1866 года писал о М. Шервашидзе, что после 30-х годов, когда, как сообщал А. П. Черепов, произошло его «прочное водворение» в крае, «только присутствие войск и поддержка правительства позволили ему пользоваться доходами более тридцати лет, точнее – создать доходы, небывалые или ничтожные при прежних владельцах, и умножить число своих подвластных». Ал. Шервашидзе около 1841 года[3] имел всего лишь 40 или 50 дымов анхаю, а к 1866 году их стало 318. Это происходило «переселением людей и другими путями»[4].

[1] Архив Абхазского института, ф. 1, д. 27, лл. 2–4.
[2] Маркс К. Капитал, т. III, 1955. – С. 810.
[3] До этого Ал. Шервашидзе находился на военной службе.
[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), д. 76, 1864 г., лл. 180–198.

Мы приведем также материал, говорящий о том, что вследствие общего процесса закрепощения анхаю объем и характер их повинностей были неодинаковы для отдельных прослоек данных крестьян. В одном случае эти повинности являлись относительно легкими и носили вид «добровольной почетной» службы, в другом – значительными и выступали откровенно в форме обязанности.

Об этом свидетельствовала комиссия генерала Понсэ. В цитированной выше «Сравнительной таблице» она крестьян анхаю делила на две группы: на «состоящих под покровительством» и «обязанных повинностями». Служба первой группы, т. е. высшего слоя, сводилась к тому, что крестьяне, принадлежавшие к ней, при выходе дочери замуж давали козу, корову; 2 дня в течение года работали на господина и т. д. Крестьяне же, составлявшие вторую категорию, помимо перечисленного, давали козу или козленка или козу, козленка и несколько пудов кукурузы[1].

В инструкции, данной Горским управлением А. П. Черепову перед его отправлением в Бзыбскую Абхазию летом 1866 года с целью сбора материалов, необходимых для проведения крестьянской реформы, также указывалось на зависимое положение категории анхаю и подразделение ее на две прослойки[2]. Названному чиновнику предписывалось «обозначить, сколько семейств анхае зависит лично от владельцев и отбывает им повинности...»[3]. Сам Черепов, как видели, доказывал, что крестьяне анхаю делились на две группы, обязанные различными по величине повинностями. Для примера он приводил следующие факты: в с. Бача (Баеа) анхаю Харазия давали потомкам Тоулах-ипа Чачба (Шервашидзе) мясо козы без головы, ног, кожи и внутренностей, а некоторые из фамилии Айба – по козьему бурдюку вина в урожайные годы; в с. Апцхва анхаю Тарба, Дбар и другие – по козе с двора дворянину Муты Маан (Маргания); обыкновенная повинность анхаю состояла из 1 козы и 2 дней полевой работы, самая же большая повинность – из 1 козы, 1 козленка, около 7 пудов кукурузы и 2 дней работы.

Вместе с тем Черепов писал, что ахылапшю («покровители») имели право получать от зависимых сословий: ажидз[4] – по 1 козе,

[1] Там же, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1011.

[2] Там же, д. 1012, л. 6.

[3] Там же, л. 7 об.

[4] Черепов термин ажидз переводил как «свежее мясо»; его надо понимать точнее (буквально) – «живое мясо».

имущество умиравшего «без рода и племени», ахшбыр – 1 корову за брак, в дни пасхи – шарпху[1] (яйца, сыр, кур). Ахылапшю «приглашал на помощь» крестьян во время полевых работ на 2 дня в году; лица, имевшие лошадей, сопровождали его в поездках. Кроме того, он имел право переезжать со своим семейством в зимнее время из одного села в другое на 2–3 недели и кормиться в них, что называлось «атача»[2].

Ив. Аверкиев, констатируя наличие двух групп внутри категории крестьян анхаю, обязанности которых были «различны», писал, что у большинства владельцев анхаю были обязаны приношением ягненка летом и барана зимой, «или что может, соответственной впрочем ценности», а также, примерно, от 4 до 7 пудов кукурузы; работой 3 дня в году, конвоированием, «подарком» одной коровы за выход замуж девицы. Владелец пользовался и выморочным правом по отношению к анхаю. По адресу же второй группы анхаю автор указывал: «У некоторых князей и дворян вольные жители (анхаю. – Г. Д.) отбывали довольно большие повинности; напр., семейство вольного жителя обязано было обрабатывать определенное количество земли, убрать хлеб и доставить в дом землевладельца; вместо работы допускалась уплата кукурузы; ежегодная плата не ограничивалась ягненком и бараном, а вольный житель обязан был давать корову, да определенное количество мер вина»[3].

Из материалов Сухумской сословно-поземельной комиссии укажем лишь на одну записку, очень характерную в этом отношении. В данном документе, где крестьяне анхаю четко разделены на «два класса», одной из этих групп «присвоены были» следующие обязанности по отношению к владельцу: служить в доме последнего во время приезда гостей, провожать и служить ему в поездках; крестьяне при выдаче своих дочерей замуж должны были являться к помещику с подарком-–коровой, а самый бедный из них – бараном; кроме того, с каждого дыма один работник 3 дня в году (во время посева, очистки и уборки хлебных злаков) должен был работать на владельца. Анхаю «второго разряда», сверх всего этого, при-

[1] Шарпху (шарԥхәы) – предрассветная доля, пища.

[2] Термин «атача» (а0ача)состоит из: «атазаара»(а0азара)– гостить, посещать, пребывать; «ачара» – кормиться, питаться.

[3] Аверкиев Ив. Указ. соч. «Кавказ», 1866, № 74.

носили с каждого дыма владельцу: от 5 до 10 пудов кукурузы или проса, от 1 до 3 кувшинов вина, 1 барана; весной–по 1 барашку, а для корма скота некоторые доставляли по 2-3 арбы чалы или сена[1].

Надо сказать, что в составе низшей группы анхаю значительную долю составляли те из них, которые перешли в эту категорию крестьян по обычаю, отдав все свое имущество помещику из категории ахоую. Причем особое положение занимали те, которые зависели от крестьян анхаю, в свою очередь находившихся в сильной зависимости от других лиц. Генерал Шатилов отмечал, что при неполном освобождении ахоую, зависевшего от анхаю, он делался анхаю, но оставался в зависимости от такого же анхаю, которому платил повинности «по местной норме»[2].

Интересный конкретный материал, иллюстрирующий это явление, приводил А. В. Пахомов. В конце 60-годов в с. Яштхуа жили 12 дымов анхаю Кецба, из которых только 6 дымов действительно принадлежали к фамилии Кецба, а остальные были бывшие их ахоую, но освободившиеся из этой категории и принявшие фамилию прежних своих владельцев. Все они были обязаны отбывать повинности в пользу Г. Д. Шервашидзе. Кроме того, на них предъявлял претензию и ашнакума Чрыгба. Бывший ахоую по имени Фафа также принял фамилию своих бывших владельцев Курик и в качестве анхаю поселился в с. Ачадара, став в зависимость от Кягусы Чрыгба. Так же по отношению к анхаю Амкваджь поступил бывший их ахоую Гыд, а Ханашв – по отношению к анхаю Гулия. Причем, очень характерно, этот факт уже приводился, когда владелец Ханашва анхаю Гулия умер без наследников, то, по выморочному праву, все имущество последнего, в том числе и Ханашва, называвшего себя анхаю, должно было перейти к князю Г. Д. Шервашидзе, стать его собственностью[3].

Процесс усиления феодальной эксплуатации анхаю протекал не одинаково в различных частях Абхазии. Конкретные размеры и виды его часто определялись местными условиями. Степень зависимости крестьян, тяжесть и характер лежавших на них повинностей изменялись в зависимости от условий того или иного района,

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл 1–5.
[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л. 4.
[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, лл. 498–500.

села и имения. Они, вместе с тем, определялись степенью сопротивления крестьянства эксплуатации их помещиками.

Командующий войсками в Абхазии генерал Шатилов, который «при случае» занимался сбором данных по крестьянскому вопросу, сообщал в военное управление Кутаисского генерал-губернаторства 23 декабря 1865 года: «Количество и вид повинностей, отбываемых подвластными разных наименований, бесконечно разнообразны и можно почти с полной достоверностью утвердить, что не только нет общины, которая в этом отношении не отличалась бы от своих соседей, но даже в одной и той же общине члены ее несут совершенно разнородные повинности. В большинстве случаев это зависит от большего или меньшего личного значения патрона, с одной стороны, и подвластного, с другой. Обобщение фактов может быть допущено единственно относительно повинностей и положения крепостных людей (ахое и агырва), которые повсеместно более или менее схожи»[1].

В «Проекте программы для действий Сухумской сословно- поземельной комиссии» также отмечалось, что в каждом из сословий «не только отдельные роды, но даже отдельные семейства нередко пользуются правами, во многом отличными от прав сословия, к которому они принадлежат, и не подходящими к правам других классов; так что при рассмотрении их прав, вопрос о принадлежности их к данному сословию, без определения характера этих прав, решить затруднительно...»[2]. Даже А. Н. Введенский, который явно идеализировал положение анхаю, вынужден был признать, что права крестьян этой категории в приморской части Абхазии «потерпели некоторое ограничение»[3].

Для описания повинностей изучаемых крестьян вообще и показа неодинаковости этих повинностей в территориальном отношении очень ценны сведения, сообщаемые Коньяром (1865 г.), Баратовым и Каргановым (1866 г.).

Начнем со «Сведений об отношениях в Абхазском округе подвластных крестьян к своим помещикам» майора Сулхана Баратова

[1] ЦГИАГ, ф. 410, оп. 3, 1865 г., д. 1012, л. 21.
[2] Там же, ф. 545, оп. 1, д. 180, лл. 31–39.
[3] (Введенский А. Н.). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина... – С. 22, прим. 26.

(Бараташвили)[1]. В селах Ешкыт и Илори при посеве, очищении и уборке владельцем кукурузы и проса, а также во время сбора винограда «по приказу» владельца анхаю должны были выйти на работу сами или послать кого-либо вместо себя «и оставаться там до тех пор, пока не кончится нужная работа», т. е., обычно, в течение двух и более дней. Причем анхаю приносили с собой кто сыр, кто молоко, а помещик обеспечивал их мясом. Еще раз подчеркнув, что «при первой потребности владельца анхайве должен исполнить ту обязанность, которую он на него возложит», Баратов сообщал, что, кроме того, каждый анхаю платил помещику ажидз: зимой козла или барана, летом козленка или барашка. При выходе замуж дочери анхаю жених приводил помещику быка. Если владельцу нужна была лошадь или же послать куда-либо, «то это лежит исполнение на анхайве».

«Обязанности и служба» анхаю в с. Поквеш были еще более многообразны. Сверх перечисленных выше, здесь анхаю были обязаны доставлять помещику собранный виноград, строевой лес и папоротник для крыш. В случае, если анхаю был воспитателем помещика или же кого-либо из его родных, то при выдаче дочери помещика замуж крестьянин должен был «подарить» ему корову или быка. При поминках же в доме владельца анхаю был обязан принести 1 или 1,5 батмана вина и переднюю часть зарезанной скотины, если такая у него имелась. Вместе с тем, когда умирал кто-либо из помещиков «лучшие» анхаю держали его лошадей (ачадгылара, ӕӕадгылара). На рождество и в день пасхи каждый анхаю приносил помещику подарки (ахәгара): кур, барана, козла и пр. Кроме того, анхаю обязаны были содействовать помещикам во время нападений и кровомщения. Если анхаю покупал или продавал крестьянина, то он должен был подарить помещику корову или быка.

В селениях Гун, Ткварчели, Падгу, Тхина, Маркула и Джал анхаю отбывали почти такие же повинности, какие несли поквешские анхаю, но с той существенной разницей, что здесь владелец мог «за долг свой отдать на время аманата (заложника. – Г. Д.) анхайве».

Сведения, собранные капитаном Каргановым, третьим членом комиссии Баратова, относятся к Цебельде. В составленных им «Сведениях о взаимных отношениях цебельдинского населения»

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1865 г., д. 181, лл. 132–140.

отмечается, что крестьяне анхаю обязаны были князьям Маршания «помогать» при обработке полей, посеве и уборке хлеба, и на это было положено с каждого двора 3 дня в году, выставляя одного человека и пару быков с инвентарем. Крестьяне должны были также приносить помещику по одной копне сена или чалы и по одному пуду кукурузы. Кто имел стадо баранов, тот давал весной барана или козла. При поездках князь имел право взять лошадь анхаю бесплатно. Кроме того, при женитьбе князя каждый зависимый крестьянин или несколько дворов вместе приносили ему по корове; в случае же женитьбы анхаю помещик от последнего также получал барана или козла. «В обоих случаях, – писал Карганов, – дань эта на основании народного обычая считается обязательною и известна под названием пхаршяхя»[1] (аԥхьашьархьа?).

Данные полковника Коньяра относятся к самурзаканским анхаю (пиоши)[2]. В с. Бедия анхаю были обязаны работать на князей Шервашидзе в год 3 дня: первый раз, когда производился посев кукурузы, второй–при тохании и третий – при сборе урожая. Крестьянин выходил на работу со своим рабочим скотом, если такой у него был. Если же в указанные дни крестьянин не выходил на работу, то князья Шервашидзе, «по праву сильного», налагали на него штраф, состоявший из одной коровы или быка. Если несколько князей из фамилии Шервашидзе жили отдельно, то анхаю, живший на их земле, также в силу «права сильного», работал каждому по 3 дня в год. Оброчная плата анхаю помещику заключалась в одной козе или баране в год, или же, за неимением их, в 1 руб. серебром. Кроме того, крестьянин приносил «гостинец» на праздник пасхи или рождества: заднюю половину зарезанной им скотины, но это «не вменялось им в обязанность». На земле, где жил анхаю, помещик не мог поселить другого крестьянина. Переходить от одного помещика к другому анхаю мог, если только помещик притеснял его или же не имел достаточного количества земли.

В селах Патрахуца и Сачина у дворян Званбая и Маргания анхаю обязаны были работать 4 дня в году, но штрафа за неявку на работу не платили. Во всем остальном здесь было то же самое, что у анхаю князей Шервашидзе в с. Бедия.

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1865 г., д. 181, лл. 168–173.
[2] Там же, ф. 220, д. 877, лл. 42–49.

В с. Ешкыт, у дворян Ешба, обязанности анхаю отличались от вышесказанного только тем, что свой скот крестьянин не мог пустить на место, где только что снял кукурузу, без позволения помещика; в противном случае помещик налагал на него штраф – 1 корову.

В с. Сагургулия, у дворян Гургулия, обязанности анхаю были те же самые, что и в с. Патрахуца, с той лишь разницей, что вместо одной коровы или одного рубля серебром здесь платилось по 2 рубля в год.

В селах Баргеби, Отобайа и Тагилони, у князей Анчабадзе, анхаю работали от 2 до 3 дней в году со своей скотиной, платя от 1 до 2 рублей, или же, в натуре, барана или козу.

В с. Набакеви анхаю обязаны были служить во всем так, как анхаю в с. Патрахуца, но с той разницей, что если по первому требованию помещика крестьяне не являлись на работу или раньше уходили с работы, то помещик отбирал у них корову. Некоторые же анхаю обязаны были работать на князя Левана Шервашидзе, на земле которого они жили, 3 дня и на дворянина Чхикватия, как на церковного старосту, 4 дня в году; кроме того, были обязаны приносить в церковь по 1 рублю серебром и по 8 аршин белого холста. Чтобы выкупиться из анхаю, последние должны были заплатить за каждую душу по 100 рублей серебром.

В с. Саберио анхаю князьям Шервашидзе и Чхотуа отбывали повинности по фамилиям; некоторые выходили на работу один и два раза в год, а иные–по 3 и 4 раза; за пользование землей все крестьяне приводили козу или барана, а за неимением скота платили 1 рубль серебром. Те из анхаю, которые выходили на работу 1 и 2 раза, давали помещику 2 батмана вина и столько же пшена.

Мы располагаем и другим документом, в котором дается общее описание повинностей, отбывавшихся самурзаканскими крестьянами рассматриваемой категории. Однако надо иметь в виду, что этот документ, сохранившийся под названием «Опись оброку и повинностям, лежащим на крестьянах самурзаканских князей и дворян»[1], составленный 3 марта 1865 года самими феодалами и приложенный к их заявлению на имя начальника Самурзаканского округа майора Кшиельского[2], тенденциозен, ибо, как уже отмечалось, его составители стремились «обосновать» свое «право» на труд и жизнь крестьян.

[1] ЦГИАГ, ф. 220, оп.1, д. 877, лл. 52-55.

[2] Там же, лл. 50–52.

Согласно указанной «Описи», самурзаканские анхаю (пиоши) должны были давать своим помещикам корову, некоторые – теленка или барана, либо козла; за неимением вообще рогатого скота – кабана; приводили также ягненка и козленка; «одним словом, начиная с поросенка до коровы». Анхаю приносили помещикам также сыр, кислое (мацони) и свежее молоко, мед и пр., причем были «должны без требования помещиков сами приносить». «В случае же требования» помещика, крестьянин, если у него было, «не должен отказать помещику своему ни в чем», т. е. ни в кукурузе, ни в вине, ни в сене.

Сколько раз ни приходили бы к помещику гости, верховые или пешие, «помещик вправе отправлять гостей своих в дома крестьян пиошей, где крестьянин должен стараться потчевать гостей своего помещика всеми возможными средствами до тех пор, пока будут гости». «В случае крайней нужды» помещик мог отдать своего крестьянина в залог на 2-3 и более года, а члены семьи данного крестьянина «не в праве отказать помещику в должных повинностях».

В определенные праздничные дни крестьянин должен был, «сверх возложенных на него повинностей», принести помещику так называемый «мосакитхи» – «в доказательство повиновения и доброжелательства». Он состоял в приношении бедра с ребром зарезанного им животного и одного батмана вина. Во время жатвы крестьянин обязан был принести помещику новую кукурузу, дыню, огурцы, тыкву и разные фрукты.

Помещик со своим семейством в течение года по нескольку раз, в любое время, мог отправиться в дом своего крестьянина, и последний обязан был зарезать, по возможности, какой-нибудь скот и угостить господина разными кушаньями. Этот обычай здесь был известен под названием «самедзело» или «мачкамури». В постные дни крестьянин посылал помещику «что-нибудь постное».

На убранное свое поле крестьянин не имел права, «под опасением взыскания», пускать скот прежде помещичьего. Если помещик подвергался кровной мести, то крестьянин этого помещика должен был за него уплатить мстителю деньги – от 10 до 30 рублей, «по мере возможности».

Повинностей самурзаканских анхаю (пиоши) касался и Д. З. Бакрадзе. В его сообщениях в этом отношении наиболее интересным является заявление о том, что эти крестьяне работали на полях помещиков в течение весны, лета и осени по одному дню в неделю[1].

Это, как и другие факты, лишний раз подтверждает то обстоятельство, что в Самурзакано крепостнические отношения были сильнее, чем в остальной Абхазии, хотя, как отмечали члены Сухумской сословно-поземельной комиссии, «общественное устройство» здесь «не представляет никаких резких изменений сравнительно с другими частями Абхазии»[2]. Этому немало способствовало влияние соседней Мегрелии, где, как известно, крепостничество господствовало безраздельно. Об этом, между прочим, свидетельствует следующий факт. Одно из имений мегрельского князя Григория Дадиани было расположено в пределах Самурзакано, в с. Пахулани. Перед реформой Дадиани добивался, чтобы «крестьянский вопрос был разрешен одновременно на одинаковых с Мингрелией основаниях»[3]. О том, что положение пахуланских анхаю (пиоши) отличалось от анхаю остальных сел данного района, не говоря уже о северо-западных частях края, говорит и описание с. Пахулани, произведенное в 1861 году. Согласно этому описанию, анхаю, отмеченные под названием глехи, обязаны были платить помещику 9 кок вина, 2 кг проса, 1 кг кукурузы, 1 катхо лобио, 20 кусков сыра, 1 курицу, 3 барана или козла, 100 пучков чалы, угощать помещика с прислугой и выходить на помещичью работу от 30 до 60 дней в год, в зависимости от числа крестьян в дыме[4].

Особо остановимся на анхаю владетеля и некоторых других крупнейших абхазских помещиков из князей Шервашидзе, в имениях которых крестьяне особенно сильно эксплуатировались. Важнейшим источником того большого богатства М. Шервашидзе, о котором писал Е. Понсэ, являлась углублявшаяся эксплуатация анхаю. Генерал Гейман, подчеркивая, что крестьяне Михаила и Александра Шервашидзе, за весьма малым исключением, находились в «долгой зависимости от своих владетелей», в 1868 году

[1] Бакрадзе Д. З. Указ. рук.

[2] Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии. – С. 5.

[3] ЦГИАГ, ф. 220, оп. 1, д. 877. л. 35.

[4] Там же, л. 79.

писал, что с них взимали «весьма большие налоги», поэтому они «составляют теперь, можно сказать, самую бедную часть всего абхазского населения». В частности, лыхненские крестьяне отбывали «в прежнее время по разным случаям самые усиленные натуральные повинности»[1]. Известно также, что в отдельных селах анхаю несли повинности одновременно и князьям Шервашидзе и другим феодалам. Так, владетель Абхазии в 1856 году дал своему брату Александру Шервашидзе разрешение получать по одной козе с 40 или 50 дворов анхаю Отырба в с. Аацы в то время, когда эти крестьяне, как подвластные, несли повинности мелким дворянам Багба[2].

Положение владетельских анхаю в Бзыбской Абхазии в общих чертах описано и А. В. Пахомовым в его замечаниях на записку П. Краевича о поземельной собственности в Абхазии (19 марта 1870 г.). «Селение Лыхны, – писал он, – имение, принадлежащее преимущественно его (М. Шервашидзе. – Г. Д.) собственным тягловым крестьянам (по-абхазски анхае), на обязанности которых лежала, кроме барщины, очередная повинность кормить семейство владетеля и его многочисленную свиту, т. е. поставлять в дом владетеля коров, баранов, гоми и прочую провизию по очереди. Расходы на эти предметы были громадные и крестьянам селения Лыхны, при сравнительно небольшом количестве земли в этом селении, было бы невозможно выполнить лежащих на них повинностей, если бы не было представлено право занимать участки земли в других соседних селениях, принадлежащих также лично владетелю как вотчиннику. Это одна причина, почему лыхненские жители имели земли и в других селениях... То, что было в селении Лыхны, отчасти встречалось и в другой резиденции последнего владетеля в селении Очемчиры и по тем же причинам»[3].

Действительно, положение владетельских анхаю в целом было совершенно аналогично положению только что описанных крестьян, т. е. в сущности мало отличалось от крепостных ахоую. В самом деле, например, обязанности анхаю с. Беслахуба, считавшихся «владетельскими людьми», «вообще были неограниченны и требо-

[1] Там же, ф. 545, оп. 1, (кн 1), 1864 г., д. 76, лл. 256–268.

[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. I), 1864 г., д. 76, лл. 180–198.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1870 г., д. 36 лл. 1–66.

вания владетеля выполнялись беспрекословно»[1]. Такое положение наблюдалось в Акуаскя и некоторых других селах, где крестьяне также являлись владетельскими[2]. Майор Баратов в 1866 году писал, что, например, в с. Джгерда анхаю Кягуа Хухилиа нес такие же повинности, какими были обязаны ахоую[3]. Источники также отмечают, что если для анхаю вообще ажидз равнялся 4 руб. и атача 2 руб., то для шервашидзевских анхаю они определялись в 14–16 руб.[4]

Здесь было время «неограниченных повинностей», когда, по словам Ф. Энгельса, «барин мог требовать на работу крестьянина, его семью, его скот так часто и на такой срок, как ему было угодно»[5].

Как мы видели, по весьма приблизительным данным, владетель в своих «частных» имениях только с 1243 дворов зависимых анхаю получал в год 1620 голов скота, около 480 пудов кукурузы и фасоли, более 140 ароб кормовой кукурузной чалы, 4584 дня барщинной работы и т. д.[6] Натуральные повинности, получавшиеся Ал. Шервашидзе с 297 дворов анхаю, составляли: 299 голов скота, 274 ведра вина, 202 пуда кукурузы, 201 курица, 684 дня барщинной работы (со скотом и без скота) и пр.[7]

После упразднения Абхазского владстельства и до проведения крестьянской реформы анхаю, принадлежавшие М. Шервашидзе, начиная с 1864 года, и А. Шервашидзе, начиная с 1866 года, состояли «в непосредственном ведении правительства», которое вообще взяло «в свое ведение все владетельские имения и подвластных», обложенных платой в казну на пополнение суммы в размере 25 тыс. рублей, назначенной правительством на содержание членов владетельного дома[8]. В январе 1866 года было приступлено «к повсеместному сбору повинностей за истекший 1865 год» через бывших владетельских сборщиков[9].

[1] Кап. Карганов. Сведения об отношениях в Абживском округе подвластных крестьян к своим помещикам, 1866 г. ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1012, л. 9 об.

[2] Там же. л. 10.

[3] Там же, ф. 545, оп. 1, д. 181, л. 178.

[4] Там же, 1866 г., д. 1013, лл. 2–3.

[5] Энгельс Ф. Немецкий крестьянин. Чем он был? Что он есть? Чей мог бы он быть? – С. 17.

[6] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 10–11.

[7] Там же, л. 8.

[8] Там же, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 76, лл. 256–258.

[9] Там же, лл. 138-141.

А.В. Пахомов считал, что «платящих дымов» анхаю в имениях Д. Г. Шервашидзе было около 600[1], а согласно предъявленному им же документу мировому посреднику Гумистинского участка, в связи с подготовкой крестьянской реформы, – 695[2]. И. К. Багратион-Мухранский этих крестьян называл «барщинными крестьянами». С данных крестьян в 1857 году было получено одного только хлеба в зерне не менее 120 тонн. В описи доходов Д. Г. Шервашидзе было отмечено, что подати с анхаю и пошлины с «сельских произведений» составляли в денежном выражении 12 тыс. рублей. Кроме того, было получено пошлин за дрова и строевой лес – 6 тыс. рублей, ажидз за пастбища 400 коз и баранов – 1 тыс. рублей и за прогон гуртов – до 10 коров или 100 рублей. Затем анхаю были обязаны отбывать полевые работы в течение нескольких дней в году, содержать и кормить лошадей помещика, исполнять работы при заготовлении материалов для построек и при перевозке их на место, а также платить ахшбыр: повинности ахшбыр и ачма в 1857 году дали 70 коров или 700 рублей[3].

При этом А. В. Пахомов особо выделял келасурских анхаю, проживавших вокруг дворца Шервашидзе. Они были «обязаны кормить помещика, т. с. доставлять провизию подобно тому, как это делалось во владетельских имениях Лыхны и Очемчиры», с той лишь разницей, что здесь очередность не соблюдалась и «брали у кого что было». «Между прочим, – писал далее Пахомов, – эти анхае, а также и келасурские торговцы доставляли в дом помещика молоко, яйца, сыр, кур и прочую мелочную провизию»[4].

Данные А. В. Пахомова о численности анхаю в имениях Д. Г. Шервашидзе, несомненно, преувеличены. Он, отражая чисто помещичью точку зрения, ревностно защищал интересы келасурских князей Шервашидзе.

Вот данные другого современника, К. И. Багратиона-Мухранского, попечителя Г. Д. Шервашидзе, о податях и повинностях анхаю в указанных имениях. Они заключались в следующем: зимой – баран; весной – ягненок, три пуда обмолоченной кукурузы, два ведра

[1] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, л. 293.

[2] Там же, д. 30, лл. 56, 59.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 36, л. 17.

[4] Пахомов А. Историч. записи по истории Абхазии и рода кн. Шервашидзе.

вина, одна повозка кукурузной чалы или соломы от гоми; в случае вступления в брак помещика или кого-нибудь из членов его семейства каждый крестьянский дым приводил помещику лучшую корову ценой от 15 до 20 руб.; при выходе же дочери крестьянина замуж помещику уплачивалась «определенная выгодная плата» (ахшбыр), равнявшаяся цене одной коровы. Кроме того, «по мере надобности», помещик брал у своих крестьян разные съестные припасы (сыр, яйца, кур, мед и пр.) «в неопределенном количестве». Барщинная работа крестьян состояла в обработке помещичьих полей, в заготовке и доставке помещику дров и строительных материалов, в перевозке и переноске тяжестей и т. д. Причем «определенного времени и положенного количества труда, потребных на производство этих работ», в рассматриваемых имениях не было. «Работы производились по мере надобности в количестве, определенном волей и потребностями помещика»[1].

Сохранились два выкупных свидетельства, выданных Григорием Шервашидзе бывшим его зависимым анхаю с. Атара в 1872 году: 12 января – 20 дворам Абухба, Авидзба, Агрба, Бутба и др.; 24 января – 9 дворам Квициния[2]. Все они, между прочим, считались «чистыми» крестьянами. В этих документах указано, что до объявления крестьянской реформы в Абхазии каждый дым «был обязан» помещику отбывать повинности ежегодно, в основном, 4–6 разных видов. В первом случае они давали князю 144 корзины (акалат) кукурузы, т. е. около 200 пудов, 30 коз и козлят и 36 дней барщинной работы. Во втором случае от 6 дворов[3] князь имел 48 корзин или около 72 пудов кукурузы, около 48 ведер вина, 18 коз и козлят и 18 барщинных дней.

Наиболее полные данные общего характера о повинностях анхаю в целом из ранних авторов дает Ф. Ф. Торнау (30 гг. XIX в.). Анхаю были «обязаны помогать» феодалу в полевых работах; каждый дым в году 2 раза давал по полной арбе кукурузы или проса (гоми), а также по единице скота и по кувшину вина. При этом Торнау замечал, что анхаю не подвергались телесному наказанию, но их заковывали

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180 лл. 2–8.

[2] Арх. Абхазского института, ф. 1, д.27.

[3] Из 9 указанных дворов 3 не подлежали выкупу как образовавшиеся вследствие раздела, происшедшего после 1 января 1865 года.

в железа в случаях неисполнения своих обязанностей или сопротивления господину[1].

Ф. Завадский обязанности анхаю сводил к следующему: доставлять владельцу «столько мяса, сколько потребуется»; засевать его поля; собирать и везти столько проса и кукурузы, «сколько понадобится для двора владельца»; собирать и вывозить из владельческих садов виноград; доставлять владельцу столько вина, «сколько понадобится для его стола»; приводить одну корову, в случае выхода девицы замуж; содержать владельца с его семейством – от уборки винограда до пасхи, если последний переезжал в дом анхаю. Кроме того, анхаю были обязаны продовольствовать «вспомогательные войска» или «милицию», вызываемую владетелем Абхазии[2].

Мы уже отмечали, что в докладной записке депутатов Абхазского дворянства от 23 марта 1870 года содержится описание повинностей анхаю, во многом искажавшее действительное положение. Тем не менее, оно заслуживает внимания не только как показатель стремления князей и дворян к закрепощению анхаю в целом, но и с точки зрения фактических данных. Видов барщинных работ анхаю феодалы считали 5, а оброчных приношений – 13[3]. Сухумская же сословно-поземельная комиссия «всю совокупность повинностей», лежавших на анхаю, сводила к 10 «статьям»[4]. А в рапорте начальника Сухумского округа на имя начальника Сухумского отдела от 31 мая 1866 года приводится наиболее полный перечень абхазских названий (терминов) повинностей крестьян[5].

Теперь постараемся дать цельную картину конкретных видов и общего количества повинностей (аҳаза) анхаю[6].

1. *Воинская повинность.* Каждый анхаю, как и любой другой крестьянин, должен был явиться на зов феодала. Вместе с тем на крестьянах некоторых пограничных сел, часто подвергавшихся внешним нападениям, лежала «преимущественная обязанность»

[1] (Торнау Ф.Ф.). Воспоминания кавказского офицера, ч. 1, стр. 58; Обычай абхазского народа..., л. 39.

[2] Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. «Кавказ», 1867, №59.

[3] ЦГИАГ, ф. 41 в, оп. 3, 1866 г., д. 1014, лл. 43–43 об.

[4] Освобождение зависимых сословий в Сухумском отделе; Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани, и др.

[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, лл. 1–4.

[6] В основе этого описания лежат, главным образом, сведения Сухумской сословно-поземельной комиссии.

защищать данный населенный пункт от этих нападений, в связи с чем они почти освобождались от других обязанностей[1].

2. *Ажидз* (ажьыз)[2]. Доставление владельцу в определенное время года козы или козленка, или барана, или свиньи, или теленка, или коровы, или части ее[3].

3. *Атача* (аҭача) или *абагар*[4]. Доставление владельцу, «в условленном обычаем размере», вина, кукурузы и пшена (гоми)[5].

4. *Ахугара*. Приношение продуктов хозяйства, «не имеющее определенного и постоянного характера»: сыр, яйца, мед, кукуруза, просо, лобио, чала и пр.[6]

5. *Апкара* (аԥкара). Отбывание полевой работы в течение нескольких дней в году.

6. *Ачтакра* (ачҭакра). Содержание и кормление лошадей владельца.

7. *Ахшбыр*. Взнос за право выхода замуж девиц – обыкновенно одна корова или 10 руб.[7]

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, лл. 2–8.

[2] Ажидзом, как отмечалось, называлась также плата, взыскивавшаяся в пользу феодала при пастьбе стад на известной местности.

[3] Депутаты абхазского дворянства заявляли в своей докладной записке, что каждый дым анхаю платил по одному барану и одному ягненку, или по одной козе и одному козленку.

[4] «Абагар» происходит, видимо, от мегрельского «бегара» – коренной подати («тави-бегара»).

[5] Депутаты абхазского дворянства в докладной записке указывали 8 кило (по 21 око) очищенной кукурузы и 5 ведер вина.

[6] Депутаты дворянства количество этих продуктов считали неопределенным: они приносились «по мере спроса и надобности помещика».

[7] Ахшбыр отдавался не всякому помещику («протектору»), а лишь тому, с которым семейство девушки было связано узами «родства» по воспитанию. Депутаты дворянства были неправы, когда в записке от 23 марта 1870 г. называли его «выводной платой» (калым), обязательной для всех анхаю. Для доказательства этого положения члены Сухумской сословно-поземельной комиссии приводили факт, на который мы уже ссылались: некоторые из анхаю сел, прилегавших к г. Сухуму, отдавали ахшбыр келасурским князьям Шервашидзе, считавшимся «удельными» владельцами указанных сел, только потому, что были в «родстве» по воспитанию с отцом или дедом Г. Д. Шервашидзе, а все повинности анхаю отдавали своим «ближайшим протекторам»: князьям Анчабадзе, Маршания, Дзапш-ипа и др. (ЦГАА, ф. 57, оп. 3, 1870 г., д. 5, лл. 165–179). Майор Баратов также отмечал, что, например, в с. Джгерда анхаю ахшбыр «не платят тавадам обязательно, как платят им тогда только, если их семейство связано воспитанием» (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 177–178). Вместе с тем, поскольку феодалы всячески старались установить подобные «родственные» отношения с анхаю, то если не все поголовно, во всяком случае, значительная часть последних была обязана платой ахшбыр.

8. *Ацнукара* (ацныԥәара). Исполнение «почетной службы» при владельце, как-то: сопровождение его в поездках, исполнение поручений.

9. Снабжение помещика во время поездки своими лошадьми.

10. *Ауааха* (ауааҳә) или *кераз* (кьараз). Исполнение работ и «всякого рода помощи, оказываемой в особых случаях», как-то: при заготовлении материалов для построек, перевозке их на место, во время строительных и полевых работ и пр.

11. *Ахаршв* (ахаршә). Приношение продуктов в день свадьбы помещика, которое выражалось, в большинстве случаев, в одной корове.

12. «Угощения» и всякого рода «приглашения» на праздники или «в особых случаях», выражавшиеся чаще всего в приношении бедра с зарезанного крестьянином животного, одного кувшина (аԥҳал) или батмана вина. Приношения, делавшиеся в дни пасхи (яйца, сыр, куры), А. П. Черепов называл шарпху (шарԥхәы).

13. *Асасра*. Помещик со своим семейством и прислугой мог в течение года по нескольку раз приехать в любое время в дом своего крестьянина, который обязан был принять его и накормить, зарезав какую-нибудь скотину и приготовив разные кушания.

14. Когда к помещику на свадьбу или поминки приезжали родственники и гости, то наиболее почетных из них принимал сам помещик, остальных же размещал между анхаю, которые содержали их сколько бы дней те ни оставались[1], а они оставались иногда по неделе и даже больше.

15. А. В. Пахомов особо подчеркивал тот факт, что приход крестьянина к помещику в качестве просителя был обязательно сопряжен с приношением «какого-либо подарка». Так, по его свидетельству, одним из важных источников прокормления огромного количества гостей князя Д. Г. Шервашидзе была провизия, поступавшая в виде «приношения разных просителей»[2].

16. Если помещик по какому-либо случаю подвергался мести за кровь и убийство, то анхаю этого помещика вносили плату от 10 до 30 руб.

[1] Бакрадзе Д. З. Указ. рук.; ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 52–55.

[2] ЦГИАГ, ф. 222, д. 877, лл. 52–55; С. Эсадзе. Указ. соч. – С. 505.

17. *Айбар*. Пени, поступавшие главным образом в пользу владетеля, как высшего судьи[1].

18. «В случае крайней нужды» помещик мог отдать своего крестьянина в залог до 2–3 и более лет[2].

19. Когда анхаю умирал, то наследники его во время поминок обязаны были приносить помещику барана или половину коровы.

20. Когда анхаю резал себе скотину, то приносил помещику две части хорошего мяса; когда же на охоте убивал козу или оленя, то также был обязан принести помещику от убитого животного голову, шею, грудинку.

21. *Ахкаара*. На убранные поля крестьянин должен был скот помещика пустить раньше своего.

22. Половину платы за кровь крестьянина помещик брал в свою пользу.

23. *Ацухтвы* (аҵыхутәы). Начальник Сухумского округа в рапорте от 31 мая 1866 года указывал на ацыхуты, т. е. выморочное право помещика.

24. Крестьяне, обученные разным ремеслам, были обязаны производить даром для помещика, из его материала, все работы по своим ремеслам. Вместе с тем крестьянам приходилось заниматься промысловой деятельностью, например, лесозаготовками.

25. Независимо от указанных «обязательных» повинностей, существовало еще «установившееся обычаем» отбывание «повинностей произведениями» в пользу некоторых общинных старшин.

26. Во время военных походов крестьяне, не участвовавшие в этих походах, должны были давать продукты питания (провизию) и другие необходимые предметы для войска.

Из данного выше описания повинностей анхаю видно, что эти повинности по своему характеру делились на отработочную и продуктовую ренты, а также распространялась и денежная рента. В дореформенной действительности Абхазии эта последняя не была

[1] Владетельский суд устраивал объезд княжества с целью взыскания айбар раньше один раз в несколько лет, потом ежегодно. Взыскания уплачивались скотом. Причем эти штрафы являлись настолько значительными, что, по свидетельству генерала Понсэ, крестьяне «обращались в холопство... или неполученное оставалось за ними в долгу» (ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 180–195).

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 6 об.

еще обязательной, хотя натуральные повинности, как мы видели, могли быть, а иногда некоторые из них и обязательно, уплачиваемы феодалу деньгами.

Таким образом, основными повинностями здесь накануне реформы были натуральная и барщинная ренты, причем преобладающей из них для анхаю в целом являлась натуральная рента, т. е. по сравнению с отработочной рентой более высшая форма ренты, при которой прибавочный труд выполнялся крестьянином «под своей собственной ответственностью, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети»[1].

В то же время рассматриваемые крестьяне подвергались и наиболее тяжелым формам феодальной эксплуатации, обычно связанным с отработочной рентой, которая, как указывал К. Маркс, является «первоначальной формой прибавочной стоимости и совпадает с нею»[2]. Причем в данном случае труд крестьянина «выступает в грубой форме принудительного труда на другого»[3]. Этот принудительный труд вытекал из феодальной собственности на землю и из личных отношений крестьянина с помещиком.

Несомненно, основные виды из перечисленных повинностей отбывались почти всеми анхаю. Разница выражалась, главным образом, в объеме и характере несения этих повинностей.

«За исправным отбыванием крестьянами повинностей, – писал И. К. Багратион-Мухранский, – очень строго наблюдалось и, в случае не исправного платежа подати или не выхода на барщину, с крестьян брали штраф – коров»[4]. Такое свидетельство мы находим и в других документах (1865 г.), адресованных непосредственно самурзаканским анхаю (пиоши): если последние не выходили на полевую работу или же, не дождавшись окончания работы, отлучались самовольно, «то помещик вправе подвергнуть того крестьянина взысканию штрафа, состоящего в отнятии коровы»[5]. Полковник Коньяр эго

[1] Маркс К. Капитал, т. III, 1955. – С. 807–808.

[2] Там же. – С. 804.

[3] Там же. – С. 805.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, лл. 2-8.

[5] Там же, ф. 220, д. 877, лл. 52–55.

называл «правом сильного»[1]. А дворяне и ашнакума «наблюдали за исправным производством работы» крестьян[2].

Хотя, к сожалению, чрезвычайно трудно сгруппировать повинности таким образом, чтобы показать отдельно то, что являлось общим для всей категории этих крестьян, но в наличии такого общего не приходится сомневаться. На это обстоятельство совершенно ясно указывали полковник Коньяр и майор Баратов, отмечая при описании повинностей анхаю того или иного села, в каждом конкретном случае, лишь отклонения в ту или иную сторону от этого общего положения, существовавшего в обследованных ими районах.

Л. В. Пахомов, говоря о тех или иных анхаю своего доверителя Г. Д. Шервашидзе, живших в разных селах, также очень часто указывал на то обстоятельство, что они отбывали повинности общие для всех анхаю. Так, по поводу мерхеульских анхаю Гусейна и Халыла Браскил (Абрскил) Пахомов писал, что при Дмитрии Шервашидзе и его сыне Георгии они обязаны были отбывать «те же повинности в виде подати и личного труда, какие лежат на прочих анхае»[3]. По поводу анхаю Курики говорил, что «все они должны отбывать общие повинности яштухских анхае»[4].

Обращает на себя внимание и следующий факт. В том же селении Яштхуа жили анхаю Гублия, которые претендовали на звание ашнакума. Но все члены даже этой фамилии, считавшие себя выше анхаю, «выходили на полевые работы и на сбор орехов и винограда в помещичьих садах». А. В. Пахомов доказывал, что и «теперь они обязаны нести те же повинности, как и все другие анхае» с. Яштхуа[5].

Повинности же «всех анхаю» с. Яштхуа А. В. Пахомов сводил к следующим: доставление помещику барана и ягненка или козы и козленка, 5 корзин (акалат) кукурузы, 1 повозки чалы или сена и 1 повозки дров, обработка помещичьей земли в размере около одной кцевы, сбор винограда и орехов. При выходе на работу «все подвластные» были обязаны брать с собой кукурузную муку или просо и сыр, а помещик обязан был давать им мясо, для чего употребляли обыкновенно коров, взятых в штраф «с подвластных..., которые не вышли на барщину». Кроме того, анхаю князей Шервашидзе должны были платить ахшбыр в размере 1 коровы, а при вступлении самих помещиков или их детей (без различия пола) в брак также приводить в «подарок» («и этот подарок был обязателен») по 1 корове[1].

[1] Там же, лл. 42–49.

[2] Там же, ф. 416, д. 180, лл. 2–8.

На это обстоятельство указывал и А. В. Пахомов, который писал, что ахылапшю или асасам обыкновенно поручались сбор оброка, наблюдение за крестьянами на барщинных работах, сбор платы за пастбища и пр. (ЦГИАЛ, ф. 1087, оп.2, 1870 г., д. 36, л. 27).

[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, д. 30, 1871 г., л. 47.

[4] Пахомов А.В. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, ч. 1, л. 500.

[5] Там же. л. 495.

Представление о повинностях отдельного двора анхаю указанного села дает нам акт обязанностей анхаю Мамсыра Кубзачевича Гулия, составленный мировым посредником 2-го отдела Гумистинского участка майором Чудиновым 23 августа 1872 года. Они выражались: в 1 корове и 1 козленке; в 3-х днях полевой работы, из которых 1 день со скотом и 2 дня «пешими» (при уборке кукурузы или сборе винограда); в 1 кувшине вина и 1 корзине кукурузы для рабочих, находившихся на постройках. Мамсыр Гулия, сообщавший эти данные, при допросе, по вполне понятной причине, умолчал о других видах повинностей, отбившихся им и являвшихся общими для крестьян анхаю[2].

Были лишь отдельные анхаю, которые не отбывали повинностей. Так, в 60-х годах среди 323 дымов анхаю Ал. Шервашидзе таких был 21 дым; среди 70 дымов анхаю Кесарии Шервашидзе – 8 дымов[3]. Однако эти крестьяне, как и вообще все «неплатящие» анхаю, поскольку они считались «подвластными» крестьянами, т. е. зависимыми от помещиков, не могли, конечно, представляться ничем не обязанными свободными поселянами в полном смысле этого слова. Так, например, после женитьбы Келешбея на дочери анхаю Лейба (около 1780–1785 гг.) все крестьяне этой фамилии (с. Мгудзырхва), сделавшись «непосредственными подвластными» владетеля, по уверению Е. Понсэ, «не несли никаких повинностей», но были обязаны давать «подарки в праздники»[4]. Неисполнение этих обязанностей со стороны анхаю неизбежно приводили: поме-

[1] Там же. л. 501.

[2] ЦГИЛ, ф. 1110, оп. 1, д. 32. 1872 г., л. 1.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д 403. л. 8.

[4] Там же, ф. 545, оп. I, (кн. 1), 1864 г., д. 76, лл. 113–116.

щиков– к репрессивным мерам, а крестьян – к различным формам классовой борьбы.

Таким образом, на указанных крестьян распространялся суверенитет, политическая власть феодала, позволявшая ему подвергнуть крестьян принуждению, являвшемуся той формой, в которой происходило присвоение прибавочного труда или продукта крестьян. Если тем не менее анхаю в целом объявлялись совершенно свободными или почти таковыми, то отнюдь не потому, что отрицалось наличие каких бы то ни было обязанностей анхаю по отношению к помещикам, а потому, что эти обязанности, повинности, отбывавшиеся в первую очередь представителями высшего слоя анхаю, считались незначительными и добровольными, общие же их юридические права – значительными.

Однако данное выше описание положения анхаю не может подвести нас к подобному выводу, тем более, что в определении «общеюридических прав» анхаю члены Сухумской сословно-поземельной комиссии и многие другие лица, как мы видели, были достаточно далеки от истины. «Свободные» крестьяне из анхаю были подчинены иным правовым нормам, обычно более легким, чем крепостное право, однако выражавшим и закреплявшим в основе те же производственные отношения: феодальную эксплуатацию крестьян, их зависимости и, следовательно, несвободу.

Эта несвобода, по словам К. Маркса, может в феодальном обществе, не меняя своей сущности, «от крепостничества с барщинным трудом... смягчиться до простого оброчного обязательства»[1].

В. И. Ленин также подчеркивал, что формы и степени принуждения крестьянина помещиком «могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»[2].

Таким образом, крестьяне анхаю в целом были объектом усиливавшейся феодальной эксплуатации, благодаря тому, что существовали «отношения личной зависимости, личная несвобода, в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней...»[3]. Такая зависимость анхаю могла прекратиться только в результате определенного выкупа.

[1] Маркс К. Капитал, т. III, 1955. – С. 803.
[2] Ленин В.И. Соч., т. III. – С. 159.
[3] Маркс К. Капитал, т. III. – С. 803–804.

Полковник Коньяр в рапорте от 31 мая 1866 года указывал, что «если анхайве пожелает откупиться от уплаты повинностей владельцу за право пользования землею, то платит ему от 15 до 40 коров»[1]. Тот же Коньяр в 1865 году отмечал, что, например, в Иабакеви, если анхаю (пиоши) желал освободиться от повинностей, то с каждой души надо было заплатить от 60 до 80 рублей серебром[2].

«Положение» о проведении крестьянской реформы в Абхазии особой статьей (15) определяло «размер выкупной платы для каждого дыма из сословия анхае или пиоши» – по 4-летней сложности «подлежащих отбыванию повинностей», а именно: доставление владельцу мясной повинности (козы, козленка, теленка, барашка, части коровы, барана или свиньи), кукурузы (не более 8 корзин); вина (не свыше 8 кувшинов); отбывание полевой работы (не более 3 дней в году). Другие же повинности, отбывавшиеся крестьянами анхаю владельцам, были отменены[3].

Вместе с тем имели место случаи, когда отдельные помещики продавали или отдаривали анхаю, а также их повинности. Правда, в свидетельских показаниях представителей как феодалов, так и крестьян, данных членам Сухумской сословно- поземельной комиссии, довольно категорически отрицалось существование подобной практики в Абхазии, но, в сущности, на том лишь основании, что это явление запрещалось обычаем, противоречило юридическому праву анхаю и в этом отношении имевшиеся факты все еще не носили массовый характер, а рассматривались «как исключение или проявление насильственной меры».

Однако примеры продажи анхаю или передачи их повинностей другим лицам с течением времени настолько участились, что их уже нельзя было характеризовать, во всяком случае, как чисто случайное явление, а оценка этих фактов как насильственных актов говорит лишь о том, что они являлись результатом классовой борьбы.

Многие помещики и крестьяне, после обычного отрицания рассматриваемого явления, утверждали, что примеры о продаже анхаю касаются лишь фамилий князей Инал-ипа и дворян Марга-

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп.3, 1866 г., д. 1013, л.2.
[2] Там же, ф. 220, д. 877, лл. 42–49.
[3] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, д. 74. 1868 г., лл. 39–42.

ния, объясняя это многочисленностью указанных фамилий и тем значением, какое они имели при владетеле Михаиле Шервашидзе[1], когда, по словам Краевича, они «нарушали весьма часто, и несравненно более чем все другие фамилии, обычные права жителей своим произволом»[2]. Действительно, например, фамилия Маргания из княжеско-дворянских фамилий была самой многочисленной, распространенной почти по всей Абхазии. Уже из этого одного факта нетрудно себе представить, насколько практика продажи и отдаривания крестьян и их повинностей была распространена в крае. Но этим занимались далеко не одни дворяне Маргания или князья Инал-ипа.

Уже приводились данные о продаже и передаче помещиками анхаю с землей, в частности, перечисленных депутатами дворянства Абхазии в их докладной записке на имя Святополка-Мирского. В этой записке указаны и некоторые другие крестьянские фамилии, среди которых нетрудно узнать анхаю[3]. Так, дворянин Гусейн Лакрба продал Мурзакулу Маргания (с. Худаара) 3 двора Зухба; Кац Маргания от владетеля в качестве подарка получил анхаю Дахюква Тарба; Шарван Маргания продал Казбеку Маргания 2 двора анхаю Аргун; Драк Маргания продал дворянину Маху Званба анхаю Нуга Хынтба (с. Звандрипш) и т. д. Авторы записки перечень указанных и других фактов продажи крестьян заканчивали следующим замечанием: «Место не позволяет нам здесь выставить бесчисленное множество других примеров продажи крестьян с землей и без земли, отдельными домами и целыми деревнями»[4].

В 40 или 50-х годах лыхненский ашнакума Джогория Пилия у ачандарского князя Мсоуста Ачба купил один дым анхаю Тыркба[5]. 11 октября 1853 года князь Зураб Тлапсович Эмухвари дал записку князю Тачу Зурабовичу Анчабадзе, из которой видно, что первый продал последнему анхаю (пиоши) по имени Тиква и Маджи, которые, между прочим, являлись его «воспитателями»[6]. Куланурхвинские дворяне Лакрба, «породнившись» с дворянами Кулан, дали им в «приданое три дыма анхае, которые и состояли в подвластности Кулан»[1].

Теперь обратимся к данным, сообщавшимся отдельными жителями Абхазии во время их опроса членами Сухумской сословно-поземельной комиссии, и систематизированным последними в записках: «О праве передачи повинностей зависимых сословий»[2] и «Расследование примеров отдачи пиошей в залог и перехода подвластности их от одного лица к другому»[3]. Группа анхаю (пиоши) с. Окум показала, что князь Асланбек Эмухвари купил у своего двоюродного брата Сореха Эмухвари крестьян Гиджа и Гибла Тордуа. В одном из набегов, около 1848 года, джирхвинский анхаю Хвиича Атейба попал в плен. Он был выкуплен дворянином Смелом Маргания, за что родственники Атейба заплатили скотом и дали в дядьки своего брата, который скоро был продан в с. Дранда. Атейба постарались, с помощью Каца Маргания, выкупить своего брата, заплатив стоимость мальчика в 4 четверти ростом. Однако Кац Маргания на них всех наложил постоянный ажидз: одну корзину кукурузы, козу и козленка в год.

Владетель Абхазии в 40-х годах Александру Шервашидзе в с. Аацы передал повинности 40 или 50 семейств подвластных ему, владетелю, анхаю[4]. Поквешские князья Ачба свидетельствовали, что Безруква Ачба передал владетелю Абхазии повинности подвластных ему анхаю. Хуапские крестьяне Габлия утверждали, что «помещики передают иногда повинности своего анхаю в уплату своего долга». Чхортольские князья Эмухвари случаи продажи анхаю связывали с совершением последними «какого-либо преступления против своего помещика». В 1859–1860 годах в с. Звандрипш Кизилбек Маргания, задолжав владетелю Абхазии мальчика в 6 четвертей, передач ему повинности 3 дымов анхаю Хынтба.

В с. Саберио князь Болхуху Чхотуа в 1856 году за 150 руб. отдал князю Зурабу Чхотуа 4 дыма анхаю Хасая (5 мужских и 4 женских души), которые начали отбывать Чхотуа такие же повинности, какие они отбывали до этого Болхуху. При этом Болхуху выдал документ

[1] См. напр., ЦГАА, ф. 57, д. 5, л. 127.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, лл. 32 об–33.

[3] Однако и здесь имеется трудность, вызванная тем, что ахоую и ахашвала в некотоорых случаях носили фамилии своих владельцев из анхаю.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3. 1866 г., д. 1014, л. 41.

[5] Там же, ф. 231, оп. 2, д. 271, лл. 96 об–97.

[6] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 62.

[1] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 271, л. 51.

[2] ЦГАА, ф. 57, д. 5, лл. 121–132.

[3] Там же, лл. 134-137.

[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1,(кн. 1), 1864 г., д. 76, лл. 180–198.

на передачу указанных крестьян. Но скоро против этой сделки возразил племянник Болхуху князь Манучар Чхотуа, тайно от которого была произведена передача анхаю Хасая Зурабу Чхотуа, между тем Хасая отбывали повинности и ему. Вследствие этого протеста, в 1868 году два дыма Хасая сделались подвластными Манучара. Между прочим, анхаю Хасая при всем этом оставались жить на прежних своих участках земли[1].

Наши документы также сообщают факты перехода анхаю по наследству или даже родственникам умершего владельца. Так, например, в с. Аацы 8 дымов Малия, 2 дыма Джегелия и 6 дымов Агрба, бывшие «коренные анхаю Акиртаа», перешли в подвластность Мурзакула, Мурзакана, Беслана и Кягусы Акиртаа после смерти их родственника Тады Акиртаа[2].

Из грузинских крестьянских категорий абхазским анхаю, во всяком случае их отдельным группам, наиболее соответствовали мсахури («служители»). Особенно же анхаю были близки с кабардинскими тлухолами и адыгейскими тфэкотлями, а на Восточном Кавказе – с узденами. Мсахури, как и анхаю, составляли высший слой крестьянства. Они облагались меньше, чем другие крестьяне; были освобождены от некоторых тяжелых отработочных и унизительных повинностей. Причем часть этого слоя (кма-мсахури) в Гурии, например, сохраняла значительные элементы старых привилегий[3]. Среди них были и такие, которые являлись обязанными только выделением с хозяйства одной домашней прислуги[4]. Небезынтересно отметить и такой факт. В XVI веке среди мсахури с. Наженаули были не обложенные повинностями, слегка обложенные и обложенные. Так, среди 44 дымов наженаульских крестьян, подвластных абхазскому католикосу, 34 дыма принадлежали к категории мсахури, из коих 7 дымов не были обложены, а 4 дыма легко обложены и 23 дыма обложены[5]. Но в рассматриваемое время гру-

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 10–13.

[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1876 г., д. 1408, л. 11.

[3] Думбадзе М. Социально-экономическое положение Гурийского княжества в первой трети XIX века. – С. 56.

[4] Махарадзе Н.Б. Восстание в Имеретии 1819–20 гг. «Материалы по истории Грузии и Кавказа». АН Грузинской ССР, Тбилиси. 1942. – С. 42.

[5] Антелава И.Н. очерки по истории Абхазии XVII-XVIII веков. – С. 141-142, прим.

зинские мсахури в целом – крепостные крестьяне, и в общей массе крестьянства они занимали сравнительно незначительное место. Например, в Мегрелии в 1860 году из 113.280 дымов всех крестьян мсахури было лишь 19935 дымов[1], тогда как анхаю (пиоши), как мы видели, составляли основную массу крестьянства Абхазии.

2. Ахоую (ахәоы)

Собственно крепостными крестьянами являлись ахоую. Они были известны также под наименованиями «агыруа» и, в гораздо меньшей степени, «агур», а в Самурзаканской Абхазии еще – «дольмахоре». Агыруа они назывались и у абазин, но чаще – «лыг».

Абхазский термин «ахоую» расшифровывается так: «приготавливающий пищу» (слуга) или, как передают его буквальное содержание некоторые русские источники, – «работник», «повар», «кашевар». Слово же «агыруа» значит мегрел, а «агур» – гуриец. В этих двух наименованиях нашел свое отражение исторический факт более раннего и более сильного развития крепостнических отношений в Мегрелии и Гурии, а также частичное получение из последних контингента рассматриваемой категории абхазского крестьянства[2]. Появление термина «агыруа» в Абхазии для обозначения категории крепостных крестьян было тем более характерно, что в Мегрелии слово «мегрел» (маргали) – агыруа означал не только мегрела, но и крестьянина вообще. Что же касается термина «дольмахоре», то он по-мегрельски означает: «живущий возле, подле»[3].

Численность крестьян ахоую к моменту крестьянской реформы в Абхазии составляла около 8 тыс. душ или около 1.550 дымов.

Источники образования категории ахоую достаточно хорошо известны. Между прочим, эти источники во многом аналогичны «со

[1] Бороздин К.А. Закавказские воспоминания… – С. 23.

[2] Черепов А. П. Указ. рук.; (Введенский А. Н.). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина..., – С. 16.

Некоторые русские чиновники ахоую называли семейными крестьянами или просто крестьянами, считая анхаю «вольными жителями, а ахашвала – купленными крестьянами или прямо рабами.

[3] Из них собственно ахоую составляли 1.120 дымов и дольмахоре – около 430.

способами приобретения господства над крепостными», перечисленными еще в уложении грузинского царя Вахтанга VI[1]; они также во многом общи с источниками приобретения аналогичных им адыгейских пшитлей[2] и кабардинских логанапытов, не говоря уже об абазинских гырва (мегрел) или лыг, с которыми ахоую почти идентичны[3]. Ахоую образовались из ахашвала и пленных, а также через «закабаление лиц из других сословий», в первую очередь, разумеется, крестьянского. Основная масса ахоую все же черпалась из ахашвала, т. е. из тех рабов, которые от своих владельцев получали семейные права, с чем было связано наделение их землей и предметами хозяйства. Подвластных анхаю приходилось из всего числа ахоую. Были ахоую, как и анхаю, принадлежавшие церкви, но они составляли весьма незначительное количество. Надо сказать, что в рассматриваемое время эти церковные крестьяне формировались часто из беглых крестьян. А. II. Черепов отмечал, что при нарушении обязательств владельцем крепостной прекращает обязательные отношения впредь до окончательного удовлетворения, «или уходит под покровительство церкви»[4].

Депутаты абхазского дворянства в докладной записке от 23 марта 1870 года старались ахоую представить, с одной стороны, лишь как женатых рабов, а с другой, прибегая к аналогии из жизни Мегрелии, целиком отождествить их с моджалабе; абхазских же ахашвала (рабов) именовали «холостыми рабами». Причем тех и других они объединяли под общим названием агыруа, что на самом деле являлось синонимом ахоую[5]. Такую мысль проводили И. К. Багратион-Мухранский[6] и некоторые другие авторы. Самурзаканские феодалы в заявлении на имя майора Кишельского от 23 марта 1865 года ахоую именовали дворовыми крестьянами или моджалабе, хотя их характеризовали как крестьян ахоую[7].

[1] Такими являлись: покупка, наследование, пожалование, кабала, плен, долг и проч.

[2] Источники указывают три способа приобретения пшитля: происхождение от пленных и рабов – унаутов, свободных общинников и через куплю (Кодифицированный свод о зависимых сословиях по Кубанской области. «Кубанские войсковые ведомости», 1867, № 15).

[3] См. Л. П. Лавров. «Абазины». – С. 21.

[4] Черепов Д.П. Указ. рук.

[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 40 об.

[6] Там же, 1863 г., д. 150, лл. 2–8.

[7] Там же, ф. 220, оп. 1, д. 877, лл. 51, 54 об.

Но все они впадали в противоречие, когда дело доходило до объяснения разницы, существовавшей между указанными двумя группами рабов, ибо первая, согласно данному объяснению, обладала землей и движимым имуществом, а также имела право в течение лета половину рабочего времени тратить на себя, тогда как ахашвала были лишены всего этого[1]. Следовательно, в одном случае речь идет, даже по приведенному описанию, о крепостных крестьянах, а в другом – о действительных рабах.

Д. З. Бакрадзе ахоую называл «пареши»[2], тем самым положение рассматриваемых крестьян сводя лишь к обязанности домашней прислуги, каковую функцию в Нижней Мегрелии исполняли лица, известные под названием «пареши», выделявшиеся отдельными дворами крепостных мебегре.

Аналогичную ошибку допускали и некоторые царские чиновники, когда они ахоую отождествляли с русскими дворовыми крестьянами[3], холопами[4]. Но они были правы, когда ахоую рассматривали как низший разряд хипши, «отбывающий наибольшие повинности»[5]. Особо надо выделить полковника Коньяра, у которого при описании сословных отношений в Самурзаканской Абхазии дельмахоре (ахоую) выступают под названием «моджалабе», а рабы (моджалабе) вообще отсутствуют[6].

Г. М. Шервашидзе отрицал всякую крепостную зависимость в Абхазии, исходя из своей концепции об идиллических отношениях между дворянством и крестьянством[7]. Он писал: «В Абхазии не существовало de facto крепостной зависимости»[8].

С. Л. Авалиани хотя и допускал возможным называть ахоую крепостным сословием, но при этом оговаривался, что в данном случае этот термин нельзя трактовать в типичном значении этого понятия[9].

[1] Там же, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 40 об.

[2] Бакрадзе Д. З. Дворянство Абхазии и Самурзакани. Рукописный отд. Госмузея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа, фонд М. Туманова, д. 376, лл. 1–4.

[3] Рапорт командующего войсками в Абхазии ген. Шатилова кутаисскому ген.-губернатору от 21 сентября 1865 г. ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л. 1.

[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 76, лл. 180–198.

[5] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 35

[6] ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 42-49.

[7] Шервашидзе Г. Открытое письмо агроному в Гудаутском участке г-ну Ефимову. «Сухумский вестник», 29 марта 1917 г., № 67.

[8] Его же. Так ли пишется история. «Закавказье», 6 июня 1910 г., .№ 126.

[9] Авалиани С. Л. Указ. соч., т. II. – С. 71.

Некоторые русские официальные авторы ахоую сравнивали с крепостными крестьянами России. Начальник Сухумского отдела генерал Толстой в программе, составленной для Сухумской сословно-поземельной комиссии, писал, что по правам своим ахоую «составляют категорию, подходящую под вид бывших русских крепостных крестьян»[1]. В других документах ахоую называются крепостными крестьянами без всякой оговорки[2].

Ошибки и искажения в характеристике ахоую, как и других категорий абхазских крестьян, наблюдаются особенно в вопросе их землевладения, вытекающие из антинаучного определения основы феодальной собственности на землю.

Сухумская сословно-поземельная комиссия, как уже отмечалось, не только по отношению к анхаю, но и ахоую делала вывод, что они держали землю на правах полной собственности. Это положение повторяли и некоторые последующие авторы, как например, К. Д. Мачавариани, который также считал, что вообще все сословия населения Абхазии «были совершенно равноправные поземельные собственники»[3]. Но эти авторы и в данном вопросе часто впадали в противоречие. Так, А. Н. Введенский в статье «Абхазцы (азега)...» утверждал, что ахоую, выкупая свою зависимость, обязан был отдать владельцу все до рубахи, исключая своей земли[4]. Но в работе «Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела» он писал: «Если же женится ахашал, то все необходимое для хозяйства ему должен дать его бывший владелец, равно как и должен отвести ему участок земли...»[5]. Ясно, что если крепостного наделил землей его бывший владелец, то этот последний и являлся собственником участка.

Отдельные крепостные, в особенности зажиточные из них, покупали и расчищали земли, которые они считали своей собственностью. Но в действительности и земли этого рода, во всяком случае не всегда являлись их собственностью; некоторые участки становились даже предметом купли-продажи, не будучи собственностью

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1868 г., д. 180, лл. 31–39.

[2] Там же, лл. 9–14.

[3] Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. – С. 320.

[4] ССКГ, в. VI, 1872. – С. 34.

[5] Там же, отд. III. – С. 12.

их продавцов. Как уже указывалось в разделе об анхаю, в Абхазии вообще взгляд на землю, как на собственность ее владельцев, в том числе и ахоую, был широко распространен. Такой взгляд, между прочим, выражали и отдельные феодалы, если верить фактам, сообщаемым Сухумской сословно-поземельной комиссией. Так, ачандарские князья Ачба говорили: «Ахоую, недавно переселенные из ахашал, владеют на том же основании («полном праве собственности». – Г. Д.) как приобретаемою ими землею, так и теми участками, кои даны помещиком». Мухурские и царченские князья писали: «Участки, указанные однажды, не могут быть отбираемы обратно». Мажара Шервашидзе также заявил, что земля ахоую, как и анхаю, «всегда считалась полною их собственностью и никогда помещик не смел отбирать у них ни одного клочка». В таком духе говорили и многие другие князья и дворяне[1].

Некоторые же лица, как и сами крестьяне, к таким выводам приходили, по-видимому, на том основании, что владение землей носило наследственный характер. Не так уж просто и легко было лишить земли не только анхаю, но и ахоую, если иметь в виду не отдельные случаи, а широко распространенное явление. А. В. Пахомов, всегда и во всем защищавший интересы крупных помещиков, несомненно, сгущал краски, когда безапелляционно заявлял, что феодал всегда мог распоряжаться землей ахоую по своему усмотрению[2]. Но и члены Сухумской сословно-поземельной комиссии слишком искажали действительность, когда на основании вышеотмеченных и других фактов делали вывод весьма принципиального значения, что в Абхазии «в поземельном отношении все сословия равны»[3].

Нечего, конечно, доказывать, что помещик не переставал быть собственником земли, которая им давалась крепостному, не говоря уже о полной абсурдности утверждения о том, что все земли ахоую являлись их полной собственностью, а об общем выводе Сухумской сословно-поземельной комиссии – и подавно.

Некоторые чиновники и военные чувствовали это действительное положение вещей. С. Смоленский писал, что ахоую обяза-

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 24 об–25; ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 139–156.

[2] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 15.

[3] ССКГ, в. III, 1870. – С. 15.

ны были 3 дня в неделю работать «в пользу землевладельца, за что им также отводился для собственного земледелия участок поля»[1]. Карганов недвусмысленно отмечал, что в Цебельде за исключением ахоую и рабов все владели землей на праве собственности до тех пор, пока на ней жили и обрабатывали. В другом месте: сословие ахоую «зависит от помещика и за пользование его землею отбывает своим владельцам... повинность...»[2].

Между прочим, отдельные феодалы, которые сообщали членам Сухумской сословно-поземельной комиссии о том, что ахоую жили на земле, составлявшей их собственность, отмечали, что крепостной не мог продать свой участок жителю другого села; во всяком случае, этому всячески препятствовали помещики.

В материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии мы находим сведения о том, что вся территория между реками Галидзга и Адзиква, населенная крестьянами, в том числе и ахоую, «принадлежит церкви» Илори. Известно также, что этой церкви в Хони и Кухи, Кутаисской губернии, принадлежало 118 крестьянских семейств. В пользовании крестьян состояли церковные земли под усадьбами, садами, пахотой, сенокосом и под лесом – более 358 десят.[3] В Пицунде имелись крестьяне, которые также проживали на церковной земле[4].

В случае переселения владельца его ахоую, как правило, были обязаны следовать за ним[5]. Так, Гасанбей Шервашидзе, переходя жить из Сухума в Келасури, перевел туда и всех своих ахоую, которых он поселил невдалеке от своей усадьбы, т. к. они, писал А. В. Пахомов, «нужны были для домашних услуг помещика. Земля, на которой они жили, им не принадлежали, и помещики никогда не стеснялись, когда им нужно было переводить этот класс крестьян на другое место, чему примером могут служить те ахоую, которых князь Димитрий переселил в имение Гумиста. Впрочем, земля уж

[1] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», № 7, 1874. – С. 403, прим.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1012, лл. 18–18 об.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 23, д. 167, л. 9.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 1–5.

[5] Записка ген.-л. Багратиона-Мухранского. ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, лл. 2–8.

потому не могла составлять собственности ахоую, что помещики имели право их продавать и дарить...»[1].

Жители с. Бармыш, сообщая членам Сухумской сословно-поземельной комиссии о том, что крестьяне Капш пришли в их селение из Самурзаканской Абхазии, подчеркивали, что они пришли со своими ахоую[2].

Вместе с тем в Абхазии не так были редки случаи, когда крепостных ахоую дарили, продавали и передавали по наследству без всякой земли.

Таким образом, несмотря на то, что ахоую сидели на своей земле и создавали на ней свое хозяйство, они в своей массе не были собственниками этой земли. Ахоую, следовательно, являлись лишь наследственными владельцами земли, собственникам которой должны были выплачивать свой прибавочный продукт. Причем, как уже отмечалось, эта возможность внеэкономического принуждения непосредственного производителя вытекала из другого отличия той же феодальной собственности: с собственностью на землю неразрывно было связано господство над сидящим на этой земле трудовым населением.

Наследственные права ахоую были сильно ограничены. Члены Сухумской сословно-поземельной комиссии прямо писали[3], что владельцы являются наследниками имущества умерших ахоую в случаях, указываемых обычаем. Далее подчеркивалось, что вообще при наследовании между ахоую родные братья, зависевшие от одного и того же владельца, могли друг другу наследовать, зависевшие же от разных владельцев большей частью лишены были этого права; земля переходила к владельцу[4]. При этом очень интересно и следующее: «Даже если братья были не разделены, то и тогда помещику выделяется в иных местностях его часть (ихута)»[5].

Ахоую, принадлежавший тому или иному анхаю или другому какому-либо крестьянину, в свою очередь зависевшему от феода-

[1] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 15.

[2] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 271, л. 35.

[3] Там же, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017. л. 33 об.

[4] В «Краткой записке о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани» мы также читаем: «Так что иногда даже и родные братья не наследуют друг другу, если находятся в зависимости от разных лиц» (л. 49 об.).

[5] Точнее – «ихута» (ихәҭа): «его часть, доля».

ла или крестьянина же, после смерти своего прямого владельца, не имевшего непосредственных наследников, как правило, переходил к владельцу этого последнего. Так, когда в 60-х годах ахоую Ханашв, ранее принадлежавший анхаю Гулия, в свою очередь зависевшему от Г. Д. Шервашидзе, после смерти своего владельца, не имевшего прямых наследников, попытался освободиться и объявить себя анхаю, то А. В. Пахомов заявил резкий протест. «По выморочному праву, – писал он,– Ханашв должен составлять собственность князя Георгия так же, как и все имущество умершего без наследников анхае»[1].

Обычай не лишал и ахоую права усыновления кого-либо по своему избранию. Усыновленный, при бездетности усыновителя, вступал во все права его родного сына. При этом усыновленный наследовал как все права усыновившего, так и лежавшие на нем обязанности, т. е. он делался крепостным (ахоую) того лица, от которого зависел умерший, и должен был отбывать те же повинности, какие лежали на этом последнем[2].

Некоторые помещики «столь широкие права в наследовании» объясняли тем обстоятельством, что «с вымиранием дымов помещики терпят весьма чувствительную потерю вследствие большого значения сих сословий в хозяйстве помещиков; переход имущества умерших помещику в указанных случаях служит как бы возмещением потери выгод, сопряженной с вымиранием дыма названных сословий»[3].

Ахоую мог выкупиться и перейти в разряд амацуразку и анхаю, «обязанных повинностями»[4], но не иначе, как, во-первых, отдав все свое имущество владельцу, включая постель и котел, не оставляя даже пояса, который он снимал с себя и отдавал, а также присягнув, что ничего не утаил из своего имущества; во-вторых, если владелец на это изъявлял согласие. Владелец же соглашался на такой акт, а порой и сам требовал этого, если он видел «достаточность и возможность присоединить имущество желавшего выкупиться»[5]. Если владелец, нуждаясь в деньгах, сам предлагал ахоую выкупиться, то в

[1] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, л. 500.
[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 33 об–34.
[3] Там же.
[4] Черепов Д. П. Указ. рук.
[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 1–5.

таком случае последний оставлял из своего имущества определенную часть для себя, а остальное отдавал владельцу[1]. В 60-х годах в с. Яштхуа 9 дымов ахоую Гяджь-ипа выкупились от ашнакума Чрыгба и анхаю Цхчи, отдав все свое имущество, и поселились на земле Г. Д. Шервашидзе, обязавшись отбывать повинности анхаю. Правда, Чрыгба и Цхчи, продолжая считать указанных крестьян своими подвластными, силой взимали с них повинности в свою пользу[2].

Освобождение ахоую, писал генерал Шатилов, «зависит исключительно только от произвола владельца, для которого и этом отношении в народных обычаях не существует ничего обязательного. Инициатива выкупа принадлежит ему одному. Он имеет право приказать своему агырва выкупиться, и тот обязан не только отдать все свое имущество владельцу, но и принять присягу в том, что передается все сполна и ничего не скрыл». Причем при неполном освобождении ахоую оставался подвластным своему прежнему владельцу, но на положении анхаю[3]. Выкупная плата ахоую «зависела не столько от того, что дым ахуйю должен был дать, а от того, сколько он мог дать»[4].

При таких обстоятельствах очень трудно определить среднюю цену выкупа для ахоую. Но известны отдельные факты, которые дают определенное представление о размерах этого выкупа. Так, перед введением русского управления в Абхазии выкупилось одно семейство, состоявшее из 4-х душ, уплатив владельцу 22 коровы, 4 буйвола, 4 лошади, 30 баранов, одного мальчика, весь запас хлеба и т. д., т. е. отдав почти все свое хозяйство. Правда, указанный ахоую получил от владельца обратно, «как бы из милости на свое обзаведение», 1 корову, лошадь и 4 барана[5].

Причем продажная цена на крепостного была гораздо ниже выкупной стоимости. Если все хозяйство, отданное в качестве выкупа указанным выше семейством, в денежном выражении составляло около 1.400 руб., то продажная цена такого семейства не превышала 800 рублей[6].

[1] Кап. Карганов. Сведения о взаимных отношениях цебельдинского населения. ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1013.
[2] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, д. 29, лл. 147–148.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л.2.
[4] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 47 об.
[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 1-5.
[6] Там же.

В материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии находим указание, что выкупные цены ахоую «заключались в большинстве случаев в пределах от 100 до 300 руб. с дыма»[1]. По сведениям Коньяра, в селах Баргеби, Саберио, Отобайа и Тагилони данные крестьяне при выкупе в анхаю (пиоши) платили от 100 до 200 руб.[2]; при выкупе в амацуразку (майнале), (в Чубурисхинджи и некоторых других селах) – 50 руб.[3]

Кроме указанных выше оснований, «люди несвободных сословий» приобретали «свободу» за какие-либо особенные услуги, или же в силу обычая владельцы освобождали одного человека, а иногда и целое семейство после смерти отца, матери и братьев своих, посвящая этот акт памяти умершего[4].

Шатилов писал, что обыкновенно главной причиной освобождения из сословия ахоую, «кроме особенных случаев», служила «трудность, при свободе употребления оружия и возможности переселений и побегов, обеспечить подчинение тех агырва, которые со временем вошли в обширные родственные связи и при зажиточности получили возможность отыскать сильных покровителей». Далее он подчеркивал, что «такие люди, если и не имели права на освобождение, всегда могли вынуждать к тому своего владельца, поставить его в такое положение, что он не мог колебаться при выборе одного из двух, или получить все имущество освобождаемых и приобрести на оное выгодных во всех отношениях рабов, или лишиться и людей и имущества»[5].

Ив. Аверкиев свидетельствовал, что после введения русского управления в Абхазии (последовавшего за отменой крепостного права в России), имевшего «влияние и на сословные отношения», переход ахоую в категорию анхаю «значительно облегчился; выкуп уменьшился и доходит до 20 или 25 коров»[6]. По другим данным, выкупные цены в 60-х годах равнялись 10–30 коровам или 100–300

[1] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12 1868 г., д 74. л. 47 об.

[2] ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 42–49.

[3] Там же.

[4] Там же, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. I–5.

[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 1010, л. 3.

[6] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866, № 74.

руб. с дыма. Как сообщает тот же Аверкиев, если человек в категорию ахоую попал из анхаю, то ему в таком случае представлялось право доказать в народном суде свое происхождение из этой категории, и если суд признавал доказательства основательными, то, «по удовлетворении во всем должном» помещика, он занимал прежнее свое положение[1].

Пока ахоую принадлежал крестьянину–владельцу помещик не имел на него прямой власти. Но когда он, отдав все свое имущество, выкупался, то делался крестьянином того помещика, которому принадлежал его бывший господин[2].

Отметим еще один момент, очень важный для характеристики юридического положения крепостных ахоую. Автор статьи «Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству в Абхазии» свидетельствовал, что в состав судов вовсе не допускались не только ахашвала, но и ахоую, «более других нуждающиеся в защите и без того не слишком широких прав их». Ему не удалось установить причины такого явления, но он писал: «Слышал, что выставляют тому причиною наложенные на них обычаем обязательные работы владельцам»[3].

Далее, выясняя положение ахоую и при этом указывая на тот факт, что отношения анхаю к этим крестьянам отнюдь не разнились от отношений к ним князей и дворян, аноним писал: «При существовании подобной зависимости, могут ли агрва (ахоую. – Г. Д.) при решении в судах всех вопросов, касающихся споров их с лицами других сословий, рассчитывать на добросовестность судей, принадлежащих относительно их к классу владетельному? Думаем, что нет, и этим только и объясняем незначительность в судах дел по нарушению владельцами прав своих зависимых, несмотря на то, что в действительности нарушение это бывает зачастую, и зависимый, принося жалобу начальнику, просит личного его участия, но никак не разбора дела в суде. А между тем народный обычай дал этому сословию относительно принесения в суд жалоб довольно обширные права»[4].

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л. 2.

[2] Докладная записка депутатов абхазского дворянства от 23 марта 1870 г., лл. 44 об.

[3] ССКГ, в. IV, 1872. – С. 29-30.

[4] ССКГ, в. IV, 1872. – С. 30–31.

Был прав И. К. Багратион-Мухранский, когда писал, что ахоую «имели только тень гражданских прав»[1].

Повинности ахоую, как и других крестьянских категорий, по своему характеру делились на отработочную, продуктовую и, еще в очень слабой степени, денежную ренты.

Для данных крестьян основной рентой являлась ее самая простая и вместе с тем самая тяжелая форма – отработочная, «когда непосредственный производитель одну часть недели работает на земле, фактически принадлежащей ему, при помощи орудий производства (плуга, скота и пр.), принадлежащих ему фактически или юридически, а остальные дни недели работает даром в имении землевладельца, работает на землевладельца...»[2].

Н.Ф. Дубровии отмечал, что ахоую несли все повинности и обязанности, исполнявшиеся категорией анхаю, и сверх этого были обязаны исполнять «все низшие должности в хозяйстве при дворе владельца»; «вся прислуга помещика состояла из этого класса людей»[3].

Наименование повинностей, отбывавшихся крестьянами ахоую, указывает на развитие и рост барщинного труда, определявшегося характером взаимоотношений между помещиками и крестьянами, и подтверждает положение ахоую как крепостных. Перемены в характере крестьянских повинностей вообще, ахоую в частности, в сторону увеличения удельного веса барщины в составе этих повинностей находились в прямой связи с некоторым ростом феодального хозяйства и являлись одним из характерных явлений экономического развития края в рассматриваемое время.

Таким образом, и по отношению к ахоую наступление владельцев развивалось, наряду с захватом земель и пр., по направлению усиления их эксплуатации. Степень роста эксплуатации ахоую перед реформой также достаточно хорошо можно проследить на основании современных материалов.

Анкара. Главнейшей из мужских работ для изучаемых крестьян являлся барщинный труд. Ахоую работали на владельцев три дня в неделю; один работник с дыма, если в последнем не было более одного взрослого, в противном случае – два и три работника, обыкно-

[1] Багратион-Мухранский И.К. Указ. записка.
[2] Маркс К. Капитал, т. III, 1955. – С. 802.
[3] Дубровин Н. Указ. соч., т. 1, кн. II. – С. 69.

венно взрослые. Причем крепостные, имевшие скот и земледельческие орудия, выходили на работу с таковыми. Хотя ахоую были обязаны работать по три дня в неделю, но обыкновенно, по характеру и размерам хозяйства владельцев, отбывали, как правило, в известный период тюлевых работ все дни недели. Во время исполнения этих работ ахоую продовольствовались на счет владельцев.

Владельцы имели право использовать ахоую на выполнении и других видов работ, взамен полевой, например, на присмотре за скотом и хозяйством, на услужении в доме и т. д.

Атача или *абагар*. Вместе с тем ахоую были обязаны приношением владельцу продовольственных продуктов (кукуруза, просо, лобио, мясо, молоко, фрукты) и предметов домашнего промысла (ткани, шерсть, орудия хозяйства, оружие, посуда). Так, например, они отдавали половину удоя молока от своих коров;[1] повинность, известная под названием ахштара. По сообщению А. П. Черепова, в Бзыбской Абхазии ахоую были обязаны давать молоко через день с апреля по сентябрь; приносить, как и в Цебельде, каждый день вязанку дров – амчаагара (амҷаагара) и т. д.;[2] и в Сухумском округе – через день половину получаемого молока[3]. Карганов свидетельствовал, что в Цебельде каждый ахоую в рождество был обязан приносить помещику барана или козла, или же 2руб. деньгами[4].

Кроме того, «независимо от обязательных отношений», существовало еще, «установившееся обычаем», отбывание «повинностей произведениями» в пользу некоторых общинных старшин[5].

Ачма (калым[6]). При выходе замуж девиц из категории ахоую вносилась владельцу ачма (в Самурзакано – харджи). Эта повинность состояла из определенного количества коров и денег. Но владелец, в свою очередь, обязан был обратной ачмон, т. е. помощью тому из ахоую, который покупал себе невесту. Обратная ачма также состояла из известного количества коров и денег. Размер ачмы представлял «множество различий»: он достигал от 3 коров и 3 руб. (харджи – 1 коровы или 10 руб.) до 10 коров и 10 руб. (харджи –

[1] Дубровин Н. Указ. соч. – С. 69.
[2] Черепов Д.П. Указ. рук.; Карганов. Указ. рук.; ЦГИАГ, ф. 545, оп. I, д. 181, л. 55.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 1.
[4] Карганов Указ. рук.
[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 6 об.
[6] Слово «калым» не было известно абхазцам.

5 коров или 50 руб.); встречалась ачма и в 15 коров или 150 руб. Но это было связано только с теми ахоую, которые недавно были «поселены» из ахашвала[1]. И. К. Багратион-Мухранский отмечал, что дочь ахоую не имела права выйти замуж без позволения своего господина, который в подобных случаях брал за нее плату, но «не определенную», как за дочерей анхаю, «а по своему произволу, сообразно цене, какая в разное время стояла на девушек на рынках. Плата эта обыкновенно, смотря по красоте рабыни или по другим обстоятельствам, равнялась сумме от десяти до тридцати коров»[2].

Обратная же ачма равнялась половине обычной ачмы. Зависимость девиц из категории ахоую от данного владельца прекращалась с уплатой ачмы, если они были ею обязаны. После смерти ахоую жена его сама решала вопрос, жить или не жить у владельца, если даже у нее были маленькие дети. Если при выходе дочери ахоую замуж ачма за нее была заплачена мужем, то в случае смерти последнего владелец обязан был возвратить половину ачмы отцу или братьям умершего. Если же у такой вдовы не было ни отца, ни братьев, то она причислялась к категории анхаю. Но если ачма была уплачена владельцам ее первого мужа, то при вступлении в новый брак вдовы, второй муж был обязан возвратить владельцу первого ее мужа половину ачмы[3].

Кроме того, по свидетельству Карганова, владелец волен был дать дочь ахоую в приданое своей дочери, и в случае выхода замуж крестьянской девушки ачму получал не владелец, а его дочь[4].

Около Сухума был целый поселок крепостных, полученных князем Д. Г. Шервашидзе в приданое за женой от мегрельского князя Дадиани[5]. Выдавая свою дочь за Тенгиза Дадашкелиани, князь Ал. Ачба (Анчабадзе) в качестве прислуги дочери отдал одну девушку[6]. Причем любопытно, что и крестьянские владельцы нередко делали то же самое. Так, примерно, в середине прошлого столетия девушка из фамилии Барганджия (с. Тамыш) была выдана замуж, в состав

[1] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 47.
[2] Багратион-Мухранский И. К. Указ. записка.
[3] Черепов А. П. Указ. рук.
[4] Карганов. Указ. рук.
[5] ЦГИАЛ, ф.1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, лл. 186–211.
[6] Инал-ипа Ш. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1984. – С. 74.

приданого которой входила одна женщина[1]. И такой «крепостной человек носил особое название – анабзыт (анабзыҭ).

Когда женился крепостной парень из помещичьего дома, помещик на выкуп жены дарил ему одну корову. При женитьбе парня и при выходе девушки замуж, если у них были братья и сестры, эти последние должны были заменить первых в доме владельца[2]. Размер же ачмы в большинстве случаев не превышал 6 коров и 6 руб. Как сообщает А. П. Черепов, в Бзыбской Абхазии такую сумму денег стали брать по занятии русскими войсками Бамбор (1830 г.), а до этого «к коровам надбавлялось 43 куруша (куруш – 5 коп.)»[3].

Ахтнырпызба и *ахтныпхузба* (аҳҭнырԥызбеи, аҳҭныԥҳәызбеи). Ахоую, в большинстве случаев «по мере надобности», должны были давать своим владельцам в услужение от каждого дыма по одному мальчику (аҳҭнырԥызба) или по одной девочке (аҳҭныԥҳәызба) в 5–6 четвертей роста[4]. Иногда услуги мальчика заменялись услугами взрослого человека, иногда же мальчик отдавался в услужение лишь при условии освобождения его отца от полевых работ; причем он служил владельцу до своей женитьбы и в последнем случае ничего не платил. Девицы, услуживая, жили в доме владельцев[5], которые содержали их также до замужества; порой же они продавались или дарились без спроса их родителей. Положение этих крепостных было наиболее тяжелым по сравнению с другими представителями данной категории абхазского крестьянства. Их вполне можно приравнять, например, к кабардинским лагунатам – дворовым крепостным или к отдельным разрядам мегрельских и имеретинских моджалабе.

Ацынахара (ацынаҳара). На женщинах ахоую лежала повинность приготовлять пищу для владельцев, из продуктов последних, а также, в определенных случаях, и для их работников, занятых на полевых работах[6]. При наличии нескольких дымов ахоую у одно-

[1] Инал-ипа Ш. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. – С. 75.
[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 10.
[3] Черепов Д.П. Указ рук.
[4] А. Иоакимов сообщает, что дочь ахоую поступала к владельцу с 6-летнего возраста («Кавказ», 26 апреля 1874 г., № 147).
[5] А.П. Черепов отмечал, что на ночь крепостные девушки уходили к своим родителям.
[6] Строго регламентировались формы отработки и для женщин черкесских пшитлей. «Когда у владельца есть унауты, то жена пшитля обязана доить коров,

го владельца, повинность отбывалась поочередно: каждый дым по одному году «или по известному числу дней».

Женщинам приходилось также молоть зерно на вращающихся ручных мельницах. Это была тяжелая обязанность. Работницы нередко мололи всю ночь напролет, чтобы этим примитивным способом намолоть муки, потребной для данного хозяйства. Они мололи преимущественно по ночам, чтобы сэкономить дневное время для других дел. Одна старинная «Песня жернова» (Алу ашәа) гласит:[1]

Уаа, улага, улага,	Уаа, мели, мели,
Сакә – сапыншәа улага!	В мыльный порошок, мели!
Ақо иҩуеит, ах иахуеит,	Словно само небо горы перемололо
Аԥсҭагәара иҭанаԥсоит.	И наполнило мукой все предгорья.

Сохранилось много рассказов о тяжелом труде женщин ахоую в домах своих владельцев. Так, старая Карасу (Ҟарасу) Дбар из с. Блабурхва в 90-х годах XIX века рассказывала следующее:

«В молодости мне пришлось испытать всякие невзгоды. Однажды, накормив людей, мы, женщины-работницы, готовили пищу для следующего дня. В большом медном котле вскипятили молоко и поставили у дверей, чтобы остудить его и затем заквасить. Сон одолел нас. В это время, откуда ни возьмись, какая-то собака прямо угодила в молоко. Что делать? Рассказать о случившемся хозяину, значило ввергнуть себя в беду... Упругое кислое молоко мы первым подали хозяину, а сами и не прикоснулись к нему»[2].

Женщина из ахоую, обслуживавшая владельца, носила специальное прозвище – «аргун».

– Аргун! Приготовила мне еду, неси скорей! – приказывал ей господин[3].

приготовлять масло, носить воду (по два раза в день). Приготовлять из проса пшено и отдавать оное утром унаутке, а вечером они обязаны в своей сакле сварить пасту и передать оную унаутке» («Кубанские ведомости», 1867, № 15).

[1] Инал-ипа Ш. Д. К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXV. Сухуми, 1954. – С. 231–232.

[2] Арх. Абхазского института, ф. 1, д. 92, л. 6.

[3] Инал-ипа Ш. Д. К вопросу о матриархально-родовом строе… – С. 231.

Вообще же крепостные женщины, находившиеся при дворах владельцев, назывались «ахтныхюса» (аҳҭныхҳәса) – «женщины поместья (двора)».

В конце года жена ахоую должна была зарезать курицу или каплуна, а иногда козленка или козу, «смотря по возможности», и угостить владельца[1]. Если же у последнего был только один дым ахоую, то этот крепостной постоянно варил ему пищу и работал 3 дня в неделю, а его сын или дочь также поступали в постоянное услужение к тому же владельцу[2].

Домашние работы в целом и, в частности, приготовление пищи для ахоую настолько были обременительными, что именно они определили наименование данной категории крестьян: «ахоую» – «приготавливающий пищу» (слуга).

Ачныр. Если ахоую нанимался в пастухи к постороннему лицу, то он был обязан половину получаемой платы отдавать своему владельцу[3].

Ачтакра (аҽҭакра). Каждое семейство ахоую, например, у келасурских князей Шервашидзе, было обязано в течение двух недель в году содержать у себя двух лошадей владельца и при них одного человека (конюха)[4]. Между прочим, эта повинность в Мегрелии была известна под названием «цхенис-чабма» – кормление одной господской лошади и конюха[5].

Отдельные крепостные, считавшиеся принадлежащими церкви, платили определенные подати в пользу последней. При этом наблюдались случаи, когда данные крестьяне несли повинности и светским владельцам. Так, пицундские церковные крестьяне были обязаны, главным образом, охранять храм и в то же время несли повинности в пользу князей Инал-ипа, считавшихся «как бы их покровителями»[6].

Самой отвратительной формой эксплуатации крестьян являлась практика их продажи. Правда, по обычному праву абхазцев,

[1] Черепов А.П. Указ. рук.

[2] Майор Баратов. Сведения об отношениях в Абживском округе подвластных крестьян к своим помещикам.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, лл. 1–2.

[4] Там же.

[5] Эсадзе С. Указ. соч. – С. 391.

[6] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, лл. 1–5.

ахоую можно было продать не иначе, как в составе целой семьи. Приобретатель крепостного заключал с ним соглашение в присутствии свидетелей насчет тех услуг, какие он обязан был исполнять. При нарушении обязательств владельцем ахоую прекращал обязательные отношения и до окончательного удовлетворения уходил под покровительство церкви или какого-нибудь «влиятельного лица»[1]. Но в действительности феодалы часто нарушали указанные «условия» и «соглашения», а крепостные сплошь и рядом лишались возможности воспользоваться своими «правами».

Сказанным не исчерпывалась, конечно, характеристика положения ахоую вообще и, в частности, их обязанностей. Феодалы эксплуатировали своих крестьян даже и тогда, когда им просто не спалось. В такие моменты они созывали крепостных, сажали их в соседней с опочивальней комнате и заставляли играть на национальном музыкальном инструменте – апхярца и петь так называемую «Усыпальную песню». Под баюкающую мелодию этой песни помещик «блаженно» засыпал[2].

Ахоую, как и другие крестьянские категории, были неоднородны и неустойчивы. Генерал Шатилов свидетельствовал, что примеры освобождения из этого сословия, т. е. перехода их в категорию амацуразку и анхаю, «очень многочисленны»[3]. Он также подчеркивал, что многие ахоую находились в зависимости от ахоую же. Это были, главным образом, освобожденные из ахашвала лица. «...Есть много примеров того, что агырва (агыруа. – Г. Д.), – писал Шатилов, – платящий повинности, берет сам с своего агырва, освобожденного из ахашвала, посылает его за себя на работу и т. п...»[4].

Мы уже приводили сообщение генерала Толстого о том, что в каждой крестьянской категории, в том числе и ахоую, не только отдельные роды, но и отдельные семейства часто пользовались правами, «во многом отличными от прав сословия, к которому они принадлежат»[5], т. е. фактически занимали положение, по крайней мере, низшего слоя анхаю. Например, среди владетельских ахоую

[1] Черепов А. П. Указ. рук.
[2] Ковач К. Песни кодорских абхазцев. Сухум, 1930. – С. 10, 50.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л. 2.
[4] Там же, л. 3.
[5] Там же, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., лл. 31–39.

таких, по данным Сухумской сословно-поземельной комиссии, насчитывалось 7 дымов.

А. П. Черепов тоже отмечал, что ахоую имели право держать у себя таких же ахоую, как и сами, равно приобретать ахашвала и всякое имущество[1]. Надо сказать, что такое явление наблюдалось в Гурии и в других частях Грузин, а также в Кабарде и т. д. В Кабарде, например, это распространялось на чагаров (огов) – крепостных крестьян, которые иногда имели довольно значительное хозяйство и феодальный адат предоставлял им ряд преимуществ по сравнению с другими крепостными[2].

Согласно расчету «испрашиваемого от казны денежного воспособления делу освобождения зависимых сословий в Сухумском отделе», категория ахоую, как и анхаю, делилась на три слоя: высший, средний и низший[3]. В одном инструктивного характера документе указывается, что для «агыруа обязательные услуги различны, стало быть и вознаграждение должно быть различное. Многие из них приобрели собственными средствами в пользование земли, сады. Есть немало и таких, которые подойдут под разряд дворовых людей»[4]. Из «Положения» о крестьянской реформе в Абхазии мы также узнаем, что были ахоую, которые не имели «собственного устроенного хозяйства» и проживали в домах владельцев. Это были крепостные крестьяне, которые вышли из ахашвала «через приобретения прав семейственных»[5].

В условиях роста товарно-денежных отношений и общего развития хозяйственной жизни края тенденция внутреннего расслоения ахоую, как и всего крестьянства, все более и более усиливалась. Деревенская верхушка формировалась не только из анхаю, но часто и из ахоую. Отдельные зажиточные крепостные откупались от владельцев, платя значительные материальные ценности. Согласно одному сообщению, за переход семейства ахоую в разряд анхаю платилось: до введения русского управления – 88 коров или 880

[1] Черепов А.П. Указ. рук.
[2] Гарданов Б.А. Материалы по обычному праву кабардинцев. – С. 352–353.
[3] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 44.
[4] Соображение к решению поземельного вопроса в Абхазии. ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3. 1880 г., д. 1033, л. 5.
[5] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 40.

руб., после него – 50 коров или 500 руб.[1] С этими данными почти согласуются сведения майора Баратова, который писал (1866 г.), что стоимость дыма ахоую в 5 душ в прежнее время колебалась от 800 руб. до 1.300 рублей[2]. Мы уже приводили факт о том, что перед 1864 годом выкупилось одно семейство ахоую, состоявшее из 4-х душ, уплатив владельцу 22 коровы, 4 буйвола, 4 лошади, 30 голов баранов, одного мальчика, весь запас хлеба и т. д.[3]

Вместе с тем зажиточные крепостные также сосредоточивали в своих руках значительное количество земли. Сухумская сословно-поземельная комиссия о случаях продажи земли крестьянами в Абхазии приводит очень интересные данные, относящиеся и к ахоую[4]. Лыхненский ахоую Еслам Ванача (Уанаҷа) перед реформой купил у разных лиц пашню и «садовые участки» в размере около 5,5 десят., заплатив 24 руб., 1 корову и 1 козу. Звандрипшский ахоую Гамсония купил сад, превышающий 2,5 десят., который впоследствии оценивался в 40 руб. В с. Апцхва ахоую М. Жепшь купил сад за 4 коровы. Калдахварский ахоую М. Кетия купил участок земли в 2,3 десят. за 2 коровы. Ахоую с. Акваскямца Кина Дасания имел 3 «садовых участка» в 4 десят., купленных у разных лиц за 3 коровы и 1 теленка. Ахоую того же села Джинджик Курмазия купил 2 «садовых участка» в 3,5 десят., а отец Туга Дасания – 6 десят., Мадж Мщелия – 4 десят. Бедийские ахоую Сангулия продали в 1865 году виноградный сад за 145 руб., а в 1866 году земельный участок – за 140 руб. Крепостной того же села К. Буаа купил в 1867 году участок земли за 50 руб. и т. д.

В указанном документе мы также находим некоторые сведения, характеризующие разорение и обезземеливание ахоую. Многие из тех земель и садов, которые были куплены зажиточными крестьянами, принадлежали этим крепостным. Конечно, часть указанной земли была реализована вследствие наличия ее в значительных размерах в руках отдельных ахоую. Но в основном данное явление в жизни ахоую было обусловлено их бедственным положением. Так, куланурхвинский ахоую Даут Гыцба продал свой сад дворянину К. Лакрба ввиду того, что он «задолжал как-то много, не имел возможности заплатить». Лыхненский ахоую Кумач Куаса-ипа продал свою землю в 1,3 десят. за 1 корову и 1 козу, так как нуждался в деньгах для уплаты ачма за дочь.

Сухумская сословно-поземельная комиссия в своем обзоре сел Мчишьнырцв (Калдахвара, Блабурхва, Бармыш, Папцва и Шлара) отмечала «недостаток такой земли («удобной для возделывания». – Г. Д.) у низшего сословия»[1].

Бедные крестьяне в долг брали скот, деньги и пр., разумеется, с выгодой для взаимодавца – помещика или зажиточного крестьянина. Ив. Аверкиев свидетельствовал, что если кто задолжал другому корову, то через год обязан был возвратить ее с теленком, через два года – две тельных коровы, через три года – две коровы, двое телят[2].

В Абхазии был распространен наем крестьян в пастухи (ачныpра). Такими, по-видимому, являлись, главным образом, ахоую и представители низшего слоя анхаю. Ив. Аверкиев писал, что помещики, имевшие большое количество мелкого скота, нанимали пастухов или отарщиков, предварительно заключив с ними «условия». Согласно этим последним, пастух нанимался на несколько лет и в первые два года получал плату по одному барану, на третий год – половину всего приплода за время исполнения обязанности отарщика. «При этом основании найма достигается хороший уход за барантой». Если издыхал баран или овца, то отарщик был обязан принести хозяину отары шкуру. Если же волк уносил их, то пастух старался отыскать рога, чтобы доказать свою рачительность в уходе за отарой. Только тогда он считался свободным от ответственности, так как пропажа признавалась независевшей от его воли[3].

Обязанности ахоую «в отношении к его владельцу различны», – свидетельствовал А. П. Черепов. «С иного двора,– писал он далее,– должны работать три дня в неделю – [как] общее правило, все члены семьи мужского пола, другие при составе семьи из отца и двух сыновей высылают либо отца, либо обоих сыновей, а отец остается дома. Вообще при покупке агыруа подробно оговаривается, долж-

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 14

[2] Баратов. Указ. рук , л. 13.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л. 2.

[4] ЦГАА, ф. 57, 1870 г., д .5, лл. 184–193 об.

[1] Журнал №5 заседания Сухумской сословно-поземельной комиссии от 6 июля 1868 г. ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, лл. 271 277.

[2] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866, № 74.

[3] Там же.

ны ли дети м. п. по достижении 6 четвертей роста выходить на работы, или таковые обязательны для них после вступления в брак; имеет ли право владелец агыруа дочь последнего дать в приданое при выдаче своей дочери в замужество или нет, кто обязан платить ачму при женитьбе агыруа, сам он, или его владелец»[1].

Отдельные ахоую занимались торговлей, а некоторые из них держали даже лавки. Как уже отмечалось, «большая часть келасурских торговцев состояла из крепостных князя Димитрия...»[2].

В записках о сословно-поземельных отношениях в Абхазии подчеркивалось, что повинность ачма представляла «много частных видоизменений», а местами и вовсе не существовала; выкупные цены также «бывали весьма разнообразны» в силу целого ряда причин, среди которых состоятельность выкупавшего имела, по-видимому, решающее значение[3].

Майор Баратов в своем описании Абжуйской Абхазии отмечал разницу в положении ахоую в различных селах названной части страны. Так, например, в с. Ешкыт служба ахоую помещику была такая же, как в с. Акуаскя, но с той лишь разницей, что в первом в постоянные прислуги помещику давались мальчик и девочка из дома ахоую, если они имелись, а не только мальчик или девочка. При женитьбе и выходе замуж в том же селе некоторые помещики брали ачму «более или менее, смотря по условию». Если в семействе было трое мужчин, то один служил постоянно, другой – 3 дня, а третий и вовсе освобождался от такой службы. Причем постоянно обслуживавший владельца крепостной освобождался по пятницам и мог идти к себе домой работать.

В с. Поквеш положение ахоую отличалось от положения ешкытских крепостных тем, что в случае отсутствия детей ахоую сам постоянно служил у владельца в качестве прислуги, а в некоторых случаях – 3 дня в неделю; если крепостной мальчик не заменялся другим лицом из дома ахоую после его женитьбы, то он оставался служить в доме владельца до тех пор, пока не изыскивал средства заменить себя кем-либо или не отпускал его сам владелец; те дымы ахоую, которые не были связаны в том или ином году постоянной

[1] Черепов А. П. Указ. рук.

[2] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д 15.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, д. 74, 1866 г., лл. 47-47 об.

службой в доме владельца, по очереди мололи кукурузу и доставляли в дом владельца; в случае, если в доме последнего резали рогатый скот, то постоянная мужская прислуга получала неги, внутренности, шею, голову и шкуру; если владелец кому-нибудь дарил лошадь, то подарок с другой стороны поступал в пользу мальчика (постоянной прислуги). Кроме того, ахоую доставлял владельцу дрова на своей скотине, если такая была у него, а также строевой лес. Здесь жених за невесту, служившую в доме владельца, платил ачму в размере от 5 до 15 коров.

В селах Гуп и Ткварчели крепостной мальчик, служивший в доме владельца, по пятницам освобождался, а девочка – нет; при ее выходе замуж владелец получал от жениха ачму в 5 коров. На обязанности ахоую лежала доставка дров зимой три раза, а летом один раз в день. В с. Падгу крепостные в постоянное услужение давали владельцам только девочек. На новый год или рождество ахоую обязан был сделать для владельца обед, где должно было быть вино, мясо и другие продукты. В с. Джал ахоую платил за невесту 24 рубля сер., тогда как, например, в с. Маркула – 16 коров; крепостные, принадлежавшие крестьянам анхаю, платили ачму за невесту, когда сами покупали ее – 5 коров, когда владельцы покупали им, с них брали 10 коров. В с. Поквеш ахоую за замужество платили ачму от 4 до 15 коров[1]. Из описания положения в с. Джгерда, данном отдельно, отметим следующие моменты: из дома ахоую на работу к помещику должны были выйти все взрослые мужчины, если у крестьянина не было своего скота, а при наличии последнего один оставался для присмотра за ним; зимой приносили в день две вязанки дров, а летом – одну, если жена его не варила мамалыгу; в праздничные дни но делалось поздравительного приношения; владелец не мог заставить ахоую смотреть за его скотом; здесь существовал обычай, в силу которого при частом посещении гостей владелец два дня резал скот, а на третий день скот «должен зарезать агирва для гостей»[2].

Такое же описание положения крепостных крестьян мы имеем и по Самурзаканской Абхазии, сделанное в 1865 году Коньяром[3]. В

[1] Сведения об отношениях в Абживском округе подвластных крестьян к своим помещикам. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 132–140.

[2] В Джгерде. Там же, лл. 177–178.

[3] Там же, ф. 220, д 877, лл. 42–49.

с. Бедиа у князей Шервашидзе ахоую, которых Коньяр неправильно называл моджалабе, обязаны были работать на помещика 3 дня в неделю; причем, если в семье было несколько человек, то один из них мог остаться дома. Из семейства ахоую помещик брал для езды или домашней прислуги сына или дочь. При выдаче крепостным своей дочери замуж он (или жених) обязан был заплатить помещику 1 быка или 10 рублей сер., а некоторым помещикам платили и по 25 рублей сер. В с. Окум князьям Эмухвари платилось даже до 30 рублей сер. или вещами. Причем здесь, как и в с. Гудава, взамен вышедшей замуж девушки, как правило, помещику давалась другая, если такая имелась[1].

Сохранился документ, относящийся к 1864 году, в котором изложены обязательства, данные окумским крепостным Алмасом Гогиевичем Чкония своим владельцам братьям Зухбая. Он обязывался, сверх рушки кукурузы, размола муки и приготовления мамалыги в котле, в неделю 3 дня ходить к владельцам на работу. «И когда бог даст детей, – читаем далее в документе, – одного предоставлю вам в качестве домашнего слуги – девочку или мальчика; а когда нас будет двое, трое и более, тогда [дам] слугу и для внедомашних работ; остальные в неделю три раза будем приходить к вам домой на работу. Обещаю также, что своим плохим, недобрым поведением никогда я вас не побеспокою и тем самым не дам себе пропасть. Обязуюсь после шести лет ежегодно давать но одному животному на заклание [на мясо] стоимостью в один рубль»[2]. Данный документ интересен и тем, что он является показателем ослабления освященного обычаем права владельца. В предреформенный период, как уже отмечалось, владельцы стремились уже брать с крестьян письменные документы, гарантировавшие выполнение последними их обязанностей.

В селах Патрахуца и Сачина у дворян Званбая и Маргания положение ахоую отличалось от вышеописанного тем, что они работали на помещика в строго определенные дни – в понедельник, вторник и среду, и если в эти дни стояла плохая погода, то помещик не имел права требовать взамен их другие дни. За замужество дочери крестьянина помещик получал 2 быка или 20 рублей сер. От этих крестьян ешкытские ахоую отличались тем, что в услужение к помещику давалась только дочь и за ее замужество платил жених 10 рублей сер. В селах Баргеби, Отобайа и Тагилони у князей Анчабадзе те семейства ахоую, которые давали в постоянное служение мальчика или девочку, освобождались от барщины.

[1] Там же, лл. 52–55.

[2] Арх. Абхазского института, ф.1, д. 180/108, л.6.

Согласно другому документу[1], самурзаканский крестьянин рассматриваемой категории был обязан вообще давать помещику в постоянное услужение мальчика и девочку; кроме того, при наличии в семье ахоую нескольких душ мужского пола один оставался дома, а остальные обязаны были работать на помещика по 3 дня в неделю. Когда же находившаяся у помещика крестьянская дочь достигала совершеннолетия, феодал разрешал ахоую выдать свою дочь замуж, за что ему полагалось 30 рублей. Если у данного крестьянина была другая дочь, то она заменяла сестру в доме помещика.

Таким образом, в целом ахоую являлись крепостными крестьянами, прикрепленными к земле, обязанными барщинными и оброчными повинностями.

Эти крестьяне по своему общему положению и происхождению в целом были аналогичны с адыгейскими и кабардинскими пшитлями. Они, вместе с тем, в основном соответствовали отдельным категориям крепостных крестьян, известным в различных частях Грузии. Отдельные их группы находили свое соответствие в составе «глехи», включавшем в себе ряд категорий. Они, как и ахоую, были различного происхождения и в системе крепостнических отношений занимали разные места. Но все эти крепостные крестьяне платили подати натурой и деньгами, а также отправляли барщину и, сверх того, давали женскую или мужскую прислугу. Здесь также крепостные могли иметь своих крепостных или рабов. Так, мсахури могли владеть крепостными, а эти, в свою очередь, могли иметь своих крепостных или рабов.

Конкретно же абхазские ахоую, как уже отмечалось, были наиболее сходны с мегрельскими крепостными мебегре, которые по сравнению с моджалабе находились в лучших условиях, но они, как и ахоую в целом, являлись крепостными крестьянами со всеми вытекающими отсюда последствиями. В Нижней Мегрелии мебегре платили феодалу, на земле которого они сидели, повинности: так называемую главную (тави-бегара) и под разными наименовани-

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 52–55.

ями добавочную, которая насчитывала до 25 видов. Они несли в пользу своего господина и разного рода отработочные повинности. Характерно для сравнения с ахоую, что мебегре должны были поставлять в дом господина кого-либо из членов своих семей в качестве прислуги[1].

Однако, если мебегре (глехи) составляли основную массу мегрельского крестьянства, то в Абхазии аналогичная им категория крестьян ахоую по своей численности к моменту крестьянской реформы была почти в 6 раз меньше, чем анхаю, являвшихся основной массой абхазского крестьянства. Вместе с тем следует отметить, что отдельные группы низшего слоя ахоую вполне соответствовали известным группам имеретинских и мегрельских моджалабе – самому последнему разряду крепостного населения. Например, в Верхней Мегрелии такие крепостные, во всяком случае некоторые из них, имели пашни и виноградники[2].

3. Ахашвала (ахашәала)

На последней ступени социальной лестницы феодальной Абхазии XIX века стояла категория ахашвала – рабы. Самый термин «ахашвала» дает нам ценный материал для выяснения сущности данной социальной группы. Он осмысливается так: «прибыль», «то, что досталось», «излишек», «лишний»[3]. Известен еще термин «ауадалыг», т. е. «комнатный человек» или «домашний человек», применявшийся к рабу и, вместе с тем, по некоторым сведениям, означавший и наложницу. У абазин раб был известен именно под названием «домашний человек» – «юнаюы» (ԥонаԥы)[4].

[1] Записка члена комиссии кн. Р. Эристова о сословиях, заинтересованных крестьянским вопросом (в Мегрелии) и о взаимных отношениях от 16 марта 1866 г. «Документы по истории Грузии (1862–1917)», т. 1, ч. 1. – С 400.

[2] В 1860 году из 113.280 крестьянских дымов Мегрелии мебегре (глехи) составляли 85.520 дымов (К. А. Бороздин. Закавказские воспоминания. – С. 323).

[3] В дореволюционной литературе термин «ахашвала» часто переводится следующим образом: «одна голова холостая». Но отдельные авторы его понимали именно как «лишний».

[4] В Мегрелии слуги, лакеи, носившие «комнатную службу», были известны под названием «пареши».

Рабы – ахашвала также назывались «атвы» (атәы). Однако этот термин не был специфическим для обозначения рабов, а выражал более общее понятие – собственность вообще (точнее – «принадлежание»), в каковом смысле он чаще всего и употребляется в современном абхазском языке. Поэтому понятие «раб» и «собственность» ассоциировались настолько тесно, что оба эти понятия покрывались одним общим термином «атвы», т. е. выражали одно содержание – «собственность».

Это находило свое распространение, в частности, и на крепостных крестьян – ахоую. Характерно, что указанный термин содержится в сложном слове «ахра-твра» (аҳра-тәра), выражающем понятие рабовладение, но употребляющемся и для определения крепостничества. Эпоха крепостного права известна под этим названием, а ее ликвидация – «аҳра-тәра реимыхра», что переводится так: «разъединение (отрывание) господствования и принадлежания».

У исследователей социальных отношений предреформенной Абхазии вопрос о рабах не вызывал сомнений. Их общественное положение и хозяйственная роль были достаточно ясны. Дореволюционные источники в отношении категории ахашвала без всякого колебания применяли термин «раб». Не случайно, конечно, Сухумская сословно-поземельная комиссия не смогла приравнять ахашвала к аналогичной группе в русской крепостной деревне XIX века.

Однако в ряде случаев допускалась неточность, когда в целом ахашвала безоговорочно отождествлялись с русскими дворовыми и с моджалабе Мегрелии и Имеретии. Что ахашвала, составлявшие в Абхазии категорию рабов, отличались от русских дворовых крестьян, нечего и доказывать. Они в известной мере отличались также от указанных моджалабе, если иметь в виду изучаемую категорию в целом, а не отдельную, причем, по-видимому, незначительную ее часть, хотя, между прочим, в самурзаканской Абхазии ахашвала были известны также и под названием моджалабе.

С.Л. Авалиани совершенно правильно писал, что ахашвала, по своим обязанностям, лишь *приближались* к дворовым людям[1]. Возражая же депутатам дворянства Абхазии, полностью отождествлявшим абхазских ахашвала с мегрельскими и имеретинскими моджа-

[1] Авалиани С. Л. Указ. соч., т. II. – С. 65.

лабе, Авалиани утверждал, что если первые являлись пленниками – рабами, то последние «не рабы, они, правда, составляют низший разряд крепостного населения, класс дворовых людей, но дворовые никогда рабами не были в точном значении этого понятия»[1].

Упомянутые моджалабе, как и русские дворовые, могли иметь семьи. В Верхней Мегрелии, например, моджалабе, во всяком случае некоторые из них, даже не жили во дворе помещика, а имели пашни и сады. В Нижней Мегрелии отдельные моджалабе также имели пашни и не жили во дворе помещика, но в большинстве своем они здесь не имели земли[2].

Тем не менее положение указанных моджалабе фактически, в основном, соответствовало положению ахашвала, по крайней мере, отдельным их группам. Они, также находясь ниже всех по общественному и юридическому положению, составляли «презираемый» разряд, переживали настоящее рабское состояние. «Рабы в семействе господина» моджалабе в сущности являлись совершенно бесправными существами. В Нижней Мегрелии, например, они могли быть проданы, отданы в приданое с семейством или вразброд; исполняли все работы, в том числе и «самый грубый и неприличный» вид; как правило, не имели своего хозяйства. В моджалабе обращались: незаконнорожденные дети господских служанок, подкидыши; чужие крестьяне, отданные за уплату крови; крестьяне, нанесшие господину «кровную обиду», и т. д.[3] Абхазским ахашвала соответствовали также адыгские (черкесские) унаугы, в частности, кабардинские «безобрядные» унауты, за которыми кабардинский феодальный адат не признавал никаких человеческих прав[4].

Самое категорическое возражение вызывает утверждение А. Н. Введенского[5], впоследствии буквально повторенное К. Д. Мачавариани[6], о том, что в Абхазии будто «все сословия, начиная от

[1] Там же, т.1. – С. 63.

[2] Записка Р. Эристова от 16 марта 1866 г. «Документы по истории Грузии (1862–1917)», т. 1, ч. I. – С. 393–394.

[3] Там же. – С. 393–395

[4] Гарданов Б. А. Материалы по обычному праву кабардинцев. – С. 348. 350.

[5] Гарданов Б. А. Материалы по обычному праву кабардинцев. – С. 348. 350.

[6] Мачавариани К. Д. Путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. – С. 320

тавада и кончая ахашала, были полными собственниками земель, обработанных ими или их предками». Это положение настолько абсурдно, что Введенский вынужден был поспешить тут же оговориться: «Собственников земли из числа последних (ахашвала. – Г. Д.) обнаружено только два»[1]. Эти два факта, если даже они и имели место в действительности, конечно, совершенно недостаточны для обобщения и вывода. Однако Введенский слишком был верен своему тезису. И эти лишь два факта у него приобрели чудодейственное свойство: «Но это тем не менее доказывает, – писал он далее, – что при большем досуге от работ, которыми было обременено это сословие, оно, относительно пользования землею, имело права одинаковые с другими сословиями».

Это ничего, конечно, не доказывает. Сам автор как нельзя лучше опровергал (но не доказывал!) свой вывод своими же «фактами». Это опровержение он усугублял заявлением, что ахашвала – раб, который не мог быть лицом, обладавшим семьей, землей и вообще имуществом; приобретение того и другого было обязательно связано с переходом его в разряд крепостных крестьян ахоую[2].

Выводы авторов в отношении ахашвала, приравнивающих их к крепостным крестьянам, особенно убедительно опровергаются характером источников приобретения ахашвала. В большинстве случаев этими источниками являлись грабеж и война[3]: ахашвала в основном происходили из пленных. Данный источник образования контингента рабов в первой половине XIX века сохранялся и у ряда других кавказских народов[4].

Более или менее полная характеристика вопроса о торговле пленниками (работорговле) нами освещается в другом разделе, где дается общая характеристика положения абхазского крестьянства в рассматриваемый период, так как данный вопрос касается не только рабов, но в известной мере и всего крестьянства, хотя это

[1] Введенский Д. Н. Указ. соч. – С. 34, прим. 42.

[2] Там же. – С. 38–39.

[3] Всякий пленный – атква (аҭкәа) обращался в рабство, если его никто не выкупал.

[4] Например, в кодифицированном своде об адыгейских унаутах (рабах) говорится: «Во время междоусобных войн и войн горцев с соседями пленные обоего пола обращались в унауты» («Кубанские ведомости», 1867. № 15).

и противоречило обычному праву. Здесь же речь идет о выяснении источников образования контингента рабов в Абхазии в общих чертах. Тем не менее следует отметить, что ахашвала продавали и покупали «на меру»; они, вместе с тем, еще в первой половине XIX века служили разменной монетой; цены же на них в 60-х годах колебались от 14 до 500 рублей.

Еще М. Пейсонель подчеркивал, что в Абхазии «главный контингент рабов образуется из людей, попадавших к беям в плен во время междоусобиц и взаимных нападений, которые почти никогда не прекращаются в этой стране»[1]. А. П. Черепов писал: «Бзыпчане рассказывают, что в былые годы они имели галеры, на которых, плавая по побережью Черного моря, чинили нападения на соседей, по преимуществу мингрельцев, называемых по-абхазски агруа, и гурийцев – агуруа... Приобретаемых путем разбоев и грабежей невольников из означенных местностей не удостоивали даже называть именами и оставляли за ними племенное название агруа и агуруа, смотря по месту родины раба»[2]. Депутаты дворянства Абхазии в докладной записке от 23 марта 1870 года одним из основных источников образования ахашвала также считали войны и междоусобицы[3].

Из заявления жителя с. Яштхуа Хусейна Апшцба в Сухумскую сословно-поземельную комиссию от 15 августа 1875 года мы узнаем, что он происходил из садзских (джигетских) дворян и еще мальчиком был взят в плен убыхами, где попал в рабство, а затем, «переходя из рук в руки», очутился у яштхуского ашнакума Хасана Чрыгба. Таким образом оказавшись рабом, Х. Апшцба «не мог приобрести каких-либо имущественных данных»[4].

Подобные сообщения вполне согласуются с рассказами наших стариков-сказителей, которые передают и такую деталь: рабов привозили (из Джигетии, Черкессии, Мегрелии и т. д.) на больших лодках – «ашхуа», при этом исполнялась специальная песня «Ашхуа ашва»[5].

[1] Пейсонель М. Указ. соч. – С. 30.

[2] Черепов А. П. Указ. рук.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 44.

[4] Там же, ф. 231, оп. 3, д. 262, л. 31.

[5] Арх. Абхазского института, ф. 1, д. 93, л. 6.

Другими источниками приобретения рабов были купля их (как внутри страны, так и за ее пределами)[1] и «закабаление лица из других сословий»[2], а также дети, прижитые вне брака, женщинами-ахашвалками[3], которых владелец имел право продавать, по своему произволу[4].

Генерал Шатилов причины «к владению, и завладению людьми свободного происхождения» делил на две группы: «законные» и «незаконные». К первой группе он относил «пленных, выкупленных из плена, несостоятельных должников, неисправимых преступников, изменников, женщин», впавших в прелюбодеяние, и т. д.», которые обращались в рабство «навсегда и с потомством»; ко второй группе – людей, потерявших «свободу через предательства, насилия, обман»[5].

Старики-информаторы сообщают, что в с. Лыхны (у владетеля) и в с. Псырцха (у дворянина Хасана Маан) имелись «ачахварта» (аҷаҳәарҭа) – «места, где связывали», т. е. заковывали людей в кандалы. Если тот или иной «провинившийся» не мог выкупиться, то по истечении определенного обычаем срока его мог выкупить любой и сделать рабом[6].

Ф. Ф. Торнау также отмечал наличие «двух родов рабов», из которых первые составляли «коренных..., рожденных в крае», а вторые–«новых, добытых грабежом или на войне»[7]. Однако в харак-

[1] И. К. Багратион-Мухранский писал, что у него находилось седло, за которое владетель Абхазии М. Шервашидзе в свое время заплатил 12 душ ахашвала (ЦГИАГ, ф. 416, д. 180, лл. 2–8).

[2] Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани (л. 46 об); Освобождение зависимых сословий в Сухумском отделе (С. 44–45).

[3] Между прочим, мальчик или юноша, прижитый от девицы, находившейся в доме феодала, назывался «атыпха-лпа» (аҭыпҳа-лҧа), т. е. «сын девицы» (ахашвалки). Бытовало такое выражение: «Не остался и сын девицы (ҭыпҳа-лҧагьы днымхеит); так, значит, все до единого выступили, ушли и т.д.

[4] Введенский Н.П. Указ.соч. – С. 39.

Почти таковы же были источники образования, например, мегрельских и имеретинских моджалабе.

[5] Рапорт командующего войсками в Абхазии кутаисскому генерал-губернатору от 24 сентября 1865 г. ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л.4.

[6] Арх. Абхазского института, ф. 1, д. 92, л.6.

[7] (Торнау Ф.Ф.). Воспоминания кавказского офицера, ч.1. – С. 58, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 45240, л.40.

теристике рассматриваемой категории в целом Торнау допустил ошибочные утверждения и неточности. Это было обусловлено тем, что Торнау в социальной структуре Абхазии не заметил наличия особой категории крепостных – ахоую, которую он распределил между анхаю и рабами. Причем первой группе, рабов Торнау приписал не только некоторые черты, характеризовавшие ахоую, как крепостных крестьян, но и название «агыруа»[1], являвшееся другим наименованием этих крестьян; и лишь на вторую группу он распространял название «ахашвала» со всеми характеризовавшими этих рабов чертами.

Таким образом, характеристика Торнау, данная первой группе рабов, не соответствует действительности, вследствие чего в ней легко обнаруживаются противоречивые положения. Так, он, с одной стороны, утверждал, что раб-агыруа не мог быть продан без разрешения владетеля, «который один имел над ним право жизни и смерти», а с другой стороны, писал, что тот же раб составлял «также неотъемлемую собственность своего господина», находился «в полной его власти».

Нечего, конечно, доказывать, что понятия «неотъемлемая собственность» и «полная власть» включают в себе право продавать и убивать раба. Даже крепостного крестьянина, составлявшего неполную собственность феодала, продавали и покупали, по только его уже нельзя было убить. Показателем известного распространения положения крепостных ахоую на рабов также является сообщение Ф. Ф. Торнау о том, что рабы обязаны работать на владельца только три дня в неделю, остальное же время могут употреблять в свою пользу. Кроме того, он писал, что «жены рабов не могут быть разлучены с мужьями». Возражая против подобного же утверждения Н. Ф. Дубровина[2], А. Н. Введенский справедливо отмечал: «О розничной продаже семейств ахашал не могло быть и речи, потому

[1] Это положение Ф.Ф, Торнау повторял Н.Ф. Дубровин, т.е. агыруа рассматривал как одно из подразделений рабов – ахашвала.

Ив. Аверкиев название «агыруа» распространял вообще на всю категорию ахашвала (см. его статью «С северо-восточного прибрежья Черного моря», «Кавказ», 1866, №74). Такая ошибка наблюдается и в некоторых архивных источниках (см., например, ЦГИАГ, ф. 416, оп.3, 1873 г., д. 403, л.1).

[2] Такое ошибочное утверждение мы находим и у Ив. Аверкиева (см. указ. его соч.).

что ахашалом не мог быть семейный человек»[1]. Кстати, Н. Ф. Дубровин целиком, даже почти без всякого стилистического изменения, повторял описание Федора Торнау о положении рабов в Абхазии[2].

Однако нельзя согласиться с критикой А. Н. Введенского утверждения Н. Ф. Дубровина, следовательно и Ф. Ф. Торнау, о существовании в Абхазии рабов «двух родов», из которых положение приобретенных грабежом или на войне было действительно более тяжелым. Этих рабов как раз чаще всего продавали, покупали и дарили, так как, свидетельствовал Дюбуа, феодалы боялись браться за тех своих «соотечественников», продажа которых была связана с «опасностью закона возмездия»: «Самый бедный, последний крестьянин расправился бы с своим собственным князем или самим Михаил-беем (Михаилом Шервашидзе. – Г. Д.), если бы тот или другой осмелился продать в рабство кого-либо из его близких»[3]. И сам А. Н. Введенский подчеркивал особенно бесчеловечное отношение к тем лицам, которые попадали в плен: они находились «большую часть времени своего плена в цепях, под строгим караулом (иногда даже в ямах)...»[4].

А.Н. Лаврентьев также перепутал отдельные категории абхазских крестьян, в частности ахоую с ахашвала[5]. Причем последние у него почти выпадали, хотя он и говорил о рабах, но речь в сущности шла о крепостных крестьянах. Положение ахашвала Лаврентьев характеризовал совершенно в таком же духе, в каком они описаны Федором Торнау, материалами которого он, очевидно, пользовался. Указав, что крестьяне разделяются «на два разряда»–владеющие землей и обязанные доставлять часть своих доходов владельцу, и не имеющие земли, а обрабатывающие земли помещика, Лаврен-

[1] Введенский А. Н. Указ. соч. – С. 39.

[2] Дубровин Н. Указ. соч., т. I, кн. 2. – С. 70.

Это повторение мы встречаем и в «Кратком военно-статистическом обозрении Абхазии» (ЦГВИА, ф. ВУА, 1843 г., д. 42–972, лл. 1 – 14).

[3] Дюбуа. Указ. соч. – С 121.

[4] Введенский А. Н. Указ. соч. – С. 3.

[5] Это нашло свое отражение и в статье Л. Гукасянца «Поземельное дело в Сухумском округе» (КСХ, 1895. – С. 1344), в которой вообще описание сословий в Абхазии заимствовано из работы Лаврентьева. Совершенно аналогичную ошибку допускал также Коньяр в описании сословных отношений в Самурзаканской Абхазии, проведенном им в 1865 году (ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 42-49).

тьев дает следующую справку о рабах: они составляют полную собственность владельца, который имеет над ними неограниченную власть, т. е. он может продавать их или менять, как вещь, и вообще распоряжаться по собственному произволу. Впрочем, рассуждал он далее, вступая в противоречие с вышесказанным, по укоренившемуся обычаю, рабы обязаны работать на владельца только три дня в неделю, остальное же время могут употреблять в свою пользу[1].

С. Смоленский совершенно правильно указывал на отмеченные выше источники образования ахашвала. Однако он подчеркивал при этом, что эта категория своим происхождением не принадлежала к аборигенам края, что, конечно, нельзя считать абсолютно правильным положением[2].

Общая численность ахашвала в рассматриваемое время была незначительна и непостоянна. По спискам, составленным в 1869 году, их значилось 1440 душ[3], а в 1870 году–1300 душ; причем мужской пол превосходил более чем на 20% женский[4]. Это было той минимальной цифрой, до которой успела дойти категория ахашвала к реформе в своей явной тенденции к полному исчезновению.

Данное явление было обусловлено, главным образом, двумя причинами. Во-первых, как уже отмечалось, правительственными мероприятиями по борьбе с практикой работорговли вообще на Кавказе. Во-вторых, заинтересованностью феодалов сажать своих рабов на землю, делать их крепостными крестьянами, обязанными определенной барщиной и оброком. Генерал Шатилов уже в сентябре 1865 года сообщал кутаисскому генерал-губернатору, что с введением русского управления в Абхазии, когда «всякая возможность захвата в плен, обращения в рабство за долги и т. д. пресечена» была, «сословие ахашала можно считать прекращающим свое существование»[5].

А. Н. Введенский также отмечал, что «немедленно с введением русского управления, т. е. с 1864 года, началось освобождение всех

[1] Лаврентьев. Указ. соч. – С. 169.

[2] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», № 7, 1874. – С. 403, прим.

[3] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 4, прим.

[4] Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии, л. 46; Освобождение зависимых сословий в Сухумском отделе. – С. 45.

[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л.2.

неправильно закабаленных рабов», и к 1869 году это сокращение выразилось в 600 душ (с 2040 до 1440 душ)[1]. И абхазские феодалы в своей докладной записке от 23 марта 1870 года констатировали: «Рабов осталось самое незначительное количество..., владельцы находили более выгодным женить своих рабов и селить на своих землях с предоставлением им права выкупиться в крестьяне и таким образом приносить больше выгод своему господину»[2].

В хозяйственных условиях рассматриваемого периода было гораздо выгоднее иметь дело с крепостным крестьянством, чем содержать раба, так как последний отличался малопроизводительностыо и незаинтересованностью в труде. Именно поэтому, как и повсюду, феодал покидает раба, как незаинтересованного в труде и совершенно неинициативного работника, и предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая.

Кроме того, в силу 2 пункта, 1185 ст., IX тома «Гражданских законов» (изд. 1857 г.), ахашвала с принятием христианской веры также могли получать свободу и уйти от своих владельцев, если эти последние исповедовали магометанскую религию[3]. Правда, указанный закон был упразднен в связи с отменой крепостного права в России, однако считалось недопустимым оставаться христианину в крепостной зависимости у владельца мусульманского вероисповедания. Поскольку подобное явление рассматривалось как влияющее отрицательно «на успехи христианского развития» и, следовательно, противоречащее интересам государства в религиозном отношении, а стремление самих ахашвала воспользоваться этой возможностью, по-видимому, было нередким, то оно играло немаловажную роль в деле уменьшения контингента ахашвала, особенно перед крестьянской реформой в Абхазии.

Майор Баратов писал, что стоимость как ахашвала, так и ахоую уже не существует, так как «после разнесшегося в Абхазии слуха об освобождении крестьян покупатели не являются»[4].

[1] ССКГ, в. VI, 1872, отд. III. – С. 4, прим.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп.3, 1866 г., д. 1014, л. 44.

[3] Там же, ф. 545, д. 422, л. 30.

[4] Баратов. Указ. рук., л. 140.

Так эволюционизировала категория ахашвала в направлении изживания патриархального домашнего рабства и ликвидации самого этого института. Рабы, порожденные незавершенностью процесса феодализации, как определенная категория лиц, в новых условиях постепенно сливались с крепостным крестьянским населением Абхазии.

Академик Б. Д. Греков, подчеркивая, что наличие рабства в древнерусском обществе нас смущать не должно, писал: «Это спутник феодальных общественных отношений, имеющий тенденцию к ослаблению и в конечном счете исчезающий совсем»[1].

Рабство в Абхазии носило домашний характер, как вообще на Востоке, где, писал Ф. Энгельс, «оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи...»[2].

В.И. Ленин, сравнивая положение раба и крепостного крестьянина, писал: «Работорговцы считали рабов своей собственностью, закон укреплял этот взгляд и рассматривал рабов, как вещь, целиком находящуюся в обладании рабовладельца. По отношению к крепостному крестьянину осталось классовое угнетение, зависимость, но крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина, как вещи, а имел лишь право на его труд и на принуждение его к отбыванию известной повинности»[3].

Форма эксплуатации ахашвала также характеризовала скорее патриархально-рабские отношения. Документы указывают на домашние работы, как главное занятие ахашвала. Они постоянно проживали в домах своих владельцев, которые пользовались или для всяких домашних услуг. Лишь в некоторых случаях рабы использовались и для других работ в качестве добавочной рабочей силы. Например, «их гонят в поле»[4] или они присматривают за стадом коз, либо другой домашней скотиной[5]. Рабы использовались и в качестве ремесленников. Словом, ахашвала, являясь «безусловными тружениками, зимою и летом»[1], играли важную роль в хозяйстве владельцев. Рабы в то же время, как, уже. говорилось, являлись и весьма дорогим «живым товаром», которым абхазские князья и дворяне особенно охотно торговали.

Таким образом, положение К. Маркса о том, что в лице раба похищалось непосредственно орудие производства, в некоторой степени применимо и к ахашвала, которые добывались не только для продажи и использования в домашнем хозяйстве, но и для использования в производстве.

Характерным показателем этой рабской формы эксплуатации ахашвала является лишение их юридических и материальных прав, в частности, права вступления в брак[2]. Ахашвала, как и всякие другие рабы, работали «при помощи чужих условий производства и несамостоятельно»[3]. Они – «невольники в полном смысле слова» – являлись собственностью своих владельцев. Последние могли распоряжаться рабом но своему произволу: продать, дарить, увечить и даже убить[4].

Современные документы ахашвала характеризовали как человека, «к составу общества не принадлежащего»[5], или, как писал А. П. Черепов, «лишнего, не принадлежащего к составу семьи»[6]. Само название «ахашвала» достаточно свидетельствовало об этом. Генерал Шатилов подчеркивал, что ахашвала «вовсе не имели права собственности. За этих людей никакого выкупа не полагалось, а назначалась простая продажная цена»[7].

Абхазские феодалы в докладной записке от 23 марта 1870 года также констатировали, что на ахашвала владельцы «не смотрят как

[1] Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVIII века, кн. 1. М., 1952. – С. 210–211.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV. – С. 451.

[3] Ленин В.И. Соч., т. 29. – С. 439.

[4] Бакрадзе Д.З. Дворянство Абхазии и Самурзакани.

[5] Черепов А.П. Указ. рук.

[1] (Введенский А. И.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 13.

[2] Таково было положение и унаутов: «Все лица этого сословия лишены права вступать в брак...» («Кубанские войсковые ведомости», 1867, №15)

[3] Маркс К. Капитал, т. III, 1955. – С. 803.

[4] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», № 7, 1874. – С. 403, прим.

Владелец, писал М Т. Джанашвили, «смотрел на своего подданного, на раба, как на вещь: смотря по обстоятельствам, он продавал его или закладывал» (ЗКОРГО, кн. XVI, 1894. – С. 19).

[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 13, д. 1010, л. I.

[6] Черепов Л. П. Указ. рук.

[7] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л.1–4.

на людей». Ахашвала «кроме одежды ничего не имел права иметь своего собственного»[1]. Это подчеркивал и И. К. Багратион-Мухранский, который писал, что ахашвала «не имел никаких человеческих прав. За убийство ахашала не платилось даже и штрафа, а только господин его вознаграждался за убыток, причиненный ему убийством раба. Сам господин имел полное и неограниченное право на труд, жизнь и честь такого раба или рабыни»[2].

Ахашвала, как уже отмечалось, не мог иметь семьи, и в этом, между прочим, одно из отличий его от русского дворового или, например, мегрельского моджалабе. В источниках иногда встречаются «семейные ахашала», что ввело некоторых авторов в заблуждение. Но здесь речь могла идти, во-первых, о тех единичных семьях, главным образом, крестьян, которые недавно попали в рабство. И в этом состоянии данные семейные единицы постоянно разрушались, так как человек, ставший ахашвала, «не мог протестовать против продажи своих собственных детей»[3]. Правда, с введением русского управления в Абхазии продажа семейных ахашвала врозь была категорически запрещена[4]. Во-вторых, по-видимому, в некоторых местах, и притом, главным образом, в помещичьих домах отдельные женившиеся ахашвала, с чем был связан их переход в разряд ахоую, оставались пребывать в домах помещиков, продолжая исполнять все их требования. Но положение таких ахашвала отличалось от положения обыкновенных рабов. Они считались «отделившимися» и с этим были связаны определенные материальные и юридические права. Дети таких ахашвала поступали в дом помещика, который распоряжался ими; например, при выдаче своей дочери замуж давал в приданое дочь ахашвала. Но сами ахашвала в таком случае ограничивались отбыванием повинностей крепостных, т. е. окончательно переходили в разряд ахоую. В случае же выдачи замуж дочери ахашвала, помещик брал стоимость (ачму), которая была отдана в свое время за жену ахашвала.

Так описывал этот факт в с. Ешкыт майор Баратов летом I860 года. Переходя к характеристике положения ахашвала в селах Гуп и

[1] Там же, 1866 г., д. 1014, лл. 44–44 об.
[2] Там же, д. 180, лл. 1–8.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1010, л. 2.
[4] Там же.

Ткварчели, Баратов еще яснее писал: если ахашвала женится и если у него будут дети, то он «тотчас отделяется»; за неимением же детей он остается в постоянном услужении в доме помещика; с выходом дочери ахашвала замуж и получением владельцем той платы, которая была дана им за жену ахашвала, этот последний приобретал права крепостного. При выдаче замуж второй дочери ахашвала жених платил помещику ачму в размере 5 коров. В замену вышедших замуж дочерей ахашвала в дом помещика поступали другие его дочери[1]. Вывод Баратова по данному вопросу совершенно совпадает с положением о том, что ахашвала, как правило, не мог иметь семью. «Ахашала, – писал он. – служит в доме помещика до женитьбы, исполняя все его приказания»[2]. С этим согласуются также сообщения депутатов дворянства Абхазии в докладной записке от 23 марта 1870 г. и И. К. Багратиона-Мухранского, где рабов называли «несемейными моджалабе (ахашала)», а крепостных – «семейными моджалабе (ахуцва)»[3].

Следовательно, повторяем, приобретение семейных прав ахашвала было связано с переходом его в состав категории ахоую. Причем это допускалось лишь с разрешения владельца. Однако ахашвала вправе был требовать от своего владельца дать ему жену, которую предварительно показывали и испрашивали взаимного согласия на брачную жизнь. Если же владелец отказывался удовлетворить желание ахашвала, то последний требовал продать его другому, обязывавшемуся достать для него жену. В случае неисполнения и этого настояния, ахашвала нередко уходил под «чье-нибудь покровительство», что вело либо к примирению и исполнению требования ахашвала, либо к окончательной потере его[4].

Женившийся, и вследствие этого переходивший в категорию крепостных крестьян, ахашвала, согласно обычаю, получал от владельца участок земли, равный стоимости одной коровы, т. е. 10 руб., корову и телку (а по другим данным–быка и корову), медный котел, таз, надочажную цепь, полную постель и «более приличную одежду»[5].

[1] Баратов. Указ. рук., лл. КМ–134 об, 138.
[2] Там же, л. 134 об.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, лл. 44–44 об; д. 180, лл. 1–8.
[4] Черепов А. П.Указ. рук.
[5] ССКГ, в. VI, 1872, отд. 1, стр. 39, отд. 3, стр. 12, прим. 1; А. П. Черепов. Указ. рук.

В таком превращении ахашвала, как мы видели, были заинтересованы сами помещики: раб становился крепостным крестьянином, обязанным отбывать повинности наиболее эксплуатируемой части данной категории. Причем указанное явление особенно наблюдалось, естественно, в социально-экономическом отношении в более развитых частях края, а в горных районах, например, в Цебельде, по свидетельству Карганова, обследовавшего ее в 1866 году, подобное «вознаграждение раба» происходило «весьма редко»[1]. Оно редко осуществлялось также владельцами-крестьянами, почему и оказалось, что к моменту реформы князья и дворяне имели лишь около 23% всех ахашвала, а анхаю–75%[2]. Но количество ахашвала вообще делалось все меньше и меньше во всех тех хозяйствах, которые приспосабливались к новым требованиям жизни.

Размер платы со стороны владельцев за жен ахашвала был разнообразен; он определялся главным образом тем, кто был инициатором этого дела. Баратов отмечал, что если ешкытский ахашвала «по своей услуге или по знакомству найдет девушку по сходной цене, то помещик платит только от 7-ми до 15 коров, в противном же случае–от 30 до 40 коров»[3]; в селах Гуп и Ткварчели – от 14 до 20 коров[4]. Но в том и в другом случае владелец, уплачивая за приобретение жены ахашвала, «имеет ввиду возвратить себе на будущем семействе крестьянина»[5].

Для обшей характеристики ахашвала очень важно сообщение Д. З. Бакрадзе. Моджалабе, как он называет ахашвала, – «это ни больше, ни меньше, как рабы в наихудшем смысле слова. Я встречал их часто в Самурзакани и Абхазии, и признаюсь, всякий раз меня коробит, когда припоминаю их участь. Моджалабе хуже чем вещь: вещь всякий более или менее бережет, но к этим жалким созданиям владельцы не питают решительно никакого сострадания. Между помещиками есть люди с мягким сердцем, но к моджалабе они все одинаково беспощадны. Моджалабе в настоящее время есть в Имере-тин и Мингрелии, но здесь участь их гораздо лучше.

[1] Карганов. Указ. рук., л. 170 об.

[2] Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии, л. 46.

[3] Баратов. Указ. рук., д. 134 об.

[4] Там же, л. 138.

[5] Карганов. Указ. рук., л. 170 об.

В Абхазии и Самурзакани их может иметь всякий: есть моджалабы у крестьян, даже у самих моджалабов. Без них не обойдется ни один благородный дом. Мне говорили, что здесь у каждого помещика 5–20 дворов и более. Большинство их состоит из перекупленных одним владельцем у другого и из похищенных в Мингрелии, Имеретии и Гурии. К какому бы классу ни принадлежали похищенные, они тотчас обращаются в моджалабов: есть они из кн. Цулукидзе, Дадешкелиани, Ахледиани, из русских чиновников. Обыкновенно их привозили крепко закованных, с завязанными глазами, ведя окольными путями в течение 15–20 дней на расстояние 2–3 дней. Это делалось с целью уверить их, как далеко они от родины, чтобы они не думали о бегстве. Чтобы их сделать вполне ручными, выбив из них всякую энергию, их подвергали в течение 2–3 лет самым невыносимым мучениям: то бросали их в смрадные ямы, то вешали их на деревья вверх ногами, то подвергали побоям, .то морили голодом. И в самом деле, стоит только взглянуть на моджалабе, чтобы сейчас увидеть каких он мук натерпелся: на нем нет человеческого образа; это в полном смысле идиот, он утратил способность говорить; от какого-нибудь пустого случая несчастный дрожит, боясь побоев. Мудрено, чтобы доведенный до такого состояния кто-нибудь из них попытался бежать. Мне говорили, что случаи эти бывали очень редки.

Все черные работы у помещиков исполняют моджалабе; если нечего делать дома, их гонят в поле. Могут или нет, они все – мужчины, женщины, даже дети – с утра до вечера должны работать. Их кормят как зверей, большая часть из них едва прикрыты рубищем[1]. Чтобы иметь больше этих чернорабочих, их непременно женят, конечно, на девушках моджалабского происхождения[2]. Самый жалкий и бедный пиоши или пареши не решится породниться с моджалабе;

[1] А. Н. Введенский в статье «Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела» также писал, что одежда ахашвала состоит из лохмотьев (стр. 12, прим. 1), а дети «ходят дома без рубашенок, так как последние представляют ряд лоскутьев, какой-то неопределенной материи, соединенных кое-где нитками. Нужно удивляться, как при такой костюмировке дети переносят все невзгоды погоды, в особенности зимою, бывающей весьма холодною в горных частях Абхазии и даже Самурзакани» (С. 11).

[2] Это утверждение Бакрадзе, как уже видели, не соответствует действительному положению, если речь не идет о тех моджалабе (ахашвала), которых переводили в разряд ахоую.

последний в общем презрении у всех. Нечего и говорить, что владелец вправе дарить, закладывать и продавать моджалабе. Здесь это очень ценный товар: он стоит 200–300 р. Молодой моджалабе предпочитается взрослому и при торге ценность его обусловливается известною мерою его роста. Случаи выкупа со стороны моджалабе очень редки, ибо никто из них не в состоянии заплатить за себя и копейки»[1].

Приведем еще, на наш взгляд совершенно объективную, общую оценку, данную ахашвала в двух современных же документах (60-е гг.): ахашвала – рабы, «живущие в домах владельцев для личной домашней службы, не имеющие прав ни семейных, ни имущественных и подлежащие продаже по произволу владельца»[2]. «Они, находясь при домах владельцев, употреблялись на все работы и исполняли волю своего господина во всей ее неограниченности, от которой зависела судьба этого человека»[3].

4. Амацуразку (амацуразку)

Особую небольшую группу феодально-зависимого населения Абхазии составляли амацуразку, известные в Самурзаканской Абхазии еще под названием мойнале, которые, говоря языком официальных документов, составляли средний разряд хипшы – зависимых (крестьян)[4]. Они были аналогичны адыгейским и кабардинским огам[5]. Толкование названия данной группы крестьян уже ясно передает характер ее положения. «Амацуразку» значит: «на ком лежит работа», т. е. обязанный работой, прислуживанием, службой.

Будучи разновидностью крепостных крестьян, амацуразку, однако, обладали некоторой особенностью, отличавшей их от ахоую и

[1] Бакрадзе Д. З. Дворянство Абхазии и Самурзакани.

[2] ЦГИАЛ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 6.

[3] Там же, 1873 г., д 403, лл. 1–5.

[4] ЦГИАЛ, ф. 1208, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 35.

[5] «Кодифицированный свод» определял адыгейских огов как переходную категорию «от крепостного сословия к классу свободных землевладельцев». «Эти сословия большею частью образовались освобождением лиц. принадлежащих к сословиям больших степеней зависимости, от некоторых повинностей, оказываемых своим владельцам» («Кубанские войсковые ведомости», 1867, № 15).

по объему гражданских прав, присущих каждой из этих двух групп населения, и в экономическом отношении.

К моменту реформы амацуразку числилось всего 1.300 душ или 250 дворов[1]; причем наибольшее распространение они имели в Самурзаканской Абхазии, где составляли 82% к общему количеству указанной крестьянской категории. Именно этим объясняется факт отсутствия этой категории в рукописях Черепова, Баратова, Карганова и других, описывавших Абжуйскую и всю Северо-Западную Абхазию перед реформой с точки зрения социального состава и социальных отношений населения этой части края[2]. Они отсутствуют также в фольклорном материале и почти не известны нашим глубоким старикам-информаторам.

Это обстоятельство свидетельствует о том, что в лице амацуразку мы, по-видимому, имеем наиболее закрепощенную часть анхаю, но еще не перешедшую в разряд крепостных ахоую. Их обязанности в значительной степени отличались от прежнего состояния и были строго определены, о чем свидетельствует само название данной группы крестьянства. С другой стороны, в эту последнюю вливались те ахоую, которые хотя и вышли из своей социальной группы, но в глазах народа не приобрели еще всех «достоинств» анхаю и, следовательно, не заслужили звания высшей категории абхазского крестьянства. С течением времени об этих крестьянах начало складываться понятие как об особой крестьянской категории. Причем наиболее определенное оформление такой группы произошло, по-видимому, в Самурзаканской части Абхазии, что было обусловлено фактом более сильного развития крепостничества в этом районе.

Теперь обратимся к источникам, которые дают достаточно ясное представление о происхождении амацуразку. Сухумская сословно-поземельная комиссия считала, что они происходили из ахоую через постепенное, редко–единовременное, освобождение от лежавших на них повинностей, за исключением работы. Причем случаи единовременного выкупа повинностей амацуразку были

[1] Адыгейские оги насчитывали всего лишь 163 человека, а кабардинские – 15 дворов.

[2] Оги тоже не везде встречались. В Кубанской области, например, они в 60-х годах имелись только в Лабинском, Зеленчукском и Урупском округах.

очень редки. Однако примеры перехода их в категорию анхаю имели место; выкупная плата достигала от 70 до 300 руб.[1]

Депутаты абхазского дворянства в докладной записке от 23 марта 1870 года амацуразку рассматривали как «полукрестьян» (полукрепостных) или «не совсем выкупившихся» ахашвала, т. е. ахоую, т. к. этих последних, как отмечалось, они пытались представить в качестве рабов, а рассматриваемых крестьян – «высшим разрядом рабов»[2].

С. Л. Авалиани считал возможным предполагать, что в разряд амацуразку переходили крестьяне из категории ахоую[3].

Надо считать несомненным, что категория амацуразку формировалась не только за счет ахоую, которые различными путями переходили в этот разряд крестьянства, но и, как указывалось, за счет той части анхаю, которая все более и более значительной массой шла по линии дальнейшего закрепощения. И если амацуразку не на всей территории Абхазии нашли еще полное признание как самостоятельная социальная категория, то, очевидно, потому, что под этим наименованием в ряде случаев подразумевался низший слой анхаю.

Амацуразку, как и прочие крестьяне, жили отдельными самостоятельными хозяйствами и пользовались определенными имущественными правами. Все авторы амацуразку рассматривали как барщинников и обязанных натуральными повинностями.

Мы располагаем некоторыми данными, которые характеризуют обязанности, лежавшие на рассматриваемых крестьянах, известных под названием мойнале еще в XVII веке. Вот что писал Арканджело Ламберти: «На мойналах... лежат еще более унизительные обязанности. К зиме они обязаны доставлять дрова для барина и поддерживать постоянный огонь. Когда барин отправляется в путешествие, мойналы должны таскать на плечах его скарб, будет ли это одежда, провизия или постель. Перевозить вещи на лошади они не имеют права, если бы даже они имели таковую. Так должен он следовать позади барина, куда бы тот ни ездил. Сверх личных услуг каждый крестьянин должен угостить своего барина, по его требованию, ежегодно один, два или три раза... Кто пососостоятельнее, доставляет ему корову с арбой, наполненной гоми, хлебом, вином и курами»[1].

Среди крестьян с. Нажанеули, расположенного на правом берегу р. Ингур и принадлежавшего абхазскому католикосу, многие крестьяне в XVII веке составляли категорию мойнале. «Большая книга крестьян абхазского католикосата» (XVI– XVII вв.)[2] иллюстрирует обязанности этих крестьян. Так, например, мойнале М. Самелия обязан был предоставить своему владельцу определенное количество холста, курицу, 13 кувшинов вина, 6 единиц проса, а также отработать барщину; на него же была возложена обязанность таскать скарб господина. Другой мойнале К. Маркозия доставлял своему владельцу до 30 локтей холста, 2 кур, половину коровы, 3 единицы проса, 5 кувшинов вина; кроме того, он обязан был угощать владельца, работать на его полях и помогать ему в сборе винограда. Встречаются мойнале, которые доставляли своему патрону по 40 и даже по 80 локтей холста. Например, Б. Кодия, кроме барщинной работы в поле и приношений продуктами хозяйства, давал ежегодно своему «покровителю» 80 локтей холста[3].

Данные о повинностях амацуразку в XIX веке, к сожалению, очень скудны. Приходится ограничиваться общего характера сведениями Сухумской сословно-поземельной комиссии. Амацуразку были обязаны поставлять своим владельцам по одному работнику с дыма, который и жил в его доме 5–6 дней в неделю; или же, в случае наличия в дыме только одного взрослого работника, выходить на работу к владельцу 2–3 дня в неделю. Кроме того, они должны были отбывать «некоторые добавочные повинности», которые состояли: в выходе на работу в течение нескольких дней в году, в приношении козы или свиньи, вина, проса и других продуктов[4].

[1] Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии, лл. 47 об–48; Освобождение зависимых сословий в Сухумском, отделе. – С. 48.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 45 об.

[3] Авалиани С. Л. Указ. соч., т. II. – С. 69.

[1] Арканджело Ламберти. Указ. соч. – С. 33–34.

[2] Этот документ был опубликован впервые в 1891 году А. Хахановым, а в 1914 г. снова издан С. Какабадзе.

[3] Антелава. Очерки по истории Абхазии XVII-XVI1I веков. – С. 180.

[4] Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии. – С. 47 об. Освобождение зависимых сословий в Сухумском отделе. – С. 48.

Наследственные права этих крестьян были значительно более ограничены, чем такие же права анхаю, и некоторые источники отождествляют их с правами ахоую. Так, члены Сухумской сословно-поземельной комиссии писали, что не только владельцы ахоую, но и владельцы амацуразку являлись наследниками их имущества после смерти в случаях, указываемых обычаем; родные братья наследовали друг другу в том случае, если они зависели от одного и того же владельца, иначе, как правило, не могли друг другу наследовать: земля переходила к владельцу.

Права и обязанности амацуразку, как это отмечали депутаты абхазского дворянства в указанной выше докладной записке, «не у всех помещиков одинаковы и зависят от условий»[1].

Амацуразку, в свою очередь, как анхаю и ахоую, распадались на три категории. Если за «освобождавшийся» дым высшей категории амацуразку во время реформы было определено 120 руб., то за средний–90 руб., а за низший–60 руб.[2]

В описании Коньяра сословных отношений в Самурзаканской Абхазии (1865 г.) мы находим следующие данные о категории амацуразку (мойнале) по отдельным селам[3]. В селах Бедия, Сачина и Патрахуца амацуразку из своего семейства, при наличии 2–3 и более душ мужского пола, давали одного человека в постоянные слуги помещику; из остальных один оставался дома, а другие работали 3 дня в неделю в пользу помещика же. Если же в семействе амацуразку был лишь один трудоспособный мужчина, то он также должен был 3 дня работать на помещика. За свой выкуп амацуразку здесь платили от 100 до 150 руб. сер.

Положение амацуразку в с. Ешкыт отличалось от описанного тем, что при выкупе эти крестьяне отдавали помещику все свое имущество, после чего, получив «свободу», вступали в разряд анхаю. В селах Баргеби, Отобайа и Тагилони амацуразку находились в более выгодных условиях: каждое семейство давало помещику постоянную прислугу, но остальные члены семьи больше ничего не отбывали феодалу; причем и этот постоянный слуга по пятницам

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 33 об.
[2] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 44.
[3] ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 42-49.

работал на себя. Не дававшие же прислугу крестьяне работали на помещика по 3 дня в неделю.

В Чубурисхинджи и в некоторых других селах амацуразку также были обязаны давать помещику постоянную прислугу. Но если в семье был лишь один мужчина, то он должен был работать на помещика 3 дня в неделю и платить в год 1 руб. сер. или козу; за переход же в анхаю – 100 руб. за. душу. В с. Саберио крестьяне давали постоянную прислугу, работали по 3 дня в неделю и платили в год по козе или 1 руб. сер.; некоторые же, кроме постоянной прислуги, давали еще 4 батмана вина и 2 батмана проса.

Наконец, в общем описании повинностей, лежавших на самурзаканских крестьянах, произведенной в 1865 же году, мы читаем об амацуразку: «Если в доме крестьянина есть несколько душ, или есть две, три души работников (мужского пола), то с каждого дыма один постоянно и неотлучно день и ночь должен находиться в доме помещика, другой из этого же дыма по три дня в каждую неделю должен поработать в пользу помещика без пренебрежения. При выдаче дочери [замуж] помещику жертвует крестьянин от 10 до 20 руб. При этом все повинности крестьян мойнале должен отправлять наравне с пиошами, изложенными во втором пункте[1]. Если в доме крестьянина одна только душа мужского пола, то этот в неделю 3 дня работает для помещика, а в остальные дни для себя; но оброк и всякие повинности сполна выдает помещику своему»[2].

Из сказанного нетрудно заметить сходство социальных функций и обязанностей ахоую и амацуразку и вместе с тем существование некоторого различия между этими категориями. Это обстоятельство уловил и С. Л. Авалиани. Он отмечал, что повинности амацуразку были в значительной степени тождественны с повинностями, которые отбывались ахоую; разница, по-видимому, была в том, что от некоторых мелких повинностей первые были освобождены и таким образом в среде ахоую амацуразку составляли «как бы некоторый привилегированный слой». «Хоть, – писал далее С. Л. Авалиани,– различия между этими двумя разрядами населения существовали, однако они не были столь существенны, чтобы

[1] ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 52–55.
[2] Эти сведения нами приведены в разделе об анхаю.

между ними можно было проводить строгую разграничительную линию, но в жизни чувствовалась разница и обычное право юридическое положение этих двух зависимых разрядов населения все же различало»[1].

Таким образом, хотя в документах 60-х годов ахоую и амацуразку рассматривались как разные типы зависимых сословий, но по существу это был один класс феодального общества, находившийся в разной степени феодальной зависимости.

5. Азаты

Азаты – «вольноотпущенники» или, как еще их характеризовали члены Сухумской сословно-поземельной комиссии, «уволенные из других сословий» крестьяне[2]. Они отпускались по какому-нибудь особому случаю, например, за воспитание детей помещиков; в силу «душеспасительной» религиозной цели[3]. Причем если крестьянин, зависевший от какого-нибудь дворянина, состоявшего в свою очередь в зависимости от патрона «высшего разряда», получал на воспитание сына последнего, то в таком случае он считал себя уже не зависимым от своего непосредственного владельца и свободным в отношении обоих своих патронов[4].

Освобождение азага во всех случаях зависело исключительно «от произвола владельца, или патрона зависимого человека, и нисколько от него самого». Таким образом, крестьяне рассматриваемой категории получали свободу, во всяком случае, чаще всего по инициативе самого феодала, как это было, например, и в Кабарде[5]. Кроме того, азаты, как и другие абхазские крестьяне, не могли перейти в привилегированное сословие[6].

В конце 60-х годов XIX века в с. Звандрипш жили три дыма Чкадуа, откупившиеся из ахоую в азаты. Они имели четыре купленных

1 Авалиани С.Л. Указ. соч., т.II. – С. 69.

2 ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1013, лл. 1. 15 об.

3 Там же.

4 Там же, д. 1010, л. 4.

5 Вообще между абхазскими и кабардинскими азатами имелось большое сходство.

6 ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л. 4.

у разных лиц участка земли, из коих один – у ахоую Ясы Пандария, находившегося в зависимости от дворянина Смела Званба[1].

Вопреки утверждению некоторых членов Сухумской сословно-поземельной комиссии о том, что абхазские азаты не отбывали никаких повинностей, они, конечно, таковые отбывали, правда, в незначительном размере, а в некоторых случаях, это ограничивалось почти религиозной, «нравственной» обязанностью. Одной из специфических обязанностей азатов было, как было отмечено, воспитание детей феодалов. В силу всех этих обязанностей азат должен был жить в селе феодала и следовать за ним, когда он переходил на другое местожительство. Л. П. Черепов писал, что азаты «всю жизнь проводят в той общине, где могила благодетеля». Черепов вместе с тем отмечал, что «за неимением прямых наследников мужского пола и близких родственников имение азата переходит в род того, кто даровал первоначальную свободу»[2]. Азаты с. Пахулани, расположенного в пределах Самурзаканской Абхазии, кроме того, были обязаны давать помещику в начале 60-х годов: через год 1 корову, а каждый год 1 барана, 1 печеный хлеб и 1 пирог; угощать его с прислугой и «служить ему верхом и пешком»[3].

Азаты в Абхазии составляли весьма незначительную группу. Но с утверждением здесь русского управления в эту группу начали вступать «все вообще освобождавшиеся из низших сословий». Число азатов накануне крестьянской реформы в Абхазии, по данным Сухумской сословно-поземельной комиссии, доходило уже до 2.200 душ[4].

Азатов знали и в других местах, например, в Кабарде, Мегрелии, Имеретии и Гурии. В названных районах Западной Грузии азаты также считались «свободными». Но и здесь их свобода, пожалуй еще больше, была относительна, ибо азаты были освобождены лишь от незначительных и унизительных податей и обязанностей[5].

1 ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 185.

2 Черепов А. П. Указ. рук.

3 ЦГИАГ, ф. 220, оп. 1, д. 877, л. 78 об.

4 ССКГ, в. III, 1870. – С. 7.

5 Авалиани С. Л. Указ. соч., т. 1. – С. 61.

6. К общей характеристике положения крестьянства

Домашний быт

Характеристика положения крестьянства Абхазии в рассматриваемый период далеко, разумеется, не исчерпывается изложенным. Ниже мы приведем некоторый дополнительный материал, относящийся к абхазскому крестьянству в целом. Прежде всего остановимся на вопросе о их бытовом положении.

Поселение. Исследователи и разные авторы уже давно заметили, что занимая страну, изрезанную ущельями и ложбинами и покрытую густыми лесами, абхазцы селились отдельными усадьбами, разбросанными по холмам или в чаще леса. Каждый дым в хозяйственной жизни села представлял из себя самостоятельную хозяйственную единицу.

Усадьбы друг от друга находились иногда на большом расстоянии, часто отделяясь небольшими перелесками. Поэтому абхазские села нередко тянулись на 8–10 и более километров. Как правило, эти села (ақыҭа) делились на поселки (ацуҭа). Границей между селами служили речки, холмы, проселочные дороги и т. д.

Хуторской тип поселений в Абхазии, характерный и для убыхов, абадзехов и шапсугов, а также для населения Мегрелии, Гурии и вообще Западной Грузии, был обусловлен географическим рельефом горной местности и отсутствием общинной собственности на пахотные земли, находившиеся во владении отдельных семей, объединенных в сельские общины, в пользовании которых были леса и пастбища[1]. Существование указанного типа поселений, кроме того, находило свое объяснение в живучести многочисленных родовых пережитков.

Академик И. А. Гюльденштедт, указывая на усадебный характер абхазских сел, писал: «Домы их (абхазцев. – Г. Д.) построены таким же образом, как и черкесские, из мазаичатых стен. Они не строятся один возле другого, а рассеяны, как в Имеретии, по рощам»[2]. Говоря об абазинах, академик П. С. Паллас рассказывал, что их селения также не имели улиц и представляли собою сумму дворов, в беспорядке разбросанных иногда на значительном расстоянии один от другого, но огороженных крепким забором[1].

Эти свидетельства позже подтвердили многие авторы. Абхазцы, писал С. Броневский, «в больших деревнях не живут, но рассеяны по горам и косогоркам малыми усадьбами по два и по три двора»[2]. Еще более интересно описание барона Аша, который отмечал, что крестьяне жили в домах, отстроенных из переплетенного хвороста, обмазанного глиной; эти одноэтажные дома были построены на некотором расстоянии друг от друга; они были окружены невысоким забором из хвороста и колючки. Двор представлял из себя чистую поляну; на ней оставлялось лишь несколько больших деревьев, под тенью которых семейство летом проводило время. Каждое семейство, таким образом, жило отдельно, иногда на 4 версты одно от другого, и села, имеющие одно название, занимали большое пространство[3]. Говоря о садзах, Аш также писал, что жилища их «расположены частью по ближайшим высотам к морскому берегу, частью в горных лощинах и по ущельям рек, и селения их состоят из плетеных и деревянных домов, разбросанных по лесу на большое расстояние»[4]. М. Селезнев говорил о селе Кутол (Квитаул), которое, как и прочие абхазские села, было «разбросано по лесу на несколько верст и, занимая центр Абжива, перерыто буэраками». Такая разбросанность жилищ «по косогорам и буэракам, заставляет путника: то подниматься к ним, то спускаться»[5].

Абхазские поселения описали и другие современные авторы. Но из них остановимся лишь на анонимном авторе, который в 1877 году писал: «Шалаш, куда вошли мы, был только началом абхазского поселка, или, лучше, починка. За полверсты стояла другая лачуга; от нее, сажен за полтораста, – третья; четвертая в сторону забилась, пятая забралась на верхушку холма и закуталась там от постороннего взгляда в зеленое облако дубовой рощи... Всего – хижин двад-

[1] Бибиков Л., Семенов В. Животноводство и кормовая база Абхазии. «Труды Абхазского научно-исследовательского института», в. 1. Сухум, 1934. – С. 21.

[2] Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. – С. 443.

[1] P. S. Pallas. Bemercungcn auf einer Reise in die siidlichen Statthal- terschaften der Russischen Rcichs in den Jahrcn 1793 und 1794, т. I. Лейпциг, 1799. – С. 321

[2] Броневский С. Указ. соч. – С. 325.

[3] Бар. Аш. Военно-статистическое обозрение...

[4] Его же. Абхазия.

[5] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 163, 209.

цать, а разбросались верст на восемь. Абхазец выбирает жилье по душе, мало думая о необходимости скучиваться. В центре починка– оглоданные временем развалины большой круглой башни. Очевидно, основание ее было несколько больше верхушки. Узкие бойницы начинаются сажен за пять от земли. Здесь вся эта абхазская деревушка спасалась, когда ей грозило нашествие джигетов с севера или сванетов с востока»[1].

Надо отметить, что группы усадеб и целые поселки образовались обыкновенно вследствие занятия определенной территории целыми фамилиями или родами. Такие фамильные или родовые поселки постепенно разрастались почти в села[2]. На такой характер населенных мест абхазцев указывал в XVII веке Арканджело Ламберти: «В городах и крепостях абхазцы не живут, но (обыкновенно) собираются десять или двадцать семейств одной фамилии, выбирают какое-нибудь возвышенное место, строят здесь из соломы несколько шалашей и обводят все крепким забором и глубоким рвом»[3]. А. П. Черепов, говоря об анхаю, писал, что они жили большей частью целым родом, состоявшим часто из 50 и более семейств[4]. На каждую семью приходилось в среднем по 8–10 душ.

Абхазцы, за редким исключением, избегали селиться в низинах, сырых местах, в закрытых узких долинах и в непосредственной близости к морю, где горные речки образовывали болота и где часто были морские туманы. Это было обусловлено также внешними вражескими вторжениями, когда население вынуждено было скрываться «в ущельях гор, терпя недостаток в пахотных и пастбищных местах, лежащих преимущественно на низменности, богато орошаемой реками»[5].

Каждая усадьба включала двор, огороженный плетнем или живой изгородью, с жилыми и хозяйственными постройками, фруктовым садом, виноградником и пр. Вблизи усадьбы часто находилось и родовое, фамильное кладбище с оригинальными надмогильными памятниками. Строились также особые деревянные памятники

[1] Абхазцы и Пицунда. Журн. «Домашняя беседа», в. 33. СПб, 1877. – С. 929.

[2] Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии абхазов. – С. 7.

[3] Ламберти. Указ. соч. – С. 189.

[4] Черепов А. П. Указ. рук.

[5] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 4.

(абака) в честь умерших; они были вместе с тем показателем заботы их строителей о путниках. Под крышей такого памятника, стоявшего обычно недалеко от дорог и тропинок, путник, застигнутый темнотой или ненастьем, находил себе приют[1].

Абхазцы, как и адыге, всегда пользовались родниковой водой. Кукурузное поле огораживали живой изгородью или плетнем; здесь обыкновенно стояло несколько грабовых деревьев, оголенных от верхних ветвей, служащих для укладки на них чалы (кукурузных стеблей) – корма для скота зимой[2].

Жилище. В литературе уже сделана попытка наметить основную линию развития жилища абхазцев. Первоначальной считается круглая плетеная хижина с конической крышей из папоротника, соломы или камыша, без потолка, с земляным полом и очагом в центре. Причем некоторые исследователи ее связывают со следами первобытных шалашей, найденных в энеолитическом селище при археологических раскопках возле г. Очемчиры в 1935 году[3]. Это жилище сменила плетеная же постройка четырехугольной формы с двухскатной крышей. Данное жилище, в свою очередь, стало уступать место деревянной (дощатой) постройке. Основные типы домов абхазцев были почти идентичны с основными типами домов адыгских и западногрузинских племен[4].

Абхазские жилища, особенно крестьянские, по своему характеру отличались легкостью и простотой. Это было обусловлено рядом причин: мягкостью климата, постоянными внешними вторжениями, большой активностью передвижения населения и бедностью крестьянской массы. А. В. Пахомов писал: «Никто в Абхазии сегодня не мог ручаться за то, что может с ним случиться завтра. Сегодня он выстроил себе хороший дом, обработал землю, завел скотину – завтра все это он теряет, без всякой вины с своей стороны, иногда за то только, что у его господина или покровителя нашелся какой-

[1] Аверкиев Ив. С. северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866, № 70.

[2] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 5.

[3] Соловьев Л.Н. Энеолитическое селище у Очемчир. «Материалы по истории Абхазии», сб. I. Сухуми, 1939. – С. 21.

[4] Джанашвили М. Абхазия и абхазцы. – С. 16; Чурсин Г. Ф. Указ. соч. – С. 7–8; Аджинджал И. А. Жилища абхазов. Сухуми, 1957.

нибудь случайный враг, который, желая досадить господину, разоряет его подвластного. Бесконечные ссоры, канла (кровомщение), необходимость защищаться от набегов соседних племен – все это, волей-неволей, сделало из абхазцев людей по преимуществу военных, а вообще ружье и соха как-то вместе не клеятся. Всегда под оружием, всегда наготове защищаться от врагов ведомых и неведомых, абхазец едва имел время думать об обеспечении себя только необходимым»[1]. В другом месте Пахомов, имея в виду имения Д. Г. Шервашидзе, также отмечал, что «нет почти ни одного дыма, который бы прожил на одном и том же участке более тридцати лет сряду и большая часть из них занимает участки, принадлежавшие прежде другим лицам и родам»[2].

А. Н. Введенский, говоря об активном переселении в Самурзакано населения из других районов Абхазии, имевшем место в прошлом, писал: «Судя по легкости, с какою до настоящего времени абхазцы переходили с места на место, подобное переселение весьма возможно»[3]. По свидетельству Н. В. Фон-Дервиза, и в начале XX века легкость абхазских жилых построек оставалась повсеместным явлением[4].

Описание крестьянского жилища мы находим и у других авторов. Прежде всего обратимся к сообщению Ф. Ф. Торнау. «Абхазцы, – писал он, – равно как и черкесы, живут обыкновенно в хижинах, крытых соломою или камышом, которых плетеные стены плотно замазаны глиной, перемешанной с рубленою соломою. В каждой хижине по одной комнате, получающей свет через двери... Около стены, возле дверей, сделано полукруглое или четырехугольное углубление в земле для огня, над которым привешена высокая труба из плетня же, обмазанного глиною. По другую сторону очага, в почетном углу, находится небольшое окно, без стекла, плотно запираемое ставнею. У горцев каждый имеет свою особую хижину... Для гостей определена кунакская... Кушанье подают на низких круглых столиках... Весьма немногие знатные и богатые горцы строят рубленые деревянные дома»[5].

[1] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 34.
[2] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, д. 29. л. 485.
[3] (Введенский А. Н.). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина… – С. 17.
[4] Фон-Дервиз И. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего). – С. 21.
[5] Торнау Ф.Ф. Указ. соч., ч. I. – С. 80.

Еще более ценное описание абхазского крестьянского жилища дает этнограф С. Т. Званба, содержащееся в его статье «Поцелуй за занавесом»[1]. «Обыкновенные жилища здешних абхазцев, – читаем в этой статье, – состоят из двух строений: из большого и малого; большое строение бывает длиною от 3 до 4, шириною от 2 до 3 саженей, с открытым крыльцом; дверей двое, одни с крыльца называются верхними, а другие нижние в задней стене. Строение это бывает иногда досчатое, а иногда плетневое, вымазанное, покрытое соломою или дранью. Внутри с одной стороны делаются во всю стену или наполовину оной нары, а с другой стороны длинная скамья. Кругом в рост человека от земли вбиты небольшие колышки для развешивания оружия, седел, бурок и башлыков; посредине раскладывается огонь и над огнем аршина на три или четыре вверх досчатый потолок, чтобы искры не могли зажечь крыши; дом этот называется асасайра (гостиная); другое строение стоит в нескольких саженях от первого, против нижних дверей; оно бывает плетеное вымазанное, круглое, с крышею конусообразною, наподобие калмыцкой кибитки, и занимает всего от 4-х до 6 квадратных саженей; внутри имеются с одной стороны также нары, а с другой стороны скамья во всю длину стены; нары покрыты ковром или чем другим, смотря по состоянию хозяина, и на них сложены высокою грудою тюфяки; над нарами висит занавес из какой-нибудь прозрачной ткани; она бывает такой длины, что опущенная падает на колени сидящим на нарах. Занавес вешают, когда ожидают жениха: строение это называется амхора (амҳара.– Г. Д.) и в нем в ожидании жениха помещается невеста».

Далее мы сошлемся на сведения А. Н. Введенского, представляющие интерес прежде всего с точки зрения характеристики внутренней обстановки крестьянского дома. «Каждая усадьба, – писал он, – состоит из дома или, лучше сказать, плетеного сарая в одну комнату». Она имеет земляной пол, утрамбованный и смазанный глиной. Комната «отапливается очагом[2], состоящим из большой каменной плиты, служащей для кладки дров, и плетеной из хвороста

[1] Указанная статья С. Т. Званба впервые была опубликована в 1853 году в газ. «Кавказ», № 53; она вошла в сборник его работ «Этнографические этюды», изданный в Сухуми в 1955 году.
[2] В очаге абхазцы старались поддерживать неугасимый огонь.

трубы; в большей же части домов труб не существует и дым выходит через скважины крыши, покрытой папоротником, а в Самурзакани особенной породы осокой, растущей в изобилии на поляне Тогонь». Внутри, вокруг стен дома, расположены низкие нары (тахты); вместо туфяков употребляются толстые ватные одеяла; подушки, которых, как и одеял, держится всегда в изобилии, редко набиваются пухом (последнее привилегия тавадов и аамыста), а преимущественно ватой[1]. Вместо столов употребляются низенькие длинные скамейки, а у более зажиточных – круглые, на трех ножках, столики. «Вот вся мебель и убранство абхазского жилья», которое вошедшего в него первый раз «поразит бедностью и чистотою». Жилье «более богатых, имеющих деревянные дома, отличается правильно сложенным камином и не так грубо сделанными тахтами и прочею мебелью»[2]. Далее автор писал: «При парадных обедах стол или, правильнее, скамейки покрываются полотенцем или куском турецкого коленкора; яства расставляются на различных тарелочках, деревянных и фаянсовых, а за неимением их, просто на дощечках»; для кислого молока употребляются оригинальные роговые или самшитовые ложки; гостям предварительно подают медный таз и рукомойник[3].

Как видно из приведенного материала, жилища крестьянской массы отличались исключительной примитивностью и бедностью. На это обстоятельство указывали и некоторые другие авторы. Так, Дюбуа подчеркивал, что если лыхненские крестьяне обладали убогими и хрупкими, слепленными из глины хижинами, то «более богатые» – деревянными домами[4]. Инженер Гурьев, который в с. Лыхны побывал спустя 10 лет после Дюбуа, в 1843 году, также отмечал, что если владетель Абхазии здесь имел каменный дом, убранный поевропейски, то крестьяне, как и многие кавказские горцы, «живут в саклях (плетушки из сучьев) – настоящие садки, в которых перевозят кур»[5]. И. С. Хатисов писал еще определеннее: большая часть горских жилищ была построена из хвороста и смазана глиной; «лишь некоторые зажиточные крестьяне и князья строили себе дома из досок, и то всегда в один этаж»[1]. Стоимость обыкновенного абхазского крестьянского дома Ив. Аверкиев в 60-х годах определял в одну корову, т. е., приблизительно, в 10 рублей[2].

Крестьянам даже было запрещено строить досчатые дома, особенно на высоких столбах – акуаскя, типа грузинского ода или одасахли. Подобные дома могли строить только феодалы. Это также считалось их привилегией. Между прочим, по преданию первый такой дом был построен владетелем в с. Акуаскя, получившем свое название от жилища данного типа; наименование с. Акуаскямца (ныне поселок села Звандрипш), где были расположены владетельские виноградники и погреб, видимо, также происходит от этого названия.

Одежда. Что же касается одежды, то мы ограничимся в основном описанием С. Смоленского, относящимся к 1859 году и являющимся достаточно подробным и достоверным. Мужской костюм в с. Лыхны, свидетельствовал он, – «как и в других местах Абхазии, почти ничем не отличается от одежды других горных племен; только крестьяне, а частью и небогатые дворяне, носят шапки не из бараньего меха, с суконным верхом, а войлочные, приготовляемые так же, как и бурки; они делаются косматыми, с острыми, конусообразными верхами. Сверх такой шапки, всякий сколько-нибудь считающий себя порядочным человеком, ни зимой, ни летом не снимает башлыка[3]. Узкие брюки домашнего сукна, приготовляемого довольно недурно и прочно, и чоха (черкеска.–Г. Д.) с газырями для патронов, надеваемая сверх бумажного, шерстяного и даже шелкового на вате бешмета, с вечно оборванными рукавами черкески, составляет весь наряд абхазца. С крепкими рукавами, даже и в новом

[1] Для многих крестьян постелью служили бурка или войлок, стелившиеся около очага.

[2] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 4, 5 и 15.

[3] Там же. – С. 10.

[4] Дюбуа. Указ. соч. – С. 116.

[5] (Гурьев). О нахождении лигнита в Абхазии. «Горный журнал», ч. III, кн. V. Спб, 1843. – С. 292, прим.

[1] ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 46.

[2] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866, № 74.

3 Почти в таком же духе писал и М. Селезнев, при этом отмечая общеизвестный факт о том, что абхазцы брили голову (см. указ. соч.,. кн. II. – С. 203). Это отмечал и Э. Спенсер, который, говоря о жителях окрестности Пицунды, писал, что их шапки «конической формы с двумя длинными наушниками, которые, вися над их плечами, служили зашитою против дождя и в хорошую погоду образовывали тюрбан...» (см. указ. его соч., письмо XXVIII).

верхнем платье, трудно встретить горца; они всегда обрываются из подражания моде, в знак того, что хозяин их имеет притязание на звание джигита. Только дорогое оружие, с богатою насечкою, да серебро блестящей отделки на ножнах кинжала, шашки и ремнях пояса отличают лихого наездника или достаточного человека от бедняка[1].

Зато женский костюм в Соуксу (Лыхны. – Г. Д.) разнится от других деревень: только дворянки и зажиточный класс вольных людей в остальных местах владения носят такие же длинные, ситцевые или шерстяные платья, из-под которых не видно шальвар. Как девушки, так и замужние женщины покрывают головы небольшими бумажными или шелковыми платками...

Одежду беднейшего сословия женщин остального населения Абхазии составляет, сверх бязевой короткой сорочки, ситцевый ватный бешмет с длинною талией и с полами, достигающими до колен, из-под которых выходят... широкие шальвары, заменяющие юбки. Нижние концы их завязываются под коленами, почему подвернутые края опускаются до самой земли, так что закрывают постоянно разутые ноги...

Вероятно по причине широких шальвар между женщинами богатых классов Абхазии вошло в обыкновение носить подножки. Это плоские колодки во всю длину и ширину подошвы, с подделанными па концах их подставками, опирающимися в землю, также во всю ширину первых и до двух вершков вышины; сверх такой подножки прикрепляется широкий ремень, куда и вставляется нога... Девушки и женщины дворянского и крестьянского происхождения, при встречах со своими мужчинами или русскими, не закрывают лица и не отворачиваются...»[2].

Интересны также сведения А. Н. Введенского, который писал, что костюм абхазского мужчины состоял из чохи, ситцевого или бязевого бешмета, исполнявшего большей частью и обязанность со-

[1] Это, разумеется, неверно. Достаточно вспомнить хотя бы приведенные выше описания костюма Гасанбея Шервашидзе и одежду низших слоев крестьянского населения, чтобы получить представление о действительном положении вещей, т. е. о существовании резкого контраста и в одеянии между различными классами.

[2] Смоленский С. Воспоминания кавказскою офицера. «Военный сборник», № 10, 1872. – С. 354–355.

рочки, узких в обтяжку бязевых подштанников, таких же шерстяных или, летом, нанковых шаровар и чувяк; на голову, вместо шапки, повязывался башлык, обыкновенно светлых цветов. Женщины сверх сорочки надевали широкие шаровары, стянутые у щиколотки, ситцевую юбку и ситцевый же, а у богатых шелковый, длинный бешмет с открытым воротом, застегивавшийся на груди различными вычурными застежками, у богатых – серебряными, занимавшими почти всю грудь до талии. Волосы обыкновенно девушки заплетали в несколько кос, а женщины–в одну, висящую вдоль спины; ноги были обуты так же, как у мужчин, а голова была покрыта платком или куском кисеи, концы которой висели по обеим сторонам головы[1].

К сказанному еще добавим, что в качестве обуви крестьяне, в своей массе, носили чувяки из сыромятной кожи домашних животных, а порой и из самодельного сафьяна[2], женщины – деревянные подножки.

Верхней мужской одеждой служила войлочная шуба и короткая куртка (без воротника и рукавов) из овечьих шкур, вывернутых наизнанку. Широко была распространена также кавказская бурка, прекрасно защищающая от непогоды и дождя[3]. Причем крестьяне обычно носили самодельные бурки низкого качества, гладкие и плохо окрашенные (рыжеватые). Кроме того, князья и дворяне носили, имевшую форму черкески, длинную верхнюю одежду из сукна, на меховой подкладке с воротником и кожаными застежками[4].

Абхазцы были искусными наездниками, и значительную часть своей жизни проводили верхом. Поэтому выходная одежда их, а также все вооружение приспосабливались по возможности к верховой езде, к конному бою. К этой же цели приспосабливалась и одежда женщин, которые свободно ездили на мужском седле и вместе с мужчинами нередко участвовали в борьбе с врагами и в

[1] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 14.

[2] Современники отмечают, что к такой обуви и даже на босую ногу прикреплялись шпоры, как необходимая принадлежность для верховой езды (см. Gamba. Указ. соч. – С. 90; E. Spensor. Указ. соч., письмо XXX).

[3] М. Селезнев писал, что в пути абхазцы, «вытерпливая стужу и непогоду без жалобы, закрываются буркою и башлыком..., бурка с камнем и пнем под изголовьем есть почти всегдашняя их постель» (М. Селезнев. Указ. соч., кн. II. – С. 204).

[4] И. А. Аджинджал и И. Е. Адзынба. Материалы по изучению одежды абхазов.

набегах[1]. Мягкость климата и отсутствие резких контрастов между временами года в Абхазии почти исключали необходимость подразделения одежды на летнююи зимнюю.

Охотники и пастухи пользовались несколько отличной одеждой, приспособленной к суровым условиям охотничьей и пастушеской жизни. Кроме того, охотники пользовались специальными приспособлениями: железными скобами – кошками (аихац), обычно с тремя зубцами, чтобы не сорваться со скалы и не поскользнуться на леднике; для ходьбы по снегу пользовались лыжами (ашәқоа), состоящими из деревянного обруча овальной формы, переплетенного ремешками или веревками[2]; неизменным спутником как охотников, так и пастухов являлся посох с железным наконечником.

Холодное и огнестрельное оружие служило, как известно, необходимой принадлежностью вообще горского костюма: кинжал – за поясом, шашка – у бедра, ружье – за плечами.

Из вышеизложенного об одежде абхазцев видно, что и в этой области между феодалами и крестьянами была большая разница. Эта разница настолько была разительна, что многие наблюдатели не могли пройти мимо данного факта. Лейтенант Скирневский, посетивший Сухум в начале 1807 года, обратил свое внимание на то, что крестьяне были одеты очень бедно: в серые полукафтаны и ходили босиком[3]. Гамба также свидетельствовал, что абхазские крестьяне, которых он видел в Сухуме летом 1822 года, был едва прикрыты лохмотьями; из них только некоторые носили обувь самого примитивного вида. Хотя и стояла чрезвычайно сильная жара, но они были одеты в «войлочные плащи с овечьей шерстью на поверхности», т. е. в бурки, а на голове – «капюшоны», т. е. башлыки. Князья же «были одеты в черкесский костюм» и казалось, что они «были другого происхождения»[4]. Генерал Ольшевский, указывая

[1] Н. Державин писал: «В Абхазии нередко можно было встретить ночью женщину, одетую в черкеску, с башлыком на голове, скачущую в сопровождении отборнейших всадников во весь карьер на ретивом коне. Переехать вброд через большую реку, сделать стоверстный переход..., а в случае необходимости и броситься с шашкой на неприятеля – все это казалось для подобной женщины делом обыкновенным» (СМОМПК, в. 37, 1907, отд. I. – С. 12).

[2] И. А. Аджинджал и И. Е. Адзынба. Указ. соч. – С. 232.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, 1807 г., д. 18490, лл. 1–4.

[4] Gamba. Указ. соч. – С. 91.

на тяжелое положение трудовых масс Абхазии, писал (1839 г.): «На редком абхазце, из черного народа, вы увидите рубашку. Женщины их покрыты рубищами»[1]. Генерал Филипсом, посетив в том же 1839 году дом владетеля в с. Лыхны, также был свидетелем того факта, что крестьяне ходили в лохмотьях, едва прикрыты дырявой буркой, многие были босые[2]. Д. З. Бакрадзе тоже свидетельствовал, что большая часть ахашвала (моджалабе) была «едва прикрыта рубищем»[3].

В отчете Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1864 год констатировалось, что «большая часть учащихся является в школы без обуви и в изодранных платках»[4]. В отчете за 1867 год также отмечалось, что «большая часть мальчиков и девочек, несмотря на желание учиться, часто по целым неделям не посещает школ, в особенности в зимнее и ненастное время; причиною тому – бедность, неимение теплого платья и обуви...»[5]. Здесь речь идет, разумеется, о крестьянских детях. О нищенском положении этих детей свидетельствовал и А. Н. Введенский. Начиная от года и до пяти лет, писал он, ребенок ходит в одной рубашке, и только более богатые с двухлетнего возраста напяливают на него узкие холщевые панталоны. Дети ахоую, а в особенности ахашвала, можно сказать, ходят даже без рубашонок, так как последние представляют ряд лоскутьев какой-то материи, соединенных кое-где нитками[6].

Пища. Основой питания населения Абхазии, как почти и всего Западного Кавказа, являлась мамалыга (абысҭа) – густая каша из кукурузной муки или проса (гоми), заменявшая хлеб. К этому присоединялись фасоль и острые приправы и подливы из сока алычи, барбариса, граната и ореха, приправленные красным перцем, чесноком и ароматными травами, а также разные соления (перец, кольраби, огурцы и др.), консервированные в очень крепком маринаде (из винного уксуса, соли, перца, чеснока, укропа). Широко употреблялись в пищу всевозможные фрукты и ягоды в сыром и переработанном виде. Вообще в пище абхазцев преобладали овощи, фрукты, ягоды, орехи и вино, а кушанья, обильно уснащенные

[1] ЦГИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, л. 9 об.

[2] Воспоминания Г. В. Филипсона. «Русский архив», кн. 6. 1883. – С. 307.

[3] Бакрадзе Д.З. Указ. рук.

[4] Отчет общества... за 1864 г. Тифлис, 1865. – С. 19.

[5] То же за 1867 г. Тифлис, 1868. – С. 63.

[6] ССКГ, в. VI, 1872, отд. III. – С. 11.

перцем, отличались необыкновенной остротой. Молочная пища занимала важное место в питании абхазцев. Из молока делались различные продукты: кислое молоко и сыр нескольких видов, среди которых особенно ценился копченый коровий сыр. Иногда к этим блюдам присоединялось жареное или вареное мясо, курятина, временами и рыба; сдобный пшеничный или кукурузный хлеб, разные печенья и пр., с использованием сыра, меда, масла и других продуктов. Особое место занимала дичь. В торжественных случаях – на свадьбах, поминках и т. д. готовилось большое количество мяса, главным образом, говядины. Излюбленным напитком являлось вино, приготовлялись напитки также из меда и лавровишни.

Абхазские этнографы И. Е. Адзынба и И. А. Аджинджал в своей еще не опубликованной работе «Материальный быт абхазской деревни до революции»[1] подробно описывают: около 20 (не считая ритуальных) хлебных и 8 молочных продуктов, до 10 мучных блюд, большое количество постных блюд, подлив и приправ к пище. Интересные сведения можно найти также в статьях Е. М. Шиллинга «В Гудаутской Абхазии»[2] и Л. Х. Акаба «Абхазы Очамчирского района»[3].

Далее сошлемся на сведения некоторых современных авторов. Ф. Ф. Торнау писал, что в Абхазии вместо хлеба употребляется кукуруза или крутая каша из проса (гоми); абхазская обыкновенная пища состоит из вареного мяса, яиц и молока; приготовляемых самым простым способом. Описывая поминки по Н. Н. Шакрыл в с. Лыхны, Торнау отмечал: «Котлы с просом кипели во всех местах; вино, разносимое в глиняных узкогорлых кувшинах, лилось ручьем»[4].

Вот как Д. З. Бакрадзе описывал угощение, которое ему сделали в Абхазии в 1860 году. Здесь «гостеприимные хозяева потчуют вас легким гоми, с сыром иногда, который в два яруса кладут деревянной лопаткой на длинную на четырех ножках скамейку, поставленную перед тахтой, на которой вы расположились; потчуют также огромными кусками говядины и баранины, большей же частью козлятины с разными острыми приправами, – и все это запиваете довольно сносным вином из воловьих или турьих рогов разных

[1] Эта работа хранится в рукопис. отд. библиотеки Абхазского института, д. 49.
[2] «Этнография», № 1, 1926.
[3] Сб. «Материалы к этнографии Кавказа», I. М., 1955.
[4] Торнау Ф.Ф. Указ. соч., ч. I. – С. 57, 77.

размеров; в заключение потчуют вас общеупотребительным здесь кислым молоком, куда, если вам угодно и сколько вам угодно, можно положить и меду»[1].

Интересно также описание Г. И. Радде пира, устроенного в его честь 3 августа 1865 года дальским князем Алмахситом Маршания, жившим в с. Лата. Князь приказал зарезать большого быка. Пир продолжался далеко за полночь. «Общеупотребительные в Абхазии национальные блюда были нам предложены и здесь в изобилии. Под именем очомуква (Otschomuqua)[2] подан нам был просяной липкий отвар, до того густо перемешанный со свежим сыром, что тянется длинными нитями. Порубленная баранина, сильно пересыпанная испанским перцем и подаваемая в виде пикантного и действительно вкусного соуса, носит в абхазском кулинарном искусстве название: аджого (аджика. – Г. Д.); словом «киафта» обозначаются маленькие шарики из мяса с большим количеством луку, плавающие в жире. В заключение пира подаются: прекрасное кислое молоко (варенец) и медовые соты, причем едят рис отваренный без соли»[3]. Тот же автор подчеркивал, что крестьяне довольствовались кислым молоком, кукурузой и кукурузным хлебом[4].

Наконец, приведем сведения А. Н. Введенского, который старался перечислить основные абхазские блюда. Они сводились к следующим: мамалыга, жареное и вареное мясо (баранина и говядина) и курица, колбаса (аҭубар) в виде заплетенной косы, приготовленная из бараньих кишек, соленый сыр, сыр поджаренный, фарш маленькими шариками, завернутый в виноградные листья, соус (асазбал), кислое молоко с сотовым медом[5].

Описанная выше пища была доступна лишь немногим крестьянам, значительная же их часть по своей бедности питалась плохо и однообразно. Обыденной пищей этих крестьян была мамалыга с вложенным в нее кусочком сыра, небольшое количество жидкой фасоли или подливы и зелень, а также, более или менее часто, кислое молоко, иногда и вино. В дореволюционной литературе об

[1] Бакрадзе Дм. Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии. «Кавказ», I860, № 48.
[2] Правильно: «ачамыкуа» (ачамыкәа).
[3] Радде Г.И. Указ. соч. – С. 25–26.
[4] Там же. – С. 38.
[5] (Введенский А.Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 9–10.

абхазцах не раз отмечалась их «неприхотливость» в еде. «Абхазцы вообще чрезвычайно воздержаны в пище, – писал, например, А. Н. Введенский. – Необходимые принадлежности их стола – каша из муки гоми или кукурузы, заменяющая хлеб, и кислое молоко. К каше подается особенный соус, называемый соцебела...»[1]. Но если крестьянам приходилось быть «неприхотливыми» в еде, то феодалы и крестьянская верхушка могли предаваться излишествам. Сам Введенский далее перечислял то, что приготовлялось «у более зажиточных людей» (курица, баранина и пр.). Он также писал о том, что «к приезду почетного гостя всегда готовится особенный обед». Этот «особенный обед» в честь «почетного гостя» – чаще всего феодала, вконец разорял бедную крестьянскую семью, о чем подробно будет сказано дальше.

Асасство

Вопрос об асасстве также был существенно связан с отдельными сторонами жизни абхазского крестьянства в целом.

Слово «асас» означает гость. Официальные источники 60-х годов прошлого столетия связанные с этим термином явления в социальной жизни абхазского народа характеризовали как обычное право временного или постоянного переселения из одной общины в другую[2]. Касаясь закона гостеприимства (асасра) в том его широком смысле, в каком он соблюдался в предреформенной Абхазии, А. П. Черепов отмечал: «Обычай исконний оказывать гостеприимство всякому пришельцу, не спрашивая, кто он, откуда и зачем пришел, так уважается, что никому не отказывалось в приюте, был ли пришелец преступник и искал защиты от преследований, или добровольный изгнанник, не ужившийся с нуждою и горем на родине. Всякий общинник вменял себе в непременный долг не только принять гостя, но ежели гость желал остаться на жительство, оказывать ему защиту и покровительство, пока асас вел себя не оскорбительно в отношении к патрону и его семье. На право принятия асаса не испрашивалось никакого ни от кого позволения»[3]. Д. З. Бакрадзе по этому поводу писал следующее: в Абхазии «гостеприимство носит доселе характер гостеприимства времен Гомера. Проезжая по Самурзакани и Абхазии, вы ничего не можете достать за деньги: предложить деньги значит обидеть. Вы можете остановиться у каждого лишь в качестве гостя, и вам подадут все, что есть; хозяин, к какому бы известному роду ни принадлежал, сама хозяйка, даже невеста станут прислуживать вам, как ваши собственные люди. Они и не сядут в вашем присутствии. Даже сильнейшее, испокон веку продолжающееся кровопролитие бессильно пред обычаем гостеприимства: вы можете быть гостем, ничего не опасаясь, у заклятого вашего врага, который в другом случае готов вас подстрелить, как разбойник из-за куста или броситься на вас с кинжалом, где бы вас ни встретил»[1].

«Гостеприимство у абхазцев, – писал в 1871 году А. И. Введенский, – развито так же, как у всех восточных народов. Хозяин обесчестит себя, если откажет в ночлеге и ужине каким бы то ни было случаем заехавшему к нему незнакомому гостю. Кто бы ни был приезжий, его встречают с радушием, ему отдается лучшая постель и его угощают всем, что только есть у хозяина. О прислуге и лошади приезжему тоже нечего заботиться, – они будут сыты и приютены. Предложить что-нибудь за ночлег и ужин хозяину – это кровно обидеть его... Обычай гостеприимства так велик, что селения, в которых помещаются власти, в полном смысле обеднели от кормления толпы, ежедневно осаждающей своими просьбами и жалобами начальство»[2]. Спустя два десятка лет Н. М. Альбов писал: «Гостеприимство здесь (в Абхазии. – Г. Д.) не только простой обычай, но скорее закон, вообще нечто священное, что нарушить считается важным грехом, не говоря уже о том, что нарушение это навлекает на того, кто дозволит себе сделать это, всеобщее порицание»[3]. Проф. П. И. Ковалевский, выражаясь образно, замечал: «Гостеприимство у абхазцев очень радушное и гости являются настоящими господами сакли»[4].

---

[1] Там же. – С. 9.

[2] См., например, Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии. – С.2

[3] Черепов А. П. Указ. рук.

[1] Бакрадзе Д. З. Указ. рук.

[2] ССКГ, в. VI, 1872, отд. III. – С. 10.

[3] Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии. «Живая старина», в. III. Спб, 1893. – С. 314.

[4] Ковалевский П. И. Кавказ, т. I. Спб, 1914. – С. 32.

«Гость у абхазцев, – писал К. Д. Мачавариани, – считался священным и желательным во всякое время» (Описательный путеводитель... – С. 317).

К обычаю гостеприимства в Абхазии часто прибегали в случаях, когда тому или иному лицу, как уже частично отмечалось, угрожала какая-нибудь опасность, гнала его нужда. Такое лицо в качестве асаса приходило к новому патрону и вверяло ему свою судьбу. Ответственность хозяина за гостя доходила до степени мщения, если тот подвергался какому-либо действию, ущемлявшему его в физическом или нравственном отношении. Это было аналогично обычаю, бытовавшему, например, у соседних адыгейских племен натухажцев и шапсугов, о котором Л. Я. Люлье сообщал следующее: «Каждый без различия имеет право давать кров или приют (droit dasile) своим единоземцам и оказывать покровительство иноплеменному гостю. В этом случае хозяин, как кунак, ручался перед гостем за его безопасность, а перед своими за его поступок»[1]. Тот же современный автор указывал и на размеры штрафов, поступавших в пользу хозяина за оскорбление и убийство гостя: в первом случае – 1 сха[2], во втором – 10 сха, независимо ог цены крови, следовавшей родственникам убитого[3].

Интересен следующий факт, относящийся, по-видимому, к 80-м годам XIX века. Однажды, во время полевой работы, в с. Звандрипш крестьянин Муса Айба нанес удар крестьянину Зафасу Вардания (Ҩардан). Айба, избегая мести со стороны фамилии Вардания, бежал к дворянину Мсоусту Званба. У Зафаса был брат по имени Сумана – храбрый и сильный человек. Он ворвался в дом Званба и избил Мусу Айба. Мсоуст Званба был оскорблен: «Кто избил моего гостя, тот избил меня самого», – заявил он. Сумана, опасаясь неприятных последствий своего поступка, вынужден был установить «родственные» отношения с дворянином Званба, что налагало на него определенные обязанности по отношению к названному дворянину[4].

Более того, за оскорбление асаса мстило не только лицо, под чьим «покровительством» находился тот, но, по словам А. П. Черепова, «весь род покровителя и даже вся община»[5].

[1] Люлье Л.Я. Черкессия. – С. 23.

[2] Сха – мера уголовной пени; слово же «сха» значит голова.

[3] Люлье Л.Я. Указ.соч. – С. 44.

[4] Арх. Абхазского института, ф. 1, д. 92, л.5.

[5] Черепов А. П. Указ. рук.

Являясь созданием эпохи натурального хозяйства и родового строя, гостеприимство составляло характерную черту вообще многих народов, стоящих на известной стадии хозяйственного и социального развития[1]. Но содержание асасства в Абхазии не исчерпывалось обыкновенным видом обычая гостеприимства. Он охватывал, можно сказать, целый ряд институтов, отличающихся по своей социально-экономической природе.

В данном случае нас интересует социально-классовый характер проявления асасства. Этот вид асасства в социально-экономических отношениях Абхазии изучаемой эпохи, как и в любой другой стране, где он существовал, представлял собой новое явление. Отмеченная эволюция асасства заключалась в превращении его, с одной стороны, в определенное орудие феодальной эксплуатации крестьян, с другой стороны, – в своеобразную форму классовой борьбы этих последних. Эксплуататорская сущность такого асасства, прикрытая патриархальщиной, выражалась, как уже частично отмечалось, прежде всего в том, что феодал во всякое время мог заезжать к своему крестьянину, который обязан был угощать помещика должным образом, в результате чего подчас «в один день истреблялся труд целого года, тунеядцы питались на счет трудолюбивых»[2]. Капитан Энсгольм писал, что абхазские феодалы не имеют «настоящего понятия о порядке и управлении», что их жизнь «проводится в беспрестанных проездах из одного конца своего владения в другой, оставляя по себе единственно только следы разорения»[3].

Ф. Ф. Торнау также отмечал: «Гостеприимство есть самый разорительный для абхазцев обычай...»[4]. В этом отношении заслуживает внимания и сообщение А. П. Черепова, который писал, что ахылапшю, патронат которого признавали многие общины, «имел по обычаю право переезжать с семьей в зимнее время из одной деревни в другую недели на две, на три и кормиться в них...»[5].

Вот почему обычно очень гостеприимный абхазский крестьянин крайне неприязненно смотрит на «посещение» его вла-

[1] Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии абхазов. – С.20.

[2] Рапорт начальника А. И. Будберга М. С. Воронцову от 7 сентября 1846 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1846 г., д. 6597, лл. 84-95.

[3] Энсгольм. Указ. рук.

[4] Торнау. Обычаи абхазского народа..., лл. 37–38.

[5] Черепов А. П. Указ. рук.

дельцем и «тайно помышляет о скорейшем отъезде почетного посетителя»[1].

Данный вид эксплуатации крестьян не был, конечно, чем-то специфическим для Абхазии. Известно, например, что грузинские крепостные крестьяне повсеместно были обязаны содержать своих помещиков с их семействами и свитой, когда бы им ни вздумалось пожаловать к ним в гости. В частности, в Нижней Мегрелии для крепостных мебегре существовала повинность под названием «очамури» или «очкомури», т. е. «кормление», сущность которой заключалась в том, что помещик один или два раза в год приезжал к мебегре, который должен был угощать его[2].

В связи с этим хочется сослаться на следующее заявление одного из руководителей крестьянского движения 1856–1857 годов в Мегрелии Уту Микава, которого его классовые враги называли «Дантоном мингрельской революции». В Мартвильском монастыре, отвечая на вопросы княгини Екатерины Дадиани, в присутствии зугдидского окружного начальника Эристова, Уту Микава сказал: «Вот тут под горой (а Мартвильский монастырь на высокой горе) живет крестьянин, вам принадлежащий. У этого бедняка была час тому назад корова, единственное его достояние; она молоком своим кормила его маленьких детей, и коровы этой у него уже теперь нет: ее зарезала ваша свита, приехавшая с вами в монастырь, и теперь готовит себе из нее шашлыки. Никто и ничем не вознаградит этого бедняка за его корову... Вы сами того не подозреваете, что куда вы ни поедете, всюду несете с собою несчастье. К чему мне было приходить к вам и говорить о горе таких же бедняков, как и этот крестьянин, ведь вы ничем ему не поможете...»[3].

Другие моменты асасства были связаны с «гостеванием» самих крестьян, имевшим иное значение по своему характеру и содержанию. Речь идет о том «гостевании», которое у авторов 60-х годов XIX века покрывалось понятием асасства вообще: обычное право переселения из одного места в другое. Этот вид асасства был массовым

[1] Чернышев К. Еще об Абхазии. «Кавказ», 1854, № 82.

[2] Записка Р. Эрнстова от 16 марта 1866 г. «Материалы по истории Грузни (1862–1917)», т. I, ч. I. – С. 396.

[3] Бороздин К.А. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. Спб. 1885. – С. 187.

и именно со стороны крестьянства. Причем в ряде случаев он носил характер коммендации: крестьяне коммендировали себя под защиту сильного и могущественного патрона. Это было чаще всего по отношению к состоятельным феодалам. Но крестьяне становились гостями и у крестьян, как правило, у состоятельных анхаю, иногда у целой фамилии крестьян этой категории или же общины[1].

Многие современные авторы отмечали многочисленность крестьянских асасов. Так, при составлении камерального описания Сухумской сословно-поземельной комиссией в 1867 году в каждом селении обнаруживалось от 5 до 10, а в некоторых даже до 15 дымов крестьян – асасов[2]. Абхазские помещики в своей докладной записке от 23 апреля 1870 года также свидетельствовали, что во всех помещичьих деревнях было множество таких крестьян[3].

Поскольку среди причин этого переселения населения (малоземелье, бедность, болезнь, кровная месть, несправедливость «народных» судов, убийство владельцев и пр.) главной являлось сопротивление крестьян растущей феодальной эксплуатации, благодаря чему данное явление носило своеобразную форму классовой борьбы крестьянства, то конкретные факты этого рода будут рассмотрены в главе о классовой борьбе. Между прочим, указанная форма борьбы крестьянства имела широкое распространение вообще в феодальной Грузии, что было известно под названием «хизаноба – боганооба»[4].

При весьма несложном домашнем обзаведении и нехитром хозяйственном укладе, при наличии значительных свободных земельных пространств такие переселения абхазских крестьян не представляли особых затруднений. Причем такое передвижение крестьянского населения имело место не только внутри Абхазии. Наблюдалось переселение крестьян в Абхазию также извне, в основном вследствие тех же причин, о которых говорилось выше. Такой приток наблюдался особенно из горских абхазских и адыгских племен, Мегрелии и Гурии. Об асасах из Мегрелии и Гурии А.

[1] Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии. – С. 14.

[2] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 179.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 45.

[4] Кантария Н.Г. Хозяйство грузинского помещика в XVIII веке. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1955. – С. 6.

Н. Введенский писал, что они «принадлежали к бывшим зависимым сословиям, искавшим себе место для поселения и нашедшим его, благодаря обычаю гостеприимства, в Самурзакани»[1].

Правом асасства в ряде случаев пользовались также русские солдаты, бежавшие, главным образом, в горные районы Абхазии от тяжелой армейской службы. В одной только Цебельде в 1837 году было обнаружено 129 русских солдат, из которых некоторые обзавелись семействами и жили здесь по 25–30 лет[2].

Строгость соблюдения права асасства объяснялась не только строгостью самого обычая, но и заинтересованностью в этом новых патронов. Отдельные владельцы охотно привлекали крестьян асасов и заселяли ими свои земли, так как для них такие крестьяне, говоря словами С. Л. Авалиани, «составляли силу и гарантировали защиту и некоторую безопасность»[3]. В наделении землей данных крестьян феодалы были заинтересованы по той же причине, по какой они сажали на землю ахашвала – рабов.

Сами абхазские феодалы в докладной записке от 23 марта 1870 года об этом писали совершенно недвусмысленно. «...Помещикам, – читаем в этом документе, – очень было выгодно привлекать на свою сторону как можно больше приверженцев. Этим объясняется, с одной стороны, многочисленность хизанов (асасов. – Г. Д.) во всех помещичьих имениях, а, с другой, – снисходительность помещиков в представлении им в пользование значительного количества земли, часто без всякого вознаграждения»[4].

Одним из признаков, которые определяли силу и значение того или иного владельца, являлось обстоятельство, оказывал ли последний «покровительство» асасам. Во время крестьянской реформы фамилии Багба (с. Аацы), Барас (с. Калдахвара и с. Лдзаа), Блаб (с. Блабурхва), Папба (с. Папцва), Садзба (с. Лдзаа), Микялба (с. Гагрипш), Цышвба (с. Отхара), Чрыгба (с. Яштхуа) и другие были признаны дворянскими, ко всему прочему, за то, что они «принимали приходивших к ним асасов». Фамилии же Баалоу (с. Яштхуа), Цугба (с. Аацы), Капш (с. Бармыш), Пилия (с. Лыхны), Шакрыл (с. Лыхны) и

[1] (Введенский А. Н.). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина... – С. 14.
[2] Отношение Розена Чернышеву от 8 мая 1837 г. АКАК, т. VIII, ч. I. – С. 459.
[3] Авалиани С. Л. Указ. соч., т. II. – С. 74.
[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 45.

другие не были признаны принадлежащими к дворянскому сословию, поскольку они, наряду с отсутствием других необходимых условий, «асасов не принимали»[1].

Положение крестьянских асасов, как правило, по крайней мере на первых порах, выгодно отличалось от прежде занимаемого ими положения, чем в значительной степени был и обусловлен столь массовый характер передвижения крестьян. Вместе с тем институт асасства, как уже отмечалось, создавал известный тормоз для стремления феодалов окончательно закрепостить анхаю. В этом смысле и надо понимать слова С. Л. Авалиани о том, что «страх асасства, право переселения, способствовал некоторому равновесию отношений между пиоши (анхае) и владельцами их»[2].

Но, с другой стороны, для владельцев, как отмечалось, изучаемое явление было важным средством приобретения зависимых крестьян. Тем более, что с течением времени привилегии, связанные с асасством, исчезали и между асасами и их «покро-вителями» устанавливались обычные отношения, существовавшие между отдельными категориями крестьян и их владельцами. При этом в некоторых случаях процесс закрепощения кре- стьян-асасов шел быстрее в силу ряда причин, одной из которых являлась оторванность того или иного крестьянина от своего рода и, таким образом, лишение его родовой помощи в сопротивлении феодалу.

Д. Чхотуа писал, что крестьянин, притесняемый своим помещиком или соседом, тайно переходил к другому владельцу и таким путем становился свободным человеком. Такое асасство было формой защиты, как и аталычество. Но впоследствии «добровольные» приношения и служба такого крестьянина становились обязательными, и таким образом между ним и новым господином устанавливались крепостнические отношения[3].

Асасами становились не только крестьяне, но и представители класса феодалов. «Асасы бывают всех сословий», – писал А. П. Черепов[4]. А. В. Пахомов свидетельствовал, что в Сухумском округе все фамилии высшего сословия (за исключением гумских Анчабад-

[1] Там же, ф. 231, оп. 2, д. 271.
[2] Авалиани С.Л. Указ. соч., т. II. – С. 67.
[3] Чхотуа Д. Обычай [нравы] в Абхазии. «Дроеба», 4 августа 1872, №30.
[4] Черепов А. П. Указ. рук.

зе, гульрипшских Маршания и ешерских Дзапш-ипа) поселились в имении князя Д. Г. Шервашидзе сравнительно недавно на правах асасов[1]. В с. Акапа в качестве асасов жили князь Кизилбек Маршания (Ате-ипа)[2] и дворянин Куджба[3], в с. Ауарча – сын Тагу Маргания[4]. Депутаты абхазского дворянства в своей докладной записке также отмечали, что некоторые лица из высшего сословия жили асасами на чужой земле[5]. Вместе с тем они довольно объективно характеризовали отношения, устанавливавшиеся между асасами и помещиками – владельцами земли, на какой они поселялись. Асасы из высших сословий были обязаны служить своим помещикам так, «как прилично служить князьям и дворянам», т. е. они должны были находиться в свите помещика в поездках и походах, оказывать ему помощь и содействие «во всех схватках и войнах помещиков между собою и вообще помогать своим помещикам во всех их предприятиях». Дворянские асасы напоминали добровольно коммендировавшихся грузинских азнауров.

Крестьянские же асасы на первых порах своего поселения на новом месте платили так называемые «праздничные дары» и были обязаны выходить «по приглашению» помещика на полевые работы[6]. Со временем, как уже говорилось, эти асасы становились типичными крестьянами, той или иной категории, владельца занимаемой ими земли и тогда они несли все повинности, лежавшие на таких крестьянах. Земля, занимаемая асасами, к какому бы они сословию не принадлежали, не переставала считаться собственностью помещика[7]. Жившие в с. Яштхуа Чрыгба оказывали покровительство асасам, из которых некоторые «перешли совсем в зависимость» Чрыгба. Анхаю Эслам Кайтан и Кубзач Чедия прибыли в качестве асасов в с. Лыхны к ашнакума Н. Н. Шакрыл (ум. 1835 г.) и его сыну Рашиту начали отбывать повинности анхаю, по решению

[1] ЦГИАЛ, ф. 1087, 1868 г., оп. 1, д. 29, л. 464.

[2] Там же, лл. 392–393 об.

[3] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 271, л. 91.

[4] Там же, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, лл. 2–8.

[5] Там же, д. 1014, л. 45.

[6] В Записке о сословно-поземельных отношениях в Абхазии, кроме того, указывается, что временные асасы вносили ажидз или плату в пользу лиц привилегированных фамилий (ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, 1868 г., д. 74, л. 50 об).

[7] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 45.

народного суда, за долги, уплаченные за них Н. Н. Шакрыл. Причем к моменту крестьянской реформы их уже было 5 дымов[1]. Крестьяне Брандзе, в свое время бежавшие из родного села, в конце концов стали под «покровительство» Нарчоу Инал-ипа (с. Лдзаа). До 1867 года они, как асасы, почти ничего не платили, но в августе указанного года Тамшуг Инал-ипа начал требовать от крестьян Брандзе повинности, и они, «как малосильные, не могли сопротивляться», т. е. вынуждены были нести разные повинности. У дворянина Каца Маан (Маргания) в качестве асаса жил крестьянин Цейба. Когда последний умер, Кац потребовал от его сыновей взноса ажидз, применив при этом «насильственный поступок»[2].

Из изложенного нетрудно заметить, что асасы не составляли определенную, самостоятельную социальную категорию того или иного класса феодального общества. Не случайно поэтому, что в документах, в частности в «Положении» о крестьянской реформе в Абхазии, асасы не характеризуются как категория или вовсе не упоминаются. Неоднородность массы асасов выражалась не только в том, что речь шла о представителях двух антагонистических классов; хотя и в разной степени, но внутри отдельных групп указанной массы ясно отражалась та дифференциация, которая наблюдалась в жизни каждого из этих классов в отдельности.

Разумеется, положение, например, анхаю существенно отличалось от положения ахоую, хотя тот и другой, равно как и в том случае, когда речь шла о таваде или аамста, назывались асасами. В материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии мы находим такое сообщение: асасство ахоую и амацуразку «было обставлено некоторыми особыми условиями»[3].

Отождествления абхазских крестьянских асасов с грузинскими хизани, как это делали, например, депутаты дворянства Абхазии в упомянутой выше докладной записке и, по-видимому, на основании этого материала, – К. И. Багратион-Мухранский, С. Л. Авалиани и С. С. Эсадзе, или же с миндобили Мегрелии, нельзя допустить, хотя в их положении и наблюдались общие моменты. Прежде всего, хизани и миндобили составляли определенную социальную категорию

[1] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 271, лл. 110, 115.

[2] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 123 об–125.

[3] Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии. – С. 14.

и именно крестьянскую; по выражению того же Авалиани, хизани – «значительный разряд крестьянского населения»[1], причем крепостного. Абхазских же асасов, как мы видели, никак нельзя характеризовать такой категорией. Хизани уходили от своих помещиков, как правило, с их согласия, и на известных условиях садились на земле других помещиков, при этом обычно сохраняя определенные связи и с первыми.

Что же касается абхазских крестьян-асасов, то они от прежних своих господ уходили, очевидно, главным образом без их согласия и, следовательно, порывая с ними отношения. Более того, в таких случаях обычно они становились во враждебные отношения со своими бывшими хозяевами, так как сам факт такого ухода был обусловлен, преимущественно, тем или иным конфликтом, чаще всего – классового характера. Но, конечно, как видно и из сказанного, не исключались факты, когда крестьяне уходили с согласия своих владельцев, сохраняя с ними определенные юридические отношения. В материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии мы находим указание о том, что одним из условий, делавших асасство «удобоисполнимым», была «даже возможность сохранить за собой землю (например, в случае, если асас имел немалочисленную фамилию родственников в оставленном селе)»[2]. Имеется и такое сообщение, что, «по обычаю, абреки и асасы, возвращающиеся на родину, сохраняют право собственности на свои родовые и вообще приобретенные обычными путями участка»[3].

Вообще среди причин, вынуждавших крестьян переходить от одних помещиков к другим в качестве хизани и асасов (основной из которых в конечном итоге являлась экономическая причина) были и общие моменты. При этом интересно заметить, что как и асасы, коммендировавшие себя под защиту сильных и могущественных патронов грузинские крестьяне, известные под названиями «хизани» и «миидобили», иногда назывались «стумари» – гость, в каковом понятии и осмысливается абхазский термин «асас». Общих моментов между хизани и крестьянскими асасами было еще больше, когда речь шла о тех хизани, которые образовались на почве их бегства

[1] Авалиани С.Л. Указ. соч., т. IV. Тифлис, 1920. – С. 141.

[2] Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии. – С. 14.

[3] Краткий очерк политических событий в Абхазии, л. 11.

от своих помещиков, в каковом случае данный поступок также часто носил характер классовой борьбы. В этой связи следует подчеркнуть, что в известные периоды истории позднефеодальной Грузии непосредственные производители массами прибегают «к последнему средству классовой борьбы в феодальном обществе: делаются «богано» и «хизанами» (беглые)»[1]. Общие моменты в положении между хизани и крестьянскими асасами наблюдались и в их дальнейших судьбах. Хизани не могли находиться в приюте, «гостем» (стумари), продолжительное время; долговременное пребывание их на земле одного и того же владельца делало таких крестьян прикрепленными не только к месту, но и к лицу; постепенно стирались грани между юридическим положением хизани и крепостных[2].

То же самое происходило и в жизни крестьян-асасов по отношению к соответствующим категориям абхазского крестьянства, причем настолько быстро и определенно, что данный процесс являлся важной помехой в формировании этих асасов в особую крестьянскую категорию. В то же время центральная феодальная власть в лице владетеля Абхазии Михаила Шервашидзе пыталась препятствовать крестьянам пользоваться обычаем асасства, т. е. правом перехода. Это было связано с той общей политикой усиления крепостничества в Абхазии и являлось одним из тех мероприятий в этом направлении, которые были предприняты названным владетелем, при поддержке царских властей, начиная с 40-х годов XIX века. Ставилась цель таким путем лишить крестьян возможности «отхода от своих помещиков под покровительство других»[3].

Отношение же царского правительства к крестьянам-асасам видно хотя бы из тех мероприятий, которые были приняты по отношению к ним при проведении крестьянской реформы в Абхазии, когда асасы не были признаны отдельной социальной категорией. В проекте поземельного устройства населения Абхазии, разработанного Сухумской сословно-поземельной комиссией (1869 г.), содержалось «отделение» (II) под названием: «Об ограничении част-

[1] Бердзенишвили Н. Очерк из истории развития феодальных отношений в Грузии (XIII–XVI вв.). Тбилиси, 1938. – С. 9.

[2] Авалиани С. Л. Указ. соч., т. IV. – С. 146.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, 1846 г., д. 6597, лл. 81-95.

ного землевладения по отношению к асасам»[1]. Асасы всех сословий, говорилось в этом документе, выселившиеся из своих селений после 1 января 1865 года, сохраняют за собой право возвратиться на старые места в течение одного года по объявлении «Положения» о крестьянской реформе. Право частной собственности на земли представлялось асасам лишь по месту постоянного их жительства или в старом месте, если они избрали таковое для своей постоянной оседлости. Все земли, которые не могли подлежать утверждению, за асасами, должны были поступить в казенное ведомство.

Асасы, переселившиеся из своих селений менее 10 лет назад до объявления указанного «Положения» и ранее 1 января 1865 года, также сохраняли право возвращения на старые места жительства в течение одного года со дня объявления «Положения». Если эти асасы оставались в новых местах поселения, то в старых местах жительства им представлялось удерживать за собой в собственность сады, но только не пахотные и усадебные места, которые должны были быть изъяты из их владения. Изложенное выше можно было применить к землям, остававшимся в новом месте, т. е. сады считались собственностью асасов, а усадебные и пахотные места изымались из их владений. И только асасы, переселившиеся 10 и более лег назад до дня объявления «Положения», в отношении сохранения правсобственности на сады, усадебные и пахотные места, подчинялись общим правилам.

Как было определено в инструкции по земельному устройству Абхазии (29 мая 1872 г.), посредствующее бесплатное пользование пахотными землями[2] признавалось как факт пользования лишь в отношении земель, находившихся в том же селении, где жило лицо, претендовавшее на это. Данное правило применялось и к землям, представлявшимся в посредствующее бесплатное пользование асасам. Причем асасами признавались лица, оставившие свои прежние места жительства и перешедшие на жительство в другие селения в последние 10 лет, считая по 19 февраля 1871 года[3].

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 12 об-13.

[2] Посредствующее пользование – когда находившаяся за данным лицом или дымом земля уступалась ими во временное пользование другим за плату или бесплатно.

[3] «Исторический архив», V, 1950. – С. 429–430.

Об эксплуататорской сущности других обычаев, которыми всемерно пользовались абхазские феодалы, а также о недвусмысленно свидетельствующих фактах о том, что отношения между крестьянами и помещиками в феодальной Абхазии были политически закреплены системой сословных привилегий, мы уже говорили, особенно при анализе крестьянской категории анхаю.

Торговля невольниками (работорговля)

Как уже отмечалось, торговля невольниками (рабами) являлась для абхазского народа, как и для многих других народов Кавказа, огромным национальным бедствием на протяжении многих веков.

Со времени установления владычества султанской Турции, в частности в Абхазии, «принявшая чрезвычайные размеры торговля людьми не давала ему (абхазскому народу. – Г. Д.) возможности поправиться: все цветущее здоровьем и силой народонаселение шло на рынки Турции или погибало в рабстве у горцев Северного Кавказа»[1].

Сухумская сословно-поземельная комиссия отмечала, что «вследствие огромного развития» пленнопродавства «нельзя было ручаться даже в течение короткого времени за безопасность своего семейства, за то, что не произойдет нападения со стороны кого-либо, главным образом жителей другого селения, без всякого иного повода к тому, кроме корыстных целей нападающих, находивших легкий сбыт захваченных людей в соседних горских обществах, преимущественно же у береговых турок, которые всегда давали хорошую цену на этот предмет своей торговли. Это обстоятельство заставило быть постоянно настороже, и днем и ночью, и всегда держать наготове оружие»[2].

После присоединения Абхазии к России русские власти, как и повсюду, повели борьбу против рассматриваемого явления, приняв ряд специальных мер. В частности, еще в 1820 году генерал А. П. Ермолов писал: «Доселе наблюдением командующего гарнизоном

[1] Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии. – С. 17.

[2] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 4.

нашим в Сухум-Кале сколько возможно полагается преграда торга пленными, для чего предложено мною назначение нескольких судов для крейсирования около берегов. ..»[1].

Положительное значение этой борьбы против работорговли трудно, конечно, переоценить. Работорговля на берегах Абхазии и в соседних с ней районах была сокращена, хотя и не была окончательно искоренена и продолжалась до 1860-х годов, т. е. до тех пор, пока политическое укрепление России на Кавказе в целом и процесс разложения феодализма не подорвали ее основы.

Народное предание сообщает, что самурзаканский князь Манучар Шервашидзе, убитый крестьянином Маджи Кварацхелия в 1813 году, со своим вооруженным отрядом рыскал по разным селам и похищал крестьянских детей, которых затем продавал турецким купцам[2].

Капитан Энсгольм свидетельствовал, что «гнусный торг сей людьми и доныне имеет свое действие в Абхазии, – удобностям оного способствует столь везде рассыпанные проповедники корана, как и приходящие с разных мест Турции купеческие суда, кои под видом торговли сами останавливаются в море, отправляют свои лодки в устья рек; схваченный своим соотечественником абхазинец (абхазец–Г. Д.) принимается оными и с прибытием к судну навеки прощается со своим отечеством»[3]. Вероломный «соотечественник», о котором писал Энсгольм, был феодал.

Р. де Скасси также свидетельствовал, что турки из Абхазии вывозили невольников или «их (абхазцев. – Г. Д.) собственных детей»[4].

Ф. Ф. Торнау приводил следующий случай, свидетелем которого он был. В абхазском (садзском) с. Чуа, на морском побережье, около завала, 5 турецких купцов ожидали продавцов живого товара. Скоро последние привезли одну женщину. Покупатели жадно набросились на пленницу, осматривая ее тщательным образом. После этого купцы по жребию определили, кому из них торговать женщину. Наконец, она была продана за 2 лошади и 2 вьюка бумажных материй. Когда женщине объявили, что она принадлежит новому

[1] ЦГАДА, ф. Ермоловых, д. 256, лл. 9–12.
[2] ССКГ, в. III, 1870. – С. 25.
[3] Кап. Энсгольм. Указ. рук.
[4] АКАК, т. VI, ч. I. – С. 646–658

хозяину, то «она пришла почти в бешенство, рыдала, рвала на себе волосы, осыпала всех упреками...»[1].

Полковник Пацовский в 1838 году сообщал, что Асланбей Шервашидзе от бзыбских князей и дворян взял заложников (аманатов) и «часть продал в Турции, а остальных уморил»[2].

Работорговле благоприятствовали те феодальные распри и междоусобицы, которые после присоединения Абхазии к России хотя и стали невозможны в прежних формах, но до введения прямого русского управления все еще раздирали край. Так, акапский князь Кизилбей Маршания в 1852 году напал на крепостных крестьян Д. Г. Шервашидзе около г. Сухуми: «сжег их дома..., мужчин частью перебил, частью взял в плен с тем, чтобы продать черкесам...»[3]. Дворянин Хасан Маргания (Маан) летом 1863 года совершил вооруженное нападение на имение Григория Шервашидзе, в результате чего также сжег 8 деревень и разорил все имение, убил несколько крестьян, а многих взял в плен, из коих 25 человек продал туркам[4].

Торговля пленными и рабами, как видно, была под покровительством и осуществлялась самим владетелем Абхазии М. Шервашидзе. Дюбуа, посетивший Абхазию в 1833 году, писал, что «этот ужасный торг прекратился бы совершенно, если бы Михаил-бей и Гасан-бей не были сами его первыми зачинщиками»[5]. В августе 1845 года русский консул в Трапезунде Герси довел до сведения дипломатической канцелярии наместника Кавказа о доставке в Трапезунд из Абхазии морем большого количества невольников, отправленных из порта Очемчиры[6].

В другом документе, датированном 6 апреля 1846 года[7], мы читаем: «Торговля мальчиками и девочками производится в Абхазии преимущественно двумя купцами турецкими, из которых всякий имеет по одному кутеру из Трапезонта. Первый из этих купцов до-

[1] (Торнау Ф. Ф.). Воспоминания кавказского офицера, ч. 1. – С. 49.
[2] ЦГИАГ, ф. ОВД, 1813 г., д. 34, л. 10
[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, лл. 186–211.
[4] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1863 г., д. 607, л. 39 об; ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, 1865 г., св. 879, д. 12, л. 135.
[5] Дюбуа. Указ. соч. – С. 122.
[6] ГАКК, ф. 260, д. 561, л. 39.
[7] ЦГИАГ, ф. ОВД, 1846 г., д. 36, лл. 2 -3.

веренный Михаила (Шервашидзе. – Г. Д.) и главный производитель его торговли Кара Гассан имеет часть своего семейства в Очемчирах, а часть в Константинополе с старшим сыном своим Гуссейном, к которому отправляет нагруженных в Очемчирах мальчиков и девушек». Оба эти торговца в течение года продали до 400 мальчиков, девушек и взрослых людей.

М. Шервашидзе штрафы брал «девушками и мальчиками или взрослыми людьми, которые или переходили в руки Кара Гассана или шли на подарки черкесским князьям и даже кобулетским бекам». Из одной Абжуйской Абхазии М. Шервашидзе выбрал штрафами около 160 чел.[1]

Комиссия генерала Понсэ отмечала, что М. Шервашидзе абадж взимал «за вывоз абхазских произведений и невольников»[2].

Самурзаканский дворянин Учана Маргания и бзыбский дворянин Шишака Маргания, вместе с другими феодалами, систематически отправлялись в Мегрелию «для похищения мингрельских мальчиков и вообще на грабеж»[3].

В 1846 году самурзаканский пристав штабс-капитан Кириллов представил донесение Воронцову о продаже туркам в Абхазии «весьма многих детей, отвезенных этими турками из абхазских портов в Константинополь»[4].

Начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Серебряков 7 июня 1852 года писал, что «целые экипажи контрабандных судов, преследуемых крейсерами, уходят в Абхазию и исчезают там без всякого следа»[5].

В 1855 году в с. Окум был украден сын крепостного Гогия Чкония, принадлежавшего братьям Абреги и Пепу Зухбая. Этот мальчик затем князем Мажара Шервашидзе был продан в Турцию[6].

Турецкие покупщики невольников вели себя очень нагло. На заявление князя Эдирбея Цанба о том, что правительство запрещает отправлять крестьян-невольников в Турцию, работорговцы, обосновавшиеся в Келасури, «имели дерзость утверждать, что, несмотря на запрещение г-на главнокомандующего, они будут продолжать торговлю невольниками»[1].

[1] ЦГИАГ, ф. ОВД, 1846 г д. 36, лл. 2–3.
[2] Там же, ф. 545, оп. 3, 1864 г., д. 76, лл. 180-198.
[3] Там же, ф. ОВД, 1846 г., д. 36, лл. 2–3.
[4] Там же, лл. 10–11.
[5] Там же, ф. 416, д. 40, лл. 4–6.
[6] Арх. Абхазского института, ф. 1, д. 180/108, л.4.

Карганов, обследовавший Цебельду летом 1866 года, писал, что здесь феодалы-работорговцы приобретали рабов преимущественно от убыхов и садзов и в свою очередь красивых рабынь отправляли для продажи в Турцию[2].

Помещики, кроме того, продавали и дарили, как вещи, своих рабов, а также крепостных внутри княжества и в соседние области. Джеймс Станислав Белл писал, что в апреле 1837 года один из абхазских феодалов привел черкесскому князю Гассан-бею в подарок 15 рабов[3]. В цитированном выше документе, датированном 6 апреля 1846 года, сообщалось, что во время масленицы к владетелю Абхазии приезжали черкесские князья с большой свитой и подарили ему 30 лошадей с седлами. В ответ владетель отдал гостям такое же количество мальчиков и девочек[4]. Известно также, что М. Шервашидзе за шашку заплатил одному черкесскому князю несколько душ ахашвала, а за седло – 12 душ[5]. М. Шервашидзе в 40-х годах своему брату Александру подарил 3 «холопских семейства»[6]. Тот же владетель дал грамоту вдове ашнакума Копашавидзе «о подаренном в потомственное владение одном семействе крестьян»[7].

Согласно историческому преданию, псырцхинский дворянин Хасан Маргания (Маан) за воспитание своего сына отдарил цебельдинского князя Ешсоу Маршания так: 50-аршинную материю прорезал во многих местах, через каждое отверстие провел головы предназначенных для подарка людей и затем, выстроив их, Маргания предложил всех людей в подарок аталыку (воспитателю) своего сына[8].

Одним из факторов, способствовавших сохранению работорговли в Абхазии вплоть до 60-х годов, было существование этой

[1] Предписание нач-ка Черноморской береговой линии и.д. нач-ка 3-го отделения той же линии от 23 июня 1853 г. ЦГИАГ, ф. 1118, 1853 г. д. 28, л. 4.
[2] Карганов. Указ. рук., л. 170 об.
[3] Journal (l'une residence en Circassie pendant lcs annes 1837, l838 et. l839 par James Stanislas Bell armateur du Vixen, т. 1. Париж, 1841. – С. 36.
[4] ЦГИАГ, ф. ОВД, 1846 г., д. 36, лл 2-3.
[5] Там же, ф. 416 оп.3, 1863 г., д. 180, лл. 2-3.
[6] Там же, ф. 545, оп. 3. 1864 г., д. 76. лл. 180–198, лл. 180-198.
[7] Там же, ф. 231, оп. 2, 1863 г., д. 258, л. 30.
[8] Арх. Абхазского института, ф. 1, д. 92, л. 21.

практики и в соседних областях, с одной стороны, у адыгейских (черкесских) племен, с другой стороны, в Мегрелии, Сванетии и т. д., что вместе с тем было, как мы видели, важнейшим источником образования контингента рабов – ахашвала.

К приведенным данным, характеризующим указанное явление, небезынтересно добавить и следующие факты. Одна мегрельская женщина – моджалабе, писал К. А. Бороздим, тайком ушла из дома помещика и, крадучись, добралась до зугдидского окружного начальника. «Я – моджалабка, – говорит она, – такого-то князя, он прижил со мною двоих детей: мальчика и девочку и продал меня другому помещику, такому-то. Прежний господин распродал детей моих в разные руки; с новым господином прижила я троих сыновей, и вот он собирается распродать их и начинает со старшего. Узнав, что я хочу жаловаться, грозит продать меня самое в Абхазию; не убеги я, – он привел бы эту угрозу в исполнение»[1].

Сванский князь Тенгиз Дадешкелиани в разговоре с управляющим Мегрелией Власовым 14 апреля 1866 года заявил, что моджалабе и «находящиеся в услужении» не имеют надела, но «куплены за весьма дорогую цену (от 600 до 800 руб. сер.) преимущественно в Абхазии»[2]. Власов в своем отношении начальнику Горского управления от 18 мая того же года считал необходимым привести в точную известность «имена слуг с тем, чтобы число их не могло впоследствии увеличиться тайным ввозом из Абхазии»[3].

А. Н. Введенский писал, что постыдной торговлей людьми занимались не только владетели, их родственники и вообще «высшие сословия», но и духовенство, а также те представители «низших сословий», которые владели рабами[4].

Из одного современного документа мы узнаем, что князем Георгием Давидовичем Гуриели была дана купчая жителю с. Окум Абраги Зухбая в том, что он продал ему крепостного Гогиела Чкониела с супругой и двумя сыновьями и дочерью за 320 руб.[5]

[1] Бороздин К. А. Закавказские воспоминания...– С. 174.

[2] Цит. по книге проф. П. В. Гугушвили «Сельское хозяйство и аграрные отношения», т. II. – С. 516.

[3] Там же. – С. 517.

[4] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 4.

[5] Арх. Абхазского института, ф. 1. д. 180/108, л. 5.

Анхаю с. Атара братья Сасрыква, Мерыква, Аздамыр, Мзауч и Дахюква Квициния имели 5 ахашвала. Кроме того, каждый из них владел еще другими рабами. Например, Сасрыква держал Уахту (сван) и Махмуда (садз). За молодого Махмуда Сасрыква заплатил 50 коров и одно ружье; купил его у абжаквинских анхаю Куджмаа, которые предложили ему 5–6 ахашвала, забранных ими в плен. Уплаченное за Махмуда имущество Сасрыквы было лично нм нажито, сверх того, что он имел совместно со своими братьями. Ахашвала Махмуд несколько раз пытался бежать от своего владельца[1].

В с. Члоу глубокий старик Мачкук Адлейба рассказывал, что его отец и дяди держали несколько ахашвала: Куача, Куджину, Уасмана, Мгуача. Все они были садзы. Куач был куплен за 1 козу и 1 овцу, Уасман – за 1 холощенного козла и 1 холощенного барана, Мгуач – за 1 годовалую овцу и 1 корзину кукурузы. Далее Мачкук говорил: время было тревожное; когда крестьяне уходили на полевые работы, то они брали с собой: оружие и детей своих; посредине поля вбивали кол и на него вешали оружие, а детей сажали возле него; таких детей (5–6 лет) называли «акугацва» (аҟәыҕацәа)[2].

* * *

Бесконечные феодальные междоусобицы и распри, о которых частично уже говорилось, пагубным образом отражались прежде всего на крестьянах. Враждующие стороны уничтожали хозяйства крестьян целых сел, а часто истребляли и их самих.

Начальник Черноморской береговой линии генерал А. И. Будберг в рапорте на имя наместника Кавказа князя Воронцова от 7 сентября 1846 года писал: «Мщение князей и дворян не ограничивалось личным вредом своим врагам, но распространялось на их подвластных. Целые аулы были уничтожаемы, жатвы истреблялись, народ оставался без крова и пищи и не был огражден против таких бедствий никакими условиями общественной жизни, потому что все это считалось законным мщением»[3]. Сухумская

[1] Записано Б. П. Джанашиа в 1952 г. со слов атарского колхозника Читы Квициния (65 лет), внука Сасрыквы Квициния. Арх. Абхазского института. ф. 2, д. 33, лл. 42–44.

[2] Отчет научной экспедиции Абхазского института 1955 г. лл. 8–3.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6597, лл. 84–85.

сословно-поземельная комиссия также указывала, что «всякое неудовольствие, ссора между привилегированными фамилиями прежде всего отражались на их подвластных: на них вымещалось это неудовольствие. При кровомщениях мстившая сторона вторгалась в другое селение как в неприятельскую страну, предавала все огню, совершала убийства, захватывала пленных, угоняла скот, забирала все, что только можно было взять, и уходила обратно с добычею»[1].

Когда Нарчуо Инал-ипа, вследствие гнева владетеля за поддержку его противника Гасанбея Шервашидзе, в конце 20-х годов бежал из с. Калдахвара на правую сторону р. Бзыбь, в Аспа, то владетель Абхазии М. Шервашидзе напал на названное село и оно было сожжено до основания[2]. На народном собрании, состоявшемся в с. Лыхны в 1846 году, был поставлен вопрос о борьбе против воровства, кровомщения и других видов преступлений. По сообщению Карлгофа, это предложение крестьянами было принято единодушно и с восторгом. Но впоследствии князья и дворяне, «усмотрев, что новые постановления клонятся преимущественно к обузданию их сословия, тайно старались вредить их успеху»[3]. В 1854 году в с. Окум молодой кн. Эмухвари похитил княжну Анчабадзе, что имело весьма печальный исход: взаимное кровомщение разыгралось в таких размерах, что с той и другой стороны было убито более 10 князей и несколько десятков подвластных им крестьян, а также дворян[4].

Жители сел, подвергавшихся варварским нападениям, часто «оставляли дома и бежали искать убежища в других селениях, забирая с собою, что можно. Для многих такое переселение было полным, т. е. они водворялись окончательно в новых местах»[5]. В 1863 году в с. Бармыш был убит князь Чачагва Инал-ипа его однофамильцем калдахварским князем Соулахом. Бармышские крестьяне, опасаясь нападения со стороны родственников Чачагвы, бежали в

[1] ССКГ, в. III, 1870. – С. 16.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д 1017, лл. 66–66 об.

[3] Карлгоф. Военно-статистическое обозрение восточного берега Черного моря, 1853 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18514, л. 12.

[4] (И. Бартоломей и Д. Мачавариани). Нечто о Самурзакани. ЗКОИРГО, кн. VI, 1864. – С. 76.

[5] ССКГ, в. III, 1870. – С. 16.

с. Псырцха. Действительно, скоро калдахварцы вторглись в с. Бармыш и, не найдя никого, сожгли дома и забрали с собой имущество населения[1].

Дальский князь Магмед-Гирей Маршания напал на имения абжуйских феодалов Мажары и Гыда Шервашидзе, вследствие чего жители вынуждены были бросить свои жилища и посевы и скрываться в лесах[2].

О некоторых других нападениях феодалов, которые совершались с целью добычи пленных (рабов), уже говорилось выше. В частности, отмечалось, как в 1863 году дворянин Хасан Маан (Маргания) во время одного такого нападения сжег 8 деревень и два с половиной десятка крестьян угнал в рабство. Этот феодал, в течение долгого времени являвшийся правой рукой владетеля Абхазии, «теснил личных врагов своих, заводил интриги..., находился беспрерывно в кровавой вражде с разными фамилиями, в которой многие пали от руки его». Однако, «живя постоянно в недоступном месте», в с. Псырцха, «окруженный всегда многочисленною свитою и покровительствуемый владетелем, он ловко и счастливо избегал кровомщения, а сам наводил страх на своих врагов»[3].

Надо сказать, что владетель вообще, «облагая простолюдинов за малые проступки огромными штрафами в пользу своей казны», как писал наместник Кавказа М. Н. Романов в марте 1864 года, «оставляет всегда безнаказанными сильных хищников и убийц и даже покровительствует им; от этого-то хищничества грабежи и убийства сделались в Абхазии явлениями постоянными. Народ страдает...»[4].

Феодалы в широких размерах занимались воровством. «Замечательно еще и то, – писал К. Чернышев, – что воровством в Абхазии занимаются не столько низшие, сколько высшие члены общества; не имея достаточных средств к жизни и, считая труд стыдом, для прокормления своего семейства отпускаются в воровство»[5]. Ф. Завадский также подчеркивал, что «нужно сказать, к чести абхазцев,

[1] Арх. Абхазского института, ф. 1, д. 93 – Личное дело А. И. Агрба (1862–1941 гг.), л. 33 об; ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, лл. 1–21.

[2] ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, лл. 1–21.

[3] Там же, д. 41, лл. 44–49.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, д. 177, лл. 29–34.

[5] «Кавказ», 1854, № 83.

что воровством занимались немногие, и то люди бездомные, чуждающиеся труда, как-то: обедневшие князья и дворяне»[1].

А. Н. Введенский, касаясь вопроса воспитания детей у абхазцев, писал, что «дети зависимых сословий, которым волей-неволей приходится помогать отцу и матери в их домашнем и полевом хозяйстве, выходят несравненно лучше, нежели дети лиц привилегированных фамилий, приучающиеся измальства к бездельничанью. Поэтому проступки воровства, мошенничества и разводы, вследствие безнравственной жизни одного из супругов, встречаются и до настоящего времени гораздо чаще между тавадами и амиста, нежели между анхае и ахоую»[2].

Все указанные моменты лишали крестьян, точнее – низшие слои этого класса, возможности ведения интенсивного хозяйства и, в результате, тормозили экономическое развитие страны.

* * *

Большим злом для крестьянства являлись частые неурожаи и эпидемические болезни. Р. де Скасси писал, что голод и чума, в 1811 и 1812 годах свирепствовавшие почти по всей Грузии, охватили и Абхазию, где в результате этого погибла чуть ли не половина всего населения[3]. После восстания 1824 года в Абхазии также имели место «голод и падеж скота». По словам одного автора, народ был утомлен «голодом и мором»[4].

Зима 1839–1840 годов была на Черноморском побережье Западного Кавказа очень суровой. Массовый падеж скота и полное истощение хлебных запасов в сочетании с сильными морозами и большим снегопадом обрекали население указанной территории на страшные лишения[5]. Это относилось частично и к Абхазии, особенно к Цебельде. Цебельдинский пристав подпоручик Лисовский

[1] Там же, 1867, №61.

[2] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения, Сухумского отдела. – С.12.

[3] АКАК, т. VI, ч. 1, стр. 646–658.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23678, лл. 1-49.

[5] Рапорт Л. М. Серебрякова Н. Н. Раевскому от 31 января 1841 г. АКАК, т. IX, ч. I. – С. 500.

сообщал, что «в Цебельде голод»[1]. Неурожайным был и 1840 год, в результате чего население всей Абхазии до начала следующей осени испытывало «большой недостаток в продовольствии». Особенно в Самурзакано «этот недостаток продовольствия обратился в совершенный голод». «Многие, – сообщал начальник Черноморской береговой линии Будберг, – израсходовав последние остатки зернового хлеба, питались, где имели, одним молоком, другие, лишенные даже сего средства, употребляли в пищу незрелые плоды, а по истощении и сего источника, утоляют мучительный голод одною травою без соли»[2]. Когда в связи с этим страшным голодом начальник 3-го отделения Черноморской береговой линии генерал Врангель прибыл в Окум, все жители собрались и умоляли его «спасти их с семействами от угрожающей им голодной смерти»[3]. Эти опасения «были не преувеличены», – писал тот же Будберг: «в одной сакле, несколько отдаленной от селения, найдено было случайно подошедшими соседями целое семейство из 5-ти человек при последнем почти издыхании от голода. Из них один тут же умер, а четверо, получив пособие, подают надежду к сохранению жизни»[4].

Военный начальник укрепления Св. Духа майор С. Т. Званба 14 июня 1845 года доносил начальнику 3-го отделения Черноморской береговой линии о том, что «в Джигетской земле ныне почти в течение двух месяцев не было дождей: хлеба, засеянные в особенности в низменных местах, почти выгорели»[5]. Перед Крымской войной в Абхазии разразилась болезнь винограда[6]. В 1864 году был плохой урожай кукурузы[7]. В 1865 году наблюдался повсеместный неурожай винограда[8]. Это лишь некоторые факты, запечатленные в наших источниках.

[1] Рап. Н.Н. Раевского А. И. Чернышеву от 15 июля 1840 г., ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6417, лл. 7–17.

[2] Рап. А. И. Вудберга А. И. Нендгарту от 4 июля 1844 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1844 г., д. 6541, лл. 107–113.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] ГАКК, ф. 260, д. 558.

[6] ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 180-198.

[7] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Канкан», 1866, № 70.

[8] ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 138–141.

● ГЛАВА ПЯТАЯ ●

УПРАЗДНЕНИЕ ВЛАДЕТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ВВЕДЕНИЕ РУССКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Русское управление вначале было введено в Цебельде (Цабал) и Самурзакано, где были образованы приставства в 1837 и 1840 годах. Это управление, с течением времени подвергавшееся изменениям, к 60 годам представляло из себя следующее: приставства делились на участки (например, в Цебельде их было 4) во главе с мдиванбегами, получавшими жалованье из казны; судебная власть была сосредоточена в руках сословного суда во главе также с мдиванбегами, состоявшими из местных князей и дворян; суд находился под наблюдением приставства[1]. Дела по мелким кражам решались сельскими бокаулами.

Вместе с тем в Абхазии была и русская военная администрация, находившаяся сперва в Бамборах, а затем, с 1851 года, – в Сухуме. В конце 40-х годов в Сухуме было учреждено карантинно-таможенное управление восточного берега Черного моря, а также были созданы: полицейское управление, которое на правах сухумского градоначальника подчинялось начальнику войск в Абхазии; у него была для разбора городских дел особая канцелярия; городская ратуша, ведавшая судебными делами. Действия этой русской администрации и суда ограничивались Сухумом[2]. В 1856 году, в связи с образованием Кутаисского генерал-губернаторства, была учреждена должность командующего войсками в Абхазии[3].

[1] Иваненко В. Н. Гражданское управление Закавказьем. Тифлис, 1901. – Ср. 428; С. Эсадзе. Указ. соч.. т. I. – С. 126–127; ВПСЗРИ, т. 34, .4? 35. – С. 196.

[2] Эсадзе С. Указ. соч. – С. 120.

[3] ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, л. 2.

Но в целом русское управление в Абхазии было осуществлено лишь после окончания Кавказской войны (1864 г.), хотя вопрос об этом неоднократно и ставился царскими властями еще раньше. Это было обусловлено прежде всего стратегическим положением Абхазии и той ролью, какую играли ее феодалы, в частности владетель, в проведении политики царизма не только внутри княжества, но и на Западном Кавказе вообще. «В обшей системе кавказской военной политики, – писал II. К. Услар, – Абхазия играет весьма важную роль. Страна эта, вместе с Цебельдою, на большом протяжении границ своих соприкасается с землями непокорных черкесов, врезываясь в наименее доступные части Кавказа. Абхазия должна служить оплотом для западной части Закавказья и проводником нашего влияния в Черкесию»[1].

Об этом в еще более развернутом виде писал кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский 10 октября 1866 года: «По географическому положению своему и некоторым особенностям своего внутреннего устройства Абхазия имела весьма большое значение во все время Кавказской войны. Через эту страну, составлявшую узкую полосу между морем и неприступными горами, лежал единственный путь для вторжения некоторых горских племен Западного Кавказа в пределы христианского народонаселения долин Ингура и Риона. При непокорности Абхазии военная граница наша отодвинулась бы до Ингура и понадобилось бы не мало средств для устройства на этой реке военно-кордонной линии, наподобие других военных линий на Кавказе. Покорность Абхазии избавила нас почти от военной границы в этой части Кавказа и настолько сберегла наши силы и издержки...»[2]. В главе «Борьба трудящихся Абхазии против феодального и колониального гнета» будут приведены конкретные факты, свидетельствующие о той существенной помощи, которую М. Шервашидзе и другие феодалы Абхазии оказывали царизму в деле упрочения его позиций в Абхазии и в сопредельных с ней политических образованиях.

Поэтому царское правительство до поры до времени не принимало мер для ликвидации Абхазского княжества. Более того,

[1] Услар П. К. Гурийскин отряд в 1855 году. «Кавказский сборник», т. V, 1880. – С. 258.

[2] ЦГИАГ, ф. 41.6, оп. 3, д. 1213, л. 1.

«значение Абхазии в отношении военных дел на Кавказе и польза от подчинения этой страны владетелю – христианину были поняты и вполне оценены как главными начальниками Кавказского края, так и верховною властью»[1]. Мы уже писали о том, как М. Шервашидзе благодаря помощи царских властей стал «Действительным владетелем Абхазии». В данном случае сошлемся лишь на «Полный послужной список» М. Шервашидзе, в котором достаточно отчетливо отражены его заслуги перед царизмом. За участие в подавлении восстания 1824 года он получил орден св. Анны 2 ст., а 1841 года – св. Анны 1 ст.; за Псхувскую экспедицию 1842 года – св. Владимира 2 ст.; в 1854 году «за отличие по службе и преданность русскому правительству» был награжден орденом Белого Орла, в 1861 году – алмазными знаками к ордену Александра Невского. Кроме того, было отмечено участие владетеля и в следующих экспедициях царских войск и абхазских феодалов: в Абхазии–в 1830, 1835, 1840 и 1844 годах; в земли садзов и убыхов – в 1838, 1839 и 1841 годах[2]. Правительство «вместе с тем посредством материальных выгод и почестей старалось удержать его в верности и преданности России. Таким образом, последний владетель Абхазии Михаил Шервашидзе был удостоен звания генерал-адъютанта; кроме денежного вознаграждения за таможенные доходы, ему была пожалована ежегодная аренда в 10 т. руб. и старший сын его был зачислен в малолетстве офицером в л-гв. Преображенский полк»[3].

Сам М. Шервашидзе в письме кутаисскому генерал-губернатору Святополк-Мирскому 21 июня 1864 года писал, что он состоит на службе российского царя более сорока лет, «и служба моя принесла очень значительную пользу престолу русскому»[4].

Другой крупный абхазский феодал Кац Маргания (Маан), являвшийся правой рукой владетеля во всех его делах, будучи совершенно неграмотным человеком, достиг чина генерал-майора русской армии, не говоря уже об орденах и других, знаках отличия.

Вместе с тем, как писал наместник Кавказа М. И. Романов в «Записке о положении в Абхазии» (март 1864 г.), царское правительство «не могло в то время отделить достаточных средств для того, чтобы взять эту страну (Абхазию. – Г. Д.) в полное подчинение, и для водворения в ней внутреннего порядка ограничивалось только поддержкою владетеля...»[1].

При решении данного вопроса необходимо иметь в виду и соображения международного порядка, которые несомненно учитывались царским правительством.

В 60-х годах завершается процесс объединения под властью России всех политических образований Кавказа после того, как в мае 1864 года в урочище Кбаада (ныне Красная поляна) сдалась последняя горсточка абхазцев из племени ахчипсаа (ахчипсоу). В связи с этим событием, в целях унификации административного управления Кавказом, становится очевидной необходимость упразднения полуавтономных княжеств, в том числе Абхазского владетельства.

«Упразднение власти владетеля Абхазии и введение в этой стране прямого русского управления было признано государственной необходимостью, как следствие и дополнение» указанною исторического события, писал кутаисский генерал-губернатор К. Д. Святополк-Мирский наместнику Кавказа 30 сентября 1864 года[2]. Этот вопрос ставился наместником еще в марте 1864 года, опять-таки «ввиду предвидевшегося уже тогда скорого» завершения присоединения всего Северо-Западного Кавказа к России[3].

Сам наместник Кавказа в марте же 1864 года, в указанной «Записке о положении в Абхазии», направленной им в Петербург, писал, что до сих пор «мы могли, хотя сами обманывая себя, говорить, что без пособия власти владетеля не имели бы сил ограждать себя от убыхов; мы представляли Абхазию краем, прикрывающим другие наши земли, более важные. Но теперь уже этого оправдания не существует»[4]. В личном письме Александру II от 23 марта 1864 года наместник писал, что управление Абхазией М. Шервашидзе «было полезно для России. Независимое положение Абхазии имело смысл, покуда восточный берег Черного моря» не был еще присое-

[1] Там же.
[2] ЦГИАГ, ф. 545, д. 313, лл. 67–72.
[3] Там же, ф. 416, оп. 3, д. 1213, л. I об.
[4] Там же, ф. 545, д. 75, лл. 2–5.

[1] Там же, ф. 416, д. 177, л. II об.
[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 75, лл. 31–37.
[3] Записка вел. кн. Михаила Николаевича об удалении М. Шервашидзе от владения Абхазией от 11 ноября 1864 г. ЦГИАГ, ф. 416, д. 177, л. 90.
[4] Там же, л. 13 об.

динен к России, «тем более, что большая часть наших вооруженных сил была отвлечена» на Восточном Кавказе. «Но теперь... существовавшие обстоятельства совершенно изменились»[1].

Наместник, давая резко отрицательную характеристику порядку управления в Абхазии, настаивал на быстрейшей ликвидации здесь владетельной власти; причем поспешность в этом деле он связывал непосредственно с осуществлением одобренных императором предположений о заселении казачьими станицами восточного берега Черного моря от устья Кубани до р. Бзыбь, что, после ликвидации Абхазского княжества, могло бы быть продолжено до устья Ингура.

1 апреля 1864 года военный министр Д. А. Милютин сообщал наместнику Кавказа о решении императора отстранить М. Шервашидзе с потомством от управления княжеством и ввести в Абхазии русскую администрацию[2].

В июне 1864 года было объявлено об упразднении Абхазского княжества и введении, до утверждения положения и штатов, временного «Военно-народного управления». Абхазия была переименована в Сухумский военный отдел с разделением его на 3 округа и 2 приставства и подчинением кутаисскому генерал-губернатору. Начальником отдела был назначен командующий войсками в Абхазии генерал Шатилов, которому было приказано вступить «во внутреннее управление» краем с 12 июля 1864 года. В этот день в Сухум к кутаисскому генерал-губернатору Святополк-Мирскому, прибывшему «для непосредственных распоряжений по введению русской власти в Абхазии», явились «почетные жители» края, которым было объявлено правительственное решение. Это объявление и дачные тут же приказания были «приняты всеми беспрекословно, а многими даже с заметным удовольствием»[3].

Вообще упразднение феодального княжества и введение непосредственного русского управления в Абхазии не вызвало никаких серьезных событий. Еще в 1850 году Иогель и Рябиков писали: «Простой народ крепко желает спокойствия и не принимает живого участия в ссорах и междоусобиях князей, так что теперь, в случае надобности, не встретится препятствии в удалении самых беспокойных князей»[1]. «Абхазцы, – писал Святополк-Мирский, – не без некоторого опасения и недоверия, но спокойно и безропотно приняли новый порядок управления. Можно верить, что они надеялись отдохнуть и устроиться после долгих бедствий и неурядицы»[2]. Ешерский крестьянин Осман Шамба в речи на сходе населения Бзыбской Абхазии в с. Лыхны 26 июля 1866 года прямо заявил, что народные массы разочаровались в новом управлении, а они ожидали, что с упразднением владетельства благосостояние их будет возрастать с каждым годом и правительство будет к ним «милостиво»[3]. Наместник Кавказа в письме Александру II от 5 августа 1866 года, говоря об обстоятельствах, обусловивших восстание 1866 года в Абхазии, также подчеркивал, что население было даже довольно введением нового управления в 1864 году, особенно же отменой всевозможных пошлин, которыми владетель облагал его; «происшествий, преимущественно в начале, не было почти»[4].

Что же касается М. Шервашидзе, то он, «вопреки всем ожиданиям, – констатировал Святополк-Мирский, – не только не препятствовал введению в Абхазии русского управления, но по первому требованию... созвал абхазцев для объявления им высочайшей воли и просил их ко мне для получения дальнейших указаний»[5].

Однако это не помешало наместнику Кавказа утверждать о «неблагонадежности» Михаила Шервашидзе и требовать немедленного его удаления из пределов Абхазии, хотя и он признавал, что «юридически нельзя обвинить князя Михаила Шервашидзе ни в одном из тех тяжких преступлений, в которых обвиняет его общее мнение»[6], т. е. предвзятый взгляд официальных лиц.

Тем не менее против Михаила Шервашидзе царскими властями был сфабрикован обвинительный акт в целях оправдания принятия против него резких и быстрых мер. Не помогли преклонный воз-

[1] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, д. 608, л. 13.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 1, д. 177, лл. 24–25.

[3] Отзыв М. Н. Романова Д. А. Милютину от 14 августа 1864 г. ЦГИАГ,ф. 416, оп. 3, д. 177, лл. 78–79.

[1] ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 749, л. 194 об.

[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 157.

[3] Там же. л. 235.

[4] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, лл. 29–38.

[5] Записка Святополк-Мирского по делам Абхазии от 30 сентября 1864 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. I), 1864 г., д. 75, лл. 31–37.

[6] Записка М.Н. Романова о положении в Абхазии, март 1864 г., л. 13.

раст и неизлечимая болезнь М. Шервашидзе, не помогла его просьба дать ему возможность умереть на родине и уверения в том, что «пребывание мое в Абхазии не только не будет помехою введению правительственных распоряжений, но принесет неожидаемую пользу, так как я первый буду служить примером исполнения всяких со стороны правительства объявленных распоряжений и это подтвердится на деле»[1]. По приказанию наместника за бывшим владетелем был установлен «строгий надзор» и прекращен, вплоть до выезда его из Абхазии, отпуск всех средств, получаемых им от казны. М. Шервашидзе был насильственно выдворен из Абхазии. Его выслали в г. Воронеж под надзор губернатора Трубецкого.

Все же в ознаменование его прежних заслуг перед самодержавием за ним был сохранен титул «светлейшего князя», а также назначена значительная пенсия. М. Шервашидзе умер 16 апреля 1866 года[2]. Поскольку бывший владетель просил «по смерти отправить тело... для погребения в могилу родителей[3], он был похоронен в Моквинском храме, в фамильном склепе князей Шервашидзе.

Надо сказать, что удаление бывшего владетеля из Абхазии прошло также без каких-либо эксцессов. Кавказский наместник в своем отношении военному министру Д. А. Милютину от 15 января 1865 года писал: «Как ваше превосходительство усматриваете из прилагаемых при сем двух выписок из рапортов командующего войсками в Абхазии кутаисскому генерал- губернатору, задержание кн. Шервашидзе и удаление его из Абхазии совершилось без всякого фактического сопротивления со стороны прежде бывшего под властью его населения и почти не имело влияния на состояние общественного спокойствия в стране»[4]. Святополк-Мирский тоже подчеркивал, что из края без всякого «сопротивления и даже волнения» насильственно был удален бывший владетель; окружные начальники без затруднения начали собирать подробные статистические сведения[5].

Наместником Кавказа в сентябре 1864 года была образована комиссия под председательством генерала И. А. Бартоломоя для

[1] Письмо М. Шервашидзе Святополк-Мирскому от 21 июля 1864 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, (кн.1), 1864 г., д. 75, лл. 2-5.

[2] ЦГВИА, ф.400, аз. ч., оп. 259/909, д. 39, л. 9.

[3] Там же, л.1.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп.3, д. 26, лл. 124-127.

[5] Там же, ф. 545, оп. 1, (кн.2), 1866 г., д. 2784, л. 157.

составления «Положения об управлении Абхазиею». Это было связано с общими реформами на Кавказе, в частности, с теми изменениями и преобразованиями в области административного управления краем, которые проводились правительством в этот период. Цель этих изменений и преобразований заключалась в том, чтобы лучше приспособить аппарат управления к новым условиям, создававшимся на Кавказе в результате происшедших здесь к этому времени политических и социально-экономических перемен[1].

В 1865 году было издано «Положение о Кавказском горском управлении», по которому на Кавказе создавалось высшее центральное учреждение, объединявшее все управление кавказскими горскими народами, основанное на началах особою, так называемого «Военно-народного управления». Правительство стремилось изъять управление горскими народами из военного ведомства, централизовать это управление, сосредоточив его в одном учреждении, подчиненном непосредственно Главному управлению Кавказского наместничества[2].

В Абхазии проведение мероприятий в области административного управления затянулось. Комиссия генерала Бартоломея свою работу закончила лишь к апрелю 1866 года. Реализация результатов этой работы была ускорена восстанием, имевшим место в Абхазии в том же году. 11 августа 1866 года император утвердил постановление об «административных преобразованиях» в Абхазии, вынесенное Кавказским комитетом в соответствии с предложениями комиссии генерала Бартоломея[3]. Абхазия (Сухумский отдел) была разделена на управление городом Сухумом и округа: Пицундский, Цебельдинский, Драндский и Окумский. Таким образом, были ликвидированы Цебельдинское и Самурзаканское приставские управлении, а Бзыбский, Сухумский и Абжуйский округа были переименованы в Пицундский, Цебельдинский и Драндский. Упразднялись также управление командующего войсками в Абхазии и его гражданская канцелярия по управлению г. Сухумом, Сухумская городская ратуша и Сухумское комендантское управление.

[1] Чхетия Ш. Буржуазные реформы в Грузии. – С. 1.

[2] Там же.

[3] Приказ военного министра А.Д. Милютина по этому поводу вышел 24 августа 1866 г.

По всем частям управления начальник Сухумского военного отдела (на эту должность был назначен ген. М. Толстой) подчинялся кутаисскому генерал-губернатору. Округа были вверены окружным начальникам. Во главе г. Сухума были поставлены городничий и городское полицейское управление. В качестве судебных органов были учреждены: в г. Сухуме – главный суд (для всего края), в котором председатель назначался правительством; в округах – словесные суды, в них председательствовали начальники округов. В селениях были назначены старшины, ведавшие, ко всему прочему, сбором податей. Была учреждена земская стража, состоявшая из пяти урядников и подчиненных им стражников[1].

В 1864 году, в связи с отменой в Восточной Грузии крепостного права, были изданы «Правила об устройстве сельских обществ и их общественного управления» для Тифлисской губернии, а в 1866 году и для Кутаисской губернии. В 1867 году Кавказским горским управлением было также утверждено «Положение о сельских обществах и их общественном управлении для Сухумского отдела»[2]. Это «Положение», которое по существу ничем не отличалось от общих по империи «Положений о сельских обществах», еще больше усиливало царскую власть над крестьянством и упрочивало целый ряд черт феодально-крепостнического режима. Согласно «Положению», сельские общества составлялись «из всех жителей одного селения без различия, на каких бы землях они не жили». Во главе сельского общества стояло «сельское общественное управление»; его составляли: сход, старшина и суд, причем «первое место на сельском сходе и охранение на нем должного порядка» принадлежало старшине.

В ведение сельского схода входили: выборы сельских должностных лиц, приговоры об удалении из сельского общества «вредных и порочных членов его», распоряжение общественными земельными угодиями, назначение сборов на общественные расходы, раскладка казенных и земских податей и повинностей, а также

[1] Положение об управлении Сухумским отделом. Временные правила об устройстве судебной части в Сухумском отделе. ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1866 г., д. 30, лл. 33–41. См. также приказы по Кавказскому военному) округу за 1866 г. ГАКК, инв. № 1629; ПСЗРИ, 2-е, т. XI. – С. 43551.

[2] ЦГАА. ф. 58, д. 1, лл. 1–7.

«общественных повинностей», принятие мер к предупреждению и взысканию недоимок, разрешение просьб об увольнении из общества для переселения в другие общества.

Должностные лица сельского управления несли ряд полицейских обязанностей. Сельский старшина должен был доносить «начальству о самовольно отлучившихся из общества», выдавать «коренным жителям селения» свидетельства как для получения билетов и паспортов на отлучки, так и для перехода их в другие сословия. Сельскому старшине предоставлялось право «за маловажные полицейские проступки..., за исключением лиц, принадлежащих к высшим классам, офицеров и их семейств, подвергать виновных: назначению на общественные работы на время до двух дней, или денежному взысканию до одного рубля, или аресту не более двух дней». В примечании разъяснялось, что среди маловажных поступков надо иметь ввиду «грубость и неповиновение работников своим хозяевам». Сельский суд разбирал и приговаривал к наказанию жителей, принадлежащих к сельскому обществу, за «маловажные поступки». Он был властен приговаривать виновных к общественным работам до 6 дней, или к денежному взысканию до 3 рублей, или к аресту до 7 дней. В примечании предупреждалось, что «право сельского суда подвергать виновных наказанию не распространяется на лиц высшего сословия, офицеров и их семейства»[1].

Классовая природа нового сельского управления была совершенно очевидна. Подчиненное органам правительственной власти, это управление входило в систему правительственного аппарата, являясь низшей его ячейкой.

В 1868 году было произведено укрупнение округов в целях дальнейшей централизации управления краем. Согласно постановлению об этом, утвержденному императором 27 мая 1868 года, было образовано два округа (Пицундский и Очемчирский) с четырьмя участками (Гудаутский и Гумистинский, Кодорский и Самурзаканский). Для надзора за устройством поселений в Цебельде было учреждено особое попечительство (первым попечителем был капитан П. А. Дьячков-Тарасов), а для сбора доходов с имений бывшего владетеля Абхазии – должность заведующего оброчными статьями. В том же году были введены общинные и сельские управ-

[1] ЦГАА, ф. 58, д.1, лл. 1-7.

ления. Все села Абхазии были разделены на 41 общину с общинными и сельскими старшинами и общинными судами[1].

Факт ликвидации Абхазского владетельства и введения непосредственного русского управления, несмотря на всю тяжесть для трудящихся царского колониального управления, объективно имел положительное значение. С упразднением владетельской власти – пережиточной формы феодального управления, являвшейся помехой на пути социально-экономического развития, Абхазия прочно втягивается в пореформенную общероссийскую хозяйственную систему, в частности, в общую экономическую жизнь Грузии и всего Закавказья.

[1] Дзидзария Г.Д. Восстание 1866 года в Абхазии. – С. 195.

• ГЛАВА ШЕСТАЯ •

БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ АБХАЗИИ ПРОТИВ ФЕОДАЛЬНОГО И КОЛОНИАЛЬНОГО ГНЕТА

1.Выступления до 1866 года

Степень обострения классовых противоречий между помещиками и крестьянами в Российской империи в предреформенный период достигает сильнейшего напряжения. Крестьянское движение, значение которого было так велико для падения крепостного права, в самых разнообразных формах народного протеста проявлялось почти по всей огромной стране, вовлекая в свою орбиту крестьян многих губерний центра и окраин. Причин обострения здесь классовых противоречий между крестьянами и помещиками было много. Вместе с тем насаждавшийся царизмом на национальных окраинах колониальный режим все больше и больше вызывал массовое народное возмущение.

Исследователи, сколько-нибудь касавшиеся социально-политических движений в предреформенной Абхазии, останавливались обычно на наиболее крупных фактах антиколониальных выступлений. Хотя и это изучение стояло далеко не на подлинной научной основе, но антифеодальные крестьянские выступления, характеризовавшие внутреннюю классовую борьбу, были почти вовсе обойдены.

Это было тем более односторонним подходом к вопросу, что борьба крестьянства Абхазии против самодержавия была в сущности не отделима от борьбы против местных княжеско-дворянских реакционных элементов, всей системы феодально-помещичьей эксплуатации. Неразрывная связь борьбы крестьян против мест-

ных помещиков с борьбой против колониального гнета была вообще характерным явлением классовой борьбы в крае в первой половине XIX века. Попытка рассматривать антиколониальные движения вне этой борьбы является искажением исторической действительности; такой подход неизбежно приводит к пресловутой теории «единого потока».

Борьба против царского гнета нередко принимала общенародный характер, где временами выступали различные классы и социальные группы, которые вели одновременно борьбу также и между собой. Причем характер участия представителей феодального класса в этом движении менялся но мере того, как царизм упрочивал свои позиции в Абхазии, что в изучаемый период завершилось упразднением Абхазского княжества и введением в стране непосредственного русского управления. Это относилось прежде всего к той части местной феодальной знати, которая выступала против присоединения к России, так как в системе русского централизованного государства она должна была поступиться своими политическими привилегиями и лишиться источников обогащения, какими являлись набеги с целью захвата скота и пленных. Кроме того, многие из представителей этой знати, как и в некоторых других местах Кавказского края, давно придерживались протурецкой ориентации вследствие религиозной общности и материальной заинтересованности в торговых сношениях с султанской Турцией, в том числе и особенно в сбыте обращенных в рабство пленных[1].

Но всюду, где «общенациональная» борьба принимала широкий характер, основную массу борцов и решающую силу составляло крестьянство. Поэтому главным вопросом, который возникает при разработке истории подобного характера движения, является вопрос о его социальном характере. Необходимо четко разграничить борьбу крестьянских масс от временного участия в движении представителей феодалов, оценить по существу классовые устремления и политические цели тех и других.

Это можно сделать только исходя из руководящих методологических указаний классиков марксизма-ленинизма. В. И. Ленин предупреждал, говоря об «общенациональном» движении, о необходимости никогда не затушевывать классовую борьбу, строго различать различные социальные силы, участвующие в движении. В. И. Ленин по поводу условной правильности выражения «общенациональная революция» писал: «Понятие «общенациональная революция» должно указывать марксисту на необходимость точного анализа тех различных интересов различных классов, которые сходятся на известных определенных, ограниченных общих задачах. Ни в коем случае не может служить это понятие для того, чтобы затушевывать, заслонять изучение классовой борьбы в ходе той или иной революции. Подобное употребление понятия «общенациональная революция» есть полный отказ от марксизма и возврат к вульгарной фазе мелкобуржуазных демократов или мелкобуржуазных социалистов»[1].

В 1813 году в Самурзаканской Абхазии имело место убийство тамошнего князя Манучара Шервашидзе, отличавшегося жестокостью и развратным характером. Однажды он публично обесчестил жену окумского крестьянина Маджи Кварацхелия (Корцхелия), что и привело к убийству князя названным крестьянином. Феодалы решили наказать последнего руками же крестьян. С этой целью они в с. Окум созвали народное собрание, которое должно было вынести решение о строгом наказании М. Кварацхелия. Однако крестьяне взяли Маджи под свою защиту. Составляя подавляющее большинство собрания, они добились освобождения его[2], и он бежал затем в с. Дурипш[3].

В 20-х годах положение царизма во всем Закавказье становится весьма напряженным. В этот период часты были антиколониальные крестьянские выступления. Они проявлялись отдельными вспышками, иногда же разгорались в огромный пожар, охватывая крупные районы, заставляя царские власти напрягать все свои силы[4]. Главнокомандующий в Грузии генерал А. П. Ермолов вынужден был

[1] Фадеев А.В. Кавказ в системе международных отношений 20–50 гг. XIX в. М., 1956. – С. 11.

[1] Ленин В. И. Соч., т. 12. – С. 363–304.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1018, л. 13 об; ССКГ, в. III. – С. 24; Предание об убийстве Манучара Шервашидзе, рукопись. Кабинет истории СССР Сухумского госпеднинститута им. А. М. Горького.

[3] Инал-ипа Ш. Дурипш (Опыт историко-этнографического изучения колхозного быта абхазской деревни). «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXIX. Сухуми, 1958. – С. 96, прим. 36.

[4] Хачапуридзе Г. В. Крестьянское движение в Грузии. – С. 22.

признать, что хотя «владения России раздвинулись в Закавказье, но для умиротворения края, для внушения туземному населению доверия к русскому правительству сделано было мало»[1].

О положении, в частности, в Абхазии А. П. Ермолов в 1820 году писал управляющему Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде: «Карты всей Абхазии не имеется и снять оную не иначе возможно, как войдя в землю довольно с сильным отрядом войск...»[2]. Владетель Абхазии вынужден был постоянно обращаться к царскому командованию на Кавказе с просьбой о помощи[3]. И военная администрация не раз посылала войска в Абхазию, чтобы «силой оружия унять» население. Генерал Курнатовский в ответ на одно из таких обращений владетеля откровенно говорил: «Абхазский владелец на самом деле еще слабее в управлении своим народом, нежели как сам о себе пишет, так что не смеет почти показаться народу, не хотящему ему повиноваться»[4].

Крупнейшим событием этого периода было восстание в Имеретии и Гурии в 1819–1820 годах[5]. Выступление, начавшееся сперва в Имеретии, послужило толчком к гурийскому восстанию; затем то и другое оказали влияние на Мегрелию, Абхазию и т. д. «Дух мятежа всеобщий, – доносил командующий царскими войсками в Имеретии генерал Горчаков, – Гурия и Мингрелия готовятся действовать заодно с имеретинами, а имеретинцы под рукою спокойно сносятся с Абхазией...»[6]. Абхазские крестьяне настолько сочувствовали восстанию в Имеретии, что «абхазцев остается им (имеретинским повстанцам. – Г. Д.) только пригласить» для совместной борьбы[7].

В Абхазии вооруженная борьба вспыхнула в начале 1821 года, вслед за смертью владетеля Георгия (Сафарбея) Шервашидзе, последовавшей 7 февраля. Она началась нападением ешерских крестьян (около 200 человек) на отряд Сухумского гарнизона[1], а на второй день был совершен налет на передовой форпост крепости в Сухуме. В средних числах апреля сюда прибыл генерал Горчаков. Многие жители сделали ему заявление о намерении сжечь свои жилища и удалиться в неприступные горы, в случае появления в пределах Абхазии дополнительных войск. Горчаков, сознавая, что его поездка в Абхазию «не имела успеха», ограничился лишь сменой сухумского коменданта майора Могилянского, пользовавшегося, по характеристике самого Горчакова, «всенародной ненавистью», майором Ф. Михиным, который незадолго до этого отличился при «усмирении» Гурии. Однако не успел Горчаков выехать из Абхазии, как «вспыхнул открытый мятеж»[2].

Положение осложнялось тем, что Гасанбей Шервашидзе (родной брат умершего владетеля), которого многие абхазские тавады желали провозгласить владетелем Абхазии, был арестован и сослан в Сибирь, а «правительницей Абхазии», по совету владетеля Мегрелии Левана Дадиани, была провозглашена вдова Георгия Шервашидзе княгиня Тамара, тетка Левана. Такое грубое вмешательство военной администрации во внутренние дела Абхазии вызвало возмущение среди абхазских феодалов, многие из которых в знак протеста отказались признавать княгиню Тамару Шервашидзе правительницей. С другой стороны, волнением в Абхазии стремились воспользоваться сторонники турецкого агента Асланбея Шервашидзе, усилившие агитацию за признание его владетелем[3].

Один из повстанческих отрядов напал на очемчирский дом владетеля, где были убиты «княжеские люди», а из илорского имения был угнан табун лошадей в 200 голов. Кроме того, в с. Кодор повстанцами была окружена «правительница» Абхазии Тамара Шервашидзе. Однако майору Михину удалось вывезти из окружения княгиню на военном судне. Затем он это судно направил в сторону Гагр для обстрела картечью повстанческих «скопищ» на побережье[4].

В это время в Абхазии появился Асланбей Шервашидзе, пытавшийся использовать развернувшееся в крае народное движение.

---

[1] Потто В. Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. II. Тифлис. 1904. – С. 145, 475.

[2] ЦГАДА, ф. Ермоловых, д. 256. – С. 9–12.

[3] АКАК, т. VI, ч. I. – С. 664.

[4] Рап. ген. Курнатовского ген. Сталю от 9 мая 1818 г. АКАК, т. VI, ч. I, док. 443.

[5] Махарадзе П. Б. Восстание в Имеретии в 1819–1820 гг. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», в. III. Изд. АН Грузинской ССР, Тбилиси, 1942.

[6] Потто В. Утверждение русского владычества на Кавказе, т.III, ч. II. Тифлис, 1904. – С. 505.

[7] Рапорт Курнатовского Вельяминову от 8 нюня 1819 г. АКАК. т. IV, ч. 1. – С. 536.

[1] АКАК, т. VI, ч. 1. – С. 655–656.

[2] Потто В. Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. II. – С. 553–557.

[3] Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1957. – С. 102.

[4] Рапорт майора Михина от 25 июня и от 3 июля и письмо кн. Тамары Шервашидзе от июня 1821 г. ген. Горчакову. В. Потто. Указ. соч. – С. 558-559.

Ему в известной мере удалось оказать на это движение свое влияние. Живучесть родо-патриархальных пережитков обусловливала известную доверчивость крестьян к части феодалов, примкнувшей к движению, преследуя свои цели. В народном движении 1821–1824 годов это была слабая сторона, наряду с другими – отсутствием организованности, твердого руководства и т. д. Тем не менее, Асланбей не был и не мог быть подлинным руководителем движения: цель крестьянских масс и цель Асланбея, как и других феодалов, были различны.

Как уже отмечалось, в Абхазии, как и повсюду на Кавказе, стихийные выступления крестьянских масс, имевшие антиколониальный характер, пытались возглавить и использовать в своих целях враждебные России феодально-клерикальные элементы, среди которых преобладали сторонники протурецкой ориентации. Со своей стороны правящие круги Турции готовы были поддержать любое выступление на Кавказе, направленное против России, посылая в то же время сюда вооруженные банды для организации всевозможных диверсий и мятежей в тылу русских войск[1].

Из Петербурга поспешно был отправлен на Кавказ наследник абхазского престола полковник Дмитрий (Омарбей) Шервашидзе, с 1810 года воспитывавшийся в императорском пажеском корпусе. Горчаков во главе экспедиционного отряда и с новым владетелем двинулся в Абхазию. 1 ноября отряд подошел к р. Ингур, где стало известно, что повстанцы, до 3 тысяч человек, стоят «на крепкой позиции» между р. Кодор и с. Келасури[2].

Первое столкновение с повстанцами произошло недалеко от р. Кодор. Свидетель событий историк Николай Дадиани в своем сочинении «Картвелта цховреба»[3] довольно подробно говорит о том исключительно упорном сопротивлении, которое было оказано населением. «Здесь сражение продолжалось без перерыва шестнадцать часов; в этот день абхазцы сражались так сильно, что никогда не было слыхано ничего подобного со стороны их...», – отмечал он.

[1] Фадеев А. В. Кавказ в системе международных отношений 20 – 50 гг. XIX в. – С. 14–15.

[2] АКАК, т. VI, ч. II. – С. 658–660.

[3] Рукопись этого источника хранится в Зугдидском музее. Мы пользовались русским переводом Е. С. Такайшвили, помещенным в 31 томе СМОМПКа. 1902.

Но благодаря беспрерывному действию пушек и дальнобойных винтовок экспедиционный отряд продвинулся вперед и 13 ноября достиг Сухума.

Генерал Горчаков действовал типичными для царского администратора военно-феодальными методами. По свидетельству Дадиани, войска «совершенно сожгли и опустошили город и окрестные его деревни, а равно и дворец Шервашидзевых...»[1]. Отсюда был послан особый отряд в Цебельду (Цабал) «для наказания главнейших виновников»[2]. С основной же массой войск Горчаков направился в с. Лыхны. Он послал в разные концы Бзыбской Абхазии отряды, которые, «опустошив многие места и взяв добычу, вернулись и пригнали много скота». Затем один из отрядов был направлен в с. Калдахвары, где каратели сожгли «все окрестные деревни и повесили там двух человек для устрашения абхазцев»[3]. Асланбей снова бежал из Абхазии, а многие его сторонники – феодалы, примкнувшие к движению по определенным соображениям, явились к генералу Горчакову с повинной[4].

Крестьянские же массы, особенно озлобленные жестокостью царского генерала, продолжали восстание. Приезд нового владетеля не только не изменил обстановки в крае, но еще больше осложнил ее. Вырванный из петербургского аристократического общества, молодой царский полковник Дмитрий Шервашидзе, для которого обычаи и язык родного края были неведомы, явно был неудачным «правителем» Абхазии, чем, между прочим, и пытался воспользоваться Асланбей. «Перенесенный из дворца Александра, – писал Ж. Гамба, побывавший в Абхазии в 1822 году, – в скромное, настроенное из дерева, жилище, которое занимал его отец, не зная ни своего народа, ни языка, он (Дмитрий. – Г. Д.) прожил скорее пленником, чем властителем два года, предоставляя своей матери управление страной»[5].

Движение крестьян заметно усилилось с весны 1822 года. И когда «духовная комиссия» решила в 1822 году перенести свои дей-

[1] Дадиани Н. Указ. соч. – С. 101.

[2] Эсадзе С. Летопись Грузии, в. 1. Тифлис, 1913. – С. 280.

[3] Дадиани Н. Указ. соч. – С. 101.

[4] Потто В. Указ. соч. – С. 556.

[5] Gamba. Указ. соч. – С. 83

ствия в Абхазию, то это предложение не было одобрено Ермоловым, поскольку, как объяснял архиепископ Евгений, «внутренние волнения беспрестанно обуревали их (абхазцев. – Г. Д.) и неповиновение народа и явное сопротивление военным силам нашим, с большим ожесточением ими овладевшее, лишило всякой возможности действовать на умы их просвещением духовным»[1].

Гамба свидетельствовал, что владетельский дом в с. Лыхны был окружен рвами, частоколом и валом, защищен пушками и отрядом царских солдат[2]. И этому отряду не раз приходилось отбивать нападения на княжеский дворец. В ночь с 15 на 16 октября 1822 года Дмитрий внезапно умер. Есть предположение, что он был отравлен одним из прислуживавших ему крестьян Урысом Лакоба[3]. Во всяком случае, последний был признан «достойным смертной казни», и 8 сентября 1823 года повешен возле владетельного дома[4].

Владетелем Абхазии, по ходатайству Ермолова, Александр I утвердил младшего брата Дмитрия Михаила (Хамудбея). Однако власть малолетнего владетельного князя оказалась еще более слабой, чем власть покойного его брата. Абхазские владетели могли держаться у власти лишь потому, что они «охранялись русским гарнизоном, занимавшим владетельскую усадьбу в Лыхнах»[5].

В течение всего 1823 года в Абхазии происходило «глухое брожение». А приверженцы Асланбея, говоря словами современника, думавшие «из междоусобий извлечь для себя выгоды», в свою очередь «сеяли неудовольствие»[6]. В 1824 году «пламя бунта вспыхнуло вдруг по всей Абхазии»[7]. Генерал Горчаков в мае месяце снова приехал в Сухум. Он решил направить в отдельные села, служившие очагами движения, карательные отряды. В частности, подполковнику Михину дал задание: 22 мая, ночью, напасть на деревню Акапа, «взявши врасплох главных жителей, сжечь ее в страх прочим»[8]. На

[1] АКАК, т.III, ч. 1, стр. 252.
[2] Gamba. Указ. соч. – С. 81.
[3] АКАК, т. I, ч. 1. – С. 473
[4] Там же. – С. 664-665.
[5] ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 186-198.
[6] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23678, лл. 1-49.
[7] Абрюцкий. Указ.соч.
[8] Рап. Харамани Быченскому от 21 нюня 1824 г. ЦГВИА, ф. 36, оп. 3/847, 1824 г., д.35, лл. 3-4.

обратном пути жители сожженного села напали на карательный отряд и разгромили его, при этом был убит Михин[1].

Весть о поражении отряда генерала Горчакова быстро облетела весь край. «Вскоре, – писал А. П. Ермолов, – за сим возгорелся общий мятеж, и неудовольствия на фамилию владетельного князя вооружили против него и самих соседей»[2]. Командир фрегата «Спешный» капитан-лейтенант Харамдани в рапорте начальнику флота контр-адмиралу Быченскому от 21 июня 1824 года объяснял, что «такая неудача наших придала дерзости бунтовщикам и была сигналом к поднятии оружия во всей Абхазии», и когда 16 июня прибыл на сухумский рейд, то уже «нашел я всю Абхазию взбунтовавшейся». Вместе с тем Харамдани указывал, что выступление абхазцев «никогда еще не начиналось с таким единодушием, как ныне»[3]. Таким образом, писал впоследствии барон Г. В. Розен, в 1824 году в Абхазии «произошел... всеобщий бунт»[4]. Кроме того, «в горах заговорили о намерении абхазцев освободиться, и толпы черкесов... полетели к ним на помощь»[5]. Появился и Асланбей. Он прибыл из Анапы на турецком корабле и высадился в Бамборской бухте.

Повстанцы, число которых достигало нескольких тысяч человек, осадили Лыхненское укрепление, где находились царский гарнизон и абхазский владетель. Осада длилась в течение полутора месяцев. Скоро был осажден и Сухумский гарнизон. Генерал Горчаков с отрядом 1 июля 1824 года снова направился в Абхазию. Вместе с тем Ермолов требовал от мегрельского владетеля и других феодалов сформировать ополчение и двинуться «немедленно в мятежную Абхазию, действуя огнем и мечом..., щадя лишь дом владетеля»[6]. Одновременно на Абхазское побережье были двинуты корабли Черноморского военного флота. Ермолов писал: «Абхазию во власти нашей удержать необходимо»; в противном случае, «если не само турецкое правительство воспользуется

[1] Рап. Д.Ф. Кодинца Р. де Скасси от 21 июля 1824 г. Арх. б. МИД, оп. 11-3, д.6, лл.86-87.
[2] Записки А. Л. Ермолова, ч. II, 1816 – 1827 гг. М., 1868. – С. 159.
[3] ЦГВИА, ф. 36, оп. 3/847, 1824 г., д. 35, лл. 3–4.
[4] Отношение Г. В. Розена А. И. Чернышеву от 5 июля 1834 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, лл. 13–24.
[5] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23678, лл. 1–49.
[6] АКАК, т. VI, ч. 1. – С. 635.

оставлением нами Абхазии, то своевольные паши ближайших провинций не упустят оного...»[1].

Уже переправу через Ингур отряд Горчакова (около 2 тыс. человек при 4 орудиях) должен был совершать с боем. И чем дальше в глубь страны продвигался генерал Горчаков, тем «повстанцы дрались упорнее»; «войска встречали завал за завалом». Войска лишь 8 июля с трудом достигли р. Кодор, где к ним подошел крупный отряд феодального ополчения. Войска с боем форсировали и р. Кодор. Но дальше с. Дранды можно было двигаться только берегом моря, по глубокому песку. Здесь повстанцы снова преградили путь карательным отрядам, устроив ряд «завалов»[2]. «Трудно сказать, как; я судьба постигла бы наступающие войска без помощи» военных судов, которые, медленно продвигаясь вдоль берега, и пушечными выстрелами разрушали повстанческие укрепления, расчищая таким образом путь пехоте. Только 10 июля войска Горчакова подошли к Сухуму, имея значительные потери[3]. Затем, 20 июля, началась переброска войск, сухопутным и морским путями, в с. Лыхны. А. П. Ермолов сообщал начальнику Главного штаба И. И. Дибичу о «сопротивлении трехтысячного неприятеля» в этом районе[4]. Горчаков приказал срыть Лыхненское укрепление, а гарнизон отвести в Сухум[5].

«Благодаря соседу твоему Грейгу[6], – писал Ермолов М. С. Воронцову 12 сентября 1824 года, – на военных судах им присланных успел ген.-майор Горчаков сделать десант на берега Абхазии, рассеять сильные толпы бунтующих и освободить... роты наши, которые

[1] Цит. по книге Н. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе», т. VI. Спб, 1888. – С. 514.

[2] Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. II, в. IV. Спб., 1886. – С. 777–778.

[3] Между прочим, по сообщению Ф. Ф. Торнау, экспедиционный отряд Горчакова на этом участке потерял одних лошадей около 600 голов (Ф. Ф. Торнау. Указ. соч., ч. 1. – С. 23).

[4] Рап. А. П. Ермолова И. И. Дибичу от 7 августа 1824 г. П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. III. Спб, 1869. – С. 405.

[5] Приказ ген. А. П. Ермолова по Отд. кавказ. корп. от 10 июня 1825 г. ЦГВИА, ф. Научно-справоч. библ., кн. 1096 (Приказы по Отд. кавказ. корп.). л. 26.

[6] А. С. Гренг–главный командир Черноморского флота и военный губернатор Севастополя и Николаева.

более месяца находились в блокаде, защищая молодого владетеля Абхазии, как приверженного»[1].

От крестьянской блокады были освобождены и другие абхазские феодалы, в частности, абжуйский князь Алибей Шервашидзе, который, по словам М. Селезнева, за время этих событий «потерпел очень много: главная резиденция его Катаулы (Квитаул. – Г. Д.) была неоднократно сжигаема мятежниками...».[2] Тем не менее «владетельский дом вынужден был искать убежище в Сухуме, а потом, согласно распоряжению начальства. переехать в Редут-Кале»[3]. Владетель не решался жить в пределах своего княжества, по одним данным, в течение 3 лет[4], а по другим – 6 лет, находясь «на иждивении правительства»[5]. Что же касается Асланбея, то он, как отмечал один автор, «проклинаемый всеми и всюду преследуемый, бежал в Турцию»[6].

Преемник А. П. Ермолова на Кавказе граф И. Ф. Паскевич 30 апреля 1827 года торжественно писал барону И. И. Дибичу, что «Абхазия... свернула наконец знамя бунта...»[7]. Но это мало соответствовало действительности. «Глухое брожение мало- помалу охватывало весь Кавказ»[8], и в 1828 году население Абхазии, вместе с «закубанскиими племенами», «приготовилось... ко всеобщему восстанию»[9].

В 20-х годах калдахварский князь Нарчоу Инал-ипа пытался обложить натуральной податью всех крестьян, которые признавали его патронат. Но где бы его сборщики кукурузы ни появлялись, «их выпроваживали, а кошелки ломали»[10].

В начале апреля 1830 года в с. Мерхеул собралось свыше 4 тыс. вооруженных крестьян, которые поклялись не подчиняться власти владетельного князя. Затем они пытались напасть на имение дру-

[1] ЦГАДА, ф. 1261, д. 1381, л. 97.

[2] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 165.

[3] Рап. Г. В. Розена А. И. Чернышеву от 5 июля 1834 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1834 г., д. 6312, лл. 13–24.

[4] ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 180–189.

[5] ССКГ, в. III, 1870. – С. 21.

[6] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23678, лл. 1–49.

[7] Арх. б. МИД, оп. 1–7, 1827 г., д. 2, лл. 1–2.

[8] Потто В. История 44-го драгунского нижегородского полка, т. III. Спб, 1894. – С. 2.

[9] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 180.

[10] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1038, лл. 1–46.

гого крупного абхазского феодала Гасанбея Шервашидзе в с. Келасури. Был сожжен дом владетеля Абхазии в с. Илори, а также были совершены нападения на Илорский и Пицундский храмы[1]. Командир Отдельного кавказского корпуса И. Ф. Паскевич, ссылаясь на полученные им сведения из Абхазии, в мае 1830 года писал графу А. И. Чернышеву, что владетель Абхазии М. Шервашидзе, «полагая опасным свое местопребывание» в с. Лыхны, «намерен перейти на жительство в Самурзакани»[2]. В 1832 году был сожжен дом со всем имуществом известного феодала Каца Маргания (Маан)[3].

В июне 1830 года была организована так называемая «Абхазская экспедиция». Целью этой экспедиции было, как определял ее И. Ф. Паскевич, овладение побережьем Абхазии и установление прямого сухопутного сообщения между Сухумом и Анапой[4]. Экспедиция была проведена с помощью владетеля Абхазии М. Шервашидзе и его дяди Гасанбея Шервашидзе. Ей способствовали пицундские князья Инал-ипа и другие абхазские феодалы. Высадка десанта в пункте Гагры вызывала особенно ожесточенное сопротивление со стороны «собравшихся во множестве» садзов и убыхов, хорошо понимавших цель данной операции: отрезать их от Абхазии, ибо Гагринские теснины, говоря словами Паскевича, служили «единственным ключом к сношениям между абхазцами и обитателями западного склона гор, сопредельного берегу Черного моря...»[5]. Гагринское укрепление систематически атаковалось в течение полутора месяцев. Этими атаками временами руководил непосредственно Хаджи-Берзек Догамуко – известный предводитель убыхов. Лишь преимущество в артиллерии дало возможность царским войскам удержать Гагринское укрепление. 16 августа, при нападении повстанцев в количестве около 2 тыс. человек, только орудия судовой артиллерии трех кораблей произвели 455 выстрелов по атакующим[6].

[1] Отношение И. Ф. Паскевича А. М. Чернышеву от 17 апреля и 15 мая 1830 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6239, лл. 1–7, 110–111.

[2] То же от 16 мая 1830 г. Там же, лл. I–7.

[3] ЦГИАГ, ф. ОВД, 1813 г., д. 34, л. 2.

[4] Предписание И. Ф. Паскевича К. Ф. Гессе от 28 марта 1830 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1829 г., д. 6234, лл. 59–70.

[5] Рап. И. Ф. Паскевича А. И. Чернышеву от 15 сентября 1830 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1830 г., д. 6339, л. 20.

[6] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6339, л. 38.

Хотя повстанцам не удалось выбить царские войска из Гагр, но все же их активная борьба заставила кавказское командование отказаться от продолжения «Абхазской экспедиции» дальше на север[1].

Следующий сильный штурм Гагринского укрепления произошел в июне 1835 года. Садзы и убыхи, в количестве около 3 тыс. человек, утром 10 июня подкрались к самому укреплению: одна часть со стороны моря, а другая – через ущелья, и бросились на штурм; «одни рубили палисад, другие лезли на туры и в амбразуры». Но по осаждавшим, стремившимся «с отчаянием вторгнуться в укрепление», был открыт «сильный картечный и ружейный огонь». Они, отступив на некоторое расстояние, «прилегли к земле, потом опять с ужасным криком бросились на укрепление и таким образом возобновляли свои нападения». В конце концов повстанцы на рассвете отступили, «будучи пораженными из укрепления огнем артиллерии и ружейным». В ночь с 11 на 12 июня было возобновлено нападение на Гагринское укрепление, но уже гораздо слабее, тем более, что к тому времени гарнизон был усилен[2].

В то же время начало активизироваться партизанское движение (абречество) в Гумской и Абжуйскои Абхазии. Выдвигаются и отдельные вожаки крестьянских выступлений, как например, члоуский крестьянин Исмаил Джапуа. С абреками-партизанами он в 1835 году совершал нападения на Илорское и Драндское укрепления; налетал на команды, следовавшие по дороге из Мегрелии в Сухум. Летом 1836 года Исмаил попал в плен. Генерал Розен приказал отправить его в Тифлис. В ночь на 23 июня его вывели из Драндского укрепления под охраной конвоя. Однако в 3 километрах от устья р. Кодор вооруженные крестьяне из Атара, Дранда и других сел (до 300 человек) открыли «сильную перестрелку и, неоднократно бросаясь на команду», отбили Исмаила Джапуа[3]. Он бежал с отрядом партизан в Цебельду. Это «подняло дух» повстанцев, «а

[1] Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. «Исторический сборник», 4. Изд. АН СССР, Л., 1935. – С. 142–143.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, л. 14; ЦГИАЛ, ф. 1087, д. 346, лл. 254 – 255; см. также сб. документальных материалов «Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов». Тбилиси, 1953. – С. 54–55.

[3] Справка канцелярии Военного министерства от 3 сентября 1830 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1836 г., д. 42–601, л. 3.

также взволновало всю Абхазию»[1]. И Михаил Шервашидзе, и царское командование были бессильны, чтобы принять «решительные меры к розыску и поимке» Джапуа, ибо за ним стояло крестьянство. Имя крестьянского вожака Исмаила Джапуа еще долго слышалось в Абхазии.

Князья и дворяне, беря в долг друг у друга, часто своими поручителями выставляли крестьян, что нередко для последних кончалось полным разорением и даже продажей в рабство. Наши источники сохранили немало данных, свидетельствующих о выступлениях крестьян против подобной практики феодалов. Когда в конце 1836 года абжуйский князь Григорий Шервашидзе явился в с. Джгерда, чтобы забрать человека, обещанного умершему его отцу Алибею в поруку за долг, то крестьяне организовали нападение, в результате чего со стороны князя был ранен один человек и убита лошадь. Владетель Абхазии поспешно выехал в названное селение, «чтобы прекратить беспорядки»[2]. Около 1838 года чхортольский князь Бату Эмухвари захватил крестьянина с. Окум Д. Булескирия, являвшегося поручителем Росто Эмухвари, должника Бату. Родственники Бу- лескерия, узнав о поступке князя Росто Эмухвари, начали преследовать его и сына Сасрыкву, которых заставили уплатить долг и тем освободить Д. Булескирия[3]. Балхуху Эмухвари, будучи должен, выставил своим поручителем крестьянина Шаматава. С последним случилось то же самое, что и с Д. Булескирия. Но его родственники также заставили князя Эмухвари выкупить поручителя[4]. Темурква Эмухвари задолжал бзыбским дворянам Маргания, жившим в с. Апцхва. Эмухвари поручителем дал окумского крестьянина М. Колбая. Но князь не уплатил своего долга, вследствие чего Маргания схватили поручителя и целый год держали его на цепи. Колбая дал знать своим родственникам о том, что его мучают. Последние «взбунтовали всех анхае и стали требовать возвращения поручителя». Эмухвари вынужден был освободить Колбая[5].

[1] Стефанов Т.Т. Указ. соч. – С. 163–164.
[2] ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 177, л. 3.
[3] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 30–40.
[4] Там же.
[5] Там же.

В этот период почти массовым становится бегство крестьян в Цебельду, Дал, Псху и другие горные районы, которые оставались еще вне пределов власти царской военной администрации, а также фактически не признавали власти владетеля Абхазии. Здесь, как уже отмечалось, феодальные отношения были менее развиты, основная масса крестьянства не была еще закрепощена; сохранялись в сильной степени пережитки институтов родового строя с его «демократическими» чертами и вольнолюбивыми стремлениями населения. Знать в этих районах была представлена различными ветвями фамилии Маршания (Маршьан), являвшихся лишь номинально вассалами владетельных князей Шервашидзе. Население горных обществ долго и упорно защищало свою «вольность» от посягательств на нее со стороны феодальных владетелей Абхазии. В 1810 году цебельдинские князья отказались «быть покорными России и не признали над собой владельцем» Сафарбея Шервашидзе[1].

В то же время указанные горные районы, отгороженные высокими хребтами и окруженные густыми лесами, были надежным убежищем для бежавших с побережья крестьян, которые отсюда совершали смелые набеги на владения прежних своих господ. Еще в 1824 году генерал Горчаков требовал: «Всем абхазским князьям делать на них (цебельдинцев. – Г. Д.) нападения, отбивать скот и вообще действовать против них оружием»[2]. Барон Розен в 1834 году также требовал от цебельдинских князей Маршания вести решительную борьбу против набегов крестьян со стороны Цебельды на владения феодалов, а также «не принимать и не держать у себя беглых мингрельцев и абхазцев, а выдавать оных всякий раз владетелям их»[3].

Кроме того, в горные районы Абхазии с береговых укреплений бежали, как уже отмечалось, русские солдаты. Ввиду важности этого явления с точки зрения анализа классовой борьбы, следует несколько подробнее остановиться на нем. Прежде всего, причинами массового бегства русских солдат были: 25-летняя, невероятно тяжелая, армейская служба, ненависть к самодержавию, чувство общности их интересов с интересами местного крестьянского на-

[1] Предписание ген. Тормасова ген. Симоновичу от 9 января 1811 г. АКАК, т. IV. – С. 426-427.
[2] АКАК, т. VI. – С. 665-666.
[3] Там же, т. VIII, ч. 1. – С. 455.

селения. Обстановка службы солдата на Кавказе имела свои особенности, она была во много раз тяжелее обычной. Известный русский писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, сосланный на Кавказ и здесь в 1836 году получивший назначение в Гагры, в своем письме от 19 июня 1836 года из Керчи, куда он был переведен в госпиталь, писал: «Есть на берегу моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. В этом ущелье устроена крепостишка, которую враги бьют со всех сторон в окошки, где лихорадка свирепствует до того, что полтора комплекта в год умирает из гарнизона, а остальные не иначе выходят оттуда, как смертоносными... Одним словом, имя Гагры... однозначуще со смертным приговором... Мне опять хуже; лихорадки с разными вариациями возвращаются вновь и вновь. Я похож на тень и только по боли чувствую что я тело...». В письме от 6 августа того же года Марлинский писал: «О Гаграх писал Вам подробно; это просто гроб»[1]. Об этом писал и профессор Нордман, видевший Гагры в 1837 году[2].

Г. И. Филипсон, говоря о Сухумской крепости, также писал, что она «казалась каменным гробом: нельзя было встретить свежего, здорового лица... В Сухум мы ежегодно посылали 16% штатного числа нижних чинов (солдат. – Г. Д.) на укомплектование, т. е. средняя жизнь считалась там почти в шесть лет»[3].

Поэт – моряк Е. П. Зайцевский в стихотворении «Е. Ф. Р-ой», относящемся к началу двадцатых годов XIX века, писал:[4]

……..
Горим на солнечных лучах,
Тоску любви, разлуки горе

[1] «Русский вестник», апрель, 1901.

[2] Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю. ЖМНП. №11, 1838. – С. 412.

[3] «Русский архив», кн. 1, 1884. – С. 204.

Доктор медицины Н. Торопов писал: «О том. какая страшная была смертность в наших укреплениях бывшей Черноморской береговой линии, можно судить уже потому, что там считали делом весьма обыкновенным, когда в год вымирало более десятой части всего гарнизона. Но были и такие укрепления, где в течение 3–4 лет целый состав гарнизона переменялся, т. е. вымирал» (Н. Торопов. Опыт медицинской географии Кавказа. – С. 165–166).

[4] Цит. по книге В. Шадури « Русские писатели о Грузии». Тбилиси, 1951. – С. 409–410.

Кой-как влачим на Черном море
И озираемся назад,
Не идет ли сменный нам отряд.

Р. де Скасси, посетивший Абхазию в 1818 году, передает, что число русских солдат-дезертиров и пленных здесь достигало около трех тысяч человек, «значительная часть» которых были «женаты на местных женщинах»[1]. Скасси сильно преувеличивал эту цифру. Но несомненными являются данные генерала Розена, который в рапорте от 20 мая 1837 года на имя военного министра графа Чернышева о ходе карательной экспедиции в Цебельду сообщал, что им обнаружено было там 129 русских солдат[2], а в рапорте от 8 мая того же года писал, что между беглыми солдатами и матросами, «разновременно увлеченными в плен и бежавшими к горцам», есть несколько человек, находящихся здесь более 15 лет, два человека – 25 лет и один – до 30 лет. Они большей частью имеют «семейства и оседлость и даже по здешним понятиям некоторый достаток»[3]. При этом Розен подчеркивал, что многие из этих солдат, когда их вели в лагерь, «бежали с дороги», не желая явиться к царскому командованию[4].

Военный министр Чернышев «дозволил» этим «беглым» солдатам «по желанию их остаться со своими семействами в местах настоящего их жительства». Таким образом оставленных в Цебельде русских людей оказалось 24 человека, а в семействах их–54 чел. мужского и 42 женского пола. Преемник Розена генерал Головин в рапорте на имя Чернышева от 8 сентября 1838 года с тревогой писал, что от этих солдатских семей, расселенных в горной Цебельде, «никакой не может проистекать пользы для правительства», так как они живут одной жизнью с местным населением[5].

Характерно, что «беглые солдаты», находившие себе приют и братское сочувствие у местного крестьянства, встречали иное отношение со стороны представителей феодального класса. Очень часто, стараясь выслужиться перед царским командованием, абхаз-

[1] АКАК, т. VI, ч. 1. – С. 646-658.

[2] Там же, т. VIII, ч. I. – С. 461.

[3] АКАК, Т. VIII. ч. I. – С. 459.

[4] Там же.

[5] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6349, лл. 15–16.

ские феодалы вылавливали бежавших русских солдат и приводили их обратно к царскому командованию, предававшему солдат военному суду. 129 русских солдат, о которых говорилось выше, были доставлены царскому командованию цебельдинскими и дальскими князьями Маршания.

Владельцы с. Хышвха (Хышэха), князья Анчабадзе (Ачба), вступая в подданство России в 1840 году, обязались «беглых солдат по поимке возвращать с платою им за каждого по 10-ти руб. сер.»[1]. «За поимку беглого солдата» Черноморского линейного № 8 батальона Ивана Руденко, бежавшего из укрепления Св. Духа (Адлер) 20 мая 1841 года, феодалы Муса и Ислам Аредба (Ардба) получили 10 рублей серебром[2]. Прочитав донесение военного министра Чернышева об этом, Николай I «с особым удовлетворением высочайше одобрить соизволил сделанные... распоряжения к награждению» указанных лиц, «являвших выдачей беглого солдата столь похвальный пример своим единоземцам»[3].

Но через голову царских генералов и местных феодалов крепли и развивались братские узы народных масс России и всего Закавказского края. Поэтому как царское командование, так и абхазский владетель были крайне заинтересованы в подчинении горных районов Абхазии, ставших очагами «беспокойства», партизанского движения. Однако этот процесс затянулся на несколько десятилетий и фактически был завершен лишь в 60-х годах XIX века, хотя сюда было направлено несколько крупных военных экспедиций, в которых активное участие принимали и абхазские феодалы во главе с владетелем Михаилом Шервашидзе. Уже вслед за официальным присоединением Абхазии к России ставился вопрос об организации экспедиции в Цебельду, чтобы привести «в покорность строптивых цебельдинских народов и дабы заставить их признать над собою власть законного их владельца Сефер-Али-бея»[4]. Но тогда это было признано «весьма трудным» делом[5].

[1] Рап. М. М. Ольшевского И. Н. Раевскому от 10 марта 1840 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6411, лл. 2–4.

[2] Рапорт И. Р. Анрепа Е. А. Головину от 18 июня 1841 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1841 г., д. 6435, л. 62.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6435, л. 63.

[4] Письмо ген. Тормасова кн. Манучару Шервашидзе от 9 января 1811 г. АКАК, т. IV. – С. 426.

[5] Рапорт ген. Симоновича ген. Тормасову от 8 февраля 1811 г. Там же. – С. 430.

Только в 1837 году состоялась первая экспедиция в этот район под непосредственным начальством главнокомандующего на Кавказе барона Г. В. Розена[1]. Войска (7 тыс. штыков) действовали чрезвычайно жестоко, огнем артиллерии уничтожая целые села, тем самым еще сильнее возбуждая ненависть к царизму и абхазскому владетелю со стороны населения, которое оказывало упорное сопротивление.

Розену удалось добиться «присяги на верность» от некоторых представителей рода князей Маршания (Баталбея, Хинкураса, Зосхана), которые согласились на пребывание в Цебельде русского пристава, в данном случае прапорщика Лисовского, но Шабат и Эшсоу Маршания оказали сопротивление. Не сложили оружия и крестьянские массы, а за Цебельдой находился еще неприступный и воинственный Дал[2]. Опора же, которая царским командованием была приобретена в лице представителей князей Маршания, была слишком ничтожна и ненадежна. Таким образом, подчинение горной Абхазии оставалось для царского командования и абхазского владетельного князя еще не разрешенной проблемой. Подчинить «их (цебельдинцев. – Г. Д.) весьма трудно» было еще и потому, что, как писал еще в феврале 1811 года генерал Симонович генералу Тормасову, «имеют они сообщение с Большою Кабардою», владетель которой – Бесяслан Мисоустов – советовал им защищать свою вольность[3].

Вслед за Цебельдинской экспедицией войска немедленно были переброшены на территорию прибрежных садзов. «После сильной канонады горной артиллерии против завалов и окопов прибрежных горцев под ее прикрытием» Розен высадил на берег войска, которые, «после довольно значительного сопротивления», заняли мыс Адлер. Здесь у устья р. Мзымта 18 июня было заложено укрепление Св. Духа (ныне Адлер)[4].

В 1838 году в Самурзаканской Абхазии крестьяне, привлеченные к дорожным работам, подняли «большой ропот» и многие с

[1] См. Обзор военных действий на Кавказе, составленный Г. В. Розеном 31 сентября 1837 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1837 г., д. 6329, лл. 1–111.

[2] В источниках Дал иногда фигурирует как «Верхняя Цебельда» или «Восточная Цебельда», а Цебельда – «Нижняя Цебельда».

[3] АКАК, т. IV. – С. 430.

[4] Розен Г. В. Обзор военных действий...; см. также АКАК, т. VIII, ч. II. – С. 870–877.

работы бежали[1]. В это время между самурзаканскими князьями Шервашидзе возник спор из-за небольшой территории в с. Оцарце. Бату и Алмасхан Шервашидзе (с. Саберио), не видя возможности выиграть дело, обратились к владетелю Мегрелии Левану Дадиани, которому за 1 тыс. руб. продали вместе с крестьянами землю в Оцарце между ручьями Тбрхули и Хумала и часть территории, принадлежавшей с. Чубурисхинджи. Население Чубурисхинджи, узнав об этой сделке, «восстало и хотело драться с Шервашидзевыми». Но видя, что против них заодно идет и владетель Мегрелии, они разошлись по домам. Тем не менее Шервашидзе вынуждены были вопрос о передаче земли Дадиани отложить, и он возник снова лишь в 1867 году[2].

Зима 1839–1840 годов была на Черноморском побережье Кавказа очень суровой. В результате массового падежа скота и полного истощения хлебных запасов, крестьяне северо-западных районов указанной территории, которые особенно сильно терпели страшные лишения, пригнали к русским укреплениям остаток скота, чтобы выменять его на хлеб. Но царское командование категорически запретило выменивать горцам хлеб, несмотря на наличие больших его запасов здесь в это время. Более того, оно считало это обстоятельство для себя весьма благоприятным. «Они (горцы. – Г. Д.), без сомнения, вынуждены будут на все согласиться, потому что голод и хищных зверей делает ручными», – писал с циничной откровенностью контр-адмирал Серебряков[3].

Но эта жестокая мера лишь еще больше усилила ненависть горцев к царизму, и скоро Черноморское побережье запылало в огне всеобщего восстания. В течение февраля и марта 1840 года один за другим пали важнейшие береговые укрепления: Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское, и таким образом была прорвана Черноморская береговая линия. Надо сказать, что в этом выступлении горцев имела влияние и деятельность турецких и английских агентов, которые в этот период вели подрывную работу среди кавказских горцев, стараясь использовать в своих целях любое антирусское выступление на Кавказе. На Западном Кавказе, как уже

[1] ЦГВИА, ф. 283, 1844, д. 151, лл. 91 – 104.

[2] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 110.

[3] Рап. Серебрякова Н. Н. Раевскому от 31 января 1841 г. АКАК, т. IX, ч. I. – С. 500.

указывалось, наряду с турецкими, активно действовали английские агенты, направляемые туда при посредстве британского посольства в Константинополе и турецкого правительства.

Восстание, начатое убыхами и шапсугами, грозило охватить и Абхазию. Через примкнувших к восстанию садзов весть о разгроме береговых укреплений быстро распространилась по всему Абхазскому побережью. Убыхи обратились с призывом к жителям Цебельды и Дала, озлобленным бесчеловечными действиями карательного отряда барона Рсзена в 1837 году. Последние, призвав на помощь псхувцев и сванов, решили изгнать пристава Лисовского и заставить князей Маршания отречься от своей присяги на верность царизму[1].

Борьбу возглавил дальский князь Шабат Маршания, непокорность которого царизму и преданным царизму абхазским феодалам, в том числе и родным его братьям, хорошо были известны крестьянству. Еще в марте 1837 года Шабат по приказанию Розена был схвачен и выслан из пределов Абхазии. Он просидел более года в Метехском замке в Тифлисе, а затем был отправлен на фронт в Дагестан. В ноябре 1838 года Шабат вернулся на родину в чине прапорщика и с тех пор тайно готовил восстание. Чтобы привлечь к движению колеблющиеся элементы, однажды, бросив в огонь свои эполеты и темляк, он воскликнул: «Я обласкан русским начальством, я офицер и мне обещали хорошее содержание, но для избавления родины жертвую всем». Обращаясь к нерешительному Халылбею Маршания, Шабат сказал: «Помоги мне в этом славном деле... Иначе мы не признаем тебя родственником, князем Маршани... Враги твои будут друзьями нашими, и без мести прольется кровь твоя, как кровь нам чуждого...»[2]. По отзыву Н. Н. Раевского, Шабат был «умный и отважный», красноречию которого были «все слепо послушны»[3].

Вокруг Шабата и Эшсоу Маршания группировались те, кто хотел продолжать борьбу против гнета царского самодержавия. На стороне же Хинкураса, Баталбея и Зосхана Маршания стояла знать,

[1] Фадеев А. В. Абхазия в первой половине XIX в. – С. 155–158.

[2] Колюбакин Н. Картины и характер Кавказа. ЦГИАП, ф. 416, д. (200) XIII, лл. 168–187.

[3] Рап. Н. Н. Раевского Е. А. Головину от 2 ноября 1840 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6392, лл. 7-8.

предпочитавшая сопротивлению сделку с царизмом. Это они, желая выслужиться перед царским командованием, выследили и захватили в плен своего брата Шабата; это Баталбей, стремясь «первенствовать» в Цебельде, в 1840 году также вероломно схватил Халылбея Маршания и привел связанным к сухумскому коменданту, после чего он был расстрелян, а Эшсоу преследовал всю свою жизнь. Одержав, таким образом, «победу» над своими братьями, Баталбей «овладел их землями»[1].

В ночь на 9 июня 1840 года отряд крестьян, руководимый Шабатом, в Цебельде напал на дом Баталбея и арестовал его, затем осадил укрепленный замок Хинкураса. Это послужило сигналом. В ту же ночь 60 дальских крестьян под предводительством Халылбея Маршания, вслед за этим расстрелянного в Сухуме, атаковали Мрамбское укрепление и сожгли дом пристава, а его ранили. Но скоро на помощь к приставу пришли дальские князья Мсоуст и Зосхан Маршания. Дальцы отступили, уничтожив мост через р. Кодор, чтобы затруднить доступ в Багадское ущелье, по которому шла тропа в Дал.

Тем временем в Сухуме, совместно с преданными царизму представителями цебельдинских и дальских князей Маршания, был разработан план новой экспедиции, которая вскоре выступила под командой подполковника Козловского. В ней активное участие приняли многие абхазские феодалы во главе с владетелем Абхазии, которые выставили ополчение в 2.280 человек. Семеро Маршания, побывавшие в штабе Козловского, всячески старались облегчить продвижение карательного отряда в глубь района. Один из крупнейших абхазских феодалов Кац Маан свое конное подразделение провел через Панавский хребет и нанес удар в тыл повстанцев в Ольгинском ущелье. Совершив глубокий рейд в нагорную часть Цебельды, он освободил осажденного Хинкураса и арестованного Баталбея Маршания. В Цебельде «порядок» снова был «восстановлен». Но в Дал отряд двигаться не решился. В Мрамбе были оставлены две роты[2].

Тем не менее Мрамбский гарнизон не мог гарантировать «покорность» Цебельды. Все лето 1840 года продолжались набеги на

[1] ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 41, лл. 44–49.

[2] Рапорты Е. А. Головина от 20 нюня и Н. Н. Раевского от 15 июля 1840 г. А. И. Чернышеву. ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6417, лл. 1–5, 7–17.

побережье, на помещичьи владения. На всей границе Дала были сделаны «завалы», расставлены отряды, караулы и т. д. Укрепляя «завалами все тропы своего ущелья», – как писал генерал Н. Н. Раевский, дальцы ожидали «на помощь 1000 горцев, которых Хаджи-Берзек обещал им прислать на всю зиму»[1]. Помимо убыхов дальцы старались также установить связи с Карачаем и Кабардой. Они послали гонца с целью разведать «со всей подробностью о действиях Шамиля»[2]. Тем временем и в Абжуйской Абхазии происходили крестьянское движение во главе с Измаилом Допуа[3].

Поспешно были усилены гарнизоны в Сухуме, Бамборах, Гаграх и других укреплениях. Вместе с тем в ноябре и декабре 1840 года начальник 3 отделения Черноморской береговой линии полковник Н. Н. Муравьев, при полном одобрении и поддержке абхазской феодальной знати, приступил к формированию экспедиционного отряда для «усмирения» Дала. Отряд был составлен из 6 рот пехоты при 2 орудиях и 4 гекорновых мортирках. К нему присоединилась собранная местными феодалами милиция, общая численность которой достигала 1300 человек. Ею командовали Дмитрий Шервашидзе, Хинкурас Маршания, Куджмахан Эмухвари, Тада Анчабадзе и др.

Муравьев спешил покончить с Далом раньше, чем ему могла быть оказана помощь со стороны убыхов и других соседей. Экспедиционный отряд, пушечным огнем прокладывая себе путь к Далу, в конце декабря штурмом завладел «Багадскими воротами»; перешел на правый берег р. Кодор и ворвался в горный район, каждую пядь которого отстаивали его обитатели. 31 декабря войска, в авангарде которых шел отряд Д. Шервашидзе, заняли центр Дала – села Лата и Варда. «Жители, отступая, сами жгли свои жилища, упорство казалось неукротимо...», а что оставалось несожженным, уничтожалось войсками, движение которых вообще «сопровождается совершенным истреблением всех жилищ и имущества[4]. В этом особенно усердствовал Хинкурас Маршания.

[1] Рап. Н. Н. Раевского Е. А. Головину от 2 ноября 1840 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6392, лл. 7–8.

[2] Рап. Н. Н. Раевского А. И. Чернышеву от 17 октября 1840 г. Там же, лл. 1–4.

[3] Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. – С. 152.

[4] Рап. Н. Н. Муравьева Е. А. Головину от 1 января 1841 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6392, лл. 37–42.

Муравьев в рапорте на имя командира Отдельного кавказского корпуса Е. А. Головина 7 января 1841 года писал[1], что пространство от с. Амзара до верховьев р. Кодор, на протяжении около 60 верст, где жило 500 семейств (около 6 тыс. душ), он решил «оставить совершенно пустым». Стечение обстоятельств благоприятствовало этому намерению: Дал кроме природных жителей оного был населен бежавшими из различных соседственных владений, а все князья цебельдинские, двух абхазских округов и самурзаканские находились в отряде, им принадлежали беглецы, а остальные по всей справедливости принадлежат прап. кн. Хинкоросу Маршания, который из всех сыновей Даруковых оставался один постоянно верным правительству. Этого князя с 500 чел. абжавской милиции послал я в Верхний Дал, и туда же всех князей, которым принадлежали беглецы с цебельдинским приставом. Всем строго приказано было, пользуясь присутствием отряда и общим в Дале страхом, немедленно вывести отсюда всех жителей со всеми их имуществами, а жилища предать пламени. Князьям взять в свои владения всех им принадлежащих [людей]; все русские семейства (бывших солдат. – Г. Д.) предоставить ко мне, а кн. Хинкорос со своими людьми по изъявленному им желанию намерен поселиться в Абхазии»[2].

Абхазские феодалы, интересы которых тесно совпадали с интересами царского самодержавия, ревностно осуществляли приказания полковника Муравьева. Последний торжественно доносил: «СЗ уже числа распоряжение это приводится в исполнение, мимо отряда проходят дальские семейства толпами со всеми их имуществами, а с ними и семейства бежавших князей. Не позже как 9 числа Дал будет совершенно пуст, прап. кн. Хинкорос, выведя жителей, предал пламени их жилища от самых верховьев Кодора... Последняя мера совершенно необходима для того, чтобы здесь не оставалось и крова для людей беспокойных, которые бы хотели опять сюда бежать»[3]. Сам Муравьев признавал свои репрессии «мерой самой решительной и едва ли не беспримерной на Кавказе». «На страже этого опустошенного ущелья» был поставлен Хинкурас Маршания,

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6392, лл. 43–44 об.
[2] ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6392, лл. 43–44 об.
[3] Там же.

«дабы никто не дерзал возвращаться сюда»[1]. Хинкурас был одним из близких к владетелю людей и был женат на его сестре.

Причина поражения дальцев заключалась не только в численном и техническом превосходстве противника. Их слабость была в отсутствии необходимой организации и руководства. Шабат и Эшсоу не могли быть руководителями крестьянской массы. До этого еще наблюдалось, что в решительные моменты они проявляли склонность к соглашению, а в данном случае они вообще не проявили себя и бежали из края[2].

Однако «беспримерная» жестокость только еще больше усилила ненависть дальских крестьян к царизму и местным феодалам. Укрывшись в дремучих лесах, они обошли отряд Муравьева и спустились к Багадской теснине. Отряд начал панически отступать, причем с помощью местных феодалов, по другой, окружной дороге – через с. Наа, где было расположено имение Хинкураса Маршания. Преследуемый дальцами по тяжелой горной тропе карательный отряд едва пробился к названному селу, бросив всю свою добычу. Сам Муравьев растерялся: «Нервы Муравьева не выдержали, – писал генерал Г. И. Филипсом. – Он заболел... Говорили, что Муравьев, выпил более, чем мог перенести»[3].

Тем не менее Муравьев получил генеральский чин: награждены были и абхазские феодалы, проявившие усердие в расправе над мирным населением горного Дала. В частности, Кац Маргания получил чин полковника.

Михаил Шервашидзе и его князья и дворяне были верными проводниками колониальной политики царизма и в соседних районах Западного Кавказа. Примером может служить «приведение к покорности» садзов (джигетов), представители феодальной верхушки которых (Гечба, Цанба, Хамышь и др.) в мае 1841 года дали клятвенное обещание на «верность» императору. По поводу этого акта начальник Черноморской береговой линии Анреп в рапорте на имя Головина 25 мая 1841 года писал: «...Спешу доложить вашему высокопрву, что главным виновником покорения джигетов был владетель Абхазии генерал-майор кн. Михаил Шервашидзе, которо-

[1] Там же.
[2] Фадеев А. В. Абхазия в первой половине XIX в. – С. 172–173.
[3] Воспоминания Г. И. Филипсона. «Русский архив», №1, 1884. – С. 208.

го ревность к пользам нашего правительства превосходит всякую похвалу»[1]. Такую же роль играл М. Шервашидзе и в Убыхии, где среди представителей племенной знати также проявлялись тенденции к соглашению с царизмом. За такое усердие владетель в 1841 году был награжден орденом св. Анны[2].

Между тем в Абхазии борьба крестьянства становится особенно активной. Этот новый подъем освободительного движения абхазского народа был обусловлен восстанием в Гурии, которое, как известно, оказало сильное влияние на Имеретию, Мегрелию, Абхазию и т. д. Генерал Анреп писал: «Невольный свидетель, я видел, как быстро развивалась весть о восстании в Гурии по всему восточному берегу (Черного моря), какие симпатии и надежды она возбудила не только в непокорных народах, но даже в тех, которые издавна пользовались всеми выгодами гражданства под сенью нашего правительства»[3]. Когда М. Шервашидзе и другие абхазские феодалы по распоряжению царского командования приступили к сбору ополчения (милиции) для участия в подавлении гурийского восстания, то даже их подвластные крестьяне отказались от участия в этом феодальном ополчении. Вместо 600 милиционеров в Самурзаканской Абхазии с трудом удалось собрать 336 человек. В Абжуйской же Абхазии М. Шервашидзе вообще отказался от всякого сбора, так как «иначе, – говорил он Анрепу, – абживцы (абжуйцы. – Г. Д.) явно ослушались бы меня»[4]. Муравьев в рапорте на имя Анрепа 1 сентября 1841 года писал: «Из представленного мною рапорта самурзаканского пристава о малоуспешном сборе милиции ваше превосходительство уже изволили усмотреть, сколь вредное имеет влияние на умы туземцев гурийское возмущение...»[5].

Кавказское командование, учитывая, что «если первые пушечные выстрелы раздадутся в Гурии, то последние могут кончиться в Анапе и на берегах Каспийского моря», – как писал генерал Анреп,

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, 1841, д. 6435, л. 11.

[2] Там же, л л. 23–27.

[3] Цит. по книге Г. В. Хачапуридзе «Гурийское восстание в 1841 году». Заккнига, 1931. – С. 62.

[4] Волконский Н. А. 1840, 1841, 1842 гг. на Кавказе. «Кавказский сборник», т. XIII. – С. 421.

[5] Цит. по книге П. В. Гугушвили «Сельское хозяйство и аграрные отношения», т. I. – С. 617.

спешило как можно скорее ликвидировать гурийское восстание 1841 года[1]. Именно «сознание необходимости для всего восточного берега скорейшего усмирения Гурии» заставило генерала Анрепа отправиться в Гурию лично, а также посетить Мегрелию, куда он собирался перебросить крупные военные силы. Анреп был твердо уверен, что немедленное «усмирение» Гурии «не только могло поправить все дела, но дать им еще лучше прежнего оборот»[2].

Царское командование вынуждено было временно приостановить свое наступление против горцев Западного Кавказа. Крестьянское движение в Гурии было жестоко подавлено. «Но, – писал генерал Раевский, – как и должно было ожидать, весть об этом не могла нисколько вознаградить того зла, которое сделало для нас в расположении горцев известие об этом несчастном смятении»[3].

В южных районах Абхазии начались серьезные крестьянские волнения. В то же время снова спустились с гор конные отряды дальцев, совершавшие набеги на береговые укрепления и феодальные поместья. В ответ в Цебельду и Дал вновь и вновь направлялись карательные войска, в том числе отряды, сформированные абхазскими феодалами.

В ноябре 1841 года экспедицию снова возглавил генерал Муравьев. Он выступил к «Багадским воротам», но не решился углубиться в Дал, направив туда лишь конный отряд Д. Шервашидзе (120 всадников), который сжег несколько поселков и вернулся обратно. Муравьев отвел свои войска в Цебельду. Здесь он арестовал пять «наиболее неблагонамеренных» человек и в порядке контрибуции конфисковал 150 голов рогатого скота, после чего Муравьев со своим отрядом вернулся в Сухум 7 ноября 1841 года[4].

Таким образом, Дал по-прежнему оставался непокорным, являясь одним из важнейших очагов освободительной борьбы в Абхазии против царизма и его опоры в лице местной феодальной знати. Уже летом 1842 года в Цебельде и Дале снова усилилось партизанское движение. Снова формируется карательный отряд. При этом приме-

[1] Хачапуридзе Г. В. Крестьянское движение в Грузии в XIX столетии. – С. 25.

[2] Волконский Н. А. Указ. соч. – С. 423–424.

[3] Рап. Н. Н. Раевского А. И. Чернышеву от 16 октября 1841 г. АКАК, т. IX, ч. I. – С. 513.

[4] Рап. И. Р. Анрепа А. И. Чернышеву от 15 ноября 1841 г. АКАК, т. IX, ч. I. – С. 519–523.

чательно, что самурзаканские крестьяне категорически отказались от выступления в составе феодального ополчения (милиции)[1].

22 августа 1842 года было устроено нападение на Мрамбское укрепление, отбитое с большими потерями. В кровопролитной схватке был убит Шабат Маршания[2]. По этому поводу Н. П. Колюбакин писал: «Есть люди, которых несчастное стечение обстоятельств увлекает в бездну преступлений; но Шабат сам вольно, по какому-то внутреннему призванию, выбрал из многих представляющихся ему путей к известности и счастью поприще крови, по которому он шел упорно, радостно и в конце которого нашел смерть»[3]. Шабата сменил его младший брат Эшсоу. О «неуловимом абреке Эшсоу» говорят наши источники в течение многих лет.

Начальник Черноморской береговой линии генерал И. Р. Анреп в рапорте на имя военного министра П. А. Клейнмихеля 6 июня 1842 года сообщал, что Гума, Джгерда и Члоу «мало признают над собою власть удельных князей и самого владетеля Абхазии». Он, вместе с тем, писал: «Псху есть горное общество абхазского племени, живущее по верховьям р. Бзыбь. Оно имеет от 400 до 500 дворов и служило прежде убежищем всех беглецов из Абхазии»[4]. В этот горный район в конце декабря 1843 года была направлена карательная экспедиция непосредственно под руководством владетеля Абхазии, который вместе с другими абхазскими феодалами собрал ополчение в 3.700 милиционеров. Отдельными отрядами командовали Кац и Хасан Маргания, Александр и Григорий Шервашидзе. «Я сел на коня, – писал владетель, – и за мною последовали все верные князья и дворяне». «Псхувцы, – хвастливо сообщал он далее, – увидели с одной стороны милицию, так сказать, висящую над головами и отделяющую их от домов и семейств, а с другой стороны – наступающую на них грозную силу; они еще накануне услышали выстрел нашей зоревой пушки и поняли, что для них нет спасения вне безусловной покорности». М. Шервашидзе цинично заявлял, что он мог бы «истребить Псху и не оставить в нем камня на камне...»[5].

[1] Рап. И. Р. Анрепа П. А. Клейнмихелю от 14 июля 1842 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1842 г., д. 6470, лл. 76–77.

[2] То же Е. А. Головину от 12 сентября 1842 г. Там же, лл. 105–109.

[3] Колюбакин Н. Указ. рук.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, 1842 г., д. 6470, лл. 51–61.

[5] Рап. М. Шервашидзе А. И. Будбергу от 8 января 1844 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1844 г., д. 6540, лл. 2–8.

Населению Псху были продиктованы «условия покорности», из которых главными были следующие: «В их земле не должны проживать и через оную проходить все люди нам недоброжелательные; все беглые русские и абхазцы должны быть выданы и впредь выдаваемы...»[1]. Усердие абхазских феодалов перед царизмом и на этот раз было вознаграждено: М. Шервашидзе, к тому времени обладавший уже чином генерала, получил орден св. Владимира 2 ст.[2]

Однако, констатировалось в № 15 газеты «Кавказ» за 1859 год, «абхазского племени общество Псху, населяющее высокую горную долину в верховьях р. Бзыбь..., надеясь на неприступность своей местности, окруженной со всех сторон горными хребтами, и на союз убыхов, оно до такой степени мало изменило свои отношения к нам, что мы даже не причислили псхувцев к числу покорных племен».

Активной была борьба горцев за свою независимость и во второй половине 40-х годов. Достаточно сказать, что только за 1846 год на Черноморской береговой линии было 88 сражений, из них наибольший процент падает на укрепления, расположенные на территории убыхов. 15 января 1846 года абхазские партизаны напали на Пицундский гарнизон, а 4 февраля произошла стычка между абреками и отрядом Сухумского гарнизона[3]. Абреческое движение по-прежнему особенно сильно было в районах Цебельды и Дала. В 1850 году, например, наблюдались набеги на Гун, Члоу и другие села, на владения феодалов.

В полной мере относится к освободительному движению в Абхазии высказывание Ф. Энгельса о том, что сила кавказских горцев заключалась в их непрерывных вылазках из своих гор на равнины, во внезапных нападениях на царские позиции и аванпосты, в быстрых набегах в глубокий тыл передовых линий противника, в засадах на пути его колонн[4]. Все это, как уже отмечалось, наблюдалось, например, в выступлениях 20–40-х годов. К этому лишь добавим характеристику современника событий – этнографа и офицера С. Т. Званба о «боевых качествах абхазцев». «Убыхи, – писал он,

[1] Там же.

[2] Предписание А. И. Чернышева А. И. Нейдгарту от 7 февраля 1844 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1844 г., д. 6540, лл. 14–15.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6597, лл. 12–14.

[4] Энгельс Ф. Горная война прежде и теперь. Избран. военные произведения, т. I. Госвоениздат, М., 1940. – С. 322.

– хорошо действуют массами в открытом поле, и в этом отношении имеют преимущество над абхазцами; абхазцы же между горскими племенами считаются отличными стрелками; дерутся очень хорошо врассыпную, пользуясь с особой смелостью местоположением; и в местах лесистых, перерезанных оврагами, всегда одерживают верх над убыхами»[1]. «Абхазцы удивительные мастера пользоваться местностью и прятаться за деревьями»,– отмечал и корреспондент газеты «Кавказ» 8 сентября 1866 года, описывая ход восстания в Абхазии в это время.

Что же касается вооружения абхазцев, то еще И. А. Гюльденштедт писал, что оно состояло в саблях и ружьях, также в луках и стрелах[2]. К этим видам С. Броневский добавлял пистолеты и кинжалы[3]. Э. Спенсер писал, что люди, которых он видел в Бамборах, «были вооружены кинжалами, ружьями или шашками»[4]. Все эти предметы вооружения, как мы видели, в основном производились в самой Абхазии.

Участились факты захвата крестьянами помещичьих земель и лесов. Когда в 40-х годах умер дворянин Чахмат Эшба, то на его земле в Ткварчели «произвольно» поселилось 60 дымов[5]. Гальский крестьянин Будгу Тарба захватил часть леса дворянина Мурзакана Маргания и расчистил себе землю для посева и пастьбы[6]. Крестьянин Джогория Лаблаа поселился в имении князя Тлапса Маршания в с. Гуп. Маршания прогнал названного крестьянина, а занятый им участок продал[7].

На бесчинства феодалов крестьяне часто отвечали их убийством. В этом отношении, кроме уже приведенных, известны следующие факты, хотя некоторые из них и относятся к более раннему периоду, по-видимому, к XVIII веку. В с. Эмхы и Апцхва за попытку воспользоваться правом первой ночи «были умерщвлены владельцы этих родов мужьями жертв» – крестьянами Дбар и Чанба. Дбар (с. Эмхы) по совершению убийства прибег под покро-

[1] Званба С. Т. Этнографические этюды. – С. 51.
[2] Гюльденштедт И. А. Указ. соч. – С. 142.
[3] Броневский С. Указ. соч. – С. 325.
[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1014, л. 35.
[5] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 139–156.
[6] Spenser E. Указ. соч., письмо XXX.
[7] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 35.

вительство Лыхненской церкви и этим избавился от мести, а крестьяне Чанба (с. Апцхва) жили в разных местах и только в третьем поколении, в 50-х или 60-х годах XIX века, возвратились на старое свое место[1].

А. Н. Введенский, возражая Н. Ф. Дубровину, утверждавшему, что князья в Абхазии считались лицами неприкосновенными, писал в 1872 году: «Не приводя примеров позднейшего времени, когда, по словам некоторых, под влиянием деспотичного управления кн. Михаила Шервашидзе, значение высших сословий намного пало, я укажу на убийство тавада Цамба (Цанба. – Г. Д.), бывшего четыре поколения тому назад»[2]. Гагрипшский князь Састынгаз Анчабадзе в 1865 году рассказывал, что на его памяти один из крестьян феодала Инал-ипа Куата Джакония убил садзского князя Джамлета Цанба[3]. Вскоре после случая с князем Цанба, о котором писал Введенский, один из пастухов убил князя Инал-ипа, «и убил не случайно, а подкарауливши»[4].

Около 1840 года крестьянин Дахюква Тарба участвовал в убийстве одного из дурипшских дворян Лакрба, за что владетель Абхазии подарил его Кацу Маргания, а тот перевел Тарба в свое с. Хуап[5]. В с. Чхортоли крестьяне Читанаа убили своего помещика и бежали (6 дымов) во владение Д. Г. Шервашидзе, где они были поселены в с. Багажиашта[6]. Князь с. Капшкыт Хаджилобей Эмухвари, проезжая через с. Окум, увидел быка, который яростно ревел и рыл землю копытами. Так как это считалось дурным предзнаменованием, Эмухвари застрелил быка. Хозяином убитого животного оказался крестьянин Багыр Аджинджал (Джинджолия). Он потребовал от Эмухвари уплатить стоимость быка, на что князь ответил пренебрежительным отказом. Возмущенный до крайности поступком князя, Аджинджал крикнул: «Ты убил моего быка, а я за это убью тебя», – с этими словами выхватил из чехла ружье и убил Х. Эмухвари. Аджинджал бежал в с. Маркула[7]. Согласно одному историческому пре-

[1] Черепов А. П. Указ. рук.
[2] (Введенский А.Н.). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина... – С. 24.
[3] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 89–96.
[4] Введенский А.Н. Указ. соч. – С. 24–25.
[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 36.
[6] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 15.
[7] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 4–5, 165-179; ССКГ, в. III, 1870. – С. 25.

данию, крестьянин с. Джирхва Кансоу Инарба выстрелом из ружья убил князя Гечба за оскорбление, которое нанес ему князь, когда тот собирал виноград[1]. В с. Гуп крестьянин Адлейба убил поквешского князя Кягуса Ачба при попытке последнего ограбить его и бежал на Северный Кавказ, а в с. Мухури крестьянин Гогуа убил князя Манчу Ачба[2], и т. д.

Бегство крестьян из Мегрелии и других мест в Абхазию часто совершалось на почве убийства помещиков. Так, крестьянин Учая Микава около 1833 года убил дворянина Дианоса Габуния и бежал в с. Набакеви. Около 1843 года Иван Григолия в с. Чоча убил своего помещика Татия Ратия и бежал в с. Окум[3]. Известен и такой факт. 22 декабря 1833 года самурзаканский князь (из с. Саберио) Хиту Чхотуа ночью по глубокому снегу перебрался на левый берег р. Ингур и в с. Лия пытался совершить кражу, видимо, скота. Но с ним схватился крестьянин Кута Шамушия, который ранил его мотыгой смертельно. В ответ отец убитого Кация Чхотуа напал на названное село, ограбил и сжег дома и имущество многих крестьян, в том числе и Куты Шамушия[4].

Как было сказано, крестьяне большими массами уходили в горные районы Абхазии. Так, крестьяне с. Джгерда, отказавшись платить владетелю штраф, в начале 1848 года бежали в Цебельду в количестве около 60 семейств. После требования владетеля выдать заложников в качестве гарантии уплаты штрафа, еще около 100 семейств приготовились перейти в ту же Цебельду[5]. Крестьяне согласились вернуться обратно лишь тогда, когда владетель дал им обещание отложить взыскание с них штрафов до следующей зимы[6]. В Цебельду бежали и два крепостных Хубутия из с. Гудава в знак протеста против требования служить одновременно братьям Маргания. Они вернулись и пошли жаловаться к начальнику войск в Абхазии генералу Шатилову, но безуспешно[7].

[1] Арх. Абхазского института, ф. 1, д. 92, л. 47.

[2] Там же, д. 175/103, л. 6; «Советская Абхазия», 2 января 1935 г.

[3] ЦГИАГ, ф. 4, оп. 5, 1853 г., д. 652, лл. 7–14.

[4] ЦГИАГ, ф. 2, оп. 2, д. 5329, лл. 11–19.

[5] Рап. нач. 4 отд. Черномор. берег. линии Гогенбаха и. д. нач. Черномор. берег. линии Серебрякову от 30 марта 1848 г. ГЛКК, ф. 260. оп. 1. д. 761, л. 1.

[6] То же от 30 апреля 1848 г. Там же, л. 5.

[7] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 17–19.

А. Н. Введенский и некоторые другие авторы указывали на следующий факт, имевший место, по всей вероятности, в первой половине XIX века, о котором уже говорилось частично. Между крестьянами с. Эмхы и их князьями Эмхаа (Эмухвари) возник спор о повинностях: помещики требовали 1 козу, 1 козленка и 9 корзин (акалат) кукурузы; крестьяне же соглашались лишь на 1 козу и 4 корзины кукурузы. Эмухвари повинности с анхаю тайно передал владетелю Абхазии, а последний, в свою очередь, передал их Кацу Маан (Маргания). Это вызвало «общий ропот, неудовольствие» крестьян. Вскоре крестьяне направились за р. Бзыбь. Владетель послал за крестьянами почетных стариков, чтобы уговорить их вернуться домой. Крестьяне возвратились, но только тогда, когда Маргания в присутствии всех стариков на поляне Бгарданы дал торжественное обещание, что права жителей ни в чем не будут нарушены, и в этом обязательстве заставил своего сына присягнуть на горе Дыдрыпш[1].

Тот же Кац Маан от трех братьев анхаю Цейба, живших в с. Хуап, потребовал платить ему систематически подати. Но старший из них, Мсруква, «не согласился платить и при первом насильственном поступке Каца ушел в абреки...». Маргания убил младшего Цейба. Мсруква с отрядом крестьян начал постоянно тревожить Каца и искать случая убить его. Кац Маан. вынужден был изъявить желание «мириться» с братьями Цейба, с целью чего он вернул крестьянам Цейба их семейства и дал землю для поселения. С этого времени Цейба ничего не платили Маан[2].

Крестьяне нередко дружно отказывались участвовать в уплате штрафов (айбар) и всяких долгов своих помещиков, которые очень часто обязывали их к этому. Так, крестьяне сел Окум и Куланурхва, всегда платившие много всевозможных штрафов за своих помещиков, наконец, категорически «отказались от дальнейшего участия в расчетах» последних. Вследствие этого окумские князья Эмухвари и куланурхвинские дворяне Лакрба дошли до того, что вынуждены были продать своих собственных детей[3]. Мгудзырхвинские анхаю Жиба также отказались от всякого участия в уплате долгов князей Инал-ипа[4].

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 34; ССКГ, в. VI, 1872. – С.11.

[2] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 125.

[3] ССКГ, в. VI, 1872.– С. 34, прим. 41.

[4] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 126, 129.

Имеются факты о выступлении крестьян против помещиков, которые на поставках лесоматериалов, во время дорожных работ и пр. получали крупные денежные суммы за счет эксплуатации крестьян, заготавливавших и доставлявших материал на место назначения. Так, в 1850 году крестьяне неоднократно покушались на жизнь дворянина Мурзы Лолуа, занимавшегося лесопоставками в районе Кодор–Ингур. Крестьяне «выходят из терпения, – писал Лолуа ген. Коцебу 8 нюня 1850 года, – и даже неоднократно вооружались лишить меня самой жизни, но в этом случае я обязан высокой милости его светлости владетеля Абхазии, ибо он строго приказал им, чтобы отнюдь не стеснять меня об уплате им денег, покамест я не получу таковых от правительства»[1].

Известны примеры выступления крестьян против скупщиков сельскохозяйственных продуктов. Скупщики винограда иногда вынуждены были закрывать свои «заводы» из-за отказа крестьян продавать виноград. «Случается также, – писал С. И. Пушкарев в 1852 году, – что собиратели винограда туземцы, обеспечив себя в необходимых нуждах продажею части винограда, прекращают работу...»[2].

Когда калдахварские князья Георгий и Даруква Инал-ипа «стали очень требовательны» по отношению к крестьянам Барцыц, жившим в с. Блабурхва, то эти крестьяне в 1853 году бежали из своего села, но попали к дворянину Кацу Маргания, который передал их Соулаху Инал-ипа. Однако нести повинности князьям Инал-ипа крестьяне все же отказались, и члены Сухумской сословно-поземельной комиссии в 1868 году застали Барцыц неплатящими повинности указанным феодалам в течение около 15 лет[3]. В с. Мазихва жил Аджгири Гыцба, предки которого переходили из Эбырныха в Куланурхва и оттуда в Мазихва. Причиной такого перехода было «требование повинностей наравне с другими анхае»[4]. В с. Дурипш дворянин Соломон Лакрба убил крестьянина Чача Тванба. Родственники покойного потребовали от убийцы удовлетворения. Не получив его, крестьяне отказались платить повинности феодалам

[1] ГАКК, ф. 260, д. 480, л. 423 об.
[2] «Кавказ», 1852, № 28.
[3] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 136.
[4] Там же, л. 126.

Лакрба. Сухумская сословно-поземельная комиссия в 1868 году застала 12 дымов крестьян Тванба неплатящими никаких повинностей, за исключением одного вида[1].

Цхирский дворянин Леван Лакербая был должен Шханукве и Чачагу Кучберия (с. Бедия) 200 руб. и выставил своим поручителем Гвада Накопия. Во время Крымской войны Лакербая вынудил Кучберия организовать нападение на Накопия и схватить его в плен. Однофамильцы Гвада Накопия пытались отнять его силой и, оставив дворян Лакербая, разошлись по разным селам. Но скоро русский пристав вмешался в это дело, и Г. Накопия был возвращен в с. Цхири; возвратились и все его однофамильцы. Лакербая точно так же хотели поступить и с крестьянином Ригуа, у которого украли семейство, но тот сжег дом Куджмахана Лакербая и ушел в с. Тагилони[2].

Современник, побывавший в Абхазии в 1852 году, писал, что он встретился с князем Д. Шервашидзе, который объявил, что 300 абреков спустились с гор «с намерением ограбить его имение, что он их отыскивает и спешит к милиции, находящейся под его начальством»[3]. Около 1855 года в с. Папцва крестьянин Хазгери Жепш-ипа убил дворянина Званба и бежал в Мегрелию[4].

Надо сказать, что вообще бегство абхазских крестьян в соседнюю Мегрелию было довольно частым явлением. Таким образом, наблюдался уход крестьян из Абхазии в Мегрелию, а не только наоборот, что было более массовым явлением вследствие, главным образом, существования там крепостничества в более сильной форме, а также малоземелья[5]. В 1852 году между абхазским и мегрельским владетелями даже возник спор «о крестьянах, перебежчиках из одного владения в другое». Кутаисский генерал-губернатор Гагарин лично объяснился с М. Шервашидзе, предлагая ему согласиться на размен с владетелем Мегрелии перебежчиками. Получив согласие владетеля Абхазии, генерал Гагарин просил его о присылке ему списка абхазских крестьян, перебежавших в Мегрелию. Но Гагарин на это не получил никакого ответа. Когда же Гагарин

[1] Там же.
[2] Там же, лл. 131 об, 137–138.
[3] «Кавказ», 19 ноября 1852 г.
[4] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 89–96.
[5] ЦГИАГ, ф. 4, оп. 5, 1853 г., д. 652, лл. 7–14.

по просьбе дворян Начкебия снова обратился к М. Шервашидзе, с просьбой о возвращении последним 4-х дворов крестьян, бежавших в Абхазию, кн. Шервашидзе ответил, что он не может их выдать, так как у мегрельского владетеля тоже «много находится подвластных ему (М. Шервашидзе. – Г. Д.) людей». В связи с этим наместник Кавказа М. С. Воронцов просил начальника гражданского управления Закавказского края ген. Бебутова войти в сношение с владетелем Абхазии как по предмету обмена с владетелем Мегрелии перебежчиками, так и возвращения принадлежавших дворянам Начкебия крестьян[1].

С 1848 года на Западном Кавказе, в частности на территории убыхов и садзов, действовал известный наиб Шамиля Мухаммед-Эмин. В эти годы усилился натиск горцев на царские войска, что нашло свое отражение и в Абхазии. Есть указание, что предводитель цебельдинских и дальских абреков Эшсоу Маршания «вошел в сношение» с названным наибом[2].

Царское командование предприняло ряд мер, чтобы предотвратить движение убыхов и садзов на Абхазию, ибо они часто прорывались сюда. Накануне Крымской войны командование, опасаясь всеобщего восстания в Абхазии, спешно укрепляло свои гарнизоны на всей территории края. «Положение наше в Абхазии в военном отношении весьма неудовлетворительно», – констатировал адмирал Серебряков в 1852 году[3]. Таков был итог колониальной политики царизма в Абхазии за четыре десятилетия.

Тем не менее в период Крымской войны, когда в 1854 году русские войска с помощью владетеля были выведены из Абхазии и турецкие войска оккупировали край, все стремления англо-турецкой агентуры восстановить абхазский народ против России оказались тщетными, хотя Абхазия, оставленная войсками, могла быть разорена турками[4]. В 1854 году сюда приезжал турецкий агент черкесский князь Сефер-бей Зан. Но его план провалился: он среди «абхазцев... не имел успеха»[5]. Офицер султанской армии Осман-бей, высадившийся в Сухуме в 1855 году, писал впоследствии, что абхазцы «не торопились явиться приветствовать нас; многие из них остались у себя на вершинах своих суровых гор»[1]. Паша, бывший в Сухуме, доносил главнокомандующему турецкой экспедиционной армии Омер-паше, что «в Абхазии вообще заметно мало сочувствуют туркам»[2].

Более того, население Абхазии приняло активное участие в борьбе с противником. Военный корреспондент английской газеты «Таймс» сообщал из Сухума: «Отвращение здешних абхазов от турок не подлежит никакому сомнению. Они не только (не) помогают нам, но еще разрушили несколько мостов, которые облегчили бы наши движения, и портят везде, где могут, дороги». Жители не скрывают «своего сочувствия и привязанности к России, и ожидают не иначе как с ужасом вторжения турок»[3]. Поручик Махотин также доносил своему начальству: «Вообще можно надеяться, что неприятель при вторжении в Самурзакань встретит значительные препятствия; особенно же, если жители будут упорно защищаться. Кроме того, что ему придется брать завалы и атаковать большую часть селений, он потеряет много времени на исправление и расчистку дорог, которые завалены на границе огромными деревьями»[4].

В общий состав народной милиции Гурийского отряда, противостоявшего войскам Омер-паши, входила и абхазская милиция – конные и пешие сотни. Отдельные ополченцы – милиционеры, как например, окумский крестьянин Абраги Зухбая, были награждены медалями[5]. Полковник Д. Г. Шервашидзе, подполковник С. Т. Званба, прапорщик С. Л. Шервашидзе и другие геройски сражались в рядах русской армии. Лишь некоторая часть туркофильски настроенных крупных феодалов благожелательно встретила султанские войска. Это были Александр, Гыд и Мажара Шервашидзе, Баталбей Маршания, Хасан Маан (Маргания). Что же касается владетеля, то он на некоторое время возвращался в Абхазию и встречался здесь в сентябре 1855 года с Омер-пашой. М. Шервашидзе колебался, выжидая более определенной военной ситуации. Однако, когда поражение

[1] ЦГИАГ, ф. 4, оп. 1, д. 1473, лл. 1–2.

[2] Рап. Серебрякова Воронцову от 8 июля 1852 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1852 г., д. 35–692, лл. 89–98.

[3] Там же. л. 165.

[4] Отношение и. д. нач. Главного штаба кутаисскому генерал-губернатору от 31 марта 1857 г. ЦГИАГ, ф. ОВД. 1854 г., д. 43, лл. 38–39.

[5] Донесение ген. Врангеля от 7 сентября 1854 г. ЦГИАГ, ф. 1033, оп. 6, д. 1033, л. 81.

[1] «Кавказский сборник», т. II. Тифлис, 1877. – С 202–203.

[2] Записка о военных действиях Гурийского отряда..., составленная полк. Усларом. АКАК, т. XI, ч. I. – С. 240.

[3] Цит. по газете «Кавказ», 2 ноября 1855 г.

[4] ЦГИАГ, ф. 956, д. 4, л. 62.

[5] Арх. Абхазского института, ф. 1, д. 180/108, л. 2.

султанской Турции стало очевидным, владетель снова начал активно содействовать русскому командованию.

Вообще симпатии значительной части населения Кавказа в период Крымской войны были явно на стороне России. Кавказские народы никогда не желали переходить в подданство турецкого султана. Это отмечал и К. Маркс, который писал о них: «Перспектива присоединения к Турции очень мало их воодушевляет»[1].

Но вместе с тем они не мирились с колониальной политикой царизма. Эта борьба в Абхазии, в частности, возобновилась вскоре после Крымской войны. Генерал Гагарин, доказывая необходимость сосредоточения 1.300 чел. пехоты на мысе Пицунда, писал: «В последнее время число недовольных настоящим порядком вещей значительно увеличилось в Бзыбском округе, и они могут, соединяясь с горцами, произвести большие беспорядки в Абхазии»[2].

В высокогорном Псху снова усилилось партизанское движение, создавая угрозу в тылу царских сил в Абхазии. Сюда в январе 1859 года был двинут экспедиционный отряд под командованием начальника войск в Абхазии генерала Лорис-Меликова, в котором участвовало и ополчение абхазских феодалов – около 1.700 человек. Псхувцы, делегаты которых явились к Лорис-Меликову в с. Аацы, вынуждены были заявить о признании царского правительства и в залог выдали аманатов (заложников)[3]. При этом кутаисский генерал-губернатор Эристов свидетельствовал «об особом содействии, оказанном владетелем Абхазии кн. Шервашидзе...»[4].

Однако псхувцы «опять отложились» в обстановке подъема национально-освободительного движения по всему краю. «Все комбинации, – писал новый командующий войсками в Абхазии генерал Корганов, – обстоятельств и настроение умов в Абхазии и Цебельде представляли, как уже не раз мною было писано, глубокие замыслы противодействия нашему государству...»[5].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. X. – С. 525.

[2] Журналы происшествий в Кутаисском генерал-губернаторстве по 15 июля 1857 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6668, л. 33.

[3] Отношение кн. Барятинского воен. министру Сухозанету от 12 февраля 1859 г. АКАК, т. XII, ч. II. – С. 805.

[4] Там же. – С. 806.

[5] Письмо ген. Корганова начальнику Главного штаба Кавказской армии ген. Милютину от 15 августа 1860 г. АКАК, т. XII, ч. II. – С. 859.

Желая разрушить одним ударом все эти тайные приготовления, генерал Корганов в августе I860 года объявил «поход в Псху», указав «ополчившимся на приобретение добычи». Количество этих «ополчившихся» – милиции абхазских феодалов на этот раз достигало 3 тыс. человек; ими руководили те же Кац Маан, Александр и Константин Шервашидзе. Регулярные войска состояли из 6 стрелковых и 4 линейных рот, взвода горной артиллерии, полсотни казаков и т. д.[1]

На помощь к псхувцам пришли убыхи и побережные садзы, а также ахчипсоувцы и аибговцы. Повстанцы создали целую систему обороны: в долине реки Грыбза было устроено пять завалов; позиция, занятая ими по отрогам правого гребня, «от природы составляла неодолимую преграду». Здесь 17 августа завязалась ожесточенная борьба. Горцев, решившихся «на отчаянный бой», беспрерывно осыпали картечью. Но и войскам приходилось плохо от «града пуль и туч камней», бросаемых горцами вниз с занятых ими высот. Наконец, «завязался отчаянный рукопашный бой». Псхувцы вынуждены были отступить, но «отважнейшие из горцев», перейдя вновь на левый берег р. Грыбза, «бросились на арьергард». Однако и этот натиск был отбит. Тогда псхувцы обратили все свои действия на обоз отряда, следовавший по узкой тропе ущелья. Но в конце концов все войска вышли в долину и расположились бивуаками. В этом бою со стороны повстанцев было убито 60 человек; почти все они были крестьяне.

Псхувцам был предъявлен ультиматум – признать царское правительство, в противном случае им угрожали уничтожением жилищ и посевов. Вопрос был поставлен на народном собрании. Многие не согласились «принести покорность», чего добивались князья и старшины во главе с Батой Маршания, и дело дошло даже до перестрелки. Но князья в конце концов достигли согласия, и 18 августа ими была принесена присяга на «верность службы» царю с выдачей заложников. Между прочим, одновременно с походом на Псху были предприняты «поиски» к берегам садзов и убыхов, где в течение 6 дней, «разоряя прибрежные аулы» около Сочи и Адлера, причинено было им «такое разрушение, что все подвластные кн. Аридбае-

[1] Письмо ген. Карганова начальнику Главного штаба Кавказской армии ген. Милютину от 15 августа 1860 года. АКАК, т. XII, ч. II. – С. 859.

вых, бросив свои вековые жилища, переселились с семействами и имуществом в глубину гор»[1].

Начало 60 годов характеризовалось усилением и антифеодальных выступлений крестьянства. Около 1860 года в с. Гали К. Маргания решил построить себе дом на территории, занятой под сад и кукурузное поле крестьян М. и К. Захария. Он привез туда строительный материал и посеял лобио. Но крестьяне Захария изрубили плетень и выдернули все лобио и заставили Маргания уйти оттуда. Другой помещик того же селения Ростом Маргания также захватил поле, принадлежавшее крестьянам Ханашву, Гвату и Давиду Габлая, чтобы на нем устроить усадьбу. Но Габлая изрубили весь лесоматериал, переброшенный туда Маргания для строительства дома. Спор дошел до пристава. Последний распорядился выделить землю крестьянам Габлая в другом месте[2]. В с. Анухва дворянин Беслан Мканба на земле анхаю Транш построил кош. Но названные крестьяне уничтожили постройку Мканба[3].

Когда в начале 1860-х годов Кизилбек Маргания в с. Звандрипш, задолжав владетелю, передал ему 3 дыма анхаю Хынтба, то 8 других дымов данной фамилии, будучи недовольными этим поступком, ушли от своего помещика[4]. Анхаю с. Шлара Согум Пкин «по неудовольствию» на дворян Лакрба ушел в с. Чаабалурхва[5]. Четыре дыма анхаю с. Мгудзырхва Жиба «по неудовольствию» на князей Тлапса и Зосхана Инал-ипа, которые всячески притесняли их, в частности, заставляли платить свои долги, переселились в селения Абжаква и Багажиашта[6]. В с. Саберио крестьянин Георгий Малазония поссорился с князем Манучаром Чхотуа и бежал в Мегрелию[7]. Когда князь Балхуху Анчабадзе схватил царченского анхаю Тукву Малания и отдал некоему Учардия Чхолария (с. Мухури) в уплату долга, крестьяне с. Царча решительно выступили и вынудили князя выкупить их односельчанина, а также дать подписку в том, что он никогда больше не

[1] Отношение кн. Эристова кн. Барятинскому от 20 августа I860 г. Там же. – С. 861–865.

[2] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 139–156.

[3] Там же.

[4] Там же, л. 129.

[5] Там же, л. 186.

[6] Там же, лл. 126, 129.

[7] Там. же, лл. 10–13.

будет притеснять Малания[1]. Аналогичный случай имел место и в с. Гудава, где крестьяне также «взбунтовались и заставили» дворянина Мсоуста Маргания выкупить анхаю Акшба и Ачая, насильственно отданных им царченскому князю Алибею Шервашидзе[2]. В июне 1863 года племянник владетеля Абхазии князь Харита Дзаиш-ипа был убит одним крестьянином[3].

В материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии содержится также много фактов о выступлениях крестьян против попыток феодалов захватить общинные земли и леса, а также против хищнического истребления лесных массивов. Население Самурзаканского участка «недружелюбно отнеслось к противообычным порубкам лесов высшим сословием, имевшим вредное влияние на хозяйство по важному значению лесов для этого последнего». Когда в с. Отобайа князь Квач Анчабадзе в 1866 году дозволил рубку дубового леса одному лесопромышленнику, то против этого восстало все население названного села[4].

Вместе с тем учащались случаи захвата крестьянами помещичьих земель. Так, в 60-х годах беглые крестьяне, преимущественно из Бзыбской Абхазии, поселились в с. Ачандара, вблизи ущелья р. Гумиста. Эти крестьяне, «занимая земли, принадлежащие князю Георгию Дмитриевичу (Шервашидзе. – Г. Д.), ничего не платят настоящему помещику. К югу от них также образовалась довольно большая деревня из беглых же крестьян Бзыбской Абхазии, захвативших и вырубивших лес «без разрешения помещика», т. е. кн. Г. Д. Шервашидзе[5]. На Маджарке (Мачара) были захвачены целые «полосы» крестьянами, которые начали продавать траву на скос войскам, хотя при жизни Д. Шервашидзе эти луга составляли «полную собственность его и приносили ему доход»[6] .

Источники отражают также борьбу крестьян против стремления помещиков присвоить себе хозяйства умерших крестьян, что имело место даже в тех случаях, когда были налицо неоспоримые наследники умершего из числа его близких родственников. Когда

[1] Там же, лл. 17, 20, 30–40.

[2] Там же, лл. 18, 22, 30–40.

[3] ЦГИАГ, ф. 416. я. XXVI, лл. 6–20.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 76 об.

[5] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, лл. 482-483.

[6] Там же. лл. 511–512.

в с. Члоу умер крестьянин Назруква Джелия без прямых наследников, и Беслан Ачба (Анчабадзе) решил завладеть всем его имуществом, то родственники Назруквы не дали Ачба по крайней мере движимого имущества покойного[1].

А. Н. Введенский писал, что вообще князья и дворяне с помощью владетеля Абхазии старались расширить свои права за счет прав крестьян, «но здесь они встречали более единодушия, нежели в своей среде, и иногда коллективный протест нескольких многочисленных фамилий зависимых сословий заставлял их отказываться от своих попыток»[2].

На протяжении всего XIX века вплоть до крестьянской реформы шла непрерывная борьба между анхаю с. Звандрипш Чкок и дворянами Званба, которые стремились подчинить себе названных крестьян. В начале XIX века владетель Абхазии отвел землю в с. Звандрипш Чкок для поселения и сделал их своими ремесленниками. Но при владетеле Георгии (Сафарбее) Шервашидзе, очевидно, пользуясь слабостью власти этого князя звандрипшские дворяне Званба начали требовать от Чкок повинности. Крестьяне отклонили требование Званба и подали жалобу на них. Владетель выдал жалобщикам письменный документ, что они являлись асасами. Узнав, что крестьяне Чкок потеряли этот документ, Званба снова повторили свои претензии. Однако вмешательство тогдашнего владетеля Абхазии Михаила Шервашидзе опять помешало дворянам Званба осуществить их замысел. В 1867 году Званба опять повторили свои претензии. Начальник Пицундского округа арестовал Чкок и взыскал с каждого из них по 2 руб. Перед самой реформой, в 1869 году, Званба снова начали домогаться, чтобы Чкок отдавали им повинности, и заявили свои претензии на принадлежность земли, находившейся в пользовании Чкок. Есаул Миронов обвинил Чкок в кляузе. Но Согум, Мазлоу и Тыгва Чкок дело передали в словесный суд, который, на основании опроса жителей с. Звандрипш, наконец, определил: крестьян Чкок освободить от дальнейшего притязания со стороны дворян Званба и последним отказать в их домогательстве[3].

[1] ЦГАА, ф. 57, оп.2, 1870, г., д.5, л. 158.

[2] (Введенский А.Н.). Абхазцы (азега). По поводу соч. Е. Дубровина… – С. 11.

[3] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 180–182.

Старики Абхазии часто сообщают интересные сведения о классовой борьбе в предреформенной деревне. Так, житель с. Атара, Очамчирского района, Ч. Б. Квициния рассказывает, что князь Григорий Шервашидзе (ум. 1875 г.) начал требовать от крестьян Квициния по 1 корове, вместо 1 козленка, на что последние ответили категорическим отказом. Однако помещик был упрям. Но непримиримы были и крестьяне, которые однажды сбросили помещика с лошади и избили. Еще плачевнее была участь управляющего имением Григория Шервашидзе, которого князь послал к крестьянам Адлейба, пасшим свой скот в местности Наа, с приказанием взять у них ягненка; если не отдадут его добровольно, то силой отнять. Как рассказывает старик того же с. Атара П. Е. Адлейба, пастухи на княжеского управляющего напустили собак, а потом сами нагнали его и избили до смерти[1].

Информаторы рассказывают и о таком факте. Мать Григория Шервашидзе через своего акяхя потребовала от пастуха Куанача Чагуаа одну жирную корову. Но крестьянин отказался дать корову. Тогда княгиня приказала силой забрать животное. Но хозяин коровы выстрелом убил акяхя и бежал в Мегрелию, где он скрывался несколько лет[2].

Согласно рассказам современников, к крестьянину Салмакве Аквсба однажды пришли 4 княжеских сборщика. Последние потребовали от Салмаквы зарезать корову и угостить их. Крестьянин вынужден был уступить силе. Но сварив целиком корову, Салмаква навел кремневое ружье на непрошенных гостей и приказал съесть все мясо, чего, конечно, те не в силах были сделать. Тогда Салмаква нагрузил на них остаток мяса и, не опуская взведенного ружья, отвел их во двор владетеля. Но владетель рассвирепел на Аквсба и велел убить его[3].

Последующий период характеризовался усилением бегства крестьян от своих владельцев, чему, между прочим, в известной мере благоприятствовало асасство. Председатель Сухумской со-

[1] Арх. Абхазского института, ф. I, д. 92, лл. 27–29.

Между прочим, о приведенных фактах (записал в 1950 г. Ш. Д. Инал-ипа; информаторам тогда было по 70 лет) знают многие жители с. Атара, что придает этим данным характер несомненной действительности.

[2] Отчет научной экспедиции Абхазского института 1955 г., д. 175/103, л. 26.

[3] «Советская Абхазия», 2 января 1935 г.

словно-поземельной комиссии полк. П. Краевич подчеркивал, что нарушения феодалами прав крестьян приводили этих последних к протесту, который являлся «одним из главных мотивов к переселению»[1].

Интересны объяснения причин столь массового переселения крестьян Абхазии и А. В. Пахомова. Он сводил их к преследованию крестьян врагами, в частности помещиками, а также к увеличению численности душ в крестьянском дыме и, вследствие этого, к недостатку в земле[2]. Командующий войсками в Абхазии ген. Шатилов в рапорте кутаисскому генерал-губернатору 24 сентября 1865 года сообщал, что обыкновенно главной причиной освобождения из сословия крепостных крестьян ахоую, «кроме особенных случаев, служила трудность (удержать их. – Г. Д.) при свободе употребления оружия и возможность переселений и побегов...». Далее он подчеркнул, что такие люди, если и не имели права на освобождение, всегда могли вынуждать к тому своего владельца, поставить его в такое положение, что он не мог колебаться при выборе одного из двух: или получить все имущество освобождаемых и «приобрести на оное выгодных во всех отношениях рабов, или лишиться и людей и имущества»[3]. Даже депутаты дворянства Абхазии в докладной записке от 23 марта 1870 года признавали: «Были, правда, нередкие случаи побегов, совершавшихся всегда скрытно и по большей части ночью»[4]. Д. З. Бакрадзе отмечал факты бегства крестьян Абхазии от своих владельцев, порой «со всем своим добром и семейством, пожалуй, даже родством», вызванные оскорблением и требованием повышенных повинностей[5]. С.Л. Авалиани право переселения также рассматривал как решительное средство, к которому прибегали крестьяне, если им не удавалось уладить отношения со своими владельцами. Недовольный крестьянин переселялся с семьей или целой фамилией в другое село-общину, которое охотно принимало его[6].

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1018, л. 21 об.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. I, 1870 г., д. 36, л. 56 об.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л. 3.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014,. л. 42.

[5] Госмузей Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа, рукописн. отд., ф. М. Туманова, д. 376, лл. 1–4.

[6] Авалиани С. Л. Указ. соч., т. II. –С. 67.

Помимо уже приведенных, мы сошлемся еще на следующие данные. А. В. Пахомов свидетельствовал, что в с. Акапа беглые крестьяне в количественном отношении «превышают настоящих коренных акапских анхае». По поводу других соседних сел (Багажиашта, Парнаут, Пшап, Бабышьира, Дранда) Пахомов замечал: «Все остальные жители, здесь не поименованные, суть асасы, беглые из разных мест Абхазии и потому должны быть возвращены на свои места. Вблизи ущелья р. Гумиста образовалось довольно большое поселение из таких беглых крестьян из Бзыбской Абхазии (подвластных князьям Инал-ипа и Шервашидзе, дворянам Маргания и другим феодалам), которые считались асасами ашнакума Кягуса Чрыгба – они избрали его своим «покровителем». Дворянин Джамлет Маргания к своим подвластным крестьянам также прибавил «множество асасов из разных крестьян, ушедших от своих помещиков»[1].

Пахомов приводил и более конкретные факты. После смерти Д. Г. Шервашидзе часть крестьян из фамилий Циба и Шаламберия «без позволения помещика» перешла жить в с. Пшап; другая часть переселилась в селения Парнаут и Абжаква. В с. Багажиашта 2 дыма анхаю Харазия были выходцами из с. Абжаква, 3 дыма анхаю Капба – из с. Акапа, а остальные крестьяне – «беглые из разных мест Абхазии». Многие жители с. Яштхуа–также «пришедшие в более или менее недавнее время»[2].

В молитве, произносившейся при свадебном обряде абхазцев, имелось такое место: «Переверни вверх ногами всех тех, которые лишают нас собственности и нарушают у нас тишину и спокойствие и тем отбивают нас от занятия хозяйством»[3]. Л. И. Введенский писал, что здесь под словами «всех тех» подразумевались именно владельцы. Из этой молитвы видно, писал он далее, «какими чувствами дарили вообще зависимые своих владельцев»[4].

Указанные и другие факты борьбы абхазского крестьянства на фоне крупных волнений, ставших перед реформой обычным явлением во всей Грузии и Закавказье, говорят, насколько была напря-

[1] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, д. 29, лл. 478–483.

[2] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 15.

[3] Званба С. Этнографические этюды. – С. 62.

[4] (Введенский А. Н.). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина... – С. 10, прим. 9.

жена обстановка и каково значение этой обстановки в деле отмены крепостного права в крае.

Наиболее выдающимся из этих крупных крестьянских выступлений непосредственно перед реформой в Грузии было вооруженное крестьянское восстание в Мегрелии в 1856– 1857 годах. Именно учитывая, что в это время повсюду происходили волнения крестьянства, чтобы не дать восстанию в Мегрелии переброситься в соседние районы – Гурию, Имеретию, Абхазию, царское правительство и местные феодалы мобилизовали крупные силы и действовали чрезвычайно решительно. Восстание было жестоко подавлено. В ноябре 1857 года произошло вооруженное выступление крепостных крестьян в деревнях Амаглебского участка Кутаисской губернии, перекинувшееся и на соседний Багдадский участок. Выступление крестьян против помещиков имело место в Гурии в 1861 –1862 годах. В мае 1863 года в Сенакском округе также состоялось вооруженное столкновение между крестьянами и помещиками.

Наместник Кавказа М. Н. Романов в письме императору Александру II в июне 1863 года так характеризовал положение в крае: «Решение оного (крестьянского вопроса. – Г. Д.) необходимо безотлагательно, ибо отношения крестьян к помещикам весьма натянуты во всем Закавказском крае, в особенности это проявилось в здешнем и Горийском уездах, так что во многих селениях были принуждены послать экзекуции»[1].

Значительным явлением этого периода было восстание 1866 года в Абхазии, правда, вспыхнувшее после осуществления крестьянской реформы в Восточной Грузии, а также в Имеретии и Гурии (Западная Грузия), но до проведения реформы и в непосредственной связи с подготовкой ее в Абхазии[2]. На этом крупнейшем в истории Абхазии XIX века восстании мы остановимся особо и подробно.

[1] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, д. 607, лл. 26 об–27.

[2] Крестьянская реформа в Абхазии, как и в Сванетии, была объявлена лишь в 1871 году; в Имеретии и Гурии – в 1865 году, а в Мегрелии – в 1864 году; в Восточной же Грузии она была проведена еще в 1864 году.

2. Восстание 1866 года

Дворянско-буржуазная историография, разумеется, не могла дать правильного анализа социально-экономических предпосылок, раскрыть закономерные причины и сущность восстания 1866 года. Оценка изображаемого явления диктовалась преимущественно политическими соображениями. Восстание порой рассматривалось лишь как эпизод, вызванный подстрекательством некоторых феодалов, а также злоупотреблениями отдельных офицеров и чиновников и т. п. Это была установка, данная наместником Кавказа. Кроме того, дореволюционные историки рассматривали восстание 1866 года в Абхазии совершенно изолированно, искусственно отрывая его от общей борьбы трудящихся Грузии и всего Кавказа. При таком подходе к изучению восстания 1866 года указанная литература может представлять интерес лишь с точки зрения использования приведенного в ней фактического материала.

В советской историографии восстание 1866 года в Абхазии нашло лишь незначительное отражение. Только в некоторых общих работах по истории XIX века делалась попытка осветить этот вопрос. Однако авторы ограничились лишь беглым и поверхностным обзором восстания 1866 года, к тому же нередко эти обзоры страдают методологическими ошибками. Следует особо отметить, что важнейшие документы вопроса, которыми располагают наши архивы, авторами не были подняты.

Непосредственные причины восстания

Кроме предпосылок общего характера, восстание 1866 года имело непосредственные конкретные причины. Ближайшие причины этого движения в официальных источниках и литературе толковались по-разному, но почти во всех случаях указывалось «на скопление многих элементов восстания».

Как уже отмечалось, упразднение владетельства и введение русского управления в Абхазии не только не вызвали никаких серьезных событий, но, напротив, были приняты с одобрением народными массами, которые тем самым парализовали активность

части дворянства, опасавшейся потери своих привилегий и находившейся в оппозиции к новому управлению. Совершенно очевидны тенденциозность и ошибочность утверждения авторов, рассматривавших восстание 1866 года как факт, который был абсолютно обусловлен упразднением княжества. В действительности непосредственные его причины были вызваны последующими фактами и явлениями, шедшими вразрез с надеждами широких масс населения на улучшение их положения после введения нового управления.

Прежде всего, выселение части абхазского населения в 1864 году произвело на народ удручающее впечатление, еще больше озлобляя его против царских администраторов. Недовольство населения усугублялось неудовлетворительной организацией нового управления. Существовавший в Абхазии «общественный строй был почти неведом русским чиновникам, призванным теперь управлять этой страной»[1]. Сам и. д. начальника Сухумского отдела полковник Коньяр, по словам А. Н. Дьячкова-Тарасова, был «мало знаком с краем, с характером и бытом абхазцев» и не находил «необходимым непосредственное общение с народными массами»[2]. Более того, «непосредственное начальство»,– как писал А. В. Пахомов, – было не только «не знакомо с местными обычаями, с правами населения», но «вообще с гражданской частью».

Святополк-Мирский, говоря о причинах восстания, признавал, что «состав управления Сухумского отдела был неудовлетворителен, и это одна из причин беспорядков в Абхазии»[3].

Кавказский наместник одной из причин восстания 1866 года также вынужден был признать «несоответственность вообще существующих административных учреждений» в Абхазии с сложившимися привычками населения[4].

Накануне восстания, как отмечалось, в Абхазии работала комиссия генерала Е. Понсэ, деятельность которой была непосредственно связана с возникновением восстания. Она имела ряд конфликтов на различной почве как с крестьянами, так и с отдельными

[1] Герсеванов Ал. Страницы из недавнего прошлого Абхазии. «Закавказье», 24 апреля 1910 г., № 91.

[2] Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. соч. – С. 185.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1870 г., д. 36, л. 6 об.

[4] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 19-21.

князьями и дворянами. Крестьяне, в особенности бывшие владетельские, выступали, в частности, против требования с них платы для пополнения суммы, назначенной правительством в пользу членов владетельной семьи.

Кроме того, и, пожалуй, главное, работа комиссии Понсэ здесь рассматривалась как подготовка проведения крестьянской реформы, крепостнический характер которой крестьянам был известен из практики проведения ее в России в 1861 году и в Восточной Грузии в 1864 году, а также подготовки этой реформы в Имеретии, Гурии и Мегрелии. Святополк-Мирский отмечал, что действия этой комиссии, «затрагивая вопросы сословной поземельной собственности и возбуждая их разрешение, были первою причиною неудовольствий и волнения в народонаселении»[1].

Вместе с тем крестьян возмущало грубое отношение членов комиссии, в особенности чиновника А. П. Черепова, к ним, к их обычаям, нравам. Начальник Пицундского округа майор Д. Чавчавадзе, говоря о причинах рассматриваемого восстания, в мае 1867 года писал: «Я, к сожалению, убежден, что одной из главных причин были приемы работ членов комиссии генерал-майора Понсэ... Я положительно могу сказать, что она оставила весьма тяжелое впечатление в народе и породила в нем кучу сомнений по делу поземельной собственности и сословных прав»[2].

Абхазские феодалы, недовольные введением русского управления и опасавшиеся дальнейшего ухудшения своего положения, всячески препятствовали работе комиссии и вообще отрицательно относились к праву новой власти на вмешательство в отношения между помещиками и их крестьянами; нападками на русское правление они стремились скрыть крепостническую эксплуатацию крестьян. Некоторые из них действовали в направлении захвата общинных лесов и пастбищ; например, домогались получить джгердский лес в 100 кв. верст[3]. Другие пытались ввести в заблуждение членов комиссии в деле определения владетельских имений, что-

[1] Рапорт кутаисск. ген.-губерн. главнокомандующему Кавказской арм. от 13 октября 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 158.

[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 180, л. 43.

[3] Дьячков-Тарасов А.Н. Указ. соч. – С. 186.

бы кое-что присвоить себе, в том числе и крестьян[1]. Протурецки же настроенные феодалы всеми средствами старались заставить крестьян отказаться от дачи каких-либо сведений комиссии, намереваясь потом увезти этих крестьян с собой в султанскую Турцию[2]. Они распространяли слухи, что русское правительство уже якобы решило отобрать в казну все леса, крестьян поселить в правильно расположенных селениях и ввести воинскую повинность[3]. Местные реакционные силы не только стремились создать общий фронт против русской власти, но и натравить отсталые элементы населения на русский народ.

Генерал Понсэ, отмечая наличие протурецких настроений у части дворянства, подчеркивал, что «толки о переселении не редкость между здешними дворянами», которые стараются «увлечь с собою возможно большее число людей под предлогам подвластности». В сентябре 1865 года в с. Хуан состоялось нелегальное собрание представителей этих дворян, большей частью из фамилии Маргания (Маан). Один из них – Камбулат Маргания был отправлен в Турцию, чтобы с помощью убыхского князя Керантуха Берзек завязать переговоры с турецкими властями[4].

Однако отрицательное отношение абхазского крестьянства к вопросу о переселении в Турцию обусловило безрезультатность этих переговоров. Впоследствии Святополк-Мирский, говоря о том, что некоторые феодалы готовы были удалиться в Турцию, подчеркивал, что их удерживала трудность «брать с собою своих подвластных и рабов»[5]. Следует также отметить, как положительную меру, стремление правительства ослабить «значение и влияние» этих протурецких реакционных элементов и помешать их провокационным замыслам относительно переселения абхазских крестьян в этот период.

[1] Письмо Евг. Понсэ А. П. Карцеву от 18 ноября 1865 г. ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 117–119.

[2] Письмо ген. Понсэ ген. Шатилову от 1 декабря 1865 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 76, лл. 113–116.

[3] Дьячков-Тарасов А.Н. Указ. соч. – С. 185.

[4] Письмо Понсэ Шатилову от 1 декабря 1865 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. I, (кн. 1). 1864 г., д. 76, лл. 113–116.

[5] Рап. кутаис. ген.-губерн. главнокомандующему Кавказской арм. от 13 октября 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 159.

Содержание членов владетельского дома было определено правительством в 25 тыс. рублей в год. Бывшие подвластные крестьяне этих князей Шервашидзе были обложены платой в казну на пополнение названной суммы. Сбор производился главным образом деньгами по стоимости натуральных налогов. Начальник Сухумского отдела генерал В. Гейман в 1868 году писал: «Таким образом, этот непомерно большой налог взимался по настоящее время, вследствие чего и без того многие бедные подвластные люди теперь дошли до крайней бедности»[1]. Особенно тяжелым стало положение крестьян тех сел, на территории которых были расположены окружные управления, где очень часто имели место «разные случаи» для взыскания дополнительных налогов.

Новое управление разочаровало крестьянство. Результаты установления колониального режима здесь были те же самые, что и повсюду; это был дополнительный гнет и для абхазского народа. Одним из первых правительственных мероприятий в Абхазии было учреждение окружных судов. Надо сказать, что изменения, последовавшие в области судопроизводства, в принципе имели положительное значение. Однако несовершенство судопроизводства и произвол, чинимый его отдельными деятелями, скоро вызвали открытое возмущение широких крестьянских масс.

Абхазские князья и дворяне вместе с царскими чиновниками пользовались судебной властью в своих классовых и личных интересах. В Самурзаканском и Цебельдинском приставствах, например, поскольку значительная часть взыскивавшихся штрафов делилась между разными чинами приставства, а в селениях они целиком шли в пользу бокаулов, то нетрудно себе представить злоупотребления всех этих лиц. В словесных судах не велось никакой отчетности для записывания штрафных денег. Более того, Цебельдинский словесный суд, как и пристав, не имел никаких правил для своей деятельности[2]. Но полная лояльность указанной деятельности к интересам царизма была совершенно бесспорна.

Что же касается системы «народных судов», то подробную ее характеристику можно найти в статье «Несколько слов о примене-

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 76, лл. 256-258.

[2] Эсадзе С. Указ. соч. – С. 126–127, 131.

нии народных обычаев к судопроизводству в Абхазии»[1], в которой автор описывает существовавшее до 1868 года судопроизводство в Абхазии, знакомое ему, по его словам, «более других горских судов»[2]. Аноним указывал, что поводом к обвинению служил совершившийся факт, а основанием – полный произвол обвинителя. Эта «полная безответственность обвинителя» давала возможность привлекать к суду людей, «совершенно невинных в преступлении», каковыми, как правило, являлись ахашвала и ахоую и вообще крестьяне. Результатом такой постановки было «размножение кляузников, затевавших иски при всяком удобном случае». Таким образом без вины потеряв часть имущества и не имея средств в продолжение короткого времени поправить свое расстроенное хозяйство, ответчик часто уходил из дома и начинал скитаться.

«В Абхазии, – свидетельствовал тот же автор, – весьма достаточное число бездомных, отказавшихся от своих семейств... Если проследить их жизнь, то легко убедиться, что очень многие из них дошли до настоящего положения именно сказанным путем. Лишившись без вины своего рабочего скота или коров, кормивших все семейство, они тем же беззаконным путем хотели возвратить отнятое и, потеряв все состояние, увидели свои семейства в полной нищете: тогда, бросив последние на произвол судьбы, они начали скитаться из двора в двор...»[3].

В судах часто происходили столкновения между населением и представителями царской администрации, а также и их сослуживцами из местных князей и дворян. Автор статьи «Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству в Абхазии», говоря о «неудовлетворительном состоянии абхазского судопроизводства», писал, что с момента введения русского управления и до реформы в Абхазии «самые частые и, можно сказать, единственные столкновения горцев с представителями нашей власти происходили только на судах»[4] и что «несостоятельность абхазского судопроизводства была, наконец, официально сознана в 1868 году»[5]. «Суд, – писал и Ал.

[1] ССКГ, в. IV, 1871.
[2] Там же. – С. 29.
[3] Там же. – С. 31, 33–35.
[4] ССКГ, в, IV. – С. 27.
[5] Там же. – С. 447.

Герсеванов, – на первых порах принес сильный материальный вред коренным жителям; непоправимые недоразумения, происходившие на судах, сильно раздражали народ; ввиду этого многие абхазцы, недовольные русским правосудием, воспользовались удобным случаем и произвели открытое возмущение»[1]. Автор явно преувеличивал значение указанного фактора, считая его чуть ли не единственной причиной восстания. Но нельзя отрицать и серьезного значения его.

Крестьяне подвергались арестам со стороны властей и без всякого суда за малейшие проступки. Царские тюрьмы появились во многих местах Абхазии. Еще М. Селезнев отмечал, что теперь владетель часто отправляет людей на гауптвахту в Бамборы или Сухум, а потом, для окончательного решения их участи, в Кутаис[2]. Вот что писал генерал Гейман об условиях в этих тюрьмах в своем обзоре о положении в крае от 16 октября 1867 года: «Помещения для арестантов (в сухумской тюрьме. – Г. Д.) отвратительные, надобно удивляться их (арестантов. – Г. Д.) живучести»[3].

Утверждение в 1867 году «Положения о сельских обществах и их общественном управлении для Сухумского отдела», согласно которому одним из элементов сельского общественного управления являлся сельский суд, еще больше усиливало царскую власть над крестьянством[4].

Недовольство населения новым правлением особенно обострялось тем фактом, что в ряде случаев, как уже отмечалось, его возглавляли грубые и невежественные бездушные царские чиновники и офицеры, меньше всего думавшие о благе края. «Служить» на «окраины» часто отправлялись лица с очень подозрительными цепями – искатели легкой наживы и быстрого продвижения в чинах. Эти люди, как правило, были попавшие в опалу генералы и офицеры, проворовавшиеся интенданты и чиновники. В системе военно-административного управления процветали взятки, грабеж, насилие, обман, надувательство, интриги.

В Самурзаканском приставстве, например, после Крымской войны управление приняло такой «произвольный способ действия»,

[1] Герсеванов Ал. Указ. статья.
[2] Селезнев М. Указ.соч., кн. II. – С. 188, 201.
[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, (кн.1), д. 258, лл. 1-8.
[4] ЦГАА, ф. 58, д.1, лл. 1-7.

что генерал Колюбакин вынужден был представить новые проекты управления, утвержденные кавказским наместником Барятинским в конце 1859 года[1]. Однако речь шла лишь о незначительных изменениях, и в сущности был оставлен прежний порядок. В указанном году и в Цебельде было введено управление, очень сходное с самурзаканским[2].

В 1864 году при упразднении владетельства и введении русского управления в Абхазии Святополк-Мирский протестовал против учреждения здесь участковых управлений, считая их просто вредными, так как на должность участковых начальников, по его словам, нельзя было найти людей достойных, и места эти обыкновенно замещались или взяточниками, или людьми совершенно неспособными[3].

Эти военные и гражданские чиновники, действия которых носили характер преступного самоуправства и безграничного произвола, разумеется, ни в коем случае не представляли Россию, а являлись отбросами царской бюрократии.

Наместник Кавказа в письме Александру II от 5 августа 1866 года заключал: теперь же стало слышно, что население Абхазии недовольно своими управителями, «находя, что они несоразмерно строги». Далее он писал еще более определенно: «Всего грустнее мне, что твои, Саша (Александр II. – Г. Д.) опасения оказываются основательными: мы сами виноваты в случившемся![4] Но только не ради злоупотреблений низших властей, а ради их ошибок и бестактности. Князь Мирский пишет, что, по-видимому, главная причина восстания заключалась в неосторожных действиях чиновника (убитого!), посла иного собирать сведения о холопах и подвластных, и в недостаточном умении покойного окружного начальника направлять его деятельность»[5]. «Грустнее всего, что мы сами виноваты бунту!», – восклицал тот же наместник в письме военному министру Д. А. Милютину от 10 августа 1866 года[6].

[1] Иваненко В.И. Указ.соч. – С. 428.

[2] ВПСЗРИ, т.34, №35. – С. 196.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, д. XXVI, лл. 81-83.

[4] Речь идет о восстании 1866 года.

[5] ЦГИА, ф. 678, оп.1, д. 610, 1866 г., лл. 29-33.

[6] Рукописное отделение Государственной Библиотеки СССР имени В.И. Ленина, ф. Д.А. Милютина, шифр 1424/2 (Переписка с вел. кн. Михаилом Николаевичем), лл. 188-189.

Начальник Кавказского горского управления генерал Старосельский также признавал, что «неудовлетворительность личного состава управлений» играла «важную роль между причинами народного неудовольствия... Административные лица деятельностью своей или раздражали население, или внушали к себе неуважение. Представление в такие руки управления народом... нужно сказать правду, есть важная ошибка...»[1].

Стремление наместника объяснить возникновение восстания в основном «ошибками» представителей местной власти и свалить на них всю ответственность и, таким образом, затушевать главные причины, обусловившие движение, – совершенно очевидно. Но то, что им было сказано при характеристике деятельности этой власти, является фактически признанием действительного положения.

Даже царский начальник Сухумского отдела генерал Гейман признавал, что «во главе управления были люди, которых народ возненавидел, и довольно было только придирки, чтобы вспыхнуть волнению»[2]. Совершив же поездку по Абхазии после назначения его начальником отдела в 1867 году, Гейман о своих общих впечатлениях писал, что в период управления краем царского начальства «мы заботились о том, чтобы поселить полное недоверие к нам» в населении. Что же касается утверждения Геймана о том, что в последнее время дело идет хорошо, то оно имело целью затушевать печальную картину того, что творилось здесь в это «последнее время.

Г. М. Шервашидзе в статье «Так ли пишется история», опубликованной в газете «Закавказье» от 6 июня 1910 года, сообщал ряд фактов, свидетелем которых он был, о надменном отношении чиновников и офицеров к местному населению, предварительно заметив: «...Чиновники не только не изучали обычаев старины, но не руководствовались даже общечеловеческой этикой...».

Святополк-Мирский так отзывался об Измайлове и Черепове: «...Как бывший начальник Бзыбского округа капитан Синсоков, так и исправлявший эту должность З. А. Измайлов не обладали достаточными качествами для внушения народонаселению доверия и

[1] Записка ген. Старосельского наместнику Кавказа, октябрь 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, д. 2784, лл. 165–199.

[2] Письмо ген. Геймана гр. Евдокимову от 20 октября 1866 г., ЦГВИА, ф. ВУА. 1856 г., д. 6696, л. 326 об.

приобретения нравственного влияния... Чиновник Черепов, назначенный в Бзыбский округ для собирания сведений, был человек грубый, заносчивый и неосторожный в своих речах и поступках»[1].

В речи выборного от населения ешерского крестьянина Османа Шамба на народном собрании 26 июля 1866 года обстоятельно была охарактеризована деятельность и. д. начальника Сухумского отдела полковника В. Коньяра, сменившего генерала Шатилова. «Вы, – заявил оратор, – давите и притесняете нас. Вы подвергаете нас тяжким наказаниям за малейшие наши проступки... Вы столько стесняли и оскорбляли нас, что сердце наше переполнилось терпением и мы не в силах больше терпеть»[2]. В 1868 году А. В. Пахомов с возмущением писал: «Я сам русский и мне обидно, что наше же русское начальство восстанавливает против нас и против себя все туземное население своими в высшей степени непрактическими распоряжениями»[3].

Было бы неправильно, однако, думать, что весь аппарат угнетения состоял из одних русских. От поведения бездушных царских чиновников и офицеров не отличалась и деятельность местных князей и дворян, одетых в офицерские мундиры и служивших самодержавию не за страх, а за совесть. Поэтому крестьяне, в сущности, не дифференцировали свое отношение к тем и другим. Крестьяне Абхазии страдали от двойного гнета: от своих помещиков и от произвола, насилий и злоупотреблений царской администрации.

Недовольство масс вызывалось также деятельностью российской официальной церкви – верного орудия колониальной политики царизма, призванной привести население к «повиновению» императору. Еще в 1809 году протоиерей Иоанн Иоселиани, «желая оказать заслуги е. и. в.», поехал в Абхазию, чтобы «вселить» в абхазское население «верноподданническую преданность» императору[4]. В 1831 году здесь была учреждена архиепископская кафедра, а в 1851 году – духовная миссия и архиерейская кафедра, состоявшая в ведении русского Синода через посредство Кавказского экзарха-

[1] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, лл. 37-44.

[2] Показание Г. Ткецишвили. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/808, аз. м., 1866 г.. д. 54, лл. 32–47.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. I, 1868 г., д. 29, л. 384,

[4] Письмо И. Иоселиани ген. Тормасову от 23 декабри 1809 г. АКАК, т. IV. – С. 416.

та[1]. Кавказский наместник князь Воронцов, настаивая на немедленной организации Абхазской архиерейской кафедры, писал в своем отношении на имя Чернышева 26 марта 1851 года: «Отлагательство, однако, будет весьма неблагоприятно для желаемого нами всеми священного дела и отдалит, может быть, надолго несомненные надежды на великие успехи для нашей православной веры и для христианства вообще, и для того полезного в политическом виде влияния, которое мы в этих... горах и плоскостях всегда должны получать от распространения нашей веры...»[2].

Однако методы и цель достижения этих «великих успехов», вопреки официальным утверждениям, не могли, конечно, обеспечить их. С другой стороны, эти методы и задачи церкви, как и вся система действий и цели царизма, мешали действительно великому прогрессивному делу тесного сближения местного населения с русским народом, жизненная необходимость которого была продиктована самой историей.

Святополк-Мирский так характеризовал деятельность миссионеров и результаты этой деятельности: «По недостатку у нас нравственных элементов для такой деятельности все наши попытки в этом деле имеют какой-то характер, смею сказать, недостойный такой высокой и священной цели, и поэтому вместо успеха возбуждают часто лишь справедливые нарекания и ненависть. В Абхазии по этому вопросу случилось и существует то же, что и везде»[3]. Генерал Гейман также писал, что в Абхазии начали «чуть не насильственно вводить христианство»[4]. В другом месте: «Само введение христианства, вследствие неосторожных приемов, придало некоторый вид будто бы насилия»[5]. В отчете «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» за 1865 год мы читаем о «содействии некоторых внешних мер» в деле проповеди православия в Абхазии[6]. И Гейман, и названное общество слишком явно смягчали действительное положение, но характерно и сказанное ими.

[1] АКАК, т. X, м. II. – С. 899.

[2] Там же, ч. I. – С. 231.

[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1 (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 160.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА. 1856 г., д. 6696, л. 326 об.

[5] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1 (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 160.

[6] Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1865 год. Тифлис, 1866. – С. 4.

Не лестно отзывался о деятельности «распространителей христианства» автор статьи «Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству в Абхазии». Он указывал, что духовенство добивалось перенесения практики дачи присяги населением исключительно в церковь, в результате чего акт присяги превращало в источник своего значительного дохода. Например, в Лыхненской церкви, как сообщал этот автор, все присягающие платили от 20 до 30 коп. с человека, деньги эти поступали «в бесконтрольное распоряжение священника». И далее: «Толпы праздношатающихся нашли возможным изыскать из частого применения присяги к решению дел свою пользу, и образовались целые артели, готовые за известную плату подтвердить присягою какое угодно показание. Местное духовенство, признавая этот порядок вещей самым выгодным для своего кармана, открыло конкуренцию, сбавляя плату за принятие присяги и доказывая преимущественную святость одного храма перед другим. В последнее время Лыхненский и Илорский храмы занимали самые почетные места и каждодневно в них приносилась присяга десятками людей».

К чему приводила такая практика? На этот вопрос автор давал следующий ответ: «Неуважение к присяге ведет за собою неуважение и к тому месту, где она принимается. Какое значение имеют в настоящее время наши храмы в глазах абхазцев, трудно решить; но утвердительно можно сказать, что прежнее безотчетное уважение к ним рассеялось». Так, в 1866 году в Лыхненской церкви происходила перестрелка с казаками, «тогда как, по понятиям абхазцев, всякий прибегнувший под защиту храма делается неприкосновенным»; в 1867 году дважды было сделано нападение на церковь в с. Аацы и «покушаются сделать то же самое в церквах селений Лыхны и Илори»[1].

Показательно было то, что верными помощниками миссионеров являлись те же абхазские князья и дворяне. Епископ Имеретии и временно управляющий Абхазской епархией Гавриил в «Обозрении абхазских и самурзаканских приходов за 1869 г.» по поводу своей проповеди в с. Ешера писал: «Убеждал простой народ последовать примеру своих помещиков, говоря, что верно они лучше их понимают это дело». Тот же епископ в обозрении церквей края за 1870 год с благодарностью отмечал, что успехами, например, в

[1] ССКГ, в. IV, 1871. – С. 40-41.

селах Гуп и Члоу он был обязан, главным образом, князьям Мсоусту Маршания и Салыбею Анчабадзе[1]. За помощь «миссионерскому делу» княгиня К. Шервашидзе получила крест «Общества восстановления христианства». В 1871 году 17 князей и дворян Абхазии «за особые услуги», оказанные ими названному обществу, были награждены знаками, установленными для его членов 4-го разряда, без внесения членского взноса[2].

Надо сказать, что антирусские элементы, в частности, турецкие агенты, стремившиеся воспользоваться каждой ошибкой русских властей вообще, старались использовать указанное выше неблаговидное поведение отдельных церковников.

К характеристике положения в Абхазии непосредственно накануне восстания 1866 года надо еще прибавить факты неурожаев и эпидемических заболеваний. 1864 год, как уже отмечалось, ознаменовался неурожаем кукурузы – главной пиши населения края, вследствие чего в 1865 году до нового урожая, т. е. до осени, чувствовался острый недостаток в хлебе. Вместе с тем разразилась болезнь винограда; вспыхнула эпидемия оспы.

В определении положения членов владетельного дома, по признанию Мирского, произошло «большое замедление», что вызывало недовольство со стороны князей Шервашидзе[3]. В июле 1866 года состоялись торжественные похороны бывшего владетеля Абхазии. Наместник Кавказа в письме Александру II от 21 августа 1866 года писал, что у многих из «влиятельных лиц», недовольных «переменой правления в Абхазии», «похороны покойного владетеля и бытность налицо многих членов его дома оживили воспоминания и сожаления о прошедшем»[4]. Они послужили поводом «к крайнему раздражению вражды между членами Шервашидзевского дома»[5].

Но при этом и наместник подчеркивал второстепенный характер указанного факта среди непосредственных причин восстания: в первом случае он называл побочной причиной, во втором – спо-

[1] «Кавказ», 1870, №№133 и 139.

[2] Выписка из журнала Кавказского комитета от 5 октября 1871 г. ШИАЛ, ф. 1268. оп. 16, д. III, 1871 г., л. 4.

[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1. (кн. 2), 1866 г., д. 2784, лл. 159 об – 160.

[4] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, д. 610, 1866 г., лл. 34–37.

[5] Рап. кутаисск. ген.-губерн. главнокомандующему Кавк. арм. от.13 октября 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 160.

собствовавшей. В этой связи небезынтересно привести сообщение наместника Кавказа (март 1864 г.) о том, что М. Шервашидзе покровительствовал князьям и дворянам, чинившим грабеж и убийства, благодаря чему «народ страдает, но не может ничего сделать вопреки власти, поддержанной русской (царской. – Г. Д.) силой, от этого-то он ненавидит и своего владетеля» и его покровителей[1].

В такой обстановке в июле 1866 года в Абхазию прибыла новая комиссия в составе: майора князя Сулхана Баратова (Бараташвили) (председатель), капитан-лейтенанта Карганова и титулярного советника А. П. Черепова, каждый из которых был снабжен специальной инструкцией, разработанной Кавказским горским управлением, в которой подробно были изложены цель, задача и метод работы комиссии[2]. Комиссия должна была собрать сведения «о порядках землевладения», об отношениях между лицами разных сословий в каждом отдельном селении и затем систематически обработать собранные ею данные, на основании чего можно было бы приступить к «разрешению той запутанности, которая поныне заметна в этого рода делах и которой никакие другие меры не в состоянии устранить»[3]. При этом командированным лицам было вменено в обязанность объяснить крестьянам, что правительство только приступает к разрешению вопроса об их освобождении от личной зависимости, но не освобождает их еще и что они по-прежнему должны пока отбывать владельцам обычные повинности «и за нарушение своих обязанностей к владельцам будут подвергаемы еще большим против прежнего взысканиям»[4]. Комиссии предлагалось «объяснить, что выкуп личной зависимости агурва, а также выкуп повинностей анхае никаким образом не будет принят на счет казны и будет представлен собственным их средствам, на основании указанного правительством правила»[5].

В.И. Ленин в статье «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» писал: «...Пока крепостники не свергнуты, никакие реформы – и особенно аграрные реформы – невозможны

[1] ЦГИАГ, ф. 416, д. 177.
[2] Там же, ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 39–48, 76–83.
[3] Там же, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013.
[4] Там же, д. 545, оп. 1, д. 181, лл. 45–45 об, 81.
[5] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1., д. 181, лл. 45–81.

иначе, как в крепостническом виде, крепостнического характера и способа проведения... «Великая реформа» была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники... «Крестьянская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой»[1].

Именно потому, что эту реформу проводили крепостники-помещики, «пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними»[2].

Абхазские феодалы всячески осложняли вопрос, стремясь расширить свои права и, следовательно, претензии к правительству при проведении реформы. Крестьяне, естественно, оказывали сопротивление подобному стремлению своих помещиков. Борьба эта проходившая через всю историю подготовки и проведения крестьянской реформы, являлась неразрывной частью той общей борьбы, которая вызывалась крепостническим характером проектируемой реформы. С тем и другим было связано и восстание абхазского крестьянства в 1866 году.

Наместник Кавказа в июле 1863 года писал Александру II: «Весьма часто крестьяне отказываются исполнять те повинности, которые издавна исполняли по обычаю их отцы и предки... Можно предполагать, что крестьяне от нетерпения получить свободу позволяют себе теперь подобные домогательства, к тому же мой приезд вложил в их умы надежду, что немедленно будут освобождены. В то же время бывают и такие нередкие случаи, где помещики, предвидя приближение срока разрешения крестьянского вопроса, хотят воспользоваться последним временем, чтобы присвоить себе от крестьян как можно более и, так сказать, выжать из них последний сок»[3].

Чиновник Семенов в феврале 1863 года писал, что крестьянская реформа не должна в настоящее время касаться Абхазии и Сванетии, «ибо тамошнее население к ней еще нисколько не приготовлено, и это было бы переворотом крутым неполитичным и опасным»[4].

[1] Ленин В. И. Соч., т. 17. – С. 94–95.
[2] Там же.
[3] ЦГИА, ф. 678, оп. I, д. 607, лл. 26 об –27.
[4] Записка т. с. Семенова о крестьянской реформе на Кавказе, 5 февраля 1861 г. ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 10, 1861 г., д. 61, ч. I, лл. 24–41.

Крестьянство Абхазии достаточно хорошо представляло сущность реформы. Оно не могло не знать, что в тех частях Грузии, где реформа уже была проведена, значительная часть крестьян осталась без земли. В «Краткой записке о сословно-поземельных отношениях в Абхазии» недвусмысленно подчеркивалось, что среди крестьян зарождались опасения «относительно крайне неблагоприятной и стеснительной для них поземельной реформы...»[1]. На лыхненском сходе 26 июля 1866 года крестьянский оратор О. Шамба ясно заявил: «Как мы слышали, разрешение крестьянского вопроса идет постепенно, сначала в [Восточной] Грузии, потом в Имеретии и Гурии»[2]. А. В. Пахомов в одном из своих писем в 1868 году указывал, что представители местной феодальной знати дают Сухумской сословно-поземельной комиссии ложные показания, «врут они немилосердно». Но «их выдают их же собственные крестьяне, которые очень хорошо понимают, что они нисколько не выиграют, если их теперешние господа будут богаче землею»[3].

Крестьяне вполне понимали, что царское правительство, проводя реформу, и в Абхазии будет придерживаться своего принципа: «освобождая» крестьян, отрежет от них лучшие земли, заставит уплачивать помещикам огромный выкуп и, тем самым, вынудит крестьян снова идти в кабалу к помещику в качестве арендаторов или батраков. Наместник Кавказа по поводу проведения крестьянской реформы в Абхазии писал: «...Необходимо совершить прекращение личной зависимости при полном, по возможности, возмещении тех потерь, которые понесут владельцы с освобождением их зависимых»[4].

Вместе с тем проведение земельной реформы в Абхазии рассматривалось как один из элементов прочного приобщения Абхазии к российской государственности. Ярким выразителем точки зрения, что разрешение земельного вопроса облегчит подчинение края российскому управлению, был полковник Коньяр. Он хотя и подчеркивал, что необходимо установить размер вознаграждения «высших сословий за теряемые ими преимущества», но с презрением относился к местному населению и в силу этого считал унизительным приравнение к русскому дворянству абхазских помещиков, в поддержке которых царское правительство уже не нуждалось. Вследствие этого, а также в колонизационных целях Коньяр начал отрицать право на землю не только у крестьян, но и у князей и дворян. «Никто в Абхазии, – писал он, – не может быть признан землевладельцем, вся земля составляет собственность государства, которое вправе распорядиться ею полновластно по своему усмотрению и согласно с видами своими». При этом Коньяр вполне сознавал, что «если б мы вздумали разрешить поземельный вопрос на этих основаниях, то, без сомнения, возбудили бы общий ропот и подвергли бы себя обвинению в несправедливости, в своекорыстных и угнетательных намерениях». Вместе с тем Коньяр предлагал обложить податью поголовно все население одновременно с проведением реформы[1]. Эта точка зрения, направленная к известному ослаблению значения и влияния высшего сословия, между прочим, была несколько противоположна намерениям предшественника Коньяра – генерала Шатилова, стремившегося с помощью абхазских феодалов «создать спокойствие в крае». Святополк- Мирский также не разделял полностью взгляда полковника Коньяра «на право поземельной собственности в Абхазии», считая его крайним[2], и указывал, что первоочередной задачей являлось только собирание сведений[3].

Уже после подавления восстания наместник Кавказа, старавшийся ответственность за события переложить на местных администраторов и изобразить их действительно преступную деятельность как главную причину восстания, признавал обращение с князьями и дворянами Абхазии неправильным, подчеркивая, что «по делу крестьянской реформы» царские чиновники «позволяли изыскивать заранее неуместные толкования по своему личному взгляду на этот вопрос», тогда как их задача должна была ограничиться только собиранием предварительных сведений. Генерал Гейман также отмечал, что представители власти «хотели сразу сломить, начали притеснять князей и дворян»[4].

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 51 об.

[2] Показания Г. Ткецишвили. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908. аз. ч. 1866 г., д. 54, лл. 32–47.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, л. 364.

[4] Цит. по статье А. В. Фадеева «Крестьянская «реформа» в Абхазии». «Известия АН СССР», № 7, 1935. – С. 639.

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1. (кн. 2), 1865 г., д. 180, лл. 15 –23.

[2] Там же, лл. 9–14.

[3] ЦГИА, ф. 649, оп. I, д. 409, лл. 37–44.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, 1856 г., д. 6696, л. 326 об.

Была принята точка зрения полковника Коньяра, которую С. С. Эсадзе назвал «новым направлением»[1]. Это обстоятельство по сути дела и вызвало отставку генерала Шатилова[2], хотя впоследствии именно Коньяр был объявлен одним из виновников возмущения. Но это делалось для собственной перестраховки, чтобы свалить на убитого полковника всю ответственность за события в Абхазии, столь серьезно встревожившие царское правительство. Таким образом, было решено провести реформу не только за счет дальнейшего закабаления крестьянства, но и за счет уменьшения политического влияния абхазских феодалов.

Как отмечалось, это было вызвано и политическими, и фискальными интересами,–стремлением к сохранению в руках государства максимума земель в качестве колонизационного фонда. После введения в Абхазии русского управления правительство уже не столь нуждалось в поддержке местной знати. В «Записке» по 3 отделению Кавказского горского управления по вопросу об определении личных и поземельных прав населения Абхазии, относящейся к 1867 году, читаем по этому поводу; «Некоторые абхазские роды заявляют претензии на права дворянские, на исключительное перед остальным населением положение. Подобные голословные заявления лет за 20 или 30, может быть и имели бы силу, и в различных административных видах за ними, быть может, укрепились претендуемые права; в настоящее время нам предстоит другая задача, мы свободны от этих административных взглядов..., нет надобности заискивать расположением лиц, причисляющих себя к высшему сословию и тем самым заявляющих как бы о влиянии своем на народ: владычество русских достаточно утвердилось, чтобы обойтись без этих мер...»[3].

«Новый курс», которым руководствовались члены комиссии майора Баратова в своей практической деятельности, еще сильнее активизировал дворянскую оппозицию, недовольную «вследствие потери своих интересов, утраченных вместе с удалением

[1] Эсадзе С. Указ. соч. – С. 267.

[2] Святополк-Мирский признавал, что «взгляд его (Шатилова.–Г. Д.) не был согласен с принятой системою, и он получил другое назначение» (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1 (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 162 об.).

[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 180, лл. 41–90.

владетеля»[1]. Крестьянская реформа ставила дворян перед неблагоприятной для них перспективой потери значительной части земель и доходов. Кроме того, была охвачена тревогой и та часть феодалов, которая находилась в стороне от этой оппозиционной группы. Святополк-Мирский в письме наместнику Кавказа от 6 августа 1866 года совершенно ясно делил феодальную оппозицию на две части: «Одни, – писал он, – более преданные в политическом отношении, желая соблюсти свои выгоды, хотели затруднить и замедлить освобождение крестьян и подвластных; другие, желающие по вражде к нам или фанатизму переселиться в Турцию, давно искали средства увлечь туда за собою своих подвластных и полагали достигнуть этого производством в народе беспорядков»[2].

Именно благодаря политической и классовой близорукости царских администраторов некоторые князья и дворяне приняли участие в восстании. Правда, как известно, в действительности реформа и в Абхазии была проведена в интересах помещиков: последние получили крупные наделы[3] и 400 тыс. рублей от казны в виде единовременного пособия. Но в 1866 году они имели некоторое основание опасаться реформы. Наместник Кавказа в письме Александру II от 5 августа 1866 года недвусмысленно говорил о неудовольствии тех лиц, «которые опасаются отмены холопства и подвластных (крестьянский вопрос)»[4]. Так, гагринские князья и дворяне были охвачены тревогой, что «у них отберут всех крестьян и рабов, а через это распоряжение они лишатся рабочих рук, а с этим и средств к своему существованию»[5].

Святополк-Мирский подчеркивал тот факт, что участие представителей высшего сословия в восстании в той степени, в какой оно имело место, произошло вопреки их действительному желанию: «Успех превзошел их ожидания и намерения» При этом, од-

[1] Письмо наместника Кавказа военному министру от 10 августа 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., д. 54, лл. 28–30.

[2] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, лл. 37–44.

[3] Например, князья Шервашидзе в разное время получили: сыновья последнего владетеля Георгий и Михаил – 1.700 десят. Георгий Дмитриевич – 6.000 десят., Самсон и Прокопий – 4.125 десят. и т. д.

[4] ЦГИА, ф. 678, оп. I, д. 610. 1866 г., лл. 29–33.

[5] Рапорт воин. нач-ка укр. Гагр кутаис. ген.-губерн. от 4 августа 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2.), 1866 г., д. 2784, л. 86 об.

нако, Мирский, а вслед за ним и историк С. С. Эсадзе, преувеличивали роль дворянства и совершенно искажали роль крестьян, характер выступления последних, рассматривая это выступление как роковое заблуждение, в которое крестьянство будто было введено дворянской оппозицией так как движение крестьян было направлено против правительства, якобы «заботившегося об его освобождении»[1]. На самом же деле возмущение крестьянства было закономерным ответом на *антикрестьянскую и антинародную* политику царизма и местных помещиков. Наиболее сознательные крестьяне понимали истинный смысл «критики» реформы со стороны дворянской оппозиции. А. Н. Дьячков-Тарасов писал: «Между некоторыми анхаю нашлись умные люди, критически относившиеся к слухам о русских реформах в Абхазии и мало доверявшие россказням абхазских дворян»[2].

Вместе с тем сами феодалы не могли не учитывать решающую причину волнения крестьянской массы – грабительские условия реформы. Коньяр уже в рапорте от 23 июля 1866 года на имя Мирского указывал, что когда «влиятельные» лица различных сословий, владевшие крепостными, предположили, что освобождение крестьян не может произойти за счет вознаграждения от казны, начали убеждать крестьян, что, налагая выкуп на них самих, правительство не только не улучшает их положения, но даже отягощает, так как независимо от выкупа крестьяне, взамен настоящих повинностей, будут платить государственную повинность[3]. Интересно также отметить, что князья Шервашидзе впоследствии, в «Объяснительной записке по делу о наследстве князей Шервашидзе-Абхазских», писали: «В действительности же, как позднее оказалось, поводом к возникновению беспорядков в 1866 году послужил неумело и бестактно вводимый в то время манифест об освобождении крестьян в Абхазии..., при этом грубое и распущенное отношение к населению начальствующих мелких чинов (участкового начальника, канцелярских писцов, урядников и пр.) вызвали народное волнение[4].

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. I, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 160 об; С. Эсадзе. Указ. соч. – С. 269.

[2] Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. соч. – С. 186.

[3] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 116.

[4] Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет, князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. – С. 92.

Крестьян особенно волновали сведения о выкупе своих земель у помещиков, тех земель, которые были расчищены самими крестьянами и которые они считали своей собственностью. «По случаю «освобождения», – писал В. И. Ленин, – крестьян заставляли «выкупать» их собственные земли...»[1]. Генерал Старосельский включение в инструкцию статьи о выкупе крестьянами повинностей на свои собственные средства признавал «неловким при напряженном состоянии населения»[2]. Впоследствии, в 1867 году, когда вновь было приступлено к подготовке крестьянской реформы в Абхазии, в Сухумскую сословно-поземельную комиссию «стали поступать претензии зависимых людей, заявлявших свои права и на земли, занятые помещиками: они, земледельцы, являются исконными поселенцами, а помещики лишь силой захватили власть как над землями, так и над людьми»[3].

В архивах сохранились документы, содержащие многочисленные факты из истории борьбы между крестьянами и феодалами накануне реформы. Крестьяне категорически выступали против всякого намерения заставить их откупиться. Так, когда в 1867 году начальник Окумского округа майор Щелкачев в с. Бедия объявил, что все крестьяне должны выкупиться от зависимости, анхаю заявили, что им «нет надобности выкупаться, потому что земля и без того им принадлежит»[4]. Недовольство крестьян еще больше усилилось, когда они узнали, что в инструкции комиссии Баратова не проводилось никакой разницы в положении анхаю и других категорий крестьян.

Разочарование крестьян за которым последовало открытое выступление, логически вытекавшее из крепостнического способа проведения реформы, было одним из звеньев данного явления в общероссийском масштабе. Здесь, как и повсюду, вполне были применимы слова Александра II, сказанные еще летом 1858 года в ответ на записку министра внутренних дел С. С. Ланского, поданную им по поводу проекта назначения временных генерал-губернаторов: «Кто может поручиться, что когда новое положение будет приво-

[1] Ленин В. И. Соч., т. 17. – С. 95.

[2] Записка ген. Старосельского наместнику Кавказа от октября 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, д. 2784, лл. 165–199.

[3] Авалиани С.А. Указ. соч., т. II. – С. 74.

[4] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 117–120.

диться в исполнение и народ увидит, что ожидания его, т. е., что свобода по его разумению не сбылась, не настанет и для него минута разочарования?»[1].

Некоторые из представителей царской военной администрации на Кавказе не только связывали восстание 1866 года с фактом проведения крестьянской реформы и характером этой реформы, но и рассматривали его как звено в общей цепи борьбы крестьянства против грабительской сущности реформы, развернувшейся в тех областях края, где реформа не была еще проведена и шла подготовка к ее осуществлению, и, вместе с тем, указывали на значение восстания 1866 года в Абхазии в деле усиления этой обшей борьбы.

В одном документе, являющемся, по-видимому, приложением к докладу и. д. помощника начальника Кубанской области по управлению горцами есаула Ротова от 22 июля 1867 года, читаем: «И помещикам и крестьянам стало ясно, что крестьянская реформа, охватившая их (горцев Кубанской области. – Г. Д.) со всех сторон, неизбежно коснется и их. Последствия такого сознания не замедлили обнаружиться: крестьяне, рассчитывая на свое близкое освобождение, стали оказывать неповиновение владельцам и не желали исполнять свои прежние повинности... Самые тревожные слухи для помещиков и крестьян приносились то из Кабарды, то из Закавказья и Цебельды, начались разнообразнейшие толки; крестьяне предрешали вопрос в свою пользу, помещики в свою. Это напряженное состояние дошло до крайних пределов в июле прошлого года (1866 г.–Г. Д.), когда в Кабарде начались работы по собиранию сведений о зависимых сословиях, с главною целию освобождения крестьян, а в Сухумском отделе разразилась катастрофа возмущением некоторой части населения Абхазии. В это тревожное время все отношение начальства было направлено лишь к удержанию крестьян в прежних повиновениях, а владельцев от резких заявлений против крестьянской реформы»[2]. Есаул Ротов признавал, что и нельзя было ожидать от массы крестьян благодарности за реформу, «которая ставит их в самое тяжелое положение...»[3].

[1] Цит. по сб. «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права», ч. 1 и II. Изд. АН СССР, М-Л., 1949. – С. 3.

[2] ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 593, лл. 6–8.

[3] Там же, л. 2.

В обстановке мощного восстания в Абхазии и сочувственного отношения к нему со стороны крестьянства соседних областей царская администрация вынуждена была даже приостановить работу по подготовке проведения грабительской реформы в ряде районов Кавказского края и перейти к методу «психологической подготовки» крестьян к этой реформе. Так, и. д. помощника начальника Кубанской области подполковник Дукмасов в секретном письме начальнику Зеленчукского округа подполковнику Калиновичу от 28 июня 1866 года сообщал о вспыхнувшем в Абхазии восстании «весьма серьезного свойства» и давал указания но предотвращению распространения этого восстания в смежных с Абхазией районах, предписывая: «Сообщенное вам, секретно, распоряжение о собирании сведений но крестьянскому вопросу не приводите в исполнение[1], ограничившись составлением списков, впредь до особого распоряжения. Подтвердите им, что освобождение крестьян непременно состоится, но не теперь, – владельцам нужно время, чтобы устроиться. Крестьянам внушите, что о них не забыли, но что правительство, заботясь об них, не может обидеть владельцев. Принимайте самые энергические меры к удержанию крестьян от своеволия...»[2].

Таким образом, крестьянство Абхазии выступало не против реформы вообще, а против крепостнического характера данной реформы, против выкупа, обезземеливания, против господства помещичьего землевладения, а также против самодержавного деспотизма. Вот коренные причины, определившие и время возникновения, и характер, и масштабы восстания 1866 года.

Ход, характер и движущие силы восстания

Члены комиссии майора Баратова, приехавшие в Сухум 10 июля 1866 года, немедленно приступили к работе, направившись в разные районы Абхазии. Баратов отправился по селам Сухумского округа и Абжуйской Абхазии, Карганов– в Цебельду, Черепову был

[1] В феврале 1866 г. начальник Кавказского горского управления разослал начальникам Терской и Кубанской областей предписание «о сборе необходимых сведений о зависимых сословиях в Терской и Кубанской областях». При этом прилагалась программа сбора сведений. Начальники округов приступили к сбору сведений по этой программе

[2] ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 517, лл. 5–5 об.

поручен сбор сведений по Бзыбскому округу, с которым он был знаком еще по своей работе в составе комиссии генерала Понсэ. По окончании работы в Бзыбском округе Черепов должен был прийти на помощь к Баратову, а в конце предполагалось, что все втроем приступят к сбору сведений в Абжуйской и Самурзаканской Абхазии[1]. В помощь Черепову были назначены и. д. начальника Бзыбского округа Измайлов и «народные судьи» дворянин Гиту Маргания (Маан) и анхаю Камхаз Хагба.

Деятельность свою в Абхазии Черепов начал 15 июля[2] в с. Пицунда, где к тому времени, по распоряжении Измайлова, были созваны жители названного села. Черепов произнес речь. Он повторил наставление полковника Коньяра о том, что прислан высшим начальством для того, чтобы объявить о намерении правительства произвести «освобождение» зависимого сословия, но для этого предварительно необходимо собрать сведения о размере повинностей крестьян помещикам для определения меры выкупа последних от владельцев. «Выкуп же должен упасть не на счет казны, а на счет выкупаемых»[3]. Далее Черепов «что-то темно и непонятно сказал насчет ахашала, так что было заметно всем, что он скрывает что-то и не высказывает вполне истину»[4].

После этого состоялись выборы по одному депутату от каждого села. Черепов выслушал их. Когда же дело дошло до поземельного нрава, он начал обвинять крестьян в ложности сообщаемых ими сведений. Черепов заявил, что он сам хорошо знает отношения между крестьянами и владельцами, обычаи, нравы и семейный быт абхазского народа, и «даже все подноготное от первой до последней туземной женщины»[5]. Вместе с тем Черепов начал отвергать

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, д. 181, лл. 46-46 об, 81-81 об.

[2] Рапорт Коньяра кутаис. ген.-губернатору от 23 июля 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 128.

[3] В инструкции Кавказского горского управления, данной комиссии Баратова, говорилось: «Вам (членам названной комиссии. – Г. Д.) следует объяснять, что выкуп личной зависимости агырва, а также выкуп повинностей анхае никаким образом не будет принят на счет казны, а будет предоставлен собственным их средствам, на основании указанных правительством правил» (ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 7 об).

[4] Из следственного дела. ЦГИАГ, ф. 545, д. 2784, лл. 230–231.

[5] Показание Г. Ткецишвили. ЦГВИАГ, ф. 400, оп. 258/908, аз., ч. 1866 г., д. 54, лл. 32–47.

права всех владельцев на землю, утверждая, что они не помещики, а только ахылапшю; грубо выражался по адресу, например, князей Инал-ипа[1]. Он завел спор и с членами комиссии.

Даже Измайлов вынужден был убеждать Черепова «собирать сведения миролюбивым путем, но г. Черепов настойчиво, не изменяя своих грубых манер, требовал от окружного начальника, чтобы он принял принудительные меры и заставил население дать требуемые сведения»[2]. Крестьяне, узнав условия предполагаемого «освобождения», и рассматривая такое «освобождение» (за выкуп) как «величайшее для себя бедствие»[3], отказались давать сведения и, заявив об этом Черепову, разошлись по домам[4].

В следственном деле говорится, что «это несогласие и раздор, поселив недоверие и неуважение [к] комиссии, послужили как бы причиной или поводом неисполнения народом дальнейших ее требований»[5]. Мирский даже полагал, что, несмотря «на скопление стольких элементов неудовольствия и волнения», восстание в Абхазии не вспыхнуло бы, если бы не случайность назначения для собирания сведений в Бзыбской Абхазии чиновника Черепова, «ненавистного народу по прежним действиям в бытность членом комиссии генерала Понсэ... В других частях отдела собирание сведений не встретило сопротивления, только в Бзыбском округе все фатально соединилось для ужасной катастрофы»[6]. Нечего, конечно, доказывать, что кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский преувеличивал роль Черепова в возникновении восстания. Но не приходится отрицать и значения этого факта.

Между тем известия о том, что пицундские крестьяне отказались дать показания и слухи о причинах этого отказа «распространялись по всему Бзыбскому округу»[7]. 18 июля в с. Калдахвара со-

[1] Из следственного дела, л. 231.

[2] Показание Г. Ткецишвили.

[3] Хачапуридзе Г. В. Крестьянское движение в Грузии в XIX столетии. – С. 70.

[4] Показание Г. Ткецишвили. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 32–47

[5] Из следственного дела, лл. 231–231 об.

[6] Рапорт кутаис. ген.-губернат. главнокомандующему Кавказ. арм. от 13 октября 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2781, л. 16.

[7] Показание Г. Ткецишвили. ЦГВИА, ф. 400. оп. 258/908, аз. м., 1866 г., д. 54, лл. 32-47.

брались жители Мчишьнырцв – территории между р. Бзыбь и р. Мчишьта. Но крестьяне «единогласно и положительно» отказались отвечать на предложенные комиссией вопросы, утверждая, что они не могут этого сделать отдельно от других сел Бзыбской Абхазии, так как «имеют исстари данный обет и присягу ни на какие важные вопросы не давать ответов одной общине отдельно от других». Все усилия Черепова и князей Инал-ипа склонить крестьян на дачу ответов не увенчались успехом[1].

Измайлов в тот же день, 18 июля, по поводу указанного события доносил полковнику Коньяру следующее: жители Мчишьнырцв хотя «собрались в м. Калдахвара, но положительно отказались дать какие-либо показания на месте, прося дозволить им выполнить все от них требуемое в Лыхнах при окружном управлении, объясняя: при бывшем владетеле все анхаве присягою условились во всех важных делах собираться в Лыхнах. При неоднократных убеждениях моих жители Мчиш Нырц оставались при своем желании, несмотря даже на то, что я предупреждал их – ежели они не дадут показаний на месте, то за такое ослушание, быть может, правительство освободит их агыруа и ахашал без всякого вознаграждения. О вышеизложенном доношу вашему высокоблагородию [и] прошу снабдить предписанием, какие я должен принять меры, чтобы заставить жителей дать требуемые показания»[2]. 19 июля отказались дать сведения также крестьяне сел Апцхва, Мгудзырхва и Чаабалурхва, куда прибыла комиссия[3].

Уже после схода жителей Мчишьнырцв Измайлов пришел к заключению, что «подобное упорство» крестьян он встретит «в большей части населения Бзыбского округа». В связи с этим начальник округа 19 июля написал очередной рапорт на имя полковника Коньяра, документ очень важный с точки зрения выяснения главной непосредственной причины восстания. «Ежели верить дошедшим до меня слухам, – писал Измайлов, – причина (сопротивления крестьян. – Г. Д.) следующая: так как все зависимое сословие, согласно

[1] Рапорт Измайлова Коньяру от 18 июля 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1 (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 5.

[2] Рапорт Измайлова Коньяру от 18 июля 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л.5.

[3] То же от 20 июля. Там же, л. 6; Из следственного дела, л. 232.

инструкции, предупреждается о том, что выкуп будет произведен на их счет, то они признали за лучшее не соглашаться на те требования, с которыми к ним обратятся, и объясняли себе так: «Сначала заставят нас откупиться от самих владельцев, а потом обложат податью казны и тогда не будет уже возможности освободиться». Измайлов еще раз подчеркивал, что «сопротивление выказано и будет выказываться» со стороны крестьян. Что касается князей и дворян, то Измайлов лишь допускал, что, «наверное, можно думать, что тавады и аамыста участники этого дела»[1]. Коньяр же, как мы видели в рапорте его на имя кутаисского генерал-губернатора от 23 июля 1866 года, указывал, что вообще владельцы крепостных в крайнем случае рассчитывали, что их крестьяне будут освобождены не иначе как с вознаграждением помещиков от казны.

То, что Измайлов по слухам знал и предполагал о причинах недовольства крестьян, в тот же день, 19 июля, он воочию услышал на сходе жителей сел Апцхва, Мгудзырхва и Чаабалурхва. Здесь один из крестьян прямо заявил: «Не намерены получать свободу выкупом на свой собственный счет и согласны считать себя государственными крестьянами, если государство на их выкуп употребит свое добро»[2]. Полковник Коньяр в рапорте от 23 июля также писал, что в некоторых селах было заявлено, что у крестьян нет желания выкупать самих себя, и что если правительство хочет освободить их, то оно само обязано принять на себя и выкуп.

Еще более ясно прозвучали мотивы выступления крестьян в устах их выборного О. Шамба, который в своей речи 26 июля заявил: «Мы не понимаем такого освобождения крестьян, как вы нам объявляете. У нас нет собственных средств выкупиться от помещиков, как вы нам предлагаете... Если правительству угодно освободить крестьян от помещиков, то мы надеемся, что государь будет к нам милостив, обратит внимание на нашу бедность, выкупит нас, крестьян, а наших помещиков не оставит без вознаграждения от себя, а не из нашей собственности»[3].

В противном случае крестьяне просили отсрочить или даже вовсе отложить проведение реформы. Это, разумеется, не означало

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. I, (кн. 2), 1866 г., д. 2784. л. 7.

[2] Из следственного дела, л. 232.

[3] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 32–47.

выступления крестьянской массы против реформы в принципе, тем более в угоду помещикам. Здесь имело место своеобразное проявление борьбы против крепостнического характера реформы. Вообще же, как уже отмечалось, отношение крестьянства к реформе было положительным. Комиссия, образованная для рассмотрения проектов инструкций по поземельному устройству населения Абхазии, на своем заседании 10 марта 1883 года констатировала, что известие о реформе вдохновило население, усилилась его заинтересованность в хозяйственной деятельности; «стремление к новым расчисткам (земель от леса.– Г. Д.) и перенесению усадебных мест» ближе к полевым угодьям «обнаружилось особенно в это время»[1]. С 1866 года, «предвидя скорое проведение... реформы в крае, каждый из жителей... старался захватить как можно более земли»[2].

Полковник Коньяр подчеркивал, что «влиятельные» лица разных сословий, владевшие крепостными людьми, увидев ошибочность своего расчета в отношении освобождения крестьян с вознаграждением помещиков от казны, начали убеждать крестьян, что, «налагая выкуп на них самих, правительство не только не улучшает их положение, но даже отягощает его, так как независимо от выкупа они, взамен настоящих повинностей, будут платить государственную подать[3]. Князь Мирский также писал о том, что представители высшего сословия выставляли перед крестьянством «предпринимаемую правительственную меру, как в высшей степени стеснительную и несправедливую»[4].

Как известно, впоследствии крестьянская реформа в Абхазии проводилась в таком духе, что выкупалась не земля, а лишь повинности. В 1866 же году вопрос ставился о том и другом, и эта постановка вопроса сразу вызвала недовольство крестьян, которые к тому же требовали произвести выкупную операцию за счет государства. При этом крестьяне наивно не верили, что император и его наместник предполагали «освободить» их таким образом, как

[1] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, 1882 г., д. 49, л. 105.

[2] Рапорт пред. Сухумской сословно-поземельной комиссии А. Введенского от 30 декабря 1882 г. начальнику Кавказского военно-народного управления. Там же, лл. 62–62 об.

[3] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 116.

[4] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, лл. 37–44.

это предлагали полковник Коньяр и члены комиссии. «Откровенно должны сказать вам, – заявлял О. Шамба, – что мы не верим, что государь император и великий князь наместник кавказский соизволили освободить крестьян в Абхазии таким образом, как вы нам предлагаете. Мы подозреваем, что вы сами повели так это дело, чтобы заслужить внимание высшего начальства»[1]. Поэтому крестьяне пытались произвести давление на местную администрацию, чтобы заставить ее «стать» на правительственный путь разрешения крестьянского вопроса.

Более того, крестьяне, «желая добиться истины, чтобы знать, как следует поступать» на своих собраниях, решили избрать депутатов и командировать их в Тифлис, «чтобы из уст великого князя наместника узнать эту истину, и, в свою очередь, объяснить древние права обитателей Абхазии»[2]. Одиако Коньяр и Черепов сочли поездку в Тифлис недоверием к себе, и депутации во главе с ешерским крестьянином О. Шамба было отказано в разрешении выехать по назначению. Полковник Коньяр обещал сам приехать на сход населения Бзыбской Абхазии и выслушать его требования для передачи их наместнику. Между прочим, Георгий Шервашидзе впоследствии писал по этому поводу: «На наш взгляд, этот последний отказ со стороны полковника Коньяра был фатальной ошибкой»[3].

Тем временем дворянская оппозиция, мечтавшая извлечь из назревавшего движения свои личные выгоды, начала активно действовать. Протурецки настроенные феодалы пытались даже провоцировать новые осложнения между Россией и Турцией. Некоторые из них были связаны и с англо-французской агентурой. Так, Хасан Маан (Маргания), сын которого принимал участие в восстании, в Трапезунде и в Батуме вел какие-то переговоры не только с турецкими пашами, но и с французским консулом в Трапезунде.

Об этом сообщал русский генеральный консул в Трапезунде А. Мошнин, внимательно следивший за деятельностью Х. Маргания[4], хотя и не ручался за точность этих сведений. Он писал: «Хасан Мор-

[1] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, гл. ч., 1866 г., д. 54, лл. 32-47.

[2] Дьячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум и XIX столетии. – С. 186.

[3] Шервашидзе Г. Так ли пишется история. «Закавказье», 6 июня 1910 г., № 126.

[4] Донесение Мошнина в императорскую миссию от 1 августа 1806 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 50–51; Письмо Мошнина Старосельскому от 3 августа 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г.. д. 2784, лл. 92–93.

ган (Маргания.–Г. Д.) сейчас прислал ко мне узнать о подробностях и причинах восстания»[1]. При этом оказывается, что Хасан Маргания беспокоился по поводу выселения его зависимых крестьян, «без которых он не может здесь жить и которых будто наше правительство не выпускает»; он вообще «рассчитывал», что восстание примет благожелательный для него характер и размеры[2].

Агитация протурецких элементов среди абхазских крестьян не только не имела успеха, но была встречена ими враждебно. Крестьян не могла, конечно, воодушевить перспектива подпасть под ярмо султанской Турции.

Встревоженный событиями, полковник Коньяр в сопровождении переводчика Г. Ткецишвили 21 июля отправился в Бзыбскую Абхазию. В с. Лыхны ему было сообщено, что во всем округе заметно сильное волнение, за исключением с. Дурипш. Коньяр тотчас же направился в это последнее село, где был созван сход (около 300 чел.). Коньяр произнес речь, в которой пытался изложить основы готовившейся реформы[3]. Затем он потребовал, чтобы крестьяне дали чиновнику Черепову все требуемые сведения. Однако, «к крайнему сожалению, – писал Коньяр, – заверения старшин оказались неосновательными»; собравшиеся заявили, что считают для себя преждевременным ставить предлагаемый им вопрос[4].

Коньяр еще раз приказал крестьянам безоговорочно представить Черепову требуемые сведения и предупредил, что «если они добровольно не дадут, то он заставит их сделать это силою оружия». При этом полковник потребовал, чтобы крепостные крестьяне (ахашвала) отделились от массы, и приказал переписать их. Но, жаловался Коньяр, «ни увещания, ни угрозы не могли заставить общину отступиться» от ее требований. Более того, крестьяне обнажили оружие, когда Коньяр потребовал выдачи одного из главных инициаторов этого неповиновеиия. Но крестьяне были «удержаны дворянами и членами суда, которые заслонили собой Коньяра и разогнали народ»[5].

[1] Донесение Мошнина в императорскую миссию от 1 августа 1866 г.

[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, лл. 92–93; Сообщение Мошнина Старосельскому от 24 августа I860 г. Там же, л. 94.

[3] Рапорт Коньяра от 23 июля I860 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., д. 54, л. 218.

[4] Там же.

[5] Из следственного дела, л. 233.

Коньяр поспешно удалился. В упомянутом рапорте он следующим образом объяснял этот свой поступок: «Не имея в распоряжении своем никакой вооруженной силы, кроме конвоировавших меня 12 казаков и 10-ти милиционеров, я не решился принять тут же какие-либо понудительные меры против вооруженного сборища из 300 человек, в которых я заметил явную готовность, в случае надобности, оказать сопротивление, тем более, что опасался, чрез подание однажды повода к открытой борьбе весь край может быть вовлечен в вооруженное восстание, которого мне необходимо было избежать по одному тому уже, что для отпора у меня имелось в виду не более двух рот, в составе 225 человек, находящихся далеко от места действия»[1].

По той же причине Коньяр вынужден был отказаться от своего намерения произвести аресты в с. Дурипш в ночь с 21 на 22 июля, где населением также были «приняты меры для вооруженного сопротивления». Коньяр отказался и от мысли вызвать к себе представителей сел с целью переговорить с ними, «стараться вразумить их, а через них и все население», потому что, писал он, «с разных сторон получил достоверные сведения, что утром 22-го числа в трех пунктах округа были сборища, на которых жители приняли взаимную присягу – по требованиям начальника являться не иначе, как всем населением разом». Считая бесполезным вести какие-либо переговоры с населением о выполнении им требований властей, считая также рискованным прибегать к силе, Коньяр решил незамедлительно обратиться к кутаисскому генерал-губернатору с ходатайством о возможно скорой присылке в Абхазию двух батальонов и двух орудий, после чего можно было бы «приступить к водворению порядка»[2].

23 июля жители нескольких сел Бзыбской Абхазии, как сообщал Измайлов, «сделали народную тревогу», начавшуюся со стороны с. Дурипш. В местечке Ажьимчигра (с. Лыхны) собрались жители Дурипша, Бгарданы и Хуапа. Измайлов послал дворянина Титу Маргания узнать о цели схода. В объяснениях последнего Измайлову о причинах и требованиях схода мы имеем, несомненно, проявление стремления дворян выдвинуть частично свою программу. В данном

[1] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 114–115.

[2] Там же.

случае это излагалось дворянином Титу Маргания и диктовалось дурипшскими дворянами Смелом Лакрба и Соулахом Маргания. Титу сообщил Измайлову, что жители выражали неудовольствие по поводу, во-первых, удаления владетеля Абхазии помимо их желания; во-вторых, нежелания спросить их мнения о допущении оставить детей бывшего владетеля в крае на помещичьих правах; в-третьих, стремления правительства освободить всех от зависимости. Наконец, они требовали освобождения арестованных за разные проступки из лыхненской тюрьмы[1].

23-го июля в Сухум выехал и Черепов. Он доложил Коньяру о том, что ему не дали никаких сведений. В тот же день правителя канцелярии начальника Сухумского военного отдела майора К. Красницкого отправили к кутаисскому генерал-губернатору с рапортом об отказе крестьян Бзыбского округа давать показания чиновнику Черепову. Коньяр, обращая внимание на слабость Сухумского гарнизона, просил прислать войска[2]. Это донесение Коньяра было получено Мирским 25 июля на пути из Зекарского ущелья, куда он сопровождал наместника Кавказа. Последний определенно недооценил события в Абхазии, «так как, – рассуждал он, – никаких тревожных слухов до сих пор из Абхазии получаемо не было, и так как в конце лета, как известно, там свирепствуют лихорадки, то до осени войск отправлять туда нежелательно». Решено было послать начальника Горского управления полковника Старосельского «для разъяснения недоразумения на месте и принятия административных мер», с целью чего он был вызван в Боржом[3]. Одновременно полковнику Коньяру было дано предписание не настаивать на требовании от жителей Бзыбской Абхазии показаний по вопросу об «освобождении» крестьян до прибытия в Абхазию «достаточной силы для прекращения великого непослушания»[4].

Между тем, по словам Святополк-Мирского, события в Абхазии «устремились быстро к страшной катастрофе»[5]. По всем селам шла

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 120.

[2] Рапорт Святополк-Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866. г., ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 88.

[3] Письмо наместника Кавказа Александру II от 5 августа 1866 г. ЦГВИА, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, лл. 29–33.

[4] Рапорт Святополк-Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября: 1866 г., л. 88.

[5] Там же, лл. 88–89.

подготовка к созыву всеобщего схода 25 июля, чтобы «окончательно решить, что надо делать»[1]. К указанному времени повстанцы ожидали возвращения своих депутатов. Но последние, как было сказано, не получили разрешения со стороны начальства поехать в Тифлис. Это неожиданное возвращение представителей еще больше усилило волнение крестьян[2].

Такая тревожная обстановка сложилась в этот момент не только в Бзыбской Абхазии. Достаточно указать на тот факт, что в Цебельде капитан Шавров вынужден был приостановить собирание сведений по крестьянскому вопросу и приехать в Сухум, чтобы просить Коньяра «дозволить не объявлять жителям о способе выкупа их из зависимости»[3].

25 июля Коньяр получил от Измайлова очередное известие о массовом сборе населения Бзыбской Абхазии «с оружием в руках для заявления своих претензий и жалоб» на царское правительство[4]. По рапорту Измайлова, а также донесению и личному докладу Черепова о положении в Бзыбской Абхазии полковник Коньяр решил 25 июля отправиться в Лыхны. Он вызвал к себе переводчика Г. Ткецишвили и приказал быть готовым к выезду, так как «поедет в Бзыбский округ для наказания жителей»[5]. Оценивая серьезность положения, Коньяр решил взять с собой князей Георгия и Александра Шервашидзе (сына и брата бывшего владетеля) и явиться на место без значительных войск. Он надеялся использовать свое личное «влияние» и присутствие абхазских князей, чтобы не только остановить начавшееся движение, но и заставить население «немедленно исполнить приказание начальства»[6].

Отказ Коньяра от значительной охраны был рассчитан на то, чтобы «не произвести напрасную тревогу», «опасаясь придать происшествиям слишком большое значение». Между прочим, Мирский подчеркивал, что это обстоятельство не только не оправдало себя, а, напротив, способствовало восстанию, «увеличило его раз-

[1] Из следственного дела, л. 233 об.

[2] Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. – С. 186.

[3] ЦГИА, ф. 649, оп.1, д. 409, лл. 37-44.

[4] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 28-30.

[5] Там же, лл. 32-47.

[6] Рапорт Святополк-Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г. л. 89 об.

меры и значение»[1]. Но Коньяр опасался и другого. Находившиеся в это время в Сухуме воинские части были незначительны, так как войска вели дорожные работы вне Абхазии. Следовательно, при таком настроении населения, не имея под рукой достаточных военных средств для того, чтобы «силою заставить упорствующих выполнить требования правительства», Коньяр не рисковал вывести последние силы из Сухума. Поэтому он и просил кутаисского генерал-губернатора о присылке в его распоряжение 2-х батальонов, «надеясь, что присутствие их немедленно поставит население в надлежащие отношения к власти»[2].

Коньяр вместе с названными выше лицами на военной шхуне «Соук-су» 25 июля прибыл в м. Гудауты. Здесь его встретил капитан Измайлов с отрядом казаков. Измайлов доложил Коньяру о событиях в округе. Узнав, что крестьяне собираются в с. Акуаскямца, Коньяр послал Титу Маргания объявить им, чтобы они сказали, где желают объясниться, а сам отправился в с. Лыхны. Скоро к нему вернулся Титу и сообщил, что население просит отложить собрание до следующего дня. Коньяр согласился. Между тем переводчик Г. Ткецишвили слышал от одного человека, что толпа намерена напасть на Коньяра и других этой же ночью. Но Коньяр не поверил этому сообщению.

26 июля Коньяр послал корнета князя Толупара Анчабадзе (Ачба) с требованием, чтобы собравшиеся прибыли в с. Лыхны. Анчабадзе встретил группы крестьян, уже направлявшихся в с. Лыхны. По его словам, люди были чем-то очень недовольны; каждый из них имел при себе мешочек с провизией на несколько дней и, наконец, некоторые из группы анухвцев, псырцхинцев и ешерцев (в числе которых был и молодой князь Заурбек Дзапш-ипа) говорили: «Полковник все-таки не исполнит наших требований, между тем на объяснение с ним потребуется много времени; не лучше ли, когда подойдем к дому владетеля, прямо напасть на него?». Корнет Анчабадзе обо всем этом немедленно доложил Коньяру. Но тот и этому не придал никакого значения, заявив: «Все это вздор, вы, кажется, струсили»[3].

[1] Там же.

[2] «Кавказ», I сентября 1866 г., №68.

[3] Из следственного дела, лл. 234, 242.

Собравшиеся жители Бзыбской Абхазии расположились на окраине обширной Лыхненской площади (Лыхнашта) в местности Ажарыца (где в настоящее время стоит здание средней школы). По сведениям Г. Ткецишвили, численность людей превышала 5 тыс., а по другим данным, собралось более 7 тыс. человек[1]. Крестьяне составляли основную массу. Люди стояли по сословиям. Почти все были вооружены. Полковник Коньяр в сопровождении Измайлова и его адъютанта казачьего офицера Артюхова, переводчиков Георгия Ткецишвили, Соломона Лакрба, Давида Ермолова и Толупара Анчабадзе, князей Георгия и Александра Шервашидзе, окружных судей подпоручика Титу Маргания, Шмафа Маги, Ивана Годжгиар-ипа и Камхаза Хагба явился часа в 3 дня. Полковника встретили сдержанно.

Навстречу к нему вышли выборные (депутаты) в количестве 8 человек, которые должны были говорить от имени народа и передать Коньяру желание последнего. Все они были, как сообщает следственное дело, из «вольных жителей (анхаю – Г. Д.) и крестьян» (ахоую – Г. Д.), и по словам Г. Ткецишвили,– из «простого народа, т. е. подвластных». Одним из этих выборных был знаменитый оратор, ешерский крестьянин Осман Шамба, произнесший «с согласия прочих» речь, не раз цитированную нами выше. Переводчики передавали ее по частям. Г. Ткецишвили и Т. Анчабадзе совершенно охрипли и не могли больше говорить, их сменил Г. Шервашидзе. Оратор же все гремел, поминутно обращаясь к сходу с вопросом: «Так ли я передал ваши мысли? Народ постоянно выражал криками одобрение и согласие»[2]. Изложив вышеприведенное, Шамба еще раз просил разрешения послать депутацию к наместнику Кавказа или к кутаисскому генерал-губернатору.

Выступивший затем полковник Коньяр отверг одну за другой все просьбы населения. На заявление Коньяра, что крестьяне не будут зависеть от помещиков, дворянин Титу Маргания заметил: «Они наши рабы были и будут». Крестьянин Хучина Гагулия (Дзугу-ипа) крикнул: «Врешь. Мы землей не зависим!»[3]. Так в ходе восстания с самого начала обнаруживалось различие между истинными намерениями дворянской оппозиции и требованиями крестьянства.

[1] Из следственного дела; «Кавказ», 1 сентября 1866 г., №68.

[2] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. м., 1866 г., д. 54, лл. 32–47.

[3] Цит. по статье А. Фадеева «Крестьянское восстание 1866 г. в Абхазии». – С. 123.

Возмущение собравшихся достигло крайнего предела, когда Коньяр категорически сказал: «Что же касается до ваших жалоб о строгости наказании, которым мы вас подвергаем за ваши» поступки, то эти наказания будут еще больше усилены. «Вы достойны более строгих наказаний..., я объявляю всенародно, что буду строго преследовать всех... и если бы все абхазцы оказались... достойными наказания, то я употреблю все усилия и исходатайствую у высшего начальства разрешение выселить всех их...». Затем Коньяр потребовал немедленно исполнить приказание начальства и дать необходимые сведения чиновнику Черепову, приступив к этому делу в его же присутствии. «Если вы добровольно не исполните этого, – угрожал полковник, – я заставлю исполнить его силою. Вам будет плохо, но тогда не пеняйте на меня»[1].

Когда Коньяр кончил говорить, О. Шамба обратился к нему со следующими словами: «Нет, полковник, мы не можем исполнить вашего требования, довольно. Сердце наше переполнилось терпением, мы больше не можем терпеть, оставьте нас в покое». При этом он произнес по-русски: «Нет, полковник, нет, полковник». Потом Шамба обратился к сходу: «Так ли? Ведь вы не соглашаетесь на требования полковника?». В ответ раздался громкий крик всего народа: «Так, мы не соглашаемся!»[2].

Коньяр заявил, что среди населения находятся заговорщики, которые возбуждают его, и что их для спокойствия необходимо выселить из края. В ответ на это крестьяне Маф Амс-ипа и Шпагу Дзган-ипа дали выстрелом сигнал к нападению на царских администраторов. По сообщению старика Кансоу Таркил, выстрелил также крестьянин Кайнагу Мачич- ипа (Кобахия). Сделал выстрел и молодой князь Заурбек Дзапш-ипа. По свидетельству очевидцев, крестьяне Гыдж Отырба и Шпагу Дзган-ипа «сделали в народе тревогу, стали его волновать и стрелять»[3]. Другими, кто начал призывать к выступлению, согласно тому же следственному делу, были крестьяне Ханашв Калги, Какучал-ипа, Лаз Асадзба, Зафас Чанба, Гуд Дбар, Кубзач Цахтыр-ипа (Пилия).

[1] ЦГВИА, ф. 100, оп. 258/908. аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 32–47.
[2] ЦГВИА, ф. 100, оп. 258/908. аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 32–47.
[3] Из следственного дела, л. 243 об.

Люди выхватили ружья из чехлов и бросились на полковника Коньяра и его свиту. «Произошло страшное смятение». Испугавшиеся князья и дворяне приняли все меры, чтобы приостановить выступление крестьян. «Князья и дворяне, – свидетельствовал Ткецишвили, – стоявшие впереди толпы близ Коньяра, стали между ним и народом и начали кричать народу, как будто желая спасти нас: «Что вы делаете, не губите себя», а нам говорили: «Бегите, спасайтесь, видите, как народ озлоблен на вас». В следственном деле читаем: «Народ, несмотря на действия некоторых князей, дворян и старшин, которые убеждали его не делать беспорядков и разгоняли плетьми и палками, бросился за Коньяром». В рапорте Мирского от 13 сентября 1866 года говорится: «Полковник Коньяр с вышеупомянутыми лицами и под защитой некоторых лиц высшего сословия отступил в дом бывшего владетеля».

Коньяр и сопровождавшие его лица направились во дворец, где «для большей безопасности» закрылись в спальне. Повстанцы успели уже дать несколько выстрелов, прежде чем Коньяр скрылся в доме Шервашидзе[1]. Святополк-Мирский в письме наместнику Кавказа от 6 августа 1866 года подчеркивал: «Простой народ выхватил ружья и начал стрелять»[2]. В это время кто-то из толпы потребовал освободить всех арестованных. Коньяр приказал Измайлову выдать ключ от тюрьмы (гауптвахты). Вместе с тем он дал приказ, чтобы вообще сняли охрану и не стреляли в толпу. Казаки, охранявшие тюрьму, оставили пост и кинулись к Коньяру.

Тем временем повстанцы разделились на две части. Большая часть их бросилась против сотни казаков[3], стоявшей невдалеке от владетельного дома, и завязала с ней бой. Другая группа начала штурмовать дворец. Коньяр и прочие офицеры переоделись в черкески, которые сняли с себя находившиеся в комнате абхазские князья и дворяне. Затем полковник написал записку в Сухум, чтобы предупредить нападение. Характерно, что эта записка была послана через крестьянина Мусы Агрба. Ему, как крестьянину, легче было выполнить это поручение.

[1] Там же, лл. 242 об–243 об.
[2] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, лл. 37–44.
[3] В с. Лыхны стояла 5-я сотня 3-го дивизиона Кубанского казачье- го войска под командой сотника Москаленко.

Вместе с тем Коньяр решил сделать ложное сообщение о том, что будто Георгий Шервашидзе убит. С этой целью дворяне Шмаф Маги и Камлат Маргания, а также ашнакума Муса Габлия вышли на балкон, плача и ударяя себя по лицу. Они уговаривали разгоряченную массу разойтись по домам. Но этот маневр не удался. Некоторые ответили, что это небольшая беда, ведь убит же отец его. Однако толпа отхлынула назад и на некоторое время стрельба прекратилась, но скоро снова возобновилась[1]. Ткецишвили свидетельствовал, что Г. Шервашидзе подошел к окну и крикнул: «Что вы делаете, сумасшедшие, зачем убиваете нас»[2]. Не помогла и попытка Александра Шервашидзе уговорить крестьян. Один свидетель события рассказывал следственной комиссии, что его посылал князь Александр уговорить крестьян, но последние его прогнали[3].

О дальнейшем ходе событий существуют различные версии. По сообщению одного очевидца, Г. Шервашидзе вышел из комнаты, сказав, что он пойдет успокоить толпу; вслед за ним вышли Александр и все другие абхазские князья и дворяне[4]. По показанию же Ткецишвили, толпа ворвалась в дом и, заняв две первые комнаты, начала ломиться в спальню, требуя выдачи князей Георгия и Александра Шервашидзе и Титу Маргания, которые и были отпущены Коньяром[5]. Но следственная комиссия считала всего вероятнее, что в это время находившиеся в комнате люди потеряли полное присутствие духа, каждый заботился, как мог, о своем спасении, и Георгий, если даже вышел без приказа Коньяра, то потому, что полковник прежде предлагал ему выйти, но его удерживали переводчики[6].

Между тем большая часть повстанцев продолжала бой с казачьей сотней. Казаки сперва защищались на открытом месте, но потом, видя, что повстанцы превышают их численностью в несколько десятков раз, заперлись в конюшне и начали стрелять. Однако скоро повстанцы подожгли помещение, и когда пламя охватило его, казаки начали выбегать оттуда. Некоторым из них удалось пробиться сквозь густую толпу повстанцев и укрыться в недалеко стоявшем

[1] Из следственного дела. л. 238.
[2] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 32-47.
[3] Из следственного дела, л. 239.
[4] Там же.
[5] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54 лл. 32–47.
[6] Из следственного дела, л. 239.

полуразрушенном каменном доме. Оттуда казаки вечером перебрались в древнюю Лыхненскую церковь, где засели на хорах. Во время схватки повстанцы потеряли, согласно следственному делу, около 20 человек[1]. Среди них был и Алхас Маргания.

Повстанцы долго преследовали оставшихся в живых казаков, но убедившись в трудности успеха, двинулись на помощь к группе, осаждавшей дворец. Крестьянин Какучал-ипа, крикнув: «Кто молодец[2] – пойдемте», впереди толпы поднялся на балкон. Впереди толпы, бросившейся в дом, был и крестьянин Зафас Чанба. Из дворян вместе с названными лицами шли Шмаф и Эльмурза Маргания, движимые чувством мести за убитого их брата Алхаса, «несмотря на энергичные убеждения и препятствия» со стороны их отца; был и Кизилбек Маргания. Тквач Эмухвари воскликнул: «Кто не женщина – за мной», и начал ломать дверь дворца. Скоро повстанцы ворвались в первую комнату; заняв и вторую комнату, они подошли к спальне, требуя, чтобы Коньяр открыл дверь и чтобы все вышли во двор, угрожая в противном случае спалить дом[3].

Так как никто не тронулся с места; то повстанцы начали ломать дверь, но она оказалась настолько крепкой, что удалось выломать только одну ореховую квадратную доску, вставленную посередине. Через образовавшееся в двери отверстие начали стрелять в комнату. «Утомленные криками и волнением», подпоручик Суринович, Черепов и другие вышли через это отверстие и были тут же убиты. Вскоре были убиты Коньяр, Измайлов и офицер Артюхов, к которым в комнату, выломав двери, ворвалась толпа повстанцев[4].

[1] В рапорте Управления 6 корпуса жандармов наместнику Кавказа от 5 августа 1866 г. (ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 185, л. 2) указывается 80 чел., но цифра эта преувеличена; к истине ближе данные следственного дела.
[2] Очевидно, «кто мужчина» (или «кто герой») – обычное восклицание у абхазцев.
[3] Из следственного дела; показание Г. Ткецишвили.
[4] В следственном деле и в показании Г. Ткецишвили сообщаются следующие подробности об этом событии. Суринович, по выходе из комнаты, бросился на шею дворянина Эльмурзы Маргания с просьбой спасти его. Тот под своей защитой повел было Суриновича из дому, но в это время Кизилбек Маргания оторвал его от Эльмурзы и вырвал у него шашку, а крестьянин Тапагу Чибзук-ипа выстрелил в Суриновича и убил его. Черепова же били шашками и кинжалами на балконе и на лестнице; первый удар нанесли ему шашкой крестьянин Зафас Чакба и Шмаф Маргания; сойдя вниз, израненный Черепов был настигнут крестьянином

Кроме указанных лиц, были еще убиты из первой сотни седьмого Кубанского конного казачьего полка 1 сотник, 2 урядника и 52 приказных и казаков[1].

Спаслись же из названной сотни 34 человека, которые скрывались несколько дней в церкви; оттуда их вывела жена Александра Шервашидзе, которая до этого посылала им провизию; привела их в Гудауты и на судне, нанятом ею же, отправила в Сухум[2]. Впоследствии наместник Кавказа в своем отношении военному министру от 19 октября 1869 года, воздавая должное жене князя А. Шервашидзе за такой поступок, подчеркивал, что члены семьи последнего не только не принимали участия в восстании 1866 года, «но жена его даже ознаменовала себя... спасением от мятежников, в опасности для себя самой, более 30 человек наших казаков, тайно укрывавшихся в церкви в сел. Лыхны»[3].

26 же июля повстанцы устроили нападение и на Гудаутскую карантинно-таможенную заставу, притом так внезапно, что надзиратель заставы Корзун едва мог уйти на баркасе с несколькими лицами и спастись под прикрытием артиллерийского огня шхуны «Соук-су», стоявшей на рейде. Каменное здание заставы было сожжено, погибло и все ее имущество[1]. Указанное военное судно в 8 часов вечера того же дня прибыло в Сухум, после чего здесь стало известно о событиях в Бзыбской Абхазии и о предстоявшем нападении на Сухум[2].

После лыхненского выступления Александр Шервашидзе отправился в свое имение, в с. Аацы, а Георгий – в с. Дурипш, в дом дворянина Джигвы Лакрба. Отсюда Георгий через Г. Ткецишвили послал письмо кутаисскому генерал-губернатору. В доме Д. Лакрба, как указывается в следственном деле, собрались князья и дворяне, желавшие сделать сына бывшего владетеля своим руководителем. Они изготовили «княжеское знамя» и начали призывать население стать под ним[3].

Уже вечером 26 июля было объявлено по селам о походе на Сухум. Мнение о том, что приказ об этом исходил от Георгия Шервашидзе, по-видимому, не соответствует действительности. Во всяком случае, в следственном деле говорится: «Было ли это приказание отдано Георгием или действовала тут партия именем его, – следствием не открыто»[4]. Другим объектом нападения было выбрано Пицундское укрепление, занятие которого имело большое значение для обеспечения тыла, чтобы в дальнейшем сосредоточить все силы на штурм Сухума. 26 июля часть повстанческих отрядов, состоявшая из жителей сел Аацы, Анухва, Псырцха, Яштхуа и Гума, двинулась к Сухуму. Однако движение повстанцев было задержано разлившейся р. Гумиста в результате сильного дождя. Всадники переправились через бурную реку, пешие же ушли с нижнего течения реки и направились вверх к с. Гума. Но туда они поспели только к 27 июля[5].

В Сухуме были приняты экстренные меры. Помощник начальника местных войск Кутаисского генерал-губернаторства полков-

---

Какучал-ипа, от удара кинжала которого чиновник упал мертвым. Тем временем были выломаны двери и в комнату, где находились Коньяр, Измайлов, Артюхов и Ермолов. Первым был убит Измайлов крестьянином Хакуцвом Ханашв-ипа, потом – Артюхов. Коньяр же спрятался в камине. Д. Ермолов закрыл его собой и стал просить стоявших рядом Тыча Маргания и двух его братьев спасти полковника, обещав за это большую награду. Братья Маргания, действительно, заслонили Коньяра. В это время на пороге показался Кизилбек Маргания, имевший какую-то обиду на Ермолова, и выстрелил в него, но пуля, пройдя между ног последнего, ранила одного из братьев Маргания. Ермолов и раненый были выведены из комнаты. Место Ермолова занял лыхненский дворянин Шахан Маргания, также пытавшийся снасти полковника: он предлагал за жизнь Коньяра одному из подошедших к нему повстанцев корову, буйволицу и кинжал. Но тот, опасаясь быть обманутым, стал требовать кинжал тут же немедленно, а когда Маргания, опасаясь как бы этим же кинжалом не был умерщвлен Коньяр, не отдал его, тот бросился на Маргания и начал силой вырывать кинжал. Во время этой схватки крестьянин Ханашв Калги из ружья произвел выстрел в Коньяра. Его примеру последовал Тагу Мканба. Коньяр, раненный в ногу, выпал из камина на пол, после чего Тыч Маргания и Татал Инал-ипа сделали в него еще два выстрела. Полковник Коньяр был убит.

[1] Рапорт командира 3 дивизиона Кубанск. казачьего войска наместнику Кавказа от 2 августа 1866 г. (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2). 1866 г., д. 2784, л. 21); Письмо наместника Александру II от 21 августа 1800 г. (ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, лл. 24–37).

[2] Из следственного дела, л. 237.

[3] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 47, лл. 1–5 об.

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 185, лл. 3–4; ЦГИА, ф. 649, оп I, д. 230, л. 3.

[2] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, оп. 258/908, л. 22; рапорт Мирского от 13 сентября 1866 г., л. 101.

[3] Из следственного дела, лл. 254–254 об.

[4] Там же, л. 254 об.

[5] Рапорт Святополк-Мирского от 13 сентября 1866 г., л. 102.

ник фон Кульман, получив сведения о событиях в Бзыбской Абхазии, тотчас же принял на себя командование войсками, расположенными в Сухуме, и сообщил в Кутаис о событиях в Абхазии. На рассвете 27 июля начальник Сухумского округа И. Бутми де Кацман, в это время вместе с майором Баратовым находившийся в с. Адзюбжа, от своего адъютанта получил записку следующего содержания: «Бзыбское волнение кончилось тем, что Коньяр убит и все чиновники истреблены. Бзыбцы с большим сборищем идут с намерением напасть на Сухум, – идите спасать нас»[1].

В Сухуме в это время было всего 4 роты кавказских линейных батальонов, которым было предложено немедленно занять позиции на главных входах в город. Орудия, стоявшие на батареях крепости, а также на военной шхуне, были обращены на высоты, прилегающие к Сухуму. Из Баалоуской поляны (Трапеция) были эвакуированы лазареты и больные. Было эвакуировано и почти все население Сухума. Управляющий Сухумской карантинно-таможенной конторы распорядился деньги и ценные документы передать для хранения на военный транспорт, а все прочее казенное имущество перевести в крепость. Кульман приказал начальнику Сухумской морской станции послать транспорт в Поти и Гагры для принятия находившихся там войск; начальнику Потийской рабочей колонны предписал прибыть немедленно в Сухум с войсками, а командиру Кавказского линейного № 33 батальона – выслать из Гагр стрелковую роту и 400 солдат маршевого батальона[2].

27 июля, в 3 часа дня, повстанцы числом до двух тысяч человек конницы и пехоты, с боем заняв Баалоускую поляну, спустились в Ботанический сад, а затем под прикрытием домов начали двигаться к морю[3]. Повстанцы старались охватить город с трех сторон. Они ставили задачу завладеть крепостью, для чего заготовили лестницы[4]. Наступательные действия крестьян войска отражали более 10 раз. В конце концов повстанцы не выдержали и отступили к центру

[1] Рапорт майора кн. Баратова в Кавказское горское управление от 29 июля 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, лл. 91–91 об.

[2] Отнош. инспектора Кутаис. карантинно-таможен. окр. Филадельфии на бар. Николая от 18 августа 1866 г. ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 185. л. 3.

[3] Рапорт полк. Кульмана от 31 июля 1866 г., лл. 23–23 об.

[4] Стефанов Т. Т. Михайловский крепостной пехотный батальон. Батум, 1906. – С. 321.

города. Пламя пожара охватило много строений[1]. Многие из них загорелись от разорвавшихся бомб, которыми осыпала повстанцев крепостная артиллерия.

В это время повстанцы из с. Акапа бросились на роту, стоявшую на р. Басла, но были отброшены. Безуспешно кончилась и попытка их поодиночке обойти позицию роты[2]. Были оттеснены также двигавшиеся к крепости повстанцы – их обстреливали из ружей и горных орудий. Перестрелка продолжалась в течение всего дня и ночи[3].

Таким образом занять город целиком и, в первую очередь, крепость повстанцам не удалось. Они стали лагерем на Баалоуской поляне; делились по селам, на «огни». Кроме того, повстанцами был избран Совет в составе крестьян Камгаза Хагба, Зафаса Гумба и Лаза Ладария и дворянина Шмафа Маги[4].

Другой отряд повстанцев, состоявший из 1 тыс. человек, 26 июля перерезал пути от Пицундской крепости, заняв все дороги вокруг нее. Но вечером 27 июля повстанцы разошлись, также не достигнув своей цели.

Одновременно с наступлением повстанцев на Сухум начались волнения в Цебельде и в Сухумском округе. 26 июля капитан Карганов из Цебельдиского укрепления сообщал полковнику Старосельскому о том, что ему приказано остановить сбор сведений в Цебельде «вследствие беспорядков, происшедших в Бзыбском округе, которые ожидают, что могут распространиться на все соседнее... население»[5]. Однако выступления здесь с самого начала встретили большие препятствия. Некоторые князья этих районов сразу же выступили на стороне царских войск. Так, дальский князь, прапорщик Алмахсит (Михаил) Маршания со своим отрядом, совместно с частью Кавказского линейного № 35 батальона, начал оборонять от повстанцев Цебельдинское укрепление, а также пытался отрезать им путь к Сухуму. Его примеру последовал цебельдинский князь Хирипс Маршания[6]. Заодно с Алмахситом Маршания действовал и

[1] Рапорт полк. Кульмана от 31 июля 1866 г., л. 23 об.

[2] Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. соч. – С. 189.

[3] Телеграмма Кульмана ген. Оклобжио от 29 июля 1866 г. ЦГИАГ, ф. 1085, 1866 г., д. 118, л. 7

[4] Из следственного дела, лл. 255–256.

[5] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, л. 92.

[6] Рапорт Святополк-Мирского от 13 сентября 1866 г., л. 102.

его родной брат Адамур. Благодаря этим мерам повстанцам не удалось завладеть укреплением. Однако было прервано сообщение Цебельдииского укрепления с Сухумом[1].

Сухумский окружной начальник И. Бутми де Кацман своими действиями удержал от присоединения к восставшим около двух третей населения данного района и, собрав «милицию», главным образом из князей и дворян, бросился на повстанцев и задержал их[2].

Тем не менее повстанцы на рассвете 28 июля заняли приставский дом и окружили укрепление в Цебельде. Вместе с тем часть повстанцев двинулась в с. Герзаул, чтобы пересечь путь осажденным, на случай их отступления к Сухуму. Арестованные за различные проступки и содержавшиеся в приставском доме, находившемся вне укрепления, были освобождены. Затем, несмотря на все противодействия князя Коншок- вы Маршания, повстанцы разгромили приставское управление и форштадт и начали ружейный обстрел укрепления[3]. Но артиллерийский огонь заставил их отступить. На другой день, вероятно, под влиянием агитации со стороны князей, повстанцы заявили, что прекращают осаду укрепления. Тем не менее ими были заняты дороги от Цебельды к Сухуму, а через некоторое время они двинулись к последнему.

Первые известия о событиях в Абхазии и в Кутаисе были получены вечером 26 июля, а в Боржоме, в резиденции наместника Кавказа, – 27 июля. Для наместника это было большой неожиданностью. Он был сконфужен и встревожен. Еще не высохли чернила на его донесениях в адрес императора и военного министра, в которых он сообщал о «блестящих» делах, «мире и тишине» по всему краю, и вдруг... «страшный бунт». В письме Александру II от 5 августа наместник писал: «Абхазское восстание меня гораздо более занимает и печалит... Ты себе можешь представить, как эти известия нас поразили!»[4]. Военному министру Д. А. Милютину он также писал: «Вы себе можете представить, как я огорчен и озабочен... событиями в Абхазии»[5].

[1] Стефанов Т.Т. Указ. соч. – С. 324.

[2] Рапорт Кульмана от 31 июля 1866 г., лл. 22 об–23.

[3] Из следственного дела, лл. 263–263 об.

[4] ЦГИА, ф. 678, оп. 1,1866 г., д. 610, л. 20.

[5] Рукописное отделение Государствен. Библиотеки СССР имени В. И. Ленина, ф. Д. А. Милютина, шифр: 1424/2, л. 188 об.

Наместник командировал Святополк-Мирского в Сухум «для принятия ближайших мер» к подавлению восстания и в то же время отдал приказ направить в район восстания форсированным маршем полки 39 пехотной дивизии и 9 рот линейных батальонов, находившихся на дорожных работах в Зекарском ущелье; со стороны Кубанской области – 2 сотни казаков Кубанского казачьего войска через Шиплипский перевал, а на всех прочих сообщениях, ведущих из Абхазии через Главный Кавказский перевал в эту область, выставить в виде кордона еще несколько сотен. От полков 19 пехотной дивизии 2 батальона и 4 горных орудия 19-й бригады были посланы «с возможной скоростью» в Новороссийск для дальнейшего отправления их морем в Сухум. Кроме того, был собран казачий отряд из 5-ти батальонов и 2-х сотен около ст. Сторожевой, назначение которого состояло в оказании содействия, в случае необходимости, войскам кутаисского генерал-губернатора, с которым он должен был войти в связь, а также в прикрытии границы Кубанской области в верховьях р. Бзыбь[1].

Между тем абхазские крестьяне, получив подкрепление, на рассвете 28 июля «с большим ожесточением повторили нападение на Сухум»[2]. Они снова повели атаку на войска Сухумского гарнизона, стараясь оттеснить их к морскому берегу. Но эта атака была отражена стрелками ружейным и артиллерийским огнем. Некоторые дома войскам «приходилось брать штурмом; горцы гибли в них, но не сдавались», – писал полковник Кульман[3]. Повстанцы, зная, что гарнизон слаб, старались до прибытия к нему подкрепления завладеть городом. Находившиеся в крепости на четырех бастионах полевые орудия действовали бесперебойно. Корвет «Вепрь» и шхуна «Соук-су», крейсируя вдоль берега, также обстреливали фланговые подступы к городу и повстанцев, находившихся в более отдаленных от крепости местах. Повстанцы же сожгли армейские казармы, дома на возвышенностях и много других строений и, засев в домах, постепенно продвигались к крепости[4].

[1] Донесение наместника Кавказа воен. министру Милютину от 9 августа 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54.

[2] «Кавказ», 4(16) сентября 1866 г., № 69.

[3] Рапорт полк. Кульмана кутаисскому генерал-губернатору от 31 июля 1866 г., л. 24 об.

[4] «Кавказ», 4(16) сентября 1866 г., № 69.

28 июля, в 3 часа дня, винтовой транспорт «Воин» вошел в Сухумскую бухту и высадил на берег весь № 37 батальон (5 рот) и 2 роты кавказских линейных №№ 31 и 22 батальонов. Линейный № 37 батальон под командой подполковника Фульгина решил обойти повстанцев: колонна из 3-х рот двинулась в обход города налево, колонна из 2-х рот – направо. Повстанцы пытались приостановить движение войск, но их силы оказались недостаточными. Они вынуждены были оставить город[1]. Наместник Кавказа писал: «Непостижима для меня настойчивость, с которою бунтовщики атаковали Сухум»[2].

29 июля Георгий и Александр Шервашидзе прибыли в Баалоуский лагерь. Князья и дворяне встретили Георгия официально-торжественно. Ему стали петь песню, в которой возвеличивали и характеризовали его как владетельного князя; символически развевали «княжеское знамя». Таким образом, в ходе восстания наступил период, когда реакционное требование феодальной оппозиции о восстановлении владетельства было провозглашено официально, как лозунг всего движения.

Но было бы неправильно думать, что крестьянские массы отныне боролись за эти реакционные идеалы князей и дворян. Напротив, как раз на этом этапе восстания произошло более глубокое размежевание между крестьянскими повстанцами и феодальной группой. Однако, конечно, было бы другой крайностью умалять значение патриархальности и классовой ограниченности крестьянской массы. Для многих крестьян знамя сына владетеля было знаменем борьбы против угнетения и эксплуатации не только царскими властями, но и абхазскими феодалами, ибо владетель «господствовал» и над последними. Следует также сказать, что сам Георгий Шервашидзе в эти дни недвусмысленно выражал мнение о невозможности осуществления политического плана дворянской оппозиции[3].

29 же июля из разных сел Бзыбской Абхазии прибыло еще несколько крестьянских отрядов. В лагерь было привезено и «народное знамя», изготовленное из красного кумача с вышитой на нем

[1] Там же.
[2] ЦГИА, ф. 640, оп.1, д. 230, л. 6.
[3] Из следственного дела, л. 256.

шашкой. Это знамя находилось в руках жителей с. Гума и держал его крестьянин Джигра Аюдзба. Княжеское знамя было вручено дворянину Беслангуру Мканба[1].

На совете был разработан план штурма Сухума. Операции предполагалось провести по всем правилам. Этому должен был способствовать тот факт, что в числе находившихся здесь князей и дворян были лица, имевшие военные офицерские чины. Наступление должно было начаться на рассвете 30 июля с трех сторон. Один отряд должен был двигаться по главной улице и завладеть городом. Второй отряд, в авангарде с гумцами, – нанести удар по крепости. Между прочим, среди гумских крестьян было много бежавших сюда от своих помещиков из разных сел Абхазии незадолго до этого[2]. Абжаквинцы, цебельдинцы и другие готовились ударить со стороны р. Басла (Беслетка). Отряд, действовавший в Бзыбской Абхазии, должен был занять Пицундское укрепление[3]. Вместе с тем были приняты срочные меры для снабжения повстанческих отрядов продовольствием, для чего была установлена особая подать и приступлено к ее сбору[4].

Кроме того, Георгий Шервашидзе послал Халыбея Маргания в Цебельду к Алмахситу Маршания с предложением немедленно оставить укрепление. Но это предложение было отклонено. Однако Ширинбей Маршания принял активное участие в организации значительного отряда. Но абжаквинский князь Беслан Чаабалурхва загородил ему путь к Сухуму[5].

На рассвете 30 июля второй отряд повстанцев, предназначенный для занятия города, «довольно стройно, рядами, со значком (знаменем. – Г. Д.)..., с военною песнью вышел из ущелья и направился по улице подгорной слободки к саду»[6]. Оттуда он стремительно бросился на войска, стараясь прорваться в город. Но повстанцы наткнулись на крупные силы. Царское командование уже успело сосредоточить в Сухуме до 8 тыс. штыков и сабель с артиллерией[7].

[1] Там же, лл. 256–256 об.
[2] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. I, 1868 г., д. 29, л. 479.
[3] Из следственного дела, лл. 258-258 об.
[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, (кн.1), 1867 г., д. 247, лл. 13-19.
[5] Из следственного дела, лл. 257-258.
[6] «Кавказ», 8 сентября 1866 г., №70.
[7] Рапорт полк. Кульмана от 31 июля 1866 г.

Заметив, что две роты начали их обходить, повстанцы бросились в шашки. Но, не выдержав напора превосходящих сил противника, они, обстреливаемые с бастионов крепости, направились в Ботанический сад, где и закрепились.

29 июля наместник Кавказа сделал первое сообщение Александру II о событиях в Абхазии. «С прискорбием доношу, в Абхазии бунт, – телеграфировал он, – полковник Коньяр с начальником округа и сотнею казаков окружены значительною толпою в Соук-су (Лыхны.–Г. Д.), сведений об их участи не имею; половина Сухума сожжена; войска туда направлены из Поти, Кутаиса, Константиновского»[1]. В то же время наместник сообщал военному министру Д. А. Милютину, что восстание в Абхазии «принимает серьезные размеры», и обещал его «энергическими распоряжениями... вскоре подавить»[2].

Правительство было крайне обеспокоено положением дел в Абхазии. Оно боялось распространения восстания не только по всей Абхазии, но и по всему Кавказскому краю. Шла самая интенсивная переписка между наместником Кавказа, с одной стороны, и Александром II и военным министром Д. А. Милютиным, с другой. Император, внимательно следивший за событиями в Абхазии, систематически отвечал на официальные отношения и частные письма с Кавказа по поводу восстания. В телеграмме на имя наместника от 22 августа 1866 года Александр II писал: «Известия из Абхазии меня крайне огорчают. Надеюсь, что все меры будут приняты для водворения порядка»[3].

Во всех областях Кавказа местным властям были сделаны сообщения о событиях в Абхазии. В одном из них, посланном во Владикавказ начальнику области, говорилось. «В Абхазии возмущение. Коньяр и бзыбский окружной начальник Измайлов убиты, часть Сухума сожжена, настоящая причина неизвестна; последний предлог – крестьянский вопрос. Стягиваются 12 батальонов с артиллериею. Князь Мирский отправился в Сухум»[4].

Повсюду принимались экстренные меры, чтобы, во-первых, мобилизовать силы на подавление восстания в Абхазии, во-вторых,

[1] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д.54, л.2.
[2] Там же, ф. 38, оп. 30/286, св. 879, 1885 г., д. 12, л. 135.
[3] ЦГИА, ф. Зимнего дворца. 1862 г., д. 27 32/а, л. 233.
[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, (кн.2), 1866 г., д. 2784, л. 33.

предотвратить распространение этого движения на другие области Кавказа. В этом отношении весьма показательно письмо и. д. помощника начальника Кубанской области по управлению горцами подполковника Дукмасова начальнику Зеленчукского округа подполковнику Калиновичу от 28 июля 1866 года. Сообщив о начавшемся восстании в Абхазии, и о том, что из Кубанской области перевозятся морем войска для подкрепления тех частей, которые уже находились в районе восстания, Дукмасов предупреждал, что соседство Зеленчукского и Эльбрусского округов и других районов с Абхазией «делает их чрезвычайно важным в настоящих обстоятельствах», и поэтому просил немедленно сообщить ему «о том действии, которое произвело на горцев вверенного вам округа [сообщение] о беспорядках в Сухуме, – известие, последовавшее за кабардинскими событиями. На будущее же время следить, чтобы в народе не распространялись свободно слухи, могущие иметь дурное значение для спокойствия края. Такие слухи нужно уметь направить таким образом, чтобы они имели вид замысла людей злонамеренных... Еще раз предупреждаю вас, – писал Дукмасов далее, – что сухумские события весьма серьезного свойства, и нужно вам озаботиться приисканием людей вполне благонадежных, на которых необходимо возложить собирание сведений о состоянии умов не только в своем округе, но и в соседних, не исключая и Кабардинского, беспокойное состояние которого может иметь весьма дурное влияние на горцев Кубанской области». Призывая к чрезвычайной осторожности и «такту», Дукмасов рекомендовал относиться «даже шутя и с сожалением к абхазцам и мингрельцам (они тоже, кажется, возмутились)». Словом, советовал Дукмасов, необходимо принимать такие меры, «как будто бы есть достоверное известие о существовании общего заговора единственно в том убеждении, что осмотрительность никогда не может быть излишнею, ежели только она не носит характера трусости; самонадеянность же при настоящих обстоятельствах в Сухумском отделе была бы преступлением»[1].

На одно из таких писем есаул Желтоноскин из Армавира 31 июля 1866 года отвечал, что, «сознавая всю важность» восстания в Абхазии и то, что оно легко может отозваться среди населения, го-

[1] ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 517, лл. 2-4.

тового выступить самым решительным образом, примет все меры, чтобы «следить за настроением умов туземцев и за теми слухами, которые будут распространяться между ними»[1].

Были приняты также меры по занятию перевалов, прежде всего Марухского. Кроме того, ставилась задача захватить скот из Абхазии, пасшийся на северном склоне Кавказского хребта, и людей, находившихся при нем[2].

Несмотря на все это, восстание в Абхазии нашло известный отклик в ряде других районов Кавказского края и сыграло определенную роль в дальнейшем усилении борьбы крестьянства здесь в рассматриваемый период. Выше цитировался документ, в котором ясно говорится, что напряженное положение, например, в Кубанской области, вызванное подготовкой к крестьянской реформе, «дошло до крайних пределов» в июле 1866 года в связи с восстанием в Абхазии и началом работы по собиранию сведений о зависимых сословиях в Кабарде[3].

Утром 30 июля в Сухум прибыл кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский. В рапорте на имя наместника от 13 сентября 1866 года он писал следующее о положении в Абхазии: «Бзыбский округ и часть Сухумского (около пяти тысяч дворов) были в полном восстании. В остальной части Сухумского военного отдела власть наша уже не существовала и волнение угрожало разлиться по всей Абхазии... Всякое сухопутное сообщение по Военно-Сухумской дороге было прекращено. Капитан-лейтенант Карганов писал из Цебельды, что если вся Абхазия восстанет, то князь Михаил Маршания не будет в состоянии удержать дальцев, и укрепление будет взято. В это время в Сухуме находилось уже 16 рот...».

Вместе с тем Святополк-Мирский сообщил, что сделал в пути распоряжения для скорейшего движения в Сухум войск, находившихся на работах в Кутаисской губернии, и сбора «милиции» в Мегрелии и Гурии, а также в Самурзаканской и Абжуйской Абхазии; двинуться с ними по направлению к Сухуму и заготовить дрова на Военно-Сухумской дороге для войск. О своих задачах Мирский писал: «Обезопасить г. Сухум, подать помощь Цебельдинскому укреплению, восстановить сообщение с Цебельдой и по Военно-Сухумской дороге и остановить распространение восстания»[1].

[1] Там же, л. 9 об.

[2] ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 517, лл. 15, 91.

[3] Там же д. 593, л. 8.

Во второй половине дня 30 июля войска под общим командованием Святополк-Мирского перешли в наступление. Но так как, писал корреспондент газеты «Кавказ», «абхазцы удивительные мастера пользоваться местностью и прятаться за деревьями, то их нелегко было оттуда выбить»[2]. Активная перестрелка продолжалась более 4 часов и прекратилась лишь к самому вечеру[3]. Повстанцы в конце концов отступили в свой лагерь. Группа же, которая должна была занять крепость, запоздала и, заметив эту неудачу, не приняла боя и поспешно ушла назад. В этом сыграл свою роль гумский князь Мажара Анчабадзе, предательская роль которого обнаружилась очень скоро. Неожиданно открыто изменил и абжаквинский князь Беслан Чаабалурхва. Его немедленно вызвал в лагерь, но он не явился и велел передать, что отныне будет выступать на стороне правительственных войск. Вследствие этого было парализовано и действие отряда, занимавшего высоты со стороны р. Басла. Дезорганизованные крестьяне разошлись по домам. Правда, цебельдинские крестьяне и в этот день несколько раз врывались в город. Но это не могло спасти положения. Так сказывалось отсутствие единства и твердого руководства. Силы крестьян оказались слишком распыленными, а их действия несогласованными, чтобы вести борьбу с регулярными войсками. Измена феодалов довершила дело.

Восстание не было поддержано населением части Сухумского округа и Абжуйской Абхазии, хотя эти районы, по свидетельству Святополк-Мирского, и находились «в большом волнении»[4]. В следственном деле имеется указание на то, что представители феодальной оппозиции посылали в Абжуйскую Абхазию своих людей, чтобы подговорить «влиятельных лиц» «возмутить» население; но это было уже после неудачи в Сухуме, поэтому указанное предложение было отвергнуто. Возможно и то, что поскольку данным делом занялись князья и дворяне, которые в этот период уже открыто го-

[1] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 102 об.–104.

[2] «Кавказ», 8 сентября 1866 г., №70.

[3] Рапорт полк. Кульмана от 31 июля 1866 г., л. 25 об.

[4] Письмо Святополк-Мирского наместнику Кавказа от 1 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, лл. 20–23.

ворили о цели своей борьбы, эти призывы не имели успеха среди крестьян. Кроме того, безусловно, имел значение и тот факт, что абжуйский князь Григорий Шервашидзе не примкнул к восстанию, а затем принимал участие в его подавлении.

Что же касается крестьянских руководителей, то они не сумели наладить связь с крестьянством соседних районов и поднять его на борьбу. Тем не менее отдельные абжуйские крестьяне принимали участие в восстании, а один из них – Мсоуст Пилия – был даже в числе активных деятелей и впоследствии оказался в составе трех заключенных в Метехский замок. Кроме того, как свидетельствовал управляющий имением князя Д.-Г. Шервашидзе Егор Туркия, крестьяне Григория Шервашидзе участвовали в разгроме келасурского имения Д. Г. Шервашидзе[1]. Власти настолько были неуверенны в абжуйских крестьянах, что командующий войсками в Сухуме отдал распоряжение о снятии Очемчирской карантинно-таможенной заставы[2], так как ей «небезопасно было оставаться в Очемчирах», и эвакуации ее в Сухум. Ее действительно перевезли в Сухум 30 июля на военном судне со всем имуществом[3].

Повстанческий отряд, действовавший в Бзыбской Абхазии, имел такие результаты: 29 июля повстанцы снова расположились вокруг Пицундского укрепления и в 11 часов утра следующего .дня начали штурмовать его, но сильный огонь гарнизона заставил их и на этот раз отступить и скрыться в лесу. В 3 часа того же дня крестьяне сожгли на берегу моря барказный двухэтажный каменный пост и т. д. 31 июля снова было устроено нападение на имущество воинской части, а 1 августа крестьяне разошлись, оставив небольшой отряд в лесу[4]. Крестьяне вместе с тем разгромили владетельский дворец в с. Лыхны. Очевидец события Антон Пилия[5] утверждает, что разгром дворца крестьянами произошел именно вскоре после убийства Коньяра[6].

[1] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 24, лл. 1–3.

[2] ЦГАА, ф. 8, д. 37, л. 89.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 185, лл. 3–4.

[4] Рапорт начальника укр. Пицунда кап. Воронова в штаб Кавказ. воен. округа от 2 августа 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545. оп. 1, (кн. 2). 1866 г., д. 2784, л. 20.

[5] А. Пилия живет недалеко от Лыхненской площади; во время восстания 1866 г. ему было 16 лет (согласно метрическому свидетельству, 27 августа 1958 г. ему исполнилось 108 лет).

[6] Арх. Абхазского института, ф. I, д. 92, л. II об.

В Сухуме было разбито и сожжено много административных зданий, домов должностных лиц и богачей, в том числе дома полковника Коньяра и Измайлова, армейские казармы и другие[1]. Кроме того, были сожжены кордонные посты, помимо пицундского, на реках Гумиста и Келасури[2], а также таможенные посты от Пицунды до Моквы, по морскому берегу и по Военно-Сухумской дороге[3].

Было разгромлено и имение крупнейшего абхазского помещика Д. Г. Шервашидзе в Келасури. Из ведомости о пострадавшем имуществе князя Шервашидзе, составленной Егором Туркия и поданной им 31 августа 1866 года в специальную комиссию, видно, что было забрано и разбито больших винных кувшинов и разной гончарной посуды – 1.568 штук; снято с дома около 20 рам со стеклами, а в 50 рамах стекла побиты; повреждено и выломано много дверей. Кроме того, сожжено дубовой драни 3 тыс. штук, потравлены покосы, поломана и сожжена ограда двора и т. д. При этом обращает на себя внимание следующее примечание И. Чуркин: «Вся означенная посуда, как мы осведомлены, забрана людьми (крестьянами. – Г. Д.) князя Григория Шервашидзе». Общая сумма убытков, понесенных князем Шервашидзе, была оценена (Егором Туркия) в 1.225 руб. 50 коп. серебром[4].

После 30 июля повстанцы снова пытались организовать штурм Сухума, возлагая при этом большие надежды на цебельдинцев. Совет посылал Ал. Шервашидзе в Цебельду к Ширинбею Маршания для совещания о нападении на Сухум, и оттуда действительно снова поступило подкрепление[5]. Перед выступлением в лагерь прибежали два келасурских жителя, которые сообщили ультиматум кутаисского генерал- губернатора о немедленном прекращении всякого сопротивления. Гумский князь Мажара Анчабадзе и другие феодалы начали уверять повстанцев, что войска скоро нападут на лагерь; они распускали и другие слухи провокационного характера с целью дезорганизации повстанцев. Надо сказать, что эта пропа-

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. I, (кн. 2), 1867 г., д. 2801; И. А. Дубровский. Путевые заметки, 1869 г. Рук. отд. Государствен. Библиотеки СССР имени В. И. Ленина, ф. Д. А. Милютина, шифр 1424/2, л. 7 об–8.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 185, лл. 3–4 об.

[3] Там же, ф. 545, оп. I, (кн. 2), 1867 г., д. 2801.

[4] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 24, лл. 1–3.

[5] Следственное дело, л. 260.

ганда «произвела на всех пунктах смятение», и повстанцы отступили дальше от Сухума, за р. Гумиста[1]. Однако часть повстанцев (около 900 человек) до 5 августа все еще находилась вокруг Сухума, по ночам подползая к пикетам противника и ведя перестрелку. После 5 августа и они разошлись[2].

В сообщении, полученном наместником от Святополк-Мирского 1 августа, говорилось, что тяжелое время для Сухума миновало, наступление предполагается 3 августа[3]. Однако Мирский в письме наместнику от 1 же августа писал: «Трудно предвидеть, какой оборот примут дела и как долго придется здесь повозиться. Поэтому осмеливаюсь просить распоряжений вашего высочества о приготовлении еще двух батальонов в Константиновском, чтоб они были готовы прибыть сюда тотчас по моему требованию»[4].

От Мирского требовали решительных действий. Мирского даже обвиняли в медлительности. Более того, писали царю о незнании им края и беспечности вообще по управлению[5]. Мирский, возражая своим противникам, писал наместнику Кавказа (30 августа 1866 г.), что задача «усмирения Абхазии» оказалась гораздо труднее, чем она представлялась на первый взгляд. Он отмечал, что местность здесь не благоприятствует наступательным действиям и удобна для обороны. Кроме того, Мирский считал, что силы, направленные в Абхазию, до прибытия отряда генерала Гейман (27 августа) и еще двух батальонов из Новороссийска, были слишком недостаточны «для решительных военных действий с разных сторон»[6]. За Мирского заступился сам наместник Кавказа, который в письме Александру II от 22 сентября 1866 года отводил все обвинения против него[7].

[1] Там же, лл. 260–260 об.

[2] «Кавказ», 8 сентября 1866 г., № 70.

[3] Телеграмма наместника Кавказа Александру II от 2 августа 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч . 1866 г., д. 5, л. 4.

[4] ЦГИА, ф. 649, оп. I, д. 409, лл. 20–23.

[5] Письмо наместника Кавказа Александру II от 22 сентября 1866 г., ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л. 39.

[6] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, лл. 60–69.

[7] Там же, д. 230, л. 5.

Поражение восстания

2 августа Баалоуская поляна была занята войсками. Святополк-Мирский писал наместнику Кавказа, что для перехода в наступление ждет еще прибытия войск. 3 августа он вызвал в Сухум старшин окрестных сел, жители которых принимали участие в штурме города. Им было объявлено, что за поднятие оружия последует строгое наказание посредством военных действий; административное и судебное наказание, если они окажут «полное послушание». Старшины заявили, что население готово принять наказание. Тогда Святополк-Мирский приказал, на первый раз, доставить немедленно в Сухум все захваченные вещи, не встречаться с войсками иначе, как без оружия, и исполнять все указания окружного начальника. Вещи начали поступать уже с 4 августа. Подобное же распоряжение было сделано и в Цебельде, где скоро последовали такие же результаты[1].

Надо заметить, что кутаисский генерал-губернатор придерживался одобренной наместником тактики: действовать с моря, прорываясь колоннами к горам и вдоль них[2]. 6 августа в Цебельду была направлена колонна войск под начальством командира Кавказского линейного № 35 батальона. Было восстановлено сообщение Сухума с Цебельдой по Военно-Сухумской дороге[3].

Дальнейшей задачей Святополк-Мирский считал: окончательное подавление восстания в Бзыбской Абхазии, наказание «виновных и упрочение спокойствия края на будущее время». Для достижения этих целей он выдвигал два способа: открыть военные действия против повстанцев по мере прибытия войск, или сосредоточить значительные силы для принуждения населения исполнить все требования властей, если возможно, без кровопролития, в случае сопротивления – «наказать страшно ослушников». Хотя Святополк-Мирский и писал, что первый способ более соответствовал «естественному желанию скорейшего наказания» повстанцев и

[1] Письмо Святополк-Мирского наместнику Кавказа от 6 августа и рапорт от 13 сентября 1866 г., лл. 104–104 об.

[2] ЦГИА, ф. 649, оп. I, д. 239, л. 6; д. 409, лл. 20–23.

[3] Рапорт Святополк-Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г., лл. 104 об.–105.

«казался на первый взгляд скорее ведущим к цели», но вынужден был признать, что по «внимательному обсуждению дел» этот способ оказывался «весьма рискованным и ненадежным». Он выдвигал следующие доводы: местность в Абхазии, в особенности осенью, представляет величайшие затруднения для военных действий. Единственная колесная дорога между Сухумом и р. Бзыбь пролегала лишь до Гудаут по морскому берегу, далее она шла по садам и лесам; затем существовали только тропинки, едва проходимые для конницы. Люди живут разбросанно; разбросаны и их небольшие посевы. При таких условиях, столь выгодных для населения, знающего местность и умеющего ею пользоваться, на верный успех военных действий можно рассчитывать только при больших силах, наступающих с разных сторон совместно с милицией.

«Малейшая же неудача в настоящих обстоятельствах, – писал Святополк-Мирский, – немного значительная потеря с нашей стороны, тотчас преувеличенная народной молвой, не только возвысила бы дух мятежников, но могла бы поощрить к восстанию всю Абхазию, и тогда трудно сказать, сколько бы понадобилось средств и времени для восстановления спокойствия в этом крае. Даже если бы сопротивление ограничилось пределами Бзыбского округа, открытие военных действий со стороны лишь морского прибрежья имело бы столь же невыгодные последствия. Жители Бзыбского округа (3.726 дворов) по мере наступления наших войск имели бы возможность удаляться постепенно в горные трущобы, простирающиеся на огромном пространстве до верховьев Бзыби, Мзымты и далее. Преследовать их там было бы весьма трудной и долгой «задачею».

Признавая все эти доводы, наместник Кавказа одобрил второй способ, «в сущности обещающий более скорый и действенный успех, но требующий некоторой выдержки и терпения», – как характеризовал его Святополк-Мирский.

Кутаисский генерал-губернатор считал, что наилучшей мерой наказания массы восставших являлось поголовное обезоружение населения. При этом он замечал, что такая мера, «никогда еще не применявшаяся на Кавказе», представляла немало затруднений. Для ее исполнения было признано необходимым обеспечить, прежде всего, достаточную военную силу, которая бы убедила население в невозможности оказать сопротивление. Поэтому было реше-

но приступить к обезоружению населения постепенно, разделив территорию между реками Бзыбь и Кодор на ряд участков, стараясь иметь дело лишь с каждым из них в отдельности[1].

В это время от правительства было получено известие о наделении кавказских военных властей широкими полномочиями для действий в Абхазии. Вот что писал по этому поводу наместник военному министру Д. А. Милютину: «Благодарю вас за испрошенное у его величества полномочие вводить в Абхазии все то, что признается безотложно необходимым. Ожидаю курьера, отправленного из Петербурга 4-го числа, с нетерпением 12-го или 13-го»[2].

Утром 12 августа наместник на корвете «Львица» прибыл в Сухум. Несколькими часами раньше высадился последний десант из Поти. Теперь налицо был весь отряд[3]. 13 августа в Сухум прибыло судно «Тигр» под флагом генерал-адмирала, с которого высадились великий князь Константин Николаевич и царский наследник Николай Александрович.

Десант готовился к высадке в м. Гудауты и в с. Псырцха. 14 августа один отряд в 8 батальонов и дивизиона горных орудий под командой полковника Бибикова высадился у Гудаут. В с. Псырцха 16 августа высадился отряд помощника начальника 39 дивизии генерала Левашова в составе 5 батальонов гурийской пешей «дружины» и взвода горных орудий, 16 же августа в Гудауты прибыл Мирский. Десантным войскам не было оказано почти никакого сопротивле-

[1] Рапорт Святополк-Мирского памятнику Кавказа от 13 сентября 1866 г., лл. 106–106 об.

[2] Рукописное отделение Государствен. Библиотеки СССР имени В.И. Ленина, ф. Д. Л. Милютина, шифр 1424/2, л. 189.

[3] В состав отряда входили: пехота – по батальону Крымского и Ставропольского полков; все полки 39 дивизии, за исключением пяти рот, оставленных при обозе в Имеретии; 35, 36 и 37 линейные батальоны в полном составе, стрелковые роты 30 и 31 батальонов, по три роты 32, 33 и 34 батальонов и четыре сотни гурийской пешей «милиции» и другие части феодального ополчения; кавалерия – одна сотня Кубанского казачьего № 7 полка и три сотни Кутаисского военно-иррегулярного полка; артиллерия – батарейный дивизион и горный взвод вел. князя Михаила Николаевича, батареи Кавказской гренадер. бригады, горный дивизион 19 бригады и горный взвод и пешие команды при орудиях на вооружение к тому времени упраздненной сухумской крепостной артиллерии. Кроме того, остатки другой сотни Кубанского № 7 казачьего полка пешими 45 чел. и 1 офицер, спасшиеся из бывших в Лыхнах с полк. Коньяром.

ния. Мирский вызвал к следующему дню, 17 августа, старшин всех сел Бзыбского округа, за исключением сел Анухва, Псырцха и Ешера. 17 августа часть войск была двинута в с. Лыхны для торжественных похорон убитых 26 июля и «сожжения домов, где имело место происшествие»[1]. «Вчера похоронил с почестями мертвых и сжег дома в Соук-су», – сообщал Святополк-Мирский наместнику Кавказа 18 августа 1866 года[2].

К вечеру 17 августа войска возвратились в Гудаугы. Прибыли в лагерь и старшины. Последним было объявлено то же, что и жителям Сухумского округа: «Дан выбор между полною покорностью и послушанием или беспощадной истребительной войной». Бзыбцы через своих представителей еще до этого заявили, что складывают оружие, «драться не будут и принимают всякое наказание»[3]. Теперь старшины повторили это. Святополк-Мирский потребовал, чтобы к 19 августа было возвращено все захваченное имущество и выданы «зачинщики» восстания. Вещи были доставлены немедленно, но в отношении инициаторов и активных участников восстания старшины и «почетные жители» заявили, что они хотят и будут об этом стараться, но не могут обещать полного успеха. Свято- полк-Мирский ожидал именно такого ответа; он просто добивался признания в этом, чтобы объявить приказ о выдаче оружия. Факт отказа жителей выдать «главных виновников» Святополк-Мирский объяснял их образом жизни, общественным устройством и «нравственным и материальным разъединением»[4].

Приказ о выдаче оружия был объявлен 20 августа; было заявлено, что кто утаит и не выдаст оружия, тот будет выслан из Абхазии[5]. Учитывая, что население могло оказать сопротивление этой мере, Святополк-Мирский решил перебросить на левый берег р. Бзыбь находившиеся между Адлером и Гаграми батальон Севастопольского полка и 3 сотни казаков, потребовать из Константиновского еще 2 батальона 19 пехотной дивизии. Решено было также направить к границам Абхазии отряд помощника начальника Кубанской области по местным войскам генерала Геймана через Санчарский перевал[1].

[1] Рапорт Святополк-Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г., л. 107; Телеграмма Святополк-Мирского наместнику Кавказа от 16 и 17 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, лл. 52–53.

[2] ЦГИА, ф. 649, оп.1, д. 409, л. 54.

[3] Письмо наместника Кавказа Александру II от 10 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 678, оп. I, 1866 г., д. 610, лл. 29–33.

[4] Телеграмма Святополк-Мирского наместнику Кавказа от 8 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 649, оп. I, д. 409, л. 48.

[5] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 130.

21 августа в Лыхнах и в некоторых других селах было приступлено к сбору оружия. Дав «должные наставления» полковнику Бибикову, оставшемуся за старшего здесь, Свя- тополк-Мирский 22 августа отправился в с. Псырцха, в колонну генерала Левашова, и приказал последнему объявить жителям сел Анухва, Псырцха и Ешера приказ о выдаче захваченного имущества и активных участников восстания. Здесь повторилось то же самое, что и в других местах. Тогда было приступлено к обезоружению населения[2]. 23 августа Святопол-Мирский в своей очередной телеграмме на имя наместника сообщал: «Бзыбцы начали выдавать оружие, но вяло. Придется, вероятно, употребить военную силу. Дал срок до 26. Считаю необходимым обезоружить постепенно всю Абхазию»[3].

23 же августа в Сухуме высадились 2 батальона из Константиновского, 24 – Севастопольский батальон и казаки прибыли в местность Бамборы, а к 26 ожидалось прибытие отряда Геймана в Гуму. Срок для выдачи оружия жителями с ел Анухва, Псырцха и Ешера поэтому был назначен на 26 августа, в 9 час. утра. В случае неисполнения этого приказа Святополк-Мирский грозил «показать пример над этими деревнями и страшно их наказать».

26 августа был отдан приказ об одновременном движении трех колонн: одной–от Гудаут в с. Анухва под командой полковника Разумихина, другой – от позиции Левашова под его же командой в с. Псырцха; третьей–от р. Гумиста на с. Ешера под командой полковника Мачавариани. Все эти колонны должны были, охватывая названные села, войти между собой в связь. Таким образом Святополк-Мирский надеялся захватить не только пустые дома, но и жителей, по крайней мере часть из них, тем более, что появление отряда ген. Геймана затрудняло им отступление в горы. Генералу Левашову, находящемуся на центральной позиции в пункте, назна-

[1] Письмо Святополк-Мирского от 30 августа (ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, лл. 60–69) и рапорт от 13 сентября 1866 г. (л. 107 об.) наместнику Кавказа.

[2] ЦГИА, ф. 649, оп.1, д. 409, лл. 60-69.

[3] Там же, л. 55.

ченном для сдачи оружия, было приказано остановить движение колонн, если население исполнит требование о сдаче оружия.

26 августа жители сел Анухва, Псырцха и Ешера начали сдавать свое оружие, вследствие чего Левашов приостановил движение войск. Впоследствии были посланы в эти села небольшие колонны. Полковник Бибиков со своей стороны сделал с колонной движение к остальным селам Бзыбского округа до р. Бзыбь. Везде жители, не дожидаясь прибытия войск, сносили оружие в Гудауты и Пицунду. Однако были люди, которые отказались сдать оружие и бежали в лес. Святополк- Мирский в телеграмме наместнику писал: «Большая часть Бзыбского округа выдала оружие. Немногие ослушники преследуются небольшими командами войск»[1].

Обезоружение Бзыбского округа было закончено 31 августа. Осталось оружие только у пастухов, находившихся со стадами на отдаленных горных пастбищах. Святополк-Мирский торжествующе телеграфировал наместнику о том, что обезоружение Бзыбского округа завершено[2]. Однако, несомненно, много еще оружия было скрыто населением. В последней телеграмме Святополк-Мирский сообщал, что 2 сентября он приступает к обезоружению Сухумского округа до Кодора; в Цебельде будут обезоружены села, прилегающие к Сухумскому округу[3].

Наместник внимательно следил и направлял указанную операцию, категорически требуя строгой решительности. В письме Святополк-Мирскому от 24 августа 1866 года он писал, что искренне радуется по поводу сдачи оружия бзыбцами, выражая надежду, что генерал-губернатор заставит их быстрее исполнять требования начальства. Наместник считал необходимым их «хорошенько постращать» и вообще с ними «покончить раз и навсегда». При этом наместник выражал недовольство Святополк-Мирскому и требовал объяснения, почему тот в ожидании прибытия новых войск медлил и стремился занять выгодные позиции, прежде чем приступить к карательным мерам; он находил совершенно достаточным двух десантных отрядов, которыми располагал Святополк-Мирский.

[1] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л. 70.
[2] Там же, л. 71.
[3] Там же.

Наместник предписывал разоружение, как меру наказания, провести и в других «виновных деревнях» Абхазии. Но для Бзыбского округа выражение наместника «покончить раз и навсегда» предполагало еще: «По отобрании у них (бзыбцев. – Г. Д.) всего оружия применить к ним... сожжение аула и поголовное его выселение в Россию». «Не найдете ли возможным и полезным, – спрашивал наместник, – хотя несколько или даже одну деревню в Соуксу (с. Лыхны. – Г. Д.) или окрестных немедленно сжечь и отправить в Ростов?». «Убежден, – мотивировал он это свое предложение, – что подобные меры сильнейшим образом подействуют на все абхазское население и заставят его... исполнять наши требования». Наместник на этом не останавливался и считал «полезным» и всех остальных бзыбцев также выселить немедленно в Ставропольскую губернию, что нетрудно будет исполнить с приходом отряда генерала Геймана. Наконец, наместник оговаривался, что все это он пишет как свои мысли, которые еще не предписывает к исполнению, а предлагает на обсуждение. «Что найдете возможным, исполняйте немедленно, на что не решитесь, спишитесь со мною откровенно», – замечал великий князь[1].

В письме от 30 августа 1866 года Мирскому наместник выражал свое полное удовлетворение по поводу разоружения Бзыбского округа, кроме «небольшого числа ослушников», и надежду, что эти последние «скоро будут переловлены мелкими командами»[2].

Надо сказать, что на решение бзыбцев сдать оружие без сопротивления определенно повлиял новый начальник округа майор Д. Чавчавадзе. В письме жителей сел этого округа начальнику Сухумского отдела (в конце 1868 г.) рассказывалось, что выборные от населения лица хотя и согласились на сдачу оружия, но много было еще сомневавшихся, которые говорили, что «несчастное для нас время приблизилось..., если только мы положим оружие, то мы с семействами будем арестованы и будем находиться в самом несчастном положении; к тому же говорили, что начальник (Святополк-Мирский – Г. Д.) обещает за это дело предать нас огню», поэтому они и решили: «иметь при себе оружие». Некоторые с семействами даже собрались на берегу моря. Но в это «самое жаркое время»

[1] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 230. лл. 9–10.
[2] Там же, ф. 678, оп. 1, д. 612, л. 12.

окружным начальником был назначен Чавчавадзе, который сумел уговорить колебавшихся людей снять оружие и сдать[1]. Наиболее «упорствовавшими» были жители сел Анухва, Псырцха и Ешера, приступившие к сдаче оружия только 25 августа[2].

Из Бзыбского округа войска, за исключением трех батальонов 19 дивизии, были переброшены в Сухумский округ по направлению к Цебельде. 2 сентября одна колонна была передвинута с Гумисты к Маджарскому посту. Бакинский, Кубанский, Дербентский и Елизаветпольский полки 3 и 4 сентября перешли на позицию у Келасури. Старшинам Сухумского округа также был объявлен приказ о выдаче всего огнестрельного оружия, находящегося у населения. Этот приказ был исполнен к вечеру 5 сентября почти без всякого сопротивления.

Затем было приступлено к обезоружению той части населения Цебельды, которая принимала участие в восстании, а именно жителей сел Абгалахара, Амхел и Герзаул, всего около 400 дворов. Еще 3 сентября жители Цебельды и Дала, не участвовавшие в восстании, просили Святополк-Мирского не двигать войска в этот район. Святополк-Мирский остановил войска на позициях у Маджарского поста и Келасури. Отряд Геймана во все это время, с 27 августа, оставался на гумистинской позиции, «весьма выгодной в военном отношении». С этого пункта он угрожал населению Бзыбского и Сухумского округов и Цебельды[3]. 7 сентября цебельдинский пристав капитан Шавров прибыл в Сухум с донесением, что села Абгалахара, Амхел и Герзаул также выдали оружие.

Согласно общей ведомости о количестве конфискованного огнестрельного оружия, было отобрано 5.667 ружей и 670 пистолетов. Конфискация оружия была произведена по 63 селам[4].

Восстание крестьян было подавлено с помощью князей и дворян. Многие из них принимали активное участие в карательных действиях царских войск против крестьянского населения. В составе этих войск находились феодальные ополчения, так называемая «милиция». Наместник Кавказа в письме императору от 21 августа особо отмечал, что абжуйский князь Григорий Шервашидзе явился

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. I), 1866 г., д. 324, лл. 5–10.
[2] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, лл. 56–58.
[3] ЦГИА, ф. 649. оп. 1, д. 409, л. 72
[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп. I. (кн. 2), 1866 г., д. 2784, лл. 296–299, 302–314.

с двумя сотнями милиционеров. Писал также о заслугах дальского князя Алмахсита Маршания. Последний «изъявил готовность со своей милицией явиться к кн. Мирскому и деятельно содействовать войскам в поимке виновников»[1]. В цебельде милиция была собрана Хирипсом Маршания. Семейства членов милиции были освобождены от сдачи оружия. Многие из феодалов были награждены орденами и медалями, чинами и деньгами за их активное участие в подавлении восстания. Так, штаб-ротмистр князь Бахва Эмухвари получил орден Станислава 3 ст. с мечами и бантом[2], князь Толупар Анчабадзе был произведен в прапорщики[3]. Акапский князь, юнкер Чапияк Маршания доставил письмо Святополк-Мирского Г. М. Шервашидзе и привел в Сухум четырех старшин для переговоров, затем был назначен к ген. Левашову в с. Псырцха и «исполнял в точности и с усердием все его поручения, за что награжден медалью», – как констатировал сам Ч. Маршания[4]. Дворянам Таго Маргания, Махмуду Лакрба, Зафасу Багба, Бзо Папба и др. были выданы денежные подарки «за содействие, оказанное ими при поимке абреков»[5]. В архивных документах встречаются имена и других абхазских феодалов, которые отличились в «походе» и «делах» 1866 года, как например, дворянин Соломон Лакрба[6]. Всячески содействовали и многие старшины. Они также выдавали активных участников восстания, помогали в их розыске и аресте.

Вслед за окончанием обезоружения на указанной территории жителям остальных районов Абхазии до Ингура также было категорически запрещено носить огнестрельное оружие, исключая тех случаев, когда это дозволялось местным начальством. Управляющему Мегрелией было предложено воспретить появляться оттуда с оружием в пределы Абхазии, в противном случае виновников подвергать аресту[7]. Надо заметить, что князь Святополк-Мирский считал необходимым постепенно обезоружить вообще всю Абхазию. Но это мнение не было одобрено наместником Кавказа, счи-

[1] ЦГИА, ф. 678, оп. I. 1866 г., д. 610, лл. 34–37.
[2] ГАКК. Приказы по Кавказ. воен. окр. за 1866 г., инв. 1630.
[3] Там же, инв. 1629.
[4] ЦГИАГ, ф. 545 оп. I, (кн. I). 1865 г., д. 180, л. 289.
[5] Там же, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 221.
[6] ЦГИАГ, ф. 955, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 8, л. 18.
[7] Там же, д. 2784, л. 129.

тавшим несправедливым такое наказание по отношению к тем, которые не принимали участия в восстании. Однако дело было не в «справедливости». Немного ниже наместник признавался: «Опасаюсь, что они найдут это вопиющею несправедливостью и окажут сопротивление»[1].

Наместник писал Александру II, что в Абхазии «все кончено». Он дал себе полную волю для безмерного самохвальства. «Достигнутый результат, – говорил великий князь, – еще небывалый на Кавказе: два округа – Бзыбский и Сухумский по р. Кодор и более 400 дворов в Цебельде безпрекословно сложили все огнестрельное оружие... Все это исполнено без выстрела и кровопролития, и войска служили только угрозой»[2]. В телеграмме от 30 августа 1866 года Александр II отвечал: «Радуюсь лучшими известиями из Абхазии»[3].

С первого сентября вслед за обезоружением Бзыбского округа было приступлено к роспуску войск из так называемого «Абхазского отряда», насколько это позволяли морские и сухопутные перевозочные средства. Временно в Абхазии были оставлены, кроме местных гарнизонов (4 линейных батальона), два батальона 19 пехотной дивизии, взвод горных орудий, две сотни казаков. О назначении этих войск Святополк-Мирский писал, что они «будут там полезны до окончания суда над главными виновниками и поимки беглецов». По подсчетам генерала Геймана, движение войск стоило казне 500 тыс. рублей[4].

Рассматривая действия войск в Абхазии как серьезную военную операцию и придавая исключительно важное значение подавлению восстания, царское правительство щедро наградило многих чинов регулярных и иррегулярных войск теми или иными знаками отличия, повышением в чинах и денежными наградами.

Приказом кутаисского генерал-губернатора от 9 августа 1866 года, с целью выявления как казенного, так и частного имущества, захваченного и погибшего во время штурма Сухума, были учреждены две комиссии. Первая комиссия под председательством сухумского коменданта подполковника Павлова–для «приведения в известность утрат казенных». На вторую комиссию было возложено определить потери частных лиц, а также принимать имущество для передачи его владельцам. Ее возглавлял командир линейного № 34 батальона подполковник Завадский[1].

[1] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 230, л. 9 об.

[2] Там же, ф. 578, оп. 1, 1866 г., д. 610, лл. 39–40.

[3] Там же, ф. Зимн. дворца, 1832 г., д. 2732/а, л. 236

[4] Письмо ген. Геймана гр. Евдокимову от 20 октября 1866 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1856 г., д. 6696, л. 326 об.

В Сухуме по приказу наместника Кавказа были учреждены две следственных комиссии. Одна из них – «для раскрытия» участников восстания и определения степени их виновности, после чего «главнейшие зачинщики» должны были быть преданы полевому суду и повешены. Эту комиссию, действовавшую с 31 августа по 19 октября 1866 года, возглавлял капитан-лейтенант Карганов.

Вторая («особая») комиссия, работавшая с 5 августа по 11 октября 1866 года под председательством полковника Павлова, имела своей задачей произвести административное расследование причин восстания, а также выяснение поведения и действий семейства кн. Шервашидзе. Наместник Кавказа в письме Александру II от 22 сентября 1866 года заявлял, что труд этой комиссии считает «весьма важным: она должна выяснить поводы неудовольствий абхазцев и указать ошибки, сделанные как местною властью, так и центральною, и тем послужить для нас уроком для будущих действий».

Непосредственные распоряжения «для окончательного и прочного установления порядка» в Абхазии Святополк-Мирский возложил на вновь назначенного начальника Сухумского отдела генерала Толстого, который вместе с тем был включен в комиссию Павлова. Святополк-Мирский в рапорте наместнику от 15 сентября 1866 года сообщал, что «из главных виновных, указываемых общественной молвой, к 9 сентября 8 человек находились в бегах. Приняты всевозможные меры к их поимке. Остальные или уже арестованы, или подвергаются беспрепятственно аресту, постепенно, по мере обнаружения их виновности».

Следственная комиссия опросила большое количество людей. Как уже говорилось, в списке лиц, проходивших в следственном деле в качестве зачинщиков восстания, большинство составляли крестьяне, многие из которых были признаны главными инициаторами. Князья и дворяне намеренно выдавали участников восстания из крестьян.

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1 (кн. 2), 1866 г., д. 2784, лл. 274, 326 об.

В августе 1866 года активные участники восстания, признанные «важными преступниками», крестьяне Науруз Шакрыл и Мсоуст Пилия и князь Учан Дзапш-ипа были отправлены в Тифлис, в Метехский замок. И. д. тифлисского коменданта сообщал начальнику Кавказского горского управления, что названные лица были помещены в одиночных камерах и было «сделано распоряжение иметь за ними строгий и внимательный надзор и не дозволять им между собою и ни с кем посторонним переговариваться и переписываться»[1]. Здесь находился и князь Александр Шервашидзе. Но он содержался в особой комнате и имел хорошее суточное довольствие, а семье его было назначено пособие – 250 руб. в месяц[2].

Полевому суду было предано 15 человек[3]. В начале декабря 1866 года в Сухуме, на берегу моря, за крепостью, на глазах тысячи людей[4], были казнены крестьяне Ханашв Калги (Ҳанашә Ҟалҕьы) и Какучал-ипа и дворянин Кизилбек Маргания, которые, как говорилось в приказе по Кавказскому военному округу от 5 апреля 1867 года, «по произведенному по полевым уголовным законам военному суду над жителями, виновными в возмущении и убийствах, совершенных абхазцами 26-го июля 1866 г., более других оказались виновными»[5].

Из Абхазии было выслано 30 человек участников восстания[6]. Из одного документа, датированного 24 октября 1866 года, узнаем, что в Новороссийск было отправлено под стражей 12 чел., но ввиду отсутствия там соответствующего помещения и денег на их содержание они были переведены в Ставрополь[7]. Среди них были крестьянин Б. Отырба, Куджба, Ширинбей Маршания. В телеграмме полковника Старосельского в Екатеринодар полковнику Пилен ко от 26 октября 1866 года говорилось: «Содержать там (в Ставрополе.– Г. Д.): мужчин на гауптвахте арестованными, женщин, детей,

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1.(кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 53.
[2] Там же, лл. 48–50, 204, 229.
[3] ЦГИА, ф. 649, оп. I, д. 409, л. 80.
[4] Дьячков-Тарасов Д. И. Абхазия и Сухум в XIX столетии. – С. 190.
[5] «Кавказ», 30 апреля 1867 г., № 188.
[6] Письмо наместника Кавказа Александру II от 9 января 1867 г. ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1867 г., д. 611, л. 2 об.
[7] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 207.

прислугу под надзором. Содержание по положению»[1]. Многие из высланных, преимущественно крестьян, были отправлены в Сибирь. Таким образом, репрессивные меры против участников восстания были проведены с классовых позиций.

Чем объяснить тот факт, что восстание, которое так сильно встревожило царское правительство, прекратилось почти внезапно? Почему крестьяне, которые так храбро дрались с регулярными войсками, прекратили вооруженное сопротивление фактически после неудачного штурма Сухума? Наконец, чем было обусловлено то явление, что разоружение населения произошло без каких-либо серьезных столкновений, а казнь и выселение активных участников восстания также не вызвали почти никаких протестов? Правильные ответы на эти вопросы могут иметь важное значение для выяснения причин поражения и характера восстания 1866 года.

Сопротивление повстанцев царским войскам было вполне возможно в августе 1866 года при тех условиях, в которых находились восставшие. Их было значительное число, и они обладали достаточным количеством оружия. Как видели, население выдало властям более 6.300 ружей и пистолетов: у жителей оставалось еще большое количество оружия, скрытого ими. Повстанческие массы при желании могли хорошо использовать и то преимущество в стратегическом отношении, которое представлял им край: леса, горы, ущелья и пр. Учитывая именно все это, царские генералы мало надеялись на скорую ликвидацию восстания. Святополк-Мирского обвиняли в нерешительности и в незнании края. На самом же деле поведение генерала было обусловлено как раз неплохим знанием Абхазии. Он медлил, чтобы создать большое военное преимущество. И он действительно создал сильный вооруженный кулак. Край очутился в кольце, все горные входы и выходы были закрыты, берег охранялся военными судами. Георгий Церетели в корреспонденции «Из Кутаиси» потому, очевидно, писал, что восстание в Абхазии «закончилось без драки»[2].

[1] Там же, л. 208.
[2] «Дроеба» 7 (19) октября 1866 г., № 32.

Но у повстанцев не было твердого руководства и необходимой организованности. Состав повстанческой массы был неоднородным. Классовые стремления отдельных участников движения чем дальше, тем больше расходились. Ни Георгия Шервашидзе, ни тем более дядю его Александра Шервашидзе нельзя считать руководителями восстания 1866 года. Г Шервашидзе никогда не был сторонником вооруженного выступления против царского самодержавия[1]. Святополк-Мирский в письме наместнику Кавказа от 6 августа 1866 года писал: «Может он (Георгий. – Г. Д.) иногда говорит неосторожно и не довольно твердо отказался, когда ему твердили о восстановлении владельческих прав, но сам он ничего дурного не делал и не помышлял»[2]. Наместник считал совершенно доказанным, что 19-летний Георгий Шервашидзе во время восстания случайно оказался в Сухуме[3] и также случайно, единственно вследствие требования полк. Коньяра, попал в с. Лыхны[4].

Наместник и кутаисский генерал-губернатор пребывание в лагере повстанцев Георгия Шервашидзе, о чем, кстати, писал и сам Г. Шервашидзе, рассматривали как плен, а явку его к властям, последовавшую сейчас же после поражения восстания, как освобождение из этого плена[5]. Насколько была незначительна степень вины Георгия Шервашидзе перед правительством показывает еще тот факт, что по отношению к нему наместник Кавказа считал возможным ограничиться переводом его на службу в войска Оренбургского военного округа, предоставив ему, если пожелает, выйти в отставку, но, во всяком случае, без права возвращения на Кавказ. Таким образом, наместник предлагал не исключать Георгия Шервашидзе из армии и даже не понижать в чине, а лишь перевести его в указанное место в том же чине. Так писал человек, который не

[1] См. С. Джанашиа. Георгий Шервашидзе. Очерки из культурной истории Абхазии и Мегрелии. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», т. III, Тбилиси, 1939 .

[2] ЦГИА, ф. 649, оп. I, д. 409, лл. 37–44.

[3] Г. Шервашидзе, состоявший адъютантом при наместнике Кавказа, последним был отпущен в Абхазию в июне 1866 г. на некоторое время в связи с похоронами его отца Михаила Шервашидзе.

[4] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 171-178.

[5] См., например, письмо вел. кн. Михаила Николаевича военному министру Д. А. Милютину от 19 августа 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 28–30.

любил и преследовал впоследствии Г. Шервашидзе, об ограниченности роли последнего в восстании 1866 года.

Ни в упомянутых, ни в других официальных документах нет указаний насчет каких-либо попыток со стороны Г. Шервашидзе установить связи с Турцией или бежать туда. Если в этом роде выяснилось бы хоть что-нибудь, то, разумеется, правительство этого не простило бы князю Георгию. Правда, отдельные лица сообщали следственной комиссии «факты», компрометировавшие Г. Шервашидзе в этом отношении[1]. Но дело, очевидно, в том, что авторами этих «показаний» являлись некоторые представители протурецких элементов дворянской оппозиции, и делалось ими это, понятно, с той целью, чтобы облегчить свою участь за счет Георгия Шервашидзе.

Что же касается князя Александра Шервашидзе, то в его поведении нет почти ничего неясного. Это был яркий представитель реакционной феодальной верхушки, мечтавший о восстановлении былых порядков в Абхазии и действовавший активно в этом направлении. Он, несомненно, был причастен к дворянскому заговору, возникшему еще до восстания, и являлся одним из проводников линии феодальной оппозиции в самом восстании. Князь Александр проявил активность в том и в другом случае, хотя он, подобно Георгию, 26 июля случайно оказался в с. Лыхны. В частности, стремясь использовать начавшееся движение исключительно в интересах своего класса, он старался увлечь повстанцев на этот путь, сбивая их с противоположного – антифеодального. Кроме того, как чувствуется на основании некоторых документов, князь Александр, по-видимому, был не прочь прибегнуть для этой цели к помощи султанской Турции.

В записке, составленной следственной комиссией, по поводу обвинений, предъявленных князю Александру Шервашидзе, говорится: «Обвинения эти принимают характер большой определенности и достоверности»[2]. Наместник Кавказа, сопоставляя роль Георгия с ролью Александра в восстании 1866 года, писал: «Я нахожу, что по летам и по характеру поведения своего во время восстания он (Ал. Шервашидзе. – Г. Д.) гораздо менее может иметь права на какое-либо извинение. Исследование всех действий его убеждает,

[1] См. «Из следственного дела».

[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. I. (кн. 1), 1867 г., д. 247, лл. 6–10.

что действия эти, если и не были сознательно соображены и взвешены с могущими произойти от них последствиями, то все-таки были произвольными и не являлись исключительным результатом чужого влияния»[1].

Не могли быть действительными руководителями движения и два брата Маан (Маргания) и другие феодалы, которые принимали участие в восстании и впоследствии за это были подвергнуты правительством различным мерам наказания. Представители дворянства, бывшие по той или иной причине недовольными новым управлением, ждали, когда назреет открытое выступление крестьянской массы против царской администрации, чтобы, воспользовавшись этим движением, приступить к осуществлению своих планов. В крайнем случае, они надеялись, что русская администрация будет вынуждена сама расширить их права.

Часть местных феодалов определенно надеялась на поддержку внешних сил. Однако расчеты на эту поддержку не оправдались. Общеполитическая ситуация была такой, что правящие круги Турции, Англии и Франции не могли открыто вмешиваться в события, происходившие в Абхазии. Кроме того, отношение крестьянских масс к такого рода вмешательству было отрицательным. Многие же помещики в движение были втянуты совершенно случайно, а некоторые–по принуждению. Эти лица при первой возможности открыто изменили и приняли, наравне с другими феодалами, участие в подавлении восстания регулярными войсками; а до этого кое-кто из них вел подрывную работу. Оставшихся же до конца верными движению попутчиков из дворян было мало. Причем часть из них продолжала сопротивляться только потому, что не рассчитывала на примирение с правительством. Феодальные группировки, участвовавшие в движении, не только не могли выделить авторитетного руководителя, который бы мог возглавить восстание в целом, но вообще не могли объединить массы, выступая за чуждые последним интересы. Как только феодалы открыто перед крестьянами объявили о своих подлинных целях, восстание пошло на убыль.

Однако и крестьяне не смогли выдвинуть из своей среды твердых, признанных руководителей, способных последовательно возглавить их борьбу. Нам известны имена отдельных крестьян,

[1] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 171 –178.

игравших активную роль в восстании 1866 года. Из 21 человека, проходивших в следственном деле как «виновники лыхненского события», 12 являлись крестьянами, некоторые из которых были признаны главными инициаторами восстания. Именно крестьяне Гыдж Отырба, Шбук Дзган-ипа, Ханашв Калги, Какучал-ипа и другие одними из первых начали «волновать массу и стрелять». Последние двое были в числе трех казнены в Сухуме после подавления восстания как «более других виновные». К сожалению, имена крестьян–героев штурма Сухума наши документы не сохранили. Следственное дело почему-то ограничивается лишь участниками лыхненских событий, хотя оно и охватывает весь период борьбы, в том числе и штурм Сухума. Наши устные источники (воспоминания и фольклор), подчеркивая провокационную деятельность дворянства, в качестве инициаторов и героев событий выдвигают представителей крестьянства; популярны имена, например, Кайнагу и Петра Мачич-ипа (Кобахии), Гыджа Отырба и Коблуха Аджба. В следственном деле и в других документах особенно отличившимися характеризуются, кроме названных выше, крестьяне Лаз Асадзба, Зафас Чанба, Гуд Дбар, Науруз Шакрыл, Мсоуст Пилия и другие. Многие из них были арестованы и сосланы, а Шакрыл и Пилия были в числе трех заключенных в Метехский замок в Тифлисе. Вообще среди репрессированных участников восстания крестьяне составляли абсолютное большинство.

В тех органах, которые возникали в ходе восстания, крестьяне преобладали. Так, в Совете четырех, избранном, по-видимому, в период штурма Сухума с определенными функциями, трое были крестьяне – анхаю. Все 6 или 8 депутатов во главе с О. Шамба, выбранные населением для ведения переговоров с полковником Коньяром в с. Лыхны, являлись крестьянами. Выдвигая собственных руководителей из своей среды, крестьяне, однако, не сумели дать тогда общепризнанных руководителей, способных по-настоящему возглавить движение. Безусловно, весьма деятельным и авторитетным был Осман Шамба, но дальше 26 июля, т. е. после события в с. Лыхны, мы его почти не встречаем[1]. Тогда же обрывается и роль Х.

[1] За исключением одного случая, когда О. Шамба в 1869 г. выступал в качестве депутата, члена словесного суда Пицундского округа по делу звандрипшских анхаю Чкок (ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1879 г., д. 5. л. 182).

Калги, Г. Отырба, Какучал-ипа. До конца же действуют К. Хагба и З. Гумба, но они, как видно, не отличались особой решительностью. По-видимому, большую роль играли в ходе восстания Пилия и Шакрыл, однако мы знаем только то, что они были заключены в Метехский замок как «опасные преступники».

Говоря об участниках восстания, необходимо также еще раз подчеркнуть, что основную массу и решающую силу на всех этапах движения составляло крестьянство в целом. К сожалению, у нас нет точных данных об общем количестве участников восстания. Русский генеральный консул в Трапезунде А. Мошнин сообщал, что число повстанцев «считают» до 15 тыс. человек[1]. Эта цифра почти согласуется с сообщениями стариков – современников: 15–20 тыс. человек. Ясно, что такую массу могли составить только крестьяне. В ведомости о количестве огнестрельного оружия, конфискованного после поражения восстания у населения, в количестве 6.337 штук, значатся, в основном, крестьянские фамилии[2]. Святополк-Мирский также подчеркивал, что именно крестьяне представляли основную повстанческую массу. Ставя вопрос о восстановлении разрушенных гарнизонных и таможенных постов, Святополк-Мирский указывал, что эту работу следовало бы возложить на «взбунтовавшееся народонаселение, но оно находится в таком состоянии бедности, что это, вероятно, для него невозможно». Имелась в виду, конечно, крестьянская масса[3].

К следственному делу приложен список «предводителей партий», участвовавших в штурме Сухума (около 80 чел.); среди них, судя по фамилиям, преобладали князья и дворяне. Этот факт легко может ввести в заблуждение, если не учесть того обстоятельства, что в данном случае слово «предводитель» вовсе не означало руководитель или командующий. Здесь речь шла вообще о владельце («покровителе») того или иного села или местности, который мог и не участвовать, а многие действительно не принимали никакого участия в штурме Сухума. Более того, в списке значатся и лица, выступавшие на стороне царских войск, участвовавших в подавлении восстания[4].

[1] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 50–51.
[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, лл. 296-299, 302–314.
[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1. (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 127 об.
[4] Из следственного дела, л. 79.

Площадь непосредственного распространения восстания охватывала всю Бзыбскую Абхазию, Цебельду и часть Сухумского округа. Остальная часть Сухумского округа и Абжуйская Абхазия были «в большом волнении, но открыто не восстали»[1]. Однако некоторые крестьяне из Абжуйской Абхазии приняли активное участие в движении 1866 года. Согласно списку «предводителей партий» («огней»), приложенному к следственному делу, в штурме Сухума участвовали жители 31 села.

Последствия восстания

Еще не закончилось разоружение населения, как царское правительство поспешно принялось за «административное устройство» Абхазии. Эти изменения и преобразования в области административного управления краем, имевшие место в 60-х годах, хотя и были связаны с общими административными реформами на Кавказе в этот период, но вместе с тем их введение было ускорено событиями 1866 года.

Военный министр Д. А. Милютин в своем отношении управляющему делами Кавказского комитета от 3 августа 1866 года писал, что «настоящую необходимость немедленного введения окончательной организации» в Сухумском отделе Александр II считал спешной, «ввиду последних событий в Абхазии», т. е. восстания 1866 года[2]. Уже в одном из первых сообщений о восстании в Абхазии наместник Кавказа просил военного министра добиться утверждения императором проекта положения и штатов управления Сухумского отдела и разрешения ввести их немедленно[3]. А. Н. Введенский также указывал на необходимость проведения некоторых административных преобразований, на что «указало абхазское возмущение»[4]. Последовавшие вслед за восстанием 1866 года изменения и преобразования в области административного управления краем, о

[1] Письмо Святополк-Мирского наместнику Кавказа от 1 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 649, оп.1, д. 409, лл. 20-23.
[2] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12. 1868 г., д. 30, лл. 5-6.
[3] ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, 1856 г., св. 879, д. 12, л. 135.
[4] (Введенский А. Н). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина... – С. 7.

которых уже было сказано выше, имели своей политической целью усиление административно-полицейского аппарата.

Население Абхазии, «вследствие бывших там в 1866 г. беспорядков»[1], подымной государственной податью было обложено с 1867 года. В приказе наместника по Кавказскому военному округу от 11 января 1868 года сообщалось, что объявленная ко взносу подать с жителей Абхазии собрана безнедоимочно за весь 1867 год[2]. Сбором этой подати теперь непосредственно занимались сельские старшины.

В конце 1867 года начальником Сухумского отдела вместо генерала Толстого был назначен генерал В. А. Гейман. О характере этого царского администратора можно судить хотя бы по письму жителей сел Бзыбской Абхазии на имя наместника Кавказа в ноябре 1868 года. «Просьбу нашу, – писали они, – которую приносили генералу Гейману, при сем представляем и всепокорнейше осмеливаемся доложить о бедственном нашем положении, что мы на генерала Геймана не имеем никакой надежды о благополучном нашем сожитии и водворении; к тому причины: что при первом его прибытии, когда весь Пицундский округ представился к нему в Сухуме, он не затрудняясь объявил нам следующие слова: «Хотя государь простил вам за преступления ваши[3], но я не прощу... Мы, услышавши от него слова эти, удивлялись и пришли в большой ужас...»[4].

* * *

Одновременно происходило переселение части абхазского населения в Турцию, известное под названием «махаджирства». Это было трагическим явлением в истории абхазского и адыгских народов. В Абхазии можно насчитать пять крупных волн этого движения: после карательных экспедиций генерала Муравьева в 1841 году, после Крымской войны 1853–1856 годов, в 1864 году, после восстания 1866 года и, впоследствии, в период и после русско-турецкой войны 1877 –1878 годов.

[1] Эсадзе С. Указ. соч., т. II. – С. 79.

[2] «Кавказ», 19 января 1868 г., № 8.

[3] Имеется в виду восстание 1866 года в Абхазии.

[4] ЦГИАГ, ф. 80, д. 238, лл. 3–4.

Как сообщал командующий войсками в Абхазии от 20 августа 1864 года, за период с 1858 по 1864 год садзов (джигетов) выселилось[1]:

Из Адлера и Сочи	2.618 чел.
«__» устья р. Псоу	5.040 «
«__» Цандрипша……..	8.215 «
«__» Гудаут…….....……..	3.642 « (псхувцы)»
Всего	19.515 чел.

А. Н. Дьячков-Тарасов, приводя эти данные, замечал: «Думается, однако, что сообщенные выше официальные цифры ниже действительности, ибо регистрация отплывающих в Турцию не могла вестись точно... Не все, однако, джигеты покинули страну предков...»[2].

Но самыми крупными волнами указанного движения были имевшие место в 1867 году и, особенно, в 1877–1878 годах, из которых на первой мы остановимся более или менее подробно. Вопрос о переселении части абхазского населения в Турцию возник сейчас же после восстания 1866 года. Главными виновниками этого явления (махаджирства) вообще в истории края XIX века были англо-турецкие правящие круги и представители царизма. Султанские правители, как и всегда, мечтали о получении новых источников для своего обогащения, живого товара, дополнительного «пушечного мяса» для будущего использования как в войне с Россией, так и против постоянно восставших угнетенных народов лоскутной Османской империи[3]. Русский посланник в Константинополе Н. П. Игнатьев в письме от 3 января 1867 года прямо указывал, что впоследствии турецкому

[1] Дьячков-Тарасов А.Н. Гагры и их окрестности. ЗКОРГО, кн. XXIV, 1903. – С. 82.

[2] Там же.

[3] Известно, что еще до этого, а затем и впоследствии, турецкий султан из отдельных горских переселенцев создавал специальные жандармские части дли подавления национально-освободительного движения в Боснии, Герцеговине, Болгарии. Кроме того, во время русско-турецкой воины 1877–1878 гг. турецкое правительство пыталось активно использовать «кавказских выходцев» против России.

Правда, известно также, что горцы выступали против рекрутской и иных повинностей. Так, начальник управления Сухумского отдела в письме на имя начальника Кавказского горского управления от 23 ноября 1876 года сообщал, что из Турции возвращаются абхазские переселенцы, желая укрыться у родственников от тяжелых поборов, «ныне часто действующих в Турции и рекрутской в Турции повинности» (ЦГИАГ, ф. 545, д. 614, л. 129).

правительству, быть может, придет мысль направить выходцев из Абхазии в Кандию или же в другую область, чтобы противопоставить такое подкрепление «силам волнующихся христиан»[1].

Вот почему турецкое правительство всячески старалось вызвать через своих агентов широкое движение махаджирства. Такие агенты среди населения усиленно вели агитацию против России и вместе с тем не жалели красок для изображения «райской» жизни в султанской Турции. Эти провокаторы, по словам современника, говорили: «Там (в Турции. – Г. Д.) много золота, ослов даже кормят исключительно рисом и украшают их золотом; там тыква растет таких громадных размеров, что буйвол может свободно помещаться в ней, там рай»[2]. Еще Ф. Ф. Торнау отмечал, что «турки, распространившиеся по округам Сухумскому и Абживскому, старались всячески восстановить народ против русских..., продолжая вопреки военным крейсерам..., закупать в ней (в Абхазии. – Г. Д.) пленных мужчин и женщин»[3]. В верховьях р. Мзымта, среди абхазского населения, Торнау встретил одного из тех турок-фанатиков, которые, «питаясь подаянием, ходили по горам проповедовать мусульманам беспощадную войну» против русских[4]. М. Селезнев, внимательно следивший за действиями турецких агентов в Абхазии, свидетельствовал, что в Очемчирах жило несколько турецких купцов, среди которых имелись «фанатики, служащие агентами турецкого правительства... Турки никогда не забудут прежнего своего господства на восточном берегу Черного моря, с которого они, без важных потерь и издержек, набирали за дешевую цену прекрасных, храбрых воинов и мамелюков для Египта, наполняя кроме того свои гаремы хорошенькими, дешевенькими одалисками... Вероятно, теперь турки крайне горюют о потерянном, употребляя все средства на возвращение; однако же русские, укрепив свое завоевание силою трактата, не дозволяют трогать собственности, но зато из Ошенчур (Очемчиры. – Г. Д.) против России в горцах разливается яд ненависти»[5].

[1] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 156–159.

[2] Из воспоминаний 90-летнего дурипшского крестьянина Антона Гуатасипа, записанных П. Образцовым в 1813 г. «Сотрудник закавказской миссии», №1. Сухум, 1914. – С. 13–16.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 45240, л. 55.

[4] (Торнау Ф.Ф). Воспоминания кавказского офицера, ч. 11. – С. 44.

[5] Селезнев. Указ. соч, кн. 11. – С. 155.

Начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Серебряков писал владетелю Абхазии 7 июня 1852 года: «Не раз было обнаружено, что турецкие торговцы, имея тайные сношения с абхазским берегом, свозили и передавали живущим там туркам не одни товары, но и каких-то людей, прибывших из Турции, а кто эти люди, – неизвестно; целые экипажи контрабандных судов, преследуемых крейсерами, уходят в Абхазию и исчезают там без всякого следа, а между тем между ними могут быть злоумышленники...»[1]. Русский офицер С. Смоленский, в 1859 году находившийся вместе с сотней солдат в Бзыбской Абхазии, около р. Хыпста (Белая), писал, что абхазцы «стали делать предположения, что, вероятно, сотня поставлена здесь не без цели, что недаром говорят, будто их (абазинов) хотят сделать русскими, брать в солдаты, принуждать брить бороду, а волоса на голове стричь и, наконец, заставить их марушек ходить без шальвар, что для женщин, конечно, последнее дело... Рассуждения эти... были последствием распространения между абазинами (абхазцами. – Г. Д.) нелепых толков турками, которые постоянно старались поддерживать между ними неприязнь к русским и усилить расположение к Турции». Муллы обещали каждому в загробной жизни – за одну поездку в Турцию оставить «наполовину отверстыми двери магометова рая. О России же они имели понятие, как о крае бедном, неудобном и даже не вознаграждающем труда земледельцев. Иначе они и не объясняли занятия края, как желанием русского правительства утвердить свою власть в земле их, ввиду крайней бедности нашего отечества, или теснотой населения»[2].

Протоиерей Д. Мачавариани в марте 1862 года доносил экзарху Грузии архиепископу Евсею о том, что турки, оставшиеся в Самурзаканском приставстве после Крымской войны, бродили по деревням и старались население «совращать... в мусульманскую веру»[3]. О «весьма вредном влиянии» на христианское население со стороны указанных лиц писал и статский секретарь Крузенштерн наместнику Кавказа от 7 декабря 1863 года. Турки, говорил он, вместе с тем

[1] ЦГИАГ, ф. 416, д. 40, лл. 4–6.

[2] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник» №10 1872. – С. 357.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1802 г., д. 606, л. 1.

«открыли сношения с контрабандистами и другими неблагонамеренными лицами»[1].

В статье «О положении Абхазии в религиозном отношении», помещенной в газете «Кавказ» 12 января 1868 года, автор, по-видимому А. Н. Введенский, констатировал, что турецкие муллы при содействии своего правительства, несмотря на неудачи, прибегали ко всевозможным мерам для распространения мусульманского учения. Тот же автор свидетельствовал о том, что турки среди населения пропагандировали, вместе с мусульманской религией, «ненависть к русским»[2]. Епископ Имеретии Гавриил в своем обозрении церквей Абхазии в 1870 году приводил следующие факты: в с. Члоу турецкие агенты – муллы и пр. распространяли слухи, что если принять православие, то непременно заберут в солдаты. В с. Джгерда тайно поселился турецкий мулла, где, также без ведома и позволения властей, проживал один мулла из Карачая. Оба эти лица всеми средствами старались оказать «влияние на умы здешних жителей» и вооружить их против христианства[3].

Турецкоподданные купцы, всячески добиваясь от взяточников–чиновников карантинно-таможенных учреждений разрешения пристать к берегу в произвольно избранных местах, вытащив свои кочермы (лодки) на берег, углублялись с товарами во внутрь края для закупки кукурузы и других продуктов и имущества, «стараясь для того распространением разных нелепых слухов подбивать жителей к продаже последнего достояния»[4].

Наместник Кавказа в своем отношении русскому послу в Константинополе от 20 сентября 1867 года, т. е. в тот период, когда он, по-видимому, уяснил себе действительные цели султанской Турции и воочию увидел коварные приемы, к которым последняя прибегала, желая осуществить эти свои цели, указывал на всяческое стремление турецкого правительства продолжать переселение горцев и категорически опровергал утверждение, что последние, мол, сами заинтересованы и добиваются переселения в пределы турецкой

[1] Там же, 1863 г., д. 607, л. 1 об.

[2] (Введенский А. И.). Абхазцы (азега). По поводу соч. г. Дубровина.... – С. 6.

[3] «Кавказ», 27 ноября 1870 г., №139.

[4] Отношение начальника Сухумского отдела ген. Толстого в Сухумскую карантинно-таможенную заставу от 27 марта 1867 г. ЦГАА, ф. 8, д. 5, л. 13.

империи, «будто заявленном Порте мнимыми депутатами. Из приложенных же при этом для вашего сведения копий с объяснениями по этому делу ближайших начальников края генерал-адъютанта Сумарокова-Эльстона и генерал-майора Геймана, – писал наместник Кавказа далее, ваше превосходительство, усмотрите, что вряд ли и существует то движение в народе и те сборы, о которых турецкое правительство сообщает вам в своих нотах»[1].

Отношение Англии и Франции к рассматриваемому вопросу было вполне определенным. Англия здесь, как и в соседних черкесских землях, всемерно провоцировала трагедию махаджирства. Это вытекало из захватнических интересов Англии на Черноморском побережье Кавказа вообще, что, вместе с тем, необходимо рассматривать в плане английской экспансии на Ближнем и Среднем Востоке, в плане борьбы против интересов России. Английские агенты, как и турецкие, делали все, чтобы заставить население указанного края переселиться в Турцию с целью использовать его в борьбе против России[2]. Кстати, в это время в Сухуме находились турецкий вице-консул Тамаджан-эфенди и великобританский консул Роберт Вилькинсон (он же управляющий великобританским консульством в Редут-кале и вице-консул в Поти)[3]. Англо-французские корабли, совместно с турецкими, постоянно курсировали, бороздя Черное море между побережьем Абхазии и Турции, высаживая там на произвол судьбы махаджиров[4].

Исключительно предательскую роль играли многие местные феодалы-изменники, которые, безразличные к судьбе родины, всячески старались увезти с собой в пределы султанской Турции своих крестьян. Русский генеральный консул в Трапезунде А. Мошниц в письме Старосельскому от 3 августа 1866 года указывал, что целью, например, дворянина Хасана Маргания в восстании было переселение его подданных крестьян в Турцию[5], чтобы за счет них строить свое благополучие и на чужбине, где он скитался давно. Х. Марга-

[1] ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 527, лл. 2–5.

[2] Фадеев А. Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии. «Вопросы истории». № 9, 1951. – С. 76. 96.

[3] «Кавказский календарь на 1867 год». Тифлис, 1866. – С. 74.

[4] Донесение генерального консула в Трапезунде ст. сов. Ал. Мошнина в имперскую миссию от 22 мая 1867 г. ЦГВИА, ф. 400. он. 258/908, аз. ч. 1866 г., д. 54. л. 243.

[5] ЦГИАГ, ф. 545. оп. 1. (кн. 2), 1866 г., д. 2784, лл. 92–93.

ния, будучи активным работорговцем, немало людей успел отправить в Турцию в качестве живого товара. Тот же Мошнин сообщал в русское посольство (26 июля 1867 г.), что некоторые из «влиятельных абхазцев очень старались переселить сюда (в Трапезунд. – Г. Д.) еще других своих соотечественников, преимущественно рабов»[1].
Начальник Сухумского отдела генерал Геймам в апреле 1869 года писал, что в с. Гума мулла желает выселиться в Турцию, «но ему одному туда идти не выгодно, поэтому он уговорил на переселение несколько семейств; к этому присоединились несколько влиятельных лиц, которые еще в 1867 году действительно уже собирались идти в Турцию, но были приостановлены; но за всем тем охотников было мало, то некоторые личности, пользуясь совершенно неразвитостью массы народа, чем особенно отличаются гумцы..., начали распускать слухи, что их в будущем году начнут брать в солдаты, обложат повинностью..., но как и все – это мало действовало на народ, то начали распускать слухи, что правительство желает, чтобы они все поголовно переселились... Мне словесно выразили просьбу воспретить переселение, говоря, что несколько личностей волнуют бедных людей, которые не хотят вовсе идти в Турцию, и сами не знают, что делать, понимая свою гибель»[2].

Весьма характерна и народная песня «Уазбак». В ней проводится мысль, что некоторые крестьяне еще слишком доверяли феодалам, не разгадали эгоистический и провокационный характер их пропаганды, и таким образом становились жертвой своей политической слепоты. Эти люди, послушав злонамеренного турецкого агента дворянина Уазбака, после восстания 1866 года покинули родину. В султанской Турции их постигло несчастье. Только единицы уцелели от поголовной гибели на чужбине. Предательство Уазбака сполна было вознаграждено. За принесенных им в жертву людей Уазбак получил целый сундук золота. «Мое добро – золото, хвалился он, Уазбак бесчестный, Уазбак–переводчик». Такими клеймящими предателя словами кончается песня[3].

За выселение значительной части абхазского населения в 60-х годах со стороны царизма ответственны персонально прежде всего

[1] ЦГВИА, ф. 400, он. 258/908. аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 252.
[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1872 г., д. 615, л. 77.
[3] Арх. Абхазского института, ф. 2. д. 71 /74а. лл. 21–22.

кавказский наместник М. Н. Романов и кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский. Русский посланник в Константинополе Н. П. Игнатьев говорил о выселении абхазцев как «о решении кавказского начальства»[1]. Еще в марте 1864 года, т. е. до окончания Кавказской войны, наместник в личном письме Александру II писал: «... Будем действовать осмотрительно, но и решительно, чтобы окончательно очистить все Черноморское побережье. Надо ожидать, что большая часть горцев предпочтет выселиться в Турцию, чем перейти на назначенные для них места на Кубани... Дело окончательного покорения восточ. берега Черного моря наиболее зависит от быстроты выселения туземцев на указанные им места или в Турцию. Для облегчения сего последнего я предполагаю разрешить употребить казенные транспортные суда и компанейские пароходы»[2].

Но в 1864 году по отношению к абхазцам дело ограничилось выселением садзов и незначительной части населения бывшего Абхазского княжества. Таким образом, широкий план выселения населения Абхазии в тот период отпал. В этом, по-видимому, известную роль сыграло общественное мнение России. И в самом правительстве некоторые лица не разделяли этого плана. Во всяком случае в газете «Московские ведомости» читаем: «В то время не было признано полезным привести в исполнение эту мысль»[3] (о переселении.–Г. Д.); в газете «Кавказ»: «Против этого (переселения абхазцев.– Г. Д.) было говорено много, и абхазцы остались»[4].

Однако после восстания 1866 года, вернее, в ходе этого события, снова возник вопрос о переселении из Абхазии. Мирский уже в письме наместнику Кавказа от 6 августа 1866 года, касаясь вопроса о наказании восставших, выдвигал идею, ко всему прочему, о переселении их в Турцию[5]. Об этом шла речь во время посещения Сухума наместником Кавказа в августе 1866 года; причем само посещение, по его словам, было вызвано, главным образом, необходимостью переговорить с Мирским «о будущности» края[6].

[1] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 156 – 159.
[2] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, д. 608, лл. 13–16.
[3] «Московские ведомости», 15 июня 1867 г., № 130.
[4] «Кавказ», 25 мая 1866 г. №40.
[5] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, лл. 37–44.
[6] Письмо наместника Кавказа Александру II от 10 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, лл. 29–33.

Осенью того же года наместник, излагая военному министру «личный взгляд» на события в Абхазии, высказал соображения, на основании которых он считал необходимым принятие самых энергичных мер к прочному водворению царской власти в Абхазии. Наместник указывал, как «коренную в этом отношении меру», переселение в Турцию части населения Абхазии[1]. В конце того же 1866 года Н.П. Игнатьев начал переговоры с турецким правительством. Так царские власти, угнетавшие и предававшие интересы самого русского народа, вместе с абхазскими помещиками-предателями играли на руку внешним врагам. Предполагалось выселить 4 тыс. семейств и начать это с цебельдинцев в конце апреля 1867 года[2]. Такая участь ожидала все население Цебельды и Дала, а также 900 семейств из Драндского округа и 300–из Пицундского[3].

Удаление населения носило, в основном, насильственный характер. Об этом говорят многочисленные факты. Автор цитированной корреспонденции из газеты «Кавказ», составленной в духе ничем неприкрытого великодержавного шовинизма, сообщая, что к побережью уже потянулись нагруженные всякими вещами лошади, ослы и быки, вынужден был сказать правду о настроении их хозяев: за ними шли «понурившие головы жители». Кроме того, он свидетельствовал о фактах прямого отказа населения уезжать в султанскую Турцию и о их попытках задержать и других. Так, писал этот автор, «нередко случается, что один брат идет выселяться, а другой остается; старик-отец... забирает с собой ценные вещи и уходит, а детей убеждает остаться». Далее он рассказывал об одной кровавой трагедии, случившейся в Келасури. Уезжал старик-отец с семейством, в котором была взрослая дочь. Девушка была просватана за молодого человека, не желавшего уезжать в Турцию. Старик не отдает дочери и предлагает ему вместе с ними эмигрировать. Но молодой человек не может покинуть любимую родину; спор дошел до того, что вспыльчивый жених вынул пистолет и убил наповал предполагаемого тестя. Но не успел увезти невесту – родственник старика заколол его кинжалом.

[1] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 77, д. 76, лл. 111 – 114.

[2] Письмо наместника Кавказа Александру II от 9 января и 13 февраля 1867 г. ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1867 г., д. 611, лл. 2 об., 5–6.

[3] «Кавказ», 25 мая 1867 г. «Московские ведомости», 15 нюня 1867 г.

Наши исторические документы нередко сообщают о случаях, когда крестьяне скрывались, избегая переселения в Турцию[1]. Насколько неохотно крестьяне становились махаджирами – эмигрировали в Турцию, видно также из их стремления принять христианство, что было вызвано, разумеется, главным образом, желанием остаться в своей стране[2]. Наместник Кавказа подчеркивал, что счел нужным остановить переселение на цифре даже несколько меньшей против «первоначального предположения», наряду с другими причинами, «ввиду в сильной степени проявившегося в населении стремления к принятию христианства. Хотя, само собой разумеется, на стремление это нельзя смотреть как на плод внутреннего религиозного убеждения, тем не менее, факт значительного и все продолжающегося увеличения числа обращающихся... может для будущего служить залогом большого нравственного и политического единства этой страны с империей»[3]. Тот же наместник в письме императору констатировал: «Жители Пицундского округа (быв. Бзыбский) не желают идти в Турцию и все принимают добровольно христианство»[4]. А в письме от 1–6 июня того же года также читаем: «Весь итог выселившихся семейств–менее 4 т. Оставшиеся довольны, особенно покорны и послушны»[5]. Приходский священник по Пицундско-Мазихувскому приходу иеромонах Ион в рапорте в Совет общества по восстановлению православного христианства на Кавказе от 11 сентября 1866 года отмечал, что «в настоящее время положение умов абхазцев таково, что большая часть из них сами желают принять св. крещение...»[6]. В течение 1869 года в Абхазии прошли крещение 7.894 чел. обоего пола[7]. Такое быстрое обращение населения Абхазии епископ Гавриил также считал не совсем обыкновенным явлением, а обусловленным целым рядом причин[8].

Вместе с тем крестьяне в крайнем случае соглашались ехать даже в Сибирь, но только не в султанскую Турцию. В заявлении жи-

[1] См., например, ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, 1867 г., д. 253, л. 173.

[2] Махарадзе Ф. Грузия в XIX столетии. – С. 43.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 77, д. 76, лл. 111-114.

[4] ЦГИА, ф. 678, оп.1, 1867 г., д. 611, л. 10.

[5] Там же, л. 21.

[6] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 24, л. 7 об.

[7] Там же, л. 20.

[8] Там же, д. 30, л. 21 об.

телей сел Бзыбской Абхазии начальнику Сухумского военного отдела говорилось, что князь Д. Чавчавадзе, сообщив о ходе переселения из Цебельды, Дала и Драндского округа, советовал тревогой охваченному населению, чтобы оно уклонилось от переселения. Услышав такой совет, люди обрадовались и начали жить мирной жизнью: «Мы спокойно пахали, сеяли и занимались всякой работой, почему каждый из нас доволен своим состоянием». За это так благодарны князю Чавчавадзе, читаем в указанном заявлении, что «выразить не можем»[1]. Новый начальник отдела генерал Геймам в отчете о поездке по Абхазии от 16 октября 1867 года также писал о желании населения оставаться на родине[2].

К. Д. Мачавариани в своей статье «Очерки Абхазии»[3] приводил такой факт. К архиерейскому дому в Сухуме подъехали два всадника. Одному было лет за 60, а другому–12. К седлу первого была привязана переметная сумка, наполненная землей. На вопрос и упрек архиепископа, зачем оставляет родину, старик, по имени Урыс, ответил: «Нет, добрый отец, я здесь не останусь. Будет плохо или хорошо, я не хочу отстать от своих, а если умру то на груди моей всегда будет лежать земля родной моей страны. Сумка моя наполнена землей из моего родного села, и когда я буду умирать, то попрошу когонибудь осыпать мою грудь этой землей. Я тогда буду чувствовать, что меня окружает родная земля и на том свете никто не упрекнет меня во враждебном отношении к дорогой родине». «...Этого бедного моего ребенка оставляю тебе навсегда».

Однако, несмотря на все это, население не избегло в 1867 году трагедии махаджирства. Наместник Кавказа в письме Александру II от 1–6 июня 1867 года сообщал об этом уже как о совершившемся факте[4]. В цифровом отношении этот факт выражался в следующем: из Цебельды и Дала было выселено почти все население, т. е. 2.503 двора или 14.740 чел.; из Пицундского и Драндского округов–855 дворов или 4.602 чел.; итого–3.358 дворов или 19.342 чел.[5], вместо 4 тыс. семейств, ввиду «ограничения нормою» числа

[1] ЦГИАГ, ф. 80, д. 238, лл. 5–10.
[2] Там же, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1867 г., д. 257, л. 1.
[3] «Черноморский вестник», 14 ноября 1899 г., № 254.
[4] ЦГИА, ф. 678, д. 611, 1867 г., л. 21.
[5] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 253–257.

переселенцев[1]. В результате этого произошло сокращение населения Абхазии с 79.190 чел., к январю 1866 года[2], до 64.933 в конце 1867 года[3].

Надо сказать, что наместник Кавказа с течением времени начал выражать мнение о необходимости приостановить переселение горцев в Турцию. Об этом он наиболее ясно писал в своем отношении русскому послу в Константинополе от 20 сентября 1867 года, в котором прямо указывал о своем решении «препятствовать дальнейшему выселению». Наместник мотивировал такое решение отпадением военной и политической необходимости переселения абхазского населения, а также тем фактом, что последнее мало-помалу начинает «приучаться к русскому управлению»[4]. Надо полагать, что наместник хорошо понял весь коварный замысел и приемы султанской Турции и свою роль в этом деле. В упомянутом отношении великий князь писал довольно прямолинейно: «Вследствие этих соображений, в ответ на письмо вашего превосходительства от 12 сентября, сообщаю, что я не желаю содействовать Порте в дальнейшем переселении абхазцев и абадзехов»[5].

О том, что положение переселенцев в Турцию было катастрофическим, в источниках находим достаточное количество сведений. Уже во время переселения от голода, морской болезни, дизентерии и т. д. погибла масса людей. Как отмечал впоследствии педагог Н. С. Джанашия, «несчастные переселенцы вымирали как мухи», они «нашли свою смерть в волнах Черного моря или стали жертвой малярии в Малой Азии», а те, которые уцелели, были поселены «друг от друга на расстоянии тысячи верст, чтобы они быстрее утеряли свой национальный облик»[6].

Шкипер турецкого баркаса Юнус Ахмед сделал пометку на патенте № 288/49, что отправлено из одного пункта Абхазского побережья 140 чел., а прибыло на место, в Трапезунд, всего лишь 35. «Вся же разница» на 72 каботажных трапезундских баркасах за время с 18 апреля по 18 мая 1867 года составляла 1.105 чел. Высадили

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1872 г., д. 615, л. 70 об.
[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 107, лл. 18–49, 54.
[3] ССКГ, в. 1, отд. гор. лет. – С. 13.
[4] ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 527, л. 2.
[5] Там же.
[6] «Дроеба» 1909 г., №№ 260, 282.

в Трапезунде всего 10.865 чел.[1] Консул Мошнин систематически доносил русскому посланнику в Константинополе о том, что турецкое правительство не выполнило своих обещаний по поводу оказания помощи горцам (речь идет о выселившихся в 1864 г.) и что последние, лишившись средств существования, охвачены недовольством и всячески стремятся обратно на родину[2].

В 1866 году Ив. Аверкиев опубликовал отрывок из письма некоего Смела Абича из турецкой эмиграции на имя одного князя. «Скажите всем встречным и знавшим меня, – писал он слезно на родину, – о моей гибели; не поезжайте! Наказание божие продолжается над нами и жертв искупления еще много будет принесено, – ты знаешь, как много уже принесли мы жертв. Бог восстал на нас...»[3]. Так писал человек, по-видимому, принадлежавший к феодальному классу, уехавший в 1864 году в Турцию добровольно и, разумеется, материально более обеспеченный. Из этого можно себе представить моральное и материальное состояние крестьян, насильственно выселенных и бедных. Иеромонах Ион в рапорте в Общество по восстановлению православного христианства на Кавказе от 11 сентября 1868 года писал о том, что ему население постоянно говорило: «Турки обманули наших абхазцев, и которые переселились в Турцию, там страдают, тогда как мы... живем спокойно»[4].

Кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский еще в 1864 году отмечал, что в Турции «торг людьми от беспомощного положения переселенцев с Кавказа вызвал повсеместное и значительное понижение на них цен...»[5]. В 134 номере газеты «Кавказ» за 1877 год в статье «Черкесы в Турции» читаем: «В пути и в самом Константинополе погибло от болезней и бедствий, от крушения пароходов множество эмигрантов. На Кавказском берегу Черного моря англичане и турки красавицами набивали трюмы; несчастные с плачем обращались к русским офицерам, освободить их оттуда и удержать на родине. Поставщики гаремов и турецкие покупщики

[1] Донесение ген. консула в Трапезунде ст. сов. Мошнина и императорскую миссию от 22 мая 1867 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258 908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 243.

[2] ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/289, св. 880, 1865 г., д. 16, лл. 4 об. 16.

[3] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866, № 70.

[4] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 24, л. 7 об.

[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1864 г., д. 622, л. I об.

остались, вероятно, в больших барышах от нашего товара... В «Киевлянине», кажется за 64 или 65 г. было напечатано письмо с трогательными сценами на одной константинопольской площади, где расположились эмигранты с семействами... Одна из женщин узнав, что возле стоит русский офицер, обращается к нему, с плачем отрезает косу и просит его бросить ее на родине, когда он возвратится туда, говоря: «Ведь мы дышали одним воздухом, земляки!». Вероятно, – заключал автор заметки, – русский вырос нравственно в глазах несчастного выселенца, узнавшего бессердечность и бесчестность турецкого правительства».

Трагическая судьба абхазских крестьян в султанской Турции запечатлена народным поэтом Абхазии Д. И. Гулиа, непосредственно испытавшим в детстве, в 1877- 1878 годах, участь махаджиров[1]. В стихотворении «Песня об Апсны» (Абхазии)[2] он пишет:[3]

Высаженные на берег моря, на произвол судьбы,
Они гибли от голода и холода,
Повсюду на том (турецком) побережье,
Живые и мертвые лежали вповалку...
И зловещие вороны
Каркали над ними.

Красноречивым доказательством тяжелой участи в султанской Турции кавказских переселенцев является также их массовое бегство обратно на родину, при всей трудности этого дела; кое-где имели место даже «беспорядки» и угрозы «поднять бунт»[4]. Генерал Игнатьев еще 25 мая 1865 года писал директору Азиатского департамента: «По полученным мною сведениям (через горцев здесь

[1] В 1877 году дом отца писателя, Урыса (Иосифа) Гулиа, был сожжен; его семья, как и многие другие такие крестьянские семьи, оказалась в Трапезунде. В 1878 году У. Гулиа, похоронив на чужбине двух своих детей, с семьей бежал через Макрал в Батум, откуда тайно перебрался в родную Абхазию, опустошенную и разграбленную турецкими войсками.

[2] Гәлиа Д. Иҧымҭақәа, т. I. Сухуми, 1956. – С. 309–315.

[3] Подстрочный перевод.

[4] Донесения консула в Трапезунде Мошнина посланнику в Константинополе от 22 февраля, 29 марта и 17 мая 1865 г. ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 880, д. 16, л. 4 об. 19, 25.

прибывших), несмотря на объявленное нами запрещение возвращаться на Кавказ вышедшим горцам, несмотря на негодование турецких властей и на принимаемые ими крутые меры против беглецов, – они тысячами бегут охотно в наши пределы»[1].

Как уже отмечалось, в конце 1866 года в Абхазии оставалось 64.933 чел., но в середине 1867 года количество населения края достигло уже 66.800 чел., что произошло, в первую очередь, за счет указанного возвращения населения. Согласно официальной ведомости о численности местных жителей, содержавшихся под арестом в 1868 году, в Абхазии за возвращение из Турции было арестовано 24 чел.[2]

Прогрессивные люди России и Грузии не раз выступали против трагедии махаджирства, привлекая внимание общественности к этому факту, чтобы предотвратить гибель абхазского населения. Грузинская газета «Дроеба» впоследствии, начиная с 70-х годов, часто возвращалась к теме о махаджирстве, глубоко сочувственно относясь к трагедии абхазского народа[3]. Она, в частности, выдвигала требование перед правительством, по крайней мере, не препятствовать абхазцам – изгнанникам вернуться на родину. Известный грузинский публицист и общественный деятель Сергей Месхи в 1877 году также писал о горькой участи абхазцев и черкесов в султанской Турции. Он указывал на их стремление вернуться на родину и всячески приветствовал его. Месхи категорически высказывался против опустошения новых мест на Черноморском побережье для колонизационной цели[4].

А такую цель царизм ставил с самого начала. Более того, вопрос о частичной колонизации отдельных районов Абхазии возникал еще в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века. После похода генерала Розена в Цебельду был поставлен вопрос об организации там русского поселения под названием Богоявленское[5]. После похода

[1] Письмо ген. Игнатьева директору Азиатского департамента от 25 мая 1865 г. Там же, л. 23.

[2] Кавказский календарь на 1870 г. – С. 420.

[3] См., например, «Дроеба», 1878 г. – №№ 100 и 158, 1879 г. – №№122 и 123, 1880 г. – №№199, 207 и 209.

[4] Записки Серго Месхи, т. I. С портретом автора и автографом. Издание И. Пирцхаладзе. Тифлис, 1903. – С. 493–494.

[5] Рапорт Е. Л. Головина А. И. Чернышеву от 8 сентября 1838 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1838 г., д. 6349, лл. 15–16.

полковника Муравьева в Дал в декабре 1840 – январе 1841 годов также был поставлен вопрос о поселении в опустошенном Дале с весны 1841 года 500 семейств[1], причем по возможности «привычных к оружию, т. е. донских, линейных или даже черноморских казаков»[2]. Вопрос о колонизации Абхазии снова возник в 1864 году. В марте этого года наместник Кавказа писал: «Если количество свободных земель дозволит, то водворить вдоль берега до устья р. Ингур казачьи поселения, которые вместе с поселениями по р. Бзыбь могли бы составить абхазское казачье войско под управлением начальника Абхазского военного отдела»[3]. Однако в тот период дело ограничилось территорией между реками Туапсе и Бзыбь.

По «Положению о заселении Черноморского округа и управлении оным», утвержденному правительством в марте 1866 года, это пространство было предназначено «для сельских гражданских поселений» под названием «Черноморских прибрежных поселений»[4]. Причем с этой точки зрения указанная территория была изучена в мае 1866 года специальной комиссией под начальством генерала Н. Н. Муравьева, назначенной наместником Кавказа, отчет которой, написанный И. А. Хатисовым и А. Д. Ротиньянцем, был опубликован в №№ 5 и 6 «Записок Кавказского общества сельского хозяйства» за 1867 год.

Современный автор А. Варгас-де-Бедемар писал: «Черноморский берег в настоящее время совершенно освобожден от горцев. Последние остатки населения, искавшие убежища в горах, вытеснены оттуда несколькими колоннами наших войск; в 1865 г. аулы их разорены частью самими горцами, частью войском при преследовании горцев. Во многих местах вырублены фруктовые деревья, сорваны и срублены виноградные лозы, для удобного добывания винограда. Поля, при сильной растительности края, стали зарастать разными кустарниками, и в скором времени, если все будет идти таким же порядком, не останется никаких следов прежней

[1] Рапорт Н. Н. Муравьева Е. А. Головину от 7 января 1841 г. Там же. 1840 г., д. 6392, лл. 43–46.

[2] Рапорт И. Р. Анрепа П. А. Клейнмихелю от 6 июня 1842 г. Там же. 1842 г., д. 6470, лл. 55–63.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 177, л. 16 об.

[4] ЗКОСХ, №№1 и 2, 1867. – С. 1.

культуры»[1]. И. С. Хатисов отмечал, что в ущелье среднего течения р. Хашупса встречались «остатки плетней и заборов, повсюду торчащие обгорелые столбы горских жилищ, множество разных предметов хозяйства: кувшины, серпы, ковши, домашняя утварь, попадавшиеся нам повсюду, свидетельствовали, что на этом месте, теперь безлюдном и пустынном, очень недавно кипела жизнь большого населения»; в ущельях рек Мехадыр и Лапста все бывшие хлебородные места и дорожки так заросли разными кустарниками, что только лишь с большим трудом можно было пробираться через них»; «судя по множеству фруктовых и виноградных садов и хлебородных полян, надо полагать, что здесь (в ущельях рек Кудепста и Хоста. – Г. Д.) когда-то кипела деятельная земледельческая жизнь»[2].

В 1867 году и внутри Абхазии появилось много «свободных земель», о чем так хлопотал наместник Кавказа. В результате махаджирства целые цветущие районы Абхазии превратились в безлюдное дикое пространство: пашни заросли колючкой и папоротником, сады смешивались с лесом, виноградники дичали и вырождались... И уже в 1868 году «освободившаяся» абхазская земля была включена «в состав казенных земель, находящихся в ведении Кавказского горского управления». Не говоря уже об официальной переписке, в печати появляются всевозможные «предложения» и «соображения» по вопросу о заселении указанной территории «надежным элементом». Член Сухумской сословно-поземельной комиссии Н. Дьячков-Тарасов в статье «О заселении Цебельды», опубликованной в газете «Кавказ» 10 октября 1868 года, сообщал, что часть этой земли, около 16 тысяч десятин, где преимущественно жили цебельдинцы, «определена под поселение и около 4000 десят. под продажу частным лицам... На всех участках предложено поселить до 150 семейств».

* * *

Восстание 1866 года дало возможность крестьянам лучше разглядеть подлинное лицо князей и дворян, лучше осознать свои собственные интересы. Оно глубже раскрыло классовые противоречия между крестьянством и помещиками. Таким образом, восстание имело важное значение для роста классового самосознания крестьянства. Крестьянские выступления, имевшие место после восстания 1866 года, носили ярко выраженный антифеодальный характер. Все чаще встречаются факты отказа от выполнения крепостнических повинностей, бегства крестьян от своих помещиков и т. д.

[1] ЗКОСХ, №№ 3 и 4. – С. 9.
[2] Там же, №№ 5 и 6. – С. 11, 22.

Случаи отказа крестьян выполнять повинности стали особенно массовыми в имении князя Г. Д. Шервашидзе. Управляющий этим имением Е. Туркия вынужден был прибегнуть к посредству сухумской полиции, требуя «взыскания денег с тех лиц, которые отказались платить ему»[1]. А. В. Пахомов 17 июня 1868 года также просил управление Пицундского округа «о принуждении подвластных князя Георгия к исполнению лежащих повинностей в пользу помещика, как это делалось прежде при жизни покойного гвардии полковника князя Дмитрия Шервашидзе...»[2].

В заявлении от 11 сентября того же 1868 года начальнику Пицундского округа А. В. Пахомов приводил следующие конкретные случаи. Жители с. Багажиашта – анхаю Сасрыква и Фат Харазия, Мурза Микая, Багыр Чкотия и Кваташ Джегелия; поселка Цамбейквара – анхаю Чагыр и Аджгя Тванба и с. Пшап – Хакуцв Шалаберия и два дыма Тванба (Сейлух-ипа) «отказываются платить ажидз». Далее он просил внушить указанным жителям, чтобы они «лучше выполняли свои обязанности относительно помещика». При этом А. В. Пахомов подчеркивал, что, отказываясь отбывать повинность в пользу помещика, крестьяне сопротивлялись приказанию начальства[3]. В ответ на заявление А. В. Пахомова начальник Пицундского округа майор Бутми де Кацман 11 октября 1868 года сообщил, что Багыр Чкотия, Кваташ Джегелия и Мурза Микая давно ушли от князя Г. Д. Шервашидзе. Что же касается остальных, пишет он, то «мною им приказано отбывать все повинности, которые отбывали они при жизни покойного их помещика князя Дмитрия»[4].

Сохранился весьма любопытный список крестьян, правда, неполный, по 10 селениям князя Г. Д. Шервашидзе, составленный 8 декабря 1869 года. Интересно уже само название документа: «Список

[1] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, л. 378.
[2] Там же, л. 307.
[3] Там же, л. 331.
[4] Там же, л. 342.

абхазцам – поселенцам с отметкою, которые не выходили на работу и выходили». Против многих фамилий, к сожалению, нет никаких отметок, но из отмеченных и указанном году на работу вышли (преимущественно по 8 дня) только 40 анхаю; не вышли – 96. Интересно также заметить, что список крестьян по 6 селениям (Багажиашта, Багбаран, Гульрипш, Дранда, Келасури и Пшап) состоит лишь из одних не- вышедших на работу анхаю. Особенно характерен тот факт, что отказывались выходить на работу не только анхаю, но и ахоую. Таких, например, по с. Абжаква значатся 2 чел., а по с. Гума – 10, из коих против трех написано «не желает», против еще трех имеется отметка об их переселении в другие места (очевидно, бежали)[1].

А. Пахомов и Е. Туркия часто заводили тяжбы с крестьянами. В этом отношении показателен спор между ними и анхаю с. Мерхеул Гусейном и Халылом Браскил, отказывавшимися отбывать повинности в пользу Г. Д. Шервашидзе[2]. Однако все старания и Пахомова, и Туркия, и властей были тщетными. Когда наследник Дмитрия Шервашидзе, князь Георгий, после 14-летнего отсутствия явился в имение своего отца, председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии сообщил ему, что из 695 дымов анхаю, на которых, как на подвластных, указывал его поверенный, только 56 были обязаны выкупом своих повинностей. «А остальные отвергли свою подвластность мне», – жаловался сам Г. Д. Шервашидзе. При этом он просил, чтобы размер пособия за повинности этих 56 дымов был бы исчислен не только по тем повинностям, какие они отбывали в день объявления «Положения» о реформе, но и по тем, которые они прекратили отбывать до этого[3].

Вместе с тем А. В. Пахомов называл и имена отдельных руководителей этой антифеодальной борьбы. Анхаю с. Пшап Алхаз Шалаберия, имеющий «очень большое влияние в народе», Чагыр Вардан (Ҩардан) в с. Абжаква, Куджба и Ахмат Мсыр-ипа в с. Бырцха «постоянно возбуждают народ к невыполнению обязанностей его относительно помещика (Г. Д. Шервашидзе. – Г. Д.) и имеют даже вредное влияние и в правительственном отношении»[4].

[1] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, 1869 г., д. 30, лл. 1–5.
[2] ЦГИАЛ, ф. I087, оп. I, 1870 г., д. 30, лл. 44–45.
[3] Там же, лл. 56-57.
[4] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 15.

Такое явление наблюдалось и в других местах Абхазии. Так, дворянин Мырзакул Акиртаа из с. Аацы в 1870 году заявил жалобу, что 40 дымов анхаю Цугба прекратили отбывать ему повинности. Впоследствии указанные крестьяне вообще отрицали свою зависимость от Акиртаа и объявили себя дворянами[1]. Так поступили в том же селе и 27 дымов анхаю Отырба по отношению к дворянам Багба, а анхаю Малия – по отношению к Акиртаа[2]. В Абжуйской Абхазии в с. Квитаул вся фамилия анхаю Когония объявляла отношения между ней и кн. Шервашидзе как отношения между «дворянами» и «удельными» князьями[3]. В том же году крестьяне с. Члоу отказались служить князю Ачба и нести в его пользу какие бы то ни было повинности. Анчабадзе вынужден был обратиться за помощью к начальнику Сухумского отдела ген. Гейману, который «восстановил порядок военной силой»[4].

Наместник Кавказа в письме Святополк-Мирскому еще 24 августа 1866 года писал: «Старосельскому поручено подробно переговорить с вами о дальнейшем ходе крестьянского дела в Абхазии. Ввиду случившихся прискорбных событий, считаю совершенно невозможным приостановить собирание сведений по этому вопросу; бзыбцы после примерного их наказания, без сомнения, должны будут выполнить всякие наши требования; не знаю только, как пойдет дело в Цебельде и Абживском (Абжуйском. – Г. Д.) округе; но надобно настоять и поставить на своем месте, не то опять выйдет поблажка»[5]. Наместник в своем отзыве тому же кутаисскому генерал-губернатору от 9 февраля 1867 года предлагал объявить абхазскому населению, что оказанное этим населением сопротивление «не может, конечно, изменить принятого правительством решения, и что рабы и другие зависимые сословия в Сухумском отделе будут освобождены, как это и было прежде объявлено»[6].

И для царских чиновников было ясно, что, как говорил член Сухумской сословно-поземельной комиссии полковник Шредер,

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1876 г., д. 1409, лл. 3–18; д. 1408, лл. 5–15.
[2] Там же, д. 1392, лл. 2–11.
[3] Там же, д. 1389, лл. 3–5.
[4] Антелава И. Г. Из истории аграрного движения в пореформенной Абхазии. «Сообщения АН Груз. ССР», т. X, № 4. Тбилиси, 1949. – С. 252.
[5] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 230, лл. 10–11.
[6] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 20.

«устройство Абхазии является важнейшей необходимостью»[1]. Святополк-Мирский в предписании новому начальнику Сухумского отдела от 9 сентября 1866 года внушал: «Предстоящее освобождение зависимых сословий составляет в настоящее время самую главную задачу в здешнем крае, собирание сведений и показания по этому вопросу послужили поводом или предлогом к восстанию. Во всех отношениях необходимо продолжать это дело». Далее Мирский просил представить ему как можно скорее соображения по этому предмету[2]. Майор Чавчавадзе самыми верными путями к достижению «успокоения населения» Абхазии также считал «разрешение вопросов поземельной собственности и сословных прав...»[3].

Кроме того, как уже указывалось, восстание 1866 года сыграло определенную роль в дальнейшем усилении борьбы крестьянства, в особенности в тех районах Кавказского края, где крестьянская реформа не была еще проведена. Царское правительство вынуждено было, с одной стороны, еще больше спешить с проведением этой реформы и, с другой стороны, действовать осторожнее.

Подготовка к реформе в Абхазии, прерванная событиями 1866 года, официально была возобновлена в 1867 году. Полковник Старосельский еще 12 октября 1866 года писал кутаисскому генерал-губернатору Святополк-Мирскому о том, что наместник Кавказа выразил желание, чтобы сбор сведений по крестьянскому вопросу в Абхазии, «прерванный последними событиями в Абхазии, вслед за успокоением края, был бы непременно возобновлен». При этом он добавлял, что «отложение срока сбора упомянутых сведений в Абхазии и в то же время разрешение начальнику Кубанской области приостановить (в связи с восстанием 1866 года в Абхазии. – Г. Д.) на некоторое время распоряжения по крестьянскому вопросу, могут оказать вредное влияние на успешное разрешение этого же дела в областях Терской и Дагестанской, в особенности же в Кабарде...»[4]. Была учреждена Сухумская сословно-поземельная комиссия под председательством подполк. П. Краевича.

[1] Там же, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 180, лл. 179–187.

[2] Там же, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 134.

[3] Рапорт кн. Д. Чавчавадзе от 1 июня 1867 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 180, лл. 143–143 об.

[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 122–122 об.

Эта подготовка еще больше усугубила классовые противоречия между крестьянами и феодалами. Абхазское дворянство вначале было чрезвычайно встревожено вестью о крестьянской реформе, но впоследствии, когда оно убедилось в неизбежности проведения этой реформы и в Абхазии, активно втянулось в подготовительную работу для того, чтобы при проведении реформы максимально защитить свои сословные интересы. Сперва эта активность, как отмечалось, выражалась в том что дворянство путем саботажа старалось продлить подготовительную работу и этим оттянуть осуществление реформы; но затем, когда правительство потребовало ускорить представление проекта реформы, дворянство начало всячески обосновывать свои права и претензии. Это стремление абхазских феодалов нашло свое яркое отражение в докладной записке их депутатов от 23 марта 1870 года, представленной в Комитет по освобождению зависимых сословий среди горского населения Кавказа[1].

Как писал С. Л. Авалиани, «против притязаний владельцев, конечно, восставали зависимые разряды населения»[2]. Мы уже приводили сообщение А. Н. Дьячкова-Тарасова о том, что крестьяне знали уже от своих тифлисских депутатов о тенденции помещиков «и были в оппозиции к дворянам», что они заявляли: «Тавадам перестали верить»[3]. В архивах сохранились интересные документы, сообщающие многочисленные факты из истории борьбы между крестьянами и феодалами в Абхазии непосредственно накануне реформы.

Борьба эта развертывалась главным образом вокруг земельного вопроса. Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии А. Н. Введенский констатировал, что с 1866 года, предвидя скорое проведение реформы в крае, жители старались захватить как можно больше земли. Так, «это движение» очень сильно развивалось в Самурзаканском участке. Например, в бывший охотничий коджельский лес в 1868 году «вторглись» жители Цхири, Чубурисхинджи, Гудава, Репи и Шешелети, а жители Набакеви и Баргеби начали рубить набакевский лес. Сухумская сословно-поземельная

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, лл. 38–45.

[2] Авалиани С.Л. Указ. соч., т. II. – С. 74.

[3] Дьячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. – С. 204.

комиссия, рассмотрев результаты обследования положения дел в указанных селах, в ноябре того же 1868 года постановила возвратить на прежние места жительства 7 семейств, поселившихся в 1866 году на р. Сида «вопреки запрещения начальства»; 15 семейств, поселившихся в 1867 году на р. Хумушкур, и всех «произвольно поселившихся» в коджельском лесу жителей Гали, Цхири и Чубурисхинджи. Это постановление комиссии было приведено в исполнение начальником Сухумского отдела, но «в полной силе оно продолжалось не долго». «Произвольные захваты» еще больше усилились, а в конце 70-х годов, по словам самих крестьян, они носили характер «сильного расселения» жителей[1]. В Абжуйской Абхазии известно смелое выступление крестьянина с. Джгерда Кублуха Агумаа против крепостнического характера крестьянской реформы[2].

Абхазские крестьяне по прежнему не мирились и с колониальной политикой самодержавия. Из ведомости о числе местных жителей, содержавшихся в 1868 году под арестом «за разные преступления», видно, что за «дерзость против начальства и неповиновение» было арестовано 8 чел., из которых крестьян было 6 чел.[3]

19 февраля 1871 года в Абхазии было объявлено об отмене крепостного права[4]. Здесь эта реформа» как и по всей Грузии, была еще более грабительской, чем в России. А по поводу положения русского крестьянства после реформы В. И. Ленин писал: «Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России»[5].

Грабеж по случаю так называемого освобождения, мошенническое сколачивание помещиками капитала из крестьянских выкупных, разбой и обман, – так характеризовал и К. Маркс грабительскую сущность крестьянской реформы 1861 года в России[6].

За счет абхазского крестьянства был закреплен прочный союз между царизмом и основным контингентом местных феодалов, по-

[1] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 49, лл. 63-65.

[2] Арх. Абхазского института, ф. 1, д. 94, л. 10; д. 117, лл. 22.

[3] «Кавказский календарь на 1870 г. – С. 420.

[4] «Положение о прекращении личной зависимости и о поземельном устройстве населения в Сухумском отделе» было утверждено 8 ноября 1870 г.

[5] Ленин В.И. Соч., т. 17. – С. 65.

[6] «Архив Маркса и Энгельса», т. XII. – С. 88, 98.

кончивших со своими сепаратистскими настроениями. Проводя реформу, царизм стремился повсюду обеспечить интересы дворянства. Реформа, проведенная на выгодных условиях для последнего, еще больше закабалила крестьян: они получили земли гораздо меньше, чем имели до «освобождения». В частности, крестьяне анхаю, являвшиеся наиболее свободными из всех зависимых крестьян Абхазии, поголовно должны были в качестве «временнообязанных» доставлять помещику скот, кукурузу (около 16 пудов), вино (около 10 ведер), исполнять полевые работы и пр. Показательно, что накануне утверждения положения о крестьянской реформе в Абхазии представители абхазского дворянства умоляли, чтобы крестьяне «непременно тотчас же выкупились», так как, рассуждали они, оставшиеся в обязанных отношениях «весьма будут плохо отбывать прежние повинности», добавляя при этом, что если крестьянам предоставить выбор выкупа или обязательных отношений на «волю», то, «может быть, ахоую и многие выкупятся, но из анхаю, наверное, никто».

Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии полковник П. Краевич, сообщавший об этом факте, писал еще об одном весьма показательном откровенном заявлении помещиков. Представители последних, объясняя «основную причину всех их домогательств», высказали А. В. Пахомову, что какие бы и где бы правительство ни дало им земельные наделы, но «если только низшие сословия будут вполне обеспечены землею для своей потребности, то положение их, высшего сословия, будет все-таки и надолго еще весьма стеснительным, так как земли эти останутся и без рабочих, и без арендаторов. Они же сами к работе не привыкли, а денежных средств для обработки земли чужими руками у них нет»[1].

Группа крестьян в заявлении от 7 ноября 1882 года наместнику Кавказа по уполномочию 1.500 крестьянских дворов сел Гали, Чубурисхинджи и Гудава, Самурзаканского участка, писала, что Сухумская сословно-поземельная комиссия создала новое положение, а именно: «Земли и угодья, в продолжение веков занимаемые крестьянами, отвела в собственность князьям, а крестьянам отвела, до которых не касались рука и труд человека.

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп.3, 1866 г., д. 1014, лл. 33-33 об.

Мало того, что этим несправедливым действием лишила нас труда удобренных пахотей и лугов, но к вящему отягощению нашего положения... в границы участков, отведенных князьям, включила во многих местах: дома, виноградные сады, усадьбы и даже церкви и мельницы наши...»[1]. В жалобе от 4 октября 1882 года указанные крестьяне также заявляли: «Мы поставлены от всего этого в такое положение, что не можем уже существовать, потому что усадьбы наши, сады, дома, пастбища и все, чем мы жили и существовали, все это отдано высшему сословию, даже дороги к водопою, доступ к морскому берегу и лучшие пахоты взяты от нас и отданы дворянам, которые начали уже обращаться с нами, как с своими крепостными людьми, требуя с нас платы за пастьбу скота и пользование лесом...»[2].

И все же реформа была шагом вперед в историческом развитии всей страны, так как она была по своему содержанию буржуазной реформой, хотя и проводилась в жизнь руками крепостников и крепостническими методами. «Это, – писал В.И. Ленин, – был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию. Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем меньше урезывались крестьянские земли, чем полнее отделялись они от помещичьих, чем ниже был размер дани крепостникам (т. е. «выкупа»), чем свободнее от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности. Поскольку крестьянин вырывался из-под власти крепостника, постольку он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала. И после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых странах Европы целые века»[3].

В Абхазии, в частности, внутренние процессы, стимулировавшие разложение феодально-крепостнических отношений еще до реформы, получили, хотя и очень ограниченное, но все же официальное признание, и уже в первый период после объявления ре-

[1] Там же, ф. 231, оп.2, д. 49, лл. 16 об – 17.
[2] Там же, л. 22.
[3] Ленин В.И. Соч., т. 17. – С. 95-96.

формы здесь наступило определенное хозяйственное оживление. Неблагоприятные условия, характерные для пореформенного периода Абхазии и всей Грузии, не могли приостановить процесса развития буржуазных отношений. Растущее массовое самосознание трудящихся масс Абхазии, обострение классовой борьбы являлось залогом движения этих масс вперед к своему подлинному освобождению в единых рядах с русским, грузинским и другими народами нашей страны.

Маркс К. Капитал, т. I и III.
Маркс К. Подготовка крестьянской реформы в России. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.. т. XI, ч. I.
Маркс К. Об освобождении крестьян в России. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XI, ч.1.
Маркс К. Конспект книги Гастгаузена «Сельское устройство России». «Архив Маркса и Энгельса», т. XII.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.
Ленин В. И. К вопросу об общенациональной революции. Соч., т. 12. Ленин В. И. Крестьянская «реформа» и пролетарски-крестьянская революция. Соч., т. 17.
Ленин В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права. Соч., т. 17. Ленин В. И. По поводу юбилея. Соч., т. 17.
Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952.
Хрущев Н. С. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. Госполитиздат, 1956.

Неопубликованные

Центральный Государственный военно-исторический архив
Фонд Военно-ученого архива, дела 1083, 4034, 6234, 6239, 6312, 6329, 6331, 6339, 6349, 6381, 6392, 6411, 6417, 6434, 6435, 6470, 6540, 6541, 6597, 6668, 18490, 18509–18514, 23678, 45240, 103212, 35–692, 40–192, 42–601, 42–972, 42–976, 44-352, 62-601 и др.
Фонд Главного штаба, дела 35, 36, 39, 41, 47, 54.
Фонд Генерального штаба по делам кавказским..., дела 12, 16, 25, 192, 879.
Фонд Инспекторского департамента, д. 546.
Фонд Кавказской войны, дела 110. 127.
Из фонда № 283 дела 151, 4885.
Центральный Государственный исторический архив
Фонд Михаила Николаевича (великий князь), дела 230, 402, 409, 612.
Фонд Александра Николаевича (Александр II), дела 14, 607, 608, 610–612.
Фонд Зимнего дворца, дело 2732/а.
Фонд Шервашидзе, дела 15, 24, 32.
Центральный Государственный исторический архив Ленинграда
Фонд Шервашидзе, дела 29, 30, 36, 37.
Фонд Кавказского комитета, дела 30, 74, 76, 82, 99, 109, 111, 136, 155, 167.
Фонд Сената департамента герольдии, дело 968.
Центральный Государственный исторический архив Грузинской ССР
Фонд Военно-исторического отдела Кавказского военного округа, дело 36.
Фонд Департамента Главного управления главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, дело 1381.

Фонд Департамента общих дел Главного управления наместника кавказского, дело 7.

Фонд Кавказской археографической комиссии, дела 7, 8, 11, 23, 26, 40, 76, 150, 177, 178, 180, 182, 183, 185, 187, 188, 190, 191, 398, 403, 606, 607, 622, 745, 962, 1010–1020, 1033, 1038, 1083, 1213, 1913 и др.

Фонд Кавказского военно-народного управления, дела 6. 75, 76, 107, 180, 181, 246, 247, 252, 257, 258, 273, 307, 313, 314, 324, 422, 435, 574, 614, 615, 753, 954, 966, 986, 996, 1038 1389, 1392, 1408, 1409, 2638, 2784, 2796, 2799, 2800, 2801, 3103 и др.

Фонд Канцелярии главноуправляющего Закавказским краем, дело 5329.

Фонд Канцелярии наместника кавказского, дела 190, 652, 677, 753, 1473, 1476.

Фонд Канцелярии по делам устройства крестьян при Главном управлении главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, дела 778, 877, 1076.

Фонд Канцелярии Главного начальника гражданского управления северо-восточного берега Черного моря, дело 28.

Фонд Канцелярии начальника Черноморской береговой линии, дела 69, 70.

Фонд Главного штаба Кавказской армии, дела 74, 177, 225, 518, 882.

Фонд Особо важных дел, дела 34, 36, 41, 43, 48.

Фонд Комиссии для окончания сословно-поземельных дел в частях Кавказского края по военно-народному управлению, дела 49, 253, 258, 262, 264, 271, 415 и др.

Фонд Военно-исторического отдела Кавказского военного округа, дела 29, 36, 346.

Фонд Контрольного департамента Главного управления наместника кавказского, дело 11.

Фонд Штаба местных войск Кавказского военного округа, дело 118.

Фонд Штаба войск Кавказской линии и Черноморья, дело 1033.

Фонд Управления кутаисского военного губернатора, дело 11.

Фонд Инспекции школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе, дела 18, 20, 71,

Фонд Общества восстановления православного христианства на Кавказе, дела 77, 96, 160, 161.

Центральный Государственный архив древних актов

Фонд Воронцовых, дела 1261, 1333, 1381, 1663.

Фонд Ермоловых, дела 256, 267.

Ленинградский филиал Центрального Государственного военно-исторического архива

Фонд Науч.-справоч. библ., книги 7096, 7109–7111 и др.

Архив Академии наук СССР в Ленинграде

Фонд Н. Ф. Дубровина, дело 274.

Фонд П. К. Услара, дело 107.

Государственный архив Краснодарского края

Фонд Черноморской береговой линии, дела 19, 122, 124, 125, 170, 297, 394 , 480, 558, 561, 619, 655, 706, 709, 717, 740, 749, 756, 757, 761, 818, 1209, 1212, 1364, 1674.

Фонд Канцелярии войскового атамана Черноморского казачьего войска, дела 1, 2.

Фонд Канцелярии помощника начальника Кубанской области по управлению горцами, дела 517, 527, 593.

Фонд библиотеки, инв. 1629 и 1630 – Приказы по Кавказскому военному округу за 1866 г.

Центральный государственный архив Абхазской АССР

Фонд Сухумской сословно-поземельной комиссии, дела 5, 7.

Фонд Сухумского окружного управления, дело 1.

Фонд Сухумской епархии, дела 5, 15, 24.

Фонд Сухумской таможни, дело 7.

Рукописное отделение Государственной Библиотеки имени В. И. Ленина

Фонд Д. А. Милютина, шифры 1424/2, 10499/1.

Рукописное отделение Государственной Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина

Бумаги П. Д. Эльпидова, т. VII, ОИПБ за 1898 г., Спб, 1912;

И. В. Помяловского, ОИПБ за 1907 г., Спб, 1914.

Апрелев В. П. Два года в Абхазии. Историко-этнографический опыт, ноябрь 1868 г. Шифр F IV. 551/54.

Крыжановский М. Последний абхазский бунт. Очерк событий 1877 г. Шифр F. IV. 837.

Рукописное отделение Государственного музея Грузии имени акад. С. Н. Джанашиа

Фонд М. Туманова, дело 376.

Фонд Е. Г. Вейденбаума, дела 33, 34 , 357, 422, 461, 466, 622 и др.

Кабинет истории СССР Сухумского Госпединститута имени А. М. Горького

Предание об убийстве Манучара Шервашидзе, рукопись.

Архив Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР

В фондах Отдела истории и этнографии (№ 1) и Отдела языка и литературы (№ 2) хранятся разнообразные материалы, накопившиеся в результате научных командировок и экспедиций научных сотрудников института за период его существования (с 1931 г.), в том числе и оригинальные документы.

Особое место занимают копии архивных материалов, выявленных в центральных и периферийных архивах страны. В частности, здесь имеются весьма ценные документы, выявленные А. В. Фадеевым в 1934–1935 гг. в архиве б. Министерства иностранных дел России (МИД) и в Центральном военно-историческом архиве (ЦГВИА).

В рукописном отделении библиотеки института хранятся работы сотрудников института, из которых использованы рукописи: А. В. Фадеева «Материалы по истории Абхазии первой половины XIX в.», Д. И. Гулиа «Материалы к вопросу о духовной культуре абхазов, И. А. Аджинджал «Кустарные и ремесленные промыслы в дореволюционной Абхазии», И. А. Аджинджал и И. Е. Адзынба «Материальный быт абхазской деревни до революции» и др.

Из архива б. Министерства иностранных дел России использованы, кроме хранящихся в архиве Абхазского института копий документов, следующие дела из фонда «Сношения России с Турцией»: 656, 1083, 2247, 2250.

Просмотрены материалы и привлечены отдельные сведения также из Центрального Государственного военно-морского архива (ЦГАВМФ):

Фонд Абхазской экспедиции, дела 3, 11, 13, 23, 25, 37, 41, 43, 47, 51, 89.

Фонд Штаба командующего Черноморским флотом, дела 30, 49.

Фонд Департамента Морского министерства, дела 4244, 4307.

Фонд Инспекторского департамента, дела 25, 1927, 4010, 4250, 4340, 4956.

Фонд графа Чернышева, дела 16, 24, 26, 172, 318.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

На русском языке

(Абрюцкий). Статистический взгляд на Абхазию. «Тифлисские ведомости», 1831, №№ 24–29.

Абхазия. «Кавказ», 1866, № 80.

Авалиани С. Л. Крестьянский вопрос в Закавказье, т. I, 1912, т. II, 1913, Одесса; т. IV, Тифлис.

Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866, №№ 70, 72, 74, 76, 77, 80, 81.

Агума Я. Состояние и перспективы развития пчеловодства в Абхазии. Изд. ИАК АН СССР – Абгиз, Сухуми, 1938.

Аджинджал И. А. и Адзынба И. Е. Материалы по изучению одежды абхазов. «Труды Абхазского Государственного музея», вып. I. Сухуми, 1947.

Аджинджал И. А. Жилища абхазов. Абгосиздат, Сухуми, 1957.

Аджинджал И. А. Материалы к изучению резьбы по дереву, рогу, кости, камню и металлу в дореволюционной Абхазии. «Труды Абхазского Государственного музея», вып. II. Сухуми, 1957.

Акты, собранные Кавказской археологической комиссией, т. I–XII. Изд. Архива Главного управления наместника кавказского. Тифлис, 1866 – 1904.

Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района. «Кавказский этнографический сборник», 1. Изд. АН СССР, М., 1955.

Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии. «Живая старина», вып. III. Спб, 1893.

Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII веков. Изд. АН Грузинской ССР, Сухуми, 1949.

Антелава И. Г. Из истории аграрного движения в пореформенной Абхазии. «Сообщения АН Грузинской ССР», т. X, № 4. Тбилиси, 1949.
Антелава И. Г., Дзидзария Г. А., Олонецкий А. А. Из истории крестьянской реформы в Абхазии. «Исторический архив», т. V. М.–Л., 1951.
Антелава И., Дзидзария Г. Материалы к истории Абхазского княжества. «Исторический вестник», 7. Тбилиси, 1953.
Антология Абхазской поэзии. Москва, 1958.
Анчабадзе З. В. Социальное положение тльфокотлей и их классовая борьба в адыгейском обществе первой половины XIX в. «Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР», II. Тбилиси, 1956.
Бакрадзе Дм. Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии. «Кавказ», 1860, №№ 48–49.
(Бартоломей И. и Мачавариани Д.). Нечто о Самурзакани. ЗКОРГО, кн. VI. Тифлис, 1864.
Басария Симон. Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе (К материалам по изучению абхазских племен). Сухум, 1929.
(Бгажба Х. С., Дзидзария Г. А., Колаковский А. А. и др.). Сухуми. Краткий историко-краеведческий очерк. Абгиз, Сухуми, 1955.
Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе. I – Абхазское племя (азега). «Кавказский календарь на 1858 год». Тифлис, 1857.
Бердзенишвили Н. Очерк из истории развития феодальных отношений в Грузии (XIII–XVI вв.). Тбилиси, 1938.
Бжания Ц. Н. Скотоводческое хозяйство в Абжуа (По этнографическим материалам). Автореферат кандидатской диссертации. Сухуми, 1954.
Бороздин К. А. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. Спб, 1885.
Бороздин К. Омер-паша в Мингрелии (Рассказ очевидца). «Военный сборник», №5, 1875.
Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I. М., 1823. .
Бурчуладзе Е. Е. Крушение англо-турецких захватчиков и Грузии в 1855–1856 гг. «Вопросы истории», № 4, 1952.
Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг ., ч. III. Спб, 1869.

Варгас-де-Бедемар А. Записка об осмотре западного черноморского берега Закавказского края. ЗКОСХ, №№ 3 и 4, 1867.
Васильев А. В. Дикорастущие плодовые и пищевые древесные породы Абхазии. Изд. ИАК АН СССР, Сухуми, 1938.
Васильев Е. Черноморская береговая линия 1834–1855 гг. «Военный сборник». №9, 1874.
(Введенский А. Н.). О положении Абхазии в религиозном отношении. «Кавказ», 1868, № 5.
(Введенский А. Н.). Абхазцы (азега). По поводу сочинения г. Дубровина: «Очерк Кавказа и народов его населяющих». ССКГ, вып. VI. Тифлис, 1872.
(Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. ССКГ, вып. VI. Тифлис, 1872.
Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874.
Верещагин А. В. Обзор Черноморского прибрежья Кавказа в сельскохозяйственном отношении. Спб, 1885.
Верещагин А. В. Влияние сухопутных и морских сообщений на колонизацию и развитие Черноморского прибрежья Кавказа. Спб, 1885.
Верещагин А. В. Исторический обзор колонизации Черноморского прибрежья Кавказа и ее результат. Спб. 1885.
Волконский Н. 1840, 1841, 1842 гг. на Кавказе. «Кавказский сборник», т. XIII.
Воробьев Н. И. Указатель сочинений о Черноморском побережье Кавказа, вып. I. Пгр. 1915.
(Воронцов-Дашков И. И.). Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. Тифлис, 1907.
(Воскобойников и Гурьев). Отчет горных чиновников Воскобойникова и Гурьева о геогностических исследованиях в Черномории и на восточном берегу Черного моря. «Горный журнал», № 9. Спб, 1833.
Восстание в Абхазии. «Кавказ», 1866, № 68.
(Гавриил). Из путешествия архиепископа имеретинского Гавриила для обозрения абхазских и самурзаканских приходов. «Кавказ», 1869, №№5-6 и 12-15.
(Гавриил). Обозрение абхазских приходов в 1869 г. имеретин. епископом Гавриилом. «Кавказ», 1869, №№ 42–44.

Гавриил, епископ Имеретии. Обозрение абхазских и самурзаканских церквей в 1870 г. Путевые заметки. «Кавказ», 1870, №№ 136, 137, 142.

Гакстгаузен Д. Закавказский край, ч. I–II. Спб, 1857.

Гарданов Б. А Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. Нальчик, 1956.

Гвритишвили Д. В. Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии (Сатавадо-сеньерии). Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1952.

Генко А. Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. Изд. АН СССР, М., 1955.

Генко А. Н. О языке убыхов. «Известия АН СССР». Изд. АН СССР, Л., 1928, Отд. гуманитарных наук.

Герсеванов Ал. Страницы из недавнего прошлого Абхазии. «Закавказье», 1910, №91, Тифлис.

Гизетти А. Л. Хроника кавказских войск, ч. II. Тифлис, 1896.

Гизетти А. Л. Библиографический указатель печатным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе. Спб, 1901.

Горец. Черкесы в Турции. «Кавказ», 1877, № 134.

Греков Б. Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. Соцэкгиз, М.–Л., 1940.

Гугушвили П. В. Сельское хозяйство и аграрные отношения, т. 1, 1938; т. II, 1950, Тбилиси (АН Грузинской ССР. Социально-экономическая история Грузии. 1801 –1921 гг. Источники и материалы).

Гугушвили П. В. К истории чайной культуры в Грузии и на Кавказе. «Сообщения АН Грузинской ССР», т. VI. №2. Тбилиси, 1945.

Гугушвили П. В. Развитие промышленности в Грузии и Закавказье в XIX–XX вв., I. Тбилиси, 1957.

Гукасянц Л. Поземельное дело в Сухумском округе. «Кавказское сельское хозяйство», №№ 78–79. Тифлис, 1895.

Гулия Д. История Абхазии, т. I. Тифлис, 1925.

Гурьев. О нахождении лигнита в Абхазии. «Горный журнал», ч. III, кн. V. Спб. 1843.

Г. С. Возвращение. «Кавказ», 1852, №№ 71–72, 74, 76–77.

(Гюльденштедт И. А.). Географическое и историческое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия г-на академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. Изд. Акад. наук, Спб., 1809.

Дадиани Николай. Картвелта цховреба (История Грузии или жизнь Грузии), в переводе Е. С. Такайшвили. СМОМПК, вып. 31. Тифлис, 1902.

Державин Н. Абхазия в этнографическом отношении. СМОМПК, вып. 37, отд. I, 1907.

Джавахов Ив. Политическое и социальное движение в Грузии в XIX в. Спб, 1906.

Джанашия Н. Религиозные верования абхазов. «Христианский восток», т. IV, вып. I. Пгр, 1915.

Джанашия Н. Абхазский культ и быт. «Христианский восток», т. V. Пгр, 1917.

Джанашиа С. Н. Давид Чхотуа и его очерки о поэме Руставели. «Сборник Руставели. К 750-летию Вепхис-ткаосани». Тбилиси, 1938.

Джанашвили М. Абхазия и абхазцы (Этнографический очерк). ЗКОРГО, кн. XVI. Тифлис, 1894.

Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Изд. Абгиза. Сухуми, 1940.

Дзидзария Г. А. Соломон Теймуркович Званба. Биографическо-библиографический очерк. С. Т. Званба. Этнографические этюды. Сухуми, 1955.

Дзидзария Г. А. Антифеодальные крестьянские выступления в предреформенной Абхазии. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР». XXVI. Сухуми, 1955.

Дзидзария Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии. Изд. Абгиза. Сухуми, 1955.

Дзидзария Г. А. Крепостные крестьяне в предреформенной Абхазии (Категория ахоую). «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXVII, 1956.

Дзидзария Г. А. Ахашвала (ахашәала) – самая низшая социальная категория феодальной Абхазии XIX в. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXVIII. Сухуми, 1957.

Дзидзария Г. А. Развитие торговли в Абхазии в XIX в. (До крестьянской реформы 1870 г.). «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXVIII. Сухуми, 1957.

Дзидзария Г. А. Культурные сдвиги в Абхазии в XIX в. (До крестьянской реформы 1870 г.). «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXVIII. Сухуми, 1957.
Дзидзария Г. А. Домашняя промышленность и ремесло в Абхазии в XIX в. (До крестьянской реформы 1870 г.). «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXIX, Сухуми, 1958.
Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. (До крестьянской реформы 1870 г.). Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1958.
Дзидзигури Л. М. Крестьянская реформа в Абхазии. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1953.
Документы по истории Грузии (1862–1917), т. I, ч. I, под ред. проф. Ш. К. Чхетия. Архивное управление МВД Грузинской ССР, Тбилиси, 1954.
Дружинин Н. М. Конфликт между производительными силами и производственными отношениями накануне реформы 1861 года. «Вопросы истории», № 7, 1954.
Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1., кн. 1–III, 1871; т. VI, 1888, Спб.
Дубровин Н. Закавказье от 1803–1806 года. Спб, 1866.
Дюбуа де Монперэ Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Сухуми, 1937.
Дюкруаси. Краткое описание главных торговых путей сообщения Закавказского края. ЗКОРГО, кн. I, 1852.
Дьячков-Тарасов Н. Несколько слов о заселении Цебельды. «Кавказ», 1868, № 129.
Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности. ЗКОРГО, кн. XXIV, вып. I, 1903.
Дьячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. ЗКОРГО, т. XX, 1910.
Евецкий Орест. Статистическое описание Закавказского края, ч. I–II. Спб, 1835.
Ерицев А. Д. Исторический очерк политических сношений России с кавказскими провинциями. «Кавказ», 1875, №№ 88, 90, 97.
Ермолов Д. П. Записки, ч. II. 1816–1827 гг. М., 1868.
Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. «Кавказ», 1867, №№ 39–61, 63.

Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. Госполитиздат, М., 1954.
Званба С. Т. Этнографические этюды. Сухуми, 1955.
Зубарев Д. Абхазия. «Русский вестник», т. V. Спб, 1842.
(И. Н.). Абхазия и в ней Новоафонский Симоно-Конанитский монастырь. М., 1898.
Иваненко В. Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества в. кн. Михаила Николаевича. Тифлис, 1901.
Инал-ипа Ш. Д. Об абхазских нартских сказаниях. «Труды Абхазского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР», XXIII. Сухуми, 1949.
Инал-ипа Ш. Д. К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXV. Сухуми, 1954.
Инал-ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954.
Инал-ипа Ш. Д. Воспитание ребенка по обычаю аталычества у абхазов. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXVI. Сухуми, 1955.
Инал-ипа Ш. Д. Социальная сущность аталычества в Абхазии. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXVII. Сухуми, 1956.
Из Абхазии. «Кавказ», 1866, № 69; 1867, № 40.
Из Сухума (сведения). «Морской сборник», XXII, № 6, 1864.
Иоакимов А. Абхазцы. «Кавказ», 1874, № 39.
Иона, иеромонах. О новых успехах христианства в Абхазии. «Кавказ», 1870, №94.
История Кабарды. Москва, 1957.
Калантаров Г. Крепостное право в Грузии в начале настоящего столетия. ССК, т. II. Тифлис, 1872.
Кварацхелия Т. К., проф. Сельскохозяйственные районы Абхазии, вып. I. «Известия Абхазской сельскохозяйственной опытной станции», № 40. Сухум, 1930.
Кварацхелия Т. К. К изучению абхазских сортов винограда. Сухум, 1934.
Квиквидзе А. Я. Общественно-политическое движение в Грузии в XIX веке (Национально-освободительная борьба). Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1952.

Ковалевский Евг. Очерки этнографии Кавказа. «Вестник Европы», т. III. Спб, 1867.
Кодифицированный свод о зависимых сословиях по Кубанской области. «Кубанские войсковые ведомости», 1867, № 15.
Колюбакин И. Об Абхазии. «Кавказ», 1853, №71.
Корреспонденция «Кавказа». «Кавказ», 1866, №№ 69 и 70.
Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. «Кавказский этнографический сборник», I. Изд. АН СССР, М., 1955.
(Краевич П.). Освобождение зависимых сословий в Сухумском отделе (Абхазия и Самурзакани). ССКГ, вып. V. Тифлис, 1871.
Кудрявцев К. Материалы по истории Абхазии. Сухум, 1926 (на титульном листе ошибочно: 1922 г.).
Кумыкин Т. К вопросу об общественном строе Кабарды накануне реформы 1861 года. «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», т. IX. Нальчик, 1954.
Кучаев ДА. Феодализм и закрепощение в Закавказье. «Русский вестник», январь и март 1893 г.
(Лаврентьев А. Н.). Статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства. «Военно-статистическое описание губернии и областей Российской империи», т. XVI, ч. 5. Спб, 1858.
Лавров Л. И. Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII–XIX веках. «Советская этнография», № 4, 1948.
Лавров Л. И. Земледелие на Северо-Западном Кавказе. Сб. «Материалы по истории земледелия СССР». Изд. АН СССР, М., 1952.
Лавров Л. И. Абазины (Историко-этнографический очерк). «Кавказский этнографический сборник», 1. Изд. АН СССР, М., 1955.
(Ламберти Арканджело). Описание Колхиды. СМОМПК, вып. 43, 1913.
Линден В. Сухумский округ. «Кавказский сборник на 1917 год», отд. справочный (отдел общий–V). Тифлис, 1916.
Люлье Л. Я. Черкессия. Историко-этнографические статьи. Изд. общества изучения Адыгейской автономной области. Краснодар, 1927.
Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. I. Огиз –Госиолитиздат, 1947.
Малеев В. П. Древесные экзоты Абхазии и их лесоводственное значение. Сб. «Абхазия. Геоботанический и лесоводственный очерк». Изд. АН СССР, М.–Л., 1936.

Маркова О. П. Финансово-экономическое обследование Грузии в первой трети XIX в. «Исторические записки», т. 30, 1949.
Маркова О. П. Восстание в Кахетии в 1812 г. Изд. АН СССР, М., 1951.
Марр Н. Я., акад. О языке и истории абхазов. Изд. АН СССР, М.–Л., 1938.
Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. Венден, 1913.
Махарадзе Ф. Грузия в XIX столетии. Краткий исторический очерк. Заккнига, 1933.
Махарадзе Н. Б. Восстание в Имеретии в 1819–1820 гг. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. III. Изд. АН Груз. ССР, Тбилиси, 1942.
Мачавариани К. Абхазские вина. ТКОСХ, № 3. Тифлис, 1888.
Мачавариани К. Очерки Абхазии. «Черноморский вестник», №№ 254, 279, 1899.
Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель но Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913.
Миансаров М. Bibliograpliia Caucasia et Trauscaucasica. Опыт справочного систематического каталога печатным сочинениям о Кавказе, Закавказье и племенам, эти края населяющим, т. I. Спб, 1874–1875.
Микава А. Л. Социально-экономическое положение Мегрельского княжества в первой половине XIX века. Автореферат кандидатской диссертации. Изд. АН Грузинской ССР. Тифлис, 1954.
Миллер А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. «Материалы по этнографии России», т. I. Спб, 1910.
Михайловский–Данилевский А. И. Полн. собр. соч., т. III. Спб, 1849.
Мочалов В. Д. Крестьянская реформа в Закавказье. «Доклады и сообщения института истории АН СССР», вып. 3. М., 1954.
Мочалов В. Д. Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в. Изд. АН СССР. М., 1958.
Муравьев Н. Н. Война за Кавказом в 1855 году, т. II. Спб, 1877.
Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству в Абхазии. ССКГ, вып. IV, 1870.
(Нордман А. Д.). Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю. «Журнал Министерства народного просвещения», № 11. Спб, 1838.

Образцов П. Из отголосков прошлого (Воспоминания абхазского крестьянина). «Сотрудники Закавказской миссии», № 1. Сухум, 1914.
Освобождение зависимых сословий в Сухумском отделе (Абхазии и Самурзакани). ССКГ, вып. V, 1870.
Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани (Извлечение из трудов Сухумской сословно-поземельной комиссии, представленных в 1869-м году). ССКГ, вып. III, 1870.
Очерк истории Адыгеи, т. I. Майкоп, 1957.
Олонецкий А. А. Православная церковь как орудие колониальной политики царизма в Абхазии. «Материалы по истории Абхазии», вып. XV. сб. I. Изд. АбНИИ АН СССР. Сухуми, 1939.
Олонецкий А. А. Сухуми в первой половине XIX столетия. «Труды Абхазского Государственного музея», вып. I. Сухуми, 1947.
Олонецкий А. А. К вопросу о крестьянской реформе в Абхазии. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXV. Сухуми, 1954.
Олонецкий А. А. Из истории великой дружбы (Очерки из истории грузино-русских взаимоотношений в первой половине XIX столетия). Тбилиси, 1954.
Отчет о ходе внешней торговли по Сухум-Кальскому карантинно-таможенному округу за 1847 г. «Кавказ», 1848, №11.
Отчеты Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1865 и 1867 гг. Тифлис, 1866 и 1868.
Пагирев Д. Д. Предметный указатель к «Перечню некоторых книг, статей и заметок о Кавказе». ЗКОРГО, кн. XXX, добавление. Тифлис, 1914.
Пахомов А. Очерки Абхазии в сельскохозяйственном отношении ЗКОСХ, вып. 1 и 2. Тифлис, 1867.
Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. ЗКОСХ, вып. I и 2. Тифлис, 1868.
Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах, в изложении Е.Д. Фелицына. Изд. общества изучения Адыгейской автономной области. Краснодар, 1927.
Пирцхалашвили А. Г. Имеретия и Гурия в период 1804–1840 гг. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. I. Тбилиси, 1942.

Покровский М. В. Русско-адыгейские торговые связи. Адыгейское книжное издательство, Майкоп, 1957.
Полиевктов М. А. Европейские путешественники по Кавказу. 1800–1830 гг. Архив управл. МВД Грузинской ССР, Тбилиси, 1946.
Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. II, вып. IV. Спб, 1886.
(Потто В.). История 44-го драгунского нижегородского полка, т. III. Спб., 1894.
(Потто В.). Утверждение русского владычества на Кавказе, под ред. ген.-м. В. Потто, т. III, ч. II. Тифлис, 1904.
Приказ по Кубанскому казачьему войску от 13 августа (1866 г.), № 77. «Кубанские войсковые ведомости». 1866, № 41.
Приказы по Кавказскому военному округу. «Кавказ», 1866, № 68; 1867, №188.
Проценко Ю. Вопрос о кавказских железных дорогах. «Кавказ», 13(25) декабря 1868 г., № 146.
Прудков Е. Из Сухума. «Кавказ», 1870, №№ 82, 96, 97 и 106.
Прудков Е. Очерки Цебельды. «Кавказ», 1870, №№ 87 и 89.
Прудков Е. О табаководстве. «Кавказ», 1874. № 54.
ПСЗРИ, т. XI (изд. 2-е), т. XIX (1830 г.).
Пушкарев С. О виноградниках и виноделии в Абхазии. «Кавказ», 1852, №№ 27–29.
Пушкарев С. Краткий очерк портов северо-восточного берега Черного моря и торгового на этом берегу мореплавания. ЗКОРГО, кн. II, 1853.
(С. И. Пушкарев). Приложения к статье С. И. Пушкарева «Краткий очерк портов северо-восточного берега Черного моря», ЗКОРГО, кн. II, 1853.
Пушкарев С. Абхазия и абхазцы. «Кавказ», 1854, № 61.
Пушкарев С. Еще раз об Абхазии. Письмо редактору газеты «Кавказ». «Кавказ», 1854, № 99.
(Радде Г. И.). Предварительный отчет о путешествии д-ра Г. Радде по Кавказу летом 1865 года. ЗКОРГО. кн. VIII, 1873.
Радожицкий Ил. Взгляд на флору восточного берега Черного моря. «Журнал садоводства», № 5. М., 1842.
(Ракович, поруч.). Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Тифлис, 1900.

Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., 1949.
Русский биографический словарь. Спб. 1911, стр. 100 – М. Г. Шервашидзе.
Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа, кн. II, 1847; кн. III, 1850, Спб.
Свешников В. Из письма о Сухуме. «Кавказ», 23 декабря 1853 г., №95.
Семененко Павел. Экономический очерк. «Кавказ». 1874, № 44.
Семин О. Великая годовщина. Аграрный вопрос и крестьянская (крепостная) реформа на Кавказе. Киев, 1911.
Сихарулидзе Ю. М. Крестьянское восстание в Гурии 1841 года. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1953.
Смирнова Я. С. Аталычество и усыновление у абхазов в XIX–XX вв. «Советская этнография», № 2, 1951.
Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX–XX вв.). «Кавказский этнографический сборник», I. Изд. АН СССР, М., 1955.
Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», №№9–10, 1872; №№ 4–7, 9, 1874.
Соковнин. Мысли о Сухуме. «Морской сборник», XXVI, № 14, 1856.
Стебеницкий И. Статистическая таблица Кавказского края. «Кавказский календарь на 1867 год». Тифлис, 1866.
(Стефанов Т. Т.). Михайловский крепостной пехотный батальон Кавказе. 1819–1906. Юбилейный выпуск. Составил Т. Т Стефанов. Батум, 1906.
Тимофеев С. Н. Очерк виноградарства и виноделия в Сухумском округе. «Сб. сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе», вып. IV. Тифлис, 1896.
(Торнау Ф. Ф.). Воспоминания кавказского офицера, ч. I–II. М., 1864.
Торопов Н. Опыт медицинской географии Кавказа. Спб, 1864.
Торопов Н. Сухум и его лихорадочность. ЗКОРГО, кн. VI, 1864.
Уварова, графиня. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия и Псковский участок. Путевые заметки, ч. II. М., 1891.
Услар П. К. Гурийский отряд в 1855 году. «Кавказский сборник», т. V. Тифлис, 1880.
Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, I. – Абхазский язык. Тифлис, 1887.

Утверждение наше в Абхазии. «Кавказский сборник», т. XIII. Тифлис, 1889.
Ушаков Н. И. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах, ч. I. Спб, 1836.
Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии, т. I. Сухум, 1931.
Фадеев А. В. К вопросу о феодализме в Абхазии. Сухум, 1931.
Фадеев А. В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932.
Фадеев А. В. Меч и золото на берегах Абхазии. Сухум, 1933.
Фадеев А. В. Крестьянское восстание 1866 года в Абхазии. «Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения», вып. II. Сухум, 1934.
Фадеев А. В. Крестьянская «реформа» в Абхазии. «Известия Академии наук СССР», № 7, 1935.
Фадеев А. В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. «Исторический сборник», № 4. Изд. АН СССР, Л., 1935.
Фадеев А. В. Абхазия в первой четверти XIX века. «Труды Одесского Госуниверситета. История», т. I. Одесса, 1939.
Фадеев А. В. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года. «Материалы по истории Абхазии», вып. XV, сб. I. Изд. АбНИИ АН СССР, Сухуми, 1939.
Фадеев А. В. Социально-экономические предпосылки внешней политики царизма в период «восточного кризиса» 20-х годов XIX в. «Исторические записки», № 54, 1955.
Фадеев А. В. Кавказ в системе международных отношений 20–50 гг. XIX в. М., 1956.
Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. Изд. АН СССР, М., 1958.
(Филипсон Г. И.). Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. «Русский архив», кн. 6, 1883; кн. 1, 1884.
Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ в сельском и лесном отношениях. «Кавказское сельское хозяйство», № 48. Тифлис, 1894.
Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего). ЗКОРГО, кн. XXV. Тифлис, 1906.
(Хатисов И. С. и Ротиньянц А. Д.). Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря, между реками Туапсе и Бзыбь. ЗКОСХ, № № 5 и 6, 1867.

Хачапуридзе Г. В. Гурийское восстание в 1841 году. Заккнига, 1931.
Хачапуридзе Г. В. Крестьянское движение в Грузии в XIX столетии. Ф. Е. Махарадзе и Г. В. Хачапуридзе. «Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии» (сб.). Журн.-газ. объединение, Москва, 1932.
Хачапуридзе Г. В. Об историческом значении присоединения Грузии к России. «Вопросы истории», 1954, № 5.
(Цагарели А. А.). Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии, т. I, под ред. А. А. Цагарели. Спб, 1891.
Чанцев И. Очерки Абхазии в культурном и историческом отношениях. «Кавказ», 1874, № 125.
Чеишвили Н. Материалы из истории экономического положения Западной Грузии (Мегрелии) в 50–60-х годах XIX столетия. «Труды Батумского Государственного педагогического института им. Руставели», III. Батуми, 1954.
Чеишвили Н. И. Из истории Грузии XIX столетия. Мегрельское мтаварство в 1853–1867 гг. Автореферат докторской диссертации. Изд. АН Грузинской ССР, Тифлис, 1956.
(Челеби Евлия). Путешествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря. ЗООИД, т. 9, 1875.
Чернявский В. Записка о положении пчеловодства в Абхазии. «Труды Вольного экономического общества», т. II, в. III. Спб, 1878.
Чернявский В. Краткий очерк Абхазии. ИРГО, т. XIII.
Чернышев К. Еще об Абхазии (Отрывок из письма к А. П. Берже). «Кавказ», 1854, №№ 81–83.
Читая Г. С. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий. «Сообщения АН Грузинской ССР», т. II, №№3–4. Тбилиси, 1941.
Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957.
Чхетия Ш. Буржуазные реформы в Грузии. Документы по истории Грузии (1862–1917), т. 1, ч. 1. Тбилиси, 1954.
Шавров Н. А. Проект гавани в Сухуме и несколько мыслей о необходимости и возможности ее постройки. «Морской сборник», т. VIII, № 4, апрель, 1862.
(Шадури В.). Русские писатели о Грузии, составил Вано Шадури. Тбилиси, 1951.
Шамрай В. С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений на Черноморской кордонной и береговой линии с закубанскими горскими народами с 1792 по 1864 гг. «Кубанский сборник», т. VIII. Екатеринодар, 1902.
(Шарден Ж.). Путешествие Шардена по Закавказью в 1672 -1673 гг. Тифлис, 1904.
Шервашидзе Г. Так ли пишется история (Письмо в редакцию). «Закавказье», 1910. №126.
Шервашидзе Г. Открытое письмо агроному в Гудаутском участке г-ну Ефимову. «Сухумский вестник», 1917, № 67.
Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска, т. II. Екатеринодар, 1913.
(Эсадзе С. С.). Историческая записка об управлении Кавказом, составитель Семен Эсадзе, т. I. Тифлис, 1907.
Эсадзе Семен. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. «Кавказский календарь на 1913 год», Тифлис, 1912.
Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа. Тифлис, 1914.
Эшибая Фома. Местечко Очемчиры, селения Илори и Беслахубы. СМОЛА ПК. в. II, 1891.
Использованы также отдельные сведения из различных статей и сообщений, помещенных в газетах «Кавказ» и «Дроеба», в ЗООИД, «Кавказском календаре», «Кавказском сборнике», СМОМПК и т. д., ссылки на которые сделаны в научном аппарате работы.

На грузинском языке

Бердзенишвили Н., Дондуа В. и др. История Грузии, т. I. Тбилиси, 1958.
(Багратиони) Вахушти. Описание грузинского царства (География Грузии). Тбилиси, 1941.
(Багратиони) Вахушти. Жизнь Грузии. Тбилиси, 1913.
Гугушвили Паата. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX-XX веках, т. I. Тбилиси, 1949.
Гугушвили Паата. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX-XX веках, т. II. Тбилиси, 1956.
Гвиртишвили Давид. Из истории социальных отношений феодальной Грузии (грузинские князья [княжества?]). Госиздат, Тб., 1955.
Думбадзе М. Социально-экономическое развитие Гурийского княжества в первой трети XIXвека. «Материалы по истории Грузии и Кавказа. Ч. 30, Тбилиси, 1954.

Думбадзе Мамия. Западная Грузия в первой половине XIX в. Тбилиси, 1957.
Киквидзе Абель. История Грузии (XIX век). Тб. 1954.
(Месхи Серго). Записки Серго Месхи, т. I. С портретом автора и автографом. Издание И. Пирцхаладзе. Тб., 1903.
Ломтатидзе Кетеван. Тапантский диалект абхазского языка. Тб., 1944.
Ломтатидзе Кетеван. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. Тбилиси, 1954.
Сахокия Тедо. Путевые заметки. Госиздат, Тб., 1950.
Сихарулидзе Юрий. Крестьянское восстание в Гурии в 1841 г. Тб., 1956.
Шарвашидзе Георгий. Лирика. Эпос. Драма. Сухуми, 1946.
Чхетия Ш. К истории крестьянской реформы в Грузии. «Исторический вестник»,4, Тб., 1948.
Чхотуа Д. Обычаи [нравы] в Абхазии. «Дроеба», 4 августа 1872, № 30.
Церетели Георгий. Из Тбилиси. «Дроеба» 7(19) октября 1866, №32.
Джанашия С. Георгий Шарвашидзе. Очерки из культурной истории Абхазии и Мегрелии. «Материалы по истории Грузии и Кавказа». Ч. III. Тб., 1939.

На абхазском языке

(Бартоломей И.). Абхазский букварь. Составлен под руководством И. Бартоломея. Тифлис, 1865.
Бгажба Х.С. Из истории абхазской письменности. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР, XXVI. Сухуми, 1955.
(Гулиа Д., Бгажба Х.) Абхазская народная поэзия. Составители Д.И. Гулиа, Х.С, Бгажба. Сухум, 1941.
Гулиа Д. Сочинения, т. 1. Аҟәа, 1956.
Дудко А. Фома (Омар) Христофорович Эшба. Ж. «Алашара», №2, 1956.
Инал-ипа Ш. Некоторые вопросы абхазского фольклора и литературы, Сухум, 1955.
Инал-ипа Ш. Коротко об истории абхазской письменности. Ж. «Алашара», №3, 1955.
(Шакрыл К.С., Бгажба Х.С.). Абхазские сказки, т. I. Сухум, 1940.
Шакрыл К. С. Из истории абхазской письменности. «Труды Сухумского Госпединститута им. А. М. Горького», X-X1. Сухуми, 1958.
Дзидзария Георгий. Салуман Званба. Ж. «Алашара», № 5, 1955.

На иностранных языках

(Hell). Journal d'une residence en ircassie pendant les anuses 18&7, 1838 et 1859 par James Stanislas Bell armateur du Vixen...,t. 1. Paris,
(Dubois de Monpereux Frederic). Voyage autour du Caucase .. ,t I* Paris, 188».
Fa rniii C. Region Caucasicnne 1-re livraison Circassie et Ceorgie. „Univers pittoresque Europe*4, t. 40. Paris, 1842.
(Gamba). Voyage dans la Rnssie meridionale, et particulieremenfc dans les provinces situees au-del& du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824; par le chevalier Gamba..-,t. 1. Paris, 182(5.
Gamba. Atlas. Paris, 1826 (Приложение к т. II «Voyage...»).
Pallas P. S. Bemercungen auf oiner Reise in die stidlichen Statthalterschaften der Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, Bd. 1. Leipzig, 1799.
Rei n eggs Jacob. Allgemeine historisch-topographische Beschrei- bung. des Katikasus...,Il. Flildesheim und SPb, 1797.
Spenser E. Travels in Circassia, Krim, Tartary. London, 1840.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.
ВУА – Военно-ученый архив.
ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
ЗКОРГО – Записки Кавказского отделения Русского географического общества.
ЗКОСХ – Записки Кавказского общества сельского хозяйства.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.
ИРГО – Известия Русского географического общества.
КС – Кавказский сборник.
КСХ – Кавказское сельское хозяйство.
ЛфЦГВИА – Ленинградский филиал Центрального Государственного военно-исторического архива.
МИД – Министерство иностранных дел.
СМОМПК – Сборник материалов описания местностей и племен Кавказа.
ССК – Сборник сведений о Кавказе.
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах.
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.
ТКОСХ – Труды Кавказского общества сельского хозяйства.
ЦГАА – Центральный Государственный архив Абхазской АССР.
ЦГАМФ – Центральный Государственный архив военно-морского флота.
ЦГАДА – Центральный Государственный архив древних актов.
ЦГВИА – Центральный Государственный военно-исторический архив.
ЦГИА – Центральный Государственный исторический архив.
ЦГИАГ – Центральный Государственный исторический архив Грузинской ССР.
ЦГИАЛ – Центральный Государственный исторический архив Ленинграда.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Введение 9

Глава первая.
Территория и население абхазского княжества 23
1. Естественно-географические условия 23
2. Административное деление 25
3. Население 32

Глава вторая.
Общая характеристика народного хозяйстваАбхазии в первой половине XIX века 36
I. Сельское хозяйство **36**
1. Полеводство 36
2. Виноградарство и виноделие 47
3. Плодоводство 50
4. Животноводство 53
5. Пчеловодство 59
6. Охота и рыболовство 62
II. Домашняя промышленность и ремесло **68**
1. Обработка металла 70
2. Гончарное дело 75
3. Обработка камня 78
4. Обработка дерева 79
5. Ткачество 86
6. Обработка кожи 91

7. Шорный промысел *92*
8. Изготовление соли, мыла и пороха *93*
Глава третья.
Сдвиги в экономике абхазии в предреформенный период 96
1.Первые промышленные предприятия *96*
2. Дорожное строительство *109*
3. Город сухум *114*
4. Рост товарности сельского хозяйства *126*
5. Торговля *137*
Глава четвертая.
Классовая структура феодальной абхазии 164
I. Феодалы 164
1. Предварительные замечания *164*
2. Владетель *171*
3. Тавады (аҭауад) *181*
4. Аамста (аамсҭа) *187*
5. Экономическая сила феодальной аристократии *190*
6. Ашнакума (ашьнаӄәма) *205*
II. Крестьяне 209
1. Анхаю (анхаҩы) *211*
2. Ахоую (ахәҩы) *329*
3. Ахашвала (ахашәала) *354*
4. Амацуразку (амацуразку) *370*
5. Азаты *376*
6. К общей характеристике положения крестьянства *378*
Домашний быт 378
Асасство 392
Торговля невольниками (работорговля) 405
Глава пятая.
Упразднение владетельной власти и введение русского управления 416
Глава шестая.
Борьба трудящихся абхазии против феодального и колониального гнета 427
1. Выступления до 1866 года *427*
2. Восстание 1866 года *473*
Непосредственные причины восстания 473
Ход, характер и движущие силы восстания 495

Поражение восстания 527
Последствия восстания 545

Источники и литература 572

Архивные материалы 573

Опубликованные материалы и исследования 577

Принятые сокращения 594

Г. А. ДЗИДЗАРИЯ

ТРУДЫ

III том

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АБХАЗИИ В XIX ВЕКЕ

(ДО КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1870 г.)

ГЬ. А. ЗИЗАРИА

АУСУМҬАҚӘА

III атом

Редактор **Дбар А.Я.**
Корректор **Клычева Л.З.**
Компьютерный набор **Чамагуа Л.Р.**
Компьютерная верстка **Гунба Н.Г.**

Формат 60х90 $^{1}/_{16}$. Тираж 500. Физ. печ. л. 37,5.
Заказ №16.

Республика Абхазия. РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.

• 600 •